ОСНОВЫ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

ОСНОВЫ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1959

ОТ АВТОРОВ

Цель настоящей книги — изложить в общедоступной форме основы марксизма-ленинизма как единого и целостного учения. Изложение этого великого учения опирается на труды Маркса, Энгельса, Ленина, а также на решения и документы Коммунистической партии Советского Союза, обобщающие ее богатый опыт. При освещении многих вопросов учитывался также опыт братских коммунистических и рабочих партий.

Не ставя своей задачей создание академического труда, авторы больше всего уделяли внимание тем положениям марксизма-ленинизма, которые особенно актуальны в современных условиях. Это отразилось как на характере изложения материала, так и на структуре учебного пособия.

Первые два раздела знакомят читателя с основными положениями марксистско-ленинской философии — диалектического и исторического материализма. В третьем разделе дается сжатый очерк марксистско-ленинской политической экономии капитализма, особенно важной для понимания не только закономерностей развития этого строя, но и неизбежности освободительной борьбы трудящихся и социалистической революции. Четвертый раздел посвящен теории и тактике международного коммунистического движения, главным образом в условиях капитализма.

В отдельный — пятый — раздел книги выделено учение о строительстве социалистического и коммунистического общества. Это учение из научного предвидения будущего, каким оно было в дни жизни Маркса и Энгельса, стало в наше время основой практической деятельности для народов социалистических стран. Поэтому в книге уделено большое место проблемам строительства нового общества, в особенности тому вкладу, который внес в их разработку В. И. Ленин, а также

освещению практического опыта, накопленного в Советском Союзе и других социалистических странах.

Книга написана группой научных и партийных работников и публицистов. Основная работа проделана коллективом авторов в составе: О. В. Куусинен (руководитель), Ю. А. Арбатов, А. С. Беляков, С. Л. Выгодский, А. А. Макаровский, А. Г. Милейковский, Е. П. Ситковский, Л. М. Шейдин.

Над отдельными главами работали также К. Н. Брутенц, Ф. М. Бурлацкий, Н. И. Иванов, И. С. Кон, Б. М. Лейбзон, Н. В. Матковский, Ю. К. Мельвиль, Д. Е. Мельников, Л. А. Мендельсон, Ц. А. Степанян, С. Г. Струмилин. Кроме того, при разработке некоторых вопросов были использованы материалы, представленные В. Ф. Асмусом, А. Н. Кузнецовым, Б. П. Кузнецовым, Ю. Н. Семеновым, И. С. Смирновым, П. С. Черемных.

При подготовке текста учебного пособия ценную помощь оказали своими замечаниями и советами: по философским вопросам — член-корреспондент АН СССР А. Д. Александров, член-корреспондент АН СССР Б. М. Вул, профессор Г. М. Гак, профессор Г. Е. Глезерман, член-корреспондент АН СССР Ф. В. Константинов, член-корреспондент АН СССР Х. С. Коштоянц, профессор М. М. Розенталь, член-корреспондент АН СССР П. Н. Федосеев; по вопросам развития науки — академик А. Н. Несмеянов; по вопросам экономики — член-корреспондент АН СССР А. А. Арзуманян, академик Е. С. Варга, профессор Л. М. Гатовский, член-корреспондент АН СССР Л. А. Леонтьев; по главе 25 — член-корреспондент АН СССР Ю. П. Францев. Весьма полезные замечания были также получены от ряда ответственных партийных и советских работников.

Авторы полностью отдают себе отчет в сложности задачи научно-компетентного и в то же время общедоступного изложения марксистско-ленинского учения, которое непрерывно развивается и обогащается в связи с изменением исторических условий. Вполне естественно, что предпринятый впервые за многие годы опыт изложения в едином труде всей совокупности основных положений марксизма-ленинизма не может быть свободен от недостатков и недочетов. Поэтому все способствующие улучшению книги критические замечания и советы читателей будут с признательностью учтены при работе над вторым изданием.

ВВОДНОЕ СЛОВО

О МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

ЛЕНИН

Усвоение основ марксизма-ленинизма требует серьезного и вдумчивого изучения, значит, требует и труда, и времени. Что дает человеку это ученье?

Вкратце можно ответить так: успешное изучение основ марксизма-ленинизма приводит к формированию цельного мировоззрения — самого передового мировоззрения современности. Это мировоззрение соединяет в единую стройную систему взглядов важнейшие части великого учения Маркса — Ленина. В данной книге это учение излагается в такой последовательности:

марксистско-ленинская философия, включая и материалистическое понимание истории;

экономическое учение марксизма-ленинизма;

теория и тактика международного коммунистического движения, включая марксистско-ленинскую оценку важнейших массовых течений современного демократического движения;

учение о социализме и коммунизме.

Понятно, что в рамках одной книги невозможно изложить все богатство марксистско-ленинского мировоззрения. В данной книге освещаются лишь *основы* марксизма-ленинизма.

Мировоззрения бывают различные: и прогрессивные, и реакционные. Среди реакционных имеются такие мировоззрения, которые построены на основе старинных верований и внушают религиозно настроенному человеку необходимость оставаться в слепой зависимости от вымышленного сверхъестественного существа и его земных наместников и помазанников.

Есть и такие мировоззрения, сторонники которых, не говоря прямо о божестве и даже клянясь в верности науке, с помощью изощренных, но фальшивых доводов стремятся разрушить убеждение современного человека в реальном существовании материального мира.

Именно так поступают представители наиболее модных течений современного идеализма. Многие из них сами не верят в существование сверхъестественных сил, но, находясь под влиянием традиционных условностей и предрассудков буржуазного общества, не хотят закрывать все двери для веры в сверхъестественные силы. Поэтому под видом выводов из новейших данных науки они сеют сомнение в материальности природы. Теологи и церковники в свою очередь аплодируют им, рассчитывая, что человек, который поверит в нематериальность природы, может поверить во что угодно.

Значит, не все есть наука, что подражает науке,— не все то золото, что блестит. Как раз в наше время многие разновидности философского идеализма охотно щеголяют в павлиньих перьях точных наук, пытаясь прикрыть ими антинаучное существо своего учения. На самом деле они *боятся* важнейших фактов науки, замалчивают или искажают их.

Марксизм-ленинизм имеет высокие достоинства, отличающие его от всех других мировоззренческих систем.

Он не признает существования никаких сверхъестественных сил и создателей. Он твердо стоит на почве реальной действительности, на почве земного мира. Марксизм-ленинизм окончательно освобождает человечество от суеверий и вековой духовной кабалы. Он призывает человека к самостоятельному, свободному и последовательному мышлению.

Марксизм-ленинизм берет мир таким, каков он есть, не примышляя к нему ни ада, ни рая. Он исходит из того, что вся природа, включая и человека, состоит из материи с ее различными свойствами.

Природа, так же как и все ее отдельные явления, находится в постоянном развитии. Законы этого развития не установлены богом и не зависят от воли людей, они присущи самой природе и вполне познаваемы. В мире нет принципиально непознаваемых вещей, есть только вещи, еще не познанные, которые будут познаны с помощью науки и практики.

Марксистско-ленинское мировоззрение вырастает из науки и *доверяет* ей, поскольку она не отрывается от реальной действительности и практики. По мере развития науки оно и само развивается и обогащается.

Марксизм-ленинизм учит, что на основе объективных законов, независимых от воли людей, совершается не только развитие природы, но и *развитие человеческого общества.*

Раскрыв основные закономерности развития общества, марксизм поднял учение об истории человечества на высоту подлинной науки, способной объяснить как характер любого общественного строя, так и развитие общества от одного общественного строя к другому.

Это было величайшей победой научного мышления.

Буржуазные представители общественных наук (социологии, политической экономии, историографии) не смогли опровергнуть материалистического понимаиия истории, не смогли они и противопоставить ему другой теории, которая нашла бы признание по крайней мере большинства буржуазных ученых. Но, несмотря на это, многие буржуазные ученые с отчаянным упрямством открещиваются от исторического материализма. Почему? Да потому, что это учение опрокидывает веру в «вечность» капиталистического строя. Ведь если признать закономерным переход общества от одного строя к другому, то нельзя отрицать, что и капиталистический строй обречен уступить место другому, более прогрессивному общественному строю. Признать же это трудно и горько не только самим капиталистам, но и тем ученым, которые находятся в материальной или духовной зависимости от них.

Ведь никогда в истории классовых обществ ни один господствующий класс не верил в обреченность своего строя на гибель и исчезновение. Рабовладельцы верили в вечность рабовладельческого строя, считая его божественным установлением. Сменившие рабовладельцев феодалы также считали свой — феодальный — строй навсегда установленным божьей волей. Но им пришлось уступить место буржуазии. Теперь пришел ее черед тешить себя иллюзиями о «вечности» и «незыблемости» своего — капиталистического — строя. И многие весьма начитанные социологи и историки, не желающие порвать с капитализмом, стараются любым способом поколебать факты, говорящие о том, что общественные системы

развиваются и меняются по присущим им законам, не зависящим от воли господствующих классов и их идеологов.

Значит, буржуазные идеологи воюют против марксистского понимания истории не потому, что оно неправильно, а именно потому, что оно верно.

Подлинная наука, изучив закономерности действия и развития сил природы или общества, всегда предвидит новое. Марксистская наука о законах общественного развития позволяет не только ориентироваться в сложной обстановке общественных противоречий, но и предвидеть, как будут развиваться события, предвидеть направление исторического прогресса и предстоящие этапы общественного развития.

Таким образом, марксизм-ленинизм дает нам в руки инструмент, с помощью которого можно заглядывать в будущее и видеть контуры предстоящих поворотов истории. Это своего рода «телескоп времени», который открыл величественные перспективы будущего человечества, освобожденного от ига капитала, от последнего эксплуататорского строя. Но когда передовая наука пригласила буржуазных ученых (уверяющих, что «ничего нельзя предвидеть») посмотреть в марксистский «телескоп времени», они закрыли глаза: им страшно смотреть в будущее...

Марксисты никогда не боятся смотреть вперед. Представляя класс, которому принадлежит будущее, они не заинтересованы в пустых иллюзиях, разлетающихся в прах при столкновении с фактами, с наукой.

Русские марксисты, возглавляемые Лениным, предвидели социалистическую революцию в России как исторически назревшую задачу, призывали рабочий класс страны на решительную борьбу, организовали штурм крепостей эксплуататорского строя и добились полной победы.

Марксисты-ленинцы Советского Союза предвидели возможность построения социализма в своей огромной стране, призвали трудящихся к великому подвигу и довели дело до победы социализма.

Марксисты-ленинцы Советского Союза и других стран предвидели вероятность развязывания второй мировой войны фашистской Германией, предупреждали об этом народы всех стран и предсказали поражение Германии. В ходе второй мировой войны силы германского агрессора и его союзников

были разгромлены главным образом героическими усилиями советского народа и его славной армии.

Марксисты-ленинцы стран народной демократии предвидели возможность и историческую необходимость свержения в своих странах господства капитала, установления власти трудового народа во главе с рабочим классом и осуществления необходимых социалистических преобразований. Они учли эти назревшие потребности общественного развития и повели свои народы по пути строительства социализма, в чем и добились уже значительных успехов.

Марксисты-ленинцы Китая предвидели исторически назревшую возможность и необходимость освобождения великого китайского народа из-под власти иностранных колонизаторов и их китайских сообщников и установления в Китае подлинного народовластия. Под руководством рабочего класса и Коммунистической партии народный Китай поднялся во весь свой гигантский рост, нанес поражение своим внешним и внутренним врагам и справился с трудными задачами буржуазно-демократической революции. С величайшей энергией народный Китай приступил к выполнению смело поставленных задач социалистического строительства. Поразительно быстрыми темпами преобразуется старый Китай.

Таким образом, важнейшие вехи истории первой половины нашего века неопровержимо свидетельствуют о том, что коммунисты, вооруженные марксистской теорией, в общем правильно ставили исторические прогнозы. Истинность марксистско-ленинского понимания истории вполне проверена на практике.

Марксистско-ленинская теория не догма, а *руководство к действию.* Надо только научиться правильно применять ее.

Она озаряет путь вперед. Без нее, без марксистско-ленинской теории, даже прогрессивные люди вынуждены брести ощупью, без настоящего, глубокого понимания того, что происходит вокруг них.

Марксистско-ленинская теория дает научную основу для революционной *политики.* Кто в политике исходит из субъективных желаний, тот либо остается в положении пустого мечтателя, либо рискует быть выброшенным на задворки истории, ибо история не идет по желаниям людей, если эти

желания не идут по пути законов истории. Поэтому Ленин подчеркивал необходимость с полной научной трезвостью производить анализ объективного положения вещей и объективного хода эволюции, с тем чтобы на основе такого анализа определить политическую линию партии и затем проводить эту линию со всей революционной решительностью. А Маркс говорил:

«Надо брать вещи, каковы они есть, т. е. отстаивать дело революции в такой форме, которая соответствует изменившимся обстоятельствам» [1].

Марксистская теория, выросшая из революционного опыта и революционной мысли всех стран, соответствует исторической миссии рабочего класса, призванного выступать в роли передового отряда и руководителя великого освободительного движения всех угнетенных и эксплуатируемых. Мировоззрение марксизма нашло в пролетариате свое материальное оружие, как и пролетариат нашел в мировоззрении марксизма свое духовное оружие.

Поэтому марксизм-ленинизм представляет собой ценнейший источник жизненной силы для всех трудящихся, для каждого прогрессивного человека, кто хочет научиться правильно понимать окружающий мир, жить не по воле случая, а сознательно вносить свой вклад в те события, которые развертываются в мире. А таких людей уже миллионы, и их становится все больше и больше. В движение приходят все более широкие массы простых людей, которые не хотят жить напрасно, а стремятся стать сознательными и активными участниками исторического прогресса. Для таких людей марксизм-ленинизм является неоценимой помощью. Особенно это относится к молодежи, которой марксистско-ленинское мировоззрение сильно сокращает путь к политической зрелости, даваемой жизненным опытом, помогает направить свою кипучую энергию по верному пути — на благо человечества.

Марксистско-ленинское мировоззрение может служить верным ориентиром и *в научном творчестве,* причем не только в области общественных, но и в области естественных наук. Разве в творческих изысканиях естествоиспытателей не помогает правильный взгляд на мир, понимание его общих закономерностей, взаимосвязей и процессов? Такой взгляд, такое понимание дает марксистско-ленинская теория.

Не случайно теперь многие выдающиеся ученые в результате опыта, накопленного в ходе научной работы, либо полностью переходят на позиции марксизма, либо молчаливо воспринимают те или иные элементы марксистской теории с тем, чтобы глубже проникать в тайны природы и лучше служить интересам человечества.

Далее. Усвоение марксистско-ленинского мировоззрения раскрывает чудесные перспективы перед деятелями *искусства и литературы.* Оно направляет их творчество на глубоко идейное и богатое отображение действительности в художественных образах. Без благодатного воздействия ясного прогрессивного миросозерцания творчество современного писателя и художника в лучшем случае страдает малокровием. В наше время наиболее полную ясность мировоззрения дает художнику марксизм-ленинизм.

В то время как в буржуазной литературе все больше распространяется настроение безнадежности, беспросветный пессимизм, творчество прогрессивных писателей и поэтов пронизано животворным оптимизмом. Это творчество верит в будущее, любит будущее и зовет к счастливому будущему.

В то время как в буржуазной идеологии Запада обнажается отчаянный кризис веры в человека, веры в судьбу цивилизации, марксистско-ленинское мировоззрение пробуждает в людях стремление к благородной борьбе за высокие социальные идеалы.

Каждый, кто основательно усвоит это мировоззрение, приобретет глубокое убеждение не только в правоте рабочего дела, но и в исторической необходимости грядущей победы социализма во всем мире. Вооружившись мировоззрением марксизма-ленинизма, человек — даже слабый — станет сильным, политически стойким, принципиальным. Он приобретет такую непоколебимую идейную убежденность, которая придаст ему силы выдержать любые испытания.

Миллионы людей на земном шаре уже черпали из обильного родника марксизма-ленинизма великие идеалы своего движения и неиссякаемую энергию, необходимую для претворения этих идеалов в жизнь.

Жить без прогрессивного мировоззрения — разве это достойно современного развитого человека? Еще хуже

кормиться недоброкачественными суррогатами мировоззрения, годными лишь для нищих духом.

В тысячу раз лучше потрудиться как следует над усвоением основ марксистско-ленинского мировоззрения, чтобы приобрести духовное богатство и добиться превосходства в борьбе против черных сил империалистических врагов человечества.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

ГЛАВА I

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Незыблемой основой всего здания марксизма-ленинизма является его философское учение — диалектический и исторический материализм. Это философское учение берет мир таким, каким он существует в действительности, рассматривает мир в соответствии с данными передовой науки и общественной практики. Марксистский философский материализм — закономерный результат многовекового развития научного познания.

1. Развитие передовой материалистической науки в борьбе против реакции и невежества

История науки представляет собой арену непрерывной борьбы передовых ученых и философов против невежества и суеверия, против политической и идейной реакции. В классовом эксплуататорском обществе всегда были и сейчас есть силы, которым невыгодно распространение передовых научных взглядов. Эти силы — реакционные общественные классы. Представители реакции либо прямо выступали против науки и преследовали прогрессивных ученых и философов, не останавливаясь перед кострами и тюрьмами, либо старались так извратить научные открытия, чтобы удалить их прогрессивное материалистическое содержание.

В древней Греции произведения выдающегося материалиста Демокрита, основателя учения об атомистическом строении материи, отрицавшего вмешательство богов в жизнь природы и в человеческие дела, уничтожались реакционерами-аристократами. Философ-материалист Анаксагор был изгнан из Афин по обвинению в безбожии.

Последователь Демокрита древнегреческий философ-материалист Эпикур, которого в древности прославляли как героя, освободившего людей от страха перед богами и восславившего науку, в течение двух тысячелетий предавался анафеме

«отцами» церкви, лживо изображался ими как сеятель разврата, враг нравственности.

В 391 г. н. э. христианские монахи сожгли знаменитую библиотеку в Александрии, в которой хранилось около 700 тыс. произведений писателей и ученых древности. Римский папа Григорий I (590—604), ярый враг светского образования и науки, уничтожил большое количество ценных произведений античных авторов; в первую очередь уничтожались произведения философов-материалистов.

Инквизиция, созданная папой для борьбы против всех противников католической церкви, обрушилась со свирепыми преследованиями на передовых мыслителей. В 1600 г. инквизиция сожгла на костре Джордано Бруно — выдающегося философа и ученого, защищавшего учение Коперника. В 1619 г. в городе Тулузе, во Франции, по решению инквизиторов палачи вырвали язык у передового мыслителя Лючилио Ванини, а затем сожгли его на костре. Великого итальянского ученого Галилея, который отстаивал учение Коперника, инквизиция угрозами и насилием понуждала отречься от своих взглядов. Знаменитый французский философ-просветитель 18 века Вольтер был заключен в тюрьму Бастилию. Заточению подвергался и его современник — философ-материалист Дидро.

Ошибочно было бы думать, что борьба реакции против науки велась только в древности и в средневековье. Она не прекратилась и в эпоху капитализма. Класс капиталистов заинтересован в развитии естественных наук — физики, химии, математики и др.,— поскольку с ними непосредственно связаны успехи техники. Однако он вовсе не заинтересован в распространении материалистической философии, научного мировоззрения, позволяющего людям правильно осмыслить окружающий их мир, знать, как к нему относиться и как в нем действовать. Поэтому идеологи буржуазии прилагают все усилия к тому, чтобы не допустить материалистических и атеистических выводов из научных открытий, усматривая в этих выводах опасность для своего господства.

Особенно ненавистны реакционной буржуазии учение марксизма-ленинизма и его философия — диалектический и исторический материализм. Сонмы буржуазных профессоров специально занимаются «опровержением» марксизма.

Современная реакционная буржуазия не сжигает передовых ученых и философов на кострах, а применяет другие средства воздействия: удаление из университетов и научных институтов, фактическое лишение возможности печататься, морально-политическую дискредитацию и т. п. В последние годы все эти средства борьбы против «опасных мыслей» широко применяются в США и в ряде других стран. Этими мерами и пропагандой своей реакционной идеологии господ-

ствующий класс оказывает давление на сознание людей, внушает им выгодные для него идеи, противодействует распространению передовых материалистических взглядов.

Но, как ни тернист путь науки и материалистической философии, как ни велики жертвы, приносимые ими в эксплуататорском обществе, они в конечном счете преодолевают все препятствия и упорно движутся вперед.

Сила передовой материалистической науки и философии в том, что они дают людям знание законов природы и общества, учат пользоваться этими знаниями в интересах человечества, вырывают людей из мрака невежества и поднимают к свету истинного знания.

2. Материализм и идеализм

Философия рассматривает наиболее общие вопросы мировоззрения.

Материалистическая философия исходит из признания того факта, что существует природа: звезды, Солнце, Земля с ее горами и равнинами, морями и лесами, животными, людьми, одаренными сознанием, способностью мышления. Никаких сверхъестественных, сверхприродных явлений или сил нет и быть не может. В многообразии природы человек есть лишь ее частица, а сознание является свойством, или способностью, человека. Природа существует объективно, т. е. вне сознания человека и независимо от него.

Но есть философы, которые отрицают не зависящее от сознания существование природы. Они утверждают, что первично существует лишь сознание, мышление, дух или идея, а весь физический мир является производным и зависимым от духовного начала.

Вопрос об отношении человеческого сознания к материальному бытию — это основной вопрос всякой философии, в том числе и новейшей. Что первоначально — природа или мышление? Философы разделяются на два больших лагеря соответственно тому, как они отвечают на этот вопрос.

Те, кто первичным считает материальное начало — природу, а мышление, дух рассматривает как свойство материи, принадлежат к лагерю *материализма.* Те же, кто утверждает, что мышление, дух или идея существовали раньше природы, что природа так или иначе создается духовным началом, зависит от него, составляют лагерь *идеализма.* Ничего другого не заключают в себе выражения «идеализм» и «материализм» в их философском смысле.

Между сторонниками материалистического и идеалистического взглядов на мир с давних пор ведется острая, незатухающая борьба. Вся история философии представляет собой

картину борьбы двух лагерей, двух партий в философии: материализма и идеализма.

Стихийный материализм

Люди в своей практической деятельности не сомневаются в том, что окружающие их предметы и явления природы существуют независимо от них, от их сознания. Это значит, что они стихийно стоят на позициях материализма.

Стихийный материализм «всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов,— писал Ленин,— состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего *Я* и от человека вообще»[1].

Нельзя жить одними идеями, понятиями, питаться своими собственными ощущениями, продуктами своего воображения. На практике это хорошо знают все люди, в том числе и те философы, которые сочиняют идеалистические учения, выводящие существование материальных вещей из ощущений, понятий, идей. Не раз им приходилось признавать, что живут они вопреки своей философии и что если бы на самом деле в мире не существовало материальных вещей, то люди умерли бы с голоду.

Точка зрения стихийного, неосознанного материализма свойственна подавляющему большинству ученых-естествоиспытателей. Они обычно не вникают в философские вопросы, но стихийно следуют логике того естественнонаучного материала, с которым имеют дело. Природа, которую они исследуют, на каждом шагу раскрывает перед ними материальность изучаемых явлений. Исследует ли естествоиспытатель небесные тела или молекулы и атомы, явления электричества и магнетизма или мир растений и животных, он всегда имеет дело с объективными процессами, с материальными телами и их свойствами, с законами природы, существующими независимо от сознания человека.

В условиях буржуазного общества только наиболее смелые и последовательные ученые открыто объявляют себя сторонниками философского материализма. Большинство же находится под таким сильным давлением официальной буржуазной идеологии, учения церкви и идеалистической философии, всей обстановки буржуазного общества, что не решается открыто стать на позиции материализма, колеблется и зачастую выступает с идеалистическими заявлениями и оговорками. Однако в своих естественнонаучных работах эти ученые в силу самого характера предмета исследования развивают в основном материалистические взгляды.

Так, например, английский естествоиспытатель второй половины 19 века Томас Гексли не признавал себя материалистом. Но в исследованиях по зоологии, сравнительной анатомии, антропологии и эволюционной теории он защищал

материалистические взгляды и говорил, что философский идеализм не ведет ни к чему, кроме путаницы и темноты. Энгельс называл естествоиспытателей такого типа «стыдливыми материалистами», а Ленин говорил, что антиматериалистические отговорки Гексли были лишь фиговым листком, прикрывавшим его стихийный естественнонаучный материализм.

Современные естествоиспытатели, пытаясь философски осмыслить свои научные открытия, нередко делают идеалистические выводы. Однако, пока они остаются на почве естествознания, пока они практически действуют в своих лабораториях, на заводах, на опытных полях, пока они занимаются не философскими размышлениями, а имеют дело с изучаемыми ими предметами природы,— они поступают как стихийные материалисты.

Один из величайших физиков нашего времени, Альберт Эйнштейн в некоторых своих философских рассуждениях находился под влиянием идеалистической философии, но в области науки стал автором материалистической по своему истинному содержанию теории относительности.

Другой знаменитый физик, Макс Планк, основатель современной квантовой физики, также не называл себя материалистом. Однако в своих работах по физике и в своих философских выступлениях он отстаивал идеи «здорового миросозерцания», признающего не зависящее от сознания человека существование природы. Макс Планк боролся против философского идеализма и фактически был материалистом.

Однако влияние идеализма нередко отрицательно сказывается на трактовке учеными самого естественнонаучного материала. Это говорит о том, что стихийный материализм — недостаточная защита от идеализма. Только сознательное принятие философии диалектического материализма надежно предохраняет ученых от идеалистических ошибок.

Материализм — передовая философия

Отличие философского материализма от стихийного, наивного материализма состоит в том, что философский материализм *научно* обосновывает, разрабатывает и последовательно проводит материалистические положения, исходя из данных передовой науки и общественной практики.

Материалистическая философия — это надежное оружие, защищающее человека от пагубного влияния духовной реакции. Она служит ему руководством в жизни, указывая правильный путь разрешения волнующих его вопросов мировоззрения.

В течение тысячелетий церковь внушала человеку презрение к земной жизни и страх перед богом. Она учила людей, и прежде всего угнетенные массы человечества, что их удел —

лишь трудиться да молиться, что счастье недостижимо в этой «юдоли плача» и может быть достигнуто лишь в «будущей жизни» послушанием и смирением. Церковь грозила карой божьей и адскими муками тем, кто осмелится восстать против господства эксплуататоров, якобы установленного богом.

Великая историческая заслуга материалистической философии состоит в том, что она помогает человеку освободиться от суеверий. Она еще в древности выступала против страха смерти, страха перед богами и другими сверхъестественными силами.

Не надеяться на загробную жизнь, а ценить земную жизнь и стремиться к ее улучшению — вот чему учит людей материалистическая философия. Материализм впервые высоко поднял достоинство и разум человека, он провозгласил, что человек — это не червь, ползающий во прахе, а высшее создание природы, которое способно стать господином и повелителем ее сил. Материализм проникнут величайшей верой в силу знания, в разум человека, в его способность раскрыть тайны окружающего нас мира, в способность человека создать разумный и справедливый общественный строй.

Проповедники идеализма часто клевещут на материализм, изображая его как «мрачное, тяжелое, похожее на кошмар мировоззрение» (У. Джемс). В действительности как раз идеалистическая философия, особенно современная, окрашена в мрачные тона. Не материализм, а идеализм отрицает познавательную способность разума и проповедует неверие в науку; не материализм, а идеализм воспевает культ смерти; не материализм, а идеализм был и остается идейной почвой для самых отвратительных порождений антигуманизма: расистских теорий и фашистского мракобесия.

Философский идеализм не хочет признать истинности окружающего нас материального мира, бежит от него, объявляет его неистинным и рисует вместо него вымышленный, нематериальный мир.

Материализм, напротив, дает подлинную картину мира, без всяких посторонних прибавлений в виде духов, бога, творящего мир, и т. п. Материалисты не ожидают помощи сверхъестественных сил, они верят в человека, в его способность преобразовать мир своею собственной рукой и сделать его достойным себя.

Материализм по глубочайшей своей сущности — оптимистическое, жизнеутверждающее, светлое мировоззрение, ему чужды пессимизм, «мировая скорбь». Поэтому материализм, как правило,— мировоззрение передовых общественных групп и классов. Его сторонники — это люди, которые без страха смотрят вперед, не терзаются сомнениями в правоте своего дела.

Проповедники идеализма испокон веков клеветали и клевещут на материализм, утверждая, что моральные ценности и возвышенные идеалы якобы чужды материалистам, что они присущи якобы только сторонникам философского идеализма. На самом деле диалектический и исторический материализм Маркса и Энгельса не только не отрицает, но, напротив, высоко ценит передовые идеи, нравственные принципы и возвышенные идеалы. Он считает, что успешная борьба за прогресс, за передовой общественный строй невозможна без великих идей, вдохновляющих людей на борьбу, на творчество и дерзание.

Борьба рабочего класса, борьба коммунистов является убедительным опровержением глупой выдумки идеалистов насчет равнодушия материалистов к идеалам. Эта борьба ведется за самый высокий и благородный идеал, который знало человечество,— за коммунизм, поэтому она рождает бесчисленное множество отважных борцов, глубоко преданных возвышенному коммунистическому идеалу.

Диалектический и исторический материализм — высшая ступень в развитии философской мысли

Современный материализм — это *диалектический и исторический материализм,* созданный Марксом и Энгельсом. Он возник не на пустом месте. Философия Маркса и Энгельса была итогом долгого развития философской мысли.

Материализм возник около двух с половиной тысяч лет назад в Китае, Индии, Греции. Материалистическая философская мысль в этих странах была тесно связана с повседневным опытом людей, с начатками знаний о природе. Но, ввиду того что в то время наука еще только зарождалась, представления древних философов-материалистов о мире, хотя и содержали немало гениальных догадок, были лишены прочного естественнонаучного основания и оставались еще очень наивными.

Гораздо более зрелым был материализм, сложившийся в 17—18 веках. Успехи естествознания и техники толкали вперед философскую мысль. В то же время материалистическая философия способствовала изучению природы. Так, например, учение английского материалиста начала 17 века Ф. Бэкона об опытном происхождении знания и его мысль о том, что знание — сила, явились мощным стимулом развития наук о природе.

В 17—18 веках наибольшего совершенства достигли математика и механика земных и небесных тел. Это наложило печать на философские обобщения материалистов того времени, в том числе на их понимание материи и движения. Огромную роль в развитии новой формы материализма сыграли физика французского философа Р. Декарта, который был материалистом в учении о природе, механистическое

учение о человеке английского материалиста Т. Гоббса (17 век) и особенно механика английского ученого Ньютона. Философы-материалисты рассматривали все явления природы и общественной жизни с точки зрения механики и надеялись объяснить их с помощью ее законов. Поэтому их материализм получил название *механического* материализма. В 18 веке Д. Толанд и Д. Пристли представляли его в Англии; Ж. Ламетри, П. Гольбах, К. Гельвеций, Д. Дидро — во Франции.

Тесная связь материализма 17—18 веков с науками о природе была его положительной стороной. Вместе с тем он имел и недостатки. Энгельс указывает на три главные ограниченности этого материализма.

Первая — это *механицизм.* Механика, служившая для философов-материалистов того времени образцом науки, ограничивала их кругозор. Они пытались сводить все процессы и виды движения к механическому движению. Они не поняли особенностей органической природы и своеобразных черт и законов общественной жизни.

Второй ограниченностью этих материалистов была неспособность понять и объяснить развитие природы, даже когда они замечали факты развития. Материалисты 17—18 веков рассматривали природу в целом как неизменную, вечно совершающую один и тот же круговорот. Такой взгляд на природу называется *метафизическим.* Следовательно, механический материализм был метафизическим.

Наконец, материалисты этого периода, как и вообще все материалисты *до* Маркса, не умели распространить материализм на понимание общественной жизни. Они не видели материальной основы общественной жизни и учили, что переход общества от менее совершенных к более совершенным формам вызывается прогрессом в знаниях, изменением взглядов и идей, господствующих в обществе. Но такое объяснение является идеалистическим.

Кроме того, домарксовские материалисты не понимали значения практически-критической, революционной деятельности классов, масс в изменении действительности, в изменении общественной жизни. Они проповедовали необходимость замены феодальных порядков буржуазными и в то же время отвергали борьбу масс за новый строй, боялись ее. В этом проявилась их буржуазная классовая ограниченность.

Шаг вперед в развитии материалистической философии сделали немецкий философ первой половины 19 века Л. Фейербах и особенно русские революционные демократы: А. Герцен, В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов. Фейербах в известной степени преодолел механистическую ограниченность материалистов 18 века, но разделял другие их недостатки. К тому же его философия была оторвана от

общественно-политической практики. Большим достижением русских материалистов было то, что они стремились сочетать материалистическое понимание природы с диалектикой.

Кроме того, будучи идеологами русского революционного крестьянства, они видели в философии учение не только о том, что́ существует, но и о том, как это существующее может быть преобразовано, переделано на благо народу.

Новой, высшей ступенью в развитии материализма явился диалектический и исторический материализм, созданный Марксом и Энгельсом — великими учителями и вождями самого передового и революционного класса современного общества — пролетариата. Они совершили подлинный революционный переворот в философии.

Стоя на вершине общественных и естественнонаучных знаний своей эпохи, усвоив и творчески переработав все то ценное, что было достигнуто предшествующим развитием философской мысли, Маркс и Энгельс создали новую форму материализма, свободную от недостатков прежней материалистической философии,— *диалектический и исторический материализм.*

В марксистском философском учении материализм выступил в органическом единстве с диалектикой. Он опирался при этом на более высокий уровень науки, на новые открытия естествознания, среди которых особое значение имели закон сохранения и превращения энергии, открытие клетки, теория происхождения видов Ч. Дарвина. Успехи естествознания дали строго научное обоснование идеи развития и идеи единства и всеобщей взаимосвязи явлений природы.

На место одностороннего механистического воззрения на природу и человека Маркс и Энгельс поставили учение о развитии, охватывающее все области реальности и в то же время учитывающее своеобразие каждой отдельной области: неорганической природы, органического мира, общественной жизни и сознания людей.

Маркс и Энгельс впервые распространили материализм на понимание общественной жизни и открыли материальные движущие силы и законы общественного развития, превратив тем самым историю общества в науку.

Наконец, основоположники марксизма превратили материалистическое философское учение из отвлеченной теории в действенное средство преобразования общества, в идеологическое оружие рабочего класса в его борьбе за социализм и коммунизм.

Философское учение, созданное Марксом и Энгельсом, получило широчайшее признание трудящихся всех стран мира. Это подлинная философия масс.

3. Что такое материя в философском смысле?

В марксистском философском материализме понятие «материя» употребляется в самом широком смысле — для обозначения всего, что существует объективно, т. е. независимо от сознания, и отражается в ощущениях человека. «Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении» *(Ленин)*.

Очень важно усвоить этот широкий смысл понятия материи.

Представители старого, домарксовского материализма в большинстве случаев под материей понимали мельчайшие частицы — атомы или корпускулы, составляющие тела. Так, согласно учению древнегреческих материалистов Демокрита и Эпикура, существуют только атомы и пустота, в которой находятся атомы; из их сочетаний образуются различные тела. Физика в дальнейшем подтвердила гениальную догадку материалистов древности об атомистическом строении вещества. Однако, понимая под материей лишь атомы, образующие вещество, они допускали упрощение, обедняли окружающий нас мир. Тем не менее подобный взгляд на материю держался в науке до конца 19 века.

Марксистский философский материализм под материей разумеет объективную реальность во всех ее многообразных проявлениях. Материя — это не только мельчайшие частицы, из которых построены все тела. Это бесконечное множество миров бесконечной вселенной, газовые и пылевые облака, находящиеся в космосе; это наша солнечная система с планетами и Солнцем, это Земля со всем, что на ней существует. Материей являются также излучения, физические поля, передающие действие от одних тел и частиц к другим, связывающие их: электромагнитные, ядерные поля. Все, что существует вне сознания и независимо от него, охватывается понятием материи.

Все науки, изучающие объективную действительность, изучают материю, ее различные свойства и состояния.

Физические науки изучают физическое состояние материи. Современная физика открыла, что атом — сложное образование, а вовсе не простая неделимая неизменная частица, как думали старые атомисты. Ученые установили, что атомы одних элементов могут превращаться в атомы других элементов в результате преобразований в ядрах атомов. Так, например, атомы урана в атомном реакторе превращаются в атомы плутония.

В начале 20 века были открыты новые физические явления (радиоактивность, рентгеновские лучи и др.), была доказана ошибочность представлений о неделимости атома, возникли новые теории строения вещества и в физике началась ломка старых классических понятий. Отсюда многие

философы-идеалисты и впавшие в идеалистическое заблуждение физики сделали вывод, что наука будто бы опровергла материалистический взгляд на природу. Они стали говорить, что «материя исчезла». Эти утверждения были глубоко ошибочны. Марксистский философский материализм никогда не связывал себя какими-либо односторонними взглядами на структуру вещества, никогда не сводил материю к тем или иным неизменным «кирпичикам мироздания»; он всегда разумел под материей одно: объективную реальность, существующую вне человеческого сознания и отображаемую им. Материализм противоположен идеализму своим решением вопроса об *источнике* познания, об отношении сознания к внешнему миру. Материализм утверждает, что мир существует объективно, а сознание есть отражение мира. Материя — философское понятие для обозначения объективного мира. Что касается *физического* строения мира и его физических свойств, то эти вопросы изучает физика. С развитием физической науки меняются взгляды на физическое строение материи, но, как бы они ни менялись, они не могут поколебать положение философского материализма, что мир существует объективно и что физика, как и многие другие науки, изучает этот объективный мир, мир материи. «Ибо *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью,* существовать вне нашего сознания» [2],— писал Ленин.

Такое понимание материи является единственно правильным. Оно обнимает все многообразие материального мира, не сводя его к какой-либо одной форме материи. Того, кто усвоит марксистское понятие материи, уже не собьют с толку уверения философских идеалистов, будто новые физические открытия доказали исчезновение материи.

Материя несотворима и неуничтожима. Она бесконечно изменяется, но ни одна ее частица не может превратиться в ничто ни в каких физических, химических или иных процессах.

Наука дала и дает множество подтверждений этому положению философского материализма. Приведем один пример. Современная физика установила, что при определенных обстоятельствах такие частицы вещества, как позитрон и электрон, исчезают, порождая кванты (порции) света — фотоны. Некоторые физики назвали это явление «аннигиляцией материи». Слово «аннигиляция» происходит от латинского слова «нигиль» и буквально означает полное уничтожение, превращение в ничто. Философы-идеалисты приводят указанное явление как новое «доказательство» исчезновения материи. В действительности никакого исчезновения материи здесь не происходит. Превращение позитрона и электрона в фотоны представляет собой переход материи из одного состояния в

другое — из вещества в свет. В природе происходит и обратный процесс — превращение фотонов в позитрон и электрон, т. е. переход света в вещество. Во всех этих превращениях действует закон сохранения массы и энергии.

Мир представляет собой картину яркого многообразия: неорганическая природа и органическая, физические явления и химические процессы, явления жизни в растительном и животном мире, общественная жизнь. Наука и материалистическая философия раскрывают в этом многообразии единство. Оно состоит в том, что все бесконечно разнообразные процессы и явления, происходящие в мире,— это разные состояния материи, разные ее свойства и проявления. «Действительное единство мира состоит в его материальности...» [3] — говорит Энгельс. Единство мира состоит и в том, что сознание принадлежит к тому же самому окружающему нас материальному миру, а не к какому-то иному, потустороннему миру, что оно есть особое свойство материи.

Убеждение в материальном единстве мира сложилось и окрепло в борьбе с учением церкви, которая раздваивает мир на земной и небесный, на здешний и потусторонний, в борьбе с дуализмом, разрывающим дух и тело, сознание и материю, с философским идеализмом, усматривающим единство мира в том, что весь мир — это продукт сознания, духа.

4. Всеобщие формы бытия материального мира

Вечное движение в природе

Природа и общество не знают абсолютной неподвижности, покоя, неизменности. Мир представляет собой картину вечного движения, изменения.

Движение, изменение, развитие есть вечное и неотъемлемое свойство материи. *«Движение есть форма бытия материи,*— говорит Энгельс.— Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения» [4]. Каждое материальное тело, каждая частица материального вещества — молекула, атом и его составные элементы — подвижны, изменчивы по своей внутренней природе.

Движение в философском смысле — это не только перемена предметом своего места в пространстве. Движение, понимаемое как форма существования материи, охватывает собою все происходящие во вселенной процессы и изменения. Среди этих изменений особо важную роль играют процессы, представляющие собой развитие материи, переход ее из одних состояний в другие, высшие, с новыми особенностями и свойствами.

В мире нет раз навсегда данных, застывших вещей, а есть изменяющиеся вещи, процессы. Это значит, что нигде нет

абсолютного покоя, который совершенно исключал бы движение. Существует только относительный покой. Какое-нибудь тело на Земле может находиться в состоянии покоя лишь относительно определенной точки земной поверхности. Но это же тело участвует в движении Земли и в движении всей солнечной системы. Кроме того, находятся в движении составляющие это тело молекулы и атомы, внутри этих тел происходят сложные процессы. Так что всякий покой относителен, только движение абсолютно, не знает исключений.

Виды движения материи

Многообразию материи соответствует многообразие форм ее движения.

Простейший вид движения материи — механическое перемещение тела в пространстве. Более сложный вид движения — тепловые процессы, беспорядочное движение молекул, образующих физическое тело. Наукой установлено, что свет, электромагнитное излучение, физические поля — это также своеобразные состояния движущейся материи. Движение материи проявляется и в химических процессах превращения вещества, связанных с соединением и разъединением атомов и молекул. Жизнь органической природы, физиологические процессы в растениях и животных, эволюция видов — все это также своеобразная форма проявления всеобщего свойства материи — движения.

Особенно сложную форму движения материи мы наблюдаем в общественной жизни людей: развитие материального производства, экономическая жизнь и т. д.

Наука с конца 19 века открыла и успешно изучает ряд новых, неизвестных ранее видов движения материи: движение внутриатомных частиц вокруг ядра, сложные процессы превращения внутри ядра атома и др. Нет сомнения, что открытие все новых форм движения материи будет происходить и в дальнейшем.

Различные формы движения материи существуют не сами по себе, не изолированно друг от друга, они взаимно связаны и превращаются одна в другую. Так, хаотическое движение молекул порождает тепловые процессы. Тепловые процессы могут вызывать химические превращения и световые явления. Химические процессы на определенной ступени развития привели к образованию белковых тел и связанных с ними ферментативных систем и на этой основе к возникновеиию жизни, т. е. биологической формы движения материи.

Формы движения материи способны переходить одна в другую, и это находит, в частности, свое выражение в фундаментальном законе естествознания — законе превращения и сохранения энергии.

Различным ступеням развития и усложнения материи соответствуют различные формы движения. Низшие, более

простые формы движения материи входят в высшие, более сложные формы движения, участвуют в них. Тем не менее между разными формами движения существует качественная разница, высшие формы движения не сводятся к низшим. Так, например, в физиологических процессах налицо и механическое движение — пространственное перемещение элементов, участвующих в этих процессах; однако физиологические процессы не сводятся к механическому перемещению этих элементов, не исчерпываются им.

Старые, домарксовские, механистические материалисты считали, что вся жизнь природы и человеческого общества может быть сведена к механическим перемещениям в пространстве частичек вещества и тел. Своим широким взглядом на движение как на изменение вообще марксистский философский материализм преодолевает узкое, упрощенное понимание движения материи, свойственное механическому материализму.

Пространство и время

Материя может двигаться не иначе как в пространстве и во времени. Все тела природы, включая и самого человека, все материальные процессы, протекающие в объективном мире, занимают место в пространстве. Они расположены близко или далеко друг от друга; между ними существует некоторое расстояние; движущееся тело проходит определенный путь. Во всем этом выражается такое свойство материальных вещей и процессов, как их пространственность.

Пространство — всеобщая форма существования материи. Нет и не может быть материи вне пространства. И наоборот — нет пространства без материи. Различие между пространственностью отдельного тела и пространственностью всего материального мира состоит в том, что пространственность отдельного тела ограничена, конечна, т. е. имеет начало и конец, а весь материальный мир безграничен, бесконечен.

Пространственные расстояния во вселенной огромны и не идут ни в какое сравнение с тем, к чему мы привыкли на Земле. Современные телескопы дали возможность обнаруживать такие звездные системы, свет от которых доходит до нас в течение сотен миллионов лет! А ведь луч света за одну секунду пробегает 300 тыс. *км.* Однако и эти величины не могут дать истинного представления о пространственных размерах вселенной, потому что эти величины конечны, а вселенная бесконечна. Бесконечность вселенной выходит за рамки наглядного представления, ее нельзя себе представить, ее можно выразить только в форме научного понятия.

Существование физических тел и самого человека длится минута за минутой, час за часом, сутки за сутками и т. д.

Все в мире изменяется. Каждая вещь, каждое явление природы имеет свое прошлое, настоящее и будущее. Это — время. Время, как и пространство, есть всеобщая форма существования материи. Каждая отдельная вещь, каждый процесс, материальный мир в целом существуют во времени.

Но есть различие между временно́й длительностью существования отдельной вещи и всей природы в целом. Оно состоит в том, что существование отдельной вещи ограничено во времени, а природа в целом существует вечно. Каждая вещь возникает, претерпевает изменения, а затем прекращает свое существование. Природа же никогда не имела начала и никогда не будет иметь конца. Каждая отдельная вещь преходяща, но из связи конечных вещей слагается вечная, не знающая ни начала, ни конца природа.

Наше воображение поражают цифры, говорящие о возрасте Земли и о развитии жизни на ней. Человек в его современном виде сформировался 50—70 тыс. лет назад. Около миллиона лет назад возникли переходные формы от обезьян к человеку. Больше миллиарда лет назад на поверхности Земли появились первоначальные, примитивные формы растительной и животной жизни. Несколько миллиардов лет прошло с того времени, как образовалась сама Земля. Таковы огромные промежутки времени, относящиеся к истории нашей Земли! Однако ни эти, ни много бо́льшие промежутки времени не могут дать истинного представления о вечности природы, ибо ее вечность означает бесконечность существования во времени, означает, что природа всегда существовала и всегда будет существовать.

Пространство и время, связанные между собою как формы существования объективного мира, неразрывно связаны с движущейся материей.

Эта неразрывная связь убедительно доказана одной из величайших научных теорий нашего времени — теорией относительности Эйнштейна. Теория относительности опровергла ранее господствовавший в физике взгляд, будто пространство — это независимое от материи и неизменное пустое вместилище, в которое как бы извне вложены материальные тела, а время течет всегда одинаково и течение его не зависит от движения материи.

Являясь всеобщими формами существования материи, пространство и время абсолютны: ничто не может существовать вне времени и пространства. Вместе с тем свойства пространства и времени изменчивы: пространственные и временны́е отношения зависят от скорости движения материи; свойства пространства и времени в различных частях вселенной изменяются в зависимости от распределения и движения материальных масс. В этом смысле пространство и время относительны.

О тех, кто отрицает объективное существование пространства и времени

Повседневный многовековой опыт человечества, а также данные науки свидетельствуют о том, что пространство и время существуют объективно. Тем не менее многочисленные философы-идеалисты отрицают объективность пространства и времени.

Немецкий философ-идеалист Кант говорил, что объективного, не зависящего от сознания пространства и времени не существует, что пространство и время — это лишь человеческие способы созерцания явлений. Такова особенность человеческого познания — воспринимать все явления расположенными в пространстве и следующими во времени. Не будет человеческого сознания — не будет пространства и времени.

Взгляд на пространство и время как на субъективные способы рассмотрения явлений распространен и в современной идеалистической философии.

Этот надуманный, идеалистический взгляд стоит в разительном противоречии с наукой, опытом, практикой и опровергается ими.

Например, человек, которому надо ехать от Парижа до Москвы, знает, что ему предстоит преодолеть 2500 *км* не воображаемого, а реального пространства. Для этого нужно время, продолжительность которого зависит не от воображаемого, а от объективно существующего расстояния между этими городами, а также от техники передвижения. Если ехать на поезде, потребуется не менее двух суток. На современном реактивном самолете это расстояние можно преодолеть за 3—4 часа.

Наука установила, что мир существовал и тогда, когда человек еще не существовал. Но если мир был и тогда, когда не было человека с его сознанием, то значит были пространство и время, независимые от сознания человека, потому что материальный мир не может существовать иначе как в пространстве и времени.

В наши дни, когда не только научная теория, но и созданная людьми техника вторгаются в космические пространства, наносится новый удар по идеалистическим взглядам о субъективности пространства и времени.

Учение философского материализма о материальном мире, существующем в пространстве и времени, опровергает утверждения церкви о внепространственном и вневременно́м бытии бога. Теология (богословие) учит, что бог существовал до сотворения им природы, а после сотворения ее он находится вне природы, в каком-то непонятном внеприродном «везде». Теология учит, что только бог бесконечен и вечен, а природа имеет начало и конец как в пространстве, так и во времени.

Наука неопровержимо доказывает фантастичность и несостоятельность подобных взглядов. Раскрываемая наукой

фактическая картина мира не оставляет места для бога. Еще французский астроном 18 века Лаланд образно говорил, что он исследовал все небо, но не нашел там бога.

Природа есть причина самой себя. Эту мысль высказал в 17 веке философ-материалист Спиноза. Это материалистическое положение означает, что природа не нуждается ни в каком стоящем вне ее творце и что сама природа обладает теми качествами бесконечности и вечности, которые теология неправильно приписывает богу.

Марксистский философский материализм, доказывая несотворенность, вечность и бесконечность природы, дает прочную базу атеизму.

5. Сознание — свойство особым образом организованной материи

Мышление человека — результат развития живой материи

Способность мышления, свойственная человеку, является продуктом длительного развития органического мира.

Материальной основой жизни являются белковые тела, представляющие собой сложный продукт развития материи. Белковые вещества играют решающую роль в обмене веществ, который является основой всей жизнедеятельности организмов. С обменом веществ связаны другие признаки жизни: способность к самовоспроизведению, раздражимость и т. д. Раздражимость лежит в основе способности живых существ отвечать на воздействия внутренней и внешней среды реакциями, носящими приспособительный характер. Это элементарная форма отражательной деятельности. Именно на основе раздражимости, свойственной простейшим организмам, формируется на высших ступенях развития органического мира высшая нервная деятельность и то, что мы называем психической деятельностью.

Уже у одноклеточных организмов выделяются элементы, наиболее чувствительные к восприятию тех или иных раздражений среды. Когда появляются многоклеточные организмы животных, происходит специализация клеток этих организмов, появляются особые группы клеток (рецепторы), которые выполняют функции восприятия внешних раздражений и преобразования энергии раздражения в процесс возбуждения. Из этих клеток по мере усложнения организма животных постепенно развивается нервная система и ее центральный отдел — мозг.

Нервная система животных и человека осуществляет связь организма с внешней средой и взаимосвязь различных органов организма между собой.

Центральную нервную систему у позвоночных животных составляют спинной мозг и головной мозг с его различными

отделами. У большинства рыб головной мозг относительно мал, его полушария развиты слабо. У земноводных размеры головного мозга увеличиваются и намечается развитие переднего мозга — основы развития полушарий головного мозга. Головной мозг у пресмыкающихся более развит, чем у земноводных, а на поверхности полушарий впервые появляются нервные клетки, образующие первичную кору мозга. У птиц большие полушария еще более увеличены, но кора развита слабо. Очень развиты большие полушария у млекопитающих, что связано с развитием и усложнением коры мозга. У высших млекопитающих разрастающаяся кора головного мозга образует многочисленные борозды и извилины, а полушария покрывают все остальные части мозга.

Наивысшее развитие кора головного мозга получает у человека. Она представляет собой аппарат, который находится во взаимодействии со всей нервной системой человека и является органом высшей нервной деятельности, высших, самых сложных форм связи с окружающей средой. И. П. Павлов подчеркивает, что кора головного мозга является «распорядителем и распределителем всей деятельности организма» и что «этот высший отдел держит в своем ведении все явления, происходящие в теле»[5]. Кора головного мозга представляет собой орган человеческого мышления.

Воздействия из внешней и внутренней среды вызывают возбуждение чувствительных нервных окончаний. Это возбуждение передается по специальным центростремительным нервам в соответствующие участки головного мозга. Отсюда по центробежным нервам идут импульсы к различным органам, вызывая их деятельность. Таким образом осуществляется рефлекторный ответ органов и всего организма на то или иное раздражение.

Так, например, когда человек отдергивает руку от ожегшего его огня, имеет место рефлекторный ответ. Такого типа рефлексы физиологи называют *безусловными рефлексами;* они являются врожденными у животных и человека.

На основе безусловных рефлексов (пищевых, оборонительных и других) в процессе индивидуального опыта животного и человека образуются так называемые *условные рефлексы.* Когда собака хватает мясо пастью и при этом у нее начинает выделяться слюна, то это безусловный пищевой рефлекс. Однако слюна у собаки может выделяться и при одном только виде или запахе мяса и даже при виде человека, дающего корм. Анализируя эти и подобные явления, великий русский физиолог И. П. Павлов показал, что если сочетать кормление собаки с зажиганием лампы или звуком звонка, то можно выработать у нее новый тип рефлекторного ответа, при котором и свет и звук будут вызывать выделение слюны. Эти рефлексы Павлов назвал *условными рефлексами,* так как они

возникают при сочетании того или иного условного раздражителя (свет, звук и др.) с безусловным раздражителем, вызывающим безусловный рефлекс.

Условные рефлексы — это временные нервные связи. Возникая при указанных условиях, они сохраняются более или менее длительное время и без подкрепления безусловными раздражителями. Значение условных рефлексов в том, что с их помощью организмы приспосабливаются к изменяющимся условиям среды, в которой они существуют. Известно, например, что многие дикие животные, увидев впервые человека, не проявляют тревоги. Но, став объектом охоты, они меняют свое поведение. Завидев или учуяв человека, они стараются скрыться. Это значит, что у животных образовался новый условный рефлекс, весьма для них полезный: восприятие ими человека приводит в действие безусловный оборонительный рефлекс, служит сигналом целесообразной приспособительной реакции животных.

Как оказалось, любые предметы и явления природы при их сочетании с безусловными рефлексами могут стать сигналом условнорефлекторной деятельности животных и человека. Эту общую для животных и человека систему сигналов Павлов назвал *первой сигнальной системой.*

В то же время И. П. Павлов подчеркивал своеобразие высшей нервной деятельности человека в сравнении с высшей нервной деятельностью животных. Павлов показал, что речь составляет новую, характерную для человека, систему сигналов, которая также становится источником формирования условно-рефлекторной деятельности. Эту свойственную только человеку систему он назвал *второй сигнальной системой.*

И. П. Павлов открыл физиологические закономерности высшей нервной деятельности животных и человека. Он показал связь между высшей нервной деятельностью у человека и такой же деятельностью у животного и принципиальное различие между ними. Своим учением И. П. Павлов заложил прочную естественнонаучную основу для познания психической жизни человека.

Значение труда и речи в развитии человеческого мышления

Психика человека имеет своей предпосылкой элементарные формы психической деятельности животных. В то же время надо видеть качественное различие между ними. Психика человека, его мышление — наивысшая ступень в развитии психики. Трудовая деятельность общественного человека — вот что обусловило необыкновенно высокое развитие его психической жизни, его мышления.

Великий английский ученый Чарлз Дарвин доказал, что человек произошел от общего с человекообразными обезьянами предка. В глубокой древности животные предки чело-

века, отличавшиеся особым развитием передних конечностей, усвоили прямую походку и начали пользоваться предметами природы в качестве орудий для добывания пищи и самозащиты. В дальнейшем они перешли к изготовлению орудий, что означало постепенное превращение животного в человека. Применение орудий труда позволило человеку подчинить себе такую силу природы, как огонь, дало ему возможность разнообразить и улучшить свое питание, что способствовало развитию человеческого мозга.

Применение орудий труда изменило отношение людей к природе. Животное пассивно приспособляется к природе — оно пользуется тем, что ему дает сама природа. Напротив, человек приспособляется к природе активно — он целесообразно изменяет природу, создает себе те условия существования, которых он не находит непосредственно в природе. Трудовая деятельность человека сыграла решающую роль в развитии и совершенствовании его мозга. Труд создал, в известном смысле, человека, труд создал и человеческий мозг.

Усложнение взаимоотношений человека с природой вело к усложнению взаимных отношений между людьми. Люди трудились коллективно, им надо было общаться друг с другом, а для этого было недостаточно того ограниченного количества звуков, которыми обходятся при общении друг с другом животные. Постепенно в процессе трудовой деятельности шло развитие и преобразование человеческой гортани, человек научился произносить членораздельные звуки. Из этих звуков постепенно развились слова, язык. Совместная трудовая деятельность людей была бы невозможна, если бы у них не выработалась способность речи.

Без слов не могли бы возникнуть понятия о вещах, об их связях, было бы невозможно человеческое мышление. Возникновение и развитие речи в свою очередь воздействовало на развитие мозга.

Таким образом, общественно-трудовая жизнь человека, труд, а затем и вместе с ним речь — вот решающие факторы, под воздействием которых совершенствовался человеческий мозг, развивалась способность мышления.

Сознание — свойство мозга

Сознание есть продукт деятельности человеческого мозга, связанного со сложным комплексом органов чувств. По своей сущности оно представляет собою отражение материального мира. Сознание — это многогранный процесс, включающий различные виды психической деятельности человека: ощущения, восприятия, представления, мышление понятиями, чувства и волю. Без исправного функционирования головного мозга невозможна нормальная деятельность сознания. Нарушение деятельности мозга в результате опья-

нения или болезни влечет за собой неспособность мыслить здраво. Сон человека — это частичное, временное торможение деятельности коры головного мозга; оно выражается в том, что мышление прекращается, сознание затуманивается.

Из этих правильных материалистических положений, однако, не следует, что мысль есть некое вещество, выделяемое мозгом. Немецкий буржуазный материалист 19 века К. Фохт определял мысль как особый вид вещества, выделяемого мозгом наподобие того, как слюнные железы выделяют слюну или печень выделяет желчь. Это было вульгарное представление о природе мышления. Психика, сознание, мышление есть особое свойство материи, но отнюдь не особое вещество.

Решая основной вопрос философии, мы противопоставляем сознание и материю, дух и природу. Материя — это все то, что существует независимо от сознания, вне сознания. Поэтому допускают серьезную ошибку те, кто включает сознание в материю. Ленин указывал, что «назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» [6]. В самом деле, если мысль — это та же материя, то этим устраняется различие между материей и мышлением, они оказываются тождественными.

Взгляд, определяющий сознание как нечто материальное, противники марксизма — идеалисты упорно приписывают марксистскому материализму. Они делают это для того, чтобы им легче было «опровергать» марксистский философский материализм. Это старый прием: сначала приписать противнику нелепость, а потом «победоносно» ее критиковать.

В действительности отождествление сознания и материи — это взгляд не диалектического, а вульгарного материализма. Марксистская материалистическая философия всегда боролась и борется против такого взгляда. Она последовательно проводит различие между сознанием — отражением материального мира — и самой материей.

Однако различие между сознанием и материей нельзя раздувать, доводя его до абсолютного разрыва. Такой разрыв между сознанием и материей характерен для психофизического параллелизма. Сторонники этого течения утверждают, что мышление, сознание — это процессы, которые протекают якобы параллельно материальным процессам, происходящим в мозгу, и вне всякой зависимости от них. Наука опровергает эту точку зрения. Она доказывает, что психическая жизнь человека — это лишь особая сторона жизнедеятельности его организма, особая функция мозга.

Диалектический материализм отвергает разрыв между сознанием и материей. Такой разрыв представляет собою по сути дела восстановление примитивных, невежественных взглядов раннего периода в истории людей, когда явления

жизни объяснялись действием особой души, которая якобы вселилась в тело и управляет им.

Решая психофизическую проблему, т. е. проблему отношения между психикой человека и органом психики — мозгом (как материальным органом, физическим телом), нужно видеть и различие и связь между ними. Нельзя забывать о различии между ними, поскольку отождествление сознания с материей приводит к прямым нелепостям. Но нельзя и отрывать сознание от мозга, ибо сознание есть функция мозга, т. е. особым образом организованной материи.

6. Противники философского материализма

Признавая материальное единство мира, марксистский философский материализм тем самым занимает позицию философского *монизма* (от греческого слова «монос» — один). Марксистский философский материализм является последовательным и стройным учением, потому что он объясняет все явления в мире, исходя из одного, материального начала.

Но существуют философские учения, которые не решаются признать ни первичность материи, ни первичность духа. Они развивают принцип философского *дуализма* (от латинского слова «дуо» — два), доказывая, что в мире есть два не зависящих друг от друга, абсолютно различных по своей природе первоначала — материя и дух, тело и сознание, природа и идея. Таких взглядов придерживался французский философ 17 века Декарт.

Дуализм не в состоянии объяснить всем известные факты, свидетельствующие о том, что воздействие на тело человека вызывает изменения в его сознании и, наоборот, мысль может вызвать телесное движение. Позиция философского дуализма непоследовательна, половинчата и, как правило, ведет к идеализму.

Представители философского идеализма, которые пытаются объяснить мир, исходя из единого идеального начала, являются философами-монистами. Однако их монизм покоится на неверной, антинаучной основе, поскольку они исходят из того, что идея, мышление, сознание — первичны, а природа, физические вещи, человеческое тело — вторичны, производны от духовного начала. По мнению идеалистов, все есть сознание или порождение сознания.

Объективный идеализм

Идеалистические взгляды на мир в их наиболее примитивной, но все еще самой распространенной форме нашли свое выражение в учении церкви о бестелесном духе, или боге, существовавшем якобы до физической вселенной и сотворившем ее. Эти взгляды опровергаются всей историей науки.

Наука неопровержимо доказала, что духовные явления и процессы возникли на очень высокой ступени развития материи, что они необходимо связаны с определенными материальными процессами в коре головного мозга и нервной системе. Никаких духовных явлений без этих материальных, физиологических процессов нет и быть не может. Поэтому учение церкви о духе, существовавшем до материи, до природы, ложно и ничего общего с действительностью не имеет.

Более утонченную и абстрактную форму идеалистические взгляды получили в идеалистических философских системах. Философы-идеалисты Платон, Лейбниц, Гегель утверждали, будто основой вещей являются духовные, или бестелесные, причины, элементы или сущности, которые существуют якобы раньше вещей. Платон называл эти бестелесные причины «видами», или «идеями». Лейбниц основами вещей считал своеобразные духовные «атомы» бытия — духовные деятельные «единицы» (монады). Гегель основой всех вещей считал «идею» как объективно существующее понятие. «Понятие... есть истинно первое,— писал Гегель,— и вещи суть то, что они суть, благодаря деятельности присущего им и открывающегося в них понятия»[7]. Природа, взятая в целом, также, по Гегелю, есть продукт понятия, идеи. Это не обычная человеческая идея, это существующая вне человека абсолютная идея, равнозначная богу.

Философия, которую развивали Платон, Лейбниц и Гегель, называется *объективным идеализмом.* Этот идеализм носит название объективного потому, что он признает существование некоего «объективного» духовного начала, отличного от человеческого сознания и не зависящего от него.

Рассуждения объективных идеалистов не выдерживают критики. Идеи, понятия существуют только в человеческом мышлении. В понятиях отражаются общие черты и свойства самой действительности, отражаются те общности, которые существуют в материальном мире. Таковы, например, понятия человека, общества, социализма, нации и т. д. Понятие, идея, существующие якобы до природы и порождающие ее, представляют собой пустую фантазию идеалистов. Ленин писал: «...Всякий знает, что такое человеческая *идея,* но идея без человека и до человека, идея в абстракции, идея абсолютная есть теологическая выдумка идеалиста Гегеля»[8].

Субъективный идеализм

Кроме объективного идеализма, который выводит природу из божественной идеи, существует направление *субъективного идеализма,* который утверждает, что вещи, предметы представляют собою совокупность наших ощущений, мыслей; тем самым это направление переносит мир в сознание субъекта, т. е. познающего человека.

Субъективный идеалист спрашивает: что я могу знать об окружающих меня вещах? И отвечает: только те ощущения, которые я от этих вещей получаю, т. е. ощущения цвета, вкуса, запаха, плотности, формы и т. д. Ничего, кроме суммы этих ощущений, я не воспринимаю в вещи и не могу воспринять; не разумно ли предположить, что вещь и есть не что иное, как совокупность моих ощущений, что никаких вещей отдельно от ощущений, помимо них нет?

Из приведенных положений субъективного идеализма следует, что человека окружают будто бы не вещи, а пучки (комплексы) его собственных ощущений, что вся природа есть лишь совокупность ощущений.

Взгляды субъективного идеализма развивал в начале 18 века английский епископ Беркли. Он откровенно заявлял, что его идеалистическая философия имеет одну цель — опровергнуть материализм и атеизм, обосновать необходимость признания бога.

Субъективный идеализм грубо искажает действительное отношение между нашими восприятиями и вещами. Он отождествляет человеческое восприятие с воспринимаемым предметом.

Если делать логические выводы из основного положения субъективного идеализма: вещь и восприятие вещи — одно и то же,— то тогда мы приходим к заключению, что весь мир творится мною, моим сознанием, что другие люди, включая моих родителей,— это тоже только мои восприятия, что они не существуют объективно. Следовательно, субъективный идеализм обязательно ведет к солипсизму (от латинских слов «солюс» — только один и «ипсе» — сам) — абсурдной философии, утверждающей, будто существую только я сам, а весь мир, в том числе другие люди, существует только в моем представлении. Ленин говорил, что такая философия достойна обитателей психиатрической больницы.

Неизбежные солипсистские выводы, к которым приводит любая форма субъективного идеализма, убедительно свидетельствуют о ложности этой философии.

Попытка установить «третью» линию в философии

Помимо тех идеалистических учений, которые откровенно признают основой мира сознание, есть и такие учения, которые пытаются скрыть свой идеализм и представить дело так, будто они стоят выше материализма и идеализма и составляют «третью» линию в философии. Таким философским течением является, например, *позитивизм* (от слова «позитивный» — положительный).

Позитивизм возник в первой половине 19 века. В настоящее время он представляет собой одно из наиболее влиятельных философских течений в буржуазном мире. Распространен он и в среде естествоиспытателей.

Позитивизм объявил всю прежнюю философию метафизикой, понимая под этим словом бесплодные, схоластические рассуждения о вопросах, недоступных научному решению, выходящих за пределы опыта. К таким вопросам позитивисты относят прежде всего основной вопрос философии: что является первичным — природа или сознание. Наука, заявляют позитивисты, должна заниматься только фактами, доступными наблюдению, и не искать за ними ни материальной, ни духовной основы. Философия, которая ищет такую основу, бесполезна. Наука вполне может обойтись без философии. Наука сама себе философия.

Позитивисты изображают дело так, что они ни материалисты, ни идеалисты, а, видите ли, исследователи эмпирических фактов, люди науки. Однако за этой внешностью позитивизма на самом деле скрывается философская линия идеализма. Уходя от решения основного вопроса философии и утверждая, что он не может быть решен наукой, позитивисты тем самым отгораживают себя от материального мира, замыкают себя в рамки своего сознания, т. е. становятся на позицию субъективного идеализма.

Это видно также из того, что под «фактами», о которых так много твердят позитивисты, они понимают наши восприятия. Позитивисты уверяют, что непосредственно нам даны только наши ощущения и восприятия. Их изучением мы и должны ограничиться.

Буржуазные философы-позитивисты многократно заявляли и заявляют, что они «выше» материализма и идеализма. На деле же они в одном лагере с идеалистами воюют против материализма. Они называют материализм метафизикой. Когда материалисты утверждают, что мир существует вне нашего сознания, то они будто бы выходят «за пределы опыта». Надо ли доказывать нелепость такого обвинения? Учение материализма об объективном материальном мире есть прямой вывод из всемирного опыта человечества.

Марксистский философский материализм — непримиримый враг всякой метафизики *, в том числе метафизики, рассуждающей о несуществующих «сущностях». Он отвергает метафизику идеализма, измышляющего «идеальную» основу мира, и метафизику церкви, проповедующей бытие бога и бессмертной души. Но марксистский материализм с негодованием отбрасывает попытки позитивизма объявить метафизикой положение о материальном мире, существующем вне нашего сознания. Позитивизм валит с больной головы на здо-

* Слово «метафизика» в философии употребляется в двух смыслах. Во-первых, метафизика означает антидиалектический взгляд на мир. Во-вторых, под метафизикой понимаются умозрительные, не имеющие научного основания, схоластические домыслы об «истинной» сверхчувственной сущности бытия. Подробнее о метафизике говорится в главе 2.

ровую. Под прикрытием словесных атак против вымышленной «метафизики материализма» он по сути дела протаскивает метафизику субъективного идеализма.

Вся история философии показывает, что никакой «третьей» линии в философии, помимо материализма и идеализма, нет и не может быть. Чем скорее это осознают представители научной и технической интеллигенции Запада, являющиеся сторонниками позитивизма, тем скорее они высвободятся из плена позитивистской путаницы и станут на прочную почву научной материалистической философии.

В конце 19 — начале 20 века позитивизм выступил в форме *махизма,* названного так по имени австрийского физика и философа Э. Маха. Другое название этой философии — эмпириокритицизм (критика опыта).

Мах и его последователи, в частности его русский сторонник А. Богданов, также заявляли претензию на преодоление «односторонности» материализма и идеализма. В действительности же философия Маха представляла собою в основном систему субъективного идеализма.

Мах утверждал, будто первоначальными «элементами» мира являются ощущения. Каждая вещь есть «комплекс элементов» (или ощущений), а вся природа в целом представляет собою совокупность «рядов элементов», которые «упорядочиваются» самим человеком, мыслящим о мире. Все, что окружает человека, сводится к его ощущениям — такова суть махистского взгляда на мир.

Однако махисты пытались скрыть субъективно-идеалистическое существо своих взглядов, утверждая, что элементы (т. е. ощущения) якобы являются «ничьими», что они ни материальны, ни идеальны, не имеют ни физической, ни психической природы, а являются «нейтральными».

Той же цели маскировки идеализма служили заявления махистов, что их философия — это «опытная» философия, опирающаяся на опыт, объявляющая опыт источником всякого знания.

Критике реакционной философии махизма посвящена книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин разъяснил, что ссылки махистов на «опыт» вовсе не делают их философию научной. Дело в том, что сам «опыт» можно понимать и материалистически, и идеалистически. Материалист признает, что все наше знание возникает из опыта, и в то же время подчеркивает, что в опыте человеку дан объективный мир; иначе говоря, в нашем опыте есть объективное содержание. Махист, соглашаясь с тем, что наше знание возникает из опыта, отрицает, однако, существование объективной реальности, данной в опыте. Он утверждает, что в опыте мы имеем дело не с объективным миром, но лишь с ощущениями, восприятиями, представлениями и должны ограни-

читься их изучением. Иначе говоря, махист в действительности защищает точку зрения субъективного идеализма.

Ленин заклеймил как философское шарлатанство и попытку махистов подняться над материализмом и идеализмом при помощи словечка «нейтральный элемент». «Всякий знает,— писал Ленин,— что такое человеческое ощущение, но ощущение без человека, до человека, есть вздор, мертвая абстракция, идеалистический выверт»[9]. Ленин показал, что «нейтральные элементы» — это в действительности ощущения человека, а учение, пытающееся построить из них мир, есть субъективный идеализм.

Существовала ли природа до человека? — спрашивал Ленин у махистов. Если природа — творение человеческого сознания, если она сводится к ощущениям, то, значит, не природа создала человека, а человек создал природу. Между тем из естествознания известно, что природа существовала задолго до появления людей.

Мыслит ли человек при помощи мозга? — спрашивал Ленин у махистов. У них получалось так, что сам человеческий мозг также представляет собою «комплекс элементов» — ощущений, т. е. является продуктом человеческой психики. Выходило, что человек мыслит без помощи мозга и что, наоборот, мозг есть «конструкция» мысли, придуманная для лучшего объяснения психической жизни.

Существуют ли другие люди? — спрашивал Ленин у махистов. С точки зрения махистской философии неизбежно получалось, что все окружающие человека люди суть комплексы его ощущений, т. е. продукты его личного сознания.

Махистская философия вела к солипсизму. Это лучшее доказательство полнейшей несостоятельности махизма.

Влияние махистской философии было сильным в начале 20 века. В 20-х годах она уступила место новым формам позитивизма.

Корни идеализма

Идеалистическая философия представляет собой неправильный, искаженный взгляд на мир. Идеализм извращает истинное соотношение между мышлением и его материальной основой. Иногда это бывает следствием сознательного стремления философов-идеалистов исказить истину, скрыть ее. Такое сознательное искажение истины часто встречается в наше время среди буржуазных философов, желающих проповедью идеализма угодить правящему классу. Однако в истории философии идеалистические учения нередко возникали в результате «честного заблуждения» философов, искренне стремившихся к истине.

Как будет показано в главе 3, познание — это весьма сложный, многосторонний процесс. Из-за этой сложности всегда имеется возможность односторонне подойти к процессу познания, преувеличить, абсолютизировать значение его

отдельных сторон, превратить их в нечто самостоятельное, ни от чего не зависимое. Так и поступают философы-идеалисты. Например, как мы уже видели, махисты и другие субъективные идеалисты абсолютизируют тот факт, что все наше знание об окружающем мире происходит из ощущений, отрывают их от тех материальных вещей, которые их вызывают, и делают идеалистический вывод, будто, кроме ощущений, в мире нет ничего.

В. И. Ленин говорил, что познание всегда содержит в себе возможность отлета фантазии в сторону от действительности, возможность подмены подлинных связей вымышленными. Прямолинейность и односторонность, субъективизм и субъективная слепота — таковы *гносеологические** корни идеализма, т. е. его корни в самом процессе познания.

Но, чтобы из этих корней выросло «растение», чтобы ошибки познания воплотились в идеалистическую философскую систему, которая выступает против материализма и материалистического естествознания, необходимы определенные общественные условия, нужно еще, чтобы эти ошибочные взгляды были выгодны определенным общественным силам и поддерживались ими. Односторонний и субъективистский подход к познанию человеком мира ведет в болото идеализма, говорил В. И. Ленин, где его «*закрепляет* классовый интерес господствующих классов» — рабовладельцев, феодалов или буржуазии. В этом состоят *классовые* корни идеализма.

Реакционность философского идеализма ясно видна из его связи с теологией, религией. Всякий философский идеализм есть в конечном счете утонченная защита богословия, поповщины, указывал Ленин. Философский идеализм даже тогда, когда он не заявляет открыто о своей склонности к религии, фактически стоит на той же почве, что и религия. Поэтому церковь всегда рьяно поддерживала философский идеализм и враждебно относилась к философскому материализму, преследовала, когда могла, его представителей.

7. Современная буржуазная философия

Современная философия, указывал Ленин, так же партийна, как и две тысячи лет назад. Иначе говоря, сейчас, как и в прошлом, философы разделяются на два противоположных лагеря — материалистический и идеалистический. Их борьба в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных общественных классов и слоев. Философия диалектического материализма является идеологией рабочего класса,

* Гносеология (от греческих слов «гносис» — познание и «логос» — наука, теория) — наука о познании, теория познания.

передовых общественных сил нашей эпохи. И, наоборот, мировоззрение реакционных сил, империалистической буржуазии выражают различные течения идеалистической философии. Современную буржуазную философию отличает стремление опровергнуть учение Маркса — Энгельса — Ленина, отстоять в борьбе с ним позиции буржуазного мировоззрения, защитить капиталистические порядки.

Современная буржуазная философия отличается большой пестротой направлений и школ. Но ее течения представляют в основном лишь различные варианты откровенного или прикрытого философского идеализма, т. е. ложного, иллюзорного взгляда на мир.

В наше время философский идеализм стал еще более реакционным и упадочным, чем в конце 19 века. В современной буржуазной философии модным сделался иррационализм — направление, проповедующее неразумность и бессмысленность мира и жизни, неспособность человеческого разума познать окружающую действительность; большой успех имеют учения, использующие научные открытия для извращения науки; все сильнее становится влияние откровенно теологических систем.

В духовной жизни капиталистических стран сложилось парадоксальное положение: наука неудержимо идет вперед и все более углубляет наше знание материального мира, в сотрудничестве с техникой она безгранично увеличивает власть человека над природой; уже более ста лет существует и развивается передовая материалистическая философия — диалектический и исторический материализм, дающий подлинно научное объяснение явлениям природы и общества. И в то же время многие философы, а иногда и сами ученые, продолжают доказывать, что окружающий нас мир объективно не существует, что наука не может открыть нам объективной истины, а для человека, бессильного познать действительную природу вещей, лучше всего уверовать в сверхъестественное и прийти в лоно церкви.

В чем причины такого положения? Как могут мыслящие люди, в том числе честные ученые, разделять идеалистические взгляды, противоречащие науке и общественной практике?

Решающая помеха принятию материализма — это классовый интерес буржуазии и антикоммунистические предрассудки буржуазной интеллигенции. Современный научный материализм, т. е. диалектический и исторический материализм, последовательно проведенный, заставляет стать на позиции рабочего класса и принять теорию научного социализма. В этом одна из причин того, почему люди, не желающие порвать с буржуазией, в том числе и ученые, боятся признать материализм. Откровенные же и активные защитники и идеологи капитализма видят в диалектическом материализме

своего непримиримого теоретического врага и ставят своей целью опровергнуть его во что бы то ни стало. Они используют для этого все средства идейного и морального давления: печать, радио, телевидение, университетские лекции и церковные проповеди, научные трактаты и публицистические статьи. Такая продолжающаяся изо дня в день, из года в год пропаганда, естественно, оказывает влияние на умы людей.

Другие причины живучести идеализма станут яснее при знакомстве с главными течениями современной буржуазной философии.

Философия против разума

Дух пессимизма, иррационализм, враждебность научному мировоззрению, которыми проникнута идеология современной буржуазии, особенно наглядно выражает *экзистенциализм* — одно из наиболее модных философских учений буржуазного мира.

Основатель экзистенциализма — немецкий философ-идеалист М. Хайдеггер, использовавший учение датского мистика С. Кьеркегора, жившего в первой половине 19 века. Другие наиболее известные экзистенциалисты — К. Ясперс, Ж. П. Сартр, Г. Марсель, А. Камю.

Самая общая проблема, выдвинутая экзистенциалистами,— это вопрос о смысле жизни, о месте человека в мире, о выборе им своего жизненного пути. Это старая проблема, но в настоящее время она приобрела особое значение для многих людей, оказавшихся перед необходимостью определить свое место в сложных и противоречивых условиях буржуазного общества, выразить свое отношение к происходящей во всем мире борьбе прогрессивных и реакционных сил.

Экзистенциалисты, таким образом, затронули один из самых жгучих вопросов современности. Но они решают его, исходя из упадочного идеалистического мировоззрения, отправляясь от сознания изолированного индивидуума, противопоставляющего себя обществу и копающегося в своих переживаниях. Этот ложный исходный пункт предопределяет порочность всего экзистенциалистского учения.

Сторонники этой философии выдают ее за учение о бытии вообще, но фактически они сводят философию лишь к рассмотрению «существования» человеческой личности («экзистенция» по-латыни — существование). Если не считать рассуждений некоторых экзистенциалистов о «потустороннем», единственной реальностью для них оказывается личное существование, сознание того, что «я существую». Окружающий человека мир изображается экзистенциалистами как таинственный и недоступный разуму и логическому мышлению. «Бытие,— писал Сартр,— лишено разумности, причинности, необходимости». Как все субъективные идеалисты, экзистенциалисты отрицают объективную реальность природы, про-

странства, времени. Мир существует постольку, говорит Хайдеггер, поскольку имеется существование. «Если нет никакого *существования,* то нет также в наличии и мира».

Утверждая, что самое важное для человека — факт его существования, экзистенциалисты предаются нудным рассуждениям по поводу того, что существование человека имеет конец и что вся жизнь человека якобы проходит в страхе перед смертью. Задача философии, по их мнению, как раз и состоит в том, чтобы разбудить и постоянно поддерживать этот страх. Философствовать, заявляет К. Ясперс,— значит учиться умирать.

Экзистенциалисты понимают, что нагнать страх на человека легче всего в том случае, если порвутся его связи с обществом, если он почувствует себя изолированным и одиноким. Вот почему они стараются внушить человеку, что он «брошен» в чуждый и враждебный мир, что среди других людей он ведет «неистинное» существование, что общество лишает его индивидуальности.

Философы «существования» используют при этом тот бесспорный и тяжело переживаемый многими людьми факт, что капиталистическое общество действительно угнетает человека, подавляет его личность. Они играют на чувстве протеста против гнета капиталистической системы, которое возникает у части интеллигенции, и направляют его по ложному пути протеста против общества вообще. Ибо, по мнению экзистенциалистов, хотя человек не может жить вне общения с другими людьми, он и среди них остается в полном одиночестве и, лишь замыкаясь в себе, переживает свободу. Для экзистенциалистов нет ни обязанностей, налагаемых на человека общественным коллективом, ни общезначимых нравственных норм. Не случайно обычный герой экзистенциалистских пьес и романов — это человек без твердых убеждений, а зачастую просто безнравственный, аморальный субъект. Согласно подобной философии любая человеческая деятельность и борьба бесплодны, мир — царство абсурда, а вся история бессмысленна.

Субъективно-идеалистическая философия экзистенциализма ложна прежде всего потому, что сводит всю реальность к существованию человека, к его переживаниям. Вместе с тем эта философия совершенно извращает и саму сущность человека.

Все содержание своей жизни человек получает от общества. Что неизмеримо возвысило человека над миром животных? Его общественно-трудовая жизнь. В обществе человек развивает свои чувства и разум, волю и совесть, обретает цель и смысл жизни. Для того, кто живет полноценной общественной жизнью, вдохновляется передовыми идеями, самое важное не то, что когда-нибудь он умрет, а то, как он прожи-

вет свою жизнь в обществе, что он оставит после себя людям. Но стоит только искусственно оторвать личность от общества — и перед нами дрожащий, запуганный человечек, страшащийся смерти, но не знающий, что ему делать с жизнью.

Экзистенциализм невольно показал ту степень духовной опустошенности и морального одичания, к которой ведет буржуазный индивидуализм.

Упадочная «философия существования» глубоко реакционна. Выражая в конечном счете страх эксплуататорского класса перед неизбежной гибелью капиталистической системы, она оказывает деморализующее воздействие на попавших под ее влияние людей, особенно на молодежь. Проповедь страха, безнадежности, абсурдности существования разжигает антиобщественные склонности, оправдывает аморализм и беспринципность. Человек, проникшийся идеями экзистенциализма, при известных условиях легко может стать игрушкой самых реакционных сил и превратиться из истерического нытика в фашистского громилу. В Германии экзистенциализм наряду с некоторыми другими реакционными учениями готовил идеологическую почву для фашизма. Во Франции экзистенциалисты после окончания войны обрушивались с грубыми нападками на героическую коммунистическую партию, выступали против партийной дисциплины, против классовой солидарности пролетариата. Французские марксисты сразу распознали в экзистенциализме одного из главных идейных врагов. В результате упорной борьбы, которую они вели против этой реакционной философии, влияние экзистенциализма в кругах французской интеллигенции ныне значительно ослаблено.

Мнимая «философия науки»

Другое широко распространенное в буржуазном мире философское направление — это *неопозитивизм*. Неопозитивизм, или «логический позитивизм», шумно рекламируется его сторонниками как «философия науки». На первый взгляд кажется, будто это направление является противоположностью иррационалистической «философии существования». В действительности же неопозитивизм — это идеалистическое учение, внутренне родственное экзистенциализму. Это философия, проникнутая духом пессимизма и неверия в познавательные способности и разум человека.

Основы учения неопозитивизма были заложены англичанином Б. Расселом и австрийцами Л. Витгенштейном и М. Шликом. В настоящее время наиболее известные его представители — Р. Карнап в США и А. Айер в Англии. Возникновение неопозитивизма было связано со стремлением обновить субъективно-идеалистическую философию махизма, приспособив ее к современному состоянию физики, математики и логики.

Главная идея неопозитивизма состоит в устранении из философии коренных мировоззренческих проблем, в превращении ее в «логический анализ языка». Неопозитивисты заявляют, что эти проблемы, и прежде всего основной вопрос философии, не существуют как научные проблемы и с точки зрения науки якобы представляют собой «псевдопроблемы». Согласно их учению философия не может дать никакого знания о внешнем мире, она должна заниматься только логическим анализом языка науки, т. е. анализом правил употребления научных понятий и символов, сочетания слов в предложения, выведения одних положений из других и т. д., и «семантическим анализом» смысла научных терминов и понятий. По этому поводу следует заметить, что, сколь бы важен ни был логический анализ языка науки, сведение к нему всей философии означает по существу ее ликвидацию.

Рассуждая о науке, неопозитивисты правильно указывают на то, что она должна исходить из опытных данных, из фактов. Но, как и махисты, они отказываются признать объективную реальность фактов опыта. С точки зрения неопозитивистов, например, нелепо спрашивать, существует ли роза объективно; можно говорить только о том, что я вижу красный цвет розы и чувствую ее запах. Только этот факт якобы может быть предметом научного высказывания. Таким образом, под фактами неопозитивисты понимают вовсе не объективные вещи, не события и явления объективного мира, но ощущения, впечатления, восприятия и другие явления сознания. Вопреки собственным утверждениям о бессмысленности вопроса о природе реальности, они на деле отрицают лишь *материальную* природу мира, фактически приписывая ему духовную природу.

Чем же занимается наука? Наука, по их утверждениям, первоначально лишь описывает «факты», т. е. ощущения человека; она не в силах познать объективный мир, опытное знание не имеет объективного значения.

По мнению неопозитивистов, высказывания о фактах, произвольно отобранные, дают материал для научной теории, которая строится с помощью логики и математики. В отличие от эмпирических наук, исходящих из данных опыта, логика и математика опираются, как считают неопозитивисты, на систему аксиом и правил, принятых совершенно произвольно и представляющих собой такой же плод условного соглашения («конвенции»), как правила игры в шахматы или карты.

С точки зрения неопозитивистов, суждение, входящее в состав данной теории, не должно противоречить принятым правилам — вот все, что нужно для того, чтобы считать суждение истинным. Применяя эту установку к конкретным проблемам, неопозитивисты приходят, например, к антинауч-

ному выводу о том, что лишь чистой условностью является принятие Солнца, а не Земли в качестве центра солнечной системы.

Понятно, что такое толкование научной теории лишает науку всякого объективного познавательного значения, превращает научное познание в своего рода игру.

Трудно поверить, что эти несуразные взгляды, ликвидирующие по сути дела науку, могут разделяться крупными учеными, внесшими большой вклад в создание современной науки. Тем не менее это так. Сложность методов, применяемых современной наукой, и изучаемых ею явлений, трудности, возникающие при попытках объяснения некоторых из них, создают возможность идеалистических шатаний среди ученых. Условия буржуазного общества способствуют превращению ее в действительность.

Так, из открытия неевклидовых геометрий (Лобачевского, Римана и др.), которые отражают объективные закономерности пространства в условиях, отличных от привычных для нас, был сделан ложный вывод о том, что ни одна геометрия не является истинной, что ее основные принципы — это лишь условные соглашения.

Почва для идеалистического истолкования физики создается главным образом абстрактно-математическим характером физической теории, невозможностью создать наглядную модель микрообъектов и недоступностью их прямому наблюдению.

Современные физики не могут ни увидеть изучаемые ими микрообъекты (электрон, протон, мезон и пр.), даже с помощью самых сильных оптических приборов, ни построить наглядную модель микрочастицы. Все, что может наблюдать физик-экспериментатор,— это данные измерительных приборов, вспышки на экране и т. д. К выводам же о существовании самой микрочастицы и о характере ее свойств ведут сложные теоретические рассуждения и математические вычисления. Когда физик ставит свой эксперимент, он ведет себя как стихийный материалист. Но когда он начинает размышлять об общих проблемах науки, то при неустойчивости философских позиций у него может сложиться превратное мнение, будто микрочастица со всеми ее свойствами существует не в действительности, а лишь в теории, что она представляет собой «логическую» или «языковую» конструкцию или символ, созданные для того, чтобы согласовать между собой показания приборов и иметь возможность предвидеть их.

Так, один из крупнейших современных физиков, В. Гейзенберг, писал, что элементарная частица современной физики «является не материальным образованием во времени и пространстве, а только символом, введение которого придает законам природы особенно простую форму» [10].

Что касается физика-теоретика, который занимается главным образом математической обработкой результатов наблюдений, полученных другими исследователями, то сама специфика его работы, а также постоянная смена одних научных теорий другими могут натолкнуть его при незнании диалектики на ошибочную мысль о произвольности создаваемых им гипотез и теорий, о субъективном характере положенных в их основу принципов. Известный астроном-идеалист Джинс заявил, например, что «объективная и материальная вселенная состоит всего лишь из построений наших собственных умов» [11].

В действительности невозможность создания наглядной модели микрообъектов, недоступность их прямому наблюдению ни в какой мере не опровергают их материальности, которая состоит в том, что они существуют вне и независимо от сознания человека, а это доказывается всем развитием науки и техническим применением научных данных о микромире.

Философы-идеалисты сейчас, как и 50 лет тому назад, когда Ленин писал «Материализм и эмпириокритицизм», используют в интересах философского идеализма трудности, испытываемые наукой, колебания ученых, их нерешительность в отстаивании и проведении материалистической точки зрения. Поэтому борьба с идеализмом требует знания современной науки и умения решать ее проблемы с позиций диалектического материализма.

Современный позитивизм проникает не только в естествознание, но и в область понимания общественной жизни. Его сторонники утверждают, что социальная действительность зависит от того, что люди о ней говорят, что социальные бедствия вызываются неправильным пониманием и употреблением слов; следовательно, для того чтобы изменить общественную жизнь, достаточно изменить язык, понимание слов. Американский позитивист С. Чейз договорился до того, что объявил лишенными смысла такие слова, как «капитал», «безработица» и т. д. По мысли Чейза, если в языке не будет, например, такого «вредного» слова, как «эксплуатация», то ее не будет и в действительности.

Неопозитивисты исключают из сферы науки не только «метафизические», но также и нравственные, этические оценки и суждения. Они утверждают, что любое суждение, содержащее этическую оценку, субъективно, т. е. выражает только личный взгляд говорящего. С этой точки зрения выходит, что признать, например, захватническую, агрессивную войну несправедливой — значит высказать лишь субъективное мнение, не более правомерное, чем оценка такой войны как вполне справедливой. Таким образом, философия неопозитивизма, как будто очень далекая от политики, весьма

пригодна для оправдания реакционной политики. В то же время человека, не согласного отказаться от моральных норм, имеющих объективное значение, она побуждает искать таких устойчивых норм и принципов за пределами науки, прежде всего в учении церкви.

Принижая науку, которая якобы не дает объективно-истинного знания о мире, неопозитивисты тем самым пролагают путь теологам и фидеистам — людям, защищающим религиозную веру. Этого не отрицают и сами сторонники неопозитивизма. Так, известный физик-идеалист П. Иордан заявлял, что «позитивистская концепция предлагает новые возможности для предоставления религии жизненного пространства без противоречия с научной мыслью» [12].

Ленин указывал: «Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма...» [13] Эти слова полностью относятся и к современным неопозитивистам.

Возрождение средневековой схоластики

Фидеизм все шире и активнее пропагандируется в современном буржуазном обществе. Усиленно активизируется церковь и ее организации. Идеологи господствующего класса все настойчивее твердят, что «только религия может принести спасение» [14], что единственный ответ на жгучие социальные вопросы «состоит в более эффективном проникновении в нашу жизнь духа христианства» [15].

Наряду с религией в кругах буржуазии и буржуазной интеллигенции широко распространилось увлечение мистикой, спиритизмом, астрологией, хиромантией и прочими видами суеверия.

Классовый смысл этого явления был вскрыт еще Лениным, указавшим, что «буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое» [16].

Возрождение средневековья имеет место и в современной буржуазной философии. Оно происходит в буквальном смысле: речь идет о философии *неотомизма* — обновленном учении средневекового схоласта Фомы Аквинского, которое Ватиканом признано официальной философией католической церкви.

Может показаться, что открыто религиозная философия, выдающая учение средневековой схоластики за «вечную философию», не должна иметь большого влияния в научных кругах. Но это не так. Неотомизм — тонкое и хитрое учение, нередко вводящее в заблуждение не только простых людей, но и ученых капиталистических стран.

Основой основ учения неотомистов является признание бога творцом и вседержителем мира. Природу они рассматривают как «осуществление божественных идей», а исто-

рию — как «реализацию божественного плана». В отличие от неопозитивистов, экзистенциалистов и подобных им субъективных идеалистов неотомисты заявляют, что окружающий мир, как творение бога, реально существует вне человека и его сознания и познается с помощью чувств и разума. Они даже критикуют в этой связи иррационализм экзистенциалистов и громогласно выступают в защиту разума, которым-де бог наделил человека, чтобы он мог познавать истину.

Подобные заявления сочувственно воспринимаются теми людьми, которые не удовлетворены софизмами позитивизма и иррационализма, но не хотят или не могут перейти на сторону философского материализма. Такие люди считают, что неотомизм удачно сочетает правильное, здоровое отношение к научному познанию с верой в бога, удовлетворяющей личную религиозную потребность человека.

Однако этот взгляд глубоко ошибочен. На самом деле неотомизм не может быть примирен с разумом и наукой. Основная идея неотомистов состоит в подчинении науки — религии, знания — вере. Они допускают лишь такой «разум», такой строй мыслей, который не выводит за пределы учения церкви. И, напротив, они объявляют неразумием, «восстанием против разума» защиту научных положений, противоречащих догматам церкви.

Неотомисты говорят о трех путях постижения истины: науке, философии и религии. Низший из них — наука. Знание, даваемое ею, якобы недостоверно и ограничено лишь телесной оболочкой, скрывающей истинную духовную сущность мира, куда наука не имеет доступа и которая частично открывается философии, или «метафизике». В отличие от науки философия ставит вопрос о первой причине существования мира и приходит к выводу, что такой первопричиной является высшее духовное начало, или божественный творец. Но высшая истина, учат неотомисты, постигается только откровением, религиозной верой, с которой должны согласоваться все общие выводы науки и философии.

Конечную теоретическую цель науки неотомисты усматривают в подыскании доводов, подтверждающих веру в бога, в доказательстве того, что «католицизм и наука созданы друг для друга». Все трудности, стоящие перед наукой, нерешенные вопросы они используют в пользу догматов церкви.

Один из излюбленных католической философией доводов в пользу сотворения мира — это ссылка на теорию «расширяющейся вселенной». В 1919 г. было открыто так называемое «красное смещение», т. е. сдвиг линий к красному концу в спектрах излучения, идущего к нам от отдаленных звездных систем — галактик. Наука не выяснила еще с достоверностью, чем вызвано это явление. Используя тот факт, что

наиболее вероятная причина «красного смещения» — это быстрое удаление галактик от нашей солнечной системы в разные стороны, философы-идеалисты немедленно сделали вывод, что когда-то вся материя и энергия вселенной были сосредоточены в одном «первоатоме», созданном богом.

Для этого вывода нет никаких научных оснований хотя бы потому, что мы не имеем права распространять выводы, сделанные на основании фактов, наблюдаемых в данное время и в ограниченной части вселенной, на всю бесконечную вселенную и на период, отдаленный от нас миллиардами лет.

Тем не менее, ссылаясь на эту и другие подобные «теории», папа Пий XII в речи «Доказательство бытия бога в свете данных современной науки», произнесенной 22 ноября 1951 г., заявил: «Таким образом, творение во времени; а поэтому и творец; и, следовательно, бог! Вот те слова... которых мы требуем от науки и которых наше поколение ожидает от нее» [17].

Этот пример показывает, как философы-идеалисты и церковники из недостаточно объясненных научных данных делают идеалистические и фидеистические выводы. Только прочность философских материалистических позиций и последовательность диалектического мышления могут избавить ученого от шатаний и уберечь его от ловушек, расставляемых идеалистами на всех трудных участках пути науки.

Нередко неотомисты привлекают людей тем, что в отличие от субъективных идеалистов уделяют большое внимание вопросам морали. Но мораль, проповедуемая неотомистами,— это мораль смирения, это учение о том, что не столько о земной жизни и о бренном теле, сколько о «бессмертной душе», о «вечной жизни», о боге должен думать человек. Другими словами, это мораль пассивного принятия и, следовательно, оправдания существующего социального зла, эксплуатации и неравенства, мораль, подменяющая протест и борьбу против социальной несправедливости молитвой и обращением к богу,— следовательно, мораль, выгодная только господствующему эксплуататорскому классу.

Для социально-политического учения неотомистов характерна активная борьба против социализма, сочетающаяся с «критикой» некоторых недостатков капитализма. Существующие пороки общества католические философы объясняют тем, что многие люди, в том числе капиталисты, забыли веру, перестали быть добрыми христианами. Такая «критика» говорит о том, что неотомисты и не помышляют о борьбе против капитализма, являясь по существу его защитниками.

В капиталистическом мире распространено много других течений и школ, называющих себя «инструментализмом» *,

* Об «инструментализме» или прагматизме см. в главе 3.

«неореализмом», «феноменологией», «персонализмом» и т. д. и т. п. Но все они находятся внутри общего идеалистического лагеря, им присущи те же реакционные черты и тенденции, которые лишь отчетливее выражены в рассмотренных выше самых типичных учениях.

Идеалистическая философия не способна дать правильный ответ на научные и социальные проблемы современности. Проникнутая духом враждебности к научному мировоззрению и общественному прогрессу, она отражает углубляющийся упадок капитализма и кризис его культуры.

8. В борьбе за научное мировоззрение

Слабость и несостоятельность современной идеалистической философии проявляются в том, что она противоречит и развитию науки, и прогрессивным общественным движениям; она вызывает протест как со стороны духовно стойких, неподкупных ученых, так и со стороны всех тех, кому интересы народа и светлого будущего человечества дороже интересов владельцев капитала.

В странах, которые апологеты империализма лицемерно называют «свободным миром», все более разгорается идеологическая борьба между прогрессивным и реакционным мировоззрением, между сторонниками материализма и идеализма. Ее возглавляют сплоченные в коммунистических организациях кадры марксистов. Но нередко и из среды самой буржуазной интеллигенции выдвигаются люди, понявшие реакционную роль философского идеализма и выступающие против него.

Среди них такой прогрессивный философ, как Бэрроуз Данэм, мужественный борец против духовной и политической реакции в США, острый критик ретроградных философских учений и социальных мифов. Разоблачая измельчание и деградацию философии в писаниях прагматистов и позитивистов, Данэм высоко поднимает достоинство философии, видя в ней выражение интересов и чаяний народа. «...Для меня самым привлекательным в философии является то, что ее истоки уходят в народ»,— пишет он в своей книге «Гигант в цепях». Для Данэма философия — это не схоластический «анализ языка»; «философия,— пишет он,— является руководством жизни», «философия представляет собой теорию освобождения человечества» [18].

Японский философ Янагида Кэндзюро, вступив на путь борьбы за мир, за демократические права японского народа и за избавление его от иностранной зависимости, убедился в том, что идеалистическая философия обессиливает человека, дурманит его ум несбыточными иллюзиями. Янагида Кэнд-

зюро нашел в себе мужество отказаться от этой обманчивой философии, подвергнуть ее критике и встать на позиции научного, материалистического мировоззрения. Он писал в книге «Мое путешествие в истину»:

«На место развалившейся идеалистической философии пришла новая, марксистская, материалистическая философия, которая владеет умами нашей молодежи. Это и понятно, ибо, чем более обостряются социальные противоречия в оккупированной чужеземными войсками стране, тем яснее становится для широких масс правда диалектического материализма»[19].

Бэрроуз Данэм и Янагида Кэндзюро не одиночки. Можно назвать многих прогрессивных философов и ученых, ведущих борьбу против философского идеализма, отстаивающих и пропагандирующих диалектический материализм.

В США в первых рядах борцов за материализм стоят Говард Селзам, Гарри Уэллс и другие марксисты. Активную деятельность по ознакомлению американского народа с мировоззрением советских людей ведет известный прогрессивный философ Джон Сомервилл. Близки к материализму и немало сделали для разоблачения идеалистической философии Рой Вуд Селлерс, Корлисс Ламонт и Пол Кроссер. В Англии заслуженной известностью пользуются М. Корнфорт, Дж. Льюис, А. Робертсон, крупные ученые Дж. Бернал, Д. Холдейн, внесшие значительный вклад в общее дело борьбы за прогрессивное мировоззрение. Французские и итальянские марксисты Р. Гароди, Ж. Канапа, М. Спинелла, Ч. Лупорини и многие другие имеют большие заслуги в распространении передовых философских идей. Работы Эли Гортари (Мексика), Х. Феодоридиса (Греция) показывают, что и в других странах мира материалистическая философия завоевывает умы людей.

Наряду с защитой материализма людьми, пришедшими к нему через активную общественную деятельность и философские размышления, материализм получает все усиливающуюся поддержку со стороны передовых представителей современной естественной науки. Многие важнейшие научные открытия последних десятилетий стали убедительным доказательством правоты марксистского философского материализма.

Теория относительности Эйнштейна доказала неразрывную связь пространства и времени с материей и ее движением и подтвердила учение диалектического материализма о пространстве и времени как формах существования материи. Ядерная физика раскрыла сложную структуру ядра атома и обнаружила многие элементарные частицы материи, дав новое обоснование положению марксистского философского материализма о неисчерпаемости материи, о бесконечном многообразии ее форм. В физике постепенно утвердился диа-

лектический взгляд на микрочастицу как на единство вещества и поля, единство корпускулярных и волновых свойств.

Успехи в области физических наук сопровождались серьезными успехами в химии, биологии, физиологии. Достижения теоретического естествознания способствовали гигантскому прогрессу техники. Три великих научных и технических завоевания нашего времени — использование атомной энергии, электроника и ракетная техника — начали новую эру в истории производительных сил человечества, неизмеримо увеличив его власть над природой. Искусственные спутники Земли и космические ракеты открыли реальную перспективу выхода человека за пределы земной атмосферы и освоения просторов космоса.

Все эти и другие открытия и достижения подтверждают истинность диалектического материализма и нередко заставляют позитивистски настроенных ученых пересматривать свои взгляды. Показательно, например, что А. Эйнштейн в последний период своей жизни стал все чаще высказываться в пользу материализма, а такие крупные ученые, как Л. Инфельд, Луи де Бройль, примыкавшие ранее к позитивизму, перешли в конце концов на сторону материализма.

Некоторые крупнейшие ученые (Н. Бор, В. Гейзенберг), в течение десятилетий возглавлявшие позитивистское течение в физике, в последнее время стали отказываться от ряда позитивистских положений и критиковать их. Среди примыкающих к позитивизму ученых и философов уже есть люди, которые начали колебаться, которые сочувствуют материализму и тянутся к нему.

Огромное значение новейших открытий в области естествознания состоит, в частности, в том, что они подрывают старое, метафизическое мировоззрение и выдвигают на первый план диалектический взгляд на мир. В. И. Ленин, который в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» обобщил процессы, происходившие в физике в начале 20 века, с полным основанием констатировал: «Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм» [20]. Эти слова Ленина сохраняют все свое значение и для физики наших дней.

Современное естествознание ходом своего собственного развития приходит к признанию метода материалистической диалектики. Это поняли такие выдающиеся физики нашего времени, как Поль Ланжевен, Фредерик Жолио-Кюри и ряд других ученых. Они стали сознательными сторонниками диалектического материализма.

В наше время, чтобы вести успешную борьбу против реакционной философии, чтобы прочно стоять на позициях материалистического мировоззрения и уметь защитить его, мало считать себя материалистом; для этого нужно быть сознательным сторонником диалектического материализма.

ГЛАВА 2

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Марксистская материалистическая диалектика представляет собою самое глубокое, всестороннее и богатое по содержанию учение о движении и развитии. Она является итогом всей многовековой истории познания мира, обобщением необъятного материала общественной практики.

Материалистическая диалектика и философский материализм неразрывно связаны и пронизывают друг друга, как две стороны единого философского учения марксизма.

Различие между ними состоит в том, что, говоря о марксистском философском материализме, мы делаем упор на отношение материи к сознанию, на понимание материи, на учение о материальном единстве мира, на анализ форм существования материи и т. д.; говоря же о материалистической диалектике, мы выдвигаем на первый план учение о всеобщих связях и закономерностях движения и развития объективного мира и их отражения в сознании человека.

«Искусством диалектики» (диалектикэ́ тэ́хнэ) древнегреческие философы называли умение установить истину посредством спора или беседы, в которых выявляются противоречия во взглядах собеседников. В конце 18 — начале 19 века немецкие философы-идеалисты, и особенно Гегель, понимали под диалектикой развитие мысли через противоречия, раскрывающиеся в самой мысли. Гегель тщательно описал основные формы диалектического мышления. Однако он разработал свою диалектику, исходя из неправильной, идеалистической точки зрения, согласно которой диалектическое развитие свойственно только мышлению, духу, идее, но не природе. Как сказал Маркс, диалектика у Гегеля «стояла на голове». Для правильного истолкования диалектики ее надо было поставить с головы на ноги. Это сделали Маркс и Энгельс, создав материалистическую диалектику и вложив в термин «диалектика» новое содержание.

Основоположники марксизма, исходя из принципа материального единства мира, стали понимать под диалектикой

учение о всеобщих связях, о наиболее общих законах развития всей действительности. Тем самым «диалектика» из гегелевского идеалистического учения о движении мысли превратилась в материалистическое учение об общих законах развития *бытия*. Диалектика развития наших понятий (субъективная диалектика) оказалась, таким образом, отражением в научной мысли диалектики развития самого бытия (объективной диалектики).

Каждая специальная наука изучает формы движения и закономерности различных областей действительности. Диалектика — особая наука: она изучает наиболее общие закономерности всякого движения, изменения и развития. Всеобщность законов диалектики состоит в том, что они действуют в природе и обществе, им подчинено и само мышление.

Маркс и Энгельс рассматривали диалектику не только как научную теорию, но и как *метод познания* и как *руководство к действию*. Знание общих законов развития дает возможность разобраться в прошлом, правильно понимать происходящие процессы и предвидеть будущее. Поэтому оно представляет собою *способ подхода* к исследованию и к основанному на его результатах практическому действию.

На всем протяжении своей истории диалектике приходилось и в настоящее время приходится вести борьбу с враждебным ей способом мышления и взглядом на мир — с *метафизикой.*

Слово «метафизика» означает в марксистской философской литературе не то, что в домарксистской и в современной буржуазной философской литературе. В домарксистской литературе это греческое слово, точнее выражение («та мета́ та фюсика́» — «то, что идет после физики, науки о природе»), означало особую *часть* философии. Это часть, в которой философы пытались и все еще пытаются чисто умозрительным путем постигнуть якобы неизменную, вечную сущность вещей.

Критикуя ненаучные, искусственные системы метафизики, Маркс и Энгельс называли словом «метафизика» не часть философии и не умозрительное познание, а *метод* исследования и мышления, применявшийся создателями этих систем и противоположный диалектическому методу. В настоящее время в марксистской философии термин «метафизика» применяется почти исключительно в этом смысле.

Коренной порок метафизики — это односторонний, ограниченный, негибкий взгляд на мир; это склонность раздувать и абсолютизировать отдельные стороны явлений и упускать из вида другие, не менее важные. Так, например, метафизик видит относительную устойчивость, определенность вещи, но не замечает ее изменения и развития. Он обращает внимание на то, что́ выделяет данное явление из совокупности других

явлений, но он не в состоянии разглядеть его многообразных отношений и глубоких связей с другими вещами и явлениями. Он признает только окончательные ответы на все вопросы, стоящие перед наукой, не понимая того, что сама действительность развивается и что любое научное положение имеет значение лишь в определенных границах.

Метафизический метод более или менее пригоден в домашнем обиходе и на низших ступенях развития науки, но он неминуемо терпит крах, если с его помощью пытаются объяснить сложные процессы развития. Естествознание и общественно-политическая жизнь на каждом шагу обнаруживают недостаточность метафизики и необходимость замены ее диалектикой.

Тем не менее метафизика до сих пор не изжита ни в философии, ни в специальных науках.

Чем же объяснить живучесть метафизики? Было время, когда научное мышление было в основном не диалектическим, а метафизическим. Метафизический способ мышления как метод науки окончательно сложился и получил распространение в 17—18 веках, в период становления науки нового времени. Тогда естествознание занималось преимущественно собиранием сведений о природе, описанием различных вещей и явлений, разделением природы и ее явлений на определенные классы. Но, чтобы описать ту или иную вещь, надо было изъять эту вещь из совокупности других вещей и рассмотреть ее отдельно. В результате такого подхода сложилась привычка рассматривать предметы и явления в их обособленности, вне их всеобщей связи. А это не давало возможности увидеть развитие вещей, происхождение одних вещей из других, отличных от них. Так возник метафизический метод мышления, рассматривавший вещи в отрыве друг от друга, вне развития. Метафизика долгое время господствовала в сознании людей, стала традицией научного мышления.

В наше время применение метафизического метода ничем не оправдано. Метафизика представляет собой отсталый метод, отсталое мировоззрение, которые играют резко отрицательную роль и в научном познании, и в общественно-политической жизни, так как легко ведут к крупным ошибкам и просчетам.

Вторая причина живучести метафизики — это враждебное отношение к материалистической диалектике, уже давно сложившееся у идеологов буржуазии.

«В своём рациональном виде,— писал К. Маркс,— диалектика внушает буржуазии и её доктринёрам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществлённую форму она рассматривает в движении, следовательно также и с её пре-

ходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»[1].

Не приходится удивляться тому, что под влиянием политического и идеологического давления реакционных сил многие ученые и философы в капиталистических странах до сих пор боятся диалектики, не знают и не изучают ее, относятся к ней с предубеждением и... идут на поводу у метафизики.

Марксистская материалистическая диалектика дает надежное оружие для борьбы против метафизики, для научного рассмотрения всех явлений развивающейся действительности.

1. Всеобщая связь явлений

Окружающий человека мир представляет собой картину величайшего многообразия явлений. Как показывают самые простые наблюдения, эти явления находятся в определенных, более или менее устойчивых связях между собой. В мире обнаруживается определенное постоянство, регулярность. Так, день следует за ночью, а за зимой наступает весна; из желудя вырастает обязательно дуб, а не береза или сосна; куколка превращается в бабочку, но никогда не становится снова гусеницей.

Люди еще в глубокой древности начали убеждаться в том, что вещи и явления окружающего мира обусловливают друг друга, что между ними существует не зависящая от сознания и воли человека естественная необходимая связь.

Правда, пониманию этой связи долгое время мешали суеверия и религиозные представления, согласно которым природные явления могут вызываться сверхприродными силами, богами, способными нарушить естественную связь вещей. Однако наука и материалистическая философия доказывали, что нет и не может быть чудес, сверхъестественных событий, что в мире существует только естественная связь вещей и явлений. Постепенно эта истина глубоко проникла в сознание людей.

В процессе развития научного и философского познания мира были открыты многие виды и проявления всеобщей связи явлений и созданы выражающие их понятия (категории), например такие, как причинность, взаимодействие, необходимость, закон, случайность, сущность и явление, возможность и действительность, форма и содержание. В настоящем параграфе рассматриваются главным образом категории, непосредственно связанные с пониманием *необходимого* характера всеобщей связи и обусловленности явлений, т. е. с принципом детерминизма, являющегося краеугольным камнем всякого подлинно научного объяснения мира.

Причинно-следственная связь

Наиболее знакомой каждому человеку, всегда и везде встречающейся формой связи является причинно-следственная (или «каузальная» — от латинского слова «кауза» — причина) связь.

Обычно причиной какого-либо явления называется то, что вызвало его существование. Произведенное же явление называется действием или следствием. Например, ветер — причина движения парусной яхты.

Между причиной и действием существует известная последовательность во времени: сначала возникает причина, а за нею наступает действие. Однако далеко не всякое «после» означает «вследствие». Например, день всегда следует за ночью, а ночь — за днем, но ни день не является причиною ночи, ни ночь — причиною дня. Причина смены ночи днем, а дня — ночью заключается, как известно, во вращении Земли вокруг своей оси, в результате чего поочередно освещается то одна, то другая сторона земного шара.

Действие необходимо связано с причиной. Если есть причина, то обязательно наступит и действие, конечно, при том условии, что ему ничто не помешает. Если нажать спусковой крючок заряженного ружья, то обязательно должен произойти выстрел. Но мы знаем, что иногда выстрел все-таки не происходит. Означает ли это, что причинная связь в данном случае утратила свой обязательный характер? Нет, это означает лишь, что какая-то другая причина помешала выстрелу. Такой помехой могло быть то, что пружина курка ослабла, или порох отсырел, или капсюль был испорчен и т. д. Исследовав все обстоятельства, мы можем обнаружить причину, помешавшую произойти ожидаемому явлению. Таким образом, нарушение причинной связи на самом деле здесь только кажущееся.

Для того чтобы причина вызвала действие, всегда требуются некоторые *условия*. Условия — это такие явления, которые необходимы для наступления данного события, но все же сами по себе его не вызывают. Так, например, для того чтобы самолет мог подняться в воздух, необходим ряд условий: наличие взлетной площадки, отсутствие тумана и других помех. Но сами по себе эти условия, конечно, недостаточны для взлета самолета. Для этого нужна работа его двигателей в качестве непосредственной причины.

Нередко, особенно в сложных случаях, причину легко смешать с *поводом*. Происходит это смешение в результате поверхностного взгляда на вещи, неумения вскрыть подлинные, глубоко лежащие причины явлений. Повод сам по себе не может породить данное явление, но он играет роль толчка для проявления действительных причин. Так, например, поводом к первой мировой войне явилось убийство австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево. Но известно, что при-

чиной ее было не это убийство, а обострившееся соперничество империалистических держав.

В практической жизни, в политике, чтобы правильно разобраться в событиях, чтобы отделить существенное от несущественного, особенно важно уметь отличать действительные причины от условий и поводов.

Против идеалистического понимания причинности

Причинная связь имеет всеобщий характер, распространяется на все явления природы и общества, простые и сложные, изученные наукой и не изученные. Нет и не может быть беспричинных явлений. Всякое явление необходимо имеет свою причину.

Выяснение причинных связей — первостепенная задача науки. Чтобы объяснить какое-либо явление, нужно найти его причину. Исследуя и познавая мир, наука продвигается в глубь явлений: от поверхности событий к их ближайшим, непосредственным причинам, а от них — к причинам более отдаленным, общим, но вместе с тем и более существенным. Незнание действительной причины явления не только лишает человека возможности сознательно вызывать или предотвращать то или иное явление, но и благоприятствует возникновению ненаучных, фантастических представлений, суеверий, мистических, религиозных толкований природы.

Вот почему проблема причинности давно является предметом острой борьбы между материализмом и идеализмом. Философы-идеалисты часто либо вообще отрицали объективный характер причинной связи, либо источник ее усматривали не в природе, а в каком-нибудь духовном начале.

По мнению английского философа 18 века Д. Юма, опыт не показывает нам необходимой связи явлений. Поэтому мы вправе говорить лишь о том, что одно явление происходит после другого, но якобы не вправе утверждать, что одно явление вызывает другое.

И. Кант понимал, что без признания обязательного характера причинной связи не может быть науки. Но, так же как и Юм, он полагал, что в наблюдаемых нами явлениях этой связи нет. Источник причинности и необходимости Кант видел в нашем сознании, благодаря особому устройству которого мы якобы вносим причинную связь в воспринимаемые нами явления.

Многие современные идеалисты уверяют, что в природе нет ни причины, ни следствия, что, как писал Л. Витгенштейн, «вера в причинную связь есть *предрассудок*» [2].

Подобные нелепые взгляды идеалистов решительно опровергаются всей историей науки. Ведь существование естествознания и общественных наук связано прежде всего с открытием и изучением причин происходящих в мире явлений. Убедительнее же всего объективность причинной связи дока-

зывается практической, производственной деятельностью человека. Открывая причинные зависимости в природе, а затем практически пользуясь знанием этих зависимостей, люди вызывают нужные им следствия, добиваются желательных результатов. *«Благодаря этому,*— писал Энгельс,— благодаря *деятельности человека* и обосновывается представление о *причинности,* представление о том, что одно движение есть *причина* другого»[3].

Идеализм и религия борются против материалистического учения о причинности и с помощью учения о целесообразности, или так называемой *телеологии* (от греческого слова «телос» — цель). Причинному объяснению, отвечающему на вопрос, *почему* произошло то или иное явление природы, телеология противопоставляет домыслы о том, *зачем, ради каких целей* оно возникло. Согласно телеологическому взгляду существование, устройство и развитие вещи определяются той целью, или «конечной причиной», для которой эта вещь предназначена. Телеология — учение, чрезвычайно удобное для религии и идеалистической философии, так как неизбежно ведет к выводу о существовании высшего разума (бога), осуществляющего свои цели в природе.

В доказательство своих взглядов сторонники телеологии обычно приводят факты целесообразного строения организмов в природе (например, защитная окраска у животных). Марксистская диалектика не отрицает целесообразности в анатомическом строении и деятельности живых организмов. Но она утверждает, что в основе этой целесообразности лежат объективные причины. Механизм, с помощью которого они действуют, раскрыла теория Дарвина. Изменения в мире животных и растений возникают на основе взаимодействия их с измененными условиями жизни. Если эти изменения оказываются полезными для организма, т. е. помогают ему приспособиться к среде и выжить, то они сохраняются в результате естественного отбора, закрепляются наследственностью, передаются из поколения в поколение, образуя то целесообразное устройство организмов, ту приспособленность к среде, которая так часто поражает воображение людей.

О взаимодействии

Несмотря на огромное теоретическое и практическое значение причинной связи явлений, она не исчерпывает всего многообразия отношений объективного мира. Ленин писал, что «каузальность... есть лишь малая частичка всемирной связи...»[4], что «человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса»[5].

Это значит, что взаимосвязь явлений в природе и в обществе богаче и сложнее, чем та, которая выражается отноше-

нием причины к следствию. В частности, причина и следствие подчинены более широкому отношению *взаимодействия.*

Природа представляет собою единое целое, все части которого так или иначе связаны между собой. В этой универсальной взаимосвязи любое явление, будучи следствием какой-либо причины, само выступает в другой связи как причина, порождающая новые следствия. Так, происходящее под воздействием солнечных лучей испарение воды в морях и реках приводит к образованию облаков, которые в свою очередь становятся источником дождей, увлажняющих почву и питающих ручьи и реки.

Взаимодействие проявляется и в том, что причина и следствие оказывают влияние друг на друга в рамках одного процесса и в этом смысле меняются местами: причина становится следствием и наоборот. Примером взаимодействия такого рода может служить происходящая на Солнце непрерывная термоядерная реакция, при которой процесс превращения атомов водорода в атомы гелия создает высокую температуру (порядка миллионов градусов), которая в свою очередь необходимо вызывает синтез атомов гелия из атомов водорода.

С взаимодействием мы часто встречаемся и при изучении общественной жизни. Так, например, рост спроса населения на какие-либо товары вызывает рост производства этих товаров. Рост производства в свою очередь порождает рост спроса. Причина и следствие здесь меняются местами. Спрос воздействует на производство, производство воздействует на спрос.

Таким образом, причину и следствие надо понимать не метафизически, как застывшие, разорванные, абсолютные противоположности, а диалектически, как взаимосвязанные, переходящие друг в друга, «текучие» понятия.

Однако недостаточно раскрыть взаимодействие разных факторов или разных явлений между собою. Необходимо еще выяснить, что является определяющей стороной в этом взаимодействии. Только тогда, когда мы раскрываем ее, мы бываем в состоянии правильно понять источники развития процесса, оценить участвующие в нем силы и представить себе основную линию, направление развития.

И в приведенном выше примере, чтобы дать правильную картину взаимодействия роста спроса на товары и роста производства этих товаров, следует подчеркнуть, что определяющей стороной этого взаимодействия является рост производства.

Необходимость и закон

Признавая обязательный характер причинной обусловленности всех явлений, мы тем самым признаем, что в мире господствует необходимость. Необходимым называют такое возникновение и развитие явлений, которое вытекает из наибо-

лее существенных отношений, лежащих в основе данного процесса. Необходимое развитие — это развитие, которое при данных условиях не может не происходить. Так, например, в истории органического мира менее приспособленные организмы необходимо сменяются более приспособленными.

Необходимость в природе и обществе наиболее полно раскрывается в законах. Признание необходимости в возникновении и развитии явлений влечет за собой признание того, что эти явления подчинены известным закономерностям, которые существуют независимо от воли и желания людей.

Всякий закон есть проявление необходимости, которой подчиняются явления. Например, любое тело, поднятое над поверхностью Земли, необходимо упадет, если его не поддерживает никакая противоположно направленная сила. Здесь проявляется действие закона всемирного тяготения.

Что же такое закон? Закон — это глубокая, существенная, устойчивая, повторяющаяся связь или зависимость между явлениями или различными сторонами одного и того же явления. Так, закон Архимеда устанавливает устойчивую связь между весом жидкости или газа, вытесненных погруженным в них телом, и величиной «подъемной силы», действующей на данное тело со стороны жидкости или газа. Законы могут быть менее общими, действующими в ограниченной области (например, закон Ома), и более общими, распространяющимися на весьма широкие области (например, закон сохранения энергии). Некоторые законы устанавливают точную количественную зависимость между явлениями и могут быть выражены математически (например, законы механики). Другие законы не поддаются точной математической формулировке (например, закон естественного отбора). Но и те и другие законы выражают объективную, необходимую связь явлений.

Познание законов объективной действительности помогает глубже понять причины происходящих событий и составляет поэтому надежную основу целенаправленной деятельности человека.

Никакой закон не может, однако, охватить явление во всей его полноте. Он выражает лишь наиболее существенное в явлении.

Чтобы открыть закон, которому подчиняются те или иные явления, необходимо отвлечься от побочных сопутствующих обстоятельств и выделить в чистом виде существенную, решающую связь явлений. Наука осуществляет это как с помощью специально поставленных экспериментов, так и путем логического выделения, абстрагирования (отвлечения) существенных сторон явлений. Так, закон свободного падения тел (закон Галилея) отвлекается от сопротивления воздуха, не принимает его во внимание и устанавливает, что все тела

падают с одинаковым ускорением. Но в условиях земной атмосферы тело может упасть быстро, подобно камню, или опускаться медленно, как сухой лист, или даже на время подняться вверх, как это бывает с семенами одуванчика и других растений.

Во всех этих случаях закон Галилея продолжает действовать. Однако, исходя только из знания этого закона, полностью объяснить падение того или иного тела в конкретных условиях нельзя. Для такого объяснения необходимо знание не только закона, но и тех обстоятельств, в которых он действует.

Необходимость и случайность

Среди многообразных явлений природы и человеческого общества есть и такие, которые не вытекают с необходимостью из закономерного развития данной вещи или данного ряда событий, которые могут случиться, а могут и не случиться, могут произойти так, но могут произойти и иначе. Это случайные явления.

Например, град, повредивший посевы, является случайным по отношению к труду земледельцев и закономерностям роста растений.

Вокруг проблемы случайности в науке велось немало споров. Из правильного положения о причинной обусловленности всех явлений в природе и человеческом обществе многие ученые и философы делали неверный вывод о том, что в мире есть только необходимость, а случайных явлений нет. Случайность, с их точки зрения,— это субъективное понятие, при помощи которого мы обозначаем то, причины чего мы не знаем.

Такой взгляд глубоко ошибочен, потому что здесь отождествляются два разных понятия: необходимость и причинность. Верно, что нет в мире беспричинных явлений; верно, что и случайные явления причинно обусловлены. Но от этого случайные явления не становятся необходимыми. Возьмем такой пример. Поезд сошел с рельсов и потерпел крушение. Мы можем узнать причину крушения, например плохое крепление рельсов к шпалам, которого не заметил обходчик; тем не менее крушение является случайностью, а не необходимостью. Почему? Потому что оно было вызвано обстоятельством, не вытекающим из закономерностей движения поездов по железным дорогам, поскольку технически вполне возможно создать условия, при которых крушений не будет.

Отрицание объективной случайности ведет к выводам, вредным и с научной и с практической точки зрения.

Признавая все одинаково необходимым, человек оказывается неспособным отделить существенное от несущественного, необходимое от случайного. Как говорил Энгельс, сама необходимость низводится при таком взгляде на уровень случайности.

Для правильного понимания необходимости и случайности нужно видеть не только различия, но и связь между ними. Этой связи совершенно не понимает метафизика, для которой необходимость и случайность — это противоположности, не имеющие друг с другом ничего общего. В противовес метафизике материалистическая диалектика доказала, что неправильно абсолютно противопоставлять случайность необходимости, рассматривать случайность изолированно от необходимости, как поступают метафизически мыслящие люди. Никакой абсолютной случайности нет. Есть только случайность *по отношению к чему-либо.*

Неверно думать, будто явления могут быть либо только необходимыми, либо только случайными. Любая случайность содержит в себе момент необходимости, точно так же как необходимость прокладывает себе дорогу сквозь массу случайностей. Диалектика необходимости и случайности состоит в том, что случайность выступает как форма проявления необходимости и ее дополнение. Следовательно, случайности имеют место и внутри необходимого процесса.

Приведем пример. С переходом к зиме в северных широтах наступают холода, выпадает снег. Это необходимость. Но в какой именно день температура опустится ниже нуля и выпадет снег, каким будет холод, сколько выпадет снега и т. д.— все это является случайным. В то же время в этих случайностях проявляется необходимость, ибо и холод и снег — обязательные признаки нашей зимы.

В приведенном выше примере с поездом, сошедшим с рельсов, крушение было случайностью. Однако если на железной дороге плохая организация, слабая дисциплина, низкая квалификация работников, то аварии из редкой случайности становятся необходимым результатом неудовлетворительной работы дороги. Конечно, и в этом случае конкретные обстоятельства той или иной аварии, а также место и время их происшествия остаются более или менее случайными.

Случайности, далее, оказывают влияние на ход развития необходимого процесса, они могут ускорять или замедлять его. Очень часто случайности в ходе развития настолько включаются в необходимый процесс, что сами превращаются в необходимость. Так, согласно теории Дарвина, незаметные случайные изменения организмов, полезные для них, закрепляются наследственностью, усиливаются в ходе эволюции и приводят к изменению вида. Случайные различия, таким образом, превращаются в необходимые признаки нового вида.

Сказанное свидетельствует о том, что необходимость и случайность не отделены друг от друга непреодолимым рвом, они взаимодействуют, переходят друг в друга в процессе развития.

Из связи случайности и необходимости следует, что и случайные явления также подчиняются известным закономерностям, которые могут быть изучены и познаны.

Так, например, статистикой установлено, что в США средняя продолжительность жизни белых выше, чем негров. Эта закономерность не означает, что всякий белый живет дольше всякого негра. Некоторые белые умирают молодыми, а некоторые негры доживают до глубокой старости. Но в среднем, в массе, указанная закономерность действует, и в ней находят свое выражение тяжелое положение негров в США, расовая дискриминация, худшие условия жизни, более низкая заработная плата и т. д.

Закономерности, которым подчинены случайные явления, обобщены в ряде научных теорий, в частности в математической теории вероятности.

Детерминизм и современная наука

Признание объективного характера всеобщей связи, причинной обусловленности явлений, господства необходимости и закономерности в природе и обществе составляет принцип *детерминизма,* на позициях которого всегда стояли материалисты.

Детерминизм является основным принципом всякого подлинно научного мышления, поскольку, лишь зная причины соответствующих явлений, можно научно объяснить их происхождение, только зная закон, управляющий явлениями, можно предсказать их дальнейшее развитие. Однако понимание этого принципа не оставалось неизменным в ходе развития науки. В естествознании 18—19 веков, которое ограничивалось исследованием «макромира», т. е. относительно крупных тел и их частей, и опиралось главным образом на механику Ньютона, господствовал *механический детерминизм.* Его отличительной особенностью, а вместе с тем и недостатком было то, что он сводил всякую причину к механической. Примером механической причинной связи может служить движение биллиардного шара в результате удара кием. Количество движения, полученное шаром, равно количеству движения, сообщенному ему кием. Для механического детерминизма характерна мысль, что в *действии* не может быть ничего другого, кроме того, что имеется в его *причине.* Отсюда следует, что, если нам известно состояние тела или системы тел в определенный момент времени, мы можем, опираясь на законы классической механики (т. е. механики Ньютона), однозначно предсказать состояние этой системы для любого другого момента времени.

Взгляд этот оправдывал себя и подтверждался на практике при изучении движения и механического взаимодействия небесных тел, а также земных тел и их частей в макромире. На основе метода механического детерминизма строи-

лось предвычисление видимых положений Солнца и планет, а также расчеты машин и инженерных конструкций.

Однако попытки применить принцип механического детерминизма к изучению более сложных явлений потерпели неудачу. Биологические явления, физиологические и психические процессы, общественная деятельность людей оказались недоступными для объяснения средствами одного лишь механического детерминизма. Вместо простого механического движения наука имела здесь перед собой сложное развитие. Вместо равенства между действием и причиной в действии оказывалось нечто новое, чего не было в причине.

Таким образом пришлось признать, что кроме механического типа причинности существуют другие типы причинных отношений.

Вторым чрезвычайно важным недостатком механического детерминизма было то, что он не признавал объективности случайных явлений. Именно сторонники такого детерминизма отождествляли случайность с беспричинностью и отрицали ее.

Недостаточность механического детерминизма стала особенно очевидной, когда успехи науки и техники открыли доступ к познанию микромира и свойств так называемых элементарных частиц, т. е. самых мелких и простых частиц, которые знает современная наука (электрон, позитрон, мезон и т. д.).

В макромире состояние движущегося тела характеризуется его положением в пространстве (координатами) и скоростью в данный момент. Значение этих величин может быть совершенно точно определено, а зная их, мы можем на основе законов классической механики вполне однозначно предвычислить их значение для любого будущего момента времени.

В микромире благодаря особой природе его явлений движение частицы характеризуется гораздо более сложным образом. Это находит свое выражение, в частности, в том, что в каждый данный момент можно сколь угодно точно определить *либо* положение, *либо* скорость микрочастицы. В микромире законы классической механики оказываются недостаточными. Мы не можем предвычислить точное значение координаты и скорости микрочастицы, но, зная законы квантовой механики (т. е. механики, изучающей движение в микромире), мы можем для каждого будущего момента времени предвычислить *вероятность* того или иного значения этих величин.

В микромире случайность играет чрезвычайно важную роль, и квантовая механика принимает во внимание и учитывает как необходимость, так и случайность в происходящих в микромире процессах.

Открытия в области микромира и создание квантовой

механики были сами по себе крупнейшим успехом науки и диалектического понимания мира. Было доказано, что свойства и отношения материальных тел и их частиц не так однородны и однообразны, как полагала старая физика, что материя неисчерпаема в своем многообразии.

Однако из открытий физики были сделаны и другие, идеалистические выводы. Их защищают не только философы-идеалисты, но и некоторые крупные ученые в капиталистических странах, находящиеся под влиянием церкви и идеализма.

В современной физике и философии естествознания подняло голову течение «индетерминизма», представители которого отвергают самый принцип объективной необходимой связи. Ошибочно полагая, будто детерминизм возможен только в его старой, механической форме, не принимающей во внимание случайность, и ссылаясь на доказанную наукой недостаточность этого механического детерминизма, они делают вывод о несостоятельности всякого детерминизма вообще. Тем самым они вольно или невольно открывают дверь для проникновения в науку суеверий и веры в чудеса. Некоторые ученые и философы в капиталистических странах дошли даже до признания «свободной воли» у электрона. С их точки зрения, само развитие науки создало возможность примирения и совмещения науки с идеализмом и религией.

В действительности современная физика не опровергла детерминизм, а обнаружила, что в микромире он проявляется особым образом. Невозможность одновременно определить точное значение координаты и скорости микрочастицы доказывает не «свободу воли» электрона, а обнаруживает чрезвычайную сложность и своеобразие явлений микромира. Изучение закономерностей этих явлений составляет главное содержание квантовой механики, которой успешно пользуются как ученые, так и инженеры в своих расчетах. А это свидетельствует о том, что и здесь мы имеем дело с присущей всем явлениям действительности объективной необходимой связью и обусловленностью явлений.

2. Количественные и качественные изменения в природе и обществе

При исследовании многообразных явлений действительности первая задача состоит в том, чтобы отличить изучаемое явление от всех других.

Качественная и количественная определенность вещей

Совокупность существенных черт или признаков, делающих данное явление тем, что оно есть, и отличающих его от других явлений, называется *качеством* вещи или явления. Философское понятие качества отличается от представления о качестве в повседневной жизни. Обыден

ное представление о качестве связано с оценкой явления. В этом смысле говорят о хорошем или плохом качестве, например пищи, промышленного изделия или художественного произведения. Философское понятие качества не содержит в себе оценки явления. Это только понятие о неотъемлемых отличительных признаках, о внутреннем строении явления, которые составляют его определенность и без которых оно перестает быть самим собой.

Так, например, лес предполагает наличие густой заросли деревьев. Но если на каком-то его участке вырубить деревья, то перед нами будет уже не лес, а вырубка или просека. Потеряв свое качество, вещь изменяется, становится другой вещью, обладающей другой качественной определенностью.

В практической жизни очень важно бывает установить качественное различие между вещами, так как это позволяет правильно их использовать. Так, например, алюминий, медь и уран — это металлы, которые качественно отличаются друг от друга и поэтому получают различное применение в технике: алюминий применяется в самолетостроении, медь идет на производство электропроводов, уран используется для получения атомной энергии.

Большое значение имеет понятие качества для понимания явлений общественной жизни. Например, существует качественное отличие социалистического общества от рабовладельческого, феодального и капиталистического. Чтобы установить это отличие, надо вскрыть наиболее существенные, характерные для социализма общественные отношения, его экономическую структуру, которыми он отличается от других общественных систем.

Следует иметь в виду, что качеств, которые существовали бы сами по себе, конечно, нет. Есть только вещи или явления, которым присуще то или иное качество.

Но внутри вещей или их совокупностей, обладающих известной качественной определенностью, могут быть и свои более или менее значительные качественные различия. Так, например, в животном мире позвоночные качественно отличаются от членистоногих. Но и внутри общего подтипа позвоночных имеются качественные различия между млекопитающими, птицами, рыбами, пресмыкающимися и амфибиями. В свою очередь и среди млекопитающих также существуют качественные различия.

Выделение и выяснение черт и особенностей явления, составляющих его качество,— это только начало познания. Помимо качества каждая вещь имеет еще и количественную сторону, характеризуется особыми *количественными* показателями, при которых существует ее качество.

Количественная определенность вещи может относиться к ее внешним признакам, например вещь может быть большой

или маленькой. Но количественная определенность может характеризовать и внутреннюю природу вещи. Так, у каждого металла есть своя теплопроводность, свой коэффициент расширения при нагревании; у каждой жидкости — своя теплоемкость, своя точка кипения и превращения в твердое тело; у каждого газа — своя температура сжижения и т. д.

В технике количественные характеристики качественно различных материалов и процессов имеют особо важное значение. Без них в современном производстве нельзя сделать буквально ни шагу.

Заметные успехи науки о природе начались только тогда, когда к качественной характеристике явлений присоединилась количественная. Наблюдения над звездным небом, над видимыми движениями светил велись весьма давно. Но астрономия как наука сложилась только с первыми измерениями видимых положений светил на небесном своде, их взаимных угловых расстояний и т. д. И в других областях науки прогресс научного познания был связан с изготовлением измерительных и вычислительных приборов, с развитием методов измерения и т. д.

Не удивительно поэтому, что создатели науки нового времени, например Галилей, видели задачу естествознания именно в определении количественных отношений и свойств явлений.

Однако ученые того времени впадали в крайность: они стремились свести все «качества» к соответствующим им «количествам» и за количественными различиями явлений переставали видеть их коренные, качественные различия.

Чисто количественный подход к явлениям природы приводил к характерному для науки 17—18 веков механицизму, т. е. к убеждению, что математика и механика дают принципы, достаточные для познания всего мира, что любое явление может быть понято, если объяснить его с помощью законов механики. Так, например, согласно учению французского философа 17 века Декарта, животные — это просто сложные машины, вся деятельность которых целиком объяснима при помощи механических причин. А французский материалист 18 века Ламетри в своем произведении «Человек — машина» утверждал даже, что не только животные, но и человек — это тоже не более как машина.

Для своего времени механистическое понимание природы было прогрессивным, так как оно требовало строго научного подхода ко всем явлениям природы и отвергало идеалистические и теологические «объяснения». Но скоро обнаружилось, что один лишь количественный подход недостаточен, что для познания предметов и явлений необходимо раскрытие их своеобразия, их специфических, отличительных черт. Окружающий нас мир полон качественного многообразия, и

понять и объяснить его можно, лишь учитывая как количественную, так и качественную стороны всех явлений и процессов. Задача, стало быть, состоит не в том, чтобы просто свести качество явления к его количеству, а в том, чтобы понять, какова зависимость между *количественной* определенностью явления и его *качественной* определенностью.

Развитие науки показало, что существуют такие количественные отношения, которые являются общими для многих качественно различных предметов и процессов. Так, например, математические формулы теории колебаний применимы к явлениям различной физической природы — к колебаниям механическим, электромагнитным, тепловым и т. д. Это возможно потому, что всем этим явлениям объективно присущи некоторые общие черты, общие закономерности, поддающиеся количественному выражению.

На современном этапе развития науки математика, имеющая дело с количественными отношениями, находит все более широкое применение в научном исследовании качественно различных областей действительности и в технике. Это, бесспорно, прогрессивное явление.

Однако сама возможность применения тех или иных количественных отношений к качественно различным процессам предполагает конкретное изучение каждого из этих процессов во всем его качественном своеобразии.

Переход количественных изменений в качественные

Одностороннее выпячивание количественной или качественной стороны — признак метафизического подхода. Метафизика не видит внутренней необходимой связи между количеством и качеством. Напротив, важным завоеванием диалектической мысли было установление того факта, что количественные и качественные определенности вещей не являются совершенно внешними и безразличными друг другу противоположностями, но находятся в глубокой диалектической связи. Эта связь в самом общем виде состоит в том, что количественные изменения вещи закономерно влекут за собой изменение ее качества.

Примерами таких переходов количественных изменений в качественные мы окружены со всех сторон.

Так, изменение длины звучащей струны влечет за собой качественное изменение тона.

Изменение длины электромагнитных волн сопровождается резко выраженными качественными различиями радиоволн, инфракрасного излучения, спектра видимого излучения, ультрафиолетовых волн, рентгеновских лучей и, наконец, так называемых гамма-лучей.

Бесчисленное множество качественных изменений, вызванных количественными изменениями, мы наблюдаем в химии. Примером могут служить синтетические вещества (кау-

чук, пластмассы, синтетические волокна), которые играют такую большую роль в промышленности и в быту. Их молекулы, отличающиеся своей величиной, образованы соединением многих мелких одинаковых молекул того же состава. Такое соединение мелких молекул (мономеров) в крупные (полимеры) ведет к качественным изменениям: полимеры отличаются многими замечательными свойствами, которых нет у мономеров.

Количественные изменения происходят более или менее постепенно и зачастую носят малозаметный характер. Они сначала существенно не изменяют качественной определенности вещи, но в дальнейшем накапливаются и в итоге приводят к коренному, качественному изменению вещи. Как говорят, «количество переходит в качество».

Так, сталь при нагревании сохраняет свое твердое состояние. Но когда температура ее достигает критической точки, металл перестает быть твердым телом и переходит в жидкое состояние.

Особо важное значение диалектический переход количества в качество имеет для понимания процесса развития, ибо он объясняет возникновение нового качества, без которого нет развития.

Так, например, на первых ступенях развития общества люди вели натуральное хозяйство, когда каждая община сама производила все необходимое для своего существования. В дальнейшем, с ростом производства, возникает обмен товаров. Обмен учащается, количественно разрастается, и это приводит в конце концов к весьма существенным качественным изменениям в экономической жизни общества. На смену натуральному хозяйству приходит хозяйство товарное, при котором люди производят вещи не для собственного потребления, а для обмена и путем обмена получают нужные им вещи.

Если в результате количественных изменений возникает новое качество, то ему будет свойственна уже новая количественная определенность. Это «переход качества в количество». Так, применение качественно новой конструкции машины дает более высокую производительность труда. Социалистическое народное хозяйство, качественно отличное от капиталистического, развивается более высокими темпами.

Переход количественных изменений в коренные, качественные изменения и наоборот есть всеобщий *диалектический закон развития*. Он проявляется во всех процессах природы, общества и мышления — всюду, где происходит смена старого новым.

Что такое скачок

Переход вещи в результате накопления количественных изменений из одного качественного состояния в другое, новое — это *скачок* в развитии. Скачок представляет собою перерыв постепенности

количественных изменений вещи, он составляет переход к новому качеству, означает крутой поворот, коренное изменение в развитии.

Например, возникновение человека было скачком, коренным переломом в развитии органического мира.

Скачки, переходы от одного качества к другому происходят сравнительно быстро. Однако медленность количественных изменений и быстрота качественного перелома относительны: скачки совершаются быстро *по сравнению* с предшествующими им периодами постепенного накопления количественных изменений. Эта быстрота меняется в зависимости от природы предмета и условий, в которых происходит скачок.

Некоторые вещества сразу переходят из твердого состояния в жидкое при достижении известной критической температуры. Железо плавится при температуре 1539° С, медь — при температуре 1083° С, свинец — при 327,4° С. Для других тел — пластмасс, смол, стекла — невозможно указать точную температуру плавления. При нагревании они сначала размягчаются, потом переходят в жидкое состояние. Можно сказать, что в данном случае качественный перелом, т. е. скачок, происходит постепенно. Но и здесь переход из твердого состояния в жидкое осуществляется сравнительно быстро. Надо отличать постепенные, медленные количественные изменения, подготавливающие изменение качества, от *постепенного качественного изменения,* в ходе которого коренным образом изменяется сама структура предмета и которое все равно остается скачком.

В развитии общества также имеют место и количественные, и скачкообразные качественные изменения. Для обозначения количественных изменений как в природе, так и в обществе мы пользуемся понятием *эволюции.* Понятие эволюции иногда употребляется не только в смысле постепенных количественных изменений, но и в более широком смысле — для обозначения развития вообще, охватывающего и количественные, и качественные изменения. Мы часто говорим о современном дарвинизме как учении об эволюции органического мира, имея при этом в виду, что эта эволюция включает и количественные, и качественные изменения. Скачкообразные качественные изменения в общественной жизни обозначаются понятием *революции.* Под революцией в развитии общества понимаются прежде всего качественные изменения в общественном строе. Но революции происходят и в других областях общественной жизни — в технике, производстве, науке, культуре.

Между эволюцией и революцией имеется внутренняя необходимая связь. Эволюционное развитие общества закономерно завершается скачкообразными качественными пре-

образованиями, революциями. Революционные изменения качества кладут начало новому периоду эволюционных изменений.

Учение материалистической диалектики о переходе количественных изменений в качественные вооружает для борьбы против правых и «левых» врагов марксизма. Оно направлено против реформизма, который отрицает необходимость социалистической революции и проповедует, что переход к социализму можно совершить путем реформ, путем постепенного «врастания» капитализма в социализм. С другой стороны, диалектика показывает полную теоретическую несостоятельность всяких левацких течений, игнорирующих естественное развитие событий и недооценивающих значение повседневной работы в массах, их подготовки к революции, накопления революционных сил.

Против метафизического понимания развития

Маркс и Энгельс создавали материалистическую диалектику в борьбе против метафизического взгляда на природу, отрицавшего развитие. С тех пор положение изменилось. Во второй половине 19 века идея развития (по преимуществу через учение Дарвина) получила широкое распространение. Однако метафизический взгляд не исчез. Он выступил в виде извращенного, одностороннего понимания самого развития. Борьба диалектики против метафизики идет теперь главным образом по вопросу о том, как понимать развитие, а не по вопросу — есть ли развитие.

Одна из разновидностей метафизического понимания развития состоит в утверждении, что природа развивается исключительно путем мелких, постепенных, непрерывных количественных изменений, эволюционным путем и не допускает скачков, крутых качественных изменений. «Природа не делает скачков»,— говорят сторонники этого взгляда. Поскольку они не видят в развитии ничего, кроме эволюции, их называют «плоскими эволюционистами». В качестве обоснователя «плоского эволюционизма» выступил английский философ и социолог второй половины 19 века Г. Спенсер.

Развитие, по мнению Спенсера, совершается плавно, без малейших перерывов постепенности, только путем количественного прибавления элементов. Ступени эволюционного процесса различаются между собой не качественно, а только количественно.

Теория «плоского эволюционизма» Г. Спенсера оказала большое влияние на многие позитивистские направления в философии и естествознании, она была усвоена многими буржуазными и ревизионистскими теоретиками и использована в борьбе против марксистской материалистической диалектики, против учения Маркса и Энгельса о пролетарской революции.

Явная несостоятельность «плоского эволюционизма» и его противоречие фактам привели к возникновению другого понимания развития, внешне противоположного «плоскому эволюционизму», но столь же одностороннего и метафизического. Речь идет о так называемых теориях «творческой эволюции», ставших модными в 20 веке.

Если сторонники «плоского эволюционизма» видели в развитии только количественные изменения, то сторонники «творческой эволюции» видят в нем только качественные изменения. Они подчеркивают, что развитие носит «творческий» характер, что оно состоит в появлении новых форм. Но эти качественные изменения они не ставят в закономерную связь с предшествующими количественными изменениями. Они уверяют, что появление нового в процессе развития нельзя объяснить действием естественных причин, что единственно возможным объяснением является обращение к таинственной «творческой силе» духовного порядка, которая направляет развитие и порождает новые формы. Так новая теория «творческой эволюции» приводит к старому-престарому богу, что с очевидностью показывает ее антинаучный характер.

Метафизическому взгляду противостоит подлинно научный, диалектический взгляд на развитие, который признает и постепенные количественные изменения, и скачкообразные качественные изменения.

3. Раздвоение на противоположности — основной источник развития

Мы видели, что процесс развития представляет собой переход старого качества в новое качество на определенной ступени количественных изменений.

Теперь возникает вопрос: что́ является движущей силой, источником всякого развития? Ответ на этот вопрос — важнейшая задача материалистической диалектики. Она дает ответ, исходя из противоречивого характера всей действительности.

Из истории диалектики

Уже в древние времена люди обратили внимание на то, что в бесконечном многообразии окружающего нас мира отчетливо выделяются и играют особо важную роль противоположные свойства, силы, тенденции. При этом было замечено, что противоположные начала не только сосуществуют рядом друг с другом, но что они взаимосвязаны и возникают в одном и том же предмете или явлении, составляют различные стороны одной и той же вещи или одного и того же процесса.

Многие философы древнего Китая, Индии, Греции и других стран считали, что объяснить происхождение и существо-

вание вещей можно, лишь поняв, какие противоположности их образуют. В те времена такими противоположностями считались теплое и холодное, сухое и влажное, пустое и полное, бытие и небытие и т. д.

Еще в древности была высказана мысль о том, что движущей силой изменения вещей является столкновение противоположных сил. Так, древнегреческий философ Гераклит учил, что «все происходит через борьбу», что борьба — источник («отец») всего. Древние диалектики обратили внимание и на то обстоятельство, что противоположности не представляют собой чего-то застывшего и неизменного: они относительны, отличаются друг от друга лишь в определенном смысле, при известных обстоятельствах переходят друг в друга. Все это были гениальные по своему существу догадки, хотя и выраженные подчас в наивной форме.

В феодальном обществе, где церковь преследовала все самостоятельные попытки изучения природы, мысль о единстве и борьбе противоположностей заглохла. В период становления капиталистического общества вопрос о противоположностях вновь привлек к себе внимание. Такие выдающиеся мыслители, как Н. Кузанский (15 век) и Дж. Бруно (16 век), учили, что там, где обычный ум видит только непримиримые противоположности (бесконечного и конечного, кривого и прямого и т. д.), более глубокий ум находит единство или «совпадение противоположностей».

Механистическое естествознание, господствовавшее в 17—18 веках, не благоприятствовало разработке диалектики и, в частности, учения о противоположностях. Однако и в это время проницательные мыслители, наблюдая события и отношения предреволюционной эпохи, полные острых конфликтов и столкновений, высказывали глубокие мысли о значении противоположностей в общественной жизни, в истории. (См., например, «Племянник Рамо» Дидро или «О происхождении и основаниях неравенства» Руссо.)

В немецкой философии конца 18 — начала 19 века мысль о значении противоположностей привлекает пристальное внимание ряда философов, а у Гегеля становится одним из основных принципов его философии. Гегель пытался изобразить процесс развития как движение от некоторого единства через раскрытие противоположностей к новому единству, как переход вещи или явления в свою противоположность. Гегель назвал сочетание противоположных сторон в явлении «противоречием». Но, будучи идеалистом, он противоречия действительности рассматривал как противоречия в логическом развитии абсолютной идеи.

Основоположники марксизма, материалистически переработав гегелевскую диалектику, сохранили термин «противоречие», но вложили в него иной, материалистический смысл.

Диалектическое противоречие и его всеобщий характер

Под диалектическим противоречием марксизм понимает наличие в том или ином явлении или процессе противоположных, взаимоисключающих сторон, которые в то же время предполагают друг друга и в рамках данного явления существуют лишь во взаимной связи.

Для древних диалектиков учение о противоположностях и их «совпадении» было лишь догадкой, сделанной на основании непосредственного созерцания действительности и размышления о ней. Для марксистской диалектики это учение — вывод из данных, накопленных наукой в результате исследования всех областей действительности.

В самом деле, при изучении любых явлений в природе, в общественных отношениях или в духовной жизни людей обнаруживаются противоречия, т. е. столкновения противоположных сторон или тенденций.

Конечно, до тех пор пока мы рассматриваем какую-либо вещь в покое, в статичном состоянии, мы видим в ней лишь различные свойства и признаки, но можем не заметить никакой «борьбы» противоположностей, следовательно, никаких противоречий. Но лишь только мы попробуем проследить за движением, изменением, развитием вещи, как тотчас же обнаружим существование в ней противоположных сторон и процессов.

Например, разглядывая в микроскоп препарат растительной или животной клетки, мы увидим лишь ее структуру, т. е. оболочку, ядро, протоплазму и т. д. Но если мы будем наблюдать *живую* клетку, то станем свидетелями происходящих в ней противоположных процессов ассимиляции и диссимиляции, роста и отмирания составляющих ее элементов.

Представители любой науки встречаются с противоположностями и противоречиями. В математике они имеют дело с противоположными операциями сложения и вычитания, дифференцирования и интегрирования; в механике — с действием и противодействием, притяжением и отталкиванием; в физике — с положительными и отрицательными электрическими зарядами; в химии — с соединением и диссоциацией атомов; в физиологии нервной системы — с возбуждением и торможением в коре головного мозга; в общественной науке — с борьбой классов и многими другими противоположностями, а следовательно, и противоречиями.

Человеческое мышление и познание также подчиняется принципу диалектической противоречивости. В процессе познания, например, мы видим постоянные столкновения противоположных взглядов, противоречия между старыми теориями и новыми фактами и т. д.

Развитие как борьба противоположностей

Понятие противоречия приобретает решающее значение там, где характеризуется процесс *развития.* В природе, общественной жизни, мышлении людей развитие происходит так, что в предмете выявляются противоположные, взаимоисключающие стороны или тенденции; они вступают в «борьбу», которая приводит к уничтожению старых и возникновению новых форм. Таков закон развития. «Развитие есть «борьба» противоположностей» [6],— писал В. И. Ленин.

Разумеется, это положение нельзя понимать упрощенно. Как *борьба* в прямом, буквальном смысле этого слова, борьба противоположностей имеет место главным образом в человеческом обществе. По отношению к органическому миру уже далеко не всегда можно говорить о борьбе в прямом смысле. По отношению же к неорганической природе этот термин надо понимать еще менее буквально. Поэтому, определяя развитие как «борьбу» противоположностей, Ленин и берет это слово в кавычки. Эти уточнения необходимы, чтобы правильно понимать борьбу противоположностей.

Раздвоение единого на противоположности и их взаимное противодействие, или «борьба»,— это всеобщий и самый фундаментальный закон диалектики. Как подчеркивает Ленин, раздвоение единого и познание противоречивых частей его — это одна из самых основных особенностей или черт диалектики, более того, это «*с у т ь*... диалектики» [7].

Всякое развитие, будь то эволюция звезд, рост растения, жизнь человека или история общества, противоречиво по своему существу. Действительно, развитие в самом общем виде в том и состоит, что вещь в каждый данный момент остается тождественной и в то же время не тождественной самой себе. Она сохраняет свою определенность и постоянство, но в то же время изменяется, становится другой.

«...В том, что вещь остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется, что она содержит в себе противоположность между «устойчивостью» и «изменением», заключается *противоречие*» [8],— писал Энгельс. Развивающаяся вещь несет в себе зародыш чего-то другого, заключает в себе собственную противоположность, какое-то «отрицающее» начало, которое не дает ей оставаться неподвижной и неизменной. В ней заключено объективное противоречие, внутри нее действуют противоположные тенденции, происходит взаимное противодействие, или «борьба», противоположных сил или сторон, которая в конце концов приводит к разрешению данного противоречия, к коренному, качественному изменению вещи.

На протяжении многих тысячелетий органические виды, существовавшие, скажем, в так называемый третичный период геологической истории Земли, оставались неизменными, со-

храняли постоянство своих форм. Но это постоянство было относительным. В ходе взаимодействия с изменяющейся средой в организмах происходило накопление изменений, которые закреплялись наследственностью и в конце концов приводили к возникновению совершенно новых видов растений и животных. Постоянное взаимодействие или «борьба» действующих внутри каждого вида противоположных тенденций наследственности и изменчивости — такова внутренняя основа развития органического мира.

Отсюда следует, что устойчивость вещи, предполагающая определенное уравновешивание или равнодействие противоположностей, может быть только временной и относительной. Вечно и абсолютно только движение материи, непрестанно отвергающее старые формы и порождающее новые. Формулируя это важнейшее положение диалектики, Ленин писал: «Единство... противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» [9].

Диалектическое понимание развития как единства и борьбы противоположностей противостоит метафизическому пониманию. Как подчеркивал Ленин, один из главных пороков метафизической концепции развития состоял в том, что она не видела внутренней двигательной силы развития материи, игнорировала ее *самодвижение* и переносила источник развития во вне. Такой силой, приводящей материю в движение, но находящейся вне материи, оказывался в конечном счете бог. Таким образом, метафизическая концепция не только выдвигала одностороннее, следовательно, извращенное понимание развития, но и вела к фидеистическим выводам, т. е. к признанию божественного начала и, следовательно, к измене науке.

Диалектическая концепция развития отличается глубиной и содержательностью. «...Только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового». Согласно этой концепции, писал Ленин, «главное внимание устремляется именно на познание *источника «само»*движения» [10]. Видя ключ к пониманию самодвижения и развития во внутренней противоречивости всех вещей и явлений, диалектическая концепция развития не нуждается ни в каком сверхъестественном источнике движения, она отвергает вмешательство в жизнь природы «потусторонних» сил, т. е. сохраняет верность науке.

Противоречие всегда конкретно

Данная выше характеристика процесса развития как борьбы противоположностей, разумеется, является весьма общей: она применима к любому процессу развития и поэтому сама по себе еще недостаточна для объяснения ни одного из них.

Ибо противоположностей «вообще» не существует, а всегда существуют *конкретные, определенные противоположности.*

Каждая вещь или явление содержит в себе бесчисленное множество взаимодействующих друг с другом сторон; кроме того, каждое явление связано с окружающими его вещами и процессами. Поэтому во всех явлениях можно обнаружить различные внешние и внутренние противоречия. Чтобы понять развитие того или иного явления, надо исследовать, какое противоречие является главным, определяющим в данном процессе, какие конкретные противоположности взаимодействуют в нем, какую форму принимает их «борьба» и какую роль в ней играет та и другая сторона противоречия.

Противоречия, присущие тому или иному явлению, не представляют собой чего-то неизменного, раз навсегда данного. Как и все в мире, они возникают, развиваются и, наконец, разрешаются, вызывая переход от старого качественного состояния к новому.

Во всех случаях при изучении процесса развития необходим конкретный анализ тех форм, которые принимают борющиеся противоположности, и тех ступеней, которые проходит развивающееся противоречие.

Чем выше ступень, на которую поднимается развивающаяся материя — от неживой природы через органический мир к человеческому обществу,— тем сложнее и многограннее становится процесс развития. При этом все большее значение для процесса развития приобретает борьба таких противоположностей, как новое и старое, все резче становится выделение и противопоставление «революционной» и «консервативной» сторон в развивающемся явлении. Противоречия и здесь, конечно, не исчерпываются борьбой нового и старого, но в конечном счете именно эта борьба, в ходе которой новое преодолевает сопротивление старого и утверждается в жизни, а старое, отжившее свой век, гибнет, определяет характер развития.

Диалектическое учение о развитии направляет внимание исследователя на конкретный анализ противоположных тенденций, обнаруживающихся в каждом явлении, и требует активной поддержки нового, растущего, передового.

Антагонистические и неантагонистические противоречия

Применительно к общественной жизни важно различать антагонистические и неантагонистические противоречия.

Антагонистическими называют противоречия между теми социальными группами или классами, коренные интересы которых непримиримы. Таковы противоречия между угнетателями и угнетенными, эксплуататорами и эксплуатируемыми. В наше время это прежде всего противоречия между рабочим классом и капиталистами. Они могут исчез-

нуть лишь тогда, когда капиталистический класс будет мирным или немирным путем ликвидирован как класс, т. е. лишен политической власти и средств производства, а тем самым возможности эксплуатировать трудящихся. Произойти это может только в результате социалистической революции.

В политике, в практической деятельности очень важно учитывать антагонистическую природу классовых противоречий в эксплуататорском обществе. Отрицание ее неминуемо ведет к реформистским ошибкам. Оппортунисты и ревизионисты, например, не признают антагонистического характера противоречий между буржуазией и рабочим классом и проповедуют на этом основании примирение классов. Но такая политика глубоко ошибочна и вредна. Она ведет к ослаблению позиций рабочего класса, подрывает борьбу трудящихся за свое освобождение.

Антагонистические противоречия представляют собой историческое явление, они порождаются эксплуататорским обществом и существуют до тех пор, пока существует это общество.

Когда приходит конец эксплуатации человека человеком, исчезают и антагонистические противоречия. Но это не значит, что при социализме не остается совсем никаких противоречий. «Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же,— писал Ленин.— Первое исчезнет, второе останется при социализме» [11].

Неантагонистические противоречия, присущие социалистическому обществу, отличаются тем, что это противоречия такого общества, в котором коренные интересы классов, социальных групп совпадают. Поэтому разрешение таких противоречий происходит не путем классовой борьбы, а совместными усилиями дружественных классов, всех социальных слоев под руководством марксистско-ленинской партии.

Неантагонистические противоречия останутся и после ликвидации остатков классовых различий. Ведь в обществе противоречия возникают не только между классами, но и между различными сторонами общественной жизни, например между производством и потреблением, между отдельными отраслями хозяйства, между потребностями развития производительных сил и существующими формами управления хозяйством и т. д. Вот почему в возникающих в жизни диалектических противоречиях нельзя видеть нечто ненормальное.

Правда, противоречия нередко несут беспокойства и трудности в жизни, работе и борьбе. На их преодоление приходится тратить много энергии. Но без противоречий, без борьбы за их разрешение нет и движения вперед.

Главное место среди общественных противоречий занимают противоречия между силами, которые борются за новое,

и силами, которые отстаивают старое. Понятно, что без рождения нового и его утверждения в жизни, без борьбы за новое не может быть развития. Рождение одних явлений и устаревание других, противоречия и столкновения между ними, победа нового над старым — таковы объективные, закономерные черты общественного развития.

В борьбе за разрешение противоречий люди ломают устаревшие порядки и отношения, преодолевают косность и рутину, поднимаются к новым, более сложным задачам, к более совершенным формам общественной жизни.

С какими же конкретными противоречиями приходится сталкиваться при социализме? «Это в основном,— указывает тов. Н. С. Хрущев,— противоречия и трудности роста, связанные с быстрым подъемом социалистической экономики, с ростом материальных и культурных потребностей народа, противоречия между новым и старым, между передовым и отсталым. Это — противоречия между растущими потребностями членов социалистического общества и еще недостаточной материально-технической базой для их удовлетворения»[12].

Противоречия социалистического общества преодолеваются трудящимися под руководством марксистско-ленинской партии путем быстрого и непрерывного развития его материально-технической базы, дальнейшего развития экономического строя, путем совершенствования государственных форм, повышения социалистической сознательности трудящихся. Их разрешение ведет к дальнейшему упрочению социалистического строя и движет общество к коммунизму.

Об извращениях диалектики идеологами буржуазии

Многочисленные противники марксизма, пытаясь опровергнуть материалистическую диалектику, выступают прежде всего против ядра диалектики — учения о противоречиях. Чаще всего они утверждают, что противоречия могут возникнуть только в мышлении, но никак не в объективном мире. Что же касается противоречий в мышлении, то они запрещаются логическим законом противоречия; их появление означает лишь, что процесс мышления протекает неправильно. Отсюда делается вывод, что противоречия вообще недопустимы и их не должно быть нигде.

Такая «критика» диалектического закона единства и борьбы противоположностей совершенно несостоятельна. Говоря о «противоречиях», материалистическая диалектика имеет в виду прежде всего реальные противоречия, существующие в самой объективной действительности. От этих противоречий, разумеется, надо отличать противоречия, возникающие в результате непоследовательного мышления и путаницы в понятиях. Когда человек в ходе рассуждения утверждает что-либо и тут же начинает отрицать то же самое, то его

справедливо упрекают в логической противоречивости, которую запрещают законы формальной логики.

Противоречия, являющиеся результатом неправильного мышления, нельзя смешивать с объективными противоречиями, существующими в самих объективных вещах. Хотя слово «противоречие» в обоих случаях одно и то же, оно означает разные вещи.

Враги марксизма прибегают и к другому приему борьбы против материалистической диалектики.

После первой мировой войны в ряде капиталистических стран получило распространение и до настоящего времени не утратило своего влияния одно из наиболее реакционных течений идеалистической философии — *неогегельянство*. Его представители извращали идеалистическую диалектику Гегеля, выбрасывали из нее все то действительно ценное, что в ней было, и пытались использовать ее для борьбы против философии марксизма, для софистического обоснования антинаучных и политически реакционных идей.

В частности, некоторые неогегельянцы стали утверждать, что жизни по самой ее природе присущи неустранимые антагонизмы, жгучие конфликты, трагические столкновения, что в силу «трагической диалектики» человеческой жизни люди якобы никогда не смогут преодолеть извечных противоречий, раздирающих общество, никогда не смогут построить свою жизнь на разумных и справедливых началах.

Эти философы заявляют, что стремление рабочих заменить капиталистический строй с его противоречиями социалистическим строем якобы представляет собою утопический «финализм», попытку положить конец диалектическому развитию общества.

Таким толкованием противоречий эти буржуазные философы стремятся увековечить капитализм и в то же время дискредитировать борьбу рабочего класса за коммунизм.

В действительности любая конкретная форма противоречий, в том числе и социальных противоречий, получает в конце концов свое разрешение. Победы социализма в СССР и других странах убедительно доказывают, что противоречия, присущие капитализму, не вечны, как не вечен и сам капитализм, что эти противоречия преодолимы.

4. Диалектическое развитие от низшего к высшему

Материальный мир существует вечно. Но эта вечная жизнь материи слагается из постоянной смены ее отдельных форм. Они возникают, существуют и исчезают, сменяются другими формами.

Образуются и погибают звезды в беспредельных просторах вселенной, сменяют друг друга геологические эпохи в истории Земли, в бесчисленной смене нарождающихся и отмирающих поколений возникают и исчезают виды растений и животных. Не вечны и формы общественной жизни. Они возникают, развиваются, крепнут, а затем стареют, сменяются другими общественными формами. Так, на наших глазах происходит смена капитализма социалистическим общественным строем.

Постоянное рождение все новых форм, непрестанная смена устаревших форм новыми — в этом проявляется вечное движение и развитие материи.

Диалектическое отрицание

Разрабатывая идеалистическую диалектику, Гегель назвал смену одной формы бытия другой формой «отрицанием». Применение этого термина было связано с тем, что Гегель понимал бытие как мысль («идею»), которая развивается таким образом, что каждая отдельная категория обнаруживает свою неистинность и «отрицается» другой, противоположной категорией.

Маркс и Энгельс, отбросив учение Гегеля о логической природе развития, сохранили термин «отрицание», истолковав его материалистически. В марксистской диалектике под отрицанием понимается происходящая в процессе развития закономерная смена старого качества новым, возникшим из старого. Зачастую эта смена старого качества новым в процессе развития носит характер перехода вещи в свою противоположность.

Маркс писал, что «ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования» [13]. Отрицание старого качества новым в процессе развития представляет собой естественный результат действия закона единства и борьбы противоположностей. Ведь в каждом предмете, явлении, процессе происходит борьба взаимоисключающих сторон и тенденций, и эта борьба приводит в итоге к «отрицанию» старого и возникновению нового. Но развитие не останавливается на том, что одно явление «отрицается» другим, идущим ему на смену. Появившееся на свет новое явление содержит в себе новые противоречия. Первоначально они могут быть еще незаметными, но с течением времени обязательно выявляются. «Борьба противоположностей» завязывается теперь на новой основе и в конце концов неизбежно приводит к новому «отрицанию». Объективный мир в целом вечен и бесконечен, но все образующие его вещи ограничены в пространстве и во времени, они преходящи, подвержены «отрицанию». Никакое «отрицание» не является последним. Развитие продолжается, и каждое последующее «отрицание» само в свою очередь «отрицается».

В материалистической диалектике речь идет не о всяком, а о диалектическом «отрицании», т. е. таком, при котором происходит *дальнейшее развитие* предмета, вещи, явления.

Такого рода «отрицание» надо отличать от механического «отрицания», когда в результате вмешательства извне происходит уничтожение того, что «отрицается». Если мы раздавим насекомое или размелем пшеничное зерно, то это и будет механическое «отрицание». Само по себе оно может быть не бесцельным (в данном примере — уничтожение вредных насекомых и превращение зерна в муку), но оно прекращает развитие предмета.

«В диалектике,— говорит Энгельс,— отрицать не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей, или уничтожить ее любым способом» [14].

Преемственность в развитии

Диалектическое «отрицание» предполагает не только уничтожение старого, но и сохранение жизнеспособных элементов прежних ступеней развития, известную связь между уходящим старым и приходящим ему на смену новым.

Когда на развалинах капиталистического общества строится социалистический общественный строй, то «отрицание» капитализма не означает полного уничтожения всего того, что было создано человечеством при капитализме. Сохраняются и развиваются дальше производительные силы, ценные достижения науки и культуры. Все то, что было создано капитализмом положительного, не только не уничтожается пролетарской революцией, но, напротив, служит основой для дальнейшего движения вперед, для строительства социализма.

Выступая против людей, отрицавших значение для социализма старой, созданной при буржуазном строе культуры, Ленин говорил, что новая, социалистическая культура не может быть создана из ничего, что она «не является выскочившей неизвестно откуда», а «должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества...» [15]

Нигилизм, голое отрицание, непонимание преемственной связи нового со старым, необходимости бережного сохранения положительного содержания, приобретенного на прошлых ступенях развития, не только теоретически ошибочны, но ведут к крупным ошибкам в практической деятельности.

«Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание...,— писал Ленин,— характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...» [16]

«Отрицание» новым качеством старого качества — всеобщая закономерность действительности. Что же касается того,

как конкретно происходит «отрицание», какова его форма, характер, то они чрезвычайно многообразны и определяются природой отрицаемого предмета, характером его противоречий, а также условиями, в которых протекает развитие этого предмета. Так, например, в развитии одноклеточных организмов, которые размножаются путем деления на два новых организма, «отрицание» протекает иначе, чем в развитии многоклеточных организмов, которые умирают, дав начало новым организмам. Особые формы «отрицания» дает и неорганический мир, а также история человеческого общества на различных ступенях его развития.

Поступательный характер развития

Поскольку в процессе развития «отрицается» только то, что устарело, а все здоровое и жизнеспособное сохраняется, постольку развитие представляет собою поступательное движение, восхождение от низших ступеней к высшим, от простого к сложному, иначе говоря — *прогресс*.

В ходе этого развития нередко происходит нечто подобное возврату к ранее пройденным ступеням, когда в новой форме как бы повторяются некоторые черты уже отживших и сменившихся форм. Ф. Энгельс иллюстрирует это положение широко известным примером. «Возьмем,— пишет Энгельс в «Анти-Дюринге»,— например, ячменное зерно. Биллионы таких зерен размалываются, развариваются, идут на приготовление пива, а затем потребляются. Но если такое ячменное зерно найдет нормальные для себя условия, если оно попадет на благоприятную почву, то, под влиянием теплоты и влажности, с ним произойдет своеобразное изменение: оно прорастет; зерно, как таковое, прекращает существование, подвергается отрицанию; на его место появляется выросшее из него растение, отрицание зерна. Каков нормальный ход жизни этого растения? Оно растет, цветет, оплодотворяется и, наконец, производит вновь ячменные зерна, и как только последние созреют, стебель отмирает, подвергается в свою очередь отрицанию. Как результат этого отрицания отрицания мы здесь имеем снова первоначальное ячменное зерно, но не одно, а сам-десять, сам-двадцать или тридцать» [17].

Правда, виды хлебных злаков изменяются медленно и зерна нового урожая обычно мало отличаются от посеянных семян. Однако возможно создать и такие условия развития, при которых изменения будут происходить намного быстрее и результат «отрицания отрицания» будет качественно отличаться от исходного пункта, например представлять собой новый сорт растений.

Процессы, при которых происходит возврат якобы к старому, имеют место и в познании, и в истории общества.

Так, например, первобытнообщинный родовой строй, не знавший эксплуатации, в ходе истории сменился эксплуата-

торским обществом (рабовладельческим, феодальным, капиталистическим). С переходом же к социализму эксплуатация человека человеком уничтожается, и в этом смысле социалистическое общество сходно с первобытнородовым обществом. Но за этими чертами сходства скрывается огромное, принципиальное различие, скрывается история прогрессивного развития общества на протяжении многих тысячелетий. Равенство людей первобытнообщинного строя основывалось на скудости средств существования и примитивных орудиях. Равенство людей при социализме и коммунизме обусловлено высоким развитием производства и обилием материальных и культурных благ.

Таким образом, развитие общества шло не по кругу и не по прямой линии, а *по спирали:* оно воспроизвело некоторые черты прошлого, но на неизмеримо более высокой ступени. «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии...» [18] — такова, как писал Ленин, существенная черта диалектического понимания развития.

В процессе развития могут быть и бывают отклонения от восходящей линии — зигзаги, попятные движения, могут быть периоды временного застоя. И все же, как показывает история, поступательное движение в конце концов преодолевает все эти временные отклонения и препятствия и пробивает себе дорогу. Любая ныне существующая природная или общественная форма имеет долгую, уходящую в далекое прошлое историю, представляет собой результат длительного процесса развития, поступательного движения от простого к сложному, восхождения от низшего к высшему.

Солнечная система образовалась из космической пыли. Современные растительные и животные организмы развились из первоначальных простейших организмов. Общество прошло долгий путь от первобытного рода до современных форм общественной жизни. Техника непрерывно прогрессировала от первоначальных примитивных орудий до современных сложнейших механизмов. От смешанных с фантазией догадок древних философов человеческое знание пришло к современной сложной и расчлененной системе наук, охватывающей все области действительности.

Прослеживая это поступательное развитие природы, общества и человеческого мышления, материалистическая диалектика вооружает людей научно обоснованным историческим оптимизмом, помогает им в борьбе за новые, более высокие формы жизни и социальной организации.

5. Диалектика как метод познания и преобразования мира

Раскрывая наиболее общие законы развития природы, общества и человеческого мышления, материалистическая диалектика тем самым дает людям научный метод познания и основанного на этом познании практического преобразования реального мира.

Значение диалектики для науки и практики

Законы диалектики в силу своего всеобщего характера имеют методологическое значение, представляют собою указания для исследования, ориентиры на пути познания.

В самом деле, если все в мире происходит по законам диалектики, то для того чтобы понять любое явление, к нему нужно подходить с позиций диалектики. Знание того, как происходит развитие, приводит к знанию того, как следует изучать развивающуюся действительность и как надо действовать, чтобы ее изменить. В этом огромное значение диалектики для науки и для практической переделки мира.

Конечно, материалистическая диалектика не может подменять отдельные науки и решать за них специальные вопросы и задачи. Но всякая научная теория есть отражение объективного мира, есть осмысление и обобщение данных опыта, она предполагает пользование общими понятиями, а искусству оперирования ими учит диалектика. Правда, даже ученый, не знающий диалектики, может, следуя логике изучаемого им фактического материала, прийти к правильным выводам. Однако сознательное применение диалектического метода оказывает неоценимую помощь ученому, облегчает его труд.

Положения и законы материалистической диалектики выводятся не из данных той или иной отдельно взятой науки, но представляют собой обобщение всей истории познания мира. Знание диалектики позволяет ученому при решении задач своей собственной науки стоять на уровне научной методологии и научного мировоззрения и вести то или иное конкретное исследование, применяя обобщенный опыт всех наук, всей общественной практики.

Диалектика обостряет наше зрение, направленное на изучение фактов и законов действительности. Она сообщает уму ученого, политика, техника, педагога, художника проницательность и необходимую для них, как воздух, подвижность, гибкость, восприимчивость к новым явлениям. Она раскрепощает ум от догм, предрассудков, предвзятых мнений, мнимых «вечных истин», сковывающих мысль и замедляющих темп научного развития. Она учит прислушиваться к жизни, не застревать в прошлом, видеть новое и всегда идти вперед.

Диалектика выражает самый дух научного исследования,

постоянную неудовлетворенность достигнутым знанием, вечное беспокойство и неослабевающее стремление к истине, ко все более и более глубокому познанию действительности.

Диалектика исключает всякий субъективизм, узость и односторонность, она вырабатывает широкий взгляд на мир, приучает к всеобъемлющему охвату изучаемых явлений. Она заставляет рассматривать вещи объективно, всесторонне, в движении и развитии, в связях и опосредствованиях, во взаимных переходах. Она учит наряду с внешним видеть также и внутреннее, учитывать не только содержание, но и форму явления, не ограничиваться описанием того, что выступает на поверхности явлений, но проникать дальше, вглубь, в сущность, не забывая, однако, и о том, что внешняя сторона тоже существенна и что не следует пренебрегать ею. Диалектика привлекает внимание к противоположным тенденциям, обнаруживающимся в каждом развивающемся явлении; в изменчивом она различает устойчивое, но и в том, что кажется незыблемым, подмечает зародыш будущих перемен.

Диалектика, писал Ленин,— это *«живое,* многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности...» [19]

Изучение диалектики и применение ее на деле — могучее средство воспитания. Диалектика вырабатывает особый склад мышления и стиль в работе, враждебные субъективизму, застою, догматизму, отзывчивые к новому, растущему, передовому.

Диалектика — это подлинная душа марксизма. Изучение материалистической диалектики оказывает большую помощь не только ученому или политическому деятелю, но и каждому человеку, который хочет глубоко понимать происходящие вокруг него события и сознательно участвовать в общественной жизни.

В настоящее время передовые ученые, побуждаемые самим ходом развития науки и общественной жизни, начинают все более и более освобождаться от предрассудков в отношении диалектики, понимать ее величайшее значение для науки и жизни.

О творческом применении диалектики

Правильное применение диалектики в науке и в практической деятельности вовсе не легкая задача. Диалектика не пособие с напечатанными готовыми ответами на вопросы науки и практики, а живое, гибкое, чуткое к жизни и ее веяниям руководство к действию.

Законы и положения диалектики нельзя представлять себе как некие схемы, под которые можно по произволу «подгонять» факты действительности. Это ошибочный, схоластический и догматический взгляд.

Законы диалектики универсальны, они имеют силу для развития всех вещей и явлений. В то же время необходимо учитывать, что эти законы по-разному действуют в различных областях материального мира, в качественно различных процессах. В органическом мире они выступают в иных формах, чем в неживой природе; в развитии общества приобретают иной характер, чем в эволюции видов; в жизни социалистического общества они проявляются иначе, чем в жизни общества капиталистического.

Для применения диалектики в процессе познания и в практической деятельности недостаточно усвоения положений самой диалектики, для этого необходимо глубокое знание конкретных фактов, обстоятельств дела. Только в итоге самого внимательного и тщательного изучения каждой конкретной ситуации можно обнаружить, как, в каком виде проявляются диалектические законы в данной области, в данном случае, какой должна быть оценка ситуации, какой должна быть линия действия, если мы хотим добиться успеха. Поэтому применение диалектики всегда есть творческая задача.

Решение этой задачи облегчается тем, что замечательные образцы пользования методом материалистической диалектики мы находим в трудах создателей марксизма-ленинизма — Маркса, Энгельса, Ленина, в решениях и деятельности Коммунистической партии Советского Союза и других коммунистических и рабочих партий.

Велики победы, достигнутые Коммунистической партией Советского Союза и другими марксистскими партиями. Одна из важных причин этих побед заключается в том, что марксистские партии в своей политике, во всей своей деятельности руководствуются методом материалистической диалектики, творчески его развивая. Отход от диалектического материализма, забвение его законов и положений вели и ведут в конечном счете к провалам и в теоретическом анализе, и в практической деятельности. В Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 г., справедливо сказано:

«Если марксистская политическая партия при рассмотрении вопросов исходит не из диалектики и материализма, то это приведет к возникновению односторонности и субъективизма, к закостенению мысли, к отрыву от практики и к потере способности давать соответствующий анализ вещам и явлениям, к ревизионистским или догматическим ошибкам и к ошибкам в политике» [20].

Диалектика — не только метод изучения действительности, она — метод революционного изменения действительности. Она подчеркивает значение активного, действенного отношения к окружающему нас миру. В практике — в работе, в

труде, в классовой борьбе и в строительстве коммунизма — проверяются положения, законы материалистической диалектики. Практика дает богатейший материал для дальнейшего развития диалектики, для уточнения ее положений, для более полного и глубокого раскрытия ее законов. Поэтому творческое применение марксистской диалектики заключается прежде всего в том, чтобы пользоваться ею как орудием практической деятельности, как средством преобразования жизни.

ГЛАВА 3

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Познание человеком окружающего мира имеет долгую историю. Это — постепенное движение от незнания к знанию, от неполного, несовершенного знания ко все более полному и глубокому. Особенности и закономерности этого процесса раскрываются марксистской теорией познания.

Понять законы познания можно, только рассматривая его в развитии, в становлении, в борьбе внутренне противоречивых тенденций. Как и всякий процесс развития, познание подчиняется всеобщим законам, открытым материалистической диалектикой. Диалектика, писал Ленин,— это и есть теория познания марксизма. Диалектический подход к проблемам познания отличает марксистскую теорию познания от всех учений, развивавшихся материалистами до Маркса.

1. Практика — основа и цель познания

Познание окружающего мира — исследование отдаленных звездных скоплений — галактик и мельчайших частиц материи, изучение происхождения жизни на Земле и истории древних культур, решение сложнейших математических задач и анализ космического излучения и т. д. и т. п.— все это представляет собой увлекательнейшее занятие, дающее огромное удовлетворение исследователю и часто составляющее смысл его жизни. Но люди занимаются наукой не просто ради удовольствия. Знание придает человеку огромную силу в повседневном труде и борьбе с природой, а также в общественной деятельности, т. е. во всех практических делах, от которых зависит существование каждого отдельного человека и всего общества в целом.

Философы-идеалисты нередко пытались познание противопоставить практической деятельности, отгородить его от практики. Они либо исходили из того, что познание есть плод извечного стремления человеческого духа к истине и не зависит

от практики, либо утверждали, будто практическое действие вовсе не связано с познанием мира, что интеллект человека предназначен лишь для овладения вещами и успешного действия, а истинное познание мира или вообще невозможно (Ф. Ницше и др.), или возможно лишь путем мистической интуиции (А. Бергсон).

И тот и другой взгляды извращают действительное отношение познания и действия, теории и практики.

История возникновения и развития наук убедительно свидетельствует о том, что наука и познание вообще порождаются требованиями практики, что практика составляет необходимое условие и основу познания.

В своей практической деятельности человек вступает в непосредственное общение с окружающим его миром; подвергаясь воздействию и преобразованию, вещи и предметы обнаруживают и раскрывают человеку свои ранее неизвестные ему свойства. Использование вещей есть в то же время и их познавание. Его возможности тем шире, чем богаче и многограннее практика.

Все науки, вплоть до самых абстрактных, возникли как ответ на назревшие потребности практической жизни людей. Геометрия, как показывает само ее название, первоначально была связана с измерением земельных участков («гео-метрия» означает «земле-мерие»); астрономия — с кораблевождением, вычислением сельскохозяйственных циклов, составлением календаря; механика — со строительным искусством и фортификацией и т. д.

Зависимость познания от практики наблюдалась не только в глубокой древности. Наука о природе гигантскими шагами двинулась вперед именно с тех пор, как с возникновением капитализма началось бурное развитие промышленности. Наука и сейчас неразрывно связана с практической жизнью. Для ее абстрактных теоретических отраслей эта связь стала более сложной и опосредованной. Тем не менее практика всегда была и остается самой глубокой основой познания, его главным стимулом и движущей силой.

Одним из наиболее серьезных недостатков всего материализма до Маркса была как раз неспособность понять связь познания и практики. Правда, философы-материалисты нередко говорили о значении научного познания для жизни. Так, еще в 17 веке родоначальник философии нового времени, английский материалист Ф. Бэкон провозгласил важнейшей целью науки достижение господства над природой для улучшения и облегчения жизни людей. Но, хотя старые материалисты догадывались о том, что может знание дать практике, они не дошли до понимания того, что практика дает познанию. Старый, домарксовский материализм был *созерцательным*. Для его представителей познание было чисто теоретиче-

ской деятельностью ученого, наблюдающего природу и размышляющего о ней.

Они не видели связи познания ни с общественно-политической, ни с производственной деятельностью масс, к тому же они считали естественным и неизбежным, что познавательная деятельность — это привилегия немногих, а «низшая», практическая деятельность и физический труд — удел невежественного большинства.

Только Маркс и Энгельс, свободные от предубеждений, свойственных теоретикам эксплуататорских классов, увидели решающую роль практической деятельности людей в процессе познания. Основоположники марксизма пришли к выводу, что повседневная практическая, производственная деятельность людей, создавая материальную основу существования общества, имеет вместе с тем величайшее теоретическое, познавательное значение. Они установили, как указывал Ленин, что «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» [1].

В отличие от прежнего материализма марксизм *включает практику в теорию познания,* рассматривает практику как *основу и цель* познавательного процесса, а также как *критерий достоверности знаний.*

Вводя в теорию познания точку зрения жизни, практики, марксизм прямо связывает познание с промышленностью и сельским хозяйством, с научной лабораторией, с общественной деятельностью масс. Теория понимается марксизмом не как нечто принципиально отличное от практики, но как осмысление и обобщение практического опыта людей.

Практика и теория противоположны друг другу, как противоположны материальная и духовная деятельность людей. Но в то же время эти противоположности взаимопроникают друг друга и образуют единство, как две неразрывно связанные и взаимодействующие стороны общественной жизни.

О единстве теории и практики

Практика не только ставит теории задачи, направляя внимание ученого на изучение тех сторон, процессов и явлений объективного мира, которые имеют значение для общества; она создает и материальные средства для их познания. Практика, в данном случае прежде всего промышленность, обеспечивает науку инструментами и приборами, позволяет ученому ставить эксперименты, требующие очень сложного оборудования.

Материальное производство позволяет человеку в огромной степени усилить свои органы чувств, умножить их познавательные возможности. Микроскоп увеличивает изображение наблюдаемых предметов в сотни и тысячи раз, а электронный микроскоп — даже в сто тысяч раз, давая возможность разглядеть и сфотографировать мельчайшие частицы вещества,

недоступные невооруженному глазу. С помощью телескопа человек может уловить свет звезд, удаленных от Земли на сотни миллионов световых лет. Современная радиотехника дает возможность получать сигналы и научную информацию со спутников и космических ракет, находящихся на расстоянии сотен и тысяч километров от Земли.

Мыслима ли современная наука без синхрофазотронов, придающих микрочастицам энергию в миллиарды электрон-вольт, без атомных реакторов, без мощных телескопов, без электронных счетных машин, способных производить десятки тысяч вычислений в секунду? Конечно, нет.

Но и наука, порожденная практическими потребностями, оказывает сильнейшее и все возрастающее обратное влияние на практику. Огромные технические успехи и мощное развитие производительных сил, достигнутые в 20 веке, оказались возможными лишь в результате широкого и всестороннего внедрения научных открытий в промышленность, сельское хозяйство, транспорт и связь, в результате претворения законов и формул науки в механизмы и аппараты, в правила технологических процессов.

Человеческий разум, познавший законы природы и направляющий материальную, производственную деятельность людей, становится силой, способной переделать окружающую человека действительность. В этом смысле Ленин говорил, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [2].

Таким образом, связь и взаимодействие теории и практики, науки и производства при ведущей роли практики составляет непременное условие материально-технического прогресса общества.

Общественно-политическая жизнь также представляет собой картину постоянного взаимодействия теории и практики. И здесь теория возникает как ответ на потребности общественной жизни, классовой борьбы и в свою очередь оказывает влияние на общественный процесс. Правда, подлинная наука об обществе была создана только Марксом. Однако и до Маркса передовые общественные теории, содержавшие хотя бы некоторые элементы научного знания, играли в высшей степени прогрессивную роль, помогали прогрессивным силам общества познать свои непосредственные практические цели и задачи, поддерживали и вдохновляли эти силы в их борьбе против реакции и устаревших учреждений.

Неизмеримо возросло значение теории для общественной жизни и отношений между людьми после того, как Маркс и Энгельс обосновали научное материалистическое понимание общества.

Победа социалистической революции и огромные достижения коммунистического и социалистического строительства в

СССР и других странах социалистического лагеря были бы невозможны, если бы коммунистические партии не руководствовались во всей своей деятельности теорией марксизма-ленинизма, принципом единства теории и практики.

Теория служит практике борьбы рабочего класса, практика освещает себе путь теорией. В противном случае страдают и теория и практика. Теория, оторванная от практики, превращается в пустоцвет, практика, не освещенная теорией, обречена блуждать в потемках.

В условиях социализма развитие теории и успехи практики идут рука об руку. Практика строительства социализма и коммунизма в странах социалистического лагеря руководствуется марксистско-ленинской теорией, а теория обогащается практикой масс, строящих новое общество. «Каждый практический вопрос социалистического строительства,— говорит Н. С. Хрущев,— является одновременно и вопросом теоретическим, имеющим прямое отношение к творческому развитию марксизма-ленинизма. Одно от другого отрывать нельзя» [3].

Признание марксизмом практики конечной целью научного познания ничего общего не имеет с умалением теории, с узколобым практицизмом и делячеством. Требование связи науки с жизнью направлено против отрыва науки от практических задач, против превращения теории в бесплодное умствование, но вовсе не означает забвения перспективы и ограничения задач теоретического исследования обслуживанием ближайших практических нужд. Для непрерывного роста науки и техники необходимы глубокие «поисковые» теоретические исследования, раскрывающие новые связи и законы действительности, создающие теоретический «задел» для последующего научно-технического прогресса. Тем более марксизм не терпит каких бы то ни было попыток извратить научную истину в угоду потребностям момента.

Требование партийности марксизма направлено против нарушения объективности исследования, против искажения фактов, каковы бы они ни были. Рабочий класс как в период его борьбы за освобождение от капиталистической эксплуатации, так и в условиях социалистического и коммунистического строительства кровно заинтересован в истинном знании, в том числе в знании законов общественного развития, потому что это — законы его неизбежной конечной победы.

Буржуазия давно уже утратила интерес к бескорыстному научному исследованию, особенно в области общественных наук. Ее главной заботой является здесь опровержение марксизма и изыскание доводов в пользу капиталистической системы.

Даже в естественных науках буржуазию интересует не столько истинное знание, сколько те непосредственные выгоды, которые из него можно извлечь. Ее подход к науке чисто ути-

литарный. Разумеется, речь идет здесь о буржуазии *как классе*, ибо честные, неподкупные ученые есть и в странах капитала.

В социалистическом обществе научное исследование не знает препон. Понимание того, что познание мира не частное дело отдельного ученого, а дело, имеющее величайшее общественное значение, вдохновляет всех честных деятелей науки на преданное и бескорыстное служение истине.

2. Познание — отражение объективного мира

Марксистская теория познания есть *теория отражения*. Это значит, что она рассматривает познание как отражение объективной реальности в мозгу человека. Противники диалектического материализма обычно возражают против такого понимания познания. Они утверждают, например, будто говорить об отражении законов природы, которые нельзя увидеть, бессмысленно, будто математическим формулам и логическим категориям (например, «сущность»), этическим понятиям («справедливость», «благородство») не соответствует в мире такая реальность, которую они могли бы отражать. Однако эти и другие подобные возражения основаны на весьма примитивном, вульгарном понимании отражения.

Говоря о познании как об отражении, диалектический материализм имеет в виду, что познание, будучи воспроизведением действительности в сознании человека, не может быть ничем иным, кроме отражения объективного мира. В сознании человека находятся не сами вещи, их свойства и отношения, а мысленные, идеальные *образы* или отображения, более или менее точно передающие черты познаваемых объектов и в этом смысле сходные с ними.

Материалистическая теория отражения отличает сознание от материи, познание от познаваемого предмета; но в то же время она отвергает абсолютное противопоставление сознания материи, поскольку в человеческом сознании отражается объективная реальность, а само оно есть свойство материи.

Признание того, что человеческая психика является свойством высокоорганизованной материи — мозга, влечет за собой вывод, что нет и не может быть никакой принципиальной, непереходимой границы между мышлением и материальным миром.

Конечно, предметом познания могут быть не только материальные объекты, но и духовные, психические явления. Однако это обстоятельство ни в какой мере не меняет природы познания, поскольку такие явления сами представляют собой отражение объективной реальности, находящейся вне сознания.

Кроме того, познавательные способности человека — это не таинственный дар свыше, а результат длительного развития, проходившего именно в процессе познания, или отражения материального мира, на основе практической деятельности. В ходе этого процесса развивались органы чувств, совершенствовалось мышление.

Таковы принципиальные установки марксистской философии в вопросе о познании. Она исходит из признания способности человека познать, отобразить окружающий его мир, открывает безграничные перспективы роста человеческих знаний.

Против агностицизма

Многие философы идеалистического лагеря и даже некоторые ученые, попавшие под их влияние, борются против материалистического учения о познаваемости мира.

Эти философы защищают точку зрения *агностицизма* («а» по-гречески означает отрицание «не», «гносис» — знание). Агностик не всегда говорит, что мы ничего не можем познать. Нередко он «только» утверждает, будто существуют *принципиально* неразрешимые проблемы, такие области действительности, которые останутся *принципиально* недоступными познанию, как бы ни развивались наука и техника, как бы ни совершенствовался человеческий разум.

Так, английский агностик 18 века Юм утверждал, что нам доступны только наши ощущения и вся задача науки заключается в том, чтобы упорядочивать и систематизировать эти ощущения. О том, что стоит за нашими ощущениями, что их вызывает, по его мнению, мы ничего знать не можем. Поэтому Юм объявлял основной вопрос философии неразрешимым. Он говорил: мы не в состоянии сказать, что лежит в основе мира — материя или дух, сознание. Мы этого не знаем и никогда не узнаем, ибо не в состоянии выйти из круга наших ощущений.

Живший в том же веке немецкий философ Кант не отрицал того, что наши ощущения вызываются вещами, существующими независимо от человека и его познания. Однако он утверждал, будто эти вещи (он их называл «вещи в себе») принципиально недоступны познанию.

Агностицизм находится в ближайшем родстве с учением церкви о «неисповедимости путей господних», об ущербности разума человека, о необходимости иного, ненаучного пути к истине. Недаром тот же Кант признавался, что он хотел «ограничить знание, чтобы дать место вере». Философы-агностики являются союзниками церкви всегда, даже в тех случаях, когда они сами не верят в бога. Ибо агностицизм, внушая ложную мысль о непознаваемости мира, подрывает позицию науки и укрепляет позицию теологии, толкает человека к слепой вере, побуждает его довериться учению церкви.

Агностицизм в любой его форме опровергается жизнью. История науки показывает, как человек сперва медленно, а затем все быстрее шел от незнания к знанию, как природа постепенно раскрывала перед ним свои, казалось, непостижимые тайны.

Еще пятьсот лет тому назад люди думали, что земля — это центр конечного мира, а звезды прикреплены к небесной тверди, подобной сферическому хрустальному своду. Великие мыслители эпохи Возрождения — Н. Коперник, Дж. Бруно, Г. Галилей опрокинули эти ложные представления, разбили хрустальные стены космоса и раздвинули его в бесконечность. Но и сто лет назад состав и строение небесных тел иным людям казались навеки неразрешимой загадкой. Позитивист О. Конт категорически утверждал, что человечество никогда не узнает, из чего состоят звезды. Однако уже через два года после смерти Конта, в 1859 г., был разработан метод спектрального анализа, положивший начало исследованиям химического состава небесных тел. В начале 20 века астрономия еще не могла выйти за пределы нашей галактики, Млечного пути. Теперь же новейшие средства исследования открыли для науки миллионы других звездных систем и позволили человеку составить себе представление о строении вселенной на таком протяжении, перед которым теряется наше воображение.

Человек проникает не только в бескрайние просторы космоса, он углубляется в недра микромира, все глубже раскрывает тайну происхождения жизни. Везде, во всех областях науки, мы находим свидетельства безграничной мощи научного познания.

Но самое убедительное опровержение агностицизма — это практика, человеческая деятельность, производство. Энгельс говорит, что в тот самый момент, когда в соответствии с нашими представлениями о каком-либо явлении мы сами вызываем или производим его, заставляем его к тому же служить нашим целям, в этот самый момент мы убеждаемся в том, что в определенных границах наши представления об этом явлении были действительным, достоверным знанием [4].

Начав с лабораторных опытов и теоретических расчетов, физики научились не только вызывать цепную реакцию распада атомов урана, но и управлять этой реакцией в атомных котлах. Получение атомной энергии в реакторах промышленного типа доказало правильность положений теоретической физики, из которых исходили ученые в своих работах, доказало, что у нас есть истинное знание некоторых закономерностей внутриядерных процессов.

Теоретически обоснованная гипотеза Циолковского о возможности использования реактивных двигателей и ракет для полетов в космос на наших глазах положила начало космонавтике. Развитие реактивной авиации, создание искусственных

спутников Земли и космических ракет показало правильность взглядов Циолковского и его последователей, обоснованность их расчетов.

Вся современная техника и промышленность дают бесконечное количество доказательств могущества познания.

3. Учение об истине

Проблема истины — центральная проблема теории познания и важнейший вопрос всякой науки. Если научная теория не дает истинного знания, то грош ей цена.

Вопрос об истине встает всякий раз, когда речь заходит об отношении нашего знания к объективной реальности. Поскольку объективный мир существует независимо от сознания, то ясно, что в процессе познания наши представления, идеи, теории должны соответствовать действительности. Нельзя факты подгонять к нашим представлениям о них; наоборот, нужно добиваться того, чтобы наши представления находились в согласии с объективными фактами. Тот, кто станет поступать иначе, обязательно впадет в пустой субъективизм, утратит чувство реального, будет выдавать желаемое за действительное и в конечном счете неизбежно потерпит неудачу в практической деятельности.

Если наши ощущения, восприятия, представления, понятия, теории соответствуют объективной действительности, верно отображают ее, мы говорим, что они *истинны.* Истинные же высказывания, суждения или теории мы называем *истиной.*

Часто говорят, что цель познания состоит в том, чтобы найти истину, открыть истину и т. д. Эти выражения, конечно, нельзя понимать в том смысле, что истина существует сама по себе и человек на нее наталкивается или ее находит. Они означают лишь, что цель познания — это достижение истинного знания. Об этом необходимо помнить, потому что некоторые философы-идеалисты утверждают, будто истины как таковые ведут независимое существование и человек может при определенных условиях их созерцать и описывать. На самом деле понятие «истина» относится только к человеческому познанию, к идеям, теориям, понятиям и т. д. В объективном мире существуют не истины, а те вещи, явления, отношения, процессы и т. д., которые отражаются в истинных представлениях и идеях человека.

Объективная истина Хотя истина возникает в процессе человеческого познания, отражаемые в ней свойства и отношения вещей не зависят от человека. Поэтому мы говорим, что истина объективна.

Под объективной истиной понимается, следовательно, такое содержание человеческого познания, которое верно отра-

жает объективный мир, его закономерности и свойства и в этом смысле «не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества...» [5] Человек не властен над истиной. Он может изменять окружающий его мир, может изменять условия своей жизни, но он не может по своему произволу изменять истину, так как она отражает то, что существует объективно.

Всякая истина — это объективная истина. От нее следует отличать субъективное мнение, не соответствующее действительности, выдумку, иллюзию. Не все то, что люди считали или считают истинным, на самом деле есть истина. Например, долгое время думали, что Солнце вращается вокруг Земли. Но этот взгляд был ошибочным. Напротив, учение современной астрономии о том, что центром нашей системы является Солнце, вокруг которого вращаются по своим орбитам планеты, в том числе и Земля, есть объективно истинное учение. Почему? Потому что оно правильно отражает действительность, фактический порядок солнечной системы, не зависящий от человека.

Путь познания

Отражение объективного мира в сознании человека не следует понимать метафизически, как однократный акт. Познание — это процесс, имеющий много сторон и включающий различающиеся, хотя и взаимосвязанные, ступени. Характеризуя его, Ленин писал: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» [6].

Как мы уже говорили, знание приобретается человеком не столько в результате пассивного восприятия окружающей действительности, сколько в процессе активного, практического отношения к вещам. Именно в практике, осуществляющей прямую связь человека с внешним миром, возникают различные ощущения, которые составляют исходный пункт в познавательной деятельности отдельного человека и в истории человеческого познания вообще. Итак, первая ступень познания — ощущения.

Ощущения — образы вещей и их свойста

Поскольку всякое знание в конце концов исходит из ощущений, вопрос об истинности его зависит прежде всего от того, истинны ли наши ощущения, могут ли они верно отображать материальные вещи и их свойства. Марксистская теория познания, опираясь на основные принципы диалектического материализма, дает на этот вопрос утвердительный ответ: объективно истинное содержание есть в любом акте человеческого познания, начиная с ощущения. Ощущения человека, равно как и его восприятия и представления,— это отражения, или образы, вещей и их свойств.

Однако есть философы и естествоиспытатели, отрицающие это.

В середине 19 века известный немецкий физиолог Иоганн Мюллер, исследуя механизм наших органов чувств, показал, что ощущение света, например, получается у человека не только при воздействии световых лучей, но и при раздражении зрительного нерва электрическим током, при механическом воздействии на него и т. д. Отсюда Мюллер сделал глубоко ошибочный вывод, будто наши ощущения передают только состояние соответствующих органов чувств и ничего не говорят о том, каковы вещи и их свойства вне нас. Учение Мюллера получило известность под названием «физиологического идеализма».

Недоверие к показаниям органов чувств высказывал и другой крупный немецкий ученый 19 века — Г. Гельмгольц.

Те, кто стоит на точке зрения этих ученых, считают, что ощущения — это не образы, а только условные знаки, символы, иероглифы, которые *обозначают* те или иные явления, *указывают* на них, но не отражают их объективной природы. Подобный взгляд превращает ощущения из моста, связывающего человека с внешним миром, в непреодолимый барьер, преграждающий путь к нему: с этой точки зрения познание вещей невозможно. Более того, подобный агностический взгляд может привести к отрицанию объективного существования вещей, поскольку условному знаку или символу вовсе не обязательно должна соответствовать объективная реальность. В истории философии путь к субъективному идеализму пролегал именно через отрицание того, что ощущение — это отражение объективных свойств вещей. Но такое отрицание решительно противоречит всему опыту человечества и данным науки.

Изучение эволюции животного мира показывает, что органы чувств животных, а затем и человека формировались и совершенствовались в процессе взаимодействия организма со средой. В ходе длительной эволюции органы чувств так приспосабливались к внешнему миру, чтобы обеспечить верную ориентировку в окружающих условиях. Ленин писал, что «человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему *объективно-правильного* представления о ней» [7].

Если бы ощущения не приносили нам более или менее верного знания о вещах и их свойствах, то и мышление также не могло бы быть истинным, так как оно исходит из ощущений и опирается на них. Тогда вообще не было бы никакого истинного знания, человек оказался бы в мире призраков и иллюзий, и жизнь его стала бы невозможной.

Конечно, в ощущениях имеется и субъективный момент, ибо они связаны с деятельностью органов чувств и нервной

системой человека, с его психикой. Никакой образ не может быть тождествен отображаемой вещи, он всегда передает ее черты более или менее приблизительно и неполно. Но ощущения — это не только субъективные состояния психики человека: «Ощущение есть субъективный образ объективного мира» *(Ленин)* [8].

Следовательно, ощущения содержат объективную истину. Таков единственно научный материалистический взгляд. «Быть материалистом,— подчеркивал Ленин,— значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств» [9].

Ощущения, восприятия и представления, приобретаемые в чувственном опыте, образуют начало познания, его исходный пункт. Но познание не останавливается на нем, оно идет дальше, поднимается на ступень *абстрактного мышления*.

Мышление — познание сущности явлений

Марксистская теория познания признает качественное различие между этими двумя ступенями, но не разрывает их, а видит их диалектическую взаимосвязь.

Мышление, будучи высшей формой познавательной деятельности, присутствует, однако, и на чувственной ступени: ощущая, человек уже мыслит, осознает результаты чувственных восприятий, понимает то, что он воспринимает. В то же время только ощущения и восприятия дают мышлению эмпирический материал, образующий фундамент всего нашего знания.

Возможности чувственного познания ограниченны. Недоступные чувствам явления познаются абстрактным мышлением. Мы не можем, например, непосредственно воспринять чувствами или представить себе скорость света, равную 300 тыс. *км* в секунду. Но такая скорость существует, и мы ее без труда мыслим. Более того, основываясь на теоретических расчетах, мы можем измерить эту скорость с помощью приборов. Мы не в состоянии уловить промежуток времени в несколько стомиллионных долей секунды, в течение которого существуют, например, такие элементарные частицы, как некоторые мезоны. Но мы можем его мыслить. Математика постоянно оперирует как бесконечно большими, так и бесконечно малыми величинами, которые нельзя представить себе наглядно.

Элементарные обобщения делаются уже на ступени чувственного познания. Мы узнаем общий признак, например белизну, в таких различных телах, как снег, соль, сахар, пена, бумага и т. д. Но чувственное знание еще не раскрывает внутренней природы явлений, их необходимых отношений и связей. Чтобы открыть законы, управляющие явлениями, чтобы проникнуть в их сущность, т. е. достигнуть научного знания окружающего нас мира, необходима качественно

иная познавательная деятельность, именно мышление, осуществляющееся в форме понятий, суждений, умозаключений, гипотез, теорий.

Ни один закон как таковой не воспринимается чувствами. Люди бесчисленное множество раз наблюдали падение тел на землю, но понадобились высокое развитие науки и вся сила мысли гениального Ньютона, чтобы открыть и сформулировать закон всемирного тяготения, охватывающий все эти бесчисленные факты и лежащий в их основе.

Мы знаем, что ощущения, возникая в результате прямого воздействия вещей на органы чувств, представляют собой субъективные образы объективного мира и, следовательно, содержат объективную истину. Можно ли то же самое сказать о продуктах мышления, представляющих собой абстрактные понятия, не связанные непосредственно с материальными вещами? Да, конечно.

Ощущения и восприятия всегда имеют дело с отдельными, конкретными фактами, с внешней стороной явлений; все это они отражают с большей или меньшей степенью точности. Абстрактные понятия — это тоже отражения действительности, содержащие объективную истину. Но абстрактные понятия отражают более глубокий, внутренний «слой» действительности, они не ограничиваются внешней, чувственной стороной явлений, а выделяют лежащие в их основе существенные отношения и связи. Чувства показывают нам, например, что за вспышкой молнии и раскатом грома следует проливной дождь. Этого знания может быть достаточно для некоторых практических действий, например для того, чтобы с началом грозы спрятаться под крышу. Но такого знания совершенно недостаточно для того, чтобы объяснить грозовые явления. Для этого нужно мышление абстрактными понятиями.

Отношения капиталиста к рабочему в отдельных конкретных случаях могут принимать самые разнообразные формы: от открытого принуждения до внешней лояльности, демократичности, дружественности. Но сущность отношения капиталиста к рабочему всегда остается одной и той же — эксплуатацией. Чтобы вскрыть эту истинную сущность классовых отношений, недостаточно описать различные конкретные факты и случаи, для этого необходим глубокий теоретический анализ, раскрывающий природу капитализма, необходимы абстрактные понятия, могущие выразить его законы.

Ленин писал, что «мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит... *о́т* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[10].

Сила мышления — в его способности абстрагироваться, отвлекаться от частностей и подниматься к обобщениям, выражающим самое главное, самое существенное в явлениях.

Сила мышления — в его способности выходить за пределы настоящего момента и, опираясь на раскрытые им объективные законы, постигать прошлое и предвидеть будущее развитие событий. Мышление — это активный процесс, процесс создания понятий и оперирования ими. Но мышление и его продукты — понятия — связаны с объективным миром не непосредственно, а опосредованно, через практическую деятельность и ощущения. Преимущество понятий в том, что они не привязаны к тому или иному чувственному факту, а обладают относительной независимостью от него. Благодаря этому мышление приобретает возможность всестороннего рассмотрения и анализа явлений, бесконечного приближения к конкретной реальности, все более и более точного отображения мира.

Но при этом всегда имеется опасность отрыва мысли от действительности, беспочвенного фантазирования и превращения процесса мышления в нечто самодовлеющее, в самоцель. Это — путь к идеализму.

Единственное противоядие против этого — связь с практикой, с жизнью, с производством, с опытом масс. Подлинная наука развивается благодаря тому, что, как бы высоко ни залетала теоретическая мысль ученого, она постоянно возвращается к чувственному опыту, к практике. Постоянное взаимодействие практики, эксперимента и теоретической мысли — залог успешного развития науки.

Благодаря совместной работе рук и мозга человек смог открыть многочисленные законы природы и овладеть ими, стать господином природы, ее могучих сил.

Бесконечное познание бесконечного мира

Человеческое познание в целом — это развивающийся, бесконечно продолжающийся процесс.

Окружающий человека объективный мир бесконечен. Он непрестанно изменяется и развивается, вечно порождает бесконечное множество новых форм. Как бы далеко ни проникало познание в просторы вселенной, перед ним всегда останется неисчерпаемое поле для новых исследований и обобщений, для открытия новых законов, для изучения еще более существенных, глубоких и всеобщих связей.

Ни одна наука, которая имеется в распоряжении человека, не раскрыла еще полностью всех явлений и закономерностей в своей области и никогда их полностью не раскроет ввиду бесконечности природы. Познать мир до конца — это было бы, как говорил Энгельс, чудом сосчитанной бесконечности. Как нельзя сосчитать всю бесконечность чисел, так нельзя исчерпать познанием всю природу.

Познание бесконечно не только потому, что бесконечно многообразен объект познания — природа и общество, но и потому, что само оно не имеет границ. Поступательное развитие производства и общественных отношений непрестанно ставит перед наукой новые технические и теоретические задачи, создает новые потребности. Стремление человечества к знанию не имеет предела. Каждая вновь найденная истина открывает перед людьми новые перспективы, выдвигает новые вопросы, побуждает к дальнейшему углублению в объект познания, к совершенствованию ранее достигнутых знаний.

Учение диалектического материализма о неисчерпаемости мира и бесконечности познания враждебно всякому агностицизму. Диалектический материализм признает историческую ограниченность познания в каждую эпоху, но он решительно отвергает ложную мысль о существовании какой бы то ни было принципиальной, абсолютной границы, которую не могла бы преодолеть наука.

Человеческое познание всемогуще, у него нет пределов, границ. Но это всемогущее познание осуществляется отдельными людьми, возможности которых ограничены их способностями, достигнутым уровнем знаний, наличной техникой и т. д.

Это противоречие между ограниченными познавательными возможностями отдельного человека и принципиальной безграничностью познания преодолевается в преемственной смене поколений и в коллективном труде всего человечества в каждый отдельный момент его существования. Человеческое мышление «существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей» [11],— говорит Энгельс.

Истины науки не предстают сразу в завершенном виде, а складываются постепенно, в результате длительного процесса развития науки и накопления знаний многими поколениями людей. «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение* природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения,* ***не без противоречий,*** а в вечном ***процессе*** движения, возникновения противоречий и разрешения их» [12].

Абсолютная и относительная истина

В каждый данный исторический момент добытые наукой знания отличаются известной неполнотой, незавершенностью. Прогресс в познании истины состоит в том, что эта неполнота, незавершенность истины постепенно устраняются, уменьшаются, а точность и полнота отражения явлений и законов природы все более возрастают.

Надо отличать сознательную ложь, к которой очень часто прибегают враги научного прогресса, от тех ошибок и заблуждений, которые возникают в процессе познания в силу

объективных условий: недостаточности общего уровня знаний в данной области, несовершенства технических приспособлений, применяемых в научных исследованиях, и т. д. Диалектическая противоречивость познания проявляется и в том, что истина часто развивается рядом с заблуждением, а иногда бывает так, что формой развития истины служат односторонние или даже ошибочные теории.

На протяжении всего 19 века физика исходила из волновой теории света. В начале 20 века выяснилось, что волновая теория света является односторонней и недостаточной, так как свет обладает одновременно и волновой и корпускулярной природой. Однако односторонняя волновая теория позволила сделать массу важных открытий и объяснить множество оптических явлений.

Примером развития истины в форме ошибочной теории может служить разработка Гегелем диалектического метода на ложной, идеалистической основе.

Неполнота, незавершенность человеческого познания и добытых человеком истин обычно обозначается как *относительность* (релятивность) познания. *Относительная истина* — это неполная, незавершенная, неокончательная истина.

Но если бы мы остановились на утверждении об относительности человеческого познания и не пошли дальше, к вопросу об абсолютной истине, мы впали бы в ту ошибку, которую очень часто делают многие современные физики и которую ловко используют философы-идеалисты. Они видят в человеческом познании только относительность, слабость и несовершенство и поэтому приходят к отрицанию объективной истины, к релятивизму и агностицизму. С точки зрения такого одностороннего релятивизма можно оправдать всякую софистику, всякий вымысел — ведь все относительно, нет ничего абсолютного!

В. И. Ленин говорил, что материалистическая диалектика признает относительность всех наших знаний, но признает ее «не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» [13].

В нашем всегда относительном знании есть такое объективно истинное содержание, которое сохраняется в процессе познания и служит опорой для дальнейшего развития знания. Такое непреходящее содержание в относительных истинах человеческого познания называется абсолютно истинным содержанием, или проще — *абсолютной истиной.*

Признание абсолютной истины вытекает из признания объективной истины. В самом деле, если наше познание отражает объективную реальность, то, несмотря на неизбежные неточности и промахи, в нем должно быть и нечто такое, что имеет безусловное, абсолютное значение. Ленин указывал,

что «признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину» [14].

Еще философы-материалисты древней Греции учили, что жизнь возникла из неживой материи, а человек произошел от животного. Так, по мнению Анаксимандра (6 век до н. э.), первые живые существа образовались из морской тины, а человек произошел от рыбы. Развитие науки показало, что представления древнегреческих философов о том, каким образом возникла жизнь и появился человек, были очень наивными и неправильными. И все же, несмотря на это, в их учении было нечто абсолютно истинное — идея естественного происхождения жизни и человека, которую наука подтвердила и сохранила.

Признание абсолютной истины сразу же отделяет диалектический материализм от взглядов агностиков и релятивистов, не желающих видеть мощи человеческого познания, его всепобеждающей силы, перед которой не могут устоять тайны природы.

Часто говорят, что абсолютных истин в человеческом знании имеется не так уж много и что они сводятся к тривиальным, т. е. общеизвестным, положениям. Например, такие положения, как «дважды два четыре» или «Волга впадает в Каспийское море», являются абсолютными, законченными истинами, но они, мол, не представляют особой ценности.

На это можно возразить, что на самом деле человеческое познание содержит множество чрезвычайно важных абсолютно истинных положений, которых не изменит дальнейший прогресс науки. Таково, например, утверждение философского материализма о первичности материи и вторичности сознания. Абсолютно истинно положение о том, что общество не может существовать и развиваться, не производя материальных благ. Абсолютной истиной является содержащаяся в учении Дарвина идея развития органических видов и происхождения человека от животных.

Такого рода абсолютные истины содержатся в теориях и законах науки, и ими руководствуются люди в своей практической и теоретической деятельности.

Но диалектический материализм, который рассматривает познание как процесс, так же подходит и к абсолютной истине. Говоря о ней, марксистская философия имеет в виду не только отдельные окончательные истины типа «Наполеон умер 5 мая 1821 г.», но вкладывает в понятие абсолютной истины и более широкий смысл. Абсолютная истина есть постоянно накапливающееся абсолютно истинное содержание в относительно истинном знании, есть процесс все более полного, глубокого и точного отражения объективного мира.

Диалектическое единство абсолютной и относительной истины

Повсюду в истории иаук мы видим, что в первоначально формулируемых относительных истинах есть абсолютно истинное содержание, но есть и такое содержание, которое в последующем развитии отсеивается, как ошибочное. Мы видим, как в развитии истины расширяется, возрастает абсолютно истинное содержание, а момент заблуждения все более сокращается, как относительная истина все более приближается к абсолютной истине, как из суммы отиосительных истин вырастает абсолютиое человеческое позиание.

«Итак,— говорит Ленин,— человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютиой истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» [15].

Такое диалектическое понимание абсолютной истины весьма важно для борьбы против метафизики и догматизма в науке. Очень миогие философы и ученые склонны были объявлять достигнутое ими знаиие вечной, законченной, абсолютной истиной, не нуждающейся ни в дальнейшем развитии, ни в каком-либо уточнении. Так, например, Гегель, вступая в противоречие со своим диалектическим методом, объявил все содержание своей идеалистической философской системы абсолютной и вечной истиной. Метафизика в познании состоит в непонимании того, что и абсолютная истина развивается и представляет собой процесс.

Маркс и Эигельс создали новую форму материализма — диалектический материализм, свободный от недостатков прежнего, метафизического материализма. Но это не значит, что Маркс и Энгельс завершили развитие философии и исчерпали все философские истины. В. И. Леиин говорил: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосиовенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» [16].

Относится ли это и к закоиам и принципам марксистской диалектики? Да, коиечно. Диалектика есть наука, и она не может не развиваться. Понимание общих законов диалектики, равно как и законов других наук, не может не углубляться с изменеиием практики и развитием иауки, оно не может не обогащаться новым опытом, новыми знаииями. Общие законы диалектики по-разному проявляются в разных исторических условиях, и поэтому знание их обогащается иа основе исследования этих новых условий.

Но развитие диалектики как науки не может вести к зачеркиванию тех основных положений, которые были выработаны в ходе долгой и трудной истории человеческой мысли, оно означает лишь все более глубокое и всестороннее их понимание.

Конкретность истины

Истины, добываемые человеческим познанием, должны рассматриваться не отвлеченно, не в отрыве от жизни, но в связи с конкретными условиями. В этом состоит смысл важнейшего положения материалистической диалектики: абстрактной (отвлеченной) истины нет, *истина конкретна.*

Истинна ли геометрия Евклида, которую мы изучаем в школе? Безусловно, истинна, но лишь применительно к тем масштабам, с которыми мы обычно имеем дело. Но как в микромире, так и в межгалактических пространствах она становится недостаточной; там применяются уже неевклидовы геометрии, например геометрия Лобачевского.

Говоря о буржуазной демократии, Ленин отмечал, что она явилась огромным прогрессом по сравнению с крепостническим строем. Демократическая республика и всеобщее избирательное право в условиях капиталистического общества дали возможность пролетариату создать свои экономические и политические организации, используя которые он ведет систематическую борьбу с капиталом. «Ничего подобного даже приблизительно не было у крепостного крестьянина, не говоря уже о рабах» [17].

Вместе с тем Ленин со всей энергией разоблачал узость, ограниченность буржуазной демократии по сравнению с советской демократией, демократией для гигантского большинства народа, возникшей в результате революционного творчества широких народных масс.

Положение материалистической диалектики о конкретности истины приучает не подходить к фактам с общими формулами и заученными схемами. Диалектика учит считаться с фактами, учитывать конкретную взаимосвязь явлений, анализировать изменившиеся условия и строить свои действия соответственно этим новым условиям. Диалектика требует, чтобы общие принципы и законы применялись соответственно конкретной обстановке. Именно такой подход отвечает нуждам практики.

Значение марксистского учения об истине для науки и практики

Учение материалистической диалектики об абсолютной и относительной истине и о конкретности истины имеет огромное значение для науки и практики.

Ленин, анализируя развитие физики в конце 19 и начале 20 века, указывал, что идеалистические ошибки многих ученых того периода связаны с непониманием ими диалектики познавательного процесса. Метафизи-

чески мыслящий человек полагает, что либо истина абсолютна, либо ее совсем нет. Ученые долгое время считали, что теории классической физики — это абсолютные истины. Когда же новые открытия привели к ломке старых научных понятий и показали недостаточность прежних теорий, то некоторые ученые растерялись. Им стало казаться, что ни абсолютной, ни объективной истины вообще нет, что все наше познание только относительно, условно, субъективно. Такая релятивистская позиция привела к тому, что они попали в плен к идеалистической философии.

Знание диалектики позволяет ученым не только избегать идеалистических заблуждений, но и преодолевать встающие перед наукой трудности.

Диалектическое понимание абсолютной и относительной истины дает возможность правильно относиться к ошибкам в процессе познания, в науке. Истина не рождается сразу в готовом виде. Познание — трудный, сложный процесс, в нем возможны ошибки, заблуждения, односторонние теории и взгляды. Но выдвигаемые наукой идеи постепенно просеиваются сквозь сито критики, прокаливаются в горниле практики, и все ложное, фальшивое отбрасывается, выгорает, а объективно истинное, абсолютное содержание остается и образует золотой фонд науки.

Никто не может претендовать на абсолютную непогрешимость. Но если ошибки в познавательной деятельности человечества неизбежны, то это вовсе не значит, что каждый конкретный акт познания каждого отдельного ученого обязательно должен сопровождаться ошибками. Ученый может и должен принимать меры, чтобы не допустить ошибок в исследовании. Путь к этому лежит через овладение диалектическим методом научного исследования, через тесную связь с практикой, всесторонность изучения вопроса, коллективное обсуждение проблем и предложенных решений и т. д.

Никто не гарантирован от ошибок. Дело заключается, однако, в том, чтобы, во-первых, не делать крупных ошибок и, во-вторых, не настаивать на ошибке, когда она установлена.

Развитие критики и самокритики — вот та сила, которая уменьшает возможность ошибок как в познании, так и в практической деятельности и вскрывает ошибку, когда она допущена. Борьба мнений в науке, самокритичное отношение к собственной научной работе, внимательное отношение к критике со стороны — условия нормальной работы каждого ученого. Зажим критики в любых формах наносит огромный вред и самому ученому, и науке.

Диалектическое понимание истины помогает и в борьбе против враждебных марксизму догматизма и ревизионизма, которые игнорируют учение диалектического материализма об относительности и конкретности истины, даже если на

словах и клянутся в верности ему. Догматизм рассматривает теоретические положения как абсолютную, универсальную истину, которую можно применять во всех случаях одинаково, не считаясь с конкретной обстановкой, не учитывая возникновения новых явлений. Напротив, ревизионизм — поскольку речь идет о его методологии — впадает в крайний релятивизм, любой истине приписывает лишь относительный характер, отрекается от основополагающих принципов марксизма, составляющих его революционную сущность.

Марксистская диалектика вскрывает метафизическую порочность и догматизма, и ревизионизма. Признавая относительный характер нашего знания, диалектика не дает ни одной теоретической формуле окостенеть и превратиться в догму, она требует конкретного применения любой общей истины. В то же время диалектика исходит из того, что в процессе познания откладываются и накапливаются кристаллы абсолютной истины. К их числу относятся и краеугольные принципы марксистско-ленинского учения. Их можно и нужно развивать, обогащать и конкретизировать в соответствии с данными общественной практики и науки, но от них нельзя отказываться, потому что это было бы изменой истине.

4. Практика — критерий истины

Для того чтобы идея или научная теория могла служить обществу, она должна быть истинна. Чтобы установить, истинна или ложна данная теория, надо сопоставить ее с действительностью и выяснить, соответствует ли она действительности.

Но как это сделать? Эта проблема справедливо признавалась одной из самых трудных, и долгое время философы не могли найти верных подходов к ее решению. Разрешить ее удалось только Марксу. Он понял несостоятельность попыток найти критерий истины в одном лишь сознании человека и установил, что доказать истинность, мощь своего мышления человек может лишь в процессе практической деятельности.

В самом деле, у человека нет иного способа установить истинность своих знаний, кроме обращения к практике. Именно практическая деятельность, будучи основой и конечной целью познания, представляет собой и верховный определитель того, какие из добытых знаний истинны, а какие ложны. *Критерий истины — это практика.*

Диалектический материализм понимает практику как процесс, в котором человек, материальное существо, воздействует на окружающую его материальную действительность. Практика — это вся деятельность людей, изменяющая мир, прежде

всего их производственная и общественно-революционная деятельность.

В фабрично-заводском производстве наиболее распространенная форма практической проверки научно-технических идей — это заводские испытания и массовое применение тех или иных машин, приборов, технологических процессов.

В научно-исследовательской работе практика часто принимает характер *эксперимента*, т. е. активного вторжения человека в природные явления, когда на основе известных теоретических предположений искусственным образом создаются условия для воспроизведения или, наоборот, прекращения изучаемого явления.

В тех случаях, когда непосредственное воздействие на изучаемый объект, например звезду, невозможно, проверка наших представлений о нем осуществляется путем сопоставления их со всей суммой результатов астрономических наблюдений, а также с данными смежных областей науки (например, физики).

Иногда новые идеи могут быть подвергнуты проверке и косвенным путем, т. е. сопоставлением их с научными теориями и законами, уже имеющими характер объективных истин. Система знаний, которыми уже располагает человечество, в ряде случаев дает возможность без новых экспериментов судить о некоторых идеях. Так, если какой-либо изобретатель предложит новый проект «вечного двигателя», то ни одно научное учреждение мира не станет ни строить его модель для практической проверки, ни вообще рассматривать этот проект. Идея «вечного двигателя» противоречит фундаментальным законам природы, ее ложность очевидна без новой проверки. Это не значит, что в данном случае отсутствует критерий практики. Нет, он действует и здесь, но применяется не прямо, а опосредованно, через уже проверенные и подтвержденные истины, через опыт ученых прошлых поколений.

Практика является критерием истины и в общественной науке. Здесь под практикой понимаются не действия отдельных лиц, а деятельность крупных общественных групп, классов, партий. Личный практический опыт, неизбежно узкий и ограниченный, недопустимо противопоставлять коллективному опыту класса, партии. Критерием истины общественных теорий может быть только производственная и практически-революционная деятельность масс.

Великая Октябрьская социалистическая революция была блестящим подтверждением Марксова анализа капиталистического способа производства и вывода о неизбежности гибели капитализма и замены его социалистическим способом производства.

Выдвигая практическое действие в качестве критерия истины, диалектический материализм отнюдь не игнорирует

значения мышления. Маркс писал, что все тайны теории «находят своё рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [18]. При определении истинности идей и теорий мышление играет важнейшую роль. Практика как критерий истины — это не прибор, стрелка которого автоматически указывает на «истинно» или «ложно». Действуя практически, люди достигают определенного результата, значение которого еще должно быть понято, осмыслено.

Так, например, на основании неудачи при первом испытании новой модели или изобретения не всегда можно сразу делать вывод о негодности самого проекта. Только внимательный анализ лежащей в его основе идеи и всех условий ее реализации позволяет правильно оценить полученный результат.

Практика не стоит на одном месте, она все время изменяется, развивается, идет вперед. Сфера действий человека и возможности его проникновения в окружающий мир все время расширяются. Иногда проходит немало времени, прежде чем практика окажется способной подтвердить ту или иную идею. Но раньше или позже истинная идея обязательно получит свое подтверждение. Так, например, мысль о шарообразности Земли долгое время вызывала недоверие и отвергалась как еретическая, пока, наконец, кругосветное плавание Магеллана в 1519—1522 гг. раз и навсегда не уничтожило все сомнения.

Если практика растет, развивается, то отсюда следует, что и в ней также может быть старое и новое. Поэтому не всякая практика — надежный критерий истины. Консервативно настроенные люди в борьбе против новых идей также часто ссылаются на практику, но на практику вчерашнего дня. Передовая теория опирается на передовую практику. Именно она дает данные для оценки истинности теории, доставляет новый материал для науки, будит мысль, двигает ее вперед.

Как в относительной истине заключено и некоторое абсолютное содержание, так и практика, исторически ограниченная в каждый данный момент, имеет и непреходящее значение, будучи постоянной и непременной формой связи человека с объективным миром.

Прагматизм — философия большого бизнеса

В капиталистических странах, особенно в США, распространено философское течение, именуемое «прагматизмом» (от греческого слова «прагма» — дело, действие). Некоторые буржуазные философы пытаются сблизить его с марксизмом на том основании, что прагматизм постоянно твердит о действии и ссылается на практическую проверку идей и теорий. Вслед за буржуазной пропагандой и ревизионисты стали клеветать на марксистов, обвиняя их в прагматизме.

В действительности марксизм непримиримо враждебен прагматизму как ложному, идеалистическому учению, выражающему идеологию империалистической буржуазии. Говоря о практике и изображая себя как «философию действия», прагматизм выдвигает буржуазно-индивидуалистическое, субъективистское понимание практики, покоящееся на ненаучном представлении об иррациональности и непознаваемости мира.

Лейтмотив философии прагматизма — это мысль о том, что человек должен действовать в мире, о котором он не может знать ничего достоверного. С точки зрения прагматизма доступный нам мир — это хаос ощущений и переживаний, лишенный внутреннего единства и не поддающийся рациональному познанию. «Быть может,— вещал один из основателей прагматизма, Джемс,— мы находимся в мире так же, как собаки и кошки в наших библиотеках; они видят книги и слышат разговор, не чуя во всем этом никакого смысла» [19].

Чем же руководствоваться человеку, если он лишен знания? Джемс предлагает взамен знания безотчетную иррациональную веру, прежде всего религиозную веру, исключающую логическое мышление.

Другие прагматисты, во главе с Дьюи, рекомендуют «инструментальную» или «экспериментальную логику», которая сводится по сути дела к подыскиванию по методу проб и ошибок наиболее выгодных в данной ситуации типов поведения. С точки зрения прагматистов мышление дает не знание, но лишь умение выйти из затруднительного положения и добиться успеха.

Соответственно этому взгляду прагматисты утверждают, что научные понятия, законы, теории — это не отражения или копии объективной реальности, но лишь «планы действия», «орудия» или «инструменты» для осуществления тех или иных целей. Если идея или теория «работает» и позволяет добиться успеха, то она хороша, т. е. истинна; если нет — то плоха, т. е. ложна. Никакого другого значения понятий истинности и ложности прагматизм не допускает.

Положения религии прагматизм считает весьма полезными, а потому и истинными. Принцип выгодности прагматисты распространяют не только на познание, но и на все формы духовной и практической деятельности, так что старый девиз иезуитов «цель оправдывает средства» фактически выражает существо их подхода к жизни.

Отрицая объективную реальность окружающего мира, прагматисты рассматривают его как сырой, неопределенный материал «опыта», принимающий любую форму в соответствии с целями людей. Мир, говорят они, «пластичен», он всегда таков, каким мы его сделали, «он охотно переносит человеческое насилие». Нет, мол, никаких объективных, «упрямых» фактов, есть только интерпретации, истолкования, ко-

торые мы им даем. Вся действительность ставится, таким образом, в полную зависимость от субъекта и его воли.

Итак, философия прагматизма исходит из извращенного понимания практики, непомерно раздувает активный, волевой характер человеческой деятельности и превращает ее в основу реальности. Но, вопреки уверениям прагматистов, деятельность человека не создает окружающий мир, но лишь изменяет, преобразует существующую независимо от человека действительность. Чтобы быть успешной, сознательная деятельность человека должна опираться на знание объективных свойств вещей и управляющих ими законов. Действие не исключает познания, как утверждают прагматисты, но предполагает его. Разумеется, могут быть отдельные случаи, когда, руководствуясь ложной идеей, можно достигнуть частичного, временного успеха. Но такого рода успех обычно бывает скоротечным, как скоротечен был «успех» гитлеризма, опиравшегося на лживое фашистское мифотворчество.

Философия прагматизма, изображая весь мир как «пластичную», абсолютно податливую реальность, внушает ложную мысль о том, что воля, напористость, решимость действовать могут обеспечить достижение любой поставленной цели совершенно независимо от объективных условий и законов.

Прагматизм прежде всего выражает мировоззрение «энергичных стяжателей» — финансовых магнатов и монополистов, считающих себя полновластными хозяевами капиталистического мира. Своим игнорированием объективных фактов идеалистическая философия прагматизма питает авантюристические, агрессивные тенденции в политическом мышлении и дает теоретическое обоснование политики «с позиции силы». Не признавая объективного различия между истиной и ложью и отождествляя истину с пользой, прагматизм поощряет беспринципность и дает возможность господствующему классу оправдывать любую полезную ему ложь и любое преступное действие. Оправдание агрессивности, насилия и обмана, вытекающее из самого существа философии прагматизма, отвечает интересам наиболее реакционных империалистических кругов. Недаром Муссолини признавался, что он многому научился у Джемса, и считал прагматизм «краеугольным камнем фашизма».

В то же время, подчиняя всю практическую и теоретическую деятельность соображениям непосредственной выгоды, прагматизм способствует развитию субъективистского, узкоделяческого, оппортунистического подхода к жизни. Применительно к рабочему движению прагматизм означает проповедь малых дел и «борьбы за пятачок», утрату перспективы и измену классовым интересам пролетариата.

Философия прагматизма непримиримо враждебна научному прогрессивному мировоззрению.

5. Необходимость и человеческая свобода

Великое значение марксистской философии состоит в том, что она вооружает трудящихся знанием законов развития объективного мира, законов его преобразования. Она является мощным оружием в борьбе за освобождение трудящихся от всех форм угнетения, за создание новой, свободной жизни.

Но возможна ли свобода человека? Способен ли человек стать хозяином своей собственной судьбы? Эти вопросы с давних времен волновали людей, но никто не мог дать на них убедительного ответа.

Философы, обсуждая вопрос о свободе, приходили к различным, но равно неправильным выводам.

Одни из них занимали позицию фатализма, отрицающего свободу. Фатализм признает извечную предопределенность всех действий человека. Религиозный фатализм (в мусульманской религии, в кальвинизме) утверждает, что воля человека предопределена богом. Старые, метафизические материалисты (например, Гольбах) говорили о естественной необходимости природы, которая якобы целиком связывает человека и не оставляет ему свободы действий.

Многие идеалистические направления, поскольку они весь мир выводят из сознания, из воли человека, наоборот, отрицают естественную необходимость. Они признают полную свободу человека, вплоть до утверждения абсолютного произвола. Такие философские теории о свободе представляют собою индетерминизм; примером может быть рассмотренная выше «философия существования».

Из домарксистских философов наиболее глубокое решение проблемы свободы и необходимости дал Гегель, но он развил его, как и все свое учение, на идеалистической основе. Гегель пытался связать свободу и необходимость, определив свободу как познанную необходимость. Но под необходимостью он разумел необходимое развитие абсолютной идеи, а свобода, согласно его учению, осуществлялась только в сфере духа.

Коренной порок учений Гегеля и всех идеалистов состоит в том, что свободу они понимают исключительно как свободу в духе, в сознании, совершенно обходя вопрос о реальных условиях жизни человека. К тому же они говорят всегда о свободе отдельной личности, игнорируя вопрос об освобождении масс.

Диалектический материализм дает научное решение вопроса о соотношении свободы и необходимости. Принимая необходимость за основу, материалистическая диалектика в то же время признает возможность свободы человека. Действительная свобода человека состоит не в воображаемой независимости человека от природных и общественных зако-

нов (такой независимости на самом деле быть не может), а в познании этих законов и в действиях, основанных на нем.

Люди не сверхъестественные существа, они так же не могут выскочить за пределы законов природы, как не могут не дышать. Кроме того, люди живут в обществе, они не могут выйти из-под действия законов общественной жизни. Они не могут по своему произволу ни отменять существующих законов общественного развития, ни вводить новых.

Но люди могут познать законы природы и общества и, зная характер и направление их действия, использовать их в своих интересах, поставить их себе на службу.

Доказательством того, что можно использовать законы природы, заставить их служить целям человека, является вся современная техника, которая построена не на игнорировании законов природы, а на их целесообразном использовании.

Намного труднее человеку справиться с законами общественной жизни, которые в течение тысячелетий властвовали над ним как чуждая, враждебная сила. Трудящийся человек был порабощен и стихийными законами экономической жизни, и властью господствовавших эксплуататорских классов.

Освобождение человека от социального, классового порабощения, достижение свободы — это долгий и трудный исторический процесс. Только в нашу эпоху он ускорился и охватил многомиллионные массы людей, вдохновленных учением марксизма-ленинизма на борьбу за коммунизм. Создание коммунистического общества будет означать скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

В ходе тысячелетнего развития человеческого общества люди, подчиняясь объективной, не зависящей от их собственной воли, необходимости, все больше и больше покоряют стихийные силы природы и создают предпосылки своего социального освобождения. Этот исторический процесс подчинен своим особым, социальным, законам, отличным от законов природы. Изучением этих законов, направляющих развитие человеческого общества, занимается особая часть марксистско-ленинской философии — *исторический материализм*. К изложению его мы и переходим.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

ГЛАВА 4

СУЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

1. Революционный переворот во взглядах на общество

Вопрос о том, чем определяется общественный строй, как развивается человеческое общество, издавна привлекал к себе внимание людей. Не только потому, что людям хочется понять общество, в котором они живут, но и потому, что это имеет прямое отношение к самым жгучим проблемам их жизни, на многие лады затрагивает их коренные интересы.

Случайны ли существующие в обществе порядки или они обусловлены какими-то невидимыми, но властными причинами? Можно ли изменить эти порядки или люди обречены вечно подчиняться им? Какие силы могут улучшить участь миллионов людей, которых на протяжении тысячелетий угнетала, порабощала, унижала горстка привилегированных? Можно ли добиться благосостояния и свободы для всех, а не только для меньшинства? Если можно, то каким путем? И кто поведет человечество к этим желанным целям? Наконец, в каком направлении движется человечество — к расцвету и прогрессу или к застою и упадку?

Ответить на эти вопросы пытались мыслители всех времен и народов. Но на протяжении многих веков их теории и концепции неизменно опровергались не только критикой других ученых, но и критикой времени — всем дальнейшим ходом развития истории. В области изучения общества путь к знанию оказался особенно трудным и длинным.

Дело здесь уже в том, что общественная жизнь значительно сложнее развития природы. Явления природы в рамках нашего непосредственного наблюдения повторяются относительно правильно, регулярно, и это облегчает понимание их сущности. Уловить же такую регулярность, повторяемость в общественной жизни гораздо труднее. Естественно, что это само по себе затрудняет ее познание, мешает заметить в ней определенную закономерность.

Не менее важно и другое различие. В природе мы имеем дело с действием безличных, стихийных сил. В истории обще-

ства действуют люди, одаренные сознанием и волей, всегда преследующие те или иные цели. При первом подходе к общественным явлениям кажется, что главная задача состоит в том, чтобы выяснить мотивы, которые побуждают людей к действию: узнать, какие цели ставил перед собой тот или иной деятель,— и станет ясно, почему он поступил так, а не иначе. Однако такое психологическое объяснение общественной жизни, преобладавшее в домарксовской социологии и по сей день господствующее в буржуазных теориях об обществе, является поверхностным, недостаточным.

Конечно, каждый человек действует, руководствуясь определенными мотивами, добиваясь определенной цели. Но, во-первых, возникает вопрос, почему у того или иного человека появились именно эти, а не другие мотивы и цели. И, во-вторых, даже поверхностное знакомство с историей показывает, что цели и интересы разных людей, а следовательно, и их действия всегда приходили в столкновение и конечный результат этого столкновения — историческое событие — существенно отличался от того, к чему стремился каждый отдельный его участник.

Так, многие деятели французской революции 1789—1794 гг. думали, что они устанавливают царство разума и вечной справедливости, создают общество, основанное на естественном равенстве и неотъемлемых правах человека. Очень скоро, однако, выяснилось, что на деле они лишь расчищали путь для классового господства буржуазии. Вместо старого неравенства — между феодалами и крепостными — установилось новое неравенство — между буржуазией и рабочими.

Добиваясь удовлетворения своих непосредственных интересов, люди, как правило, не могли предвидеть общественных результатов своих собственных поступков, и это делает историю общества таким же стихийным процессом, как история природы. Это противоречие между сознательной деятельностью каждого отдельного человека, с одной стороны, и стихийностью общественного развития в целом, с другой, было подмечено задолго до Маркса. Но правильно объяснить его ученые не могли. Изучая конкретный ход истории, они не поднимались выше предположений о целях и мотивах отдельных исторических деятелей и тем самым превращали исторический процесс в нагромождение случайностей. Те же из ученых, которые пытались рассмотреть историю как процесс, подчиненный необходимости, очень скоро скатывались на позиции фатализма, рассматривали ее как результат действия некоей внешней силы (бога, «абсолютной идеи», «мирового разума» и т. д.), якобы определяющей поступки людей.

Идеалистический взгляд на историю, питаемый самой сложностью общественного развития, усиленно поддержи-

вался эксплуататорскими классами, заинтересованными в том, чтобы скрыть подлинные причины экономического и социального неравенства, богатства и власти одних, нищеты и бесправия других. Благодаря усилиям этих классов идеалистические взгляды на общество и сегодня оказывают влияние на людей, имеют широкое распространение в капиталистических странах.

Чтобы объяснить, чем обусловлены идеи, мнения, сознательные действия людей, понадобился крутой, революционный переворот в самом подходе к изучению общественных явлений. Этот переворот стал возможен лишь после утверждения капитализма, обнажившего материальные, экономические корни борьбы классов, а также после появления на исторической арене рабочего класса — первого в истории класса, который, как будет показано ниже, не только не боится последовательно научного объяснения общества, но и прямо заинтересован в таком объяснении.

Только в этих исторических условиях оказался возможным научный подвиг Маркса и Энгельса, распространивших диалектический материализм на изучение общества и его истории, создавших научную теорию об общих законах общественного развития. Эта теория — *исторический материализм, материалистическое понимание истории.*

Переворот, произведенный Марксом и Энгельсом в общественной науке, выразился прежде всего в том, что они доказали отсутствие в обществе каких бы то ни было таинственных потусторонних сил, показали, что люди сами являются творцами своей истории. Тем самым был нанесен смертельный удар всякого рода мистическим взглядам на общество и указан путь к пониманию истории как естественного процесса, не требующего какого бы то ни было вмешательства извне.

С другой стороны, марксизм установил, что люди творят свою историю не по произволу, а на основе унаследованных ими от прошлых поколений объективных, материальных условий. Тем самым был нанесен смертельный удар волюнтаризму и субъективизму и указан путь к пониманию истории как закономерного процесса.

Исходное положение исторического материализма Маркс сформулировал так: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Другими словами, в обществе, как и в природе, бытие, материальная жизнь является первичной, определяющей по отношению к жизни духовной, к сознанию.

При этом речь, разумеется, идет о бытии и сознании не отдельных людей, а больших групп — классов, социальных слоев, наконец, всего общества, т. е. не об индивидуальном, а об общественном бытии и общественном сознании.

В марксистском понимании общественное сознание есть совокупность политических и правовых теорий, религиозных, философских и нравственных взглядов данного общества; кроме того, в общественное сознание входят общественная наука, искусство и общественная психология (социальные чувства, настроения, нравы и т. д.). А общественное бытие — это материальная жизнь общества во всей ее сложности и противоречивости.

Что же конкретно понимается под материальной жизнью общества, которая, как установил исторический материализм, определяет собою весь облик общества, его строй, его взгляды и учреждения?

2. Способ производства — материальная основа жизни общества

К материальной жизни общества прежде всего относится трудовая деятельность людей, направленная на производство необходимых для их жизни предметов и благ — пищи, одежды, жилищ и т. д. Эта деятельность есть вечная естественная необходимость, непременное условие самого существования общества. Как говорит Энгельс, прежде чем заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д., люди должны есть, пить, иметь жилища и одеваться[1].

Естественно-материальными предпосылками процесса производства являются, с одной стороны, географическая среда, а с другой — народонаселение. Однако, хотя эти естественно-материальные условия оказывают существенное влияние на ход общественного развития, ускоряют или замедляют его, не они лежат в основе исторического процесса. В одной и той же природной среде может существовать разный общественный строй, а плотность населения играет неодинаковую роль в различных исторических условиях. В отличие от животных, пассивно приспосабливающихся к внешней среде, человек воздействует на нее активно, добывая необходимые для жизни материальные блага с помощью труда, который предполагает применение и изготовление специальных орудий.

Общество не может по своему произволу выбирать эти орудия. Каждое новое поколение, вступая в жизнь, получает те орудия производства, которые созданы усилиями предшествующих поколений, и осуществляет производство при помощи этих орудий, лишь постепенно совершенствуя и видоизменяя их. Отказаться от них и перейти к орудиям труда прошлых эпох — от трактора к деревянной сохе, от машинной индустрии к примитивной мастерской средневекового ремесленника — общество не может, ибо это означало бы гибель если не всего общества, то его большинства от нехватки

материальных благ, необходимых для жизни возросшего населения.

Вместе с тем развитие этих орудий подчинено определенной последовательности. Человечество не могло, например, от каменного топора сразу перейти к атомной электростанции. Каждое новое усовершенствование и изобретение может быть сделано лишь на основе предшествующих, должно опираться на постепенно накапливаемый производственный опыт, трудовые навыки и знания людей данной страны либо другой, более передовой страны.

Но орудия труда не функционируют сами по себе. Главную роль в процессе производства играют люди, трудящиеся, которые создают и приводят в действие эти орудия благодаря наличию определенных производственных навыков и трудового опыта.

Орудия производства, средства труда, при помощи которых создаются материальные блага, и люди, осуществляющие процесс производства на основе известного производственного опыта, образуют *производительные силы* общества.

Однако материальная жизнь общества производительными силами не исчерпывается.

Производство осуществляет не изолированный человек, подобно Робинзону на необитаемом острове. Оно всегда имеет *общественный* характер. В процессе производства материальных благ люди, хотят они этого или нет, оказываются так или иначе связанными между собой, и труд каждого производителя становится частицей общественного труда.

Даже на первых ступенях истории люди должны были объединяться для того, чтобы выжить, при помощи самых примитивных орудий добыть средства существования в борьбе с дикими животными, стихией и т. д. По мере развития общественного разделения труда эта зависимость одних людей от других только возрастала. Так, с появлением ремесла крестьяне стали зависеть от ремесленников, ремесленники зависели друг от друга и от крестьян и т. д. Производители, таким образом, оказываются связанными между собой многосторонними взаимоотношениями.

Взаимоотношения эти не исчерпываются связью между производителями, занятыми в различных отраслях производства. На определенной ступени развития производительных сил, как мы увидим ниже, собственность на все или основные средства производства отделяется от непосредственных производителей и сосредоточивается в руках немногих членов общества. Теперь производители и орудия труда не могут соединиться и процесс производства не может начаться, если не вступят в определенные отношения между собой владельцы средств производства и производители. Отношения, которые устанавливаются между людьми в ходе производ-

ства, становятся отношениями *классов* — больших групп людей, из которых одни владеют средствами производства и присваивают себе результаты труда других, лишенных средств производства полностью или частично и вынужденных трудиться на первых. Например, в капиталистическом обществе класс капиталистов не работает, но, владея фабриками, заводами, железными дорогами, может присваивать себе плоды труда рабочих. А рабочие, хотят они этого или нет, могут зарабатывать на жизнь, только продавая свой труд капиталисту, поскольку они лишены средств производства.

Отношения, в которые люди вступают в ходе производства материальных благ, Маркс и Энгельс назвали *производственными отношениями.* Их называют также экономическими, имущественными отношениями, так как их характер зависит от того, в чьей собственности находятся средства производства.

Производственные отношения людей существуют вне сознания людей и в этом смысле носят материальный характер. Характер производственных отношений определяется уровнем развития и характером производительных сил. Экономические отношения, свойственные, скажем, рабовладению, были бы невозможны в первобытном обществе. Во-первых, орудия труда были здесь настолько просты в изготовлении (дубина, каменный топор), что сделать эти орудия мог практически каждый, так что частная собственность на них была невозможна. А во-вторых, никто не смог бы эксплуатировать других работников, ибо при тогдашней производительности труда они производили столько, что им едва хватало на жизнь самим и содержать паразитические классы было физически невозможно.

Уже из этого примера видно, что отношения, в которые вступают люди в процессе производства, и производительные силы существуют не изолированно друг от друга, а в определенном единстве. Это единство производительных сил и производственных отношений исторический материализм выражает в понятии *способа производства.*

Как развивается производство

Коль скоро способ производства составляет материальную основу жизни общества, история общества есть прежде всего история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга в связи с ростом производительных сил.

Как же происходит это развитие? Что движет его вперед?

Факты показывают, что источники развития производства нужно искать не вне его, а в нем самом. Это подчеркивал Маркс, определяя историю как «саморазвивающееся общественное состояние»[2] людей.

В процессе труда люди воздействуют на внешнюю природу и изменяют ее. Но, воздействуя на природу, они в то же время изменяются сами: накапливают производственный опыт, трудовые навыки, знания об окружающем мире. Все это дает возможность совершенствовать орудия труда и приемы их применения, изобретать новые орудия, вводить те или иные усовершенствования в производственный процесс. А каждое такое усовершенствование или изобретение влечет за собой новые улучшения, производя подчас настоящий переворот в технике и производительности труда.

Однако, как уже было показано, производство обязательно предполагает те или иные отношения не только между человеком и природой, но и между самими людьми, участвующими в производстве. Эти отношения в свою очередь оказывают воздействие на развитие производительных сил. Они определяют стимулы деятельности непосредственных производителей и классов, распоряжающихся орудиями труда. От производственных отношений зависят экономические законы каждого способа производства, условия жизни и труда работников и другие факторы, влияющие на развитие производительных сил.

Взаимодействие производительных сил и производственных отношений

Единство производительных сил и производственных отношений, выраженное в способе производства, вовсе не исключает противоречий между ними.

Причины возникновения этих противоречий кроются в том, что оба элемента способа производства — экономические отношения и производительные силы — развиваются по-разному. Техника, производственные навыки и трудовой опыт людей в общем и целом — идет ли речь обо всей истории или одном, отдельно взятом способе производства — возрастают более или менее непрерывно. Они представляют собой наиболее революционный, наиболее подвижный элемент производства.

Что касается производственных отношений, то, хотя на протяжении существования данного способа производства они претерпевают те или иные изменения, эти изменения не затрагивают их сущности. Так, например, современный государственно-монополистический капитализм, как мы увидим далее, заметно отличается от капитализма 19 века. Однако основа капиталистических производственных отношений — частная собственность на орудия и средства производства — остается та же самая, и, следовательно, основные законы капитализма сохраняют свою силу. Коренные изменения имущественных отношений носят обязательно характер скачка, перерыва постепенности, который означает *ликвидацию* старых производственных отношений и замену их новыми, т. е. возникновение нового способа производства.

Отсюда ясно, почему соответствие между имущественными отношениями и характером производительных сил в истории каждого способа производства до социалистической эпохи может быть лишь преходящим, временным. Обычно оно имеет место на начальном этапе развития способа производства, этапе, который знаменуется утверждением новых производственных отношений, соответствующих данной ступени развития производительных сил. Но после этого развитие техники, накопление трудовых навыков, опыта и знаний не останавливается, а, как правило, ускоряется. В этом наглядно проявляется положительное воздействие производственных отношений на развитие производительных сил. Когда имущественные отношения соответствуют им, это развитие идет сравнительно гладко и беспрепятственно.

Но сами имущественные отношения не могут непрерывно следовать в своем развитии за производительными силами. В классовом обществе эти отношения, однажды возникнув, закрепляются юридически и политически в формах собственности, в законах, в политике классов, государстве и других учреждениях.

По мере роста производительных сил между ними и производственными отношениями неизбежно развивается несоответствие, в конце концов перерастающее в конфликт, ибо отжившие производственные отношения мешают дальнейшему развитию производительных сил.

Так, имущественные отношения феодального общества, основанные на собственности феодала на землю с прикрепленными к ней крестьянами, в свое время соответствовали тем производительным силам, которыми располагало общество, и потому помогали их развитию. Но в эпоху, когда бурными темпами начала развиваться промышленность (мануфактурная, а затем машинная), положение изменилось: крепостничество стало тормозом, мешавшим росту промышленности, нуждавшейся в работниках, которые, с одной стороны, были бы лично свободными, а с другой — не имели бы собственных средств производства и которых голод погнал бы на фабрики и заводы, под ярмо капиталиста. Яркий пример несоответствия производственных отношений производительным силам дает и современный капитализм. Это несоответствие выражается в разрушительных кризисах, войнах, замедлении темпов хозяйственного развития и т. д.

Конфликт между производственными отношениями и производительными силами ведет к обострению противоречий в различных областях жизни общества и в первую очередь между классами, из которых одни связаны своими интересами со старыми, а другие — с вызревающими новыми имущественными отношениями.

Вернуться назад, к производительным силам, которые соответствовали бы отжившим производственным отношениям, общество не может, даже если бы классы, стоящие у власти, и поняли, что в этом их единственный шанс на спасение. Рано или поздно конфликт разрешается другим, единственно возможным путем — революционной ликвидацией старых производственных отношений и заменой их новыми, соответствующими характеру выросших производительных сил, потребностям их дальнейшего развития. Возникает новый способ производства. Начинается новый цикл развития, который проходит через те же самые этапы и, если речь идет о классово-антагонистическом обществе, опять завершается гибелью старого и нарождением нового способа производства.

3. Базис и надстройка

Состояние производительных сил определяет, как мы видели, характер производственных отношений людей, т. е. экономический строй общества. Этот экономический строй в свою очередь представляет собой *базис* (фундамент, основание), на котором возникают многообразные общественные отношения, идеи и учреждения. Общественные идеи (политические, правовые, философские, религиозные и т. д.), учреждения и организации (государство, церковь, политические партии и т. д.), возникающие на данном базисе, образуют *надстройку* общества. Теория базиса и надстройки объясняет, как, каким образом способ производства определяет собой в последнем счете все стороны общественной жизни, и показывает связь между экономическими общественными отношениями и всеми другими отношениями данного общества.

Каждое исторически данное общество имеет свой специфический базис и соответствующую ему надстройку.

От господствующей формы собственности зависит социальное расчленение общества — его классовый состав, а это в свою очередь определяет характер политических учреждений и правовых норм. Монархия немыслима при социализме, а всеобщее избирательное право было бы невозможно в рабовладельческом обществе. Феодальные производственные отношения предполагают, как мы увидим ниже, не только имущественную, но и личную зависимость крестьянина от землевладельца (крепостное право). В феодальном праве это выражается в виде юридического неравенства крестьян и феодалов: помещик-феодал мог не только присваивать себе труд крестьянина, но и всячески вмешиваться в его жизнь, тогда как крестьянин оставался бесправным.

Переход к капиталистическим производственным отношениям повлек за собой перемены и в правовых отношениях. Замена прямого принуждения и личной зависимости «дис-

циплиной голода» нашла свое юридическое выражение в том, что закон формально уравнял рабочего и капиталиста. Но, поскольку буржуазное право основывается на системе частной собственности, провозглашенное им равенство по сути дела только закрепляет господствующее положение имущих классов. Следовательно, политические и правовые отношения являются производными от отношений экономических и определяются этими последними.

То же самое нужно сказать и относительно философских, религиозных, нравственных, художественных и других общественных идей и представлений. Известно, например, что в первобытном обществе пленников, захваченных во время войн между разными племенами, убивали, а иногда и съедали. Позже их стали обращать в рабство. Почему же произошло такое «смягчение» общественных нравов? Да потому, что рост производительности труда сделал возможным присвоение чужого труда, эксплуатацию человека человеком. На этой экономической основе и родились новые нравы, новые взгляды, свойственные рабовладельческой эпохе.

Точно так же перемены в производственных отношениях, происходящие при социализме, производят коренной переворот во взглядах, морали, критериях поведения членов общества. При капитализме спекуляция считается такой же профессией, как, скажем, профессия врача и адвоката,— профессией, которая в лучшем случае регламентируется (в интересах крупных спекулянтов, в ущерб мелким), но всегда узаконена, как и учреждения, обслуживающие этот вид занятий (например, биржа). Иначе и не может быть в обществе, где узаконена эксплуатация чужого труда и деньги являются высшей ценностью, мерилом всех добродетелей. При социализме же такие действия не только морально осуждаются обществом, но и преследуются законом.

Из того факта, что базис определяет собой надстройку, следует, что каждая смена базиса — производственных отношений — влечет за собой и смену надстройки, коренные перемены в области государства, права, политических отношений, морали, идеологии. Надстройка в свою очередь оказывает влияние на производственные отношения, может затормозить или ускорить их смену. Ясно, например, что политические учреждения современной буржуазии (в первую очередь государство), ее право и идеология играют важную роль в охране капиталистической собственности, тормозят давно назревшую замену ее социалистической (общественной) собственностью.

В надстройке всякого классового общества идеи и учреждения господствующего класса являются господствующими. Но наряду с ними в надстройку входят также идеи и организации угнетенных классов, которые помогают этим классам бороться за свои интересы.

Так, факт раскола буржуазного общества на рабочих и капиталистов рано или поздно отражается в сознании тех и других. Это ведет к тому, что наряду с классовой идеологией и организациями буржуазии — ее государством, политическими партиями, печатью и т. д.— в обществе появляются и развиваются идеология и организации рабочего класса. Рабочие рано или поздно осознают себя особым классом, у них пробуждается сознание общности своих интересов, их несовместимости с интересами капиталистов. Осознание классового интереса ведет к тому, что рабочие начинают объединяться для совместной борьбы с капиталистами. Передовая часть рабочего класса объединяется в политическую партию, создаются профсоюзы и другие массовые организации трудящихся. Отношения, связывающие пролетариев в классовую организацию — политическую партию, профсоюзы,— это уже такие отношения, которые, прежде чем установиться, прошли через сознание людей — ведь рабочие вступают в партию сознательно, по идейным побуждениям и по своей собственной воле. В среде рабочих развивается классовая солидарность, своя мораль, противоположная господствующей буржуазной морали.

Так на реальном базисе классовых отношений воздвигается целая пирамида из различных мировоззрений, социальных чувств, политических и других организаций и учреждений — все то, что объединяется понятием надстройки.

В любом обществе сочетание различных его сторон — производительных сил, экономики, политики, идеологии и т. д.— не является случайным. Не может быть общества, в котором к производительным силам, скажем, капиталистической эпохи были бы пристегнуты феодальные производственные отношения, а над ними возвышалась рабовладельческая идеология.

Характер производительных сил и уровень их развития предопределяют те отношения, в которые вступают между собой люди в процессе производства, а эти отношения образуют базис, на котором в свою очередь вырастает определенная политическая и идеологическая надстройка. Каждое общество представляет собой поэтому целостный организм, так называемую *общественно-экономическую формацию,* т. е. определенный исторический тип общества со свойственными ему способом производства, базисом и надстройкой.

Понятие общественно-экономической формации имеет огромное значение для всей науки об обществе. Оно позволяет понять, почему, несмотря на все многообразие конкретных деталей и особенностей, все народы проходят в основном общий путь. Ведь история каждого из них в конечном счете обусловлена развитием производительных сил, которое подчинено одним и тем же внутренним законам. Развитие общества происходит в виде последовательной, закономерной смены об-

жизнь общества отражением его материального бытия. Но указать источник происхождения общественных идей — вовсе не значит отрицать или умалять их значение. На самом деле марксизм отнюдь не отрицает значения идей, общественных идеалов, человеческих страстей и влечений, вообще внутренних побуждений человека. Коммунисты противоречили бы сами себе, если бы, с одной стороны, стремились выработать у трудящихся научную, коммунистическую идеологию, чувство классовой солидарности, интернационализм и т. п., а с другой — отрицали значение субъективного фактора, т. е. сознательной деятельности людей в истории.

Марксизм только утверждает, что идеи и чувства людей — это не последние причины исторических событий, что сами эти идеи и чувства уходят своими корнями в условия материальной жизни людей. Однако марксизм тут же подчеркивает, что условия материальной жизни могут вызвать те или иные действия людей, только пройдя через их сознание, отобразившись в нем в виде определенных взглядов, идеалов, целей и т. д.

История общественной мысли всех народов показывает, что возникновение тех или иных идей тесно связано с потребностями развития материальной жизни общества. Новые идеи, зовущие к изменению общественных порядков, возникают и распространяются тогда, когда развитие материальной жизни общества выдвигает перед людьми новые задачи. Эти задачи в той или иной форме осознаются людьми и находят свое выражение в соответствующих идеях. Следовательно, самое возникновение и распространение новых, революционных идей, призывающих к изменениям в общественном строе, не является чем-то случайным. Это закономерное отражение изменений, происшедших в материальной жизни общества. Энгельс писал, например, что научный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении людей конфликта между новыми производительными силами и капиталистическими производственными отношениями, отражение в головах рабочего класса, который страдает от этого конфликта непосредственно.

Возникнув на базе назревших материальных потребностей общества, идеи в свою очередь оказывают влияние на ход общественного развития. Каким путем это происходит?

Конечно, идеи не могут непосредственно, сами по себе воздействовать на материальную жизнь общества: они возникают и живут в головах людей, поэтому влияние их на ход общественного развития может иметь место только тогда, когда они воплощаются в определенных поступках, действиях, поведении человека. Как же это происходит? Если идеи отвечают назревшим потребностям общественной жизни, то рано или поздно они находят доступ к *сознанию широких масс,*

становятся их собственными идеями и сплачивают их в одну мощную армию, воодушевленную единой целью и волей. Стихийное недовольство и стихийное движение масс превращаются в сознательную и организованную борьбу. Идеи уже перестают быть только идеями — они воплощаются в *дело:* объединяют и организуют людей, вызывают определенные *практические действия.* Поэтому Маркс и говорил, что идеи, когда они овладевают массами, становятся материальной силой.

Конечно, общественное сознание каждого данного общества — это сложное и противоречивое явление. Общественное бытие неоднородно и содержит в себе как передовые, революционные явления и тенденции, так и старые, реакционные. Это отражается и в общественном сознании. С одной стороны, в нем есть старые, реакционные идеи, выражающие интересы отживающих классов и отражающие социальные условия, уже исчерпавшие свои возможности. Такова, например, современная буржуазная идеология, стремящаяся увековечить прогнивший капиталистический строй. С другой стороны, возникает и становится все более влиятельной идеология передовых, революционных классов, отражающая новые потребности общественной жизни, зовущая людей вперед, по пути прогресса.

Даже когда правящий класс стал реакционным, его идеология еще долгое время остается господствующей: во-первых, она опирается на силу привычки и существующую традицию; во-вторых, ее активно насаждают весь аппарат власти (прежде всего государство) и многочисленные учреждения господствующего класса (церковь, пресса и т. д.), препятствуя в то же время распространению новых идей. Однако новая идеология обладает решающим преимуществом — тем, что она отражает потребности общественного развития. Можно запретить, но нельзя уничтожить революционные идеи. Рано или поздно новые идеи овладевают массами, приводят их в движение, и тогда приходит конец старому строю. Так общественные идеи вплетаются в закономерный ход исторического развития.

Эта важная роль идей в истории придает им огромную ценность в борьбе за революционное преобразование общества. Недаром Ленин предлагал начать создание марксистской партии в России с издания газеты «Искра», т. е. с распространения революционных идей марксизма в среде рабочих, а потом уже закрепить идейное единство материальной организацией — политической партией. Без мобилизующей, организующей и преобразующей работы новых идей *невозможно разрешение* тех задач, которые поставлены перед обществом развитием его материальной жизни. Чем выше уровень революционного сознания людей, чем шире распростра-

нены революционные идеи в массах, тем скорее и легче решаются задачи, стоящие перед обществом.

Стихийность и сознательность в общественном развитии

Развитие всех предшествовавших социализму общественных формаций шло таким образом, что объективные законы действовали стихийно, как слепая необходимость, которая пробивала себе дорогу сквозь случайные, разрозненные действия индивидов. Объективные законы господствовали над людьми, воспринимались ими как чуждая и непонятная сила, которой они вынуждены подчиняться.

Объясняется это, конечно, не только тем, что люди не знали социальных законов. Главная причина стихийности общественного развития состоит в том, что основная сфера общественной жизни — материальное производство — находилась вне контроля со стороны общества. Частная собственность на орудия и средства производства не позволяет сознательно направлять развитие общества в целом. В условиях ее господства каждый действует на свой страх и риск на отдельном предприятии, в своей частной мастерской, на своем клочке земли, а в целом развитие общества складывается стихийно, вне сознательного контроля людей. Разбитое на враждующие классы, общество не имеет общей воли, которая направляла бы его развитие в том направлении, какое диктуется объективными закономерностями.

Господство слепых общественных сил глубоко проникло в психологию людей. Достаточно вспомнить такие мистические представления, как вера в судьбу, рок, будто бы повелевающие жизнью и смертью людей и народов, а также, конечно, религию.

Но уже и в эксплуататорском обществе сознательная деятельность людей начинает временами играть большую роль. Речь, прежде всего, идет о периодах социальных революций, которые предполагают осознание революционным классом или по крайней мере его авангардом, пусть в самом общем виде, своих главных исторических задач. Хотя идеологи революционной французской буржуазии 18 века не знали сущности экономических законов, диктовавших замену феодализма капитализмом, они более или менее правильно формулировали практические требования, вытекавшие из этих законов (отмена личной зависимости крестьян и цеховой регламентации, уничтожение дворянских привилегий и т. п.), поскольку буржуазия была кровно заинтересована в этих мероприятиях. Однако даже тут правильные лозунги переплетались с иллюзиями, и французские просветители были бы, наверное, очень удивлены и разочарованы, увидев вместо «царства разума», за которое они искренне ратовали, торжество бессердечного чистогана.

Пролетариат — это первый в истории класс, который освобождается от всяких иллюзий. Он не нуждается в самообмане, ибо объективный ход истории не противоречит и не будет противоречить его интересам и целям, а, напротив, ведет к их осуществлению; он не нуждается в обмане других, ибо не добивается каких-то особых привилегий в ущерб другим трудящимся — рабочий класс не может освободить себя, не освободив и все остальное человечество, не уничтожив эксплуатации человека человеком вообще.

Сознательное использование исторических закономерностей рабочим классом начинается уже в недрах капиталистического общества, когда он обретает научную теорию, создает политическую партию, объединяет вокруг себя все трудовые слои народа и ведет борьбу в том направлении, которое диктуется объективными закономерностями самого капитализма,— в направлении перехода к социализму. Социальная революция пролетариата — первая в истории революция, в которой революционный авангард трудящихся масс — марксистско-ленинская партия отчетливо сознает объективный смысл своих исторических действий и сознательно руководит борьбой широких масс за революционное изменение существующего строя.

Овладение законами общественного развития

В эпоху социализма благодаря общественной собственности на средства производства люди ставят под свой контроль производство в масштабе всего общества. Они могут устанавливать научно обоснованные пропорции между отраслями народного хозяйства, между потреблением и накоплением, между производством товаров широкого потребления и доходами населения и т. д. Сосредоточение в руках социалистического общества основных средств производства позволяет ему вести плановое хозяйство, что обеспечивает высокие темпы его роста.

Сознательное использование людьми социальных законов не отменяет объективного характера последних, но позволяет обществу свободно ориентироваться в обстановке и, учитывая объективные условия, планомерно идти к заранее намеченной цели, которая вырабатывается на основе познания этих законов. В принципе здесь дело обстоит так же, как с использованием законов природы. Человек не может отменить закон всемирного тяготения, но знание законов аэродинамики позволяет ему строить самолеты, которые поднимаются в воздух, преодолевая притяжение Земли. Точно так же общество не может по собственному произволу устанавливать пропорции развития основных отраслей народного хозяйства, но знание этих объективных пропорций позволяет ему сознательно планировать дальнейшее развитие с учетом своих потребностей, не боясь кризисов и диспропорций. Так необходимость, свой-

ственная общественным явлениям, становится познанной необходимостью.

Общественные последствия сознательного овладения законами исключительно важны.

Во-первых, люди перестают быть рабами законов; владея научной теорией, они могут предусмотреть и приготовиться заранее к тому или иному действию законов, направлять его в нужное для них русло и т. д. Одним словом, люди становятся господами своих собственных отношений и регулирующих их законов. В результате этого возрастает роль общественного сознания и надстройки в целом в развитии общества.

Овладение объективными законами находит при социализме конкретное воплощение прежде всего в деятельности партии и государства по руководству экономической жизнью. Чем глубже познаны объективные закономерности социалистической экономики, тем увереннее действуют партия и государство, определяя пути экономического развития страны, тем выше уровень руководства народным хозяйством, тем меньше возникает диспропорций и случайностей в ходе общественного производства, тем реальнее народнохозяйственные планы.

Во-вторых, знание объективных закономерностей позволяет ясно увидеть конечную цель движения, как она вырисовывается из всего хода общественного развития. Понятно, что, зная цель, можно идти к ней более прямым путем, сберегая силы и средства. Через те или иные этапы нельзя перескочить, однако можно ускорить прохождение их, избежать ненужных жертв, траты излишних усилий и материальных ценностей.

В-третьих, совпадение объективной линии развития общества с интересами, стремлениями и желаниями большинства членов общества пробуждает в них творческий подъем, особенную энергию и настойчивость в достижении желанной цели, что ускоряет развитие общества.

6. Несостоятельность буржуазной социологии

Страх перед законами истории

В то время как исторический материализм раскрывает объективные законы общественного развития и показывает пути их познания и использования в интересах общества, буржуазная социология либо всячески стремится доказать, что никакой исторической закономерности не существует, либо пытается извратить содержание социальных законов.

Эта позиция буржуазных социологов не случайна. В свое время, когда буржуазия была прогрессивным классом, ее идеологи рассматривали общество как часть природы и пытались открыть «естественные законы» его развития. И хотя эти попытки так до конца и не вышли за рамки идеалистического взгляда на историю, они имели прогрессивное значение

для развития общественной науки. Совсем по-другому обстоит дело в современную эпоху, когда капитализм идет к своему концу.

Как объяснить важнейшие всемирно-исторические события современности, такие, как победа Великой Октябрьской социалистической революции, образование мировой социалистической системы, крах колониальной системы империализма и т. п.?

Признать их закономерными — значит признать неизбежность гибели капитализма и торжества дела социализма, т. е. порвать с буржуазной идеологией. На это буржуазные ученые, за редкими исключениями, не способны. Отрицание же объективной закономерности в событиях современности неминуемо ведет к отказу от идеи исторической закономерности вообще, к отказу от научного исследования общественных отношений. Именно это и характерно для современной буржуазной социологии. Страх перед законами истории, обрекающими на гибель капитализм, побуждает буржуазных социологов к яростной борьбе против марксизма-ленинизма, к извращению действительного положения вещей.

Как указывал В. И. Ленин, «изгнание *законов* из науки есть на деле лишь *протаскивание законов религии*» [8]. Не случайно многие современные буржуазные социологи пропагандируют откровенную мистику, говорят о «божественном предопределении» исторического процесса, о «таинственной силе провидения», якобы управляющего ходом истории. В борьбе против материалистического понимания истории и научного подхода к общественным явлениям буржуазные социологи прибегают к самым разнообразным приемам. Важнейшие из них — психологическое объяснение общественного развития; отрицание объективной исторической закономерности под предлогом «неповторимости» исторических явлений; наконец, подмена исторических законов законами биологии или других естественных наук.

Психологическая теория общества

Психологическое объяснение общественного развития, которое, как мы видели, было характерно для буржуазной социологии и раньше, исходит из того, что творцом общественной жизни является человеческое сознание, психика человека. При этом современная буржуазная социология саму человеческую психику трактует в духе иррационализма, изображая человека не как сознательное существо, а как существо, действующее главным образом под влиянием бессознательных импульсов и биологических инстинктов. Например, с точки зрения австрийского психиатра и социолога Фрейда, оказавшего на буржуазную социологию сильное влияние, все поступки людей обусловлены животным началом, прежде всего половым инстинктом, а человеческое сознание образует лишь надстройку над бессознательными инстинктами и влечениями. Отсюда

буржуазные социологи делают вывод о невозможности сознательного воздействия на общественные отношения, предотвращения войн и т. д. Революционные движения провозглашаются проявлениями «массовой истерии», а рабочим, недовольным капиталистическими порядками, рекомендуется обращаться к врачу-психиатру, который поможет им «примириться» с существующими условиями.

Буржуазная социология не только клевещет на массы, которые сознательно ведут борьбу за демократию и социализм, но и пытается опорочить самую цель этой борьбы, доказывая неизменность животной природы человека. Но мы уже видели, что индивидуальная психика людей не определяет собой их общественных отношений, она сама зависит от исторических условий. Те «дикие чувства», вроде жадности, «инстинкта собственности» и т. п., о которых пишут буржуазные социологи, в действительности воспитаны определенной социальной средой. Переделка человеческого сознания в ходе социалистической революции в СССР и странах народной демократии, появление новых духовных черт (например, коллективизма в противоположность буржуазному индивидуализму) убедительно опровергают утверждение буржуазных социологов о неизменности человеческой природы.

Не лучше обстоит дело и у тех буржуазных авторов, которые провозглашают главным двигателем общества не индивидуальное, а «коллективное», «групповое», «общественное» сознание. Мы видели, что общественное сознание, или совокупность общественных идей, действительно играет важную роль в общественной жизни. Но достаточно поставить вопрос, почему в данный период времени господствуют одни, а в другой — иные идеи или почему отличаются друг от друга мировоззрения различных классов, как становится совершенно ясно, что духовная жизнь общества в целом или отдельного класса является производной от его материальной жизни и служит отражением последней. Отрицание этого означает ликвидацию науки об обществе, отказ от познания его внутренней закономерности. На такой точке зрения и стоят наиболее реакционные социологи — иррационалисты, доказывающие, что история не может быть наукой, что она основана не на объективном знании, а на интуиции и «акте веры».

Описание против объяснения

Значительно более тонкими методами ведет борьбу с научным детерминизмом так называемая «эмпирическая социология», тесно связанная с философией неопозитивизма. Социологи этого направления на словах выступают за научное, объективное изучение общественных отношений. Однако «научность» сводится у них к простому описанию единичных фактов, не поднимающемуся до сколько-нибудь широких обобще-

ний. Это часто обосновывается весьма благовидными ссылками на сложность общественной жизни, опасность схематизма и т. п. Нет на свете двух одинаковых людей, нет двух одинаковых событий, значит, не может быть и общих законов исторического развития, говорят эти социологи.

Но рассуждение это совершенно неосновательно. Конечно, каждое историческое событие является единичным, неповторимым. Не может быть ни второго Наполеона, ни второго самоубийства Гитлера. Однако неповторимость любого данного события или процесса не исключает того, что в этом индивидуальном процессе имеются известные общие, повторяющиеся черты, обобщение которых позволяет вскрыть определенную закономерность. Как ни различны конкретные обстоятельства возникновения первой и второй мировых войн, научный анализ обнаруживает, что обе они вызваны в последнем счете одними и теми же причинами — обострением противоречий между империалистическими державами в связи с неравномерностью их экономического и политического развития. Как ни многообразны условия строительства социализма в различных странах, мы везде обнаруживаем известные общие закономерности — необходимость диктатуры пролетариата, обобществления средств производства и т. д. Изучение этих общих, повторяющихся черт общественного развития не только не ведет к схематизму и догматизму, как утверждают вслед за буржуазными социологами современные ревизионисты, но, напротив, является необходимым условием исследования общественных явлений, так как дает научную основу для их сопоставления.

Однако империалистическая буржуазия боится таких обобщений, поскольку они неизбежно обнаруживают гнилость капиталистических порядков. Отсюда — ограничение тематики социологических исследований изучением и описанием отдельных, частных случаев и уход от общих, коренных проблем.

Извращение исторических законов социал-дарвинизмом

Свою фальсификацию исторических законов многие буржуазные социологи пытаются облечь в мнимонаучную одежду. Одним из излюбленных приемов является при этом подмена социальных законов законами биологии. Сторонники этого направления, возникшего в 19 веке и получившего название социал-дарвинизма, рассуждают следующим образом. Так как человек, говорят они, есть часть природы, то, следовательно, развитие человеческого общества подчинено тем же законам, что и развитие других биологических видов; в природе мы имеем естественный отбор, выживание сильнейшего на основе борьбы за существование; следовательно, то же самое происходит и в обществе. Отсюда делается вывод, что классовая борьба — лишь одно из проявле-

ний извечной борьбы за существование, а система капиталистической эксплуатации, колониальный гнет и т. п.— явления, заложенные в самой биологической сущности человека. Сильный всегда побеждает слабого, и иначе быть не может. Так законы капиталистических джунглей приобретают биологическое обоснование и провозглашаются неустранимыми и вечными.

Однако не может быть ничего более ложного, чем подобные теории, на которых основываются самые отвратительные расистские и иные предрассудки. «Нет ничего легче,— писал В. И. Ленин,— как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие» [9]. Законы развития человеческого общества — это особые законы, качественно отличные от законов природы. В отличие от животных, которые пассивно *приспосабливаются* к природным условиям, человек сам *производит* необходимые ему материальные блага. Поэтому, в частности, все попытки объяснить законами биологии те бедствия, которые несет трудящимся капитализм, не выдерживают никакой критики. Вопреки утверждениям некоторых буржуазных социологов, последователей реакционера Мальтуса, о «перенаселенности» земли, человечество имеет все возможности для удовлетворения своих растущих материальных потребностей. Система эксплуатации человека человеком и порождаемая ею классовая борьба — не проявление биологической «борьбы за существование», а следствие определенного, исторически преходящего общественно-экономического строя. Капиталист может эксплуатировать рабочего не потому, что он имеет более высокую биологическую организацию, а потому, что он владеет средствами производства, которых лишен рабочий. Как показал опыт построения социализма в СССР и странах народной демократии, социалистический строй уничтожает и классовое неравенство, и конкуренцию, которую буржуазная социология провозглашает вечным двигателем прогресса, не говоря уже о безработице, которую буржуазные социологи считают доказательством перенаселенности земли. Точно так же пробуждение колониальных и зависимых народов Востока и их быстрый прогресс в социально-экономическом и культурном отношении — это факт, который не оставляет камня на камне от гнусных «теорий» о «неполноценности» «цветных» народов, о «биологическом праве» белой расы господствовать над миром.

Таким образом, попытки буржуазной социологии опорочить материалистическое понимание истории и противопоставить ему свои антинаучные, идеалистические взгляды — это попытки с негодными средствами, доказывающие лишь банкротство самого буржуазного обществоведения.

7. Значение материалистического понимания истории для других общественных наук и для общественной практики

Исторический материализм и общественные науки

Из сказанного ясно, какое огромное значение имеет исторический материализм для специальных общественных наук и для практической деятельности революционных партий рабочего класса. Науки об обществе — история, политическая экономия, юридические науки, этика, эстетика и другие — изучают отдельные стороны общественной жизни или конкретную историю отдельных стран и народов. Политическая экономия изучает законы развития общественного производства и распределения материальных благ, юридические науки — политическую надстройку общества — государство и право, этика — общественную мораль и т. д. *Исторический материализм — это наука об общих законах развития общества.* В выводах и положениях исторического материализма — о зависимости общественного сознания от общественного бытия, об изменениях общественного строя в зависимости от изменений производительных сил, о взаимоотношении базиса и надстройки и т. д.— сформулированы законы жизни общества как целого. Ни одна из конкретных общественных наук не имеет дела с такими широкими обобщениями, как исторический материализм. Поэтому он является основой для всех наук об обществе. Исторический материализм не претендует заменить собой другие общественные науки, а служит для них *методом* познания и в свою очередь опирается на них в своих обобщениях. Знание общих законов, раскрываемых историческим материализмом, дает возможность понять развитие отдельных сторон общественной жизни, конкретную историю той или иной страны. Ни одна из общественных наук не сможет правильно понять изучаемую ею область общественной жизни, если не уяснит себе ее связь с другими сторонами жизни общества, не выяснит ее место в ряду всех явлений общественного развития.

Вместе с тем материалистическое понимание истории — это не универсальная отмычка, которую стоит только приложить к любой исторической ситуации, к любому историческому явлению, как оно будет сразу же объяснено. Исследователь, владеющий материалистическим пониманием истории, имеет в своих руках верный компас, который помогает ему прийти к правильному пониманию исторических событий. Но сами эти события и условия, их породившие, должны быть еще изучены во всей их конкретности. Это каждый раз предполагает доскональное исследование исторического материала, всех фактов, относящихся к той или иной эпохе. Только таким путем можно найти внутреннюю связь исторических со-

бытий и объяснить каждое из них, с тем чтобы не только понять прошлое и настоящее, но и научно предвидеть будущее.

О научном предвидении

Буржуазные философы и социологи, отрицающие объективную закономерность общественного развития, считают научное предвидение будущего невозможным, ссылаясь на то, что будущее зависит от намерений и желаний людей, которые никто не может предсказать заранее.

Но, как мы уже убедились, планы и стремления масс людей определяются объективными условиями их жизни. Поэтому знание закономерных тенденций развития современного общества позволяет нам предвидеть и будущий ход событий. Ведь будущее не падает с неба, а лишь реализует возможности, заложенные в настоящем.

Конечно, знание законов развития общества дает возможность предвидеть лишь общее направление исторического развития, но не его детали, не его конкретные формы. Конкретная форма и сроки протекания многих общественных процессов складываются под действием множества случайных обстоятельств, предвидеть которые не может и самый гениальный человек. Однако предвидение общей линии развития имеет громадное практическое значение.

Маркс и Энгельс более столетия назад, еще в период восходящего развития капитализма, предсказали его неизбежный упадок и гибель в результате присущих ему внутренних противоречий. Это предвидение неуклонно осуществляется в наше время.

Задолго до первой мировой войны Энгельс предсказал возможность ее возникновения и ее последствия. Он писал, что в результате грядущей всемирной войны в Европе будут свергнуты многие монархи и короны будут валяться дюжинами, что наступит полное расстройство механизма торговли и промышленности и т. д. «...Один результат,— писал тогда Энгельс,— абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» [10]. И действительно, в результате первой мировой войны цепь империализма была прорвана в ее наиболее слабом звене — в России, где к власти пришел рабочий класс.

Более полувека тому назад Ленин предвидел, что в связи с перемещением центра мирового революционного движения на восток русский пролетариат станет в авангарде социалистической революции. В период первой мировой войны он предвидел возможность победы социализма первоначально в одной или нескольких странах. История блестяще подтвердила оба эти предвидения.

Марксисты неоднократно предсказывали за многие годы вперед такие события, как победу национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, победу

революции в Китае, крах фашистского режима в Германии, победу демократических стран во главе с СССР во второй мировой войне и многое другое. Все эти предсказания оправдались, поскольку они были основаны на объективном, строго научном анализе действительности в свете ее ведущих, закономерных тенденций. Напротив, бесчисленные пророчества буржуазных политиков и социологов о неизбежности гибели социализма, о наступлении нового расцвета капитализма и т. п. позорно провалились, поскольку они игнорировали законы реальной истории и выдавали желаемое за действительное. Такова же будет судьба и многочисленных современных кликуш, твердящих о «кризисе коммунизма» и предсказывающих «гибель человеческой культуры».

Исторический материализм и практика рабочего движения

Как наука об общих законах развития общества и как метод познания общественных явлений, материалистическое понимание истории служит теоретической основой всего научного коммунизма, стратегии и тактики коммунистических партий.

Показывая закономерность, неизбежность смены капиталистической формации социалистической, марксизм-ленинизм вселяет в сердца трудящихся уверенность в конечной победе их великого дела. Он приучает деятеля рабочего движения мыслить широко, увязывать текущие интересы дня с конечными целями рабочего класса, рассматривать общественные события в их внутренней связи, видеть за отдельными событиями широкую историческую перспективу. Человек, вооруженный знанием законов общественного развития, становится сознательным участником великой исторической борьбы за коммунизм.

Вместе с тем диалектико-материалистический метод нацеливает людей на конкретный анализ каждой данной ситуации, особенностей обстановки в стране и во всем мире. Каждой революционной партии рабочего класса приходится действовать в своеобразной обстановке, в специфических национальных условиях. Успех ее деятельности в значительной мере зависит от того, насколько верно, научно может она оценивать объективные условия своей борьбы, вырабатывать цели и средства ее в соответствии с конкретным ходом исторических событий.

Овладеть этим методом — не значит заучить формулы и положения исторического материализма. Не составляет труда запомнить, например, что конфликт производительных сил и производственных отношений — основа социальной революции. Однако немного стоила бы партия рабочего класса, которая ограничилась бы констатацией только этой общей истины и не изучила бы, в каких конкретных формах выражается этот конфликт в данной стране, каково соотношение

классовых сил в ней и т. д. Овладеть материалистическим пониманием истории — это значит усвоить сущность материалистического и диалектического подхода к анализу общественных явлений, научиться пользоваться им при изучении конкретных условий борьбы рабочего класса в каждый данный момент, научиться обобщать богатейший практический опыт революционного движения.

Вот почему материалистическое понимание истории занимает такое важное место в мировоззрении революционных партий рабочего класса, в мировоззрении каждого сознательного борца за социализм, каждого человека, который хочет понять законы общественного развития и со знанием дела служить прогрессу и благу трудящегося человечества.

ГЛАВА 5

КЛАССЫ, КЛАССОВАЯ БОРЬБА И ГОСУДАРСТВО

Общественная жизнь отличается большой сложностью и многообразием. В обществе на протяжении его истории сталкивались различные, зачастую противоположные, стремления множества людей, шла борьба между ними, возникали и разрешались самые разнообразные противоречия. Борьба внутри общества дополнялась столкновениями между народами и обществами, их борьбой. В истории постоянно сменялись периоды революции и реакции, быстрого прогресса и застоя, мира и войны. Марксизм впервые дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: *теорию классовой борьбы.*

Лишь на основе этой теории можно уяснить себе тайные движущие пружины всех значительных событий и перемен, совершающихся в эксплуататорском обществе. Для рабочего класса эта теория служит научной основой тактики его освободительной борьбы.

1. Сущность классовых различий и отношений между классами

Противоречия и столкновения между людьми разного социального положения навели передовых ученых еще до Маркса на мысль о существовании различных общественных классов и борьбы между ними. Однако их представления о классах оставались весьма расплывчатыми и неопределенными. Из многих признаков, которые отличают людей, принадлежащих к разным классам, эти ученые не могли выделить главного и решающего. В результате предлагаемые ими принципы классового деления не схватывали существа проблемы, зачастую оказывались случайными и произвольными. В еще большей степени характерно это для современной буржуазной социологии.

Буржуазные социологи признают, что общество неоднородно, что оно состоит из множества разных слоев («страт») и социальных групп. Но что лежит в основе этого расслоения? На этот вопрос отвечают по-разному. Одни социологи выдвигают на первый план духовный момент, общность психологии, религиозных взглядов и т. п. Но мы уже видели, что общественное сознание людей зависит от их общественного бытия. Другие основным принципом классового деления считают материальное благосостояние: размер доходов, жилищные условия и т. д. Но ведь размеры доходов зависят от того, какое место занимает данный класс в общественном производстве, является ли он собственником средств производства или же угнетенным, эксплуатируемым классом. От этого зависят и его роль в политической жизни, и его образовательный уровень, и его быт.

Поскольку главная и решающая сторона общественной жизни — это материальное производство, основу деления общества на классы надо искать в том, какое место те или иные группы людей занимают в системе общественного производства, в каких отношениях они находятся к средствам производства.

Наиболее полное определение классов дал В. И. Ленин в работе «Великий почин»: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [1].

Именно существование классов лежит в основе социальной несправедливости, представляющей собой характерную черту эксплуататорского общества. Не «воля божья» и не индивидуальные качества людей, как это всегда пытались доказать идеологи эксплуататорских классов, а принадлежность к тому или иному классу объясняет господствующее, привилегированное положение одних и угнетение, нищету и бесправие других.

Это, конечно, не означает, что все другие различия и отношения в обществе, кроме классовых, несущественны. В ходе исторического развития человечества сформировалось немало устойчивых форм социальной общности, которые не совпадают с классовым делением. Такова, в частности, национальная общность — нация.

Класс и нация Национальные связи отличаются большой устойчивостью. На этом основании буржуазные социологи часто пытаются представить их как «естественные», «природные» отношения, более существенные, чем отношения классовые. Такой взгляд, однако, глубоко ошибочен.

Прежде всего, национальные отношения, как и классовые, не есть нечто извечное. Они являются продуктом длительного исторического развития. Формы общности людей находятся в тесной связи с характером общественного строя и изменяются вместе с ним. При первобытнообщинном строе основной формой общности людей были *род* и *племя*. Главным признаком, отличавшим членов родового коллектива от остальных людей, было их общее происхождение, кровное родство. С разложением первобытнообщинного строя устойчивость родов и племен постепенно разрушалась, значение кровнородственных связей ослабевало. В результате слияния нескольких племенных союзов складывались *народности*. Люди, принадлежащие к одной народности, уже не связаны друг с другом узами родства; присущие им общие черты (общность языка, территории, культуры) имеют социальное, историческое происхождение. Однако единство народности еще весьма неустойчиво. В условиях рабовладельческого и феодального строя не могло быть того единства экономической жизни, которое является необходимым условием прочного территориального единства и устойчивой общности культуры. Только в эпоху становления капитализма, который уничтожает феодальную раздробленность и приводит к образованию единого национального рынка, складываются необходимые предпосылки для превращения народностей в нации.

Национальную общность людей нельзя также отождествлять с понятием *расы*, как делают многие буржуазные социологи. Деление на расы — это деление людей по наследственным признакам строения тела. В зависимости от ряда признаков (цвета кожи, формы черепа, волос и т. д.) наука различает три основные расы: европеоидную (или белую), негроидную (или черную) и монголоидную (или желтую). В отличие от национальной общности расовые признаки имеют биологическую природу и образовались в результате длительного приспособления человеческого организма к определенным природным условиям. К одной и той же расе принадлежат различные нации. С другой стороны, в составе одной и той же нации подчас имеются люди с разными расовыми признаками (скажем, негры, белые и индейцы в некоторых латиноамериканских странах). Не существует также внутренней связи между расой и языком. Например, английский язык в США является родным и для белых, и для негров. Поэтому такие понятия, как «германская раса» или

«англо-саксонская раса» просто бессмысленны. Утверждение расистов, будто одни расы или нации стоят выше других и будто «цветные» народы уступают в способностях «белой» расе, опровергается как данными науки, так и опытом всемирной истории, который доказывает, что все народы земного шара способны к созданию культурных ценностей и размер их вклада в мировую культуру определяется не цветом кожи или формой черепа, а особенностями их исторического развития.

Под нацией марксизм-ленинизм понимает *исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на основе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры (И. В. Сталин)* [2].

Национальная общность не может отменить классовых различий внутри нации. Напротив, эти различия пронизывают всю ее жизнь, раскалывают ее на враждующие части. Национальная общность, таким образом, не только не исключает классового антагонизма, но без учета его не может быть правильно понято само национальное движение.

С другой стороны, классовая солидарность выходит за рамки отдельной нации. Американские, немецкие, французские капиталисты говорят на разных языках. Но всех их сближает то, что они принадлежат к одному классу, и это сплачивает их против социализма, рабочего движения и национально-освободительной борьбы колониальных народов. Точно так же и рабочие принадлежат к разным национальностям и расам, но они остаются прежде всего пролетариями, и это определяет общность их интернациональных интересов, целей и идеологии, перед которой отступают на задний план другие различия. Сознательные рабочие, понимая, что национальная рознь и отчужденность наносят ущерб интернациональным интересам рабочего класса, ведут борьбу против любых форм национальной или расовой дискриминации.

Раскол общества на классы — исторически преходящее явление

Оправдывая социальное неравенство, идеологи имущих классов всегда пытались изобразить его в качестве вечной, неотъемлемой черты любого человеческого общества. Это неверно. Раскола общества на эксплуататоров и эксплуатируемых не было при первобытнообщинном строе, и он окончательно исчезает в условиях социализма.

Появление классов непосредственно связано с частной собственностью на средства производства, делающей возможной эксплуатацию человека человеком, присвоение одной группой людей труда другой.

Для определенного этапа развития раскол общества на классы был неизбежным и исторически необходимым. Пока

человеческий труд был еще так мало производителен, что давал только ничтожный излишек над необходимыми жизненными средствами, подчеркивает Энгельс, до тех пор рост производительных сил, расширение сношений, развитие государства и права, создание искусств и наук были возможны лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также наукой и искусством[3]. При этом класс, ставший во главе общества, конечно, не упускал случая из личных выгод отягощать трудящиеся массы все большим и большим трудом.

Но, после того как развитие производительных сил поставило на повестку дня замену частной собственности общественной и ликвидацию отношений эксплуатации, исчезает и почва для существования классов. Сохранение классов не только становится излишним, но и превращается в препятствие на пути дальнейшего развития общества.

В социалистическом обществе уже нет эксплуататорских классов, отношения между классами рабочих и крестьян приобретают принципиально новый характер, исключающий эксплуатацию, господство одного класса над другим. Открывается эпоха стирания оставшихся различий между классами. Наконец, при переходе к коммунизму классы исчезнут.

Таким образом, деление общества на классы, вражда между ними — неотъемлемая черта лишь эпохи господства частной собственности.

Классовая структура общества

По своему положению в обществе классы делятся на основные и неосновные. *Основными* называются классы, без которых невозможен господствующий в обществе способ производства и которые вызваны к жизни именно этим способом производства. В рабовладельческом обществе это рабовладельцы и рабы, в феодальном — феодалы и крепостные, в буржуазном — капиталисты и рабочие. Речь идет, таким образом, о классах, один из которых является собственником основных средств производства и стоит у власти, а другой составляет основную часть эксплуатируемых. Отношения между этими классами всегда остаются антагонистическими, основанными на противоположных интересах. Капиталист, например, заинтересован в том, чтобы заставить рабочего производить возможно больше, а платить ему возможно меньше. У рабочего, естественно, прямо противоположный интерес. Несовместимость экономических интересов классов-антагонистов порождает непримиримую борьбу между ними. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угне-

тающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»[4].

Но помимо этих основных классов в эксплуататорском обществе существуют и другие, *неосновные* классы. Например, в рабовладельческом обществе существовали свободные крестьяне и ремесленники, в капиталистическом — помимо буржуазии и рабочего класса есть еще крестьянство, во многих странах — помещики и т. д. Существование этих неосновных классов с их особыми интересами, наряду с существованием целого ряда общественных прослоек (например, интеллигенции), значительно усложняет картину классовых взаимоотношений.

Классы буржуазного общества

Основные классы буржуазного общества — это *капиталисты* (буржуазия) и *наемные рабочие* (пролетариат).

Буржуазия представляет собой класс собственников основных средств производства, который живет за счет эксплуатации наемного труда рабочих. Это господствующий класс капиталистического общества.

Буржуазия в свое время сыграла прогрессивную роль в развитии общества, возглавив борьбу против отживших феодальных отношений. В погоне за прибылью, подгоняемая конкуренцией, она вызвала к жизни могучие производительные силы. Но по мере развития противоречий капитализма буржуазия из прогрессивного класса превратилась в реакционный, а ее господство стало главным тормозом развития общества.

Создателем колоссальных богатств, присваиваемых буржуазией, является рабочий класс — главная производительная сила капиталистического общества. В то же время это класс, лишенный собственности на средства производства и вынужденный продавать капиталисту свою рабочую силу.

По мере развития капитализма растет богатство крупнейших капиталистов, но в то же время возрастает угнетение и возмущение рабочего класса, «который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства» *(Маркс)*[5].

С развитием капитализма, таким образом, растет и его могильщик — рабочий класс, носитель нового, более высокого, социалистического способа производства.

Но ни в одной стране капитала состав общества не сводится только к этим двум классам. Капитализма в таком «чистом виде» нигде не было и нет. Капитал проникает во все отрасли народного хозяйства и переделывает их, но нигде полностью не уничтожает старые экономические уклады.

Поэтому во многих буржуазных странах сохраняется крупная земельная собственность *помещиков*. Они перестраивают хозяйство в своих поместьях на капиталистический лад, при случае приобретают промышленные предприятия, становятся пайщиками акционерных компаний, превращаются в капиталистов. Многочисленные представители класса помещиков идут в государственный аппарат, а также в армию и флот в качестве командного состава. По своим интересам, взглядам, политическим устремлениям крупные землевладельцы, как правило, примыкают к самой реакционной части буржуазии, в частности составляют один из оплотов фашизма (примером могут служить прусские помещики-юнкеры в Германии).

Из феодального общества в капиталистическое переходит и *крестьянство*. За исключением наиболее богатой прослойки (сельской буржуазии, кулаков), оно представляет собой класс эксплуатируемых. Эксплуатация крестьян принимает различные формы: арендной платы, уплачиваемой землевладельцу, кабальных ссуд и займов, получаемых от капиталистов, прямой эксплуатации труда бедняков, вынужденных прирабатывать на помещичьих и кулацких полях, и т. д. Массы крестьян вынуждены платить дань крупным капиталистам также в виде повышенных цен на покупаемые ими промышленные товары.

Крестьяне, которые трудятся на собственной земле, вместе с ремесленниками, мелкими торговцами, кустарями образуют довольно многочисленный слой *мелкой буржуазии*. К нему принадлежат люди, которые владеют собственностью на мелкие средства производства, но в отличие от буржуазии не живут эксплуатацией чужого труда. Мелкие буржуа занимают в капиталистическом обществе промежуточное положение. Как частные собственники, они примыкают к буржуазии, но как представители слоев, живущих за счет своего труда и эксплуатируемых буржуазией,— к рабочим. Промежуточное положение мелкой буржуазии порождает ее неустойчивую, колеблющуюся позицию в классовой борьбе.

По мере развития промышленности, техники и культуры в капиталистическом обществе складывается широкий слой *интеллигенции*, т. е. лиц умственного труда (инженерно-технические работники, учителя, врачи, служащие учреждений, ученые, писатели и т. д.). Интеллигенция — не самостоятельный класс, а особая социальная прослойка, существующая за счет продажи своего умственного труда. Она рекрутируется из различных слоев общества, главным образом из имущих классов и только частично из рядов трудящихся. По своему материальному положению и образу жизни интеллигенция неоднородна. Верхние ее слои — высшие служащие,

видные адвокаты и другие — близки к капиталистам, а низы — к трудящимся массам. Передовая часть интеллигенции по мере развертывания классовой борьбы в капиталистическом обществе переходит на позиции марксизма-ленинизма, участвует в революционной борьбе рабочего класса.

В буржуазном обществе существует еще один слой, деклассированные элементы — люмпен-пролетарии — «дно» капиталистического общества: бандиты, воры, нищие, проститутки и т. д. Этот слой постоянно пополняется выходцами из разных классов, которых выбрасывают на «дно» условия капитализма. Анархисты утверждали, что люмпен-пролетарии — самый революционный элемент капиталистического общества. История же последнего столетия доказала полную правоту Маркса и Энгельса, которые охарактеризовали люмпен-пролетариат как слой, который в силу своего жизненного положения склонен продавать себя для реакционных козней [6]. В гитлеровской Германии уголовники массой пошли в фашистские организации — в штурмовые и эсэсовские отряды. В США гангстерские банды широко используются для насилий над рабочими, неграми, прогрессивными деятелями.

При характеристике классов и прослоек капиталистического общества следует учитывать также различия внутри них. Особенно существенны различия между монополистической и немонополистической буржуазией (а в колониях — между национальной буржуазией и теми ее слоями, которые являются сообщниками колонизаторов). Эти различия, углубившиеся в наши дни, играют, как мы еще увидим, большую роль в политической жизни современного буржуазного общества.

Таким образом, буржуазное общество представляет собой чрезвычайно сложную и многообразную картину классовых различий и отношений. Ясное понимание их является непременным условием правильной политики и тактики рабочего класса и его партий. Но не менее важно видеть за всем этим многообразием главное классовое противоречие буржуазного общества — антагонистическое противоречие между рабочим классом и буржуазией. Под углом зрения этого противоречия надо подходить ко всем общественным явлениям. Какие бы изменения ни претерпевал капитализм, как бы ни усложнялась его классовая структура и взаимоотношения между классами, он остается эксплуататорским обществом. А в таком обществе главными в отношениях между классами остаются отношения непримиримой борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами.

2. Государство — орудие классового господства

Марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы дает ключ к пониманию государства — одного из наиболее сложных явлений жизни человеческого общества, научно объясняет его сущность, происхождение и развитие, смену одних государств другими, неизбежность отмирания государства.

Происхождение и сущность государства

История показывает, что существование государства связано с наличием классов. На ранних ступенях развития человечества, при общинно-родовом бесклассовом строе не было и государства. Функции управления общественными делами выполнялись самим обществом.

Но, после того как появилась частная собственность, а с нею и экономическое неравенство и общество раскололось на враждующие классы, порядок управления общественными делами коренным образом изменился. Эти дела уже не могли решаться на основе согласованной воли всего общества или его большинства. Господствующее положение захватили эксплуататорские классы. Составляя незначительное меньшинство общества, эти классы могли поддерживать угодные им порядки, лишь опираясь помимо экономического могущества еще и на прямое принуждение. Для этого нужен специальный аппарат: вооруженные отряды людей (армия, полиция), суды, тюрьмы и т. д. Во главе такого аппарата принуждения становятся люди, выражающие интересы не всего общества, а эксплуататорского меньшинства. Так складывается государство, представляющее собой машину для поддержания господства одного класса над другим. С помощью этой машины экономически господствующий класс закрепляет выгодный ему общественный строй, насильственно удерживает в рамках данного способа производства своих классовых противников. Поэтому в эксплуататорском обществе государство по своей сущности всегда представляет собой диктатуру класса или классов эксплуататоров.

По отношению ко всему обществу в целом государство выступает как орудие руководства и управления со стороны господствующего класса, по отношению к противникам этого класса (в эксплуататорском обществе — по отношению к большинству населения) — как орудие подавления и насилия.

Государство есть, таким образом, результат непримиримости классовых противоречий. Оно «возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены» [7]. Политическая власть экономически господствующего класса — такова сущность государства, природа его отношений с обществом. Но, кроме того, оно имеет и другие признаки.

О государстве можно говорить лишь тогда, когда политическая власть того или иного класса распространяется на определенную *территорию* и на проживающее на ней *население* — граждан или подданных.

Размер территории, а также численность и состав населения могут, конечно, оказать влияние на могущество государства и в ряде случаев на форму его устройства. Но сущность государства определяется не этими признаками, а его классовой природой.

Типы и формы государства

Государства, как существовавшие прежде, так и нынешние, представляют собой пеструю картину: древние деспотии в Ассирии, Вавилоне, Египте, древнегреческие республики, Римская империя, княжества в Киевской Руси, монархии в эпоху средневековья, современные парламентарные республики, наконец, социалистическая республика. Все это различные типы и формы государства.

Тип государства определяется тем, какому классу оно служит, а значит, в конечном счете экономическим базисом данного общества. Поэтому тип государства соответствует общественно-экономической формации. Истории известны три основных типа эксплуататорского государства: *рабовладельческое, феодальное, буржуазное.* Все они характеризуются господством эксплуататоров, т. е. небольшой части общества, над эксплуатируемыми, составляющими его подавляющее большинство. Новым, совершенно иным государством является *социалистическое* государство, где у власти стоят рабочий класс и все трудящиеся, составляющие большинство общества или все общество.

Если тип государства выражает его классовую сущность, то форма государства говорит прежде всего о том, как устроены органы власти и управления, каков политический режим. Так, по форме устройства высших органов власти отличают *монархию,* где во главе государства стоит одно не избираемое населением лицо (король, император), от *республики,* где власть выборная. Кроме того, есть государства, которые сочетают в себе черты этих двух форм, например конституционная монархия, где власть короля или императора ограничена законом, конституцией и большую роль играют выборные органы власти.

Форма государства неотделима от политического режима, установленного господствующим классом. Этот режим может быть различным и в одинаковых по типу государствах. Так, буржуазное государство выступает не только в форме демократической республики, но и в форме террористического фашистского режима. Появление тех или иных форм государства, их развитие и расцвет, их упадок и замена другими формами отнюдь не случайны.

Разнообразие форм одинаковых по типу государств зависит прежде всего от изменений в экономическом строе, в соотношении классовых сил и различных группировок внутри господствующих классов.

Периоду феодальной раздробленности, когда каждое поместье представляло собой по существу самостоятельное хозяйство, а экономические связи между ними были очень слабыми, соответствовало децентрализованное государство, со слабой центральной властью и большой политической независимостью отдельных феодалов. В период разложения феодализма, роста товарно-денежных отношений, экономических связей между отдельными местностями и между государствами, укрепления экономической роли буржуазии складывается централизованное государство — так называемая абсолютная монархия.

Но на форму государства оказывают влияние и другие факторы: национальные традиции, преемственность в развитии политических учреждений, уровень политического сознания народа, взаимоотношения с иностранными государствами (в частности, степень опасности нападения извне) и т. п.

Марксистско-ленинская наука придает большое значение государственной форме. Например, при господстве буржуазии более демократическая форма государства открывает значительно более благоприятные возможности для общественного прогресса, для развития культуры и науки, для борьбы трудящихся масс против гнета и эксплуатации.

Но никакая, даже самая демократическая, форма не может изменить сущности эксплуататорского государства как орудия господства одного класса над другими. Рабовладельческое государство имело в Египте форму восточной деспотии с неограниченным монархом — фараоном во главе, в Афинах — форму демократии, в Риме — форму аристократической республики, а затем империи и т. д. Несмотря на большое различие форм, сущностью всех этих государств было классовое господство рабовладельцев над рабами.

Буржуазное государство

Буржуазное государство также может выступать в различных формах: демократической республики, конституционной монархии, открытой диктатуры фашистского типа. Но в любой форме оно остается орудием буржуазии, а значит, прежде всего орудием подавления трудящихся масс.

Буржуазно-демократическое государство было большим шагом вперед по сравнению с предшествующими. Буржуазная революция разрушила ненавистный народу режим абсолютной монархии. Она установила представительную систему власти, суд присяжных и другие демократические учреждения. Под давлением революционных масс буржуазные конституции зафиксировали многие принципы демократии.

Но как экономический строй капитализма не отменил эксплуатации трудящихся масс, а лишь изменил ее форму, так и буржуазная демократия не изменила антинародной природы политической власти эксплуататоров. Демократические установления, введенные буржуазией, носят формальный характер, не обеспечивают трудящимся действительной возможности пользоваться провозглашенными правами. Иначе и не могло быть, ибо экономический строй капитализма несовместим с действительными равенством и свободой. Даже самое демократическое буржуазное государство охраняет и освящает капиталистические порядки и частную собственность, подавляет трудящихся, ведущих борьбу против этих порядков.

Особенно характерно это для современной эпохи, когда империалистическая буржуазия отказывается от завоеванных народом демократических учреждений и форм, ведет наступление на права и свободы личности. Фашистское государство — диктатура самой реакционной и агрессивной части монополистической буржуазии, существовавшая в Италии (1922—1943 гг.), Германии (1933—1945 гг.) и ныне существующая в Испании,— яркое тому подтверждение.

Стремление буржуазии к отказу от демократии наталкивается на все более организованное и мощное противодействие со стороны демократических и социалистических сил во главе с рабочим классом и его марксистскими партиями.

Таковы некоторые основные положения исторического материализма о государстве. Ими марксистско-ленинское учение о государстве, конечно, не исчерпывается. Много нового, своеобразного вносит в это учение опыт современной эпохи, особенно опыт трудящихся, создавших новое по типу государство — социалистическое. Об этом будет рассказано в пятом разделе книги.

3. Классовая борьба — движущая сила развития эксплуататорского общества

Реакционные идеологи, напуганные борьбой трудящихся, пытаются изобразить классовую борьбу в виде помехи прогрессу, опасного уклонения от нормального хода общественного развития. Ничто не может быть дальше от истины, чем такие утверждения. На самом деле классовая борьба не только не мешает прогрессу, но, напротив, представляет собой движущую силу развития общества.

Закономерность классовой борьбы

Классовая борьба пронизывает всю историю эксплуататорского общества. Ее творческое, прогрессивное значение сказывается даже в условиях «мирного», эволюционного развития каждой формации.

Буржуазия любит приписывать себе заслугу огромного технического прогресса в эпоху капитализма. Но само по себе развитие техники меньше всего интересует капиталиста. Если бы не сопротивление рабочих, он предпочел бы приумножать свои прибыли и такими «простыми» и «дешевыми» путями, как сокращение заработной платы и увеличение рабочего дня. Искать другие источники увеличения прибыли, в частности вводить новые машины, совершенствовать технологический процесс, внедрять изобретения, заставляет капиталиста наряду с конкуренцией в большой мере именно упорная борьба рабочего класса за свои интересы.

Огромную прогрессивную роль играет борьба угнетенных классов в политической жизни. Известно, например, что французская буржуазия в эпоху буржуазных революций не ставила целью создание республики, была за сохранение монархии как формы правления, облегчавшей подавление трудящихся. Но постепенно, под влиянием все шире развертывавшейся борьбы пролетариата и всех трудящихся, она, пишет Ленин, «вся была *переделана* в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена»[8] и принуждена была создать такой политический строй, который более приемлем для трудящихся.

Если бы не упорная борьба трудящихся классов, политическая жизнь современных капиталистических стран выглядела бы совсем по-другому. Известно, что буржуазия в эпоху империализма всеми силами стремится урезать и ликвидировать демократические свободы, ограничить власть представительных органов, в частности парламентов, задушить все демократическое и прогрессивное, что есть в культуре капиталистических стран. Только упорная классовая борьба трудящихся масс, возглавляемых пролетариатом, препятствует этим антинародным устремлениям. В современных условиях такая борьба может принести замечательные результаты, защитить мир, демократию и национальный суверенитет, преградить дорогу силам фашизма, реакции и войны.

Чем упорнее борьба угнетенных классов с эксплуататорами, чем более успешно их сопротивление угнетателям, тем более быстрым оказывается, как правило, прогресс во всех областях общественной жизни.

Социальная революция

Роль классовой борьбы как движущей силы развития эксплуататорского общества особенно наглядно проявляется в эпохи смены одной общественно-экономической формации другой, т. е. в эпохи социальных революций.

Конфликт между производительными силами и производственными отношениями, составляющий экономическую основу социальной революции, назревает медленно и постепенно, в ходе эволюции старого способа производства. Но

для разрешения этого конфликта требуется коренная ломка господствующих производственных отношений, и ее-то никогда не удастся совершить путем постепенных изменений. Ведь с этими отношениями, даже и после того как они перестали отвечать уровню производительных сил, неразрывно связаны интересы правящих классов. Они могут вести паразитическое существование, сохранять свое господствующее и привилегированное положение лишь до тех пор, пока остается неприкосновенной господствующая в данном обществе форма собственности. Ни один эксплуататорский класс никогда не отказывался и не откажется добровольно от своей собственности, источника его привилегированного положения.

А ведь отживший господствующий класс не просто группка людей, имеющая отличные от всего общества интересы, а организованная сила, в течение очень долгого времени стоящая у власти. В руках правящего класса находится государство, мощный аппарат насилия, его интересы защищает политическая и идеологическая надстройка. Господствующее положение старых производственных отношений закрепляется всем аппаратом экономического, политического и духовного господства класса, находящегося у власти. Вот почему замена этих отношений новыми требует не эволюции, а революции, сметающей все препятствия на пути развития новых экономических отношений, в первую очередь — политическое господство отживших классов. Чтобы осуществить такую *социальную революцию,* необходима решительная борьба угнетенных классов. Коренной вопрос революции — это вопрос о политической власти, о переходе ее в руки класса, олицетворяющего новые производственные отношения. Новая политическая власть и есть та сила, которая вносит назревшие изменения в экономические и социальные отношения общества.

Но не всякий политический переворот является революцией. Переворот, направленный на восстановление отживших порядков и общественных отношений, представляет собой, наоборот, контрреволюцию. Он несет не прогресс, а застой, попятное движение общества, бесцельно умножает жертвы и страдания миллионов людей.

Хотя переход от одной формации к другой, более высокой, обусловлен в конечном счете развитием производительных сил, это положение нельзя понимать так, что социальная революция во всех исторических условиях начинается с тех стран, где выше уровень техники и производительности труда. На высшей, империалистической, стадии капитализма, когда капиталистическая система в целом уже созрела для перехода к социализму, социалистическая революция может произойти вначале и в менее развитых странах, если только там достигли достаточной остроты социальные и политические про-

тиворечия. Этот вывод Ленина, о котором речь еще будет идти в последующих разделах, подтвердила, как известно, историческая практика.

Характер и движущие силы социальных революций

Истории известны различные социальные революции. Они различаются между собой по характеру и движущим силам.

Под характером революции понимается ее объективное содержание, т. е. суть социальных противоречий, которые она разрешает, и тот строй, к установлению которого она ведет. Так, революция 1789 г. во Франции по своему характеру была буржуазной, ибо перед ней стояли задачи ликвидации феодальных отношений и установления капиталистического строя. Октябрьская революция 1917 г. в России имела цель упразднить капиталистические отношения и установить социалистические. Значит, по своему характеру она была социалистической.

Движущие силы революции — это те классы, которые ее осуществляют. Они зависят не только от характера революции, но и от конкретно-исторических условий, при которых она совершается. Вот почему однотипные, одинаковые по своему характеру революции нередко различаются по своим движущим силам. Так, движущей силой буржуазных революций 17—18 веков в западноевропейских странах были наряду с буржуазией крестьянство, городская беднота, мелкобуржуазные слои. Вождем, гегемоном этих революций являлась буржуазия. А в России в революции 1905—1907 гг. и в буржуазно-демократической (Февральской) революции 1917 г. буржуазия, превратившаяся в реакционную силу, напуганная борьбой революционного пролетариата, не только не была гегемоном, но и не выступала как движущая сила; буржуазно-демократическая революция была здесь осуществлена рабочим классом и крестьянством.

Творческая роль социальной революции

Господствующие классы панически боятся революции и пытаются изобразить ее в виде кровавого чудовища, слепой разрушительной силы, сеющей только смерть, разруху, страдания.

Что касается жертв, крови, человеческих страданий, то вся история обществ, построенных на эксплуатации и угнетении трудящихся масс, изобилует ими. Это относится и к периодам эволюционного развития таких обществ. В историю многих стран кровавыми буквами вписаны, например, страницы создания централизованного государства на месте раздробленных мелких феодальных княжеств. Точно так же и капитализм в своем эволюционном развитии принес человечеству несравненно больше страданий и жертв, чем любая социальная революция. Достаточно вспомнить о мировых войнах, ужасах фашистского террора, зверствах империали-

стических держав в колониальных странах. Если говорить о жертвах и страданиях, то социальная революция, когда она поставлена на повестку дня историческим развитием, помогает их сократить. А оттяжка назревшей революции, наоборот, во много раз увеличивает ту кровавую дань, которую собирает с человечества классово-антагонистическое общество.

Это не значит, конечно, что социальная революция происходит без жертв. Ведь она представляет собой кульминацию, высшую точку борьбы классов. Революция немыслима без преодоления сопротивления отживших классов, которые, как правило, не останавливаются перед применением насилия. Но восстания, кровавые бои на баррикадах отнюдь не исчерпывают всего содержания социальной революции. Такие формы борьбы характерны лишь для некоторых ее этапов (политической революции, подавления контрреволюции и т. д.).

Но и в тех случаях, когда в силу конкретно-исторических условий вооруженная борьба играла большую роль в социальной революции, она не являлась самоцелью. Главное в каждой социальной революции — это создание условий для быстрого продвижения общества вперед по пути прогресса. Подобно ножу хирурга, она удаляет то, что мешает дальнейшему развитию общественного организма, что порождает застой и всевозможные социальные бедствия.

Но революция — это не только отсечение всего отжившего, прогнившего, мешающего движению вперед. Взамен разрушенных она создает новые, передовые общественные порядки и отношения. Особенно характерно решение таких творческих задач, как мы увидим ниже, для социалистической революции.

С другой стороны, переворот, который совершает социальная революция, вовсе не означает полного отрицания всего старого общества, отказа от его достижений. Если бы дело обстояло так, то развитие общества вообще было бы немыслимо; после каждой социальной революции приходилось бы начинать строить общество на пустом месте, и человечество так и топталось бы на самом первобытном уровне. На деле социальная революция отвергает отнюдь не все, что было в старом обществе, а лишь то, что устарело, что мешает общественному прогрессу. Все остальное удерживается, сохраняется, развивается дальше. Это полностью относится к производительным силам и в очень большой степени — к духовной культуре: науке, литературе, искусству, в той их части, где они не связаны непосредственно с защитой старых порядков, с идеологией отживших классов.

Революции — периоды, когда борьба классов достигает высшей остроты. В эти периоды с особой силой проявляются

сознание, воля, страсть народных масс. Никогда, писал Ленин, масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. При этом происходит огромное ускорение общественного развития, наиболее быстрое и решительное движение общества по пути прогресса. Вот почему Маркс называл революции «локомотивами истории».

Таким образом, и в эволюционные и в революционные периоды развития классово-антагонистического общества борьба классов представляет собой главную движущую силу исторического процесса.

Отсюда следует, что те, кто замазывает классовые противоречия, предлагает свернуть борьбу трудящихся классов, старается притупить и ослабить ее, проповедует классовый мир, являются, какими бы красивыми словами они ни прикрывались, врагами прогресса, защитниками застоя и реакции. Такая позиция неприемлема для рабочих, для всех прогрессивных людей, которые видят свою задачу в том, чтобы развивать борьбу угнетенных классов против эксплуататоров. Эта борьба с точки зрения как непосредственных, так и более отдаленных задач, стоящих перед обществом, отвечает интересам большинства человечества, содействует его прогрессу.

4. Основные формы классовой борьбы пролетариата

Классовая борьба пролетариата развертывается в различных формах: экономической, политической и идеологической.

Экономнческая борьба

Экономической называют борьбу за улучшение условий жизни и труда рабочих: за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. д. Наиболее распространенный метод экономической борьбы — предъявление рабочими своих требований и, если они не удовлетворяются, проведение забастовок. Отстаивая экономические интересы, рабочий класс создает профсоюзы, кассы взаимопомощи и другие организации.

Необходимость защиты своих непосредственных экономических интересов понятна каждому рабочему, включая самых неразвитых. Поэтому с экономической борьбы и начинается рабочее движение. Но это не значит, что экономическая борьба представляет собой вчерашний день классовой борьбы пролетариата. Защита экономических требований играет большую роль и в современных условиях, даже в тех странах, где существует сильное и организованное рабочее движение.

Во-первых, экономическая борьба дает известные возможности улучшить положение рабочего класса уже в условиях

капитализма. Об этом свидетельствует опыт многих стран, где рабочие вырвали у буржуазии важные уступки. Коммунисты — самые последовательные борцы за интересы рабочего класса и всех трудящихся — уделяют поэтому большое внимание организации экономической борьбы пролетариата.

Во-вторых, борьба за экономические требования, как наиболее доступная и понятная массам, втягивает в движение самые широкие слои рабочих, служит для них необходимой школой антикапиталистической борьбы, воспитания классового самосознания. Значит, от нее во многом зависит успех более высоких форм рабочего движения.

Однако экономической борьбе присуща и определенная ограниченность: не затрагивая основ капиталистического строя, она не может обеспечить удовлетворения коренного экономического интереса рабочих — освободить их от эксплуатации. Кроме того, успехи экономической борьбы, если они не подкреплены политическими завоеваниями, не могут быть сколько-нибудь прочными. Буржуазия использует любые возможности, чтобы взять назад свои уступки, перейти в наступление на экономические интересы рабочего класса.

Вот почему марксизм-ленинизм считает, что там, где борьба рабочих сводится лишь к борьбе за непосредственные экономические интересы, рабочее движение не может добиться значительных побед.

Подлинная классовая борьба пролетариата начинается тогда, когда она выходит за узкие рамки защиты непосредственных интересов рабочих, перерастает в борьбу политическую. Для этого необходимо прежде всего, чтобы передовые представители рабочего класса всей страны начали вести борьбу «против *всего класса* капиталистов и против поддерживающего этот класс правительства» *(Ленин)* [9].

Идеологическая борьба

Борьбу рабочего класса, как и любого другого класса, движет его интерес. Этот интерес есть порождение экономических отношений капиталистического общества, обрекающих рабочий класс на эксплуатацию, угнетение, плохие условия жизни. Классовый интерес рабочих — это не что-то придуманное тем или иным теоретиком или партией, он существует объективно.

Но это не значит, что рабочий класс сразу же, автоматически приходит к осознанию своих интересов. Конечно, условия жизни пролетариата порождают определенные умонастроения у каждого рабочего. Он все время сталкивается с фактами несправедливости, экономического и социального неравенства. Это порождает среди рабочих чувство недовольства, стихийного протеста и возмущения. Но такие чувства не есть еще осознание классового интереса. Классовое самосознание, по определению Ленина, «есть понимание рабочими

того, что единственное средство улучшить свое положение и добиться своего освобождения заключается в борьбе с классом капиталистов и фабрикантов... Далее, самосознание рабочих означает понимание того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидарны, что они все составляют один класс, отдельный от всех остальных классов общества. Наконец, классовое самосознание рабочих означает понимание рабочими того, что для достижения своих целей рабочим необходимо добиваться влияния на государственные дела...»[10]

Такое сознание не возникает в голове каждого рабочего само собою.

Прежде всего, для рабочего не так просто осознать себя как представителя особого класса. Каменщик и паровозный машинист, квалифицированный токарь и чернорабочий, шахтер и землекоп — каждый из них отличается от другого по условиям труда, а нередко и по уровню жизни. Не случайно рабочее движение многих стран прошло через ступень цеховых организаций, когда главным принципом объединения была узкая специальность, профессия; скажем, на одной и той же железной дороге кондукторов, кочегаров и сцепщиков объединяли разные, не связанные между собой профсоюзы. И бывало, что цели этих профсоюзов сводились к завоеванию уступок для «своих» рабочих за счет других.

Но дело не только в этом. Свое угнетенное положение в капиталистическом обществе каждый отдельный рабочий отнюдь не всегда воспринимает правильно. Он может, например, рассматривать это положение как результат личных неудач. Тогда недовольство своим положением может выразиться у рабочего в попытке любыми средствами, пусть за счет своих товарищей, «выбиться в люди». Единицам это, возможно, иногда и удастся, но участь миллионов останется прежней.

Стихийный протест рабочих может также обратиться не по адресу, т. е. не против действительных противников. Например, в эпоху промышленной революции 18—19 веков среди пролетариата получило распространение движение «разрушителей машин» (луддитов). Рабочие видели, что внедрение машин в производство ухудшает их участь, но не могли понять, что корень зла не в самих машинах, а в том, что машины эти принадлежат капиталистам, которые используют их для усиления эксплуатации и разорения трудящихся.

Трудность осознания рабочими своих классовых интересов усугубляется растлевающим влиянием буржуазной идеологии, пропаганды, которую ведет буржуазия со специальной целью сбить с толку трудящихся. Формированию классового сознания рабочих может помешать, в частности, распространение в их среде идей о вечности и незыблемости эксплуата-

торских порядков, о возможности добиться улучшения положения рабочих путем соглашения и компромисса с буржуазией, идей национальной розни, рассчитанных на раскол рядов трудящихся, и т. д.

Становление классового самосознания пролетариата представляет собой, таким образом, сложный процесс. В зависимости от конкретных условий разных стран он может идти быстрее или медленнее, легче или труднее. В некоторых странах этот процесс затянулся. Там пролетариат в значительной мере и сегодня остается, по выражению Маркса, «классом в себе», а не «классом для себя», осознавшим себя как особый класс, понявшим, в чем состоит его коренной интерес.

Лучшая школа классовой сознательности рабочих — это повседневная борьба, в том числе и борьба за свои непосредственные интересы. Но одного этого мало. Для того чтобы рабочий класс поднялся до высокой ступени классовой сознательности, необходима еще и особая, идеологическая, форма борьбы.

Идеологическая борьба пролетариата включает в себя прежде всего выработку мировоззрения, научной теории, которая освещает рабочему классу путь к освобождению. Борьба рабочего класса за свои непосредственные интересы, в частности профсоюзная борьба, еще не рождает социалистических взглядов. Создать учение социализма можно было только на основе самых передовых философских, экономических и политических теорий. Эта задача была выполнена великими учеными Марксом и Энгельсом, связавшими всю свою жизнь и творчество с освободительной борьбой рабочего класса. Они создали учение, в котором с научной достоверностью раскрыты коренной интерес рабочего класса — необходимость освобождения от эксплуатации, пути достижения этой цели — революционное уничтожение капитализма и построение социализма, а также основы тактики рабочего движения.

Но созданное Марксом и Энгельсом научное мировоззрение рабочего класса — это не свод готовых ответов на вопросы, которые могут встать перед трудящимися на последующих этапах истории, в новых условиях, в новой обстановке. Чтобы это мировоззрение всегда оставалось острым оружием борьбы рабочего класса за построение социалистического общества, его надо непрерывно конкретизировать, развивать и обогащать новыми данными науки и новым опытом классовой борьбы миллионных масс. Эта творческая теоретическая работа была, есть и будет важной задачей марксистско-ленинских партий рабочего класса.

Научное мировоззрение рабочего класса, чтобы сыграть свою роль в его освободительной борьбе, должно овладеть массами рабочих. Отсюда вытекает необходимость привне-

сения научного мировоззрения в рабочее движение *извне* экономической борьбы и сферы отношений рабочих с хозяевами. Эту задачу выполняет марксистско-ленинская партия. По определению В. И. Ленина, сама партия и есть соединение идей социализма с массовым рабочим движением.

Одна из важнейших задач идеологической борьбы состоит, далее, в том, чтобы при всех обстоятельствах хранить чистоту социалистического мировоззрения рабочего класса, не дать врагам извратить его и выбить тем самым из рук пролетариата это острое оружие. Ведь известно, что, как только марксизм-ленинизм превратился в могучую идейную силу, враги рабочего класса начали вести против него борьбу не только с фронта, но и с тыла, опираясь на свою агентуру в рабочем движении. Под видом «усовершенствования» марксизма они непрестанно пытаются исказить это учение, сделать его безопасным для буржуазии, бесполезным для рабочих. В этом смысл «теоретической» деятельности оппортунистов всех мастей, реформистов и ревизионистов. Борьба с ними — непреходящая задача всех сознательных рабочих и прежде всего марксистско-ленинских партий.

Но область идеологической борьбы пролетариата не исчерпывается задачами формирования классового самосознания у рабочих, пропаганды в их среде идей марксизма-ленинизма. Рабочий класс ведет свою освободительную борьбу не один, а в союзе со всеми трудящимися, авангардом которых он является. Освобождение непролетарских масс — крестьянства, мелкой буржуазии, интеллигенции — из-под влияния буржуазных идей, привлечение их на сторону идей социалистических представляет собой поэтому еще одну важную задачу идеологической борьбы рабочих.

Политическая борьба Высшая форма классовой борьбы рабочих — политическая борьба.

С необходимостью вести ее пролетариат сталкивается уже в ходе защиты своих экономических требований. На стороне капиталистов стоит буржуазное государство, которое помогает им срывать и подавлять забастовки, чинит препятствия деятельности профсоюзов и других рабочих организаций и т. д. Сама жизнь подводит, таким образом, рабочий класс к борьбе не только против «своего» капиталиста, но и против буржуазного государства, защищающего интересы всего класса капиталистов в целом.

С другой стороны, развитая политическая борьба возможна лишь тогда, когда рабочий класс или хотя бы его передовая часть проникнется классовым самосознанием, правильно осознает свои интересы.

Политическая борьба рабочего класса охватывает всю область общественной жизни, связанную с его отношением к другим классам и слоям буржуазного общества, буржуаз-

ному государству и его деятельности. «Сознание рабочего класса,— писал В. И. Ленин,— не может быть истинно политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на *все* и *всяческие* случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, *к каким бы классам* ни относились эти случаи...» [11] Это предполагает тесную связь между защитой интересов рабочего класса и борьбой за демократические права и свободы в широком смысле, против антинародной внешней политики буржуазии, а во многих странах за национальную независимость и т. д.

Все эти направления политической деятельности рабочего класса сами по себе весьма важны, особенно в современных условиях. Но свести к ним все задачи политической борьбы было бы неправильно. «Мало того,— писал Ленин,— что классовая борьба становится настоящей, последовательной, развитой, лишь тогда, когда она охватывает область политики... Марксизм признает классовую борьбу вполне развитой, «общенациональной» *лишь* тогда, когда она не только охватывает политику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти» [12]. В этом отличие марксиста от дюжинного либерала, который готов признать классовую борьбу и в области политики, но с одним условием, чтобы она исключала борьбу рабочих за свержение капитализма и завоевание государственной власти.

Из сказанного ясно, почему марксистско-ленинская теория, усматривая основную причину всякой борьбы классов в их материальных, экономических интересах, в то же время подчеркивает первенство политики перед экономикой, выделяет политическую форму борьбы рабочего класса в качестве высшей, рассматривает всякую классовую борьбу как политическую. Экономическая и идеологическая борьба не самоцель; и та и другая при всем их значении подчинены высшим, политическим целям и задачам рабочих, их политической борьбе, которая одна может обеспечить коренной экономический интерес рабочего класса — освобождение от эксплуатации.

Политическая борьба ведется рабочим классом в соответствии с требованиями обстановки самыми разнообразными методами, начиная от демонстраций, политических забастовок (т. е. забастовок в защиту тех или иных политических требований), борьбы на выборах и в парламентах и кончая вооруженным восстанием. Цели и методы политической борьбы требуют иных, более высоких форм организации рабочего класса, прежде всего создания политической партии пролетариата. Как показал опыт, возникновение такой партии представляет собой закономерное явление в истории рабочего движения. Политическая борьба требует также не только

общенационального, но и международного объединения усилий рабочего класса и всех трудящихся.

Пролетарская революция

Высшей ступенью классовой борьбы пролетариата является революция.

Враги коммунизма изображают пролетарскую революцию как переворот, совершаемый небольшой группой коммунистических «заговорщиков». Это — злонамеренная ложь. Марксизм-ленинизм не признает тактики «дворцовых переворотов», путчей, захвата власти вооруженным меньшинством. Это логически вытекает из марксистского понимания социальных процессов. Ведь причины революции коренятся в конечном счете в материальных условиях жизни общества, в конфликте между производительными силами и производственными отношениями. Свое выражение этот конфликт находит в столкновении больших масс людей, классов, которые поднимаются на борьбу под воздействием объективных причин, не зависящих от воли отдельных лиц, групп и даже партий. Коммунистическая партия организует действия масс, руководит массами, но не пытается творить революцию «за них», собственными силами.

Социалистическую революцию рабочего класса отличает от всех предшествовавших социальных революций ряд важных особенностей. Главная из них заключается в том, что все прежние революции вели только к замене одной формы эксплуатации другой, в то время как социалистическая революция кладет конец всякой эксплуатации и в конце концов приводит к уничтожению классов. Она представляет собой самое глубокое из преобразований, известных истории, полную перестройку общественных отношений снизу доверху. Социалистическая революция знаменует собой конец тысячелетней истории эксплуататорского классового общества, освобождение общества от всех видов гнета, начало эпохи подлинного братства и равенства людей, установления вечного мира на земле, полного социального оздоровления человечества. В этом громадное общечеловеческое содержание пролетарской революции. Она представляет собой важнейший рубеж в развитии человечества.

Характером социалистической революции определяется новая роль народных масс в революционном перевороте. Массы трудящихся активно участвовали и в прежних революциях, направленных против рабовладельцев и феодалов. Но там они играли роль простой ударной силы, расчищавшей путь к власти новому эксплуататорскому классу. Ведь результатом революционного переворота была лишь замена одной формы эксплуатации другой!

Иное дело — революция рабочего класса. Здесь рабочие, которые составляют значительную (во многих странах самую значительную) часть трудящихся масс, играют роль не только

ударной силы, но и гегемона, вдохновителя и вождя революции. Притом победа рабочего класса ведет к полной ликвидации эксплуатации человека человеком, к освобождению всех трудящихся от любого гнета.

Значит, пролетарская революция — это революция самих трудящихся масс, они делают ее для себя. Не удивительно, что трудящиеся в ходе социалистической революции обнаруживают огромную творческую силу, выдвигают из своей среды замечательных вождей и революционеров, творят новые формы власти, отличные от всего, что знает история. Пример этому — социалистические революции в России, Китае, во всех странах народной демократии.

Социалистическая революция в любой капиталистической стране охватывает довольно длительный период перехода от капитализма к социализму. Она начинается с политической революции, т. е. с завоевания рабочим классом государственной власти. Только через установление власти рабочего класса может произойти переход от капитализма к социализму.

Историческое назначение социалистической революции состоит в ликвидации капиталистической частной собственности на средства производства и капиталистических производственных отношений между людьми, в замене их общественной, социалистической собственностью на средства производства, социалистическими производственными отношениями. Но осуществить эту замену невозможно, пока власть принадлежит буржуазии. Буржуазное государство представляет собой главное препятствие на пути к преобразованию капиталистических порядков. Оно верой и правдой служит эксплуататорам, охраняет их собственность. Чтобы отнять у правящих классов их собственность и передать ее всему обществу, надо отобрать государственную власть у капиталистов и поставить у власти трудящийся народ. Государство буржуазии надо заменить государством трудящихся.

Создание такого государства необходимо еще и потому, что только с помощью государственной власти рабочий класс может разрешить те огромные созидательные задачи, которые поставлены перед ним социалистической революцией.

Перед прежними революциями стояли главным образом разрушительные задачи. Это ясно видно на примере буржуазных революций. Их цель состояла главным образом в том, чтобы смести феодальные отношения, уничтожить тем самым путы, накладываемые старым обществом на развитие производства, и расчистить дорогу для дальнейшего роста капитализма. Тем самым буржуазная революция в основном выполняла свою задачу. Сами же капиталистические экономические отношения возникали и долгое время развивались еще в рамках феодального строя. Это было возможным, поскольку

буржуазная и феодальная собственность представляют собой два вида *частной* собственности. Хотя между ними были противоречия, все же они могли до поры до времени уживаться.

Социалистическая революция также выполняет задачу разрушения устаревших отношений — капиталистических, а нередко и феодальных, сохранившихся в виде более или менее сильных пережитков. Но к задачам разрушения здесь прибавляются созидательные социально-экономические задачи огромного масштаба и большой сложности, которые составляют главное содержание этой революции.

Социалистические отношения не могут родиться в рамках капитализма. Они возникают *после* взятия власти рабочим классом, когда государство трудящихся национализирует собственность капиталистов на средства производства, на фабрики, заводы, шахты, транспорт, банки и т. д. и превращает ее в общественную, социалистическую собственность. Ясно, что сделать это раньше, чем власть перейдет в руки рабочего класса, невозможно.

Но национализация капиталистической собственности — это только начало тех революционных перемен, которые осуществляет рабочий класс. Чтобы перейти к социализму, надо распространить социалистические экономические отношения на все хозяйство, по-новому организовать экономическую жизнь народа, создать эффективную плановую экономику, перестроить на социалистических началах социальные и политические отношения, решить сложные задачи в области культуры и воспитания. Все это — огромная созидательная работа, и в выполнении ее исключительно важную роль играет социалистическое государство. Оно представляет собою основное орудие в руках трудящихся для построения социализма, а затем и коммунизма. Поэтому утверждать, как это делают оппортунисты, что социализм можно построить, оставляя политическую власть в руках буржуазии, значит обманывать людей, сеять среди них вредные иллюзии.

Политическая революция рабочего класса может происходить в разных формах. Она может осуществляться путем вооруженного восстания, как это было в России в октябре 1917 г. В особенно благоприятных условиях возможен и мирный переход власти к народу, без вооруженного восстания и гражданской войны. Но в каких бы формах ни происходила политическая революция пролетариата, она всегда представляет собой высшую ступень развития классовой борьбы. В результате революции устанавливается диктатура пролетариата, т. е. власть трудящихся, руководимая рабочим классом.

Завоевав власть, рабочий класс сталкивается с вопросом, что делать с аппаратом старого государства, с полицией, судом, административными органами и т. д. В прежних рево-

люциях новый класс, приходя к власти, приспосабливал к своим нуждам старый государственный аппарат и правил с его помощью. Это было возможно, так как революции вели к замене господства одного эксплуататорского класса господством другого, тоже эксплуататорского, класса.

Рабочий класс не может пойти по такому пути. Полиция, жандармерия, армия, суд и другие государственные органы, которые веками служили эксплуататорским классам, не могут просто перейти на службу к тем, кого они прежде угнетали. Государственный аппарат — это не обычная машина, безразличная к тому, кто ею управляет: можно сменить машиниста, но локомотив будет, как и раньше, тащить поезд. Что касается буржуазной государственной машины, то сам ее характер таков, что она не может служить рабочему классу. Состав буржуазного государственного аппарата и его структура приспособлены для выполнения основной функции этого государства — удерживать трудящихся в подчинении у буржуазии. Вот почему Маркс говорил, что все прежние революции лишь совершенствовали старую государственную машину, задача же рабочей революции состоит в том, чтобы разбить ее и заменить своим, пролетарским государством.

Создание нового государственного аппарата важно еще и потому, что помогает привлечь широкие народные массы на сторону рабочего класса. Населению постоянно приходится сталкиваться с органами власти. И когда трудящиеся видят, что в государственном аппарате работают люди, вышедшие из народа, когда они видят, что органы государства стремятся удовлетворить насущные нужды трудящихся, а не богачей, это лучше всякой агитации разъясняет массам, что новая власть — власть самого народа.

Каким путем произойдет разрушение старого государственного аппарата — зависит от многих обстоятельств, в частности от того, насильственной или мирной была революция. Однако при всех условиях разрушение старого аппарата государственной власти и создание нового остаются первоочередной задачей пролетарской революции.

Главной и решающей силой социалистической революции может быть только рабочий класс. Однако он не совершает ее в одиночку. Интересы рабочего класса совпадают с интересами всех трудящихся, т. е. громадного большинства населения. Благодаря этому создается возможность для союза рабочего класса как гегемона революции с самыми широкими массами трудящихся.

Массы союзников рабочего класса приходят к поддержке лозунга социалистической революции и установления диктатуры пролетариата обычно не сразу, а постепенно. Исторический опыт свидетельствует, что пролетарская революция может вырастать из буржуазно-демократической революции,

из национально-освободительного движения угнетенных народов, из освободительной антифашистской, антиимпериалистической борьбы.

Пролетарская революция предъявляет огромные требования к партиям рабочего класса. Решительное и умелое руководство борьбой масс, осуществляемое марксистскими партиями,— одно из главных условий победы пролетарской революции.

Эпоха социалистических революций — это целый этап в развитии человечества. Рано или поздно социалистические революции охватят все народы и все страны. В различных странах пролетарские революции принимают своеобразные формы в зависимости от конкретно-исторических условий, национальных особенностей и традиций. Но социалистические революции во всех странах подчиняются общим закономерностям, которые открыты марксистско-ленинской теорией.

ГЛАВА 6

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС И ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Вопрос о роли народных масс и личности в истории особенно усердно извращается идеологами эксплуататорских классов. Пытаясь оправдать «право» ничтожного меньшинства угнетать большинство, они всегда стремились принизить роль народных масс в жизни и развитии общества. Народ, простые люди, массы трудящихся изображались как тупая толпа, по самой природе своей предназначенная безоговорочно подчиняться чужой воле, покорно сносить нужду и унижения.

Для сторонников таких взглядов народные массы — лишь пассивный объект исторического процесса, в лучшем случае бездумные исполнители воли «великих людей»: королей, полководцев, законодателей и т. д. Подобные субъективистские теории не только оправдывают порядки, при которых горстка эксплуататоров угнетает большинство населения, но и обосновывают внутреннюю политику, направленную на ликвидацию демократии, установление фашистских порядков. Именно такие порядки, уверяют реакционные идеологи, и могут обеспечить великим людям возможность беспрепятственно, не опасаясь вмешательства темной толпы, «творить» историю, проводя в жизнь свою волю. Так обосновывали бесправие масс и всесилие «фюрера» (вождя) гитлеровцы и другие фашисты.

Помимо субъективистского взгляда на роль личности в истории среди буржуазных идеологов имеет хождение и фаталистический взгляд, согласно которому люди не могут оказать никакого влияния на ход событий. Такая точка зрения особенно упорно навязывается церковниками, которые твердят, что жизнь и развитие общества есть результат божественного предопределения, слепого рока, судьбы. «Человек предполагает, а бог располагает» — вот суть их рассуждений.

Фаталистическая теория не в меньшей мере, нежели субъективистская, принижает роль народных масс в развитии

общества. И та и другая исходят из ложного мнения, будто общественное развитие происходит помимо деятельности и борьбы миллионных масс трудящихся, и каждая на свой манер служит идеологическим целям эксплуататорских классов, заинтересованных в том, чтобы третировать трудящихся.

Марксистская теория показала всю ложность как фаталистических, так и субъективистских представлений об истории. Раскрыв закономерности исторического процесса, марксизм-ленинизм увидел в народных массах основного выразителя исторической необходимости — силу, которая играет *определяющую роль* в общественном развитии.

1. Народные массы — творцы истории

Народные массы — это прежде всего те классы и социальные слои, которые приводят в движение общественное производство, живут за счет собственного труда, т. е. массы трудящихся. Они составляют в своей совокупности основную часть общества, его подавляющее большинство. Из каких конкретных классов и слоев состоят народные массы, зависит от эпохи, характера общественной формации. Следовательно, употребление понятия «народные массы» ни в коей мере не освобождает от классового подхода, от выяснения конкретного классового содержания того движения, в котором они участвуют.

Производственная деятельность народных масс — решающее условие жизни и развития общества

Первостепенное значение в жизни общества имеет производственная деятельность масс. Они создают орудия труда, совершенствуют их, накапливают трудовые навыки и передают их из поколения в поколение, производят все материальные блага, без которых общество не могло бы просуществовать и одного дня.

Со сменой общественно-экономических формаций менялась классовая природа производителей, но их производственная деятельность всегда была, есть и будет естественной необходимостью, первым условием существования общества. «...Какие бы изменения ни происходили в высших, непроизводящих слоях общества,— подчеркивает Энгельс,— общество не может существовать без класса производителей. Следовательно, этот класс необходим при всяких условиях, хотя должно прийти время, когда он не будет уже больше классом, когда он будет охватывать собою все общество» [1].

Повседневная трудовая деятельность миллионов простых людей, развивающих производство, не только обеспечивает общество всем необходимым для существования, но и создает материальную основу последовательной смены общественно-

экономических формаций, т. е. поступательного развития, прогресса человечества.

Уже одной только производственной деятельности народных масс было бы достаточно, чтобы признать их подлинными творцами истории. Но их роль в общественном развитии этим не исчерпывается.

Народные массы и политика

Массы играют большую роль и в политической жизни. Без их политической деятельности немыслимо самое развитие общества и прежде всего социальные революции. Какой бы класс ни приходил в результате революции к власти, ее главной движущей силой всегда были народные массы.

В периоды революций творческая роль народных масс проявляется с особой силой. «Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых,— писал Ленин.— Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса...» [2]

Столь же велика роль народных масс и в национально-освободительной борьбе, в защите своей страны от иноземных захватчиков, в справедливых войнах.

Эксплуататорские классы всегда изображали себя единственными защитниками национальных интересов. Но, как показывают факты, в часы величайших национальных испытаний дело решалось не горсткой эксплуататоров, а народом, массами, которые с оружием в руках поднимались на защиту родины и самоотверженно боролись за ее независимость.

Беззаветная и самоотверженная борьба широких масс русского народа сыграла решающую роль в освобождении России от татарского ига, в очищении страны от наполеоновских полчищ в 1812 г. Героизму трудящихся обязаны своей национальной независимостью и многие другие страны — Италия, долгое время влачившая ярмо иноземного господства, Болгария, Сербия, Греция и другие балканские страны, изнывавшие под турецким владычеством, и т. д.

В наше время именно миллионные массы трудящихся спасли Европу от фашистского порабощения, одержав победу над фашизмом. Выдающуюся роль в этой исторической победе сыграли народы Советского Союза, вынесшие на своих плечах основное бремя антифашистской войны.

Благодаря самоотверженности народных масс колониальных и зависимых стран многие из них уже освободились от колониального ига, а другие находятся на пути к свободе и национальной независимости.

В «мирные» периоды истории роль народных масс в политической жизни эксплуататорского общества не столь очевидна. Господствующие классы, используя все орудия физического и духовного принуждения — полицию и армию, юсти-

цию и религию, административный аппарат и школу,— стремятся свести роль народных масс в политике к минимуму, подавить их политическую активность или направить ее в безопасное для этих классов русло. Это неотъемлемая черта эксплуататорского общественного строя. Угнетать трудящихся, присваивать плоды их труда можно, лишь подчинив себе массы политически, обеспечив господство паразитических классов в политической жизни. Поэтому определять политику трудящиеся массы могут лишь после того, как свергнута власть эксплуататоров.

Но это не значит, что народные массы не играют никакой роли в политической жизни в условиях господства капиталистов или других эксплуататоров. Политика представляет собой область упорной борьбы классов, прежде всего борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Конечные результаты ее зависят не только от воли правящих классов, но и от упорства и решимости, с которыми трудящиеся отстаивают свои интересы, от фактического соотношения сил в этой борьбе.

Народные массы даже в условиях капитализма могут оказывать существенное влияние на политику господствующего класса, препятствуя осуществлению антинародных замыслов реакционных сил, заставляя правящие круги идти на уступки во многих важных вопросах внутренней и внешней политики. Такая повседневная политическая борьба трудящихся, как отмечалось в предыдущей главе, играет большую роль в развитии общества.

Роль народных масс в развитии культуры

Реакционные идеологи, отрицая способность трудящихся, простых людей к творческой деятельности, с особым рвением извращают роль народных масс в развитии культуры. Духовная культура, утверждают они, есть результат труда «избранных», только горстке гениальных людей человечество обязано развитием науки, литературы и искусства.

На первый взгляд такие утверждения могут показаться правильными. Действительно, почти в каждой области духовного творчества можно насчитать несколько десятков имен — таких, как Ньютон, Ломоносов и Эйнштейн в физике, Менделеев и Бутлеров в химии, Дарвин и Мичурин в биологии, Шекспир и Толстой в литературе, Бетховен и Чайковский в музыке,— без которых трудно даже представить современную культуру.

Марксисты отдают должное заслугам гениальных деятелей культуры. Но они ясно видят, что в ее развитие неоценимый вклад внесли и народные массы, трудящиеся. Именно они заложили основы всей духовной культуры человечества, создали условия для ее прогресса.

Известно, например, что литература и искусство развивались долгое время исключительно как народное творчество. Народные эпические поэмы, былины, сказки, предания, пословицы, песни послужили фундаментом, на котором происходило развитие литературы профессиональными писателями и поэтами. Точно так же народное изобразительное и прикладное искусство и народная архитектура заложили основу для последующего творчества художников и архитекторов. Народное творчество и сегодня представляет собой самостоятельную художественную ценность, а также неисчерпаемую сокровищницу образов и изобразительных средств, источник вдохновения для деятелей литературы и искусства. Именно в народном творчестве зарождается и складывается национальная форма искусства и литературы каждой страны.

Творчество народа заложило и основы науки. Нас поражают достижения талантливых ученых, открывающих новые источники энергии и чудодейственные вакцины, изобретающих необыкновенные машины и новые материалы, которые преображают нашу жизнь. Но не менее изумительным, чем эти достижения, был творческий подвиг народных масс, которые в повседневном труде, по крохам вырывали у природы ее первые тайны, добывали огонь, открывали способы выращивания злаков и выплавки металлов, изобретали и совершенствовали первые орудия труда, накапливали начальные знания о вещах и явлениях, окружающих человека.

На ранних ступенях развития культуры трудящиеся массы выступали, таким образом, непосредственными творцами всех культурных ценностей.

Положение не могло не измениться после отделения умственного труда от физического, после того как деятельность в области литературы, искусства и науки наряду с государственной деятельностью была монополизирована эксплуататорскими господствующими классами и обслуживающими их интересы слоями общества. С помощью целой системы мер — экономических и политических — все основные виды умственного труда, в том числе и труд в области культуры, были превращены в привилегию имущих. Отчуждение народных масс от культуры, удержание их в темноте стало в руках эксплуататоров одной из гарантий их классового господства.

Такие условия, естественно, ограничивали активное участие трудящихся масс в развитии науки, искусства и литературы.

Идеологи современной буржуазии усиленно спекулируют на этом факте. Они доказывают, что сложные виды умственного труда, связанные с руководством политикой и экономикой и с творчеством в области культуры, якобы доступны лишь «избранным», так называемой «элите», т. е. представителям господствующих классов эксплуататорского общества.

А народные массы, трудящиеся объявляются этими «теоретиками» интеллектуально «неполноценными», способными лишь на «грубый» физический труд.

На деле ум и талант не классовая привилегия. Такой привилегией в эксплуататорском обществе становится лишь возможность ума и таланта проявить себя на поприще политики, науки, искусства и литературы. Эта возможность в классовом обществе предоставляется, как правило, выходцам из состоятельных классов.

И приходится только поражаться силе ума, таланта и воли многих тысяч трудящихся, которые даже в условиях эксплуататорского общества сумели выявить себя, внести существенный вклад в самые различные области духовной культуры или даже стать выдающимися политическими деятелями. Таких примеров история дает немало. Крестьянские сыновья Ньютон и Ломоносов стали величайшими учеными своей эпохи. Простой лесоруб Авраам Линкольн сыграл выдающуюся роль во время гражданской войны в США и был избран президентом. Выходец из городских низов Максим Горький стал великим писателем. Можно привести еще много таких имен. Но на каждого из них приходятся сотни и тысячи талантов из народа, которые погибли, так и не сумев проявить себя. История эксплуататорского общества — это подлинное кладбище народных талантов.

Одно из величайших преимуществ социализма состоит как раз в том, что он кладет конец этому безумному расточительству самого большого общественного богатства — человеческих талантов. Социализм, ликвидируя все сословные, политические и экономические привилегии, создает условия для всестороннего развития и рационального использования способностей людей, что само по себе ведет к огромному ускорению прогресса во всех областях общественной жизни.

Значение марксистского положения о решающей роли народных масс в истории

Положение о решающей роли народных масс в общественном развитии занимает важное место в теории марксизма-ленинизма. Общественной науке оно дает ключ к пониманию хода исторического процесса, устраняет коренной недостаток всех домарксовских исторических теорий, которые не охватывали действий народных масс. Тем самым исследование общества направляется по пути изучения деятельности народных масс и условий их жизни, без чего нельзя понять ход истории.

Для марксистско-ленинских партий, для каждого члена этих партий правильное понимание роли народных масс в истории служит руководством в практической деятельности. Оно помогает выделить из всех направлений работы главное — организационную, идеологическую и воспитательную

работу среди рабочих и всех трудящихся, сосредоточить на ней внимание и силы. История знает немало партий, в том числе партий, создававшихся для защиты интересов трудящихся, которые исчезли с политической арены именно потому, что не поняли значения такой работы, не сумели сплотить вокруг себя массы. Так, одной из главных причин краха партии «Народная воля» в России было то, что ее вожди недооценивали массы, всецело уповали на деятельность «критически мыслящих личностей», а свою борьбу с угнетателями сводили к индивидуальному террору.

Положение марксистско-ленинской теории о народе как творце истории имеет большое значение и для самих трудящихся масс. Развенчивая один из самых дорогих сердцу всех эксплуататоров мифов — миф о том, будто человеческое общество всем обязано горстке избранных, будто без них оно не может жить и развиваться, это положение пробуждает самосознание трудящихся масс, вдохновляет их на освободительную борьбу, вселяет в них веру в победный ее исход, в осуществимость идеалов общества, где полноправными хозяевами будут сами массы.

Марксистское учение о решающей роли народных масс в истории вместе с тем пробуждает у трудящихся глубокую ответственность за судьбы общества. Оно показывает им, что нельзя надеяться на «спасителя», что единственным героем, который может освободить народы от гнета и переделать общество в соответствии с чаяниями большинства человечества, являются сами трудящиеся.

2. О роли личности в истории

Деятельность руководителей — необходимый элемент исторического процесса

Марксистская теория, доказав решающую роль народных масс в истории общества, отводит в то же время важное место деятельности выдающихся людей, руководителей, вождей, показывает, что они выполняют необходимую для общества функцию. Это относится не только к ученым, писателям и художникам, без труда которых в современных условиях немыслимо развитие науки и культуры, но в такой же мере и к общественным и политическим деятелям — руководителям масс, прогрессивных классов и политических партий.

Каждый общественный класс может господствовать в обществе только при помощи определенной организации. Но любая классовая организация, чтобы действовать, должна иметь руководство и, следовательно, руководителей. Это относится и к партиям, и к другим общественным организациям, и к государству. Руководители вырабатывают и формулируют

политику класса, государства, партии, организуют проведение ее в жизнь, направляют деятельность тысяч и миллионов людей.

Особенно необходимы руководители поднимающимся классам, которые ведут революционную борьбу за власть. Ведь главная сила, которую может противопоставить угнетенный класс государственной организации господствующего класса,— это сила революционной организации. Но революционная организация немыслима без опытных, умелых и энергичных руководителей. «Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им» [3],— писал Ленин.

Деятельность руководителей не является, таким образом, чем-то случайным в историческом процессе, а представляет собой объективную необходимость. Это обстоятельство и порождает иллюзии, будто руководители, те или иные выдающиеся деятели являются движущей силой, творцами истории. Деятельность руководителей лежит на поверхности событий, она видней, заметней, больше бросается в глаза. Ограничиваясь этой поверхностью явлений, буржуазные идеологи и пытаются доказать, будто отдельные выдающиеся люди «творят» все события, будто, например, причиной революций и войн, происходивших в Европе в конце 18 — начале 19 века, являлась деятельность вождей французской буржуазной революции и Наполеона, а причиной классовой борьбы рабочих является «подстрекательство» коммунистических руководителей.

В действительности ход истории определяется борьбой крупных социальных групп, классов, масс. И роль великих людей в истории можно понять, только рассматривая их деятельность в связи с борьбой классов, с деятельностью и борьбой крупных общественных групп.

В чем сила выдающихся исторических деятелей?

Выдающиеся общественные деятели являются не творцами событий и движений, а руководителями масс, общественных классов. Поддержка со стороны крупных общественных групп как раз и представляет собой источник их силы. Как бы талантливы и умны эти деятели ни были сами по себе, без такой поддержки они бессильны, не способны оказать сколько-нибудь существенное влияние на ход событий. «Когда, стало быть, речь заходит об исследовании движущих сил,— писал Энгельс,— стоящих за побуждениями исторических деятелей,— осознано ли это или, как это бывает очень часто, не осознано,— об исследовании сил, образующих в конечном счете подлинные движущие силы истории, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те

побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы»[4]. Побуждения же масс, классов складываются не случайно. В них выражается историческая необходимость, закономерность.

Основная ошибка субъективистов заключается в том, что они не могут даже правильно поставить вопрос о соотношении между закономерным характером общественного развития и деятельностью выдающихся людей, ибо они рассматривают общественные законы и эту деятельность как взаимоисключающие силы. Величие руководителей они видят в умении вопреки всему «поставить на своем», осуществить свою волю. В таком изображении великие люди истории выглядят на манер того щедринского героя, который провозглашал — «либо закон, либо я».

Конечно, среди руководителей различных общественных движений встречались и встречаются люди, которые идут против объективных законов истории. Такие руководители характерны для реакционных классов: интерес этих классов в том ведь и состоит, чтобы отстоять устаревшие общественные формы, с которыми связано их существование и благополучие. Неслучайна поэтому печать авантюризма на делах лидеров этих классов. Ярким примером такого авантюризма может служить деятельность Гитлера или современных империалистических политиков, мечтающих об уничтожении коммунизма. Но подобная деятельность всегда в конце концов завершается провалом. История государств и народов тысячекратно подтверждает, что никакой, пусть самый волевой человек, даже если он обладает неограниченной властью, не может по своему произволу отменить законы истории или повернуть ее вспять.

Деятельность всех людей, в том числе и великих, протекает в определенных общественных условиях. Эти общественные условия определяют объективную закономерность развития, те задачи, которые стоят перед обществом. Выдающиеся деятели, выдвинутые передовыми классами, велики тем, что они лучше и раньше других осознают, в чем состоят эти задачи, что нужно обществу в его прогрессивном движении и что нужно классу, который борется за прогресс. Они указывают цель борьбы, путь к достижению этой цели и с огромной энергией борются за нее, увлекая за собой других представителей своего класса, организуя их, руководя ими.

Много людей оставили о себе память в истории, сыграли в ней ту или иную роль. Но далеко не всех их можно назвать великими людьми. Великие люди в истории — только те выдающиеся деятели, которые своими делами содействуют развитию общества, служат делу общественного прогресса. Их деятельность может ускорить ход истории, при-

близить победу нового, облегчить передовым классам и обществу путь к этой победе, смягчить муки рождения нового в общественной жизни.

Общественная потребность и великие люди

С исторической закономерностью неразрывно связано и самое выдвижение выдающихся деятелей.

Талантливые, одаренные люди всегда есть в обществе. Но только появление общественной потребности в деятелях, обладающих теми или иными способностями, качествами ума и характера, ведет к выдвижению таких людей, создает для этого необходимые условия. Особенно ярко это проявляется в эпохи революций, когда к руководству общественными делами поднимаются сотни и тысячи людей, еще недавно пребывавших в безвестности, не находивших в условиях старого строя возможности выявить свои способности и таланты. Точно так же и в периоды войны общественная потребность создает условия для выдвижения людей, обладающих качествами полководцев.

Кто именно будет тот человек, который выдвинется в данных общественных условиях, остается, конечно, делом случая, но самый факт выдвижения деятелей, отвечающих по своим качествам потребностям эпохи, носит закономерный характер.

Энгельс писал: «То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Но если мы этого человека устраним, то появляется спрос на его замену, и такой заместитель находится,— более или менее удачный, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной,— это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д.» [5]

Появление данного выдающегося деятеля — дело случая, но это вовсе не значит, что место такого деятеля может занять и его историческую роль может выполнить любой человек. Для выполнения этой роли нужны соответствующие качества, способности. Поэтому обычно на роль руководителей выдвигаются те люди, у которых эти качества представлены в той или иной мере.

Что касается характеристики самих этих качеств, то она бесконечно разнообразится в зависимости от сферы деятельности выдающихся людей, от условий эпохи, от классовой природы общественных движений, выдвигающих вождей, и т. д.

Каждый класс выдвигает вождей сообразно своей социальной природе, своему положению в обществе, задачам, которые он должен решать. Для руководителей рабочего

класса, например, необходимы особые качества: революционная решительность и смелость, обусловленные самим характером исторической миссии пролетариата; теоретическая сила, определяемая тем, что борьба рабочего класса опирается на научную теорию; тесная связь с партией и массами, способности и опыт организаторской работы в массах, вера в творческие силы трудящихся, умение не только учить массы, но и учиться у них и т. д.

Культ личности противоречит марксизму-ленинизму

Марксизм-ленинизм исходит из того, что решающую роль в истории играет деятельность и борьба классов, народных масс. Только в связи с борьбой классов, с деятельностью народных масс, в связи с общественными потребностями, порождаемыми этой борьбой, и может быть понята подлинная роль руководителей.

Такое понимание истории несовместимо с культом личности — преклонением перед выдающимся руководителем, приписыванием ему каких-то сверхчеловеческих заслуг и достоинств. Культ личности — это противоречащая марксизму идеология, которая уходит своими корнями в мировоззрение феодализма и буржуазного индивидуализма.

Вместе с тем культ личности создает условия для дурной практики, противоречащей потребностям и интересам социалистического движения.

Безудержное восхваление руководителя, раздувание его заслуг оказывает, хотят этого или нет, вредное влияние на массы, мешает их правильному воспитанию. Культ личности порождает среди масс ошибочные взгляды, будто задачи, которые стоят перед трудящимися, может выполнить кто-то другой, будто способности и заслуги руководителя дают миллионам руководимых основание уповать на великого человека, пассивно следовать предначертаниям и указаниям «начальства», которое якобы все знает и все предвидит, освобождая тем самым рядовых участников социалистического движения от обязанности думать, проявлять инициативу, творить, активно воздействовать на ход событий. Такие взгляды ослабляют сознание ответственности каждого трудящегося за судьбы и успех социалистического движения, ослабляют то бесценное чувство хозяев своей судьбы, которое так ясно и убедительно выражено в строках партийного гимна «Интернационал»:

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Мало того. Перенесенный из области идеологии в практику, культ личности неизбежно сужает и подрывает глубочайший демократизм, органически присущий социалистическому движению. Он ведет к ограничению тех выработанных практикой

борьбы норм жизни, которые помогают массам активно участвовать в движении, а руководителям — учиться у масс, обобщая опыт их деятельности и борьбы. Вместо этого возникают другие нормы, наделяющие руководителей чрезмерными правами, переносящие центр тяжести руководства на единоличные решения, указания, директивы. Такая практика подрывает уже не только желание, но и самую возможность для миллионных масс трудящихся проявлять инициативу, развивать всю свою творческую активность.

Тем самым культ личности мешает вовлечению широких масс в борьбу против капитализма и строительство нового, социалистического общества. Между тем одно из величайших преимуществ социалистического движения в том как раз и состоит, что оно способно пробудить к активному историческому творчеству многомиллионные слои трудящихся. В борьбе за ликвидацию капитализма и строительство социализма важно использовать это преимущество в максимальной мере. Задачи социалистического движения настолько грандиозны, что и самые выдающиеся руководители одни, без активного участия народных масс, с ними никогда не справятся. Даже самый гениальный ум не заменит коллективного ума масс и партии, даже самый богатый и многосторонний личный опыт не заменит коллективного опыта миллионов людей, даже самый великий личный подвиг не заменит подвига масс трудящихся, поднявшихся на борьбу против капитализма и строящих социализм.

Отсюда следует вывод, что культ личности наносит прямой ущерб социалистическому движению, ограничивая возможность использования его величайших исторических преимуществ.

К тому же в обстановке культа личности возникает возможность внесения в социалистическое движение несвойственных его природе, случайных, ненужных и даже вредных явлений, связанных с теми или иными отрицательными чертами характера отдельных руководителей.

Как уже говорилось, тот или иной человек становится во главе класса или движения благодаря определенным необходимым качествам. Они и позволяют ему в основном и главном отражать в своей деятельности потребности этого класса или движения. Но наряду с такими необходимыми качествами человек, выдвинувшийся в руководители, может иметь и такие личные черты, которые, даже будучи второстепенными, могут в определенных условиях отрицательно влиять на его общественную деятельность.

И. В. Сталин, например, выдвинулся в число руководителей благодаря ряду качеств, необходимых для социалистического движения, таких, как преданность делу рабочего класса, выдающиеся способности организатора и теоретика, желез-

ная воля, непримиримость в борьбе с врагами. Все это и дало Сталину возможность сыграть выдающуюся роль в революционном движении и в социалистическом строительстве в СССР, а также в международном рабочем движении.

Но в характере Сталина были и другие черты — грубость, нетерпимость к мнению других, болезненная подозрительность, капризность. В обычных условиях эти отрицательные черты не смогли бы нанести ощутимого ущерба делу. Этому воспрепятствовали бы нормы жизни социалистического общества, партии, рабочего движения, предусматривающие коллективное руководство, действенный контроль масс над руководителем, широкую демократию для трудящихся, критику и самокритику. Но обстановка, в которой протекала деятельность Сталина, не была обычной. Строительство социализма в экономически отсталой стране, в условиях капиталистического окружения, ожесточенной классовой борьбы и атак со стороны враждебных партии течений требовало особой централизации. Сталин постарался довести ее до предела, сосредоточив в своих руках чрезмерную власть, нарушая принципы коллективного руководства, присущие коммунистическим партиям. В такой обстановке его отрицательные личные черты начали оказывать известное влияние на его общественную и партийную деятельность, а тем самым и на жизнь партии и страны. Так возникли некоторые явления, глубоко чуждые марксизму-ленинизму и социализму как общественной системе: отход от демократических принципов в ряде важных вопросов политики, тяжкие нарушения социалистической законности, необоснованные репрессии, выдвижение на важные посты отдельных совершенно негодных, чуждых партии людей, втиравшихся в доверие с помощью лести и угодничества.

Эти отрицательные явления, конечно, не изменили социалистической природы советского общества. И в тот период оно продолжало развиваться по социалистическому пути, по пути укрепления общественной собственности на средства производства, быстрого роста производительных сил, подъема благосостояния, культуры и сознательности трудящихся. Несмотря на все отрицательные последствия культа личности Сталина, народы нашей страны добились в этот период выдающихся побед. Но успехи были бы еще более крупными, если бы не было ошибок Сталина и культа личности.

Культ личности, таким образом, чужд всему духу и потребностям социалистического движения, несовместим с марксизмом-ленинизмом. Не случайно Маркс, Энгельс, Ленин всегда боролись против любых проявлений культа личности, органически не терпели лести и славословия, не раз предостерегали рабочий класс и его партии против практики возвеличения и восхваления руководителей.

Следуя духу этих традиций социалистического движения, Коммунистическая партия Советского Союза повела решительную борьбу против культа личности Сталина, борьбу, включающую, с одной стороны, воспитательную и идеологическую работу, а с другой — мероприятия, направленные на предотвращение всяких возможностей возникновения культа личности, на развитие социалистической демократии, восстановление ленинских норм партийной жизни. Эта борьба имеет большое значение для всего социалистического движения.

Буржуазия вместе с реформистами и ревизионистами всех мастей попыталась использовать критику культа личности Сталина для того, чтобы оклеветать Советский Союз и социалистический строй, подорвать моральный авторитет Коммунистической партии Советского Союза, внести разлад и замешательство в рабочее движение. Но эти попытки окончились провалом. Несмотря на все потуги прислужников империализма, общий итог борьбы против культа личности — это дальнейший подъем социалистического движения, укрепление его сплоченности и единства.

Марксистско-ленинские партии сумели дать своевременный отпор также нигилистическим взглядам на роль руководителей, анархическим настроениям, старательно раздувавшимся врагами социализма. Реакция издавна ставит перед собой цель оклеветать, скомпрометировать руководителей трудящихся, стараясь таким путем подорвать и дезорганизовать рабочее движение. Но в своем подавляющем большинстве массы трудящихся понимают, что авторитет и популярность выдающихся руководителей рабочего класса не имеют ничего общего с осужденным партией культом личности. Авторитет и популярность — это не только законное следствие деятельности лучших руководителей рабочего класса. Это вместе с тем важное оружие рабочего движения в борьбе за социализм. Об этом говорит весь опыт освободительной борьбы рабочих. Без авторитетных, связанных с массами и популярных среди них руководителей нет и организованного социалистического движения, нет и не может быть больших побед в борьбе за социализм. Лучшие вожди рабочего класса, которые тесно связаны с народом и с успехом руководят борьбой трудящихся за их жизненные интересы и идеалы, играют выдающуюся роль в истории и заслуживают любви народа.

3. Роль народных масс в общественно-политической жизни в современную эпоху

Марксистское положение о народе как творце истории справедливо для всех времен и эпох. Но деятельность народных масс надо рассматривать в развитии. От одной формации

к другой меняются общественные условия, в которых протекают труд и борьба народных масс, а тем самым изменяется и их роль в жизни и развитии общества. Общее направление этих изменений со времени разделения общества на классы состоит в росте влияния трудящихся масс на развитие различных сторон общественной жизни, и прежде всего на политику.

Возрастание роли народных масс в политике

В условиях эксплуататорского строя функции управления обществом, решения его внутренних и внешних дел монополизируются господствующими эксплуататорскими классами. Сопротивление эксплуататорам, классовая борьба — вот единственное средство влиять на политику, которым располагают народные массы. В этих условиях роль народных масс в политической жизни всецело определяется уровнем классовой борьбы трудящихся против угнетателей. С переходом от одной формации к другой этот уровень становился все более высоким.

История рабовладельческого общества дает немало примеров самоотверженной борьбы рабов. Однако класс рабов представлял собой разноязыкую, разноплеменную массу, которая с трудом могла сплотиться в крупную общественную силу и обладала весьма низким классовым сознанием. Как правило, участники восстаний рабов не помышляли о борьбе против рабовладельческого строя, а лишь стремились уйти на родину и таким путем обрести свободу.

Переход к феодализму открыл перед трудящимися более широкие возможности борьбы с угнетателями. Крепостные крестьяне жили и трудились на своей родине, говорили на одном языке и в гораздо большей степени, нежели рабы, сознавали свою солидарность в борьбе против феодалов. Они постепенно научились устанавливать связи с городской беднотой, искали союза с ней. Борьба крестьян нередко принимала форму восстаний, охватывавших крупные районы. Тем не менее и у крестьянских движений были свои органические недостатки, связанные с самим характером крестьянства как класса,— местная ограниченность восстаний, организационная слабость и т. д.

Рабочий класс поднял борьбу против эксплуататоров на самую высокую ступень. Это наиболее организованный из всех угнетенных классов в истории. Рабочий класс — единственный класс, выступающий во всеоружии научного мировоззрения. Он представляет собой не только национальную, но и интернациональную силу, спаянную прочными узами пролетарской солидарности. Все это делает классовую борьбу рабочих особенно мощной, позволяет ей даже в нереволюционные, «мирные» периоды играть огромную роль в политической жизни.

Развитие классовой борьбы трудящихся достигает своей высшей точки в период социалистической революции. Ее результатом является рождение нового общества, в котором политика из орудия принуждения и подавления народных масс превращается в орудие защиты их завоеваний и интересов. Это важнейший перелом в истории человечества. Отныне народные массы, руководимые рабочим классом и его партией, сами начинают определять и направлять политику. Из объекта официальной политики они становятся ее субъектом. Это вытекает из природы социалистического общества, гарантируется всем укладом его жизни.

Народные массы — решающая политическая сила современности

Возрастание роли народных масс в общественно-политической жизни представляет собой, таким образом, закономерность исторического развития. Чем более трудные задачи встают перед обществом, чем более глубоких и основательных общественных перемен требует решение этих задач, тем более широкие массы людей выступают в качестве созидательных исторических деятелей, в качестве творцов общественных перемен. Это положение, подчеркивал Ленин, является одним из самых глубоких и важных в марксистской теории [6]. Оно объясняет, в частности, почему в нашу эпоху — эпоху окончательного крушения царства эксплуататоров и построения коммунизма — роль народных масс в общественной жизни растет особенно быстро. «Историю,— писал Ленин,— творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей» [7].

В чем это конкретно выражается?

Прежде всего в том, что в странах, в которых живет треть человечества, народные массы совершили коренной исторический поворот, навсегда порвав с порядками, обрекающими их на забитость, угнетение и унижение. В социалистических странах трудящиеся стали хозяевами собственной жизни, единственной силой, определяющей судьбы общества. Тем самым они развеяли в прах сочинявшиеся эксплуататорами басни о том, что без угнетателей общество, его экономика, цивилизация и культура неизбежно приходят в упадок и гибнут. Подвиг трудящихся социалистических стран — вдохновляющий пример для народных масс всего мира.

Проснулись, пришли в движение и огромные массы людей труда в колониальных и зависимых странах. Эпоха, когда империалистические правители сбрасывали их со счетов, третировали, как рабочий скот, безвозвратно ушла в прошлое. Трудящиеся этих стран на весь мир заявили о своих правах, о том, что они такие же люди, как все остальные, и требуют человеческих условий существования. На протяжении десятка лет это внесло существенные перемены во всю картину мира,

положило конец делению населения нашей планеты на горстку полноправных наций, решающих судьбы мира, и более чем миллиардную массу угнетаемых и эксплуатируемых «цветных» народов, которыми долгое время безнаказанно помыкали империалисты.

Большие изменения произошли и в положении трудящихся капиталистических стран. Они не освободились еще от гнета. Но разве можно сравнить их роль в политической жизни не только с прошлыми историческими эпохами, но и с тем, что было несколько десятков лет назад? Сегодня трудящиеся, даже в тех странах, где еще господствуют эксплуататоры, стали большой силой, с которой не могут не считаться и империалистические заправилы. Трудящиеся имеют свои политические партии, нередко значительные представительства в выборных органах власти, свою печать и самые различные организации. В огромной степени вырос интерес простых людей к общественно-политическим вопросам, даже таким, до которых еще недавно не было дела никому, кроме профессиональных политиков. Передовая часть трудящихся, проникаясь ясным пониманием своих интересов, все лучше овладевает важнейшими формами борьбы за эти интересы.

Рост влияния народных масс буржуазных стран на политику открывает перед ними широкие перспективы успешной борьбы за свои непосредственные экономические и политические интересы. Особенно важно то, что в условиях существования могучей социалистической системы и все расширяющейся зоны мира перед народными массами впервые в истории появляется возможность предотвратить новую войну, которая при современном уровне техники разрушения несет угрозу существованию сотен миллионов людей.

Усиление политической активности трудящихся открывает перед ними новые возможности и в борьбе за свои конечные цели, делает рождение нового, социалистического общества более близким, безболезненным и легким, а в благоприятных условиях делает возможным мирный путь к социализму.

Вовлечение в историческое творчество миллионных масс трудящихся имеет, таким образом, громадное значение для всей жизни современного общества. Естественно, что к этому важному явлению нашей эпохи по-разному относятся буржуазия и рабочий класс.

Реакционная буржуазия видит в росте влияния народных масс на общественную жизнь угрозу существованию капиталистических порядков, постоянную помеху в проведении угодной ей внутренней и внешней политики. Вовлечение миллионных масс трудящихся в сознательное историческое творчество вызывает поэтому среди ее политиков и идеологов глубочайшую тревогу и смятение. В панике твердят они о

наступлении эры «массового общества», эры «господства толпы», якобы нарушающего нормальный ход истории, угрожающего обществу всевозможными бедствиями.

Но буржуазия не только клевещет на массы. Она прилагает все усилия, чтобы свести роль трудящихся в политике к минимуму, лишить их возможности влиять на жизнь и развитие общества. Об этом свидетельствуют поход империалистической буржуазии против демократии, настойчивые попытки ввести фашистские порядки, цель которых и состоит в том, чтобы свести на нет влияние масс на общественную жизнь.

Наряду с этим реакционная буржуазия, прибегая к изощренной лжи и демагогии, пытается повести массы за собой, подчинить их своему влиянию. Это — последняя ставка антинародных сил. Опасности таких происков нельзя недооценивать. Ведь на стороне империалистов не только миллиардные средства и мощный аппарат пропаганды, но и огромный опыт духовного порабощения трудящихся, накопленный на протяжении столетий господства капитала. Используя отсталость части народных масс, особенно мелкобуржуазных элементов, реакционной буржуазии не раз удавалось перетянуть на свою сторону, сделать орудием своей политики значительные слои населения. Так было в фашистской Германии и фашистской Италии. Под влиянием буржуазии и сегодня находится немалая часть трудящихся капиталистических стран.

Даже в странах, где рабочий класс пришел к власти, мировая буржуазия не упускает ни малейшей возможности внести раскол в ряды трудящихся, использует любую щель, любую ошибку, чтобы подчинить своему влиянию хоть какую-то часть масс. Об этом красноречиво свидетельствуют венгерские события осени 1956 г.

Но, как бы ни старалась буржуазия, какие бы уловки она ни пускала в ход, народным массам с ней не по пути. Она может на время обмануть какую-то часть трудящихся, но, оставаясь эксплуататорским, угнетательским классом, никогда не сможет установить с ними прочного союза. Вот почему возрастание роли народных масс в общественно-политической жизни — источник слабости реакционной буржуазии, знамение близящегося крушения ее господства.

Иное дело — рабочий класс. Он сам составляет значительную, во многих странах бóльшую часть трудящегося населения, народных масс. Мало того, рабочий класс связан со всеми трудящимися глубокой общностью коренных интересов как в период борьбы против буржуазии, так и в период строительства нового, социалистического общества. Вот почему повышение роли народных масс в жизни общества — источник силы рабочего класса, укрепления позиций социализма, его великое историческое завоевание.

Но это не освобождает наиболее сознательную часть рабочего класса, его марксистско-ленинский авангард от забот об укреплении связей с массами. В условиях ожесточенной классовой борьбы с буржуазией такая связь не устанавливается автоматически. Она требует постоянных усилий и внимания от каждого коммуниста, каждого сознательного трудящегося. Борьба за массы и сегодня остается основой политики марксистско-ленинских партий. Вовлечение новых миллионов людей в общественно-политическую жизнь с еще большей остротой выдвигает задачу их сплочения, организации и воспитания. От того, насколько успешно будет решаться эта задача, во многом зависит использование тех невиданных возможностей освободительного движения трудящихся, которые появились в современную эпоху.

Возрастание роли народных масс в общественно-политической жизни ведет к гигантскому ускорению темпов исторического развития, социального прогресса. Эти темпы в нашу эпоху настолько возросли, что каждое десятилетие по своему содержанию, по значению пройденного человечеством пути может быть сравнено с целыми веками предшествующей истории.

Ускорение развития в современную эпоху — это ускорение движения к социализму и коммунизму.

Ленин писал: «Победа будет на стороне эксплуатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян. За ними победа» [8].

ГЛАВА 7

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

1. Поступательный характер общественного развития

Развитие общества идет в целом по восходящей линии, представляет собой прогресс, поступательное движение от низших форм к высшим. Такой вывод марксистская теория делает из научного анализа исторического процесса, основываясь не на субъективных желаниях и надеждах, а на строго объективных критериях, которые дают возможность судить, какой тип общества, какая эпоха его развития являются более прогрессивными.

Критерии прогресса

Объективные критерии прогресса различны для различных областей жизни. О прогрессе в области здравоохранения и материального благосостояния людей мы можем, например, судить по средней продолжительности жизни. О прогрессе культуры дают представление такие показатели, как процент грамотных, а также людей со средним и высшим образованием, количество школ и библиотек, научных учреждений и театров и т. д. Аналогичные критерии прогресса можно найти и для многих других сфер общественной жизни.

Однако для того чтобы судить о поступательном развитии всего общества, а не отдельных его сторон, нужен критерий другого рода — наиболее общий, универсальный. Таким критерием, т. е. показателем прогрессивности той или иной формации, марксистско-ленинская наука считает *развитие производительных сил.* Более прогрессивной является та формация, которая открывает новые возможности для развития производительных сил, обеспечивает более высокие темпы их роста, достигает более высокого их уровня.

Почему марксисты придают именно этому критерию первостепенное значение?

Прежде всего потому, что развитие производительных сил представляет собой непосредственный показатель прогресса в такой важнейшей области, как производство средств существования людей. Развивая технику, накапливая трудовые навыки и знания об окружающей природе, люди постепенно

освобождаются от господства слепых сил природы, овладевают ими, все шире используют и переделывают природу в своих интересах. Таким образом, развитие производительных сил определяет степень господства человека над природой. Но дело не только в этом. От развития производительных сил зависит в конечном счете прогресс и в других областях общественной жизни — в области общественных отношений, культуры и т. д.

Известно, например, что только с того времени, когда человеческий труд начал давать помимо средств существования, необходимых для поддержания жизни самого производителя, еще и прибавочный продукт, часть членов общества смогла освободиться от физического труда и заняться наукой, искусством, литературой. А это привело к первым серьезным успехам в духовной культуре.

Обусловливая последовательную смену формаций, развитие производительных сил ведет к таким социально-политическим переменам, которые делают возможным прогресс в различных важных областях общественной жизни. В ходе истории классового общества были ликвидированы наиболее грубые формы личной зависимости и угнетения трудящихся — рабство, а затем крепостничество. По мере развития производительных сил росла культура трудящихся, их сознательность и организованность. В результате от формации к формации усиливалась общественно-политическая активность народных масс, их роль в жизни общества.

Развитие производительных сил, обусловливая перемены в экономическом строе, в конечном счете подготавливает полное освобождение человечества от гнета общественных сил на протяжении тысячелетий действовавших так же слепо, насильственно, разрушительно, как это свойственно силам природы. Речь идет о социально-экономических отношениях эксплуататорского строя, при котором люди, производящие материальные блага, не могут ими распоряжаться и целые классы, составляющие большинство общества, попадают в подчинение горстки угнетателей, утрачивают право распоряжаться своим трудом, своей судьбой, даже жизнью.

В основе порабощения людей чуждыми общественными силами лежат частная собственность на средства производства, эксплуатация человека человеком, раскол общества на враждебные классы. Только тогда, когда производительные силы достигают достаточно высокого уровня развития, человечество может избавиться от эксплуатации и освободиться от порабощающих его социально-экономических отношений классово-антагонистического общества; это происходит при социализме. С его победой и по мере строительства коммунизма люди овладевают силами общественного развития, что дает возможность сделать новый решающий шаг вперед в

подчинении человеку сил природы, осуществлять сознательное и планомерное использование этих сил в интересах всего общества.

«Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своей обобществленной жизни... Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [1] *(Энгельс)*.

Приняв развитие производительных сил в качестве решающего критерия прогресса, мы неизбежно придем к выводу о поступательном характере развития общества. Ведь от одного этапа этого развития к другому уровень производительных сил возрастал, каждая формация открывала новые возможности роста техники и производительности труда, а вслед за изменениями в общественном производстве происходили прогрессивные перемены во всей жизни общества.

Из того факта, что в основе общественного прогресса лежит развитие производительных сил, следует и другой вывод: поступательное движение общества, направление этого движения является исторической необходимостью. Это значит, что ни отдельные люди, ни целые классы не могут остановить поступательное движение общества, не могут изменить по своему желанию его направление.

Попытки такого рода, как известно, не раз предпринимались, но они неизменно оканчивались полным провалом. Какие отчаянные усилия прилагал империализм, чтобы восстановить капиталистические порядки в Советской стране! Однако все эти попытки потерпели позорный крах. Такой же крах потерпели империалисты США, пытавшиеся преградить путь социалистической революции в Китае и других странах народной демократии, сохранить там отживший реакционный строй.

В современную эпоху общественный прогресс неразрывно связан с переходом к социализму. Капитализм исчерпал свои возможности. Его производственные отношения стали оковами для развития производительных сил. Сохранение этих отношений делается все более тягостным и опасным для общества.

Отстаивая идею поступательного развития общества, марксизм-ленинизм выражает взгляды и интересы самого рево-

люционного класса современности — рабочего класса. Этот класс не боится будущего, он исполнен веры в прогресс, который несет освобождение не только ему, но и всему человечеству.

Идеологи империалистической буржуазии — враги прогресса

Иное дело современная буржуазия. Превратившись в реакционный, нисходящий класс, она отказывается от идеи прогресса, которую горячо отстаивали ее передовые представители в конце 18 — начале 19 века. В нашу эпоху буржуазии куда больше по вкусу теории, обосновывающие не прогресс, а застой или даже попятное движение общества. В этом, в частности, секрет успеха в буржуазном мире теории исторического круговорота (или «циклической» теории), которую выдвигал немецкий реакционный философ О. Шпенглер и которую проповедует ныне английский историк и социолог А. Тойнби. Согласно этой теории каждое общество проходит в своем развитии через обязательные стадии: весну — лето — осень — зиму, или детство — юность — зрелость — старость. Завершение этого круга означает гибель данного общества, его возвращение к исходной точке развития. Новый цикл представляет собой не прогресс, а лишь еще один оборот по извечному историческому кругу. В применении к современной эпохе это, с точки зрения Шпенглера, Тойнби и их последователей, должно означать, что, хотя буржуазная цивилизация и переживает упадок (чего не могут отрицать даже апологеты капитализма), ее гибель и замена другой, т. е. социалистической, цивилизацией якобы не будут прогрессом, а, напротив, явятся переходом к более низкой ступени общественного развития, с которой начнется новый цикл.

Многие апологеты буржуазии избирают другой способ борьбы против научного социализма. Отрицая закономерности истории, они отвергают само понятие общественного развития и прогресса, а взамен предлагают говорить лишь о «социальном изменении». Это изменение, по их мнению, носит случайный характер, оно может идти в любом направлении под влиянием самых различных обстоятельств. Такой взгляд, заявляет западногерманский социолог Л. фон Визе, дает возможность «воздерживаться от всяких суждений о том, идет ли развитие к лучшему или худшему и существует ли причинная связь между прошлым и настоящим и тем более будущим, и ограничиваться констатацией простой перемены или изменения». Так в угоду своим классовым интересам современные буржуазные социологи разделываются с важным завоеванием науки 19 века — с понятием поступательного развития, подчиненного объективным законам.

Широкое распространение в буржуазной идеологии получили также взгляды, согласно которым прогресс, поступатель-

ное развитие возможны лишь в науке и технике, но не в области общественных отношений, политики и морали (так называемая теория «морального отставания» или «морального отрыва»). Эти области общественной жизни, по утверждениям реакционных теоретиков, определяются вечными, неизменными свойствами «человеческой природы», толкающими людей на насилие, преступления, агрессию и т. п. Развитие науки и техники якобы только дает этим разрушительным устремлениям новое, все более опасное оружие. Таким путем бедствия и язвы, порождаемые гниющим капиталистическим строем, его защитники пытаются свалить на мифическую «человеческую природу».

Стремясь вывести капитализм из-под критики, сторонники этих взглядов объявляют главным злом развитие науки и техники. Они нередко откровенно проповедуют возвращение к феодальным порядкам, к сельской жизни, к господству церкви во всех областях общественной жизни, утверждая, что только так и можно еще спасти человечество от надвигающейся катастрофы.

О том, каким беспросветным и мрачным представляют себе будущее общества идеологи буржуазии, можно судить и по некоторым произведениям художественной литературы, таким, как утопические романы О. Хаксли, Э. М. Форстера и др.

В этих романах не найти и следа веры в будущее, светлых надежд, жизнеутверждающего оптимизма, пронизывавших большинство утопических произведений прошлого. Лучшее, что предвещают миру авторы современных буржуазных утопий,— это общество, где известное материальное благополучие достигнуто ценой полного отказа от демократии, культуры и человеческого достоинства, общество, населенное людьми, в которых нет ничего человеческого, людьми, ставшими бездумным придатком машины, ее рабами. Нередко же они предсказывают человечеству еще более мрачное будущее — возврат к варварству. От цивилизации, вещают эти «пророки», останутся лишь руины городов и старые могилы, в которых голодные орды одичавших и выродившихся людей будут добывать себе одежду и украшения.

Беспросветный пессимизм пронизывает всю идеологию современной реакционной буржуазии, ее культуру, рождая упадочнические течения в искусстве, аморализм. Эти мрачные настроения не случайны. Эра господства капитализма идет к концу, ныне капитализм преграждает дорогу общественному прогрессу. И вот со слепотой, присущей идеологам умирающего класса, современные буржуазные теоретики и писатели отождествляют судьбу своего класса с судьбой человечества, изображают упадок и неизбежную гибель этого класса как упадок и гибель всей цивилизации в целом.

Теории, отрицающие возможность прогресса, отражают, однако, не только упадок капитализма, но и определенный политический интерес современной буржуазии. С помощью таких теорий ее идеологи стремятся духовно разоружить трудящихся, внушить им мысль о бесцельности борьбы против капитализма. Впереди неизбежный регресс, упадок и гибель; борьба за лучший, прогрессивный строй бессмысленна — вот что хотят доказать трудящимся прислужники буржуазии.

Мрачным пророчествам буржуазных гадалок марксистско-ленинская теория противопоставляет основанные на фактах научные положения о том, что история общества представляет собою картину прогресса, закономерного движения от низших форм к высшим, что поступательное движение общества — закон не только прошлой, но и современной истории человечества, что впереди — неизбежный и закономерный переход к высшей, прогрессивной общественной форме — коммунизму. Такой взгляд на историю является важной составной частью мировоззрения рабочего класса.

Закономерный характер поступательного движения общества отнюдь не означает, что это движение происходит само собою, помимо сознательной деятельности людей. Все дело в том, что закономерно обусловлена сама деятельность людей, партий, классов, направленная на переделку общества, его прогрессивное преобразование. И чем более сознательной, организованной, решительной и целеустремленной будет эта деятельность, чем более широкие массы она охватит, тем более основательным и быстрым будет прогресс. Это доказывается уже самим фактом гигантского ускорения общественного развития, характерного для нашей эпохи, когда в движение пришли миллионные массы людей, пробудившихся к сознательному историческому творчеству. В их силах смести все препятствия, которые воздвигает на пути прогресса реакция.

Вся общественная практика подтверждает обоснованность исторического оптимизма марксистского мировоззрения. Этот оптимизм выражает уверенность рабочего класса в своем будущем, его убежденность в преимуществах и неодолимости социализма. Вместе с тем марксистско-ленинское понимание общественного прогресса служит трудящимся могучим оружием в их освободительной борьбе. Оно дает им ясное знание перспектив, вдохновляет и воодушевляет их в борьбе за построение нового, коммунистического общества, порождает бодрость, твердую веру в успех этой борьбы.

2. Общественный прогресс в эксплуататорском обществе и при социализме

Марксистская теория, утверждая, что история общества представляет собой движение по восходящей линии, в то же время в полной мере учитывает сложность и противоречивость исторического процесса. Историю нельзя представлять себе как гармоничное, непрерывное и беспрепятственное продвижение общества вперед. Поступательный характер общественного развития доказан наукой. Но бесспорно и то, что это поступательное движение — лишь общая тенденция, которая осуществляется в ожесточенной борьбе и пробивает себе дорогу через временные отклонения и отступления.

Наука накопила уже немало фактов, говорящих о том, что в истории разных стран было много периодов застоя и попятного движения, эпизодов гибели отдельных цивилизаций. Именно на этих особенностях общественного развития предшествующих эпох спекулируют реакционные идеологи, пытающиеся опровергнуть саму идею прогресса.

На деле такие факты говорят лишь о противоречивости и неравномерности общественного прогресса в условиях эксплуататорского строя. «Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим,— писал Энгельс о классово-антагонистических обществах,— то все ее развитие совершается в постоянном противоречии» [2].

Одно из проявлений этой противоречивости состоит в том, что в условиях господства эксплуататоров страны, вырвавшиеся вперед, задерживали и глушили развитие отставших, нередко отбрасывали их еще дальше назад, строили свое процветание на обломках погубленных цивилизаций. Поступательное развитие человечества, таким образом, долгое время шло очень узким фронтом, а не сомкнутым строем всех стран и народов. Прогресс, подобно маленькому, но неодолимому в своем движении ручейку, пробивал себе дорогу через бесчисленные препятствия, лишь постепенно набирая силу и темпы, превращаясь в могучий и полноводный поток, захватывающий все человечество.

Но дело не только в этом. Даже и внутри одного и того же общества всякий прогресс для одних составлял регресс для других, всякое освобождение одного класса — новое угнетение другого.

Крайне неравномерным оставалось и развитие различных сторон общественной жизни. Смена рабовладельческого общества феодальным в странах Западной Европы, например, открыла простор для развития производительных сил, заменила рабство крепостничеством. Но, подчинив духовную культуру удушающему влиянию католической церкви, она отбросила общество в культурном отношении назад по сравнению

с античными Грецией и Римом. Лишь столетия спустя были вновь обретены, а затем развиты дальше достижения античного мира в науке, искусстве, философии. Таких примеров можно привести десятки. Иначе и не могло протекать развитие общества, где господствуют слепые, не познанные людьми, не поддающиеся их воздействию социально-экономические силы.

Классическим примером неравномерности и противоречивости прогресса в условиях эксплуататорского строя может служить история капиталистического общества.

Противоречия прогресса при капитализме

Капитализм был большим шагом вперед по пути прогресса. Достаточно вспомнить быстрое развитие производительных сил при капитализме, создание мощной промышленности, стремительный рост науки и техники, наконец, наиболее высокий по сравнению со всеми предшествующими формациями уровень развития классовой борьбы трудящихся. Но за те исторические успехи, которые принес человечеству капитализм, была уплачена неимоверно высокая цена.

Уже само рождение этого общества сопровождалось тяжкими муками народных масс. Возникновение капиталистического производства было немыслимо без создания армии рабочих, лишенных средств производства. Поэтому прологом капитализма явилась экспроприация народных масс, произведенная с беспощадной жестокостью. Дела этой эпохи, по выражению Маркса, вписаны в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня.

После победы капиталистических отношений каждый новый шаг по пути прогресса продолжал приносить благо одним и зло другим, подъем в одной области жизни общества и упадок в другой. «В наше время,— говорил Маркс,— все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы» [3].

Для капитализма характерно, что развитие одних стран происходит за счет страданий и бедствий народов других стран. За бурное развитие экономики и культуры так называемого «цивилизованного мира» — горстки капиталистических держав Европы и Северной Америки — страшной ценой уплатило большинство населения земли — народы, населяющие Азию, Африку, Латинскую Америку и Австралию. Колонизация этих континентов создала возможность быстрого развития капитализма на Западе. Но порабощенным народам она принесла разорение, нищету и чудовищный политический гнет. В ходе колонизации «культурная» Европа не только уничтожила многие цивилизации других континентов (например, цивилизации инков, майя и ацтеков в Америке, многие цивилизации Африки и азиатских стран), но и истребила целые народы. До последнего человека погиб, например, в ходе колонизации народ Тасмании. Коренное население Австралии с 300 тыс. человек сократилось до 47 тыс. В ходе «освоения» территории Америки было истреблено около 30 млн. индейцев. А «освоение» Африки привело к уничтожению или насильственному переселению за океан в качестве рабов около 100 млн. негров.

В самой Европе быстрое развитие одних стран (западноевропейских) сопровождалось экономическим закабалением других (восточноевропейских), что вело к замедлению их развития.

Крайняя противоречивость прогресса в условиях капитализма характерна и для различных районов одной и той же страны. Относительно быстрое развитие городов и промышленных центров, как правило, сопровождается отставанием и упадком сельскохозяйственных районов (например, южных штатов США, юга Италии).

В начале 20 века, когда капитализм вступил в свою последнюю, империалистическую, фазу, его производственные отношения превратились в преграду на пути дальнейшего развития общества. В области социальных отношений, политики, морали, культуры и искусства господство монополий стало источником регресса, попятного движения. Об этом наглядно свидетельствуют практика фашистских государств, а также реакционные, фашистские тенденции в социально-политической жизни крупнейших современных капиталистических стран. Правда, и в эпоху империализма не прекращается быстрое развитие науки и техники. Но прогресс в этой области в условиях капитализма используется в корыстных интересах финансовой олигархии, а трудящимся приносит новые бедствия. Еще катастрофичнее становятся последствия экономических кризисов. Технические усовершенствования в условиях снижения общих темпов развития производства и сужения рынков обрекают массы трудящихся на

постоянную безработицу. Все более разрушительными становятся войны, в ходе которых крупнейшие научные и технические достижения современной цивилизации используются для убийства миллионов людей и уничтожения огромных материальных ценностей.

Прогресс при социализме

Антагонистические противоречия прогресса отнюдь не являются вечными спутниками поступательного развития общества. Они порождены лишь специфическими условиями эксплуататорского общества и исчезают вместе с ним. Это значит, что избавления от этих противоречий следует искать не на пути возврата к пройденным ступеням развития, а на пути борьбы за ускорение прогресса, за социализм. Только после победы социализма, говорил Маркс, «человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых» [4].

Каковы же основные черты общественного прогресса при социализме?

Прежде всего, от него выигрывает не горстка избранных, а все трудящиеся. Становление всех прежних формаций было обязательно связано с порабощением, с бедствиями и лишениями для все новых слоев населения, целых классов, составлявших большинство общества. Рабовладельческий строй мог возникнуть лишь после обращения в рабство основной части трудящихся, феодальный — после закрепощения крестьян, капиталистический — после разорения масс мелких собственников. Социализм, напротив, освобождает угнетенных и эксплуатируемых. Здесь нет привилегированных классов. Все плоды прогресса достаются трудящимся. Неуклонный рост материального благосостояния и культуры народных масс, расцвет демократии для трудящихся — закон социалистического развития.

Все это, конечно, не значит, что строительство социализма обходится без трудностей. Социализм приходится строить в условиях ожесточенного сопротивления империалистического лагеря, прилагающего все усилия для того, чтобы удушить социалистические страны. К тому же исторические условия сложились так, что первыми на путь социализма вступили страны с сравнительно отсталой экономикой и культурой. Народам этих стран в ходе социалистического строительства пришлось доделывать и ту работу, которую не выполнил капитализм,— создавать современную промышленность, преодолевать пережитки докапиталистических формаций в экономике, культуре и сознании людей. Все это потребовало от трудящихся дополнительных усилий и жертв, от которых будут освобождены народы более развитых в экономическом отношении стран, когда они примутся за строитель-

ство социализма. Причем, как это доказала история, трудности, перенесенные ради победы социализма народами, первыми порвавшими с капитализмом, не идут ни в какое сравнение с теми бедствиями и лишениями, на которые их обрекло бы сохранение капиталистического рабства.

Характерной чертой прогресса при социализме является далее то, что поступательное развитие не ограничивается какой-либо одной стороной жизни общества, а охватывает все ее стороны. Так, неуклонное развитие производства и технический прогресс сопровождаются в социалистических странах быстрым развитием культуры, демократии и т. д.

При социализме, в отличие от капитализма, поступательное движение идет не за счет отдельных стран, районов, наций, а происходит общим фронтом всех социалистических наций и стран, а также всех частей, всего населения каждой отдельной страны. Это ведет к выравниванию уровня развития различных стран и районов. Более передовые помогают отставшим, ликвидируя таким путем унаследованную от капитализма неравномерность экономического, политического и культурного развития народов.

В условиях социализма общественный прогресс все в большей степени становится результатом сознательной и планомерной деятельности людей. Плановый характер экономики ведет к значительному ускорению темпов роста производительных сил, освобождает общество от многих потерь. Большой эффект дает также планирование научно-исследовательской работы, планирование культурного строительства и подготовки квалифицированных кадров.

Важнейшей особенностью и могучим фактором прогресса при социализме является непосредственное, активное и сознательное участие в строительстве нового общества самых широких масс народа. Это возможно только в обществе, развитие которого целиком подчинено интересам трудящихся.

Преимущества прогресса при социализме обеспечивают невиданные в истории темпы поступательного развития общества. За годы Советской власти в отсталой ранее России удалось создать могучую экономику, ликвидировать неграмотность *, поднять до высокого уровня культуру, науку, искусство. Небывалые возможности общественного прогресса составляют одно из главных преимуществ социалистического строя. «...*Только* с социализма,— писал В. И. Ленин,— начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, проис-

* В 1906 г. один русский журнал подсчитал, что для ликвидации неграмотности среди населения Средней Азии потребовалось бы (при существовавших тогда темпах роста образования)... 4600 лет. В условиях социализма эту задачу удалось выполнить в сотни раз быстрее!

ходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» [5].

Это движение будет продолжаться еще более быстрыми темпами после победы коммунизма, ибо коммунизм знаменует собой не конец исторического развития, а начало чрезвычайно быстрого и практически бесконечного прогресса по пути овладения силами природы, развития сил и способностей человеческой личности, полного удовлетворения непрерывно растущих материальных и духовных потребностей всех членов общества.

3. Марксизм-ленинизм и идеалы общественного прогресса

Важную часть мировоззрения рабочего класса составляют идеалы общественного прогресса — представления о целях борьбы пролетариата, об обществе, которое будет построено в результате этой борьбы.

Идеологические прислужники буржуазии, пытаясь ослабить притягательную силу марксизма, немало потрудились над тем, чтобы извратить и фальсифицировать марксистский взгляд на идеалы общественного прогресса. Послушать их, так мировоззрению пролетариата и дела нет до гуманизма, цивилизации, свободы личности и счастья людей. Подобные высокие идеалы, твердят критики марксизма, органически чужды грубому материализму, который-де не замечает ничего помимо «низменных» материальных потребностей людей.

Такие утверждения представляют собой злобную карикатуру на марксизм, бессовестную спекуляцию на обывательских представлениях о материализме. Высмеивая эти представления, Энгельс писал, что обыватель, филистер под материализмом «понимает обжорство, пьянство, тщеславие и плотские наслаждения, жадность к деньгам, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне» [6].

Марксистский материализм не имеет ничего общего с подобными карикатурными представлениями. Это лучше всего доказывает уже тот факт, что наиболее последовательные материалисты — коммунисты зарекомендовали себя такими самоотверженными борцами за высокие общественные идеалы, за свободу, независимость и счастье народа, каких не рождало ни одно другое движение, известное истории.

Правда, в отличие от идеологов «сытых» классов, никогда не знавших нужды и лишений, марксисты считают, что ни о каком счастье людей не приходится говорить, пока массы живут в нищете, испытывают голод и лишения. Но это вовсе не значит, что они видят единственную цель общественного прогресса в том, чтобы одеть и накормить, избавить от

нужды всех членов общества. Марксистские идеалы общественного прогресса несравненно шире и богаче. Они охватывают все стороны общественной жизни, не только экономику, но и политику, культуру, мораль. Их воплощение — коммунистическое общество.

Цель построения коммунизма — общества, в котором раз и навсегда будет покончено с частной собственностью, эксплуатацией, самим существованием классов и государства,— мог поставить перед собой только рабочий класс. Но это не значит, что такие черты социалистического и коммунистического общества, как всеобщее благосостояние, национальное равноправие, мир между народами, политическая свобода и демократия, расцвет культуры, отношения братского сотрудничества между отдельными людьми и целыми народами, всестороннее развитие личности и т. д., являются идеалами одного только рабочего класса. На деле их разделяют все трудящиеся, все прогрессивные люди, подавляющее большинство человечества.

В этом нет ничего удивительного. Ведь общественные идеалы — представления людей о высших целях их деятельности, о счастливом будущем — имеют свои корни, как и все идеи, в общественных условиях жизни людей. А условия эксплуататорского общества обрекают на всевозможные бедствия не одних только рабочих, но и всех трудящихся. Это неизбежно ведет к тому, что рабочих и представителей других трудящихся классов объединяют многие общие стремления и чаяния. Сама жизнь, повседневный опыт показывает им, от каких уродств должно быть избавлено общество, чтобы люди зажили свободной и счастливой жизнью.

Сходными чертами условий жизни объясняется и определенная преемственность между идеалами современного рабочего класса и идеалами трудящихся масс прошлого. И те и другие родились на почве классовой борьбы с эксплуататорами, защиты интересов трудящихся. Марксизм, подчеркивал Ленин, не сектантское учение, возникшее в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации. И это относится не только к марксистской философии и политэкономии, явившимся обобщением и итогом всего развития мировой науки, но и к марксистским идеалам общественного прогресса. В них нашло свое воплощение все лучшее, прогрессивное, что было в идеалах трудящихся масс и прогрессивных классов прошлого. Социализм и коммунизм представляют собой реальное осуществление самых благородных идеалов, выработанных человечеством на его многотрудном пути.

Это, конечно, не значит, что марксистские идеалы общественного прогресса включили в себя все идеалы трудящихся классов прошлого и современности. В представлениях непролетарских классов трудящихся об идеальном общественном

устройстве было и есть немало неверного, неприемлемого для рабочего класса, утопического, такого, что марксизм-ленинизм неизбежно должен был отбросить или во всяком случае критически переработать.

Основной отличительной чертой марксистского идеала общественного прогресса является то, что он покоится не на благих пожеланиях, а на *научном предвидении* последующих ступеней развития общества. Марксистская теория, основанная на глубоком понимании закономерностей общественного развития, превращает вековую мечту о лучшем будущем, о справедливой жизни в твердое знание о той ступени развития общества, к которой с необходимостью ведут законы истории, объективный процесс развития производительных сил и производственных отношений, процесс развития классовой борьбы в современном обществе.

Могут спросить: почему законы истории, которые до сих пор вели лишь к замене одних форм эксплуатации и гнета другими, теперь вдруг открыли простор для осуществления самых светлых надежд и чаяний людей? Что это? Случайность, счастливое совпадение?

Нет, это не является случайностью. Как уже отмечалось выше, мечты трудящихся о счастливом будущем возникали на определенной материальной почве, были порождены условиями их жизни в эксплуататорском обществе. По своему содержанию социальные идеалы трудящихся классов всегда были так или иначе связаны с избавлением людей от тягот и бедствий, на которые их обрекает эксплуататорский строй. Вот почему с момента, когда закономерное развитие общества ставит на повестку дня ликвидацию этого строя, осуществление идеалов рабочего класса и всех трудящихся становится возможным и необходимым, превращается из утопической мечты в научно обоснованное предвидение.

«Куда ни кинь — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить *немедленно,*— писал В. И. Ленин.— Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей *рабами* этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники — и застопорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров.

Цивилизация, свобода и богатство при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо.

Но молодое растет и возьмет верх, несмотря ни на что» [7].

Эти слова Ленина подтверждены историей. Она показала, что уже в социалистическом обществе смогло найти свое осуществление многое из того, о чем давно мечтали трудящиеся. Победа социализма навсегда положила конец экс-

плуатации человека человеком, национальному угнетению, нищете масс, создала еще невиданные в истории возможности расцвета личности, расширения демократии и т. д. Другие общественные идеалы марксизма, выражающие вековечные мечты народа и передовых мыслителей, будут осуществлены в условиях коммунизма, когда еще неизмеримо бо̀льшим станет господство людей над силами природы и общественного развития. Исторический опыт уже доказал, что ликвидация эксплуататорского строя делает эти идеалы реальными, осуществимыми.

В этом один из источников огромной притягательной силы социалистических и коммунистических идеалов рабочего класса для самых широких народных масс, для всех прогрессивных людей, независимо от их социального положения. Все большее число людей принимает эти идеалы, приходит к убеждению, что в них выражен единственный реальный путь осуществления чаяний и надежд всех трудящихся.

Даже многие твердолобые руководители реакционной буржуазии начинают понимать, что именно в этом, а не в приписываемой ими коммунистам «заговорщической деятельности» следует искать источник гигантских успехов сил прогресса и социализма, что, следовательно, бороться с коммунизмом они могут лишь с помощью «созидательных идей» и «высоких идеалов».

Но у реакционной буржуазии нет и не может быть идей и идеалов, способных привлечь на ее сторону широкие массы народа. Вот почему она идет на прямой обман, пытается пустить в ход ставшие ей чуждыми, преданные ею буржуазно-демократические идеалы ее революционной юности либо идеалы, украденные у освободительной борьбы трудящихся масс. Демократия, гуманизм, свобода, цивилизация, мир — эти слова в наши дни не сходят с уст буржуазных пропагандистов, хотя, как показала история, империализм на деле является злейшим врагом мира и равноправия народов, свободы и демократии, гуманизма и цивилизации.

Коммунистические и рабочие партии всегда боролись с такими попытками обмануть людей, с попытками изобразить «идеальными» бесчеловечные порядки эксплуататорского строя. Эту борьбу коммунистов противники марксизма хотели бы изобразить как выступление против идеалов, разделяемых большинством человечества. Но такие утверждения представляют собой очевидную ложь и клевету.

Разоблачая фальшь буржуазной демократии, коммунисты остаются убежденными защитниками демократических идеалов. Они против *буржуазной* демократии именно потому, что они сторонники *подлинной* демократии, демократии для народа, которая может быть завоевана лишь в результате ликвидации эксплуататорского строя. Разоблачая фальшь

буржуазного гуманизма, они борются не против гуманизма вообще, а как раз за *подлинный* гуманизм, воплощением которого является коммунизм. Точно так же, выступая против буржуазного индивидуализма, за коллективизм, коммунисты отнюдь не принижают ценности, достоинства и свободы человеческой личности, а отвергают лишь противопоставление личности коллективу, народным массам, отвергают попытки обосновать право буржуазной «личности» развиваться, принижая и подавляя сотни и тысячи других личностей.

Разоблачая обман реакционной пропаганды, пытающейся приукрасить цепи капиталистического гнета и эксплуатации, коммунистические и рабочие партии вносят огромный вклад в борьбу за идеалы общественного прогресса. «Критика,— писал Маркс,— сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы —не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишённой всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком» [8].

В нашу эпоху перед миром открылся реальный путь к осуществлению самых светлых идеалов, о которых мечтали лучшие представители человечества. Путь этот состоит в преобразовании общества на социалистических, а затем коммунистических началах.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ КАПИТАЛИЗМА

Как было показано выше, экономические отношения определяют характер каждой общественной формации. Поэтому для познания общественной жизни необходимо прежде всего изучение экономического строя общества. Этим занимается марксистская политическая экономия.

Политическая экономия — наука, изучающая производственные отношения людей, законы развития общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях человеческого общества. «Политическая экономия,— писал В. И. Ленин,— занимается вовсе не «производством», а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства»[1]. Некоторые элементы этой науки возникли еще в эпоху рабовладельческого строя как руководство к ведению хозяйства. Отсюда и ее первоначальное название «ойкономия» («ойкос» — дом, домохозяйство и «номос» — закон).

В качестве науки политическая экономия начала развиваться с зарождением капиталистического способа производства. Она явилась в руках буржуазии идеологическим оружием в борьбе с феодализмом.

Когда буржуазия выступила на исторической арене как прогрессивный класс, она была заинтересована в научном познании законов развития капиталистического производства и в устранении феодальных отношений, которые мешали утверждению власти капитала. В этот период сложилась научная буржуазная политическая экономия, получившая название классической. Ее основоположниками были английские ученые Уильям Петти (1623—1687), Адам Смит (1723—1790) и Давид Рикардо (1772—1823). Английская буржуазная классическая политическая экономия явилась одним из источников, использованных К. Марксом для создания политической экономии рабочего класса.

Политическая экономия с самого начала развивается как классовая, партийная наука. Классическая политическая экономия, несмотря на то что она сделала ряд важных откры-

тий, в силу своего классового буржуазного характера не могла до конца вскрыть противоречия капитализма. Буржуазные экономисты вследствие своей классовой ограниченности рассматривали капитализм как естественную и единственно возможную форму организации общественного производства. Они не видели и не могли видеть его исторически преходящего характера.

Выступление рабочего класса в качестве самостоятельной и мощной силы привело к тому, что буржуазные экономисты отказались от научного анализа закономерностей общественного развития. К 1830 г. в Западной Европе впервые отчетливо выявились антагонистические противоречия буржуазии и рабочего класса. «Начиная с этого момента,— пишет К. Маркс,— классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает всё более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наёмных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [2].

Буржуазная политическая экономия стала с тех пор антинаучной. Банкротство политической экономии того периода, как это отметил К. Маркс, «мастерски выяснил... великий русский учёный и критик Н. Чернышевский» [3]. По мере развития классовой борьбы буржуазная политическая экономия все больше выявляет свою апологетичность, антинаучность. Разоблачение обмана, который она сеет, иллюзий, которые она порождает,— важнейшая задача марксистско-ленинской политической экономии.

Наряду с буржуазной зародилась и развивалась мелкобуржуазная политическая экономия. Крупное производство разрушало мелкую собственность крестьяннна и выгоняло ремесленника из его мастерской, вынуждая их становиться «свободными» пролетариями и подчиниться казарменной дисциплине труда на капиталистических предприятиях.

Мелкобуржуазная политическая экономия выражала идеологию отчаявшихся мелких собственников. Она распространяет иллюзии о возможности вернуть «золотой век», когда существовало независимое хозяйство крестьян и ремесленников. Ее основоположник — швейцарский экономист Сисмонди (1773—1842). Он выступил как мелкобуржуазный критик капитализма, не поняв его исторического значения как необходимой ступени развития общественного производства. Последователи Сисмонди настойчиво развивали слабые стороны его теории, реакционную утопию о возможности повернуть историю вспять, заменив крупное производство, обеспечивающее

более высокую производительность труда, примитивным мелким производством крестьянской общины, где земледелие должно сочетаться с ремеслом.

В России последователями Сисмонди были народники, экономические взгляды которых подверг уничтожающей критике В. И. Ленин. Мелкобуржуазная политическая экономия наиболее распространена в странах со слаборазвитым капиталистическим производством, с большим удельным весом мелкого производства крестьян и ремесленников. Мелкобуржуазная политическая экономия не способна правильно определить перспективу общественного развития, хотя она нередко играет полезную роль своей критикой пороков капитализма и современного империализма.

Подлинно научный анализ капиталистического способа производства, а также предшествовавших ему первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального способов производства был осуществлен великими вождями и учителями рабочего класса К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Марксизм, выявив экономические законы зарождения и развития капиталистического производства, не только приоткрыл завесу над прошлым человечества, но и позволил увидеть его будущее. Марксизм с поразительной научной точностью, подтвердившейся в ходе истории, определил условия неизбежной замены капитализма более высоким способом производства — социализмом и коммунизмом. Главное экономическое исследование К. Маркса — «Капитал» является величайшим теоретическим оружием рабочего класса. Этот гениальный труд К. Маркса обладает удивительной способностью не стареть, не терять своего боевого огня и разящей силы. Через полвека после выхода в свет первого тома «Капитала» был опубликован труд В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», в котором содержится дальнейшее развитие общей теории капитализма и учение о его новой стадии — империализме. Этот труд В. И. Ленина, как и другие его исследования по политической экономии капитализма, явился гениальным экономическим обоснованием закономерностей развития пролетарской революции в условиях империализма.

Экономическая теория — важная составная часть марксизма-ленинизма. Она раскрывает действие объективных экономических законов, правильное познание которых необходимо для успеха практической деятельности коммунистических и рабочих партий. Она помогает трудящимся в странах капитализма вырабатывать правильную тактику в классовой борьбе с буржуазией. В социалистических странах марксистско-ленинские партии на основе законов, открытых политической экономией, руководят экономической жизнью своих стран, направляют их развитие к коммунизму.

ГЛАВА 8

ДОМОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

1. Возникновение капиталистических отношений

Капиталистическое производство может существовать при двух условиях. Оно требует сосредоточения основных средств производства в собственности капиталистов. Для него также необходимо отсутствие средств производства у большей или значительной части общества. Это вынуждает людей, не имеющих ничего, кроме рабочих рук, чтобы не умереть с голоду, становиться наемными работниками на предприятиях капиталистов.

В феодальном обществе господствующим классом были помещики. Они эксплуатировали работавших на их земле и в пределах их феодального владения крестьян и ремесленников, у которых были собственные средства производства. Преобразование феодального общества в капиталистическое стало возможным лишь после того, как значительная часть крестьян и ремесленников была лишена средств производства, т. е. когда произошло отделение производителей от средств производства. Кроме того, потребовалось, чтобы место феодала в качестве господствующей экономической силы занял капиталист, обладающий денежными и материальными средствами для ведения хозяйства при помощи наемных работников.

Расчистка почвы для развития капиталистического производства потребовала целой исторической эпохи перехода от феодализма к капитализму. Характерные черты этой эпохи — ломка устоев феодального общества, мучительная, кровавая эпопея разорения крестьян и ремесленников; накопление богатств в руках нарождающегося буржуазного класса при помощи колониальных грабежей, работорговли, ростовщичества, морского пиратства и других насилий и преступлений. Люди, изгнанные из деревень, оторванные от земли, вынуждены были становиться наемными рабочими. Нарождающийся капитализм не только при помощи голода, но и путем применения силы загонял бывших крестьян и ремесленников на капиталистические предприятия, кровавыми распра-

вами приучая их к дисциплине наемного труда. Капитализм возникал на костях тысяч и тысяч разоренных и замученных людей.

«...Новорождённый капитал,— писал Маркс,— источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» [1].

Два одновременно происходивших процесса — появление наемных рабочих — пролетариев и накопление богатств в руках капиталистов — Маркс назвал первоначальным накоплением капитала. Это исторически предшествовавшее буржуазному обществу первоначальное накопление капитала следует отличать от того накопления капитала, которое непрерывно происходит в результате эксплуатации рабочих на капиталистических предприятиях. Но первоначальное накопление капитала относится не только к прошлому, некоторые методы его и поныне применяются в колониях и экономически слаборазвитых странах.

В эпоху первоначального накопления капитала возникли капиталистические отношения. Появился новый эксплуататорский класс — класс капиталистов, появился новый эксплуатируемый класс — класс наемных рабочих, пролетариев. Переход от феодализма к капитализму в странах Западной Европы осуществился через буржуазные революции 17—19 веков, в результате которых буржуазия стала не только экономически, но и политически господствующей силой.

В России крепостничество было уничтожено позднее, чем во многих других странах, а его остатки сохранялись вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. С отменой крепостного права в 1861 г. в России началась эпоха капиталистического развития, произошла смена феодального строя капиталистическим.

2. Товарное производство. Товар. Закон стоимости и деньги

Капитализм — высшая форма товарного производства, поэтому К. Маркс в «Капитале» начинает анализ капитализма с анализа товара. Обмен товаров, писал В. И. Ленин, представляет собой «самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества...» [2] В товаре, в обмене товара на товар Маркс вскрывает в зародыше противоречия и особенности капитализма.

Товарное производство есть производство продуктов для обмена, для продажи. Оно пришло на смену натуральному хозяйству, которое было господствующей формой производства при рабовладельческом строе и феодализме. Зародилось товарное производство еще в период разложения первобытно-

общинного строя, постепенно приобретая все большее значение.

На первых этапах это было простое товарное производство, которое основывалось на частной собственности и личном труде мелких производителей — крестьян и ремесленников, не эксплуатирующих чужого труда. Предпосылкой развития товарного производства служит общественное разделение труда и частная собственность на средства производства.

Товар

Не всякий продукт труда является товаром. Если кто-нибудь продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность или потребность своей семьи, то он создает лишь продукт, вещь, но не товар. Товаром становится лишь такой продукт труда, который поступает в потребление через обмен (куплю-продажу). Товар обладает двумя свойствами. Способность его удовлетворить какую-либо человеческую потребность делает товар *потребительной стоимостью.* На рынке потребительные стоимости одного рода, например хлеб, обмениваются на потребительные стоимости другого рода, например на железо. Способность товара обмениваться на другой товар делает его *меновой стоимостью.* Обмен товара на товар показывает, что в них есть что-то общее, дающее возможность их сравнить, соизмерить. Общее в товарах — не их физические свойства: вес, объем, форма и т. д.; наоборот, физические свойства товаров очень и очень различны. Общим является то, что все они — продукты человеческого труда. С этой точки зрения все товары представляются как бы сгустками человеческого труда. И как воплощение заключенного в них труда, товары есть *стоимости.* Пропорция, в которой два различных товара обмениваются друг на друга, не является произвольной. Она определенна. Меновая стоимость, выражающая количественные пропорции обмена, служит лишь формой проявления содержащейся в товаре стоимости. Товар представляет собой единство потребительной стоимости и стоимости.

Величина стоимости товара определяется трудом. Но не тем трудом, который был затрачен на производство именно данного товара. Одинаковые вещи могут быть сделаны разными людьми, употреблявшими разные орудия труда, затратившими различное время, т. е. неодинаковое количество труда. Стоимость определяется трудом, затрачиваемым в среднем в обществе для производства данного рода товара. Этот труд называется *общественно необходимым трудом.* Его можно измерить и рабочим временем. «Общественно необходимое рабочее время,— писал Маркс,— есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»[3]. Стоимость товаров с

ростом производительности общественного труда уменьшается, так как на производство единицы товара требуется все меньше труда, меньше рабочего времени.

Труд, воплощенный в товаре

Начало учению о трудовой стоимости товаров положили классики буржуазной политэкономии Адам Смит и Давид Рикардо. Но только Маркс последовательно развил и всесторонне обосновал эту теорию. Он сделал гениальное открытие, выявив двойственный характер труда, создающего товар.

Маркс установил, что свойства товара — потребительная стоимость и стоимость — определяются двойственным характером труда, затраченного на его производство.

Потребительную стоимость товара создает труд определенной специальности — *конкретный труд.* Виды конкретного труда столь же многообразны, как и потребительные стоимости. Они отличаются один от другого приемами и применяемыми средствами труда. В каждой потребительной стоимости воплощен определенный вид конкретного труда. Но, какая бы вещь ни производилась, труд, независимо от его конкретных особенностей, всегда есть затрата человеческой энергии — физической, нервной, умственной — и в этом смысле является одинаковым человеческим трудом, трудом вообще. Стоимость товара создает труд, выступающий как затрата человеческой рабочей силы вообще, независимо от формы этой затраты,— *абстрактный труд.*

Абстрактный и конкретный труд — это две стороны труда, воплощенного в товаре. «Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова,— и в этом своём качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своём качестве конкретного полезного труда он создаёт потребительные стоимости» [4].

Подобно тому как одна потребительная стоимость отличается от другой потребительной стоимости качественно, так и один конкретный труд качественно отличается от другого. И так же как стоимость одного товара отличается от стоимости другого лишь количественно, так и абстрактный труд, воплощенный в этих товарах, отличается один от другого только количественно.

Обменивая произведенные ими товары, люди приравнивают друг к другу самые различные виды труда. За отношениями обмена стоит общественное разделение труда. Меновые отношения на рынке выражают взаимные отношения товаропроизводителей в общественном производстве. И стоимость, стоимостное отношение представляет собой поэтому не отношение между вещами, а отношение между людьми,

между товаропроизводителями. Стоимость есть общественное, производственное отношение, которое лишь прикрыто вещной оболочкой и проявляется через отношения вещей. Стоимость товара создается трудом, затраченным на его производство, но она проявляется лишь в обмене, лишь через приравнивание одного товара к другому.

Деньги

Первоначально обмен был весьма редким и случайным. Один продукт непосредственно обменивался на другой. С развитием общественного разделения труда обмен становится все более регулярным. Растет число продуктов труда, изготовляемых специально для обмена. Самый ходкий из товаров постепенно начинает выступать в роли *всеобщего эквивалента**, т. е. в роли такого товара, который становится посредником при обмене. Вместо непосредственного обмена своего товара на нужный им другой товар (для чего требовалось обязательно найти такого покупателя, который располагает товаром, нужным продавцу) люди начали менять свой товар на товар, являющийся всеобщим эквивалентом, за который всегда можно приобрести любой товар. В разных местностях роль всеобщего эквивалента выполняли различные товары: скот, меха, соль, медь, железо и т. д. Позднее всеобщим эквивалентом стали благородные металлы — серебро и золото.

Благородные металлы по своим естественным свойствам очень подходят для выполнения роли всеобщего эквивалента. Они всегда сохраняют одинаковое качество, не портятся, могут легко делиться на самые малые части. Поэтому в ходе развития обмена они стихийно выдвинулись на место всеобщего эквивалента, стали выполнять функции денег. *Деньги* представляют собой особый товар, играющий роль всеобщего эквивалента для всех товаров. Они возникли не по чьему-либо указу, они не являются изобретением отдельного человека или результатом какого-то соглашения между людьми. Нет, благородные металлы выделились из товарного мира и стали деньгами благодаря долгому процессу развития обмена товаров. Деньги — это особый товар, обслуживающий обмен всех остальных товаров. Способность быть всеобщим эквивалентом является потребительной стоимостью этого товара. Сущность денег выражается в тех функциях, какие они выполняют в товарном хозяйстве.

Прежде всего, деньги выполняют функцию меры стоимости всех остальных товаров. Любой товар выражает свою стоимость в деньгах. Люди не говорят: одна пара сапог равняется одному метру сукна, но говорят: сапоги стоят столько-то рублей или долларов, фунтов, крон и т. д. Стоимость товара, выраженная в деньгах, есть его цена.

---

* Слово «эквивалент» означает равную стоимость, равноценность.

Деньги выполняют функцию средства обращения. Суконщик не меняет своего сукна на сапоги. Он продает его за деньги и на деньги покупает сапоги. С появлением денег непосредственный обмен продуктами заменяется товарным обращением, т. е. обменом при помощи денег. Формула товарного обращения: *товар — деньги — товар.*

Количество денег, необходимых для обслуживания товарного обращения, определяется суммой цен товаров, деленной на число оборотов денежной единицы. Если в какой-либо стране сумма цен всех товаров, реализуемых в данный период времени, скажем в течение года, составляет 10 млрд. денежных единиц (долларов, франков, марок и т. д.), а каждая денежная единица в течение года совершает 10 оборотов, то количество денег, необходимых для обращения всей товарной массы, составит 1 млрд.

В процессе обращения золотые монеты нередко заменялись серебряными и медными монетами, а позднее их стали заменять бумажные деньги. Выпускаемые государством бумажные деньги заменяют золото в качестве средства обращения. Они представляют золото, и количество их должно соответствовать количеству золота, потребного в качестве средства обращения. Если количество бумажных денег, выпущенных в обращение, больше количества полноценных золотых денег, которые требуются для обслуживания товарооборота, то они обесцениваются. Если в данной стране обращение товаров вызывает потребность в 1 млрд. золотых денежных единиц, а государство пустит в оборот 2 млрд. бумажных денежных единиц, то в результате получится, что за каждую бумажку данного наименования — пусть это будет 10 долл.— можно будет купить лишь столько же товаров, сколько за 5 золотых долларов.

История капиталистического денежного обращения после первой мировой войны характеризуется крайней неустойчивостью бумажных денег. Бумажные деньги вследствие чрезмерного их выпуска часто обесцениваются. Обесценение бумажных денег называется инфляцией. Инфляция ведет к снижению жизненного уровня трудящихся, живущих на заработную плату.

Деньги выполняют функцию средства накопления. На них всегда можно купить любой товар, они являются всеобщим представителем богатства. Накопление богатства происходит поэтому в форме накопления денег.

При покупках и продажах в кредит деньги выполняют функцию средства платежа. Благодаря кредиту сокращается количество необходимых для обращения наличных денег.

При торговле между странами деньги выполняют функцию мировых денег. В качестве мировых денег выступает золото.

Закон стоимости Закон стоимости — экономический закон товарного производства, по которому обмен товаров совершается в соответствии с количеством общественно необходимого труда, затраченного на их производство. Под воздействием этого закона цены товаров *тяготеют* к их стоимости. В условиях товарного производства каждый производитель работает обособленно от других, изготовляя товары на рынок, где размеры спроса никому из производителей заранее неизвестны. Равенство спроса и предложения при такой анархии производства может устанавливаться лишь случайно, в результате постоянных колебаний. Это приводит к тому, что цены товаров то и дело отклоняются от стоимости, бывают выше или ниже ее. Если предложение превышает спрос, цены падают ниже стоимости, если спрос превышает предложение, товары продаются по ценам, которые выше их стоимости.

Но цены товаров неизменно тяготеют к стоимости. Если цена какого-либо товара выше его стоимости, то это вызывает рост производства, а вслед за этим и рост предложения данного товара, что неизбежно приводит к понижению цены до уровня стоимости. В случае падения цены ниже стоимости произойдет сокращение производства, образуется недостаток данного товара и в конечном счете цена повысится до уровня стоимости. Таким образом, отклонения цен от стоимости вверх и вниз в общем и целом взаимно уравновешиваются. В каждый данный момент цена того или другого товара в силу различных причин может отклониться от стоимости, но средние цены за продолжительные периоды довольно точно совпадают со стоимостью.

В обществе, основанном на частной собственности, закон стоимости через механизм конкуренции регулирует пропорции, в которых происходит распределение общественного труда и средств производства между различными отраслями. Постоянное колебание цен вызывает вынужденный уход части товаропроизводителей из тех отраслей, где предложение превышает спрос и цены падают ниже стоимости. Понижение цен действует по-разному на различные группы товаропроизводителей. Более искусные, предприимчивые, сильные укрепляют свои позиции, слабые — разоряются. Обогащение немногих за счет разорения масс производителей — вот что происходит в результате постоянных колебаний и отклонений цен от стоимости. Но масса мелких производителей подавляется конкуренцией не только в силу отклонения цен от стоимости. Их не спасает и продажа товаров по стоимости. Закон стоимости есть закон стихийного развития производительных сил. Те товаропроизводители, которые используют более совершенную технику, оказываются в более выгодном положении, так как они производят товары с меньшими затратами, чем обще-

ственно необходимые затраты. В то же время многие производители делают затраты труда на единицу продукции, превышающие общественно необходимые. Они не могут выстоять в конкурентной борьбе с более сильными соперниками. В результате незначительное меньшинство производителей превращается в капиталистов, а масса мелких товаропроизводителей разоряется и вынуждена жить продажей своей рабочей силы. Средства производства все больше концентрируются в руках капиталистов. Таким образом происходит неизбежное превращение простого товарного хозяйства в капиталистическое.

Итак, закон стоимости в товарном хозяйстве при посредстве механизма конкурентной борьбы выполняет три важные функции: он выступает в роли регулятора в распределении рабочей силы и средств производства между отраслями; он выполняет роль двигателя технического прогресса; он ведет к развитию капиталистических отношений, обрекая на гибель и разорение мелких товаропроизводителей.

3. Учение о прибавочной стоимости — краеугольный камень экономической теории Маркса

Маркс выяснил антагонистический характер отношений между трудом и капиталом, являющихся той осью, вокруг которой вращается вся капиталистическая система хозяйства. Исследовав прибавочную стоимость, он дал исчерпывающее научное объяснение процессу эксплуатации рабочих капиталистами.

Маркс в своем анализе исходит из того простого и общеизвестного факта, что капиталисты сперва покупают необходимые для производства товары и затем продают изделия своих предприятий за большее количество денег, чем то, которое они затратили сами.

При простом товарном обращении товаровладелец продает свой товар, чтобы купить другой товар. Конечная цель простого товарного обращения — удовлетворение потребностей. Формула простого товарного обращения была, как мы видели: *товар — деньги — товар.* Иначе выглядит процесс обращения, когда товар покупается не с целью непосредственного удовлетворения той или иной потребности, а для продажи. Формула этого нового процесса: *деньги — товар — деньги.* Покупка с целью продажи имеет смысл только в том случае, если в результате этого из обращения извлекается больше денег, чем первоначально было затрачено. Кто покупает с целью продажи, тот покупает, чтобы продать дороже. Это возрастание первоначальной суммы стоимости превращает ее в капитал. *Капитал* есть самовозрастающая стоимость.

Деньги являются первой формой капитала. Процесс капиталистического производства начинается с покупки средств производства и рабочей силы, т. е. с превращения капитала из денежной формы в форму производительного капитала. Изготовленные в процессе производства товары капиталист продает на рынке. Тем самым он превращает товарный капитал в денежный. Капитал возвращается к своей исходной форме. Но при этом капиталист выручает денег больше, чем затратил до начала производства. Обмен происходит по стоимости (ведь если одни продают дороже, а другие — дешевле, то в масштабах общества это уравновешивается). Возникает вопрос: как может собственник денег — капиталист, покупая и продавая товары по их стоимости, все же извлечь из обращения бо́льшую стоимость? На этот вопрос, который бессильна была разрешить буржуазная политическая экономия, Маркс и дает ответ. Оказывается, это возможно только потому, что собственник денег находит на товарном рынке весьма своеобразный товар, потребление которого является источником новой стоимости. Этот товар — рабочая сила. Посмотрим, каковы особенности этого товара. Ф. Энгельс изложил этот вопрос следующим образом.

Производство прибавочной стоимости

Какова стоимость рабочей силы? Стоимость всякого товара измеряется необходимым для его производства трудом. Рабочая сила существует в образе живого рабочего, который нуждается в определенной сумме жизненных средств как для себя, так и для содержания своей семьи. Необходимое для производства этих жизненных средств рабочее время определяет стоимость рабочей силы.

«Допустим,— писал Ф. Энгельс,— что эти жизненные средства представляют, изо дня в день, рабочее время в 6 часов. Таким образом, наш приступающий к делу капиталист, который закупает для ведения предприятия рабочую силу, т. е. нанимает рабочего, уплачивает последнему полную однодневную стоимость его рабочей силы, если платит ему сумму денег, которая выражает как раз 6 часов труда. Следовательно, рабочий, отработав 6 часов у данного капиталиста, возмещает ему полностью его расход, т. е. оплаченную однодневную стоимость рабочей силы.

Но от этого деньги еще не превратятся в капитал, не произведут никакой прибавочной стоимости. Поэтому покупатель рабочей силы совершенно иначе понимает характер заключенной им сделки. Тот факт, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов требуется только 6 часов труда, нисколько не мешает рабочему работать 12 часов из этих 24. Стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая рабочей силой в процессе труда,— две различные величины... Итак, стоимость, в которую *обходится* рабочий капиталисту,

согласно нашему допущению, представляет собою продукт 6 часов труда, а *стоимость,* которую рабочий ежедневно *доставляет* капиталисту,— продукт 12 часов труда. Разность идет в карман владельца денег, а именно — 6 часов неоплаченного прибавочного труда, неоплаченный прибавочный продукт, в котором воплощен 6-часовой труд. Фокус проделан. Прибавочная стоимость произведена, деньги превратились в капитал»[5].

Происхождение прибавочной стоимости (значительная часть которой составляет прибыль капиталиста) теперь совершенно ясно и естественно. Стоимость рабочей силы оплачивается, но эта стоимость гораздо меньше той, которую капиталист в состоянии выколотить из рабочей силы; эта разница, неоплаченный труд, как раз и образует долю капиталиста, или, точнее говоря, класса капиталистов.

На этот неоплаченный труд содержатся все нетрудящиеся члены общества. Из него оплачиваются те государственные и коммунальные налоги, которые падают на класс капиталистов, земельная рента землевладельцам и т. д. На нем покоится весь капиталистический общественный строй.

Капиталистическая эксплуатация

Итак, наемный рабочий в течение одной части своего рабочего времени создает продукт, необходимый для его собственного содержания. Эту часть рабочего времени Маркс назвал *необходимым рабочим временем,* а затраченный в течение этого времени труд — *необходимым трудом.* В течение другой части своего рабочего времени — *прибавочного рабочего времени* — рабочий своим *прибавочным трудом* создает прибавочную стоимость. *Прибавочная стоимость* (m) есть стоимость, создаваемая трудом наемного рабочего сверх стоимости его рабочей силы и безвозмездно присваиваемая капиталистом.

Сущность процесса капиталистической эксплуатации и состоит в производстве прибавочной стоимости. Капиталистов интересует не производство полезных и нужных обществу средств производства и предметов потребления, а извлечение наибольшей прибавочной стоимости. Жадность капиталистов к прибавочной стоимости ненасытна.

Капитал

В капиталистическом обществе эксплуатация наемного труда — средство для сохранения и возрастания стоимости, принадлежащей капиталисту, для расширения власти и господства капитала. Капитал есть стоимость, производящая прибавочную стоимость. Буржуазные экономисты утверждали и утверждают, что всякое средство производства является капиталом. Они умышленно замалчивают тот бесспорный факт, что средства производства становятся капиталом лишь тогда, когда превращаются в средство эксплуатации рабочих, что капитал — это не вещь, а общественное отношение между главными клас-

сами буржуазного общества, отношение эксплуатации наемных рабочих владельцами средств производства.

Марксистско-ленинское понимание капитала как общественного отношения раскрывает существо буржуазного способа производства — эксплуатацию классом капиталистов класса наемных рабочих, живущих продажей своей рабочей силы.

В капитале необходимо различать две части: *постоянный капитал* (c), расходуемый на средства производства (здания, машины, топливо, сырой материал и т. д.), и *переменный капитал* (v), расходуемый на рабочую силу. Они принимают неодинаковое участие в производстве прибавочной стоимости. Участвуя в производстве, средства производства не создают никакой новой стоимости. Стоимость постоянного капитала сразу или по частям переходит на готовый продукт. Иначе обстоит дело с переменным капиталом. Он возрастает, создавая в процессе производства прибавочную стоимость. Отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу $\left(\frac{m}{v}\right)$ выражает степень эксплуатации труда капиталом и называется *нормой прибавочной стоимости* (m^1).

Увеличение прибавочной стоимости происходит двумя путями. Первый путь заключается в удлинении рабочего дня или в интенсификации труда (увеличении напряженности труда, увеличении затрат человеческой энергии в единицу времени). Эту прибавочную стоимость Маркс назвал *абсолютной прибавочной стоимостью.* Второй путь состоит в сокращении необходимого рабочего времени. Эту прибавочную стоимость Маркс назвал *относительной прибавочной стоимостью.*

Если бы это было возможно, то капиталист удлинил бы рабочий день до 24 часов, ибо, чем длиннее рабочий день, тем больше создается прибавочной стоимости. Рабочий, напротив, заинтересован в сокращении рабочего дня. Возникает борьба за сокращение продолжительности рабочего дня. Начавшись в капиталистических странах с первых выступлений рабочих в начале 19 века, эта борьба никогда не прекращалась. Поэтому капиталисты не могут безгранично удлинять рабочий день. Производство абсолютной прибавочной стоимости происходит в настоящее время в капиталистических странах главным образом путем интенсификации труда.

Производство относительной прибавочной стоимости заключается в увеличении прибавочного времени, при неизменной продолжительности рабочего дня, путем сокращения той части рабочего времени, которая необходима для возмещения стоимости рабочей силы. Это достигается посредством повышения производительной силы труда в отраслях промышленности, изготовляющих предметы потребления, жизненно необходимые для рабочих, набор которых определяет стоимость

рабочей силы. Чем выше производительность труда в этих отраслях и чем меньше стоимость их продукции, тем короче необходимое рабочее время и, следовательно, тем больше прибавочное рабочее время на всех капиталистических предприятиях.

Сокращение необходимого рабочего времени происходит и при повышении производительности труда в отраслях, производящих средства производства для производства предметов потребления.

Отдельные капиталисты могут получать также избыточную прибавочную стоимость. Она достается тем капиталистам, которые вводят у себя технические усовершенствования, отсутствующие у других. Затрата средств на изготовление единицы товара у них будет ниже, а продавать свои товары они будут по ценам, общим для всех производителей данного товара. Поэтому капиталисты, владеющие более совершенной техникой, получают излишек прибавочной стоимости сверх обычной нормы. Это и будет избыточная прибавочная стоимость.

Но получать больше прибавочной стоимости стремятся и другие капиталисты. Поэтому они тоже в погоне за избыточной прибавочной стоимостью вводят новую технику. К этому их толкает и конкуренция.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследовал три исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) мануфактуру; 3) крупную машинную промышленность.

Капиталистическая простая кооперация представляет собой сосредоточение более или менее значительного числа наемных рабочих для производства одного и того же вида продукции под командой капиталиста. Техника остается при этом ручной, разделения труда нет. Но уже объединение рабочих дает известное повышение производительности труда. *Мануфактура* — это капиталистическая кооперация, основанная на разделении труда, но при ручной технике. При ней достигается значительное повышение производительности труда по сравнению с простой кооперацией. Но мануфактура не могла привести к разрушению мелкого производства и стать господствующей формой производства. Капитализм завоевал полное господство, только перейдя к *машинной индустрии,* которая представляет собой высшую форму развития крупного капиталистического производства. Машинная индустрия, разрушая мелкое производство, расширяет сферу господства капитала, создает условия для всемерного увеличения производства прибавочной стоимости.

Теория прибавочной стоимости Маркса раскрывает, каким образом в буржуазном обществе совершается процесс экс-

плуатации рабочего капиталистом. Она доказывает, что только труд наемных рабочих является постоянным и неиссякаемым источником обогащения капиталистов. Теория прибавочной стоимости Маркса показала лицемерность утверждений, будто буржуазный строй зиждется на равенстве между рабочими и капиталистами, на гармонии интересов. Эта теория вскрыла непримиримую и все углубляющуюся противоположность интересов капитала и труда. Марксистская теория прибавочной стоимости мобилизует массы на борьбу с капитализмом.

4. Заработная плата

Теория заработной платы затрагивает коренные интересы классов буржуазного общества и является одним из наиболее острых вопросов экономической науки.

При капитализме заработная плата представляет собой цену рабочей силы. Но создается ложная видимость, что она является ценой труда, что капиталист оплачивает рабочему его труд, притом весь его труд. На самом же деле труд создает стоимость, но сам стоимости не имеет. И капиталист оплачивает рабочему вовсе не его труд, а его рабочую силу. «...Заработная плата является не тем, чем она *кажется,* не *стоимостью* — или *ценой — труда,* а лишь замаскированной формой *стоимости* — или *цены — рабочей силы*»[6]. Так как заработная плата представляется не тем, чем она на самом деле является, Маркс назвал ее превращенной формой стоимости, или цены, рабочей силы.

Величина заработной платы складывается из двух элементов: а) чисто физического, в который входит стоимость жизненных средств, абсолютно необходимых для существования рабочего, сохранения его работоспособности и содержания семьи; б) исторического, или общественного, который зависит от того, с какими жизненными потребностями и культурными запросами сформировался рабочий класс данной страны.

Капиталисты стремятся понизить заработную плату до ее физического минимума. Рабочий класс борется за повышение своего жизненного уровня. Поэтому движение заработной платы существенно зависит от классовой борьбы пролетариата, от его организованности, от степени его сопротивления капиталу. Борьба рабочего класса за улучшение условий труда и повышение жизненного уровня, при сохранении частной собственности на средства производства и политической власти в руках буржуазии, может облегчить его положение, однако эта борьба не затрагивает основ капиталистического строя, не может освободить трудящихся от наемного капиталистического рабства.

В капиталистическом обществе господствуют две основные формы заработной платы — *повременная и поштучная.* Повременная заработная плата непосредственно выражает почасовую, дневную, недельную или месячную стоимость рабочей силы. При этой форме заработной платы речь идет об оплате часа, дня, недели или месяца работы. Поштучная плата определяется на основе повременной платы. Предположим, что почасовая заработная плата составляет 90 центов. Если в течение одного часа рабочий может произвести две штуки товара, он получит 45 центов за каждую сработанную штуку товара.

При поштучной оплате личный интерес рабочего побуждает его работать с наивысшей интенсивностью. Если рабочий в нашем примере станет изготовлять не две, а три штуки товара в час, его заработная плата увеличится на 50%. Однако благополучие рабочего весьма кратковременно. Капиталист обычно сразу же пересматривает расценки, и выгода от повышения интенсивности труда достается в конце концов ему. Использование конвейера и других машин, темп движения которых вынуждает рабочего трудиться без передышки и с огромным напряжением, позволяет капиталистам и при повременной заработной плате добиваться чрезвычайно высокой интенсивности труда.

Рост выработки за счет увеличения интенсивности труда вызывает повышение стоимости рабочей силы, ибо ее больше расходуется. Следовательно, должно происходить и повышение заработной платы, но это повышение, как правило, не соответствует росту интенсивности труда.

Говоря о том, что возрастание цены рабочей силы отнюдь не означает, что эта цена поднимается выше ее стоимости, Маркс замечает: «Оно может, наоборот, сопровождаться падением ее цены ниже стоимости. Последнее имеет место во всех тех случаях, когда повышение цены рабочей силы не компенсирует ее ускоренного снашивания»[7].

Повышение заработной платы при капитализме происходит *лишь в результате ожесточенной классовой борьбы* и является каждый раз запоздалой реакцией на повышение стоимости рабочей силы в результате роста интенсивности труда. Оно происходит после понижения заработной платы (например, в фазах оживления и подъема, наступающих после экономических кризисов), либо в условиях, когда имеет место резкое падение реальной заработной платы под влиянием инфляции и взвинчивания монополиями цен на предметы потребления, роста квартплаты, увеличения налогов и т. п. Если бы рабочие отказались от повседневной борьбы с капиталом за улучшение своего жизненного уровня, они, по словам Маркса, «выродились бы в безразличную массу опустившихся бедняков, которым уже нет спасения»[8]. Ком-

мунистические и рабочие партии считают священным долгом вести борьбу не только за конечные цели, но и за непосредственные нужды рабочего класса.

5. Возрастание прибыли — цель и граница капиталистического производства

Прибыль — движущая сила и главная цель каждого капиталиста. Для капиталистов производство есть лишь средство получения прибыли. Что же касается потребления народных масс, то в капиталистическом хозяйстве оно принимается в расчет лишь постольку, поскольку составляет неизбежное условие извлечения прибыли; вне этого расчета вопрос о потреблении теряет для капиталиста всякий смысл.

Капитал всемерно стремится к возрастанию массы и нормы прибыли.

Норма прибыли выражает отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Норма прибыли — показатель доходности капиталистического предприятия.

В процессе производства прибавочной стоимости имеются различия между отдельными отраслями промышленности. В одних отраслях предприниматель вынужден вкладывать бо́льшую часть своего капитала в средства производства — постройки, машины и т. д., которые сами по себе не приносят прибыли, хотя они и необходимы для ее получения. В других отраслях, технически менее оснащенных, бо́льшая доля капитала расходуется на наем рабочей силы. Пропорция между постоянным капиталом и переменным капиталом определяет органическое строение капитала, строение капитала на данном предприятии или в целой отрасли промышленности. Чем больше доля постоянного капитала во всем капитале, тем более высоким является его органическое строение.

Средняя прибыль

В отраслях с различным органическим строением капитала равные по величине капиталы приносят различную по величине прибавочную стоимость. В отраслях с низким органическим строением капитала прибавочной стоимости будет произведено больше, чем в отраслях с высоким строением капитала.

Однако отрасли с различным органическим строением капитала не могли бы сосуществовать, если бы капиталисты не получали одинаковую прибыль на равновеликие капиталы. В самом деле, что за смысл капиталисту вкладывать капитал в отрасль с низкой нормой прибыли? Факты показывают, что равные капиталы, помещенные в различные отрасли промышленности, приносят более или менее одинаковую прибыль,

независимо от их органического строения. Это объясняется тем, что наряду с конкуренцией между капиталистами внутри каждой отрасли за сбыт одинаковых товаров существует межотраслевая конкуренция капиталистов за более прибыльное вложение капитала. Перелив капиталов из одной отрасли в другую приводит к повышению цен в одних отраслях и понижению — в других. Капитал покидает те отрасли, в которых обнаруживается перепроизводство товаров, резкое падение цен, происходит банкротство предприятий, и направляется в те отрасли, где нехватка товаров вызвала рост цен. Таким образом происходит стихийное выравнивание нормы прибыли отраслей промышленности с разным органическим строением капитала и образование средней (общей) нормы прибыли. Вся сумма прибавочной стоимости, произведенной рабочим классом, благодаря такому переливу капиталов распределяется между капиталистами приблизительно пропорционально величине их капиталов.

Цена производства

Вследствие выравнивания нормы прибыли цены товаров при капитализме определяются ценой производства, которая равна издержкам производства плюс средняя прибыль. Каждый капиталист старается получить такую цену за свой товар, которая бы не только вернула ему издержки производства, но и принесла хотя бы обычную, нормальную для данного времени и данной страны, среднюю прибыль. Цена производства отдельного товара может быть поэтому выше или ниже стоимости. Однако сумма цен производства равна сумме стоимостей всех товаров.

В этом нетрудно убедиться на следующем примере.

Пусть стоимость товаров в отраслях с высоким органическим строением составит 120 денежных единиц (постоянный капитал — 90, переменный — 10, прибавочная стоимость — 20 денежных единиц), а в отраслях с низким органическим строением — 140 денежных единиц (постоянный капитал — 80, переменный — 20, прибавочная стоимость — 40 денежных единиц).

При этих условиях цена производства, равная затраченному капиталу и *средней* прибыли, составит:

$100+\frac{20+40}{2}=130$ денежных единиц.

Товары отраслей с высоким органическим строением капитала продаются на 10 денежных единиц выше их стоимости, а товары отраслей с низким органическим строением капитала — на 10 единиц ниже их стоимости. Индивидуальные уклонения от стоимости взаимно погашаются, а сумма стоимостей всех товаров (120+140=260) совпадает с суммой цен производства (130+130=260).

Теория средней прибыли и цены производства имеет большое значение для понимания основных задач классовой борьбы пролетариата. Эта теория показывает, что каждый капиталист заинтересован в повышении степени эксплуатации не только своих рабочих, но и рабочего класса в целом, ибо в конечном счете прибыль каждого капиталиста — это его доля во всей массе прибавочной стоимости, произведенной рабочим классом. Понятно, писал Маркс, почему «капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым» [9].

Теория средней прибыли, таким образом, вскрывает материальную основу классовой солидарности капиталистов. Этой солидарности капиталистов, основанной на корыстном стремлении выжать из рабочего все, что можно, рабочий класс противопоставляет свою солидарность, основанную на законном стремлении уничтожить капиталистическую эксплуатацию. Борьба рабочего класса против власти капитала не может ограничиться борьбой против отдельных предпринимателей за улучшение условий труда на данном предприятии, в данной отрасли. Конечная цель борьбы рабочего класса — уничтожение системы капиталистической эксплуатации, уничтожение буржуазного общественного строя.

Теория средней прибыли показывает, что конкуренция капиталов различных отраслей производства сводит различные прибыли к обычной средней прибыли, независимо от органического строения капитала в той или иной отрасли. Норма средней прибыли изменяется с течением времени, но в каждый период для каждой данной страны она достаточно устойчивая величина, которую учитывают все дельцы.

Предпринимательский доход и процент

Капиталистическая прибыль распадается на предпринимательский доход и процент. Капиталист-предприниматель обычно не ограничивается использованием собственных капиталов. Он пускает в оборот и заемные капиталы. Часть прибыли, которую функционирующий капиталист уступает за пользование капиталом другого капиталиста или банка, называется процентом. Прибыль за вычетом процента на капитал называется предпринимательским доходом. Капиталистические банки осуществляют посредничество в платежах между капиталистами, собирают (путем приема вкладов и других операций) денежные капиталы и доходы, предоставляя их в распоряжение капиталистов. Содействуя развитию капиталистического производства и централизации капитала, банки вместе с тем усиливают господство капитала над трудом, создают условия, при которых крупный капитал распоряжается не только своими капиталами, но все большей долей денежных средств и доходов остальных слоев населения.

Прибыль — граница капиталистического производства

Буржуазные экономисты восхваляют капиталистическую прибыль как наилучший стимул технического прогресса и безграничного роста производства. Они обходят молчанием тот факт, что капиталистическая прибыль является результатом эксплуатации и истощения рабочей силы. Они замалчивают тот факт, что подчинение производства принципу капиталистической прибыли — не только стимул, но и *граница* капиталистического производства. Капиталисты производят только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью. Капиталисты, особенно в условиях современного капитализма, нередко ограничивают производство, задерживают технический прогресс, уничтожают массу продуктов ради повышения нормы прибыли. Более того, капиталистические монополии развязывают войны, причиняют человечеству неисчислимые бедствия и делают все это во имя прибыли!

6. Развитие капитализма в земледелии. Земельная рента

Экономические законы капитализма действуют с такой же неумолимостью в земледелии, как и в промышленности.

С развитием общественного разделения труда сельскохозяйственные продукты начинают производиться для продажи, становятся товарами. Земледелие превращается в отрасль хозяйства, производящую товары. Развивается ожесточенная конкурентная борьба между отдельными товаропроизводителями, которая ставит в весьма тяжелое положение мелких земледельцев, наименее обеспеченных землей, рабочим скотом и инвентарем. Происходит массовое разорение мелких производителей, выталкивание их в ряды пролетариев. Значительная доля производства сосредоточивается в руках капиталистической верхушки деревни. В деревне образуются две крайние группы: с одной стороны, бедняки и батраки, а с другой — сельская буржуазия (кулаки, капиталисты и сохранившиеся во многих капиталистических странах более или менее обуржуазившиеся помещики). Промежуточное положение между этими двумя группами занимает среднее крестьянство.

Сравнивая процесс развития капитализма в земледелии и промышленности, приходится отметить несравненно большую отсталость первого. Это относится не только к отсталым странам, где развитие капитализма в земледелии задерживается пережитками феодализма, но в известной мере и к высокоразвитым капиталистическим странам. Одна из важнейших причин этой отсталости в том, что часть прибавочной стоимо-

сти, создаваемой в сельском хозяйстве, присваивается паразитическим классом землевладельцев в форме земельной ренты.

Земельная рента

В капиталистическом земледелии в отличие от промышленности вся вновь созданная стоимость делится между тремя классами. Сельскохозяйственные рабочие получают заработную плату, капиталист-арендатор получает обычную среднюю прибыль, а земельный собственник — ренту. Возникает вопрос: каким образом в земледелии кроме обычной прибыли на капитал появляется особая доля прибавочной стоимости, которая в форме арендной платы за землю отбирается землевладельцами у капиталистов-арендаторов?

Отвечая на этот вопрос, Маркс обратил внимание на некоторые экономические особенности земледелия. Различные земли, обрабатываемые отдельными хозяйствами, неодинаковы как по плодородию, так и по своему местоположению по отношению к рынку. Земля лучшего качества при одних и тех же затратах даст более обильный урожай по сравнению с землей худшего качества. Так же обстоит дело с различием местоположения земель по отношению к рынку. Чем ближе к рынку расположена земля, тем дешевле обходится доставка продуктов, тем выгодней ведение хозяйства на ней. Для краткости можно суммировать оба эти различия (т. е. различие в плодородии земли и в местоположении) как различия лучших и худших земель. Продукции одних лучших и средних земель недостаточно для покрытия общественного спроса, отсюда необходимость обработки и худших земель. Но капиталисты не только на лучшей и средней, но и на худшей земле должны получать кроме возмещения издержек также среднюю прибыль. Поэтому цена производства продуктов сельского хозяйства равна издержкам их производства на худших землях плюс средняя прибыль. А средние и лучшие земли дают кроме средней прибыли некоторый излишек, который капиталисту-арендатору приходится выплачивать собственнику земли.

Избыток прибыли, получаемой на земле лучшего качества или на земле, близко лежащей к рынку, по сравнению с худшей или наиболее отдаленной землей, называется *дифференциальной (разностной) земельной рентой I,* так как она получается вследствие разницы в качестве земель. Это различие в плодородии и местоположении участков есть, однако, лишь условие, естественный базис создания дифференциальной ренты I. Источник же ее возникновения — прибавочная стоимость, создаваемая сельскохозяйственными рабочими.

Избыток прибыли может быть получен капиталистом-арендатором на любом по качеству земельном участке в результате дополнительных вложений капитала, которые позволят ему собрать урожай более высокий, чем урожай на

худших участках, определяющих цену единицы продукции. Добавочная прибыль, являющаяся результатом новых капиталовложений на обрабатываемом участке, т. е. интенсификации земледелия, называется *дифференциальной рентой II*. Если она получена до того, как утратил силу старый арендный договор, то дифференциальную ренту II присваивает себе капиталист. Но при заключении нового договора землевладелец обычно учитывает результаты интенсификации земледелия и повышает арендную плату, включая в нее дифференциальную ренту II.

Буржуазная политическая экономия объясняет происхождение дифференциальной ренты существованием какого-то «закона убывающего плодородия почвы». К. Маркс и В. И. Ленин доказали, что мифический «закон убывающего плодородия» никакого отношения к теории ренты не имеет. Он изобретен буржуазными экономистами и пропагандируется ими, чтобы снять с капиталистов и крупных землевладельцев ответственность за дороговизну сельскохозяйственных продуктов, за нищету масс и за варварское использование земли, свалив все это на действие вечного и неизменного «закона». Один из основоположников вульгарной политической экономии, поп Мальтус, ссылаясь на этот «закон», объявил, что рост населения всегда будет опережать рост производства сельскохозяйственных продуктов и поэтому, чтобы поддерживать известное «равновесие», необходимы войны, эпидемии и искусственное ограничение деторождения у неимущих классов. Современные мальтузианцы используют так называемый «закон убывающего плодородия почвы» для оправдания агрессивных войн и массового истребления людей.

Присвоение дифференциальной ренты землевладельцами, которые, как правило, используют ее для непроизводительных целей, служит тормозом развития сельского хозяйства. Еще большее значение в этом отношении имеет *абсолютная рента*.

Худшие земли, как уже отмечалось, не приносят дифференциальной ренты. Но владельцы худших участков земли не предоставят своей земли капиталистическим предпринимателям без всякого вознаграждения, без всякой ренты. Откуда же возникает рента с худших земель?

Известно, что только переменный капитал порождает прибавочную стоимость. В земледелии техника ниже, чем в промышленности. Это следствие того, что капиталисты, арендующие землю лишь на время, не вкладывают в машины, здания и т. п. столько средств, сколько промышленники — в свои предприятия. Вследствие более низкого органического строения капитала величина прибавочной стоимости на капитал равной величины в земледелии выше, чем в промышленности. Предположим, что при издержках производства, составляю-

щих 100 денежных единиц, в промышленности приходится 90 — на постоянный капитал и 10 — на переменный, а в земледелии — 80 — на постоянный и 20 — на переменный. В этом случае прибавочная стоимость в промышленности (при 100-процентной норме эксплуатации) составит 10 денежных единиц, а в земледелии — 20 денежных единиц. В силу монополии частной собственности на землю свободный перелив капитала в земледелие осуществляться не может. Следовательно, не может быть и выравнивания нормы прибыли между промышленностью и земледелием.

Цены на сельскохозяйственные товары поэтому складываются в соответствии не с ценой производства, а со стоимостью. Разница между стоимостью и ценой производства и составляет абсолютную ренту. Эта разница будет в то же время разностью между более высокой прибавочной стоимостью в земледелии и менее высокой — в промышленности (в нашем примере эта разница составляет 10 денежных единиц).

Дань, которую общество вынуждено платить крупным земельным собственникам в виде земельной ренты, вызывает удорожание предметов питания и сельскохозяйственного сырья и ведет, следовательно, к ухудшению положения трудящихся масс как в городе, так и в деревне. Землевладельцы получают дань и с предприятий горнодобывающей промышленности, что ведет к повышению цены минерального сырья. Рента вызывает повышение цен на городские строительные участки, а это влечет за собой вздорожание квартирной платы. Рост ренты ухудшает и положение крестьян, не имеющих собственной земли.

Аренда и разорение мелких и средних крестьян

Арендная плата, которую отдает землевладельцу фермер-капиталист, представляет собой избыток прибавочной стоимости над средней прибылью. Землевладелец и капиталист делят между собой неоплаченный труд рабочих. В ином положении находятся мелкий и средний крестьянин. У них землевладелец при помощи арендной платы, как правило, отбирает не только весь прибавочный продукт, но и часть необходимого продукта. Арендные платежи сплошь и рядом обрекают мелкого арендатора на полное разорение.

Марксова теория земельной ренты с научной точностью доказала противоположность интересов основной массы крестьянства интересам крупных землевладельцев. Весь ход исторического развития подтвердил правильность анализа Маркса и показал, что трудящееся крестьянство может защитить свои права, только становясь союзником пролетариата в борьбе с капитализмом.

7. Воспроизводство общественного капитала и экономические кризисы

Взамен постоянно потребляемых средств производства и средств существования (машины, продовольствие, одежда и т. д.) люди должны производить новые материальные блага. Этот процесс постоянного возобновления производства называется *воспроизводством.* Воспроизводство осуществляется как в пределах отдельных предприятий, так и в масштабе всего общества.

Воспроизводство бывает простым — при неизменном объеме производства — и расширенным, когда процесс производства повторяется в увеличивающемся из года в год размере. Капитализму свойственно расширенное воспроизводство.

Маркс впервые дал научный анализ капиталистического воспроизводства. Процесс простого воспроизводства приносит капиталисту продукт большей стоимости, чем вложенный им в производство капитал. Реализовав произведенные рабочими товары, капиталист вновь оказывается владельцем капитала, дающего ему возможность эксплуатировать наемных рабочих. Пролетарий же по окончании производственного процесса вновь не имеет ничего, кроме своей рабочей силы, и вынужден наниматься к капиталисту. Таким образом, из анализа простого воспроизводства индивидуального капитала следует, что в ходе капиталистического воспроизводства постоянно воспроизводятся отношения капиталистической эксплуатации. Далее, анализ простого воспроизводства индивидуального капитала показывает, что, вложив вначале известный капитал в производство, капиталист очень скоро мог бы его проесть. Ведь при простом воспроизводстве вся произведенная рабочими прибавочная стоимость идет на его личное потребление. Вложив в производство 100 тыс. долл. и изымая ежегодно 10 тыс. долл. на свои нужды, капиталист за 10 лет, если бы он не получал прибыли, проел бы вложенный им капитал. Но и по истечении 10 лет капиталист продолжает получать прибыль. Следовательно, весь его капитал представляет собой по существу накопленную прибавочную стоимость, которая была произведена трудом наемных рабочих и безвозмездно присвоена капиталистом.

Марксов анализ простого воспроизводства общественного капитала вскрыл закономерности движения всего капиталистического хозяйства в целом. Маркс показал, что установить закономерность воспроизводства общественного капитала невозможно без разделения всего общественного производства на два больших подразделения: производство средств производства (первое подразделение) и производство предметов потребления (второе подразделение). Далее, необходимо анализ движения произведенного общественного про-

дукта в его натуральной форме средств производства и предметов потребления сочетать с анализом движения его в стоимостной форме. Для этого в стоимости совокупного годового общественного продукта, т. е. всей массы средств производства и предметов потребления, произведенных обществом за год, надо выделить часть, предназначенную для возмещения израсходованного за год постоянного капитала, часть — для возмещения переменного капитала и произведенную за год прибавочную стоимость. На эти три составные части делится стоимость продукции, произведенной за год каждым подразделением общественного производства.

Маркс поставил перед собой задачу выяснить условия реализации общественного продукта, произведенного капиталистическим обществом. Для того чтобы все капиталисты могли продать, т. е. реализовать, произведенные на их предприятиях товары, необходимо определенное соотношение между первым и вторым подразделением. При простом воспроизводстве необходимо, чтобы сумма переменного капитала и прибавочной стоимости первого подразделения была равна постоянному капиталу второго подразделения: $I(v+m)=IIc$. При взаимном обмене этих частей общественного продукта рабочие и капиталисты первого подразделения получают предметы потребления, а капиталисты второго подразделения получают постоянный капитал для нового производства. Таким образом, первое подразделение обеспечивает оба подразделения средствами производства, а второе подразделение снабжает рабочих и капиталистов обоих подразделений предметами потребления.

При расширенном воспроизводстве сумма переменного капитала и прибавочной стоимости первого подразделения *превышает* стоимость постоянного капитала второго подразделения: $I(v+m)$ больше IIc. Разница между первой и второй величинами образует излишек, идущий на накопление. С прогрессом накопления доля постоянного капитала возрастает, а доля переменного капитала уменьшается. Более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным — закон накопления капитала. Из этого закона вытекает, что постоянный капитал в каждом из подразделений возрастает быстрее, чем переменный капитал и прибавочная стоимость. Но если постоянный капитал первого подразделения обгоняет в своем росте переменный капитал и прибавочную стоимость данного подразделения, то он тем более обгоняет рост постоянного капитала *второго* подразделения. Ведь этот последний, как мы видели выше, возрастает медленнее переменного капитала и прибавочной стоимости первого подразделения. Таким образом, при расширенном воспроизводстве всего быстрее возрастает производство средств производства для производства средств производства, затем производство средств произ-

водства для производства предметов потребления и всего медленнее — производство средств потребления.

Преимущественный рост производства средств производства — экономический закон всякого расширенного воспроизводства. Без преимущественного роста производства средств производства расширенное воспроизводство осуществляться не может.

Двигателем расширения производства при капитализме служит стремление извлекать все большую массу прибавочной стоимости. К этому же толкает и конкуренция. В ходе расширенного капиталистического воспроизводства на расширенной основе воспроизводятся отношения капиталистической эксплуатации, растет армия рабочих, идет процесс концентрации и централизации капитала.

Марксов анализ простого и расширенного воспроизводства общественного капитала показал, что пропорциональность между первым и вторым подразделениями и между отдельными отраслями внутри каждого из подразделений может устанавливаться только через экономические кризисы и на весьма короткий срок, что капиталистическому воспроизводству присущи антагонистические противоречия, предопределяющие неизбежность экономических кризисов перепроизводства.

Экономические кризисы перепроизводства

Стремление капиталистов к безграничному увеличению производства в условиях, когда потребление ограничено узкими рамками платежеспособного спроса масс, находит выход в том, что производство увеличивается главным образом за счет роста производства средств производства. Расширение производства средств производства при капитализме, будучи выражением технического прогресса, является вместе с тем как бы временным убежищем от трудностей сбыта, порождаемых недостаточной платежеспособностью масс. Однако расширение производства в условиях, когда производство предметов потребления ограничено низкими доходами широких масс, периодически ведет к экономическим кризисам перепроизводства. Так как конечная цель производства — производство предметов потребления, то последней причиной всех экономических кризисов перепроизводства, как указывал Маркс, остается бедность и ограниченность потребления масс. В этом сказывается основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением.

Экономический кризис общего перепроизводства впервые разразился в Англии в 1825 г. С тех пор кризисы стали повторяться сначала в среднем через каждые 10 лет, потом в менее определенные промежутки времени. За период с 1825 по 1938 г. Англия пережила 13 экономических кризисов. В дру-

гих капиталистических странах, позже вступивших на путь крупной машинной индустрии, кризисы начались несколько позднее.

Экономический кризис представляет собой перепроизводство товаров, крайнее обострение трудностей их сбыта, падение цен, быстрое падение производства. В период кризиса резко возрастает безработица, падает заработная плата остающихся на производстве рабочих, нарушаются кредитные связи, разоряются многие, прежде всего мелкие, предприниматели.

В ходе кризиса и в период застоя (депрессии), который следует обычно за кризисом, накопившиеся товарные запасы постепенно реализуются по низким (упавшим в результате кризиса) ценам. Стремясь повысить производительность труда для того, чтобы получить прибыли и при низких ценах, капиталисты начинают обновлять оборудование своих предприятий. Это порождает спрос на средства производства. Постепенно на рынке начинается оживление, которое переходит затем в подъем. Эта периодическая смена кризиса депрессией, за которой следуют оживление и наконец подъем и затем снова кризис, свидетельствует о том, что капиталистическое производство развивается *циклически*, т. е. совершает оборот, повторяющий одни и те же фазы, как повторяются зима и лето. Капиталистическое расширенное воспроизводство не является непрерывным процессом. Смена подъемов падениями и застоями, постоянные перерывы в росте производства являются законом капиталистического расширенного воспроизводства. «Капиталистическое производство,— писал В. И. Ленин,— не может развиваться иначе, как скачками, два шага вперед и шаг (а иногда и целых два) назад» [10].

Кризисы порождаются основным противоречием капитализма — противоречием между общественным характером производства и частным способом присвоения результатов труда. Общественный характер производства проявляется, во-первых, в развитии специализации производства и разделения труда между предприятиями и отраслями хозяйства, при котором отдельные производства являются составной частью общественного процесса производства, и, во-вторых, в сосредоточении производства на все более крупных предприятиях. И то и другое создает огромные возможности для расширения производства. В период оживления, а особенно в период подъема громадный рост производства осуществляется главным образом за счет расширения производства средств производства. Пока идет строительство новых заводов, железных дорог, электростанций и т. д., в известной мере растет спрос на дополнительную рабочую силу, а следовательно, и на предметы потребления, но этот рост далеко не соответствует росту спроса на средства производства. Поэтому рано или

поздно в силу анархии производства, свойственной капитализму, громадные возможности крупной промышленности к расширению наталкиваются на узкие границы потребления, на неспособность рынков поспевать за расширением производства. Оказывается, что масса продуктов, выброшенная на рынок, не может быть оплачена массовым покупателем ввиду ограниченности его платежеспособного спроса, его доходов.

В. И. Ленин в известной статье «Карл Маркс» отметил, что возможность быстрого расширения промышленности «в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию *кризисов* перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени»[11].

Накопление в средствах производства объясняет также периодический характер кризисов.

Низкий уровень цен и обострение конкурентной борьбы в период застоя вынуждают капиталистов заменять морально устаревшее оборудование новым, т. е. обновлять основной капитал (оборудование, машины, станки, инструмент). Боясь отстать от конкурента, каждый предприниматель стремится к снижению издержек производства путем введения технических улучшений. «...Кризис,— писал Маркс,— всегда образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала. Следовательно, если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создаёт новую материальную основу для следующего цикла оборотов»[12].

Кризисы свидетельствуют о все возрастающем несоответствии буржуазных производственных отношений характеру современных производительных сил. Кризисы перепроизводства — яркий показатель ограниченности капиталистического способа производства, его неспособности дать простор развитию производительных сил.

Кризисы показывают, что современное общество могло бы производить несравненно больше продуктов, идущих на улучшение жизни всех трудящихся, если бы орудия и средства производства использовались не ради получения капиталистической прибыли, а ради удовлетворения потребностей всех членов общества. Но это возможно только путем перехода от частной собственности на средства производства к общественной.

8. Всеобщий закон капиталистического накопления

Развитие крупной машинной индустрии, улучшения в земледелии и других отраслях народного хозяйства ведут к тому, что для производства одного и того же количества продуктов

требуется все меньше рабочих. Другими словами, с развитием капитализма доля капитала, расходуемая на средства производства (постоянный капитал), возрастает, а доля капитала, расходуемая на рабочую силу (переменный капитал), уменьшается.

Более быстрое возрастание постоянного капитала по сравнению с переменным приводит к относительному уменьшению потребности капиталистического производства в живом труде рабочих, хотя общая численность промышленных рабочих по мере развития капитализма растет. При капитализме технический прогресс обрекает миллионы людей на безработицу. В буржуазном обществе угроза безработицы постоянно висит над каждым рабочим, который никогда не может быть уверен в завтрашнем дне.

В свете Марксовой теории капиталистического накопления становятся очевидными ошибки классической буржуазной политической экономии. А. Смит и Д. Рикардо полагали, что спрос на рабочую силу увеличивается пропорционально росту производства, что в ходе капиталистического накопления положение рабочего класса обязательно должно улучшаться. В действительности же капиталистическое накопление ускоряет вытеснение рабочих машиной и создает промышленную резервную армию.

«Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия... Относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда... *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» (Маркс)* [13].

Чем больше промышленная резервная армия, тем хуже и положение занятой части рабочего класса, потому что капиталист может прибегать к увольнению недовольных и «требовательных» рабочих, пользуясь тем, что он всегда найдет им замену среди безработных.

При господстве капиталистической собственности на средства производства технический прогресс влечет за собой рост барышей капиталистов, обострение нужды и необеспеченности широких слоев населения.

Ухудшение положения рабочего класса

Ухудшение условий существования трудящихся проявляется с особой силой в периоды экономических кризисов перепроизводства, когда растет безработица, падает заработная плата, усиливается процесс разорения мелких и средних

производителей. В проекте программы РКП(б) В. И. Ленин писал: «Кризисы и периоды промышленного застоя... увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса»[14].

Ухудшение положения трудящихся может иметь место и тогда, когда заработная плата несколько повышается. При усилении интенсивности (напряженности) труда усиливается потребность в лучшем питании, медицинском обслуживании и т. д. И когда эта возросшая потребность не удовлетворяется или удовлетворяется не в полной мере, имеет место *ухудшение* положения рабочего класса, обострение его нужды, даже если размер заработной платы несколько увеличивается.

Еще нагляднее выступает присущее капитализму относительное ухудшение положения рабочего класса, т. е. уменьшение доли рабочего класса в национальном доходе. Оно характеризует положение рабочего класса по сравнению с положением капиталистов. Рост общественного богатства в буржуазном обществе неизбежно приводит к возрастанию общественного неравенства между капиталистами и трудящимися. Тенденция к ухудшению положения рабочего класса с развитием капитализма, открытая Марксом, продолжает действовать и сегодня.

С этим ни за что не хотят согласиться критики марксизма. Фальсифицируя действительность, спекулируя на отдельных частных фактах, толкуя вкривь и вкось некоторые явления современности, они всячески пытаются доказать, будто теория Маркса не подтвердилась и современный капитализм открывает перспективу безграничного улучшения положения рабочих.

Фальсификации подвергается при этом не только положение рабочего класса, но и сама Марксова теория. Критики из буржуазно-реформистского лагеря, стремясь облегчить поставленную перед ними задачу, не останавливаются перед тем, чтобы вульгаризировать эту теорию, приписать ей нелепые утверждения, которых Маркс и марксисты никогда не выдвигали и не отстаивали.

В частности, марксистское положение о тенденции к ухудшению положения рабочего класса изображается в виде догмы, согласно которой при капитализме происходит *непрерывное* из года в год, из десятилетия в десятилетие абсолютное ухудшение условий жизни рабочих. Между тем, выдвигая это положение, Маркс имел в виду не непрерывный процесс, а *тенденцию* капитализма, которая осуществляется неравномерно в разных странах и в разные периоды через отклонения, нарушения и которой противодействуют другие факторы.

Один из таких противодействующих факторов — борьба рабочего класса за повышение заработной платы и улучшение

условий труда. После второй мировой войны эта борьба оказалась более действенной, чем когда-либо раньше. Был разгромлен наголову оплот международной реакции — германский и итальянский фашизм. Выросли организованность и сплоченность рабочего класса капиталистических стран. Успехи стран социализма заставляют буржуазию делать уступки трудящимся.

Могло ли все это пройти бесследно? Безусловно, нет. Рабочие ряда стран имели возможность добиться улучшения своего положения. И они использовали эту возможность. Ясно, что это ни в малейшей мере не может опровергнуть марксизм. Только клеветники и фальсификаторы могут утверждать, будто согласно теории Маркса и Ленина жизненный уровень рабочих всех капиталистических стран должен быть теперь ниже, чем, скажем, в начале 20 века.

Многие из фактов, на которые любят ссылаться горе-опровергатели марксизма, объясняются и тем, что действие тенденции ухудшения положения рабочего класса зависит от общей экономической конъюнктуры. Ясно, что в периоды циклического подъема рабочие живут лучше, чем в период кризиса. Это надо учитывать, сравнивая положение трудящихся в период кризиса и депрессии 30-х годов и в периоды высокой конъюнктуры 50-х годов нашего века.

Историческая тенденция капиталистического накопления

С накоплением капитала на все более крупных предприятиях сосредоточиваются огромные массы рабочих и громадные средства производства.

Действие внутренних законов капиталистического производства приводит к тому, что более сильные капиталисты побивают слабых. Рука об руку с централизацией капиталов или экспроприацией многих капиталистов немногими капиталистами развиваются сознательное применение науки в производстве, планомерная эксплуатация земли, превращение орудий труда в такие средства, которые допускают лишь коллективное использование. Наступает такой момент, когда становится не только возможным, но и необходимым обращение решающих средств производства в общественную собственность, потому что до крайности обостряется противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением.

Накопление капитала создает не только объективные, но и субъективные предпосылки для перехода от капитализма к социализму. С накоплением капитала общество все резче раскалывается на горстку магнатов капитала и противостоящие им массы рабочих, объединенных крупным машинным производством. Пролетариат все решительнее поднимается на борьбу против капитала. Рабочий класс направляет свои усилия к превращению капиталистической собственности в

общественную собственность. Это далеко не столь длительный процесс, как превращение раздробленной, основанной на личном труде мелкой частной собственности ремесленников и крестьян в капиталистическую собственность. В условиях капитализма народным массам, возглавляемым рабочим классом, предстоит освободить общество от гнета немногих узурпаторов.

Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, присваивающих все выгоды развития производительных сил, растет возмущение рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется в ходе самого процесса капиталистического производства. Капиталистический способ производства становится оковами для развития производительных сил человеческого общества. «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьёт час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [15]. Такова историческая тенденция капиталистического накопления.

Необходимость революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое Маркс вывел не из каких-либо утопических пожеланий, а всецело и исключительно из объективного экономического закона развития капиталистического общества. Вместе с тем он показал, что ликвидация капитализма будет произведена трудящимися во главе с рабочим классом. Только уничтожив частную собственность магнатов капитала и крупных землевладельцев на средства производства, народные массы капиталистических стран смогут обеспечить победу социалистического строя и открыть широкую дорогу дальнейшему социальному прогрессу.

Следовательно, закономерное развитие капитализма неизбежно ведет к революционному преобразованию капиталистического общества в социалистическое. К. Маркс анализом всеобщего закона капиталистического накопления дал экономическое обоснование необходимости и неизбежности пролетарской революции.

ГЛАВА 9

ИМПЕРИАЛИЗМ — ВЫСШАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА

В конце 19 — начале 20 века капитализм вступил в новую, империалистическую стадию своего развития. Подлинно научный анализ империализма был дан В. И. Лениным в 1916 г. в его знаменитой работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» и в ряде других работ. Показав, что империализм — это особая, высшая и последняя стадия в развитии капитализма, В. И. Ленин дал ему следующее определение: «Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта троякая: империализм есть (1) — монополистический капитализм; (2) — паразитический или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм»[1].

1. Империализм как монополистический капитализм

Концентрация производства и монополии

В своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин начинает исследование новой стадии в развитии капитализма с анализа изменений в сфере производства. Ленин установил пять основных экономических признаков империализма: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»[2].

Основой и исходным моментом перехода к империализму явился огромный рост концентрации производства, т. е. рост удельного веса крупных предприятий в общем числе предприятий, их доли в общем выпуске продукции; сосредоточение

на крупных предприятиях все большей части рабочей силы и производственных мощностей. В США, например, в 1909 г. удельный вес предприятий с числом рабочих свыше 500 составлял 1,1% общего числа предприятий, а работало на них 30,5% общего числа рабочих. Еще более усилился процесс концентрации производства в ходе второй мировой войны и после нее. Так, например, в обрабатывающей и добывающей промышленности США в 1957 г. 500 крупнейших компаний, составивших 0,4% к общему числу компаний, реализовали 55,3% всей продукции и получили 71,4% прибылей всех компаний. При этом только 37 компаний-миллиардеров реализовали продукцию почти на такую же сумму, как и остальные 463 компании.

Крупные предприятия стремятся захватить в свои руки рынок, уничтожить конкурентов или договориться с ними и диктовать цены. Нескольким десяткам гигантских предприятий легче прийти к соглашению, чем сотням и тысячам мелких. Тенденция к сговору порождается также стремлением уменьшить издержки борьбы с конкурентами, так как эти издержки по мере усиления конкуренции становятся все больше и больше. Концентрация производства на определенной ступени развития, когда, например, в основных отраслях на долю двух-трех и самое большее пяти компаний приходится свыше половины промышленной продукции, неизбежно приводит к возникновению монополий. Монополия есть объединение или союз капиталистов, сосредоточивающий в своих руках производство и сбыт значительной, а иногда и основной части продукции одной или нескольких отраслей хозяйства. Монополия отличается огромной экономической мощью, высоким удельным весом в данной области производства и торговли, который обеспечивает ей господствующее положение, т. е. возможность устанавливать монопольные цены и, следовательно, получать монопольно высокую прибыль. Монопольное положение позволяет умножать прибыль без увеличения производства товаров, только за счет взвинчивания цен, наживаться за счет покупателя путем ограбления его при помощи высоких монопольных цен на товары. Монополия — это объединение капиталистов, направленное против эксплуатируемых ими рабочих. На базе монополии происходит систематический сговор хозяев о мерах подавления классовой борьбы рабочих.

Основные формы монополистических объединений — картели, синдикаты, тресты, концерны.

Картель — это соглашение между несколькими крупными капиталистическими предприятиями, по которому между участниками делятся рынки сбыта, устанавливаются размеры производства, единые монопольные цены, условия продажи, сроки платежа и т. д. В результате участники кар-

теля добиваются ограничения конкуренции и получают монопольно высокие прибыли. Все входящие в картель предприятия остаются самостоятельными в вопросах как производства, так и сбыта продукции. Их лимитируют лишь условия картельного соглашения. *Синдикаты* отличаются от картелей тем, что входящие в них предприятия теряют коммерческую самостоятельность. Сбыт товаров, а иногда и закупку сырья для предприятий, входящих в синдикат, осуществляет контора синдиката. В *тресте* предприятия полностью теряют свою самостоятельность. Трест ведает производством, сбытом и финансами предприятий. *Концерн* представляет собой объединение ряда предприятий различных отраслей промышленности, торговых фирм, банков, транспортных и страховых компаний, формально самостоятельных, но полностью контролируемых одним магнатом капитала или одной группой капиталистов.

В начале 20 века картели получили наиболее широкое распространение в Германии, прежде всего в угольной и металлургической промышленности. В России распространенной формой монополистических союзов были синдикаты. Уже в 1887 г. возник синдикат сахарозаводчиков. В начале 20 века образовался ряд крупных синдикатов в черной металлургии, металлообрабатывающей и других ведущих отраслях российской промышленности.

Тресты стали преобладающей и характерной формой монополий в США. Они образовались путем чрезвычайного разрастания отдельных фирм, слияния многих компаний и поглощения крупнейшими предприятиями менее крупных. В США в результате первой большой волны слияний и поглощений в 1898—1903 гг. были созданы такие крупнейшие монополии, как принадлежащие Моргану Стальная корпорация («Юнайтед Стейтс стил корпорейшн») и Всеобщая электрическая компания («Дженерал электрик»). Еще раньше (в 1870 г.) была основана крупнейшая нефтяная монополия Рокфеллера — «Стандард ойл», которая к концу 19 века сосредоточила в своих руках 90% производства нефтепродуктов в США. Характеризуя всевластие американских монополий, В. И. Ленин в ноябре 1912 г. писал, что в Америке около трети всего национального богатства страны, около 80 млрд. рублей, «принадлежит *двум* трестам, Рокфеллера и Моргана, или подчинено этим трестам!» [3]

Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, *суть* империализма. Первой и главной особенностью империализма является то, что империализм есть монополистический капитализм. «Если бы необходимо было дать,— писал Ленин,— как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма» [4].

Монополия вырастает из свободной конкуренции. Но она не устраняет конкурентную борьбу, а, наоборот, делает ее еще более ожесточенной и разрушительной. При империализме эта борьба проявляется в трех формах.

Не прекращается конкуренция между монополиями и многочисленными немонополистическими предприятиями. При господствующей роли монополий в капиталистических странах сохраняются огромное количество средних и мелких капиталистов и массы мелких производителей — крестьян и ремесленников. Как ни велико всевластие монополий, как ни стремителен процесс вытеснения ими немонополистических предприятий, эти последние существуют рядом с монополиями. Они неизменно возрождаются в связи с развитием новых отраслей, где господство крупнейших предприятий, как правило, не может утвердиться с самого начала. Вытеснение мелкого хозяйства нельзя понимать как его немедленное и полное уничтожение. Вытеснение это сплошь и рядом проявляется в ухудшении условий существования, в чрезмерном напряжении труда, в крайне низком жизненном уровне мелких хозяев, поэтому оно представляет собой длительный и мучительный процесс. Крупный капитал вытесняет не только мелких и средних самостоятельных производителей, но и мелкие и средние капиталистические предприятия. Устанавливая монопольно высокие цены, монополии получают повышенную прибыль. Это приводит к снижению прибылей немонополизированных предприятий, которые покупают товары у монополий. Идет процесс удушения тех, кто не подчиняется монополии. Отношения свободной конкуренции переросли в отношения господства и связанного с ним насилия.

Ожесточенная конкурентная борьба ведется и между самими монополиями. Полное поглощение целой отрасли хозяйства какой-либо одной монополией — очень редкое явление. Да и оно не дает гарантии от проникновения в эту отрасль мощного соперника. Конкуренция между монополиями есть ожесточенная борьба не на жизнь, а на смерть, в которой соперники идут на все, лишь бы добиться разорения конкурента. В ход пускаются при этом прямое насилие, подкуп, шантаж, вплоть до диверсий и других уголовных преступлений.

Борьба идет не только между монополиями, но также и внутри них. Капиталисты, образующие монополистический союз, ведут борьбу за господствующее положение в руководящих органах корпораций, за долю своих предприятий в производстве, в торговле, в прибыли и т. д.

Таким образом, конкуренция порождает монополию, но монополия не устраняет конкуренции. Она существует над конкуренцией и рядом с ней. Монополии не устраняют анархии и хаотичности капиталистического производства.

Буржуазные идеологи всячески прославляют конкуренцию как могучее средство прогресса в области производства, как источник постоянного стимулирования инициативы, предприимчивости, изобретательности. Но конкуренция в какой-то степени сохраняла такие прогрессивные черты лишь до эпохи империализма. Что касается конкуренции в условиях империализма, то В. И. Ленин писал: «...Капитализм давно заменил мелкое товарное самостоятельное производство, при котором конкуренция могла в сколько-нибудь *широких* размерах воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина, крупным и крупнейшим фабричным производством, акционерными предприятиями, синдикатами и другими монополиями. Конкуренция при *таком* капитализме означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина *массы* населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, деспотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы»[5].

Развитие концентрации производства, породившее монополии,— гигантский шаг вперед в обобществлении производства. Место мелкого производства занимает крупное. Гигантские заводы вытесняют мелкого предпринимателя. Все дальше идет специализация производства, связывая воедино многочисленные предприятия и отрасли хозяйства. Все яснее и яснее становится общественный характер производства. Но предприятия продолжают оставаться частной собственностью отдельных лиц или капиталистических групп, которые заинтересованы только в извлечении высоких прибылей. Гнет немногих монополистов над всем населением становится невыносимым. Противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением результатов производства обостряется до крайних пределов.

Финансовый капитал

Концентрация производства сопровождается концентрацией и централизацией банковского капитала. Это приводит к образованию банковских монополий и к коренному изменению роли банков.

«По мере развития банкового дела,— писал В. И. Ленин,— и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в всесильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм...»[6]

Банки становятся совладельцами промышленных предприятий. В свою очередь монополистический промышленный

капитал внедряется в банковское дело. Происходит сращивание монополистического банковского и монополистического промышленного капитала, в результате чего возникает финансовый капитал.

Магнаты финансового капитала, контролирующие крупнейшие промышленные предприятия и банки, являются одновременно и промышленниками и банкирами.

«Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»[7].

В процессе образования финансового капитала, сплетения, сращивания банков с промышленностью большую роль сыграло создание акционерных обществ. Они начали возникать до наступления эпохи империализма, но стали характерной формой капиталистических предприятий в эпоху империализма.

Капитал акционерной компании образуется из капиталов лиц, приобретающих ее акции. Акции представляют собой ценные бумаги, дающие право на получение известной доли прибыли. Цена акции определяется прежде всего величиной ожидаемого дивиденда (дохода, который она может принести). Владелец акций (акционер) может продать свои акции на фондовой бирже, т. е. на рынке, где осуществляется торговля акциями и другими ценными бумагами и устанавливаются курсы (цены) разных видов ценных бумаг. Акционерное общество управляется формально всеми акционерами. Все вопросы решаются большинством голосов. Но голоса дают акции. Чем больше акций, тем больше голосов. Поэтому заправляет всеми делами акционерного общества тот капиталист или та группа капиталистов, которым принадлежит значительное количество акций, так называемый контрольный пакет акций.

В акционерном предприятии множество индивидуальных капиталов превращается в один объединенный капитал. В результате централизации капитала становится возможной организация и таких крупных предприятий, которые не могут быть созданы отдельными капиталистами.

В капитал акционерного общества вливаются средства и мелких акционеров — служащих, небольшой части рабочих и т. д. Крупнейшие компании имеют тысячи, а иногда десятки и сотни тысяч акционеров. Покупая несколько акций на 100—200—300 долл. и получая 5—10—15 долл. дивидендов в год, рабочий, естественно, не становится капиталистом, хозяином крупной фирмы. Какое влияние может он оказать на управление фирмой с многомиллионным капиталом? Он не может обычно даже участвовать в собраниях акционеров, так как на это нужно время, иногда деньги на проезд в дру-

гой город и т. п. Несколько десятков долларов дивидендов в год не изменяют классового положения мелкого акционера, не ослабляют его зависимости от компании, в которой он работает, не дают ему уверенности в завтрашнем дне.

Крупнейшим капиталистам, заправилам акционерных обществ, продажа мелких акций, увеличение числа акционеров очень выгодно. Это увеличивает капиталы, которыми они распоряжаются. Кроме того, чем больше мелких акционеров, тем меньше нужно иметь акций, для того чтобы располагать большинством голосов. Во многих современных компаниях контрольный пакет составляет 10—20% акций.

Господствуя в акционерном обществе, крупный капиталист (или группа капиталистов) использует его капиталы для укрепления своей финансовой мощи, для извлечения все больших и больших прибылей.

Крупный капиталист, скупая контрольный пакет акций, господствует над мощным акционерным обществом. Это акционерное общество скупает контрольный пакет акций другого общества, то — третьего, четвертого и так далее. В результате крупный капиталист распоряжается акционерным обществом, капитал которого во много раз превышает его собственный, и целой пирамидой компаний, подчиненных этому обществу. Вырастает так называемая система участий. Возможности обогащения, ограбления общества для крупного капитала здесь безграничны.

Небольшая кучка крупнейших магнатов финансового капитала превращается в *финансовую олигархию* и захватывает в свои руки господство над ключевыми позициями в экономике капиталистических стран. Власть финансовой олигархии чрезвычайно усиливается тем, что через систему акционерных обществ она распоряжается огромными чужими капиталами. Так, например, капитал, контролируемый Морганами, Рокфеллерами, Дюпонами, Меллонами и др., во много раз превосходит стоимость их собственного пакета акций. В 1956 г. собственный пакет акций Рокфеллеров составил 3,5 млрд. долл., а капитал подконтрольных компаний — 61 млрд. долл. Собственный пакет акций Дюпонов стоил в том же году немногим более 4,5 млрд. долл., а капитал компаний, подконтрольных Дюпонам,— 16 млрд. долл. Стоимость собственного пакета акций Морганов едва ли составляет более 5% капитала подконтрольных им компаний, исчисляемого громадной суммой в 65,3 млрд. долл.

Через систему подчиненных акционерных обществ финансовая олигархия осуществляет самые разнообразные и весьма прибыльные финансовые махинации. Громадные прибыли приносят учреждение новых акционерных компаний, дополнительный выпуск акций, реализация государственных займов, спекуляция земельными участками и т. п. В результате

все общество облагается данью, идущей в карманы монополистов.

«...XX век,— писал В. И. Ленин,— вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала» [8].

Вывоз капитала

Господство финансового капитала *внутри* наиболее развитых капиталистических стран неизбежно ведет к господству небольшого числа империалистических государств над всем капиталистическим миром. Важное орудие этого господства — вывоз капитала.

«Для старого капитализма,— писал В. И. Ленин,— с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз *товаров*. Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз *капитала*» [9].

Вывоз капитала есть помещение капитала за границей в целях присвоения прибавочной стоимости, созданной трудящимися другой страны. Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма и в них обеспечены элементарные условия для создания капиталистических предприятий с использованием местной дешевой рабочей силы. Необходимость вывоза капитала порождается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел».

Монопольное положение немногих, наиболее развитых империалистических стран, в которых накопление капитала достигает гигантских размеров, приводит к появлению в них громадного «избытка капитала». Капиталу недостает поприщ выгодного приложения внутри страны. Конечно, «избыток капитала» является относительным, а не абсолютным. Если бы капиталистические прибыли направлялись на повышение жизненного уровня трудящихся масс или на развитие земледелия, тогда не было бы и «избытка капитала». Но тогда и капитализм не был бы капитализмом.

Вывоз капитала осуществляется в двух формах: 1) в форме производительного капитала; 2) в форме ссудного капитала. Вывоз производительного капитала — это вложения в промышленность, транспорт, торговлю и т. д. Вывоз ссудного капитала осуществляется в форме государственных займов и частных кредитов.

Капитал вывозится в первую очередь в отсталые, колониальные и зависимые страны, где прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы. Так, в 1955 г. 77% всех прибылей «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» (нефтяной компании Рокфеллера) были получены от ее прямых вложений в странах Среднего и Ближнего Востока, Латинской Америки и др. Норма прибыли на

капитал, помещенный в этих странах, превзошла в 6 раз норму прибыли от капитала, помещенного внутри страны.

Характерной особенностью последних десятилетий стало то, что капитал вывозится не только в отсталые страны, но и в «старые» капиталистические государства. Так, например, 39% всех прибылей крупнейшей американской компании сельскохозяйственного машиностроения «Интернэшил харвестер» за 1956 г. были получены от ее операций за границей, главным образом в Западной Европе. Весьма значительны вложения крупных американских монополий в Англии, Западной Германии и Франции, велика задолженность этих стран по займам, полученным ими в США.

Иногда при вывозе капитала на первый план могут выступать политические мотивы. Роль политического фактора особенно усилилась после второй мировой войны. Вывоз капитала из США широко используется для поддержки сил реакции в других странах и «покупки» военных союзников.

До первой мировой войны главными странами, вывозившими капитал, были Англия, Франция и Германия. В период между двумя войнами США заняли первое место среди стран, вывозивших капитал. В настоящее время капиталы США, помещенные за границей, превосходят зарубежные вложения и кредиты всех остальных стран капиталистического мира, вместе взятых. Но между империалистическими державами идет ожесточенная борьба за сферы приложения капитала. В последние годы увеличивается, в частности, вывоз капитала из Англии и Западной Германии.

Вывоз капитала превращает большинство стран капиталистического мира в должников и данников нескольких империалистических государств, является орудием эксплуатации горсткой монополистов многомиллионных народов стран, в которые ввозится капитал.

Экономический раздел мира

Страны, вывозящие капитал, писал Ленин, поделили мир между собой в переносном смысле слова. Но финансовый капитал привел и к прямому разделу мира между союзами капиталистов[10].

Вывоз капитала и связанное с ним обострение конкурентной борьбы на мировом рынке толкают монополии к дележу сфер влияния во всемирном масштабе. Дело, естественно, приводит к образованию международных монополий. *Международные монополии* — это соглашения между крупнейшими монополиями различных стран о разделе рынков, ценах, размерах производства.

При капитализме мировой рынок, так же как и внутренний, делится «по капиталу», «по силе». Но соотношение сил монополий все время меняется. Каждая монополия постоянно

ведет борьбу за увеличение своей доли в мировых богатствах. Международные монополии отличаются непрочностью. Они не устраняют и не могут устранить ожесточенной конкурентной борьбы. Владелец английского Имперского химического треста Альфред Монд откровенно заявил еще в 1927 г.: «Картель, или объединение... в действительности есть не что иное, как перемирие в промышленной войне». Конкурентная борьба на мировом рынке в конечном итоге приводит к вооруженной борьбе между империалистическими государствами, выступающими в защиту интересов «своих» монополий.

Образование международных монополий является одной из форм хозяйственного сближения различных районов земного шара, к которому толкает разделение труда между странами. Но форма эта уродливая, противоречивая. Сближение осуществляется путем эксплуатации высокоразвитыми империалистическими державами отсталых стран и целых континентов. Такое сближение не может привести к мирному объединению всех стран под властью единого всемирного треста. Слишком остры противоречия в погоне за прибылью, слишком велики аппетиты монополий.

«Не подлежит сомнению,— писал В. И. Ленин,— что развитие идет в *направлении* к одному единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях,— отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр.,— что непременно *раньше,* чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультра-империалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность» [11].

Завершение территориального раздела мира и борьба за его передел

Наряду с экономическим разделом мира союзами капиталистов различных стран и в тесной связи с ним происходит территориальный раздел мира империалистическими государствами. Конец 19 и начало 20 века характеризуются завершением территориального раздела мира между несколькими крупнейшими державами.

В период с 1876 по 1914 г., т. е. в период возникновения, развития и утверждения капиталистических монополий, колониальные владения шести великих держав (Англия, Россия, Франция, Германия, Соединенные Штаты, Япония) увеличились на 25 млн. *кв. км,* что было в 1,5 раза больше площади самих метрополий. Три державы из шести названных, а именно: Германия, США и Япония — не имели в 1876 г. никаких колоний, а четвертая, Франция, почти не имела их.

К 1914 г. эти четыре державы приобрели колонии, площадь которых составляла 14 млн. *кв. км*, т. е. приблизительно раза в полтора больше территории Европы.

Из 133,9 млн. *кв. км* всей площади земли в 1914 г. на долю шести великих держав и их колоний приходилось 81,5 млн. *кв. км*, в том числе площадь колоний составила 65 млн. *кв. км*, т. е. почти половину всей территории земли. Из остальных 52,4 млн. *кв. км* на долю полуколоний (Китая, Персии и Турции) приходилось 14,5 млн. *кв. км*, на долю колоний малых государств (Бельгии, Голландии и др.) — 9,9 млн. *кв. км*. Таким образом, к 1914 г., когда господство монополий в главных капиталистических странах вполне утвердилось, на долю колоний и полуколоний приходилось 89,4 млн. *кв. км*, или две трети всей площади земли.

Территориальный раздел мира между великими державами оказался законченным. Получить новые колонии или сферы влияния теперь можно было, лишь отняв их у другой колониальной державы. Значение колоний для империалистических государств резко возросло. «Владение колонией одно,— писал В. И. Ленин,— дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником...» [12] Это объясняется следующими обстоятельствами.

Монополистическое господство всего прочнее, когда захватываются в одни руки все источники сырых материалов. Для финансового капитала имеют значение не только открытые уже источники сырья, но и возможные источники. Земли, непригодные сегодня, могут завтра оказаться пригодными. Отсюда неизбежное стремление финансового капитала к расширению контролируемой им хозяйственной территории и к территориальным захватам вообще. К завоеванию колоний толкают также интересы вывоза капитала. На колониальном рынке легче устранить конкурента. Стремление к колониальным захватам усиливается тем, что на путях колониальной экспансии финансовый капитал ищет выхода из обостряющихся классовых противоречий. Наконец, колонии интересуют империалистические государства и как военно-стратегические плацдармы.

В результате наступает эпоха борьбы за передел уже поделенного мира. Монополии, господствуя внутри страны, стремятся подчинить себе, сделать объектом самой зверской эксплуатации все остальные страны.

Для империализма типичны не только две основные группы стран — владеющие колониями и колонии,— но и зависимые страны, политически формально самостоятельные, а на деле опутанные сетями финансовой и дипломатической зависимости.

Не обладая формально-юридически ни одной сколько-нибудь значительной колонией, США в настоящее время —

фактически самая большая колониальная держава. Вкладывая капиталы, предоставляя кабальные займы, заключая неравноправные договоры, монополии США подчинили своему контролю экономику и природные богатства многих стран американского континента. Венесуэльская нефть, чилийская медь, боливийское олово, бразильское железо и кофе являются собственностью монополий США. Страны Латинской Америки используются США как источник стратегических материалов, плацдарм для военных баз. Американские монополии владеют примерно двумя третями нефти на Ближнем и Среднем Востоке, где сосредоточено около двух третей разведанных запасов нефти всего капиталистического мира. Американские и отчасти английские монополии загребают в этом районе мира огромные прибыли, оставляя на долю арабов «ухо от верблюда», как говорится в арабской пословице. США опутали сетями финансовой, военной и политической зависимости большинство стран капиталистического мира, угрожая национальной независимости не только отсталых, но и развитых капиталистических стран.

Неравномерность, скачкообразность развития главных империалистических стран приводит к тому, что колониальные владения той или иной державы перестают соответствовать ее экономической и военной мощи. Результатом является усиление борьбы за передел колониальных владений. К 1914 г. колониальные владения Англии составили 33,5 млн. *кв. км,* они были в 11,5 раза больше колониальных владений Германии и в 112 раз больше колониальных владений США. Между тем по экономической мощи не только США, но и Германия к тому времени уже успели обогнать Англию. Доля США в мировой промышленной продукции составила в 1913 г. примерно 36%, доля Германии — 16, а доля Англии — 14%. По темпам роста производства в начале 20 столетия значительно превзошла Англию и Япония. Площадь же японских колоний не составляла и сотой доли колониальных владений Англии. Это несоответствие между экономической мощью и темпами развития отдельных стран, с одной стороны, и распределением колоний и «сфер влияния» — с другой, явилось одной из главных причин первой мировой войны.

Ленин указывал, что к началу 20 века «капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли» [13]. С окончанием раздела мира сложилась колониальная система империализма, являющаяся частью мировой системы капитализма.

Колониальная система составила один из важнейших устоев империализма. Монопольно высокие прибыли, сырье,

дешевая рабочая сила, пушечное мясо — все это поставляли колонии.

Закономерный результат угнетения и финансового удушения мировым империализмом колоний и зависимых стран — их экономическая отсталость. Гнет монополий исключает возможность всестороннего экономического развития колоний и отсталых стран.

2. Империализм как паразитический или загнивающий капитализм

Монополии неизбежно приводят к загниванию капитализма. Всякая монополия, учил Ленин, при частной собственности на средства производства порождает *тенденцию* к застою и загниванию или паразитизму [14].

Тенденция к задержке развития производительных сил

Монополия тормозит развитие производительных сил и технический прогресс. «Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены,— писал В. И. Ленин,— постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс» [15].

Капиталисты внедряют новую технику ради извлечения сверхприбылей. Но если эти сверхприбыли могут быть получены благодаря монопольному положению на рынке, то, естественно, ослабевают и стимулы к обновлению техники. При домонополистическом капитализме капиталист добивался победы над конкурентом главным образом путем улучшения методов производства, снижения издержек производства и цен. Чтобы сохранить свои позиции на рынке, капиталист вынужден был заменять старую технику новой, совершенствовать производство. Превращение свободной конкуренции в монополию круто меняет положение. Появляются новые, свойственные империализму методы извлечения монопольно высокой прибыли. Монополия удерживает и усиливает свои позиции, как правило, не прибегая к снижению цен. Расправа с конкурентами производится методами прямого давления и всевозможных финансовых махинаций (лишение кредита, лишение сырья, объявление бойкота и т. д.).

Монополии часто искусственно ограничивают производство тех или иных товаров ради поддержания высокого уровня цен и прибылей. Это, естественно, является важным препятствием на пути технического прогресса. Мешает прогрессу техники и стремление сохранить старое оборудование, в которое были вложены огромные капиталы. Только в том случае, когда экономия в результате внедрения новой техники может

перекрыть убытки от обесценения старых вложений или когда речь идет о новых предприятиях и новых отраслях, в которых старые вложения относительно невелики, технический прогресс осуществляется без задержек.

Многие буржуазные экономисты, признавая задержку монополиями технического прогресса, ратовали за возврат к эпохе свободной конкуренции. В. И. Ленин вскрыл всю несостоятельность упований и надежд на возврат к прошлому. «Если даже монополии стали теперь замедлять развитие,— писал В. И. Ленин,— все-таки это не довод за свободную конкуренцию, которая невозможна после того, как она родила монополии» [16].

Торможение развития производительных сил становится, таким образом, тенденцией монополистического капитализма. Эта тенденция проявляется прежде всего в том, что монополии прямо задерживают технический прогресс. Далее, она проявляется в углублении разрыва между возможностями науки и техники и степенью использования этих возможностей, в неравномерном развитии техники по странам и отраслям. Наконец, эта тенденция проявляется и в том, что люди — главная производительная сила — в эпоху империализма все в большей степени отрываются от общественно полезного труда, от создания материальных ценностей. Растет безработица при недогрузке производственных мощностей. Растет число рабочих и служащих, не создающих материальных ценностей, занятых в сфере обращения, в государственном аппарате, в армии, в сфере личных услуг.

Однако развитие производительных сил в условиях империализма отнюдь не прекращается. Монополия никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренцию. Технический прогресс позволяет монополиям добиваться резкого снижения издержек производства. Путем некоторого снижения продажной цены на продукцию удается вытеснить конкурентов. Закрывая конкурентам доступ к техническим достижениям, к новым методам производства, монополия может получить монопольно высокую прибыль и в условиях понижающихся цен.

Капиталистические монополии имеют огромные преимущества в использовании новой техники и достижений науки по сравнению с предприятиями менее крупного масштаба, не говоря уже о средних и мелких предприятиях. Известно, например, что научно-исследовательские работы в различных отраслях хозяйства ведутся в основном крупными компаниями. За небольшим исключением, мелкие фирмы не обладают такими финансовыми ресурсами, которые позволяли бы им содержать исследовательские организации. Происходит монополизация технических изобретений и усовершенствований.

Таким образом, тенденция к задержке технического прогресса отнюдь не исключает в отдельные периоды быстрого совершенствования техники, развития производительных сил.

«Было бы ошибкой думать,— писал В. И. Ленин,— что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций» [17].

Рост слоя рантье

Паразитизм в эпоху империализма находит яркое проявление в росте слоя рантье — лиц, владеющих ценными бумагами (акциями, облигациями) и живущих «стрижкой купонов». Развитие акционерных компаний отстраняет подавляющую массу капиталистов от участия в управлении производством.

Финансовая олигархия, захватившая в свои руки ключевые позиции в экономике капиталистических стран, как правило, сама не принимает участия в управлении сотнями и тысячами контролируемых ею промышленных компаний, банков, железных дорог и других предприятий. «Деятельность» финансовых групп все более сводится к тому, чтобы расширять свое господство путем приобретения контрольных пакетов акций все новых и новых компаний и различных финансовых махинаций. Непосредственное руководство предприятиями постепенно переходит в руки наемных управляющих.

Расширяется и прослойка людей, занятых обслуживанием паразитических прихотей эксплуататоров. Растет подчиненный монополиям государственный аппарат, полиция, армия.

Происходит превращение отдельных империалистических стран в государства-рантье. Это результат роста вывоза капитала, который дает возможность странам-кредиторам извлекать огромные доходы из стран-должников. Доход от капитала, помещенного Англией за границей, перед первой мировой войной впятеро превышал доход от внешней торговли этой в то время самой торговой страны мира. Ныне самой мощной торговой страной капиталистического мира являются США. Тем не менее решающую роль во внешнеэкономической экспансии США играет не вывоз товаров, а вывоз капитала. Соединенные Штаты Америки выступают в качестве самого крупного мирового кредитора.

Политическая реакция

Капитализм победил феодализм под знаменем свободы, равенства и братства. Буржуазная демократия как форма политического господства удовлетворяла домонополистический капитализм. Положение изменилось с переходом к империализму. Образование монополий означало переход от отношений свободной конкуренции к отношениям господства и связанного с ним насилия.

Монополии стали хозяевами экономической жизни. Но, господствуя в экономике, монополии стремятся захватить и политическое господство, поставить себе на службу аппарат буржуазного государства. Захватив в свои руки власть, монополии чаще всего отбрасывают методы буржуазной демократии и обращаются к политической реакции. В политической реакции ярко проявляется загнивание капитализма. В то же время поворот к политической реакции является следствием загнивания капитализма, результатом того, что капиталистический способ производства перестал развиваться по восходящей линии, что в эпоху империализма капиталистические отношения стали тормозом развития производительных сил.

Характерным примером наступления политической реакции является фашизм — террористическая диктатура монополистической буржуазии и помещиков. Фашизм означает зверское подавление рабочего и крестьянского движения, беспощадную расправу с пролетарскими и другими демократическими партиями и общественными организациями, милитаризацию страны, осуществление политики военных авантюр. Перед второй мировой войной по пути фашизма пошли Германия, Италия, Япония, Испания, Португалия и ряд других стран. После войны тенденции к фашизации выявились в Соединенных Штатах Америки, в Федеративной Республике Германии, во Франции и в других странах.

Усиление реакционности империализма проявляется в милитаризации экономической и политической жизни, увеличении влияния церкви (особенно католической), расизме.

Политическая реакция есть следствие обострения всех капиталистических противоречий в эпоху империализма. В свою очередь она еще больше обостряет эти противоречия. Монополии стремятся лишить трудящихся всех демократических завоеваний. Это вызывает ожесточенное сопротивление масс. Поэтому для эпохи империализма характерен рост демократических устремлений в массах. На политической арене капиталистических стран трудящиеся выступают борцами за политическую демократию, против реакционной власти и политики монополий.

«Рабочая аристократия»

Характерное проявление загнивания капитализма — систематический подкуп монополистической буржуазией определенных групп рабочих. Империалисты заинтересованы в том, чтобы выделить среди рабочих привилегированную прослойку и отделить ее от широкой массы пролетариата. Само по себе это явление не новое. Подкуп отдельных представителей и отдельных групп пролетариата как метод борьбы с рабочим движением существует с тех пор, как существует капитализм. Однако в определенных условиях появляется экономическая

основа для создания целой привилегированной прослойки в рабочем классе — «рабочей аристократии». Впервые она была создана в Англии еще в период домонополистического капитализма. Англии, в отличие от других стран, уже с середины 19 века были присущи две черты империализма: колониальная монополия и эксплуатация других стран в силу господствующего положения на всемирном рынке. Это давало английской буржуазии сверхприбыли, часть которых шла на подкуп верхушки рабочего класса. Представители этой привилегированной верхушки и образовали особый социальный слой — «рабочую аристократию», которую буржуазия стремилась противопоставить основной массе рабочих, используя ее как свою политическую опору внутри рабочего класса.

Господство монополий, вывоз капитала в отсталые страны, колониальная политика привели к созданию «рабочей аристократии» во всех империалистических державах. Формы подкупа использовались различные: повышение заработной платы отдельным группам рабочего класса, предоставление выгодных государственных постов продажным лидерам рабочего движения, прямое субсидирование реформистских организаций и т. п.

«Рабочая аристократия» — социальная основа оппортунизма в рабочем движении. Оппортунизм есть приспособление рабочего движения к интересам буржуазии, курс на сотрудничество с буржуазией, на раскол рабочего движения. Оппортунисты стремятся отвлечь рабочих от классовой борьбы проповедью единства классовых интересов пролетариата и буржуазии, возможности «улучшения» капитализма путем реформ. Оппортунисты — агентура буржуазии в рабочем движении.

Но оппортунизм в рабочем движении не может бесконечно задерживать рост классового самосознания пролетариата и классовой борьбы, «ибо тресты, финансовая олигархия, дороговизна и проч.,— писал В. И. Ленин,— *позволяя* подкупать горстки верхов, все сильнее давят, гнетут, губят, мучают *массу* пролетариата и полупролетариата» [18].

3. Империализм как умирающий капитализм

Монополистический и паразитический капитализм есть вместе с тем *умирающий* капитализм.

В. И. Ленин писал: «Понятно, почему империализм есть *умирающий* капитализм, *переходный* к социализму: монополия, вырастающая *из* капитализма, есть *уже* умирание капитализма, начало перехода его в социализм» [19].

Наряду с созданием материальных предпосылок для социализма характерную черту империализма как умирающего

капитализма В. И. Леиии видел в том, что империализм создает и политические предпосылки для социализма, доводя до крайних пределов все противоречия капитализма. Тем самым В. И. Леиин подчеркнул, что беспочвенна иадежда оппортуиистов как на «эволюцию» капитализма в социализм, так и на его «автоматический крах». Империализм гибнет под тяжестью своих собственных преступлений. Его ликвидируют трудящиеся массы, поднявшиеся на борьбу за победу социалистической революции. В. И. Ленин пришел к научно обосиованному выводу, что империализм — *канун социалистической революции.*

Создание материальных предпосылок социализма

В период империализма складываются материальные предпосылки для перехода к более высокому общественно-экономическому укладу, т. е. к социализму. «Когда крупное предприятие становится гигантским,— писал В. И. Ленин,— и планомерно, на основании точного учета массовых даиных, оргаиизует доставку первоначального сырого материала в размерах: $^2/_3$ или $^3/_4$ всего необходимого для десятков миллионов иаселеиия; когда систематически организуется перевозка этого сырья в иаиболее удобные пункты производства, отделенные иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательиой обработки материала вплоть до получения целого ряда разиовидиостей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей (сбыт керосина и в Америке и в Германии американским «Керосиновым трестом»); — тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства, а вовсе не простое «переплетение»; — что частно-хозяйственные и частио-собственнические отиошения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнивать, если искусственно оттягивать ее устранение,— которая может оставаться в гниющем состоянии сравиительно долгое... время, но которая все же неизбежно будет устранена» [20].

Гигантское обобществлеиие производства в период империализма и есть создание материальных предпосылок социализма.

Однако нельзя путать материальные предпосылки социализма с самим социализмом. Социализм возникает лишь в результате завоевания рабочим классом политической власти, ликвидации частной собственности на средства производства и замены ее общественной собственностью. Смена капитализма социализмом невозможна в порядке эволюционного развития. Она происходит через революцию, через революционный скачок, для которого недостаточно одиих лишь ма-

териальных предпосылок, а необходим еще целый ряд объективных и субъективных условий.

Обострение капиталистических противоречий

Империализм есть умирающий капитализм также и в силу того, что он до крайности обостряет все противоречия капитализма.

Прежде всего обостряется основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Концентрация производства и рост монополий означают дальнейшее развитие общественного характера производства. Но присвоение при этом остается частным. Основное противоречие капитализма с развитием монополистического капитализма все больше и больше обостряется.

На этой основе обостряются все противоречия капитализма, наиболее важными из которых являются: противоречия между трудом и капиталом; противоречия между угнетенными народами зависимых стран и эксплуатирующими их империалистическими державами; противоречия между самими империалистическими державами.

Обострение противоречий приближает социалистическую революцию и крах капитализма.

Закон неравномерности экономического и политического развития

При капитализме предприятия, отрасли хозяйства, страны не могут развиваться равномерно. Частная собственность на средства производства, анархия производства и конкуренция делают неизбежным неравномерное развитие капиталистического хозяйства: одни капиталистические предприятия, отрасли, стра́ны отстают, другие вырываются вперед. В эпоху свободной конкуренции, когда не было монополий, капитализм развивался сравнительно плавно. Для того чтобы одни страны опередили другие, требовалось длительное время. Еще существовали громадные свободные территории, которые можно было превращать в колонии. Рост экономической мощи сопровождался захватом этих не занятых капиталистическими державами земель. Дело обходилось в тот период без крупных военных столкновений между ними. Действие присущего капитализму закона неравномерности развития не приводило к мировым войнам. Это было время относительно мирного развития капитализма.

Понадобились многие десятилетия, чтобы Англия завоевала промышленное превосходство, оттеснила своих конкурентов — Голландию, а затем Францию — и утвердила за собой место первой державы мира. В середине 19 века она была «мастерской всего мира», поставщицей промышленных изделий во все страны, которые должны были в обмен снабжать ее сырьем и продовольствием. В 1850 г. доля США в

мировой промышленной продукции составляла 15%, а доля Англии — 39%. Что касается Германии, то до 70-х годов прошлого столетия ее мощь как индустриальной страны не шла ни в какое сравнение с могуществом Англии.

Дело коренным образом изменилось с переходом к империализму. В последней четверти 19 века монополия Великобритании оказалась подорванной. Это было вызвано более быстрым развитием таких капиталистических стран, как США, Германия, а затем и Япония. Развитие Англии и Франции с начала 70-х годов замедляется: за период с 1870 по 1913 г. вся мировая промышленность увеличилась почти в четыре раза, в том числе промышленность США — в девять раз, Германии — почти в шесть раз, Франции — втрое, а Англии — только в 2,25 раза. Накануне первой мировой войны Германия обогнала Англию и Францию по объему промышленной продукции. Доля США в мировой промышленной продукции превзошла долю Англии и Германии, вместе взятых.

Столь стремительное опережение одними странами других стало возможным в конце 19 и в начале 20 века благодаря небывалому развитию техники, росту концентрации производства и капитала, развитию монополий. Страны, позже других вставшие на путь капиталистического развития, используют готовые результаты технического прогресса, быстрее развивают новые отрасли промышленности. В то же время в странах «старого» капитализма раньше начинает проявляться тенденция к загниванию, к торможению развития производительных сил. Результатом является скачкообразное развитие одних стран, задержка развития других. Старое распределение колоний и сфер влияния уже не соответствует новому соотношению сил. Страны, выходящие вперед, становятся на путь вооруженной борьбы за передел уже поделенного мира, за захват колоний. Результатом является громадный рост противоречий между империалистическими странами, ослабление фронта империализма, появление в цепи империализма слабых звеньев.

Неравномерность экономического развития в эпоху империализма связана с неравномерностью и политического развития, т. е. разновременностью созревания политических предпосылок победы социалистической революции. В. И. Ленин говорил, что «пролетарская революция растет во всех странах неравномерно, так как все страны стоят в разных условиях политической жизни, и в одной стране слишком ослаблен пролетариат, а в другой — он сильнее. Если в одной стране верхушечная группа пролетариата слаба, то в других странах бывает так, что на время буржуазии удается расколоть рабочих, как это случилось в Англии и Франции,— вот почему пролетарская революция развивается неравномерно...» [21]

Анализ изменений в характере действия закона неравномерности развития капиталистических стран в эпоху империализма дал В. И. Ленину основание прийти к выводу о невозможности одновременной победы революции во всех странах и, наоборот, о возможности победы революции первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой, стране. Это была новая теория социалистической революции. Маркс и Энгельс, изучая домонополистический капитализм, пришли к выводу, что революция может победить только одновременно во всех или в главных капиталистических странах. С переходом к империализму положение изменилось. Рост империалистических противоречий и разновременность вызревания революции в разных странах сделали возможным прорыв цепи империализма первоначально в ее наиболее слабом звене.

Жизнь целиком подтвердила правильность ленинской теории социалистической революции.

4. Начало общего кризиса капитализма

На стадии империализма капитализм неизбежно вступает в эпоху своего общего кризиса. Что же означает понятие «общий кризис капитализма»?

Как уже указывалось в главе 8, капитализму присущи периодические экономические кризисы, которые являются его врожденным органическим пороком. Общий кризис отличается от них тем, что это всеохватывающий кризис капитализма как социальной системы. Это такое ее постоянное состояние, которое характеризуется прогрессирующим разложением капитализма, ослаблением всех его внутренних сил: экономических, политических и идейных. Общий кризис — не случайность, не зигзаг истории, не плод ошибок буржуазных лидеров, а неизбежное и закономерное состояние капитализма в эпоху его упадка и разложения. В условиях общего кризиса капитализма эта система уже не может удержать под своим господством народы, которые один за другим вырываются из-под ига капитала и вступают на путь социализма. Вот почему эпоха общего кризиса есть эпоха крушения капитализма и замены его социализмом, эпоха развертывания социалистических революций и национально-освободительных движений против империализма.

Идеологи империализма считают, что если бы удалось предотвратить победу социалистических революций и подавить коммунистическое движение, то капитализм сохранил бы устойчивость и незыблемость, как единственно возможный общественный строй. Они видят источник трудностей капитализма главным образом лишь в воздействии сил,

находящихся за пределами капиталистической системы. Даже те из них, которые признают факт общего кризиса капиталистической системы, объясняют его лишь существованием социалистической системы, кознями коммунистов, стремящихся свергнуть капитализм. Коммунистическое движение, являющееся закономерным результатом развития классовой борьбы, они рассматривают как движение, инспирируемое извне и организуемое так называемыми «иностранными агентами». Между тем общий кризис капитализма порожден развитием *внутренних* противоречий империализма. Он обостряется и углубляется прежде всего под воздействием собственных антагонизмов капиталистического общества. Внешние условия — существование и рост социалистической системы — способствуют более быстрому вызреванию этих антагонизмов, но не являются их первопричиной.

Общий кризис капитализма уже невозможно было предотвратить после того, как империалистические страны развязали мировую войну, вызвавшую катастрофические потрясения, которые оказались роковыми для капитализма. Первая мировая война дала мощный толчок всем внутренним процессам, увлекающим капитализм к общему кризису. Она ускорила процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм * и назревание социалистической революции. С победой первой социалистической революции — Великой Октябрьской революции в России — этот кризис развернулся в полную силу.

Капитализм перестал быть единственной и всеохватывающей социально-экономической мировой системой. На одной шестой части земного шара начался переход к социализму. Борьба капитализма и социализма стала главным содержанием мировой истории.

Условия существования империализма серьезно изменились. Прежде всего империализм столкнулся с новыми серьезными экономическими трудностями. Отпадение от капиталистической системы такой огромной страны, как Россия, национально-освободительная борьба в ряде колоний, усиление гнета монополий и связанное с этим ухудшение материального положения трудящихся империалистических стран вызвали дальнейшее обострение проблемы рынков.

Из-за относительной узости рынка, по сравнению с ростом производственных мощностей, в период между двумя мировыми войнами образовалась хроническая недогрузка предприятий и хроническая массовая безработица. Резко замедлились темпы роста производительных сил. Загнивание и паразитизм капитализма все ярче проявлялись в самых различных областях.

---

* См. об этом в главе 10.

С началом общего кризиса стало очевидным и серьезное политическое ослабление империализма. Это особенно ярко проявилось в бурном подъеме революционной борьбы рабочего класса в капиталистических странах. Вслед за Октябрьской революцией в России волна революционных выступлений трудящихся прокатилась по многим государствам Европы (Германия, Австрия, Венгрия, Финляндия, Болгария). Хотя эти выступления и были зверски подавлены буржуазией, они подняли рабочее движение на новую ступень. Огромного размаха достигло забастовочное движение.

Политическое ослабление капитализма вызвало дальнейший и еще более резкий рост реакционности империалистической буржуазии. Вступив в эпоху общего кризиса, капитализм стал все чаще и во все более широких масштабах применять самые крайние методы террористической расправы над трудящимися. В отдельных странах это нашло свое выражение в установлении фашистского режима, по жестокости и кровожадности превзошедшего все, что было известно истории.

Начало общего кризиса ознаменовалось усилением агрессивности империализма и дальнейшим обострением противоречий между империалистическими державами, а также между горсткой монополистических хищников и всем остальным миром. Не успев выйти из войны, которая подвела его вплотную к общему кризису, империализм очертя голову бросился в новые авантюры — в интервенцию против Советской России, в кровавые походы против народов колониальных стран, в гражданские войны против своих народов. Обострившаяся неравномерность развития империалистических стран толкала на еще более ожесточенную борьбу за источники сырья и рынки сбыта. Росту милитаризма способствовали и экономические трудности империалистической буржуазии, попытавшейся в таких странах, как Германия и Япония, найти выход из кризиса на рельсах милитаризации хозяйства. Подготовка к новым войнам стала основным занятием монополистических воротил и верных им буржуазных политиков.

Экономические и политические перемены, связанные с началом общего кризиса капитализма, привели к дальнейшему падению престижа этой социальной системы в глазах широких масс. Естественным результатом этого было *идеологическое ослабление капитализма,* чему способствовали и изменения, которые претерпело само мировоззрение буржуазии. Как отражение положения умирающего класса на исторической арене, в нем все большее распространение получали идеи упадка, пессимизма. В идеологии империализма со всей силой обозначился поворот к крайней реакции, человеконенавистничеству, возрождению средневекового мракобесия, осо-

бенно ярко воплотившегося в «идейном» арсенале фашизма. А это в свою очередь привело к еще большему ослаблению притягательной силы буржуазных идей в массах.

Общий кризис капитализма развивался, таким образом, по всем направлениям.

Наиболее агрессивные группы монополистической буржуазии попытались найти выход из кризиса в применении голой силы, прежде всего в новой мировой войне.

ГЛАВА 10

ИМПЕРИАЛИЗМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Вторая мировая война по-разному окончилась для империалистических стран: одни страны оказались в числе победителей, другие — в числе побежденных, одни страны вышли из войны усилившимися, а другие — ослабленными. Но для империалистической системы в целом война завершилась крупным поражением. Война не только не смогла вывести капитализм из состояния общего кризиса, но, напротив, привела к огромному обострению и углублению этого кризиса, открыла его новый этап.

1. Новый этап общего кризиса капитализма

Каковы наиболее характерные черты нового этапа общего кризиса капитализма?

Во-первых, существенное изменение соотношения сил между системой социализма и системой империализма, прежде всего за счет отпадения от капитализма ряда стран Европы и Азии и превращения социализма в мировую систему.

Во-вторых, далеко зашедший распад колониальной системы империализма и обострение противоречий между империалистическими державами, с одной стороны, и колониальными, полуколониальными и бывшими колониальными странами — с другой.

В-третьих, нарастание новых противоречий внутри империалистического лагеря, прежде всего между США и другими развитыми капиталистическими странами, вследствие усиленной экспансии американского империализма, его борьбы за мировое господство.

В-четвертых, дальнейшее углубление и расширение классовых антагонизмов в странах развитого капитализма.

В период между первой и второй мировыми войнами социалистическая общественная система была представлена

единственной страной, в которой проживало около 8% населения земли и которая, подобно осажденной крепости, была окружена со всех сторон враждебными капиталистическими державами.

После второй мировой войны в результате победы народно-демократических революций на путь социализма вступил ряд стран Европы и Азии, в том числе такая огромная страна, как Китай. Социалистический лагерь охватывает сегодня 35% населения земли, т. е. около 1 млрд. человек.

В результате распада колониальной системы из прямого подчинения империалистам освободились страны, население которых превышает 1200 млн. человек. Десятки колониальных и зависимых стран обрели национальную независимость. В колониях, протекторатах и на подопечных территориях, где еще безраздельно господствуют империалистические хищники, проживает теперь немногим более 150 млн. человек.

Сфера империалистической экспансии после второй мировой войны значительно сузилась. Сам империалистический лагерь, еще недавно подчинявший себе пять шестых земного шара, охватывает ныне страны с населением около 500 млн. человек.

Таким образом, сейчас еще яснее, чем раньше, видно, что общий кризис капитализма — это прежде всего кризис империалистической системы, из-под гнета которой освобождаются все новые и новые страны.

Социалистические страны образовали могучий лагерь, который обладает всем необходимым, чтобы защищать себя от агрессивных происков империалистической реакции, а также помогать быстрому экономическому, социальному и культурному развитию других народов, вырвавшихся из-под империалистического гнета.

Империалисты не примирились с этими историческими переменами. Немедленно после окончания войны они начали лихорадочную гонку вооружений в целях подготовки новой мировой бойни, развязали «холодную войну» против стран социализма. Новый этап общего кризиса капитализма — это этап усилившейся агрессивности империализма, обострения военной угрозы, нависшей над миром.

В условиях углубившегося общего кризиса новые, еще более острые формы принимает неравномерность развития капитализма. В результате второй мировой войны прежнее соотношение сил между капиталистическими державами резко нарушилось. Позиции побежденных стран (Германии, Японии, Италии) оказались подорванными. Серьезно ослабленными вышли из войны и некоторые капиталистические державы-победительницы (Англия, Франция). Зато Соединенные Штаты Америки, усилив свои позиции, добились руководящего положения в капиталистическом мире. Их мо-

нополии взяли курс на усиление своей экономической и политической экспансии повсюду, где они не встречают решительного сопротивления. США стремятся подчинить себе и старые капиталистические страны, не исключая своих империалистических союзников.

Возросшие экономические затруднения империалистической системы, а также многочисленные политические факторы, о которых речь пойдет ниже, вызвали новое обострение классовых антагонизмов в странах, где господствуют монополии. Социальная база господства монополистической буржуазии сузилась. Классовая борьба трудящихся против империалистов стала не только более решительной и организованной, но и еще более широкой.

В основе всех перечисленных противоречий современного империализма лежит углубление основного противоречия капитализма — между общественным характером производства и частным характером присвоения. Сужение сферы империалистической эксплуатации, обострение классовых антагонизмов и противоречий между империалистическими державами — все это создало новые трудности на пути дальнейшего развития производительных сил в условиях сохранения частной собственности и анархии производства. Рост производительных сил все более настоятельно требует освобождения от оков капиталистической собственности. В обстановке нового резкого углубления и обострения противоречий, характеризующих современный этап общего кризиса капитализма, монополии уже не могут обеспечить свое господство прежними средствами. Отсюда крутой поворот к новым, государственно-монополистическим формам господства капитала.

2. Государственно-монополистический капитализм

Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм

Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм означает соединение силы капиталистических монополий с силой государства при подчинении государства крупнейшим капиталистическим корпорациям. Со времени второй мировой войны государственно-монополистический капитализм утвердился в главных империалистических странах и в той или иной мере пустил корни во всех развитых капиталистических странах.

Разумеется, государственно-монополистический капитализм ни в одной стране не может охватить и перестроить все звенья экономики. Рядом с ним, как и вообще рядом с монополистическим капитализмом, продолжают существовать и немонополистические, средние и мелкие, предприятия, сохра-

няется в большем или меньшем объеме мелкая буржуазия города и деревни, а кое-где с ним уживаются даже пережитки докапиталистических форм эксплуатации. Но рост государственно-монополистического капитализма — это то новое и важнейшее явление в современном капитализме, на изучение которого следует обратить особое внимание.

Развитие государственно-монополистического капитализма — сложный и многосторонний процесс, охватывающий как экономику, так и политику.

Монополии, ставшие господствующей экономической силой еще в начале 20 века, с первых же своих шагов наживались за счет государственных заказов и добивались приспособления к своим корыстным интересам таможенного законодательства, государственного кредита, системы субсидий, налоговых льгот и т. д. Однако до вступления капиталистической системы в период ее общего кризиса расширенное воспроизводство капитала осуществлялось монополиями в основном без посредничества и прямого участия государства. Капиталистическая система в целом обладала еще достаточной устойчивостью, чтобы обходиться без государственных подпорок.

Положение изменилось с вступлением капитализма в эпоху его общего кризиса. Такие сильные потрясения капиталистической системы, как мировые войны, экономические и политические кризисы, показали господствующим монополиям, что старыми методами они хозяйничать не могут. Чтобы обеспечить функционирование производственной, финансовой и торговой машины капиталистических корпораций, необходима была смычка их мощи с огромной силой государства.

Первая волна государственно-монополистического капитализма поднялась в период мировой войны 1914—1918 гг. В. И. Ленин писал, что это произошло в силу давления обстоятельств, вызванных войной. Наиболее далеко это развитие зашло тогда в Германии. Но В. И. Ленин считал государственно-монополистические мероприятия военного времени не случайными, не преходящими явлениями. Он увидел в них исторически закономерный, неизбежный процесс, лишь ускоренный действием войны. В. И. Ленин уже тогда, в 1917 г., развил характеристику империализма, подчеркивая, что империализм является не только эпохой гигантских монополий, но что это «эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм...»[1]

Важным фактором развития государственно-монополистического капитализма был мировой экономический кризис 1929—1933 гг., который сильно потряс мировую экономику капитализма. Кризис развивался в условиях, когда в Советском Союзе успешно осуществлялся первый пятилетний

план, демонстрировавший поразительные преимущества социалистического планового хозяйства. Для спасения крупнейших монополий от кризиса были тогда предприняты государственные мероприятия, которые изображались как успешная попытка «регулировать» капиталистическую экономику и внедрить в нее «плановые» начала. С тех пор система противокризисных государственно-монополистических мероприятий стала составной частью деятельности империалистической государственной машины. Функция охраны крупных капиталистов от экономических кризисов была возложена на государство в законодательном порядке.

Под предлогом борьбы с кризисами и «планирования» экономики монополистический капитал нашел новые средства обогащения за счет государственной казны. В порядке организации «общественных работ» государство строит дороги, чтобы снизить транспортные издержки монополий, сооружает электростанции, чтобы снизить их издержки на электроэнергию. Под видом ликвидации «излишков» продукции государство покупает у монополий не находящие сбыта товары, сосредоточивая их на складах или попросту уничтожая. Оно также предоставляет монополиям кредиты и субсидии на сбыт таких товаров на внешних рынках по искусственно пониженным, демпинговым, ценам. Совершенно ясно, что такие мероприятия лишь усиливают паразитизм монополистического капитала.

В фашистской Германии слияние власти финансовой олигархии с властью государства было доведено до крайних пределов. Каждый крупный капиталист на своем предприятии получал права представителя государственной власти. Государственные органы, включавшие представителей крупного капитала, осуществляли руководство целыми отраслями хозяйства. Они определяли заказы концернам, устанавливали цены, распределяли сырье. Государство стало орудием дальнейшей централизации капитала. Были приняты законы о ликвидации и присоединении к крупным концернам всех мелких акционерных обществ. Фашистское государство зверски подавило сопротивление пролетариата монополиям, разогнало профсоюзы и политические партии рабочего класса. Государственно-монополистический капитализм показал здесь свой хищный облик во всей его неприглядности.

Вторая мировая война еще больше ускорила в империалистических странах перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический. Тесное переплетение всесильных монополий с государством, возникшее в условиях военной экономики, не было ликвидировано по окончании войны. Оно стало костяком новой государственно-монополистической структуры. Аппарат военной мобилизации экономики стал составной частью государственной

машины и в мирное время. В результате мировых войн ключевые позиции в экономике империалистических государств заняли военные концерны, особенно заинтересованные в государственно-монополистических мероприятиях.

Для более полного использования государственной власти крупнейшие воротилы финансового капитала сделались министрами, руководителями основных ведомств, послами, видными чиновниками. Происходит такое тесное переплетение аппарата государства и монополий, что часто трудно определить, где проходит граница между ними.

В. И. Ленин отмечал, что монополии не устраняют конкуренции, а лишь изменяют формы конкурентной борьбы. Возникают новые формы конкуренции. Главным методом обострившейся конкурентной борьбы становится экономическое, политическое, а подчас и физическое насилие, удушение и подавление конкурента всеми возможными средствами. Государственно-монополистический капитализм еще больше сужает поле для свободной конкуренции. Он становится ареной новой формы конкурентной борьбы — борьбы между крупнейшими монополиями за привилегию разворовывать государственную казну, за контроль над отдельными звеньями государственного аппарата. Не случайно В. И. Ленин отмечал, что государственно-монополистический капитализм есть узаконенное казнокрадство.

О механизме современного государственно-монополистического капитализма

Сущность государственно-монополистического капитализма, как говорилось, состоит в непосредственном соединении господства капиталистических монополий с гигантской силой государства. При этом государство занимает не самостоятельное, а подчиненное положение.

Действуя в интересах монополий, государство предпринимает попытки некоторого регулирования капиталистической экономики. Оно раздувает государственный бюджет, чтобы создать своеобразный привилегированный, гарантированный рынок для корпораций и использовать его как амортизатор, ослабляющий потрясения, вызываемые экономическими кризисами и сужением сферы империалистической эксплуатации.

Государство в небывалых размерах используется монополиями и как орудие накопления капитала. Чтобы сосредоточить денежные ресурсы населения в крупнейших частных банках и страховых компаниях, финансирующих монополистов, государство фактически выступает гарантом вкладов. Оно спасает тресты и концерны от банкротства, охраняет и поддерживает высокий уровень их прибылей путем жесточайшего налогового ограбления трудящихся масс. В огромных размерах усиливается милитаризм, подкрепляющий империалистическую внешнюю политику монополий. Чудовищно раз-

растаются военно-полицейские функции государства, используемого монополиями для подавления трудящихся.

Особенно характерная черта современного государственно-монополистического капитализма — образование значительного государственного рынка в виде правительственных заказов, ассигнований на скупку излишков и т. п. Этот рынок находится почти в безраздельном владении крупных корпораций. Это ведет к громадному усилению роли государственных финансов в экономике. В форме прямых и косвенных налогов государство сосредоточивает в своих руках и перераспределяет в пользу монополий все возрастающую часть национального дохода. В начале нашего века в Соединенных Штатах и Англии изымалось в виде налогов лишь несколько процентов национального дохода, а в 1956—1958 гг. эти изъятия составили около четверти национального дохода.

Громадные поборы с населения используются прежде всего для широких государственных закупок вооружения, производимого концернами по заказам казны. Эти заказы, как правило, долгосрочные (4—5 лет). Тем самым соответствующие монополии в известной мере страхуются от неустойчивости стихийного рыночного спроса и угрозы сокращения производства.

Постоянные и огромные государственные закупки вооружения лучше всего характеризуют паразитическую сущность государственно-монополистического капитализма. Изготовление орудий смерти и разрушения отвлекает от производства полезных обществу благ все большую часть рабочих, инженеров, ученых, а также ведет к бесполезной растрате материальных ресурсов — сырья, топлива, оборудования и т. п. О масштабах деятельности монополий по заказам казны говорит, например, тот факт, что в США государственные закупки составили в 1958 г. 21,4% национального продукта против 8,2% в 1929 г.

Государство не только создает относительно гарантированный спрос, используемый главным образом крупнейшими корпорациями. Оно предоставляет им также огромные субсидии. Их получают в первую очередь концерны, производящие важные в военном отношении товары, стратегическое сырье, топливо, некоторые виды химической продукции, электроэнергию. Средством обогащения монополий служат и государственные кредиты, предоставляемые на модернизацию оборудования. Банки загребают колоссальные барыши, посредничая в размещении государственных займов.

При переходе к государственно-монополистическому капитализму имеет место и некоторый рост государственной собственности. К этому толкают, в частности, быстрые темпы современного технического прогресса (автоматизация, элек-

троника, атомная энергия). Создание новых отраслей индустрии, требующее необычайно высоких первоначальных капиталовложений, монополии стремятся переложить на государство. На себя они берут роль подрядчиков по строительству предприятий и поставщиков оборудования, что при отсутствии всякого риска обеспечивает им гарантированную высокую прибыль. Возрастает государственная собственность и за счет строительства новых предприятий в военной промышленности и связанных с нею отраслях. И здесь частные компании стремятся переложить строительство новых заводов на государство, которое затем передает эти заводы в аренду монополиям.

Кроме того, в собственность государства переходят некоторые важные, но ставшие малорентабельными отрасли промышленности. В Англии такими отраслями оказались угольная промышленность, электростанции, железные дороги. Их огосударствление представляло собой весьма выгодную сделку для соответствующих компаний. Благодаря «щедрости» государства капиталисты-владельцы получили за них такую цену, которую им не заплатило бы ни одно частное лицо. Фактически им была предоставлена возможность изъять свои капиталы из малорентабельных предприятий и вложить их в более доходные. Предприятия, перешедшие в руки государства, широко используются в интересах частнокапиталистических корпораций, которые выигрывают от низких тарифов на железнодорожные перевозки и электроэнергию, от низких цен на уголь, чугун, сталь и т. п. Как правило, все ведущие посты в государственных предприятиях занимают магнаты финансового капитала и их представители.

Но, несмотря на все выгоды, которые приносит монополиям существующая в различных видах государственная собственность, они допускают ее только при особых обстоятельствах и в ограниченном масштабе. Правда, в ряде стран Западной Европы после второй мировой войны создалась на несколько лет такая политическая обстановка, когда господствующие группы крупного капитала вынуждены были примириться с более широкой национализацией, чем им хотелось бы. Но, как только ситуация изменилась, они стали прибирать к рукам государственные предприятия. В Англии уже возвращена во владение частных компаний черная металлургия. Частичная передача монополиям национализированных предприятий имела место во Франции, Италии и Австрии. В Соединенных Штатах Америки после войны были по дешевке проданы монополиям многие государственные заводы.

Практикуются также различные формы смешанной, государственно-частной собственности на средства производства. Например, в Италии и Западной Германии государству при-

надлежат крупные пакеты акций многочисленных компаний в различных отраслях хозяйства.

Характерная черта государственно-монополистического капитализма — активное вмешательство государства в конфликты между рабочими и предпринимателями, его стремление силой подавить недовольство масс. Оно все чаще навязывает свой принудительный арбитраж во время стачек, оказывая в интересах монополий давление на бастующих. Государственные законы и распоряжения сильно затрудняют стачечную борьбу и деятельность профессиональных союзов (например, закон Тафта — Хартли в США). Общегосударственная политика «замораживания» заработной платы, т. е. сохранения ее на неизменном уровне при росте стоимости жизни, дает возможность монополиям повысить степень эксплуатации трудящихся.

Типичными для послевоенного периода стали государственно-монополистические мероприятия на международной арене. Монополии заставляют государство финансировать вывоз товаров и гарантировать частные экспортные кредиты. Империалистическое государство берет на себя осуществление экспорта капитала в те отрасли или страны, где частные корпорации не решаются идти на риск. В интересах монополий заключаются межгосударственные соглашения о дележе источников сырья и их эксплуатации. Так была создана гигантская межгосударственная монополистическая организация «Европейское объединение угля и стали», охватывающая угольно-металлургическую промышленность Западной Германии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Мерой государственно-монополистического порядка является также соглашение указанных стран об «общем рынке» — таможенном союзе, обеспечивающем привилегированное положение для крупнейших монополий.

Государственно-монополистические мероприятия, носящие международный характер, кроме непосредственных целей капиталистической наживы преследуют и задачи сплочения сил мировой реакции для сохранения разваливающейся колониальной системы, для борьбы против демократии и социализма, для ведения «холодной войны» и подготовки агрессии против стран социализма. Американские корпорации — инициаторы большинства межгосударственных монополий — используют их как орудие своей борьбы за мировое господство.

Милитаризация экономики

С усилением государственно-монополистических тенденций неразрывно связана милитаризация экономики империалистических государств.

В развитом виде милитаризация экономики типична лишь для эпохи общего кризиса капитализма с ее мировыми войнами. Она становится возможной потому, что государ-

ственный аппарат используется монополиями для перераспределения национального дохода (прямые и косвенные налоги, государственные займы, контроль над распределением стратегического сырья и материалов и т. д.) с целью создания грандиозного военного хозяйства. Причина такой поистине «тотальной» милитаризации, образчиком которой могут служить Германия в 1933—1939 гг. и США после второй мировой войны, кроется в усилении основных противоречий современного монополистического капитализма. Крупнейшие корпорации настойчиво стремятся решить проблему сбыта за счет государственного военного спроса. Они глубоко заинтересованы в гонке вооружений, обеспечивающей им миллиардные сверхприбыли.

Громадные расходы империалистических государств на военные нужды на известное время ослабляют остроту проблемы сбыта.

Но объяснять милитаризацию хозяйства только экономическими причинами нельзя. Она неразрывно связана с общим курсом внутренней и внешней политики империалистических государств. Известно, что в итоге мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. многие монополии и в США и в Германии оказались одинаково заинтересованными в военных заказах. Однако тогда на путь форсированной милитаризации хозяйства стала гитлеровская Германия, подчинившая свою внутреннюю и внешнюю политику подготовке войны за мировое господство. После второй мировой войны главный вдохновитель милитаризации экономики — Соединенные Штаты Америки.

Нужно ли говорить о том, что общественный строй, использующий в качестве средства «стимулирования» экономики производство орудий массового уничтожения, с точки зрения морали произносит сам себе смертный приговор!

Но дело не в одной морали. Эта политика не только преступна, но в конечном счете и тщетна, ибо она не разрешает коренных противоречий современного капитализма.

Увеличение военных заказов государства иногда представляет собой рычаг подъема общего уровня производства, в том числе и гражданского; оно может *временно* способствовать и некоторому росту зарплаты рабочих, особенно занятых в военной промышленности. Это имеет место, как правило, тогда, когда военное производство расширяется за счет использования бездействующих мощностей и капиталов. Безработные, получившие работу в военной промышленности, увеличивают спрос на товары. Для удовлетворения этого спроса становится необходимым увеличение производства в других отраслях. Растет и спрос капиталистов, особенно если в расчете на возрастающие военные заказы они начинают расширять старые и строить новые предприятия, для кото-

рых требуются строительные материалы, машины, оборудование.

Именно на такой основе были использованы незагруженные производственные мощности в США в годы второй мировой войны. С 1940 по 1943 г. объем промышленной продукции здесь вырос на 90%, количество рабочих в обрабатывающей промышленности увеличилось на 70%. Начало войны в Корее в 1950 г. также стимулировало рост промышленного производства в США. Но пример США показывает также противоречия и границы милитаризации экономики. Даже в годы второй мировой войны в США период одновременного роста военного и невоенного производства был кратковременным. Затем началось снижение выпуска продукции для невоенных целей. Задолго до конца войны сложилось положение, при котором гражданское производство исчерпало возможности роста и должно было сокращаться. С 1944 г. наблюдалось уже общее сокращение промышленного производства, так как рост выпуска военных материалов больше не перекрывал свертывания производства для невоенных нужд. То же самое повторилось и в период корейской войны.

Кратковременное стимулирующее воздействие милитаризации на общий рост производства объясняется и методами ее финансирования. В начальный период государство увеличивает военный бюджет не только за счет налогов, но и путем выпуска облигаций государственных займов, которые охотно приобретаются буржуазией, имеющей свободные денежные средства. Но затем бюджет все больше и больше обеспечивается увеличением налогов на рабочих и служащих. Рост спроса со стороны государства при таких условиях неизбежно сопровождается сокращением платежеспособного спроса населения, а это ведет к сужению рынка для гражданских отраслей.

Насколько незначительны стимулы, создававшиеся гонкой вооружений в условиях послевоенной милитаризованной экономики США, видно из того, что за 1943—1957 гг. американское промышленное производство возросло только на 13%. Но и этот небольшой прирост отнюдь не объясняется влиянием одной милитаризации. Не меньшую роль сыграла необходимость массового обновления и расширения основного капитала промышленности и других отраслей хозяйства.

Если в США общий объем производства в результате войны и милитаризации возрос, то в странах, территория которых была вовлечена в орбиту военных действий, экономические последствия войны и послевоенной милитаризации экономики были иными. Огромные военные расходы не только не ускорили, но затормозили послевоенный подъем экономики

Франции и Англии. Хотя в процентном отношении к национальному доходу военные расходы в этих странах меньше, чем в США, но на их ослабленную экономику они ложатся гораздо более тяжким бременем. Военные расходы съедают те ресурсы, которые могли бы быть использованы для модернизации и расширения промышленности. Тем самым милитаризация ослабила конкурентную способность Англии и Франции на мировом рынке.

Маркс писал о войне, что «в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала» [2]. Но в те времена, когда Маркс писал об этом, даже в годы войны в бездонное море военных расходов не выбрасывалось такого количества материальных ценностей, какое ныне расточается в большинстве капиталистических стран в мирные годы. Ведь после второй мировой войны в империалистических государствах с наиболее милитаризованной экономикой военный бюджет ежегодно поглощает в среднем 10—15% национального дохода.

Милитаризация хозяйства сопровождается сокращением производства для мирных целей, подрывает основу расширенного воспроизводства и неизбежно приводит в конечном счете к снижению общего объема производства. В то же время быстрый прогресс военной техники и связанное с этим быстрое «моральное изнашивание» современного оружия заставляют все время воспроизводить в массовом масштабе вооружение, которое через несколько лет становится непригодным и превращается в горы хлама и железного лома.

Как бы ни была богата империалистическая страна, милитаризация создает перспективу *постепенного истощения народного хозяйства.* Она неизбежно замедляет темпы роста гражданских отраслей и всего хозяйства в целом. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить темпы роста производства после второй мировой войны в Англии и Франции, экономика которых сгибалась под непомерным бременем милитаризации, и в Западной Германии, где расходы на вооружение в течение ряда лет были несравненно меньшими. В Западной Германии промышленное производство росло значительно быстрее. Эта страна наиболее эффективно использовала возникшую в большинстве капиталистических стран нехватку основного капитала. Начиная с 1950 г. она развернула в больших масштабах экспорт машин, станков и оборудования, которые английские и французские заводы, занятые производством вооружения, не могли изготовлять.

Милитаризация экономики вызывает невиданный рост налогового бремени. Государство покупает оружие и оплачи-

вает содержание офицеров и солдат главным образом за счет налогов, которые оно собирает, грабя свой народ.

Кроме налогов некоторую долю тех средств, которые правительство расходует на армию, оно собирает с помощью государственных займов. Облигации займов приобретают главным образом капиталисты. Ежегодно выплачиваемые казной проценты по займам служат важной статьей их доходов. Но, чтобы выплачивать капиталистам проценты и погашать займы, правительство должно взимать дополнительные налоги. Таким образом деньги, которыми буржуазия снабжает правительство. приобретая облигации государственных займов, возвращаются ей из карманов трудящихся не только полностью, но еще и с большим процентом.

Неизбежный спутник милитаризованной экономики и ее важнейшее орудие — *обесценение денег,* или *инфляция.* Государство не может полностью покрыть расходы на армию и вооружение только за счет налогов и займов. Дефицит государственного бюджета покрывается отчасти выпуском бумажных денег сверх того количества, которого требует обращение. Кроме того, облигации государственных займов используются как платежные средства, как залог под ссуды, предоставляемые банками капиталистам, а это ведет к увеличению количества денег в обращении. Отсюда инфляция — обычное следствие войн и милитаризации экономики. В 1957 г. покупательная способность американского доллара была ниже довоенной в два раза, английского фунта стерлингов — в три, французского франка и итальянской лиры — в несколько десятков раз. В условиях инфляции рост цен обгоняет рост зарплаты, а это значит, что прибыли капиталистов увеличиваются за счет снижения доли рабочих в национальном доходе. Инфляция — средство перераспределения национального дохода в пользу монополий, ограбления трудящихся.

Таким образом, военные расходы, в какой бы форме ни происходило их финансирование, в конечном счете всей своей тяжестью ложатся на широкие массы народа. Зато они служат обогащению крупных капиталистов.

Милитаризация экономики ведет к тому, что расходы капиталистического государства на социально-культурные нужды (школы, высшие учебные заведения, больницы и т. п.) сокращаются до минимума. Она порождает деградацию культуры, разгул шовинизма, рост влияния военщины и бюрократии, попирающей все достижения буржуазной демократии, завоеванные в результате упорной борьбы трудящихся масс. Опасное последствие милитаризованной экономики — угроза войны.

Милитаризованная экономика — яркое свидетельство паразитического перерождения современного капитализма.

О капиталистической национализации и государственном капитализме

Государственно-монополистический капитализм — система сугубо антинародная и реакционная, как вообще *монополистический* капитализм. Его нельзя, однако, смешивать с *немонополистическим* государственным капитализмом. Последний может иметь либо реакционный, либо прогрессивный характер, в зависимости от того, какие общественные силы за ним стоят. Например, в некоторых слаборазвитых странах, освободившихся от ига колониализма, государственный капитализм, и в частности государственная собственность, играет ныне прогрессивную роль *.

Государственная собственность в империалистических странах теперь в основном включена в реакционную систему государственно-монополистического капитализма. Означает ли это, что рабочему классу и другим прогрессивным силам следует выступать против государственной собственности, за возвращение национализированных предприятий капиталистам? Нет, разумеется, это было бы шагом назад. Не прогрессивные силы, а капиталистические монополисты выступают за денационализацию.

В годы второй мировой войны в капиталистических странах Европы, оккупированных гитлеровскими захватчиками, монополистическая буржуазия опозорила себя сотрудничеством с врагом. Поэтому после войны народные массы требовали национализации, стремясь покончить с господством монополий, выкорчевать корни фашизма, покарать виновников войны, обеспечить мир, независимость и подлинную демократию. В национализации трудящиеся видели одно из средств избавления от гнета капиталистических монополий.

Но буржуазия и поддерживающие ее правые социал-демократы, осуществляя частичную капиталистическую национализацию под давлением масс, провели ее таким образом, чтобы максимально удовлетворить монополии и минимально учесть требования рабочих. Несмотря на это, рабочие массы в Англии и некоторых других странах настойчиво выступают за дальнейшую национализацию крупной промышленности, ибо перед их глазами великий пример социалистических стран, наглядно показывающий преимущества национализированной социалистической промышленности.

Монополисты же решительно сопротивляются всякому расширению даже капиталистической национализации. Ведь всякая национализация лишний раз в наглядной форме показывает трудящимся, что общественное хозяйство может отлично обходиться без капиталистов. Тем самым национализация, подрывая «священный принцип» частной собственности, помогает разрушать иллюзии, в сохранении которых бур-

* См. об этом в главе 16.

жуазия очень заинтересована. Монополисты знают, кроме того, что, пока предприятия находятся в частной собственности, они остаются полными хозяевами этих предприятий. А после национализации, хотя монополисты в общем и подчиняют государственные органы своей воле, они все-таки не могут застраховать себя от нежелательного постороннего вмешательства в свои дела, так как государство стремятся использовать и другие монополисты, конкурирующие с ними. Кроме того, государство иногда вынуждено действовать в интересах всего господствующего класса, которые не обязательно во всем совпадают со стремлениями и целями отдельно взятых трестов и концернов. Поэтому монополисты всегда предпочитают частную форму собственности. Государственную собственность они рассматривают лишь как орудие укрепления своей частномонополистической собственности.

Коммунистические партии во многих странах государственно-монополистического капитализма поддерживают требование последовательной национализации крупной промышленности, так как это требование направлено против господства монополий и в этом смысле прогрессивно. Конечно, пока политическое положение в стране таково, что нет еще возможности ликвидировать все капиталистические монополии, требование полной национализации крупной промышленности остается лишь программным положением марксистской партии. Тем не менее и в этих условиях коммунистические партии не ограничиваются одной пропагандой, а выступают за безотлагательное проведение национализации *отдельных* отраслей крупной промышленности, прежде всего таких отраслей, где гнет монополий стал для рабочих настолько невыносимым, что они готовы подняться на массовую политическую борьбу за проведение немедленной национализации. При этом коммунисты требуют осуществления национализации в такой форме, чтобы она действительно ограничивала всевластие капиталистических монополистов и облегчала положение трудящихся.

Не только требование национализации, но и многие требования реформ, выдвигаемые ныне трудящимися буржуазных стран в целях защиты своих интересов, идут по линии государственно-капиталистических мероприятий. Это связано с увеличившейся ролью современного капиталистического государства в экономической жизни. Трудящиеся вовсе не за устранение всякого вмешательства государства в экономику. Но они за такое вмешательство государства, которое ограничивало бы произвол и безраздельное хищничество монополий.

Если государство в интересах предпринимателей может «замораживать» заработную плату, резонно рассуждают рабочие, то почему нельзя добиваться, чтобы государство устанавливало гарантированный минимум заработной платы и

хотя бы порой использовало в интересах рабочих свой арбитраж в трудовых конфликтах? Почему нельзя добиваться, чтобы государство приняло действенные меры против произвольного повышения квартирной платы и взвинчивания цен на предметы потребления?

Опыт показал, что в борьбе за такие требования трудящиеся действительно вырывают некоторые, хотя и мелкие, уступки у капиталистического государства. Кое-где под давлением рабочих организуются общественные работы для безработных. Очевидно, правящие круги даже при полном господстве финансового капитала не могут не бояться резкого обострения недовольства широких масс трудящихся, если только эти массы проявляют свою боеспособность.

Прогрессивный американский экономист Х. Люмер отмечает, что благодаря борьбе масс против монополий в США в последние годы второй мировой войны действовала относительно эффективная система контроля над ценами. Оптовые и розничные цены, а также квартирная плата повысились за это время всего лишь на 2—4%. После войны отмена государственной системы контроля над ценами развязала руки монополистам, и они стали взвинчивать цены, которые безостановочно растут. Люмер пишет: «...контроль над ценами в значительной степени ослабил бремя, которое несли на себе рабочие во время второй мировой войны, и отсутствие в нынешних условиях чего-либо, хотя бы в отдаленной степени похожего на подлинный контроль над ценами, значительно увеличивает такое бремя» [3].

Значит, народные массы, несущие на своих плечах всю тяжесть гнета государственно-монополистического капитализма, имеют полное основание продолжать борьбу за государственные мероприятия, направленные на ограничение произвола монополий. Но совершенно ясно, что никакие реформы не в состоянии превратить существующий реакционный государственно-монополистический капитализм в какую-либо прогрессивную систему, а тем более в социализм.

Только борьба рабочего класса и под его руководством — всех трудящихся *за власть,* когда она увенчается решающей победой, откроет путь от капитализма к социализму.

Измышления ревизионистов и реформистов о современном капитализме

Пропагандисты буржуазии, реформисты и ревизионисты изображают государственно-монополистический капитализм как новый общественный строй, коренным образом отличающийся от старого капитализма. С этой целью они умышленно ставят знак равенства между этой формой господства монополий и теми мероприятиями государственно-капиталистического характера, которых трудящимся кое-где удалось добиться в результате классовой борьбы. Они утверждают также, будто капитали-

стическое государство может теперь регулировать развитие экономики и избавить ее от всяких кризисов, будто современное буржуазное государство стало надклассовым. Место старого эксплуататорского капитализма теперь, дескать, заняло «государство всеобщего благосостояния», а современный разбойничий империализм стал «народным капитализмом».

«Теоретической основой» подобных взглядов служит учение английского буржуазного экономиста Джона Мейнарда Кейнса, разработанное еще в 30-х годах. В отличие от других буржуазных экономистов он признавал, что капитализм тяжело болен и утратил способность саморегулирования экономики. Но Кейнс никак не хотел и не мог согласиться с тем, что болезнь эта неизлечима. Более того, он взял на себя роль «лекаря» капитализма, выдвинув целую серию мер по «оздоровлению» этой экономической системы с помощью государственного регулирования экономики и развития государственно-монополистического капитализма. Особое значение Кейнс и его последователи придают осуществлению специальных мер для поддержания на должном уровне вложений капитала в производство, контролю государства над кредитом (регулирование уровня процента) и денежным обращением («регулируемое» обесценение денег с целью снижения реальной заработной платы рабочих). Учение Кейнса по сути своей есть апология капитализма, ибо все оно основывается на иллюзорной предпосылке о возможности навечно сохранить эту систему, избавив ее от ряда пороков и устранив некоторые бедствия, которые ее господство несет трудящимся.

Ныне не только большинство буржуазных экономистов, но и значительная часть правых социал-демократов опираются на учение Кейнса. В своих программных документах многие правосоциалистические партии официально отреклись от экономической теории Маркса в пользу теории Кейнса. Наиболее откровенный призыв к замене марксизма кейнсианством прозвучал в книге английского лейбориста Джона Стрэчи «Современный капитализм». Он утверждает, будто Кейнс, оставаясь откровенным защитником капитализма и врагом социализма, предложил, сам того не подозревая, методы, обеспечивающие постепенную эволюцию государственно-монополистического капитализма... в социализм. Кейнс-де призывает государство поощрять всеми средствами вложения капитала в производство и установить такой контроль над владельцами денег, чтобы они их не сберегали, а как можно больше расходовали и тем самым поддерживали платежеспособный спрос. А это, утверждает Стрэчи, вынуждает буржуазное государство осуществить уравнение доходов путем увеличения налогов на прибыли. По Стрэчи получается, что государство в Англии, следуя советам Кейнса, фактически уже осуществляет перераспределение национального дохода

и «планирует» экономику с целью поддержания высокого платежеспособного спроса и «полной занятости».

Проведенная лейбористским правительством национализация некоторых отраслей промышленности и установление национальной системы социального страхования и медицинского обслуживания, по мнению Стрэчи, уже сделали Англию социалистической, хотя он сам признает, что в английской экономике господствуют «олигополии», т. е. клики крупнейших монополистов. Ничуть не смущаясь этим, Стрэчи уверяет, будто Англия «перешагнула классовый конфликт», отношения между рабочими и предпринимателями вступили в «мирную фазу» и т. д.

Выдать рост государственно-монополистического капитализма за постепенное превращение капиталистического общества в социалистическое пытаются и французские социалисты (историк Буржэн, экономист Рэмбер и др.).

В чем несостоятельность подобных измышлений о современном капитализме?

Во-первых, в том, что правые социал-демократы сваливают в одну кучу государственно-*монополистический* капитализм и всякий государственный капитализм, не делая никаких различий между ними. Тем самым они подменяют одно понятие другим. Они скрывают *монополистический* характер современного капитализма и изображают его как такой государственный капитализм, в котором якобы нет места для монополий капиталистов. Другими словами, они приукрашивают современный капитализм, совершенно замазывая присущие ему черты: гнет хищнических монополий, милитаризм, паразитизм, кризисы и безработицу. В действительности же все эти черты и составляют *главное содержание* современного государственно-монополистического капитализма.

Во-вторых, правые социал-демократы извращают действительность, утверждая, что монополисты подчинены государству, которое якобы носит «надклассовый» характер. На самом деле государство подчинено капиталистическим монополиям. При государственно-монополистическом капитализме решающая власть в обществе сосредоточена в руках крупнейших корпораций: существует прямая или косвенная диктатура сотни богатейших семейств.

В-третьих, правые социал-демократы пытаются замазать и классовый характер простого *государственного капитализма*, выдавая мероприятия, носящие государственно-капиталистический характер, за мероприятия по строительству *социализма*. Пока власть находится в руках буржуазии, огосударствление отдельных предприятий и другие мероприятия государственно-капиталистического характера не отменяют отношений капиталистической эксплуатации даже в тех странах, где эти мероприятия ныне носят прогрессивный ха-

рактер (например, в Индии, Индонезии). В недрах капитализма не могут возникнуть социалистические производственные отношения; там могут создаться *лишь* материальные предпосылки для социализма. Однако начать строительство социализма на основе этих предпосылок невозможно до тех пор, пока государство находится в руках капиталистов, т. е. пока власть не переходит к трудящимся.

Как в науке о социализме, так и в сознании многих поколений участников рабочего движения понятие социализма всегда связывалось с общественной собственностью. Но современные правые социал-демократы уже порывают и с этим научным представлением. «Социалистическое планирование,— говорится, например, в декларации Социалистического интернационала,— не предполагает установления общественной собственности на все средства производства. Оно совместимо с существованием частной собственности в важных отраслях». Действуя согласно этой установке, руководство лейбористской партии Англии в угоду монополистической верхушке буржуазии декларировало свой отказ от дальнейших мероприятий по национализации, т. е. даже от капиталистической национализации.

Если внимательно просмотреть программные документы современных правых социал-демократов, нетрудно обнаружить, что они, рисуя свой «социализм», по сути дела лишь копируют контуры существующего государственно-монополистического капитализма. Выше этого социального «идеала» (идеала морганов и рокфеллеров) они в своих мечтах подняться не могут.

По стопам правых социал-демократов в приукрашивании современного капитализма пошли и некоторые *ревизионисты* в Югославии. В проекте программы СКЮ они утверждали, что в современном капитализме все больше проявляются «новые, по своей объективной тенденции *социалистические элементы* в *экономике»,* которые якобы оказывают *«давление* на капиталистический способ производства»; «права частного капитала ограничиваются» и его экономические функции все больше передаются государству. Так, мол, происходит в капиталистическом мире «процесс развития к социализму».

Эта ревизионистская концепция по существу совпадает с утверждениями правых социал-демократов о происходящем якобы перерастании капитализма в социализм. Но Э. Карделю в Югославии перед коммунистами было, конечно, труднее, чем г-ну Стрэчи в Англии перед лейбористами, «доказывать» вероятность такого «чудесного превращения» современного капитализма. Когда Кардель называл этот капитализм «государственным капитализмом», многие югославские коммунисты предлагали называть его подлинным именем — государственно-монополистическим капитализмом. Но Кардель в

своем докладе на съезде СКЮ настаивал на применении названия «государственный капитализм», объясняя, что термин «государственно-монополистический капитализм» выражает лишь «происхождение государственного капитализма». Тем самым он, как хороший фокусник, превратил реакционный, государственно-*монополистический* капитализм в некий зародыш более безобидного *государственного капитализма*. Затем он манипулировал и с государственным капитализмом, превратив его в *«социалистические элементы»*, которые, мол, окончательно очищают современный капитализм от скверны... Вот уж поистине «ловкость рук и никакого мошенничества»!

Такое обоснование ревизионистской программы СКЮ было, конечно, занимательным, но не очень убедительным.

Реформистской и ревизионистской программе «перерастания» государственно-монополистического капитализма в социализм марксистско-ленинские партии противопоставляют ясную программу решительной борьбы против капиталистических монополий, против их господства, за свержение диктатуры горстки семейств монополистической аристократии.

Стремясь использовать в интересах трудящихся все возможные при капитализме реформы, в том числе и реформы государственно-капиталистического характера, марксисты-ленинцы в то же время считают, что замена капиталистического способа производства социалистическим может произойти только в результате социалистической революции.

3. Избавится ли капитализм от экономических кризисов?

После мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и особенно после второй мировой войны монополистический капитал создал с помощью государства целую систему противокризисных мероприятий. Эти мероприятия представляют собой одну из характерных составных частей механизма государственно-монополистического капитализма.

Противокризисные мероприятия — лишь паллиативное средство против неизлечимой болезни капитализма

Главное противокризисное мероприятие — огромные правительственные заказы и закупки вооружения и стратегических материалов, обеспечивающие довольно значительный и постоянный спрос для многих крупнейших монополий. Важное значение приобрело также государственное регулирование в кредитно-банковской сфере, с которой раньше, как правило, начиналось бурное развертывание кризисов. Чтобы предотвратить паническое изъятие вкладов, приводившее в прошлом к краху крупных банков, империалистические государства фактически взяли на себя роль гаранта этих вкладов. Кроме того, почти повсеместно введены в той или иной

форме правительственный контроль над фондовой биржей и регулирование эмиссии ценных бумаг. В целях предотвращения кризисов государство принимает также разнообразные меры для ограничения или сокращения производства (повышение процента по банковским кредитам, премии за сокращение посевных площадей и т. д.). В то же время государство пытается оказать влияние на экономическую конъюнктуру путем регулирования потребительского кредита (продажа в кредит или в рассрочку автомобилей, телевизоров, радиоприемников, мебели и т. п.).

Всячески рекламируя эти и другие подобные мероприятия, поклонники государственно-монополистического капитализма твердят, будто с их помощью удалось (или почти удалось) излечить капитализм от болезни кризисов и обеспечить непрерывный рост капиталистического производства. Открывается, мол, путь к вечному «процветанию» и избавлению от безработицы.

Но как обстоит дело в действительности?

Рассмотрим это на примере Соединенных Штатов Америки, где крупные капиталистические монополии добились наибольшей свободы действия, наиболее полного влияния на государство и где последствия военных разрушений меньше всего воздействовали на ход экономического развития.

Несмотря на особенно благоприятные для США условия, создавшиеся после войны на внутреннем и внешнем рынках, противокризисные мероприятия не дали желаемого эффекта.

Вместо непрерывного роста промышленной продукции в США за одно лишь десятилетие (1948—1958 гг.) наблюдались три падения производства: первый раз в 1948—1949 гг., когда снижение производства, по официальным данным, составило 10,5%; затем спустя четыре года (в 1953—1954 гг.), когда произошло падение производства на 10,2%, и снова через три года (в 1957—1958 гг.), когда производство упало на 13,7%.

О кризисном характере этих падений производства говорит уже тот факт, что массовая безработица в США не только не исчезла, а, наоборот, возросла. Число зарегистрированных полностью безработных в США с каждым очередным кризисным падением производства резко увеличивалось. Так, в 1949 г. по сравнению с предыдущим годом безработица возросла на 1,3 млн. человек, в 1954 г.— на 1,6 млн., а в середине 1958 г. по сравнению со средней цифрой за 1957 г.— на 2,4 млн. человек. В начале 1959 г. в США было около 5 млн. официально зарегистрированных полностью безработных. Кроме того, надо иметь в виду, что публикуемые официальные цифры об объеме производства включают и данные о производстве вооружения и стратегических материалов, на которые государственные заказы в периоды кризисных

падений не уменьшаются, а возрастают. Если же исключить военную продукцию, то сокращение гражданского производства, несомненно, окажется намного большим, чем это следует из имеющейся американской статистики.

Таковы бесспорные факты последнего периода. Но было бы неправильным делать из этих фактов вывод, что представители государственно-монополистического капитализма своими противокризисными мероприятиями ни в какой степени не могут влиять на характер и формы экономических кризисов. Нет, кое-чего они могут в этом отношении добиться.

Государственно-монополистический капитализм, несомненно, может оказать влияние на формы, последовательность и характер отдельных кризисов. Крупнейшие монополии в состоянии использовать огромную финансовую мощь государства в качестве амортизатора, который во многих случаях ослабляет силу стихийного взрыва кризиса в его начале. Кроме того, теперь имеются большие, чем в прежние времена, возможности спасти от банкротства крупных капиталистов, стабилизируя их позиции за счет банкротств средних и мелких капиталистов. Далее, крупнейшие корпорации могут во время кризиса препятствовать стихийному снижению цен на многие товары, а иногда даже взвинчивать некоторые цены выше прежнего. Они могут также использовать огромные военные заказы государства, чтобы обеспечить себе обильные прибыли даже во время экономических кризисов.

Но все это — лишь одна сторона медали. Другая сторона состоит в том, что противокризисные мероприятия, используемые для обогащения монополий, неизбежно ведут к истощению экономических сил страны, к ухудшению материального положения подавляющего большинства народа. По мере того как буржуазное государство, повышая налоги и обесценивая деньги, грабит народ, чтобы за его счет финансировать бешеную гонку вооружений, неизбежно происходит сокращение платежеспособного спроса. Тем самым создается важная предпосылка для новых острых вспышек неизлечимой болезни капиталистической системы — экономических кризисов. По мере того как монополиям удается воспрепятствовать снижению цен, которым раньше сопровождались кризисы, возрастают препятствия для рассасывания товарных излишков, что в конечном счете тормозит выход из кризиса и создание предпосылок для нового экономического подъема. И по мере того как капиталистическому государству удается спасти крупные предприятия от банкротства или уменьшить другие стихийные потрясения кризиса, оно своим вмешательством нарушает процесс перераспределения капитала по разным отраслям производства, при помощи которого идет установление необходимых пропорций между ними.

Таким образом, представители государственно-монополистического капитализма, оказывая известное воздействие на ход кризиса, не устраняют причин самого кризиса, а, наоборот, загоняют болезнь вглубь, создавая предпосылки для новых кризисных потрясений.

Чтобы скрыть кризисный характер падений производства, которые в послевоенный период часто повторялись в США, буржуазные экономисты называют их более безобидным термином «спады». Но смена этикетки на посуде, как известно, не изменяет ее содержимого. Кризисный характер такого рода падений производства связан с тем, что они вызываются по сути дела теми же причинами, что и все экономические кризисы перепроизводства при капитализме. Иначе говоря, господствующая при капитализме анархия производства, постоянная погоня капиталистов за максимальными прибылями приводят периодически к резкому несоответствию между ростом производства и отстающим от него платежеспособным спросом. Расширение рынков не может поспевать за расширением производства. Временное устранение этого несоответствия как раз и есть объективная функция экономических кризисов.

Изменения в проявлениях современных кризисов, наблюдаемые в последний период особенно в Соединенных Штатах Америки, разумеется, не дают еще основания утверждать, что при государственно-монополистическом капитализме все экономические кризисы будут носить только такой характер. Нет. Будущее, несомненно, покажет многообразные формы экономических кризисов в капиталистических странах. В частности, со временем могут возникать и более бурные экономические потрясения в странах государственно-монополистического капитализма. Совершенно ясно одно: пока существует противоречие между общественным характером производства и капиталистическим (частным) характером присвоения, т. е. пока существует капитализм, неизбежно будут повторяться и экономические кризисы. Противокризисные мероприятия и все попытки регулирования экономики, применяемые современным государственно-монополистическим капитализмом, не делают капиталистическое хозяйство более устойчивым, наоборот, они еще больше усиливают его неустойчивость.

«Постоянное чередование кризисных падений и лихорадочных подъемов,— указал на XXI съезде КПСС тов. Н. С. Хрущев,— свидетельствует о неустойчивости экономики капитализма. Ни гонка вооружений, ни прочие меры не смогут избавить экономику США и других капиталистических государств от кризисов перепроизводства. Что бы ни делали капиталистические государства, они не могут уничтожить причину кризисов. Капитализм не в силах избавиться от мертвой хватки

собственных противоречий, они продолжают накапливаться и углубляться, грозя новыми экономическими потрясениями»[4].

Банкротство теорий «бескризисного развития» капитализма

Вопреки фактам, буржуазные теоретики и ревизионисты до сих пор силятся доказать, будто можно все-таки и с кризисами покончить, и капитализм сохранить в неприкосновенности. Эти теоретики неоднократно ссылались на послевоенную конъюнктуру в основных капиталистических странах Европы.

Вплоть до 1957—1958 гг. здесь действительно не наблюдалось явно выраженных кризисных падений производства (если не считать кризисов в отдельных отраслях промышленности — угольной, текстильной и некоторых других). Но только те, кто обманывает себя или других, могут возвещать на этом основании наступление эры «бескризисного капитализма».

Развитие экономической конъюнктуры в странах Западной Европы еще в большей степени, чем в США, было обусловлено преходящими конкретно-историческими причинами, связанными с последствиями войны. Эти страны подверглись в годы войны значительному разорению и опустошению. Особенно это относится к Германии, Италии, Франции, а также единственной азиатской стране монополистического капитализма — Японии. Ясно, что ни о каком перепроизводстве здесь не могло быть речи, пока разрушительные последствия войны не были полностью ликвидированы. А на это потребовались не год и не два.

Но как только это было в основном достигнуто, и здесь немедленно начали проявляться серьезные признаки кризисной конъюнктуры. Свидетельство тому — начавшееся в 1958 г. сокращение производства в Англии, Бельгии, Голландии, Норвегии и Японии и резкое уменьшение прироста промышленной продукции в Западной Германии, Франции, Италии. В 1958 г. впервые после войны упал объем промышленного производства и внешней торговли всего капиталистического мира.

Так жизнь еще раз посрамила горе-теоретиков, сделавших своей специальностью обеление капитализма. Оказавшись перед лицом неотразимых фактов, они пытаются изворачиваться и доказывать, что в отношении кризисов ошиблись не только они, но и марксисты, так как после второй мировой войны и весь ход цикла, и кризисы не похожи будто бы на то, как их характеризовали раньше марксисты. Какой вздор! Ведь марксисты никогда не утверждали, что один цикл обязательно должен походить на другой и что установившаяся периодичность и особенности кризисов не могут претерпеть каких-либо изменений. Дело обстоит не так. В. И. Ленин, отвечая ревизионистам, пытавшимся оспорить Марксову теорию

кризисов, в статье «Марксизм и ревизионизм» в 1908 г. писал: «Что кризисы не отжили свое время, это показала ревизионистам очень быстро действительность: кризис наступил после процветания. Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя»[5].

Указывая на тот факт, что капитализм не избавился от кризисов, коммунисты, разумеется, далеки от злорадства. Вопреки утверждениям буржуазной пропаганды и реформистов, коммунистическое движение не связывает свои надежды на победу социалистической революции с экономическими кризисами. Конечно, разрушительный экономический кризис усиливает возмущение трудящихся капитализмом. Но, как показала история, он в то же время усиливает и наступление реакции, способствует активизации фашизма, увеличивает опасность войны.

Дело, однако, не только в этом. Коммунисты не могут злорадствовать по поводу экономических кризисов и потому, что отлично понимают, какие бедствия несут кризисы широким массам трудящихся. Именно поэтому коммунисты всегда разоблачали беспочвенные иллюзии о бескризисном развитии капитализма. Ведь только освободившись от этих иллюзий, трудящиеся, на плечи которых монополии стремятся переложить все бремя кризисов, могут по-настоящему бороться за свое кровное дело.

Наиболее верный путь ликвидации кризисов — замена капитализма социализмом. Но было бы грубейшей ошибкой делать отсюда вывод о тщетности всякой борьбы с тягостными последствиями кризисов в условиях господства капитала. Коммунисты считают, что такая борьба необходима и что она может принести важные для народных масс результаты.

Вот почему коммунистические партии организуют трудящихся на борьбу за такие государственные меры, которые хоть в малейшей степени способны облегчить положение масс. К числу таких мер относится повышение заработной платы, налаживание взаимовыгодной торговли с социалистическими странами, навсегда избавившимися от кризисов, организация больших общественных работ, строительство жилищ, школ и больниц, страхование от безработицы, облегчение налогового бремени, ограничение квартплаты.

4. Углубление и расширение классовых антагонизмов

Перемены в экономике капитализма, вызванные ростом его трудностей и противоречий, а также переходом монополий к новым, государственно-монополистическим формам

господства, глубоко затрагивают разные классы и социальные слои буржуазного общества.

Рабочий класс и капитал

По мере развития общего кризиса капитализма эксплуатация рабочего класса неизбежно усиливается, а положение его ухудшается. Прежде всего это сказывается в невиданном росте интенсификации труда и связанном с нею увеличении количества несчастных случаев на производстве и заболеваний на почве перенапряжения. Интенсификация труда ведет к ускоренному изнашиванию организма, к сокращению периода работоспособности рабочих. Такой ценой создаются огромные богатства. Но богатства эти достаются эксплуататорам. Доля рабочих в национальном доходе становится не больше, а еще меньше, чем раньше.

Правда, на протяжении последних десятилетий почти повсеместно произошло значительное повышение номинальной заработной платы рабочих. Но оно в основном сведено на нет обесценением денег и ростом налогов. В результате реальная заработная плата в большинстве стран капитала не росла или росла очень незначительно. Так, в обрабатывающей промышленности США среднегодовая реальная заработная плата рабочих (за вычетом налогов и потерь от безработицы) в течение 10 лет (1945—1954 гг.) оставалась ниже уровня 1944 г. и только в 1955—1956 гг. превысила его на 2—6%. В 1957 г. и особенно в 1958 г. жизненный уровень американских рабочих снова снизился. Во Франции средняя реальная заработная плата большинства категорий рабочих лишь после 1954 г. несколько превысила уровень 1938 г. В Англии только в 1956 г. был на 2—3% превышен довоенный уровень реальной заработной платы.

Однако цифры заработной платы еще не дают полного представления о материальном положении рабочего класса. Надо учитывать и стоимость рабочей силы, которая определяется прежде всего расходами, необходимыми для ее сохранения и воспроизводства. А стоимость рабочей силы на протяжении последних десятилетий серьезно выросла.

Во-первых, за счет интенсификации труда. Ведь ясно, что чем более напряженно трудится рабочий, тем больше расходы, необходимые для восстановления его сил.

Во-вторых, за счет изменения исторически обусловленных потребностей рабочего и его семьи.

За последние десятилетия, например, произошел бурный рост городов. Все большая часть рабочих живет далеко от предприятий. В результате необходимой и обременительной статьей бюджета этих рабочих становятся транспортные расходы. Другое изменение, характерное для последних десятилетий,— уход на производство жен и матерей рабочих, ранее занимавшихся только домашним хозяйством. Хотя это не-

сколько увеличивает семейный бюджет, возникают и новые расходы — на некоторые приспособления, машины и приборы, облегчающие домашний труд, на более дорогие продукты (полуфабрикаты) и материалы и т. д. Возросли расходы рабочей семьи на лечение. Потребность современной промышленности в более культурных работниках делает более тяжелым и бремя воспитания детей, лежащее на родителях.

Обусловленная этими факторами стоимость рабочей силы достигает, как правило, значительно более высокого уровня, нежели размер реальной заработной платы. Некоторое представление об этом разрыве дает сравнение реальной заработной платы с прожиточным минимумом, отражающим в известной мере потребности рабочего и его семьи. В США, например, средняя заработная плата в обрабатывающей промышленности была меньше прожиточного минимума семьи из четырех человек (подсчет комитета проф. Геллера, признаваемый официальной буржуазной наукой) в 1944 г. на 19%, а в 1958 г.— на 29%. В Западной Германии прожиточный минимум семьи из четырех человек исчислялся в 1955 г. в 445 марок в месяц, однако около 70% рабочих получали заработную плату меньше этого минимума.

Современный капитализм почти неразлучен с хронической безработицей. В такой стране, как США, она даже в годы высокой конъюнктуры сохранялась на уровне 3 млн. полностью безработных и еще большего количества частично безработных. В Италии на протяжении всего послевоенного периода армия безработных и полубезработных превышала 2,5 млн. человек.

Кроме того, в условиях современного капитализма как никогда усилилась неустойчивость положения рабочих, их неуверенность в завтрашнем дне. Это не только страх перед кризисами и массовой безработицей, но и постоянная боязнь потерять трудоспособность из-за несчастных случаев, заболеваний и ежедневного перенапряжения. Перспектива преждевременной необеспеченной старости становится для рабочего кошмаром.

Неустойчивость материального положения рабочего класса усиливается также вследствие роста потребительского кредита — системы покупки вещей в рассрочку. Характерно, что в США задолженность потребителей, связанная с покупками в рассрочку, с 1945 по 1957 г. выросла с 5,6 до 44,8 млрд. долл. Система покупки в кредит может временно облегчить бытовые условия рабочего — без кредита он никогда не смог бы приобрести многих вещей, которыми пользуется. Но она превращает в еще более страшную угрозу не только потерю работы, но и всякий перерыв в ней: ведь просрочка очередного взноса означает потерю не только купленных вещей, но и уже внесенных за них сумм.

Таким образом, характерная для капитализма тенденция ухудшения положения рабочего класса продолжает со всей силой действовать и поныне.

Правда, в некоторых капиталистических странах рабочий класс (или его отдельные слои) добился за последние 10—15 лет частичного улучшения своего положения. Но произошло это вовсе не потому, что указанная тенденция капитализма прекратила свое действие. Главная причина заключается в том, что после войны сложились более благоприятные условия для борьбы рабочего класса за свои экономические интересы (в первую очередь благодаря успехам социалистических стран) и усилилось его сопротивление монополиям.

Вот почему можно сделать вывод, что даже там, где рабочий класс (или его отдельные группы) живет несколько лучше, нежели раньше, это не свидетельствует об уменьшении остроты антагонизма между трудом и капиталом. Наоборот, изменения, которые претерпел капитализм за последние десятилетия, фактически добавили дополнительные причины для классового конфликта, усилив политические противоречия между рабочим классом и капиталистами. Угроза миру, демократии и национальной независимости, порождаемая господством монополий, несет особенно тяжкие бедствия именно рабочему классу, а значит, она делает его еще более непримиримым противником монополистической буржуазии.

Всегда ли это приводит к действительному подъему классовой борьбы? Нет, не всегда. Факты говорят о том, что в условиях современного капитализма, как и прежде, рабочее движение развивается неравномерно, а в некоторых странах временами явно отстает от назревших классовых задач пролетариата.

Главная причина этого — усиление политического гнета монополий, все шире использующих подчиненную им государственную машину для подавления рабочего движения. Там, где раньше рабочие имели дело с отдельным предпринимателем, они сегодня все чаще сталкиваются со всей мощью империалистического государства. Опираясь на него, монополии создали огромный аппарат подавления пролетариата. Они установили систему контроля над деятельностью профсоюзов и принудительного регулирования трудовых отношений. Они все шире применяют такие методы расправы с рабочими, как составление «черных списков», организация «заводской полиции» и т. д. Подчас даже в тех буржуазных странах, где официально не ликвидирована демократия, применение рабочими таких элементарных форм классовой борьбы, как обычная забастовка, становится делом, требующим большой самоотверженности и героизма.

Но такая практика монополистической буржуазии не смогла ликвидировать ни первопричины классовой борьбы рабочих — антагонизма между трудом и капиталом, ни самой этой борьбы.

Ведь рабочий класс за последние десятилетия также сильно вырос, во многих странах стал более организованным, сознательным и боеспособным. Изменения, которые произошли в мире,— разгром оплота международной реакции — германского и итальянского фашизма, успехи мирового социализма, подъем освободительной борьбы колониальных народов — создали более благоприятные международные условия для борьбы рабочих капиталистических стран. Несмотря на установившийся в США и ряде других стран режим свирепой диктатуры монополий, рабочий класс не сложил оружия, а всюду продолжает вести свою борьбу, пусть подчас не по всему фронту, пусть не в лоб, а выискивая обходные, более удобные и отвечающие обстоятельствам пути.

Таким образом, современная действительность начисто опровергает распространяемый правыми социалистами и ревизионистами миф о «классовом мире», якобы пришедшем на смену эпохе классовой борьбы.

Наоборот, как будет видно дальше, изменения, которые претерпел капитализм, не только углубляют старые классовые противоречия, но и порождают новые. Рядом с основным классовым конфликтом — между трудом и капиталом — вырастает и становится все острей антагонизм между кликой монополий и всем народом.

На этой основе классовая борьба трудящихся захватывает еще более широкие слои населения, проникает в самые далекие и «спокойные» ячейки общества, приобретает еще большую остроту и интенсивность.

Что происходит с другими классами современного буржуазного общества

Помимо рабочего класса и капиталистов в буржуазном обществе, как известно, есть еще и другие классы и прослойки: крестьяне, городская мелкая буржуазия (ремесленники, кустари, мелкие торговцы), интеллигенция, служащие. По своей численности и по роли в общественной жизни эти так называемые «средние (или промежуточные) слои» составляют значительную силу. Что же происходит с ними в условиях современного капитализма?

Идеологи реакционной буржуазии утверждают, будто идет процесс постепенного расширения «средних слоев» за счет всех других классов. Общество будто бы постепенно становится обществом одного, «среднего слоя», положение которого непрерывно улучшается. Тем самым, заявляют реакционные теоретики, капиталистическое общество освобождается

от классовых антагонизмов, становится обществом «социальной гармонии».

Факты действительности начисто опровергают эту пропагандистскую версию. Они говорят, в частности, о том, что развитие государственно-монополистического капитализма несет значительной части «средних слоев» прямое разорение.

Это относится прежде всего к самостоятельным мелким производителям (так называемым *старым* «средним слоям», т. е. тем, которые существуют в качестве своего рода пережитков докапиталистического способа производства и соответствующих ему форм обмена) — крестьянам, ремесленникам, кустарям и т. д.

В Западной Германии, например, за период с 1949 по 1958 г. разорилось более 200 тыс. крестьянских дворов. В США число ферм уменьшилось за 1940—1954 гг. на 1315 тыс. История, таким образом, убедительно подтверждает марксистский вывод о том, что в силу всеобщего закона накопления капитала собственников средств производства становится все меньше, а людей, вынужденных жить наемным трудом,— все больше.

В условиях государственно-монополистического капитализма массовое разорение мелких самостоятельных производителей — уже не только результат конкуренции с крупным капиталом. С помощью целого ряда государственных мероприятий (регулирование цен, кредитов и т. д.) монополии сознательно ускоряют этот процесс, держат курс на ликвидацию мелких производителей или их полное подчинение. Известно, что все большее число мелких производителей и торговцев остается «самостоятельным» лишь номинально: их средства производства фактически принадлежат кредиторам, банкам, крупным компаниям.

Если прослойка мелких производителей непрерывно разоряется и вымывается, то для интеллигенции, служащих и других прослоек, составляющих так называемые *новые* «средние слои», характерен противоположный процесс. Рост техники наряду с разбуханием аппарата управления (как в экономике, так и государственного) ведет к быстрому увеличению численности и удельного веса служащих, инженерно-технических и научных кадров, бухгалтеров, специалистов по торговле и рекламе, наконец, работников печати, просвещения, искусства и т. д.

Но положение этих растущих социальных слоев также изменяется к худшему, прежде всего потому, что труд основной массы интеллигенции по мере роста ее численности непрерывно обесценивается, утрачивает свой прежний привилегированный характер. Особенно наглядно об этом свидетельствует пример служащих. В 1890 г. среднее вознаграждение

служащего в США было почти в 2 раза больше средней заработной платы рабочего. В 1920 г. этот разрыв сократился до 65%. А в 1952 г. средний заработок служащего составлял лишь около 96% среднего заработка рабочего. Жалкое вознаграждение за свой труд получают учителя, многие группы научных работников и представителей ряда других специальностей.

Изменения в положении работников умственного труда, однако, не исчерпываются этой материальной стороной дела.

Характерное явление — утрата большинством из них, включая и так называемых лиц свободных профессий (адвокаты, врачи, деятели науки и искусства и т. д.), своей самостоятельности. Все большая часть людей умственного труда переходит на работу по найму, т. е. попадает в число тех, кто *непосредственно эксплуатируется* капиталистическими корпорациями. Это ведет не только к ограничению свободы профессиональной деятельности интеллигенции, представителей которой заставляют служить самым низменным интересам монополистических клик, но и к росту удушающего политического контроля. Различные реакционные мероприятия, характерные для политики монополий: репрессии, унизительные проверки «лояльности» — обрушиваются всей своей силой не только на передовую часть рабочего класса, но и на интеллигенцию. О том, насколько тяжело это отражается на ее положении, дают представление следующие слова Альберта Эйнштейна — знаменитого ученого, которому пришлось быть очевидцем разгула реакции вначале на своей родине, в Германии, а затем в США, куда он эмигрировал, спасаясь от фашистских преследований: «Если бы я вновь был молодым человеком и должен был выбирать профессию, я бы не пытался стать ученым или преподавателем. Я предпочел бы стать водопроводчиком либо лоточником в надежде найти ту скромную меру независимости, которая еще возможна в нынешних условиях». Каково же должно быть положение ученых в современном буржуазном обществе, если даже крупнейшие из них мечтают о том жалком подобии «независимости», на которое там еще может рассчитывать водопроводчик и лоточник!

Говоря о «средних слоях», надо, правда, помнить, что к их числу относят и такие социальные группы, которые в настоящее время верой и правдой служат реакционной буржуазии: верхушку чиновничества, высших служащих корпораций, привилегированные слои интеллигенции и др.

Но эти группы составляют лишь незначительную часть «средних слоев», и по их позиции никак нельзя судить о всех промежуточных классах и прослойках. Ибо, если брать «средние слои» в целом, противоречия, разделяющие их и

правящую клику монополистов, по мере развития государственно-монополистического капитализма становятся все более острыми, глубокими и непримиримыми.

В этом смысле политическая позиция «средних слоев», их место в классовых отношениях буржуазного общества в нашу эпоху принципиально меняется.

Было время, когда большая часть «средних слоев» (зажиточная часть крестьянства в развитых капиталистических странах, мелкие предприниматели и торговцы и т. д.) содействовала устойчивости власти господствующей буржуазии.

Сегодня как старые, так и новые «средние слои» в своей массе не укрепляют, а, наоборот, ослабляют позиции правящих клик буржуазии — монополистов. Ибо по своему положению и интересам эти слои, вопреки тому, что утверждают буржуазные и реформистские идеологи, все в большей степени становятся противниками монополий, естественными союзниками рабочего класса.

Пытаясь исказить картину классовых отношений, реакционные теоретики старательно запутывают также вопрос о господствующем классе, утверждая, будто в современном буржуазном обществе власть и влияние капиталистов идут на убыль. Капиталисты, говорят они, утратили или во всяком случае утрачивают свое господствующее положение; они без всякой революции, «мирным путем» сходят с общественной арены.

В чем же такие теоретики — от откровенных апологетов монополий и до ревизионистов включительно — усматривают упадок господства капиталистов?

Прежде всего в том, что якобы исчезает капиталистическая собственность, заменяемая собственностью многих акционеров, принадлежащих к самым разным классам общества, и тем самым совершается «революция в доходах», уравнивающая жизненный уровень населения.

Но в данном случае под новым ярлыком «народного капитализма» пропагандируется по сути дела очень старая, давно раскритикованная Лениным теория «демократизации» капитала путем выпуска мелких акций. Что касается «революции в доходах», то вместо нее фактически происходит дальнейшая поляризация богатств; пропасть между горсткой миллиардеров и массой обездоленных становится все шире и глубже.

В тех же США в 1956 г., по официальным данным, около 5,5 млн. семей, общей численностью в *17—20 млн. человек, получили меньший совокупный доход, чем чистая прибыль 17 крупнейших монополий!*

Доказывая «исчезновение» класса капиталистов, реакционные теоретики поднимают шум также вокруг налогов на сверхприбыль и наследство, утверждая, будто они ведут к

«мирному» переходу частной собственности во владение всего общества. Формально эти налоги действительно высоки, достигая 50 и более процентов суммы прибыли. Но, во-первых, корпорации нашли десятки способов уклонения от налогообложения. А во-вторых, взимаемые с них суммы возвращаются им с лихвой тем же государством через систему сверхприбыльных правительственных заказов и всевозможных льгот, словом, с помощью всего механизма государственного вмешательства в экономику, о котором шла речь выше. Не удивительно, что даже самые рьяные защитники монополий не могут привести ни одного факта, когда бы монополист разорился, а его имущество перешло в общественное владение из-за налога.

Широкое хождение в буржуазной пропаганде получила на протяжении последних десятилетий и теория «революции управляющих», согласно которой подлинная власть над экономикой (а следовательно, и политикой) якобы переходит в буржуазных странах от тех, кто «формально» ею владеет, к тем, кто фактически управляет (директора, служащие правлений и исполнительных советов корпораций, высший технический персонал и т. д.). Эти люди, по словам реакционных теоретиков, составляют новый правящий класс, действующий в интересах всего общества.

Что касается роли капиталистов в производстве, то она действительно изменяется — владельцы собственности утрачивают последние полезные функции, передавая их наемным служащим. Это еще один довод в пользу экспроприации капитала и перехода к социализму. Но эксплуататорскую природу капитализма это отнюдь не меняет.

Ведь подлинная власть над производством остается у владельцев, а не у тех, кто от их имени руководит технологическим процессом, организует учет, снабжение, сбыт продукции и т. д. Инженеры и служащие монополистической компании не могут сместить ее владельцев или заставить их отказаться от части прибылей в пользу рабочих. Зато владельцы, как и сто лет назад, могут смещать и нанимать инженеров и служащих, диктовать им свою волю.

Есть, конечно, среди крупных служащих трестов и такие, которые действительно обладают значительной властью: президенты крупных акционерных компаний, председатели правлений и исполнительных советов и т. д. Но это на деле те же капиталисты, только получающие часть прибылей под видом жалованья.

Таким образом, тех изменений в положении класса капиталистов, о которых шумят буржуазные теоретики, реформисты и ревизионисты, просто нет в природе. Это, однако, не значит, что в положении буржуазии не произошло за последние десятилетия никаких изменений.

Такие изменения, несомненно, есть. Главное из них — дальнейшее *расслоение* этого класса. Буржуазия, конечно, и раньше не представляла собой монолитного целого. Но в современную эпоху ее расслоение принимает принципиально новые формы.

Горстка монополий, подчинившая себе государственную машину, поднимается все выше не только над обществом, но и над классом капиталистов. «Выбиться» в число власть имущих, т. е. владельцев крупнейших концернов и трестов, становится почти невозможным не только для рядового человека, но и для среднего капиталиста, каким бы ловким и оборотистым он ни был. Во главе общества вместо сменявших одна другую группировок буржуазии становится несменяемая и фактически безответственная клика монополистов, опирающихся на узкий круг непосредственно связанных с ними высших служащих корпораций и представителей бюрократической и милитаристской верхушки.

В результате разорение становится уделом все большей части мелких и средних предпринимателей. Процент «смертности» принадлежащих им фирм временами бывает настолько высок, что отдельные буржуазные экономисты сравнивают его с процентом детской смертности в колониях. Для такого предпринимателя все острее становится проблема *самого его существования* как представителя привилегированного класса.

Мелкие и средние предприниматели в этих условиях оказываются в парадоксальном положении. С одной стороны, они сегодня, как и полвека назад, остаются эксплуататорами, извлекая прибыль за счет труда наемных рабочих. С другой стороны, их самих угнетают и грабят всемогущие тресты и корпорации.

Государственно-монополистический капитализм, таким образом, не только усиливает расслоение в среде буржуазии, но и ведет к расколу в ее рядах: по одну сторону оказывается всесильная монополистическая верхушка, а по другую — масса средних и мелких капиталистов, составляющих большинство этого класса. Тем самым социальная база господства монополистического капитала сужается еще больше.

5. Последняя ступенька исторической лестницы капитализма

Каждый новый этап общего кризиса капитализма — это не только результат перемен, имевших место в прошлом, но и предпосылка новых перемен, преддверие будущего. Однажды начавшись, общий кризис капитализма развивается с нарастающей силой, вплоть до полного крушения капита-

лизма. Анализ положения современного капитализма и основных закономерностей его развития позволяет сделать вывод о том, что все меры, предпринятые монополистической буржуазией для спасения капитализма, не несут избавления от подтачивающих его противоречий, а, напротив, ведут в конечном счете к дальнейшему его расстройству.

Империалистический лагерь не в состоянии приостановить процесс дальнейшего изменения соотношения сил в пользу социалистического лагеря.

В борьбе против социалистических стран империалистический лагерь использовал все средства — от прямой войны (в Корее) и попыток организовать контрреволюционный мятеж (в Венгрии) до всевозможной подрывной деятельности. Но в ответ на ожесточенные атаки империалистов против социалистических стран лагерь социализма сплотился еще больше.

Правда, непрестанная гонка вооружений и подготовка войны со стороны империалистических государств вынуждают и социалистические страны отвлекать от мирного строительства значительную часть своих сил и ресурсов, чтобы обеспечить свою обороноспособность. Но превосходство социалистического способа производства настолько велико, что даже и в таких условиях страны социалистического лагеря добиваются все больших успехов в экономическом соревновании с мировой системой капитализма, все более явно одерживают в нем верх. Победы в этом всемирно-историческом соревновании вдохновляют народы социалистических стран на новые трудовые подвиги, помогают дальнейшему росту темпов мирного строительства и в то же время в капиталистических странах усиливают тягу трудящихся к социализму.

Не имеют успеха и попытки империалистов восстановить свои рушащиеся колониальные империи или хотя бы приостановить процесс дальнейшего распада колониальной системы. Пытаясь грубой силой укрепить и восстановить колониализм, монополистическая буржуазия сама способствует еще большему обострению противоречий между империалистическими державами и народами колоний и полуколоний, а также стран, освободившихся от колониального гнета. А попытки экономического закабаления бывших колониальных народов толкают эти народы на сближение и сотрудничество со странами социалистического лагеря.

Такими же тщетными оказываются в конечном счете и попытки монополистической буржуазии подавить классовую борьбу трудящихся в метрополиях. Правда, как показывает исторический опыт, с помощью свирепого террора и безудержной демагогии можно на время свести почти на нет открытые выступления рабочего класса и других отрядов трудящихся.

Пример тому — фашистский режим в Германии и Италии. Но в современных условиях, когда выросли организованность и мощь освободительного движения всех противников монополистической буржуазии, такого рода политику становится все труднее проводить в жизнь. А если это в той или иной мере и удается, господствующая олигархия не ликвидирует классовых конфликтов, а лишь загоняет их вглубь, способствуя в то же время росту классовой ненависти трудящихся. Чем усиленней реакционная буржуазия использует в своих интересах государство, чем усерднее она прикрывается им, как щитом, защищаясь от всех ударов, которые ей уготовила история, тем действенней она убеждает широкие массы трудящихся в том, что без борьбы за государственную власть невозможны защита и удовлетворение их интересов.

Вопреки всем стараниям реакционной буржуазии главных капиталистических стран, растут и будут расти и противоречия внутри империалистического лагеря. Для осуществления своих честолюбивых замыслов завоевания мирового господства и расправы с освободительным движением народов американский империализм нуждается в положении гегемона капиталистического мира и превращении всех крупных капиталистических стран в своих союзников. Спору нет, коечего ему удалось тут добиться. Но нельзя забывать, что империализм может приобретать союзников, лишь подчиняя их себе. А это ведет к постоянным столкновениям с правящими кругами тех государств, которые привязаны к колеснице американского империализма, тем более что в силу неравномерности развития капитализма сложившийся раздел сфер влияния перестает соответствовать фактическому соотношению сил в капиталистическом лагере.

Из всего этого можно сделать вывод, что главные трудности у современного монополистического капитализма не позади, а впереди. Общественный характер производства все более властно требует и будет требовать ликвидации частной собственности на средства производства, замены капитализма социализмом. Финансовый капитал попытался перехитрить историю, вместо социалистического обобществления подсунуть свое господство в новых, государственно-монополистических формах. Но эта попытка обречена на провал. Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический есть не спасение изжившей себя системы, а лишь *завершение материальной подготовки* нового, социалистического общественного строя. «...Государственно-монополистический капитализм,— писал Ленин,— есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет»* [6].

Таким образом, в недрах капиталистического строя совершаются важные экономические процессы, результаты которых после завоевания власти трудящимися существенно облегчают социалистическое преобразование общества. В развитых капиталистических странах социалистическая национализация собственности монополий привела бы к обращению в общенародную собственность 60, 70 и более процентов общественного производства. «...В обстановке революции, при революции,— подчеркивал Ленин,— государственно-монополистический капитализм *непосредственно* переходит в социализм» [7].

Что касается политических предпосылок социалистической революции, то они, как это и предвидел Ленин в своем анализе империализма, также продолжают нарастать.

Государственно-монополистический капитализм ведет не к затуханию классовых противоречий, а, напротив, к росту классовой борьбы пролетариата, углублению антагонизма между реакционными кликами монополистической олигархии и всеми другими классами и слоями современного буржуазного общества, к нарастанию новых демократических движений, все теснее смыкающихся с освободительной борьбой рабочего класса, к установлению широчайшего антимонополистического и антиимпериалистического фронта.

Все эти явления современного капитализма, подробно разбираемые в главах следующего раздела, знаменуют собой вступление этой изжившей себя социальной системы в эпоху окончательной гибели.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗДЕЛ

ТЕОРИЯ И ТАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ГЛАВА 11

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА

На основе глубокого анализа экономики капитализма Маркс и Энгельс пришли к выводу, что в недрах этого социального строя заложены семена его гибели, его замены новой общественной системой — социализмом. Но основоположники марксизма выяснили не только основное направление дальнейшего развития; в лице пролетариата, рабочего класса они открыли и ту ведущую социальную силу, которой суждено осуществить великое общественное преобразование — сокрушить капитализм и построить социализм.

Это открытие было изложено и всесторонне обосновано Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии», вышедшем в свет в Германии в 1848 г. «...Буржуазия,— сказано в «Манифесте»,— не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие,— современных рабочих, *пролетариев*». «...С развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны» [1].

1. Рабочий класс — освободитель трудящегося человечества

Из чего исходили Маркс и Энгельс в своем предвидении всемирно-исторической миссии рабочего класса?

Во-первых, из того факта, что рабочий класс, представляя собой самый эксплуатируемый класс капиталистического общества, уже в силу условий своей жизни становится наиболее последовательным и непримиримым противником капиталистических порядков. Кровный классовый интерес толкает рабочих к непримиримой борьбе против капитализма. «Из

всех классов, которые противостоят теперь буржуазии,— подчеркивали Маркс и Энгельс,— только пролетариат представляет собой действительно революционный класс» [2].

Во-вторых, они исходили из того, что рабочие по самому своему положению в производстве связаны не с его прошлым, а с его будущим — следовательно, и с будущим всего общества.

Что это значит?

Это значит, прежде всего, что развитие материальной основы капитализма — крупной промышленности — не угрожает существованию пролетариата как класса, не подрывает его позиций в обществе, а, напротив, ведет к росту численности рабочих и увеличению их роли в общественной жизни.

Это значит, далее, что интересы и стремления рабочего класса совпадают с основным направлением развития производительных сил. Достигнутый при капитализме уровень развития этих сил требует ликвидации частной собственности на средства производства. Осуществить эту задачу призван рабочий класс. Он объективно заинтересован не только в свержении капитализма, но и в замене его именно социализмом — тем строем, который, придя на смену капитализму, открывает простор для гигантского роста производительных сил общества.

Как писали Маркс и Энгельс, пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит самой себе. Действительно, рабочий класс — это единственный класс, который не имеет частной собственности на средства производства, значит, ему не приходится ею дорожить. Мало того, так как частная собственность на средства производства есть основа эксплуатации рабочего капиталистом, то, стало быть, *ликвидация и замена ее общественной собственностью есть единственный путь освобождения рабочего класса.*

Делая вывод о том, что именно рабочий класс призван сокрушить капитализм и построить социализм, Маркс и Энгельс исходили также из того, что это единственный класс, который обладает качествами борца, необходимыми для осуществления такой великой исторической задачи.

Что же это за качества?

За рабочим классом, прежде всего, преимущество массы. Он один из самых многочисленных и притом бурно растущих классов капиталистического общества.

Но дело не только в этом. Рабочий класс в силу самих условий своей жизни и труда способен к наиболее высокой организованности. Работа на крупном производстве повседневно прививает рабочим такие качества, как дух коллективизма, способность к строгой дисциплине, к сплоченным действиям, взаимной выручке и поддержке. Эти свойства неоце-

ними не только в труде, но и в борьбе. Собирая тысячные массы рабочих под крышами заводов или фабрик, к тому же, как правило, расположенных в крупных городах, капиталисты сами способствуют преодолению разобщенности и изолированности, которые были проклятьем других массовых движений трудящихся, особенно крестьянского движения. Поэтому рабочие легче, чем какой-либо иной класс, способны к сплочению и организации.

Рабочий класс обладает также наибольшей среди угнетенных классов способностью развивать свое сознание, воспринять передовое, научное мировоззрение. Крупная промышленность требует более культурного работника, чем хозяйство других укладов. А условия классовой борьбы в эпоху капитализма требуют несравненно более высокого политического сознания. Пролетариат приобретает политическое сознание не только и не столько из книг, сколько из опыта труда и борьбы. Кроме того, на сторону рабочего класса переходят лучшие умы интеллигенции, помогающие ему выработать и обрести научное революционное мировоззрение; становясь достоянием миллионов рабочих, оно превращается в огромную силу.

Рабочий класс — это в то же время самый боеспособный и революционный класс общества.

Все это и делает его носителем миссии ликвидации капитализма и замены его социализмом.

Эта миссия рабочего класса не случайно называется всемирно-исторической.

В ходе истории во главе общества оказывались различные классы — рабовладельцы, феодалы, капиталисты. Переделывая общество в соответствии со своими потребностями и интересами, каждый из этих классов содействовал установлению более передового способа производства. Но социальная несправедливость и неравенство при этом неизменно сохранялись. Во главе общества каждый раз вставала очередная горстка угнетателей, а каждый новый шаг по пути прогресса оплачивался ценой неимоверных страданий трудящихся масс, всегда составляющих огромное большинство общества.

Рабочий класс, становясь во главе общества, навсегда кладет конец этой величайшей несправедливости. Освобождая себя, он вместе с тем освобождает все человечество. Переделывая общество в соответствии со своими потребностями и интересами, он создает новое общество, в котором обретут подлинное счастье все люди. Ведь призвание рабочего класса состоит в том, чтобы окончательно устранить первооснову социальной несправедливости — частную собственность на средства производства, которая обусловила раскол общества на богатых и бедных, на эксплуататоров и

эксплуатируемых, угнетателей и угнетенных. Осуществление этой задачи — единственный путь к освобождению общества от нищеты и бесправия масс, политического и национального гнета, милитаризма и войн.

«Все до сих пор происходившие движения,— писали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»,— были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства» [3].

Учение о всемирно-исторической миссии рабочего класса представляет собой важнейшую часть марксистского мировоззрения. Оно впервые указало реальный путь осуществления стремлений угнетенных и эксплуатируемых масс к свободе и справедливости. Сколько выдающихся людей и целых общественных движений зашло в тупик только потому, что не видело той социальной силы, которая способна дать народам свободу, благосостояние и счастье! Одни апеллировали к мудрости монархов, другие надеялись, что общество будет спасено творческим гением ученых и инженеров, третьи рассчитывали на подвиг «критически мыслящих личностей», четвертые уповали на возрождение патриархального крестьянского быта и цеховых порядков средневекового ремесла. Но все эти надежды и расчеты вели лишь к бесцельной растрате сил и энергии, а нередко и человеческих жизней. Светлая вековая мечта человечества — социализм — перестала быть бесплотной утопией лишь с того момента, когда появилась и была научно установлена общественная сила, способная претворить эту мечту в жизнь, когда всемирно-историческая миссия рабочего класса стала очевидной для самих рабочих и передовых представителей других угнетенных классов капиталистического общества.

Вот почему В. И. Ленин, оценивая исторические заслуги основоположников марксизма, писал: «Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как созидателя социалистического общества» [4].

2. Рост удельного веса и общественно-политической роли рабочего класса

В то время когда Маркс и Энгельс открыли всемирно-историческую миссию рабочего класса, этот класс представлял собой еще довольно немногочисленный слой населения даже в развитых странах мира. А в большинстве других стран его ряды были в тот период совсем малочисленны.

Кроме того, это был класс, который еще только начинал осознавать свои интересы. Ему еще предстояло развиться в

сознательную и организованную силу. Идеи научного социализма и коммунизма были достоянием лишь небольшой группки сознательных рабочих и передовых интеллигентов, вставших на сторону рабочего класса. Первая марксистская партия — Союз коммунистов, созданный Марксом и Энгельсом в 1847 г., объединял всего несколько сот человек, разбросанных по разным странам мира. Только зарождалось и профсоюзное движение.

Однако не понадобилось и одного века, чтобы то, что раньше было открыто лишь взорам двух гениальных ученых, стало очевидным для многих миллионов людей.

Рабочий класс превратился в главную общественно-политическую силу современности и в ряде стран уже на практике доказал способность выполнить свою историческую миссию: ликвидировать капитализм и построить социализм. Но и в тех странах, где рабочие в настоящее время еще представляют собой угнетенный класс, его силы и способность к борьбе в огромной степени выросли.

Рост рядов рабочего класса

В середине 19 века число рабочих в США составляло около 1 млн. человек, т. е. примерно 5—6% населения. В 1957 г. в Соединенных Штатах насчитывалось примерно 20 млн. рабочих, что составляет вместе с семьями около половины населения.

В Германии рабочий класс сто лет назад составлял менее 3% населения, а в середине 20 века — более половины.

В Англии рабочий класс составляет ныне подавляющее большинство.

В настоящее время число лиц, занятых в промышленности всех стран мира, достигло примерно 200 млн. человек. В основном это рабочие. Значит, вместе с членами семей армия промышленных рабочих уже сейчас насчитывает не менее полумиллиарда человек. И это несмотря на то, что процесс развития крупной промышленности в самых населенных странах (Китай, Индия) начался сравнительно недавно. Число и удельный вес промышленных рабочих в мировом населении будут быстро расти и впредь.

Даже с точки зрения одной своей численности рабочий класс стал, таким образом, большой силой. Это — неопровержимое свидетельство правоты марксистского учения, которое еще сто с лишним лет назад предсказало, что рабочий класс в ходе исторического развития будет непрерывно расти, в то время как удельный вес других классов будет сокращаться.

Еще больше выросла роль рабочего класса в экономической жизни общества. В более или менее развитых странах этот класс производит сейчас бóльшую часть национальных

богатств. Его труд — основной источник материальных ценностей, обеспечивающих жизненные потребности человечества.

Самый организованный и сознательный класс трудящихся

Маркс и Энгельс угадали в рабочем классе такую способность к организации, которой нет ни у одного другого класса. Это предвидение полностью оправдалось. Путь рабочих к классовой организации был сложен и многотруден. Каких только препятствий не воздвигала на этом пути господствующая буржуазия! Запреты и репрессии, беспощадная расправа с вождями пролетариата, создание лжерабочих организаций, вроде желтых профсоюзов, идущих на поводу у предпринимателей и полиции, разжигание национальных конфликтов и расовой ненависти — все было пущено в ход, чтобы увековечить разобщенность рабочих.

Но силы, толкавшие пролетариев к организации: необходимость отстаивать свои интересы под угрозой голода и нищеты, солидарность, вырабатывающаяся в классовой борьбе,— оказались достаточно могучими, чтобы преодолеть все препятствия и преследования.

Рабочий класс, как правило, начинал свое объединение с таких форм, как кассы взаимопомощи, больничные кассы, кооперативы и др. По существу это были еще формы взаимной выручки, взаимной поддержки, а не борьбы. Однако наряду с этими организациями уже в первой половине 19 века начали возникать *профессиональные союзы*, которые позволяли рабочим вести действенную борьбу за свои непосредственные экономические интересы. Долгое время на одном и том же предприятии существовало много не связанных между собой цеховых союзов. Затем в большинстве стран профсоюзы все чаще стали строиться по производственному признаку. Параллельно шло их слияние в единые общенациональные, а затем и международные объединения. Сегодня профессиональные союзы объединяют во всем мире более 160 млн. трудящихся.

Но одной профсоюзной организации для борьбы рабочего класса оказалось недостаточно. Потребности борьбы за непосредственные интересы и особенно борьбы за великую цель рабочего движения — социализм — закономерно вызвали к жизни еще более высокую форму организации — *политическую партию* рабочего класса. Эта форма также прошла во многих странах сложный путь развития — от небольших кружков и групп до многомиллионных партий, связанных между собой узами интернациональной солидарности. В настоящее время в рядах политических партий рабочего класса насчитывается свыше 43 млн. человек, из которых более 33 млн.— члены партий нового типа, основанных на принципах марксизма-ленинизма, т. е. партий, ведущих не-

примиримую борьбу за интересы рабочих и действительно способных эти интересы успешно защищать.

Современный рабочий ушел далеко вперед от того малограмотного пролетария, который во второй половине 19 века был типичной фигурой в рабочем классе большинства буржуазных стран. Неизмеримо возросли не только профессиональная квалификация, но и культурный уровень рабочих. Современный рабочий класс — не только полноправный наследник культурных ценностей прошлого, но и ведущая сила в деле создания новой, социалистической культуры, которая стала господствующей в странах социализма и завоевала прочные позиции в ряде других стран.

В пролетарской среде родилась и успешно развивается новая, коллективистская мораль, во многом предвосхищающая мораль грядущего коммунистического общества. Закон капитализма «человек человеку — волк» лежит в основе частнособственнической, индивидуалистической морали и психологии. Рабочий класс отвергает эту волчью мораль. С первых шагов своей производственной и общественной жизни пролетарий на собственном опыте усваивает старинный принцип рабочего движения: «рабочий рабочему — брат». Этот принцип сознательный рабочий толкует расширительно: он брат не только другому рабочему, но и всем угнетенным и эксплуатируемым. Люди труда, прежде всего рабочие, оказались единственной социальной средой, где не смогли укорениться аморальность и разложение, охватывающие все более широкие слои буржуазного общества. Человечность, честность, самоотверженность, великодушие — все эти черты характерны сегодня прежде всего для простых людей, для рабочих, высоко поднявших значение идеалов подлинного гуманизма.

Культурный и моральный рост рабочего класса сопровождался ростом его политической сознательности, хотя процесс этот развивался неравномерно в различных странах: в некоторых из них, включая страны с относительно высоким культурным уровнем, буржуазии удалось затемнить классовое, политическое сознание значительной части рабочих, подчинить их своему идеологическому влиянию.

К осознанию себя как класса, к правильному пониманию своих интересов и путей освободительной борьбы рабочие шли не через классные комнаты и университетские аудитории, а через огонь повседневной борьбы и великих классовых боев, триумфальных побед и горьких поражений. Тем более прочным оказалось это образование. За истекшее столетие у рабочего класса накопился колоссальный опыт.

Этот опыт научно обобщен гениальными учеными и борцами: Марксом, Энгельсом, Лениным. Пролетариат получил

в свое владение бесценную сокровищницу марксистско-ленинских идей, представляющих собой высшее достижение науки и культуры.

3. Общность интересов рабочего класса и всех трудящихся

Сила рабочего класса не только в численности его собственных рядов, сознательности и организованности, но и в общности его интересов с жизненными интересами всех других отрядов трудящихся.

Эта общность интересов имеет глубокие корни в капиталистической действительности. От гнета капиталистов страдают не только рабочие, но и широкие массы крестьян, городской мелкой буржуазии, интеллигенции и служащих.

По мере развития капитализма и особенно с установлением всевластия монополий экономический и политический гнет господствующей буржуазии давит на все более широкие слои общества, становится все более невыносимым. Общие враги и общие интересы — вот та объективная основа, на которой складывается союз рабочего класса со всеми другими классами и слоями, противостоящими реакционной буржуазии. Такой союз удесятеряет силы пролетариата, делает его победу возможной и в тех странах, где он не составляет большинства населения. Так было, например, в России. А опыт Китая и некоторых других стран народной демократии показал, что, установив союз с широкими массами населения, рабочий класс может совершить социалистическую революцию и там, где он составляет сравнительно небольшую часть населения.

Независимо от того, как относятся другие прослойки трудящихся к основным целям социалистического движения, есть немало важных конкретных задач, за которые они могут бороться и борются вместе с рабочими. Среди этих задач на первом месте — защита непосредственных экономических интересов от посягательств монополий, сохранение мира, национальной независимости, демократии и т. д. Все эти проблемы вытекают из самих условий жизни широких масс и потому легче и быстрее всего ими осознаются.

Как рабочий класс, так и другие слои трудящихся кровно заинтересованы в объединении сил для защиты своих общих интересов. И те и другие только выигрывают от этого союза. Ведь плоды совместно одержанных побед достаются всем. Но и неудачи этой борьбы, обусловленные, как правило, именно разобщенностью сил, также бьют по всем трудящимся.

Единство интересов рабочего класса и всех трудящихся не исчерпывается общностью их непосредственных целей. Самые широкие массы глубоко заинтересованы и в достижении конечной цели, которую поставил перед собой пролетариат,— в свержении капитализма и построении социализма. Положение о том, что рабочий класс, освобождая себя, освобождает от всех видов гнета и все общество, не пропагандистская фраза, а точная, научно достоверная характеристика объективных процессов действительности. Вот почему и в борьбе за социализм другие трудовые слои имеют все основания быть союзниками рабочего класса.

Основные массы *крестьянства*, составляющего во многих странах самый многочисленный слой населения, до сих пор страдают либо от пережитков феодализма, либо от гнета капиталистических монополий, либо от переплетения того и другого. Может ли капитализм решить проблемы, волнующие крестьянство? Нет, потому что капиталистическое развитие сулит лишь дальнейшее разорение, обезземеливание, пролетаризацию деревни. Только социализм решает проблемы, стоящие перед трудящимся крестьянством, освобождая его от гнета как помещиков, так и капиталистов, открывая перед ним такие широкие перспективы, о которых крестьяне раньше не могли и мечтать.

Так же обстоит дело и с *городской мелкой буржуазией*. В условиях капитализма, особенно на современном этапе, эта многочисленная социальная прослойка еле-еле поддерживает свое существование под гнетом крупного капитала, постоянно находясь на грани разорения. Коренное решение проблем, стоящих перед городской мелкой буржуазией, также возможно только при социализме. Кооперирование открывает широкий путь к обеспеченной жизни для ремесленников и кустарей. Бурный рост хозяйства при социализме даст работу всем нуждающимся в ней, обеспечивая им достойные человека условия жизни и свободу от страха разорения и нужды.

Довольно многочисленную и постоянно растущую прослойку капиталистического общества составляют лица, занимающиеся теми или иными видами *умственного труда*,— служащие, инженерно-технический персонал, учителя, врачи, творческая интеллигенция и др. Если в прошлом многие из них составляли привилегированную общественную группу, то теперь их подавляющая часть эксплуатируется и угнетается господствующей олигархией. Их избавит от гнета только социализм, который открывает невиданные просторы для научного и художественного творчества, ведет к расцвету культуры, освобождая работников умственного труда от уродующего влияния денежного мешка.

Рабочий класс — руководящая сила в борьбе народа за освобождение от капиталистического гнета

Таким образом, в современных условиях складываются особенно благоприятные условия для союза рабочего класса с другими социальными слоями, противостоящими реакционной буржуазии. Рабочий класс призван играть в таком союзе особую роль — роль руководителя, гегемона.

В этом заинтересованы сами союзники рабочего класса, которые только под его руководством могут добиться победы над монополистической буржуазией. Ведь рабочий класс — единственный класс, не только способный вести последовательную борьбу против гнета капитала, но и обладающий реальной программой переустройства общества в соответствии с жизненными интересами всех трудящихся. Лишь пролетариат может создать свою политическую партию, вооруженную научным мировоззрением, которая способна привести народы к этой заветной цели.

Для рабочего же класса его руководство освободительным движением других слоев трудящихся есть необходимая гарантия собственного социального освобождения. Лишь осуществляя ведущую роль, пролетариат способен выйти из рамок узкоцеховой борьбы за улучшение условий продажи своей рабочей силы капиталистам и подняться до роли руководителя нации, руководителя общества.

«Как единственный до конца революционный класс современного общества,— писал о рабочем классе В. И. Ленин,— он должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократический переворот, в борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров. Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии. Пролетарий, сознавший эту задачу, есть раб, восставший против рабства. Пролетарий, не сознающий идеи гегемонии своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения; в лучшем случае это — раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, *а не* за свержение рабства» [5].

Рабочий класс не стремится добиться привилегий за счет других классов и слоев народа. Напротив, руководство массами трудящихся накладывает на рабочий класс новые обязанности, в том числе обязанность учитывать особые интересы других трудовых слоев народа, заботиться об этих интересах, бороться за них, как за свои собственные. Следовательно, рабочий класс, отстаивая свою ведущую роль в освободительной борьбе трудящихся, исходит из того, что освободить себя он может, только освободив всех угнетенных и создав общество, свободное от всех видов эксплуатации и гнета.

4. Интернационализм — источник силы рабочего движения

Интернациональный характер рабочего движения

Не только угнетательские, но и угнетенные классы прошлого не могли быть интернационалистами. Этому препятствовали исторические условия, а также место этих классов в общественном производстве и их образ жизни.

Первый последовательно интернационалистский класс — рабочий класс, пролетариат. Он появился на исторической арене в эпоху, когда начало складываться мировое хозяйство, экономические связи обрели подлинно мировой характер, а вслед за хозяйственными в невиданной степени возросли культурные и прочие связи между странами и народами. Такова общая историческая обстановка, в которой возник и сложился интернационализм рабочих.

Однако подлинным интернационалистом делают рабочий класс не только внешние условия, но и его кровные классовые интересы. Рабочие не имеют частной собственности, разделяющей людей, не имеют и интересов, порождающих вражду к трудящимся других стран и национальностей. Напротив, коренной интерес рабочих всех стран — свержение гнета капитала — един. Этот интерес сплачивает их против международной силы капитала, делает для рабочих интернационализм не только возможностью, но и необходимостью, обязательным условием их успешной борьбы за социализм и коммунизм.

Интернациональный характер рабочего движения обнаружился рано. Рабочие каждой страны вели борьбу прежде всего против «своей» буржуазии, но они стали сговариваться о совместных действиях, оказывать друг другу поддержку и помощь, создавать свои международные организации.

С тех пор как возникло и распространилось во всем мире марксистское учение и сложились политические партии пролетариата, рабочее движение пронизано глубоким сознанием интернационализма. Маркс и Энгельс выразили принцип интернационализма в чеканной формулировке бессмертного лозунга: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Всякий, кто усвоил марксистское учение и понял открытую им всемирно-историческую миссию пролетариата, не может не быть интернационалистом, не может не стремиться сознательно к единству и сотрудничеству трудящихся всех наций. Вот почему, по мере того как марксизм-ленинизм побеждает в рабочем движении какой-либо страны, расширяются и интернациональные связи этого движения с трудящимися других стран.

Марксистско-ленинские партии выдвигают интернационализм как важнейшую составную часть своей идеологии и политики.

Без интернационализма, без соединения усилий рабочих всех стран нельзя победить мировую буржуазию и построить новое общество.

Пролетарский интернационализм — это, во-первых, научно обоснованная идеология общности интересов рабочего класса всех стран и наций. Во-вторых, это чувство солидарности трудящихся всех стран, братства людей труда. В-третьих, это определенный тип отношений между национальными отрядами рабочего класса. Эти отношения основаны на единстве и согласованности действий, помощи друг другу, взаимной поддержке и выручке. Особенность этих отношений состоит в том, что они строятся на *добровольной* основе, на сознании того, что такие взаимоотношения отвечают коренным интересам рабочих всех стран.

Пролетарский интернационализм вовсе не отрицает самостоятельности отдельных национальных отрядов рабочего класса, их права на независимое решение своих собственных дел. Но это ни в коей мере не ослабляет единства международного рабочего класса. Наоборот, как раз потому, что в политически сознательном международном рабочем движении царит дух подлинного равноправия и уважения интересов рабочих разных наций, между трудящимися всех стран все более углубляется взаимное доверие и стремление к сотрудничеству.

Буржуазные идеологи пытаются доказать, будто интернационализм рабочего класса ведет к пренебрежению национальными интересами своего народа. Это извращение существа пролетарского интернационализма. Именно освободительная борьба рабочего класса обеспечивает любой нации сохранение ее свободы и независимости, равноправие с другими нациями, подъем благосостояния всех слоев ее населения, расцвет национальной культуры.

Международная солидарность трудящихся

За прошедшее столетие международная солидарность и сплоченность пролетариата значительно выросли. Это нашло свое конкретное выражение прежде всего в области организации рабочего движения. Профессиональные союзы разных стран объединены теперь в крупные международные организации. Самая большая из них — Всемирная федерация профсоюзов, которая зарекомендовала себя как последовательная защитница международных и национальных интересов рабочих. Свои интернациональные связи развивали и политические партии рабочего класса, в первую очередь марксистско-ленинские партии. Различные формы международного сотрудничества выработали и другие организации трудящихся (молодежные, женские, кооперативные), а также прогрессивные демократические движения, в

которых ведущую роль играет рабочий класс (движение народов в защиту мира и др.).

Но развитие пролетарского интернационализма не исчерпывается организационными формами. Большие сдвиги произошли в сознании рабочих, а под их влиянием и в сознании всех трудящихся. Люди труда все в большей степени осознают свою общность с трудящимися других стран и национальностей, все глубже понимают значение единства, сплоченных действий, классовой солидарности.

Такие сдвиги в сознании имеют глубокие корни в исторической действительности. Превращение монополистического капитала в международную реакционную силу, образование на этой основе империалистического лагеря, готового идти на любое преступление, любую гнусность, чтобы грабить и угнетать все народы мира, объективно способствуют осознанию трудящимися разных стран общности их коренных интересов. Сама жизнь подводит рабочих к пониманию того, что им не могут быть безразличны судьбы других стран и других народов. На суровых уроках истории они убеждаются, например, в том, что колониальные войны, даже если они ведутся империалистами в самых отдаленных уголках земли, неизбежно несут трудящимся рост экономических тягот и политической реакции и, самое главное, усиление угрозы новой мировой бойни. Точно так же поражение, нанесенное империалистической буржуазией какой-либо страны своему рабочему классу, как показали уроки фашизма в Германии, может ухудшить условия для рабочего движения в других капиталистических странах и облегчить империалистам развязывание мировой войны.

Интернационализм рабочего класса, его международная солидарность показали себя действенной силой. Когда на молодую Советскую республику в 1918—1920 гг. обрушилась реакционная буржуазия других стран, международное рабочее движение выступило против империалистической интервенции. Большую роль сыграла международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом. Тысячи рабочих разных стран сражались против фашистов на полях Испании, а затем в рядах движения Сопротивления во Франции, Бельгии, Греции, Норвегии, Италии и других странах, оккупированных гитлеровцами. Рабочие всех стран поддерживали героическую освободительную войну советского народа против фашистских захватчиков.

После второй мировой войны международная солидарность рабочего класса нашла свое яркое воплощение в борьбе с новыми агрессивными происками империалистов, в поддержке выступлений Советского Союза и всего социалистического лагеря против империалистической агрессии. Это серьезно способствовало ограничению и ликвидации развязан-

ных империалистами войн против народов Индонезии, Индо-Китая, Кореи, Египта и других стран.

В наше время интернациональное единство действий трудящихся, их сплоченность и солидарность — это огромная сила в борьбе против посягательств империалистического лагеря на независимость, свободу и счастье народов. Поэтому коммунистические партии с особой настойчивостью выдвигают задачу укрепления международной солидарности трудящихся в борьбе за мир, демократию и социализм.

5. Препятствия и трудности на пути развития рабочего движения

Выдающиеся исторические победы и успехи рабочего класса завоеваны им в ожесточенной борьбе. На пути к ним лежали многочисленные преграды. Их тоже должен видеть каждый сознательный рабочий, каждый марксист с тем, чтобы лучше уяснить себе дальнейшие задачи международного рабочего движения.

Природа трудностей, стоящих перед рабочим движением, различна, но главные из них — трудности, воздвигаемые на его пути господствующей буржуазией. С этими трудностями пролетариату приходится сталкиваться все время. Преодолевать препятствия, чинимые господствующей буржуазией на пути освободительной борьбы трудящихся, — дело нелегкое. Ведь рабочим приходится бороться против класса, который имеет большой политический опыт, располагает мощным аппаратом как экономического давления, так и физического и духовного насилия. Рабочие организации еще далеко не везде научились успешно бороться с трудностями такого рода, и это служит одной из основных причин отставания социалистического движения в ряде буржуазных стран.

За свою более чем вековую историю рабочее движение понесло серьезные жертвы в результате террористической деятельности буржуазии: многие тысячи передовых пролетарских борцов были зверски убиты, десятки и сотни тысяч — брошены в застенки; рабочие организации не раз загонялись в подполье, их деятельность серьезно затруднялась.

В современных условиях господствующие круги капиталистических стран все больше применяют против наиболее активной и сознательной части рабочих полицейские репрессии, шантаж и запугивание. Чем более шаткими становятся позиции буржуазии, тем шире и чаще она пускает в ход насилие.

Но господствующая буржуазия не ограничивается в своей борьбе с рабочим движением одними лишь физическими расправами. Не меньшим проклятьем для рабочих в странах,

где имеется хроническая безработица, является постоянная угроза быть уволенными с работы и попасть в черные списки предпринимательских организаций. Этим бесчеловечным методом капиталисты Соединенных Штатов Америки оказывают теперь сильнейшее противодействие развитию самостоятельного рабочего движения.

Наряду с этим господствующая буржуазия широко пускает в ход обман, социальную демагогию и другие, более тонкие и хитрые, а потому и более опасные методы дезорганизации рабочего класса, стремясь подчинить его своему растлевающему духовному влиянию.

Дело усугубляется еще и тем, что сам рабочий класс неоднороден. Его ряды постоянно пополняются выходцами из среды разорившейся мелкой буржуазии. Эти люди нередко приносят с собой груз буржуазной идеологии, психологии и морали, которыми заражают других рабочих. Кроме того, следуя старинному правилу всех угнетателей — «разделяй и властвуй», крупные капиталисты стремятся подкупить верхушку пролетариата, создать из нее привилегированную прослойку — «рабочую аристократию», которую они хотят сделать своей опорой, рассадником буржуазного влияния внутри рабочего движения.

Все это делает известную часть рабочих восприимчивой к социальной демагогии буржуазии и ее агентов. Буржуазия обращает на такого рода деятельность все большее внимание. В последние десятилетия для ее обслуживания в США и других буржуазных странах помимо обычного аппарата идеологического воздействия на массы (печать, кино, радио и т. д.) были созданы даже специальные «науки» («общественные отношения», «человеческие отношения», «индустриальная социология и психология» и др.). Сотни и тысячи «специалистов» этих «наук» уже работают непосредственно на предприятиях, в правительственных и административных органах. На их обязанности лежит разработка различных мероприятий, направленных на дезорганизацию рабочего движения и срыв забастовок, а также на то, чтобы внушить рабочим довольство своей судьбой, создать видимость «классовой гармонии», установить «классовый мир» на предприятиях.

Раскол рабочего движения

Буржуазное влияние в рабочем движении проявляется в различных формах. Самая опасная из них — это распространение оппортунизма, реформизма. Суть оппортунизма состоит в стремлении «примирить» рабочее движение с капиталистическим строем. Отсюда и вся практика лидеров реформизма, направленная на соглашательство с господствующей буржуазией.

Реформизм вызвал глубокий раскол рабочего движения, который в капиталистических странах длится уже долго:

В этом главный вред, причиняемый оппортунизмом современному рабочему движению.

Раскол рабочего движения ослабляет ряды пролетариата, мешает его борьбе с буржуазией, облегчает капиталистам проведение реакционной, антирабочей политики. Отсутствие единства среди рабочих дает возможность буржуазии противопоставлять одну часть рабочего класса другой и даже использовать определенные группы рабочих, находящихся под ее влиянием, для борьбы не с врагами пролетариата, а с его братьями по классу, для борьбы против революционного рабочего движения. Раскол рабочего движения идет, понятно, только на пользу классу капиталистов, эксплуатирующему рабочих.

Серьезный ущерб рабочему движению наносит и распространение в среде пролетариата буржуазных идей *национализма* и *шовинизма*. Опасность национализма заключается прежде всего в том, что он отвлекает рабочих от борьбы против своего классового врага. Реакционной буржуазии не раз удавалось путем разжигания националистических настроений временно парализовать классовую борьбу пролетариата. Кроме того, распространение националистических и шовинистических идей ведет к разобщению рабочего движения, нарушает узы международной солидарности. Национализм и шовинизм, если с ними не борются, неизбежно разрушают рабочее движение, сталкивают его в русло сотрудничества с империалистической буржуазией.

Расколу рабочего движения содействует и *влияние церкви*. Реакционные церковники всячески пытаются изолировать религиозных рабочих от их братьев по классу, вовлекая их в сепаратные организации клерикального характера (христианско-демократические партии, католические профсоюзы и т. д.) и тем самым отвлекая их от борьбы против капитализма.

Однако среди самих верующих, а также среди определенной части духовенства антирабочая, реакционная политика церковных руководителей встречает растущее сопротивление. Известно немало случаев, когда честные священники, дорожащие своим добрым именем, включаются в борьбу за мир и выступают против реакции. Но эта деятельность идет вразрез с господствующими установками руководителей церкви, подчиняющих церковный аппарат целям империалистической реакции.

Таким образом, господствующая буржуазия еще располагает мощными средствами противодействия освободительной борьбе рабочего класса. Неверно было бы недооценивать вытекающие отсюда трудности. Нельзя забывать, что по мере усиления рабочего движения усиливается и сопротивление классовых противников пролетариата. Поэтому никакие

успехи рабочего движения не должны притуплять бдительность рабочего класса, ослаблять его активность и решимость в борьбе с теми препятствиями, которые еще лежат на пути осуществления им своей всемирно-исторической миссии.

6. Класс-борец, класс-созидатель

За сто с небольшим лет, отделяющих нас от первого самостоятельного революционного выступления рабочих (в 1848 г., во Франции), пролетариату пришлось провести тысячи и тысячи классовых битв, больших и малых, победоносных и кончавшихся поражением. В этих битвах рабочий класс продемонстрировал такой героизм, какого не проявлял ни один другой класс в истории.

Высокие качества борца, присущие рабочему классу, особенно наглядно выявились в Октябрьской революции 1917 г. в России, в революционных выступлениях рабочих ряда европейских стран после первой мировой войны, в народно-демократической революции в Китае и других странах.

В странах, где проживает более трети человечества, рабочий класс добился полного триумфа в освободительной борьбе, разгромив систему капиталистического рабства и взяв власть в свои руки.

Но борьба пролетариата превратила его в важную общественно-политическую силу и там, где еще господствует капитал. Это наложило глубокий отпечаток на всю нашу эпоху.

Борьба рабочего класса за свои непосредственные экономические интересы

Одно из основных направлений борьбы рабочих в капиталистических странах — это защита своих непосредственных экономических интересов, тех требований, которые связаны с улучшением *условий жизни и труда пролетариата.*

Рабочий класс широко развернул эту борьбу, несмотря на отчаянное сопротивление господствующей буржуазии, и добился серьезных успехов. Во многих развитых капиталистических странах ему удалось вырвать такие уступки, которые ограничивают капиталистический произвол и ограждают трудящихся от некоторых наиболее тяжких форм эксплуатации. Рабочий класс, в частности, смог добиться сокращения продолжительности рабочего дня с 12—16 до 8 часов, а для некоторых специальностей в отдельных странах и меньше. В ряде стран рабочие заставили буржуазию принять меры социального обеспечения (ввести пенсии, пособия по безработице, отпуска и т. д.), которые хотя и недостаточно, но все же облегчают их положение. Кое-где удалось несколько ограничить пагубные последствия чудовищной интенсификации труда, добиться улучшения системы охраны труда и неко-

торых льгот в области здравоохранения. Рабочие ряда стран сумели заставить буржуазию пойти на уступки и в области оплаты труда, несколько ослабив тем самым последствия непрерывного обесценения денег, которое стало бичом трудящихся во всех капиталистических странах.

Рамки борьбы рабочего класса за свои непосредственные экономические интересы на современном этапе исторического развития все более расширяются. Рост организованности и сознательности пролетариата дает ему возможность в своей классовой борьбе выдвигать и более общие требования, например ограничение экономического могущества монополий, изменение налоговой системы в пользу трудящихся, введение страхования от безработицы и т. п.

Экономические завоевания рабочего класса создали серьезный противовес тенденции ухудшения положения рабочих, с особой силой действующей в условиях современного капитализма. Они облегчили условия существования и других отрядов трудящихся. Кроме того, эти отряды под влиянием успехов рабочего движения сами вступили на путь борьбы за свои специфические непосредственные интересы, нередко заимствуя и те формы сопротивления эксплуататорам, которые выработал рабочий класс,— организацию в профсоюзы, проведение забастовок и др. В наше время эти формы борьбы состоят на вооружении не только рабочих, но и служащих (в том числе государственных), а также различных других отрядов интеллигенции (медицинских работников, учителей и т. д.).

В ряде капиталистических стран лидеры реформистского движения поспешили поставить себе в заслугу эти завоевания рабочего класса и пытаются доказать, что ему не к чему вести политическую борьбу и тем более бороться за свержение буржуазного строя. Такие утверждения представляют собой пустую демагогию. Своими завоеваниями пролетариат капиталистических стран обязан не соглашателям и оппортунистам, а прежде всего борьбе наиболее активных и сознательных рабочих. В большинстве случаев капиталисты идут на уступки именно под давлением левого крыла рабочего движения и из боязни «полевения» всех рабочих.

Далее следует учитывать, что многие успехи рабочих в борьбе за их непосредственные интересы оказались возможными лишь потому, что победа рабочего класса в СССР и странах народной демократии заставила мировую буржуазию пойти на такие уступки, о которых она несколько десятилетий назад и думать не хотела. Надо помнить и то, что значительной частью своих успехов в защите непосредственных экономических интересов пролетариата рабочее движение обязано не экономической, а *политической борьбе.* Рабочему классу куда легче говорить с буржуазией о заработной плате,

пенсиях, сокращении рабочего дня и т. д., когда за ним стоят сильные и боеспособные политические партии, когда он оказывает непрерывный политический нажим на правящие классы.

Пытаясь извратить сущность разногласий между оппортунистами и марксистами-ленинцами, лидеры реформизма изображают дело так: коммунисты, дескать, против борьбы рабочих за свои непосредственные интересы, они на деле даже заинтересованы, чтобы рабочий класс жил хуже,— тогда он будет активней бороться с капиталом! Нет ничего более далекого от истины, чем подобная клевета. Коммунисты последовательно отстаивают все интересы и требования рабочего класса как ближайшие, так и конечные. Они поддерживают все меры, которые могут сделать жизнь рабочих легче и лучше. Но в отличие от оппортунистов коммунисты ясно понимают, что экономическая борьба может дать только ограниченный результат, ибо она оставляет нетронутой капиталистическую систему наемного рабства. А широко понятый интерес рабочих состоит не в одном лишь улучшении условий наемного рабства, а в полном освобождении от него. Для этого рабочий класс и должен вести не только экономическую, но и политическую борьбу. Причем обе эти формы борьбы не исключают, а, напротив, дополняют друг друга, помогают добиться успехов в защите как ближайших, так и конечных интересов рабочих.

«Добиваясь улучшения условий жизни,— писал В. И. Ленин,— рабочий класс поднимается вместе с тем и морально, и умственно, и политически, становится более способным осуществлять свои великие освободительные цели» [6].

Ведущая сила всех демократических движений

Непосредственные интересы рабочего класса никогда не исчерпывались улучшением его экономического положения. Рабочий класс с самого своего возникновения включил в программу своей борьбы и широкий круг общественно-политических интересов. Эти интересы заставляли его еще в эпоху буржуазных революций сражаться против феодально-абсолютистской реакции. Активное участие принимал пролетариат многих стран в борьбе за национальную независимость, против захватнических войн и т. д.

В ходе истории круг экономических, политических и культурных интересов рабочего класса становился все шире, а их защита приобретала все более важное значение в его борьбе. Например, такие вопросы, как реформа системы образования, бюджетные ассигнования на науку и искусство, новые правила парламентской процедуры, могли лишь в минимальной степени интересовать рабочее движение начала 19 века. А сегодня они нередко становятся объектом серьезной борьбы между рабочим классом и реакционной буржуазией.

Играют свою роль и изменения, которые претерпевает капитализм. По мере того как эта социальная система становится все более реакционной, по мере того как монополии переходят в наступление в различных областях общественной жизни, у рабочих и всех трудящихся появляются многие новые интересы и приобретают все большее значение некоторые старые.

Переход к империализму, а затем попытки монополий насадить фашистские порядки сделали одним из самых жгучих для трудящихся вопрос о сохранении гражданских прав и свобод. Рост агрессивности реакционной буржуазии и развитие средств массового уничтожения придали невиданную остроту проблеме разоружения и обеспечения мира.

Так само историческое развитие выдвинуло рабочий класс на роль защитника интересов всех слоев народа. Ибо борьба за демократию, мир, государственный суверенитет — это борьба за *общенациональные* интересы.

Задача борьбы за общедемократические цели, во весь рост вставшая перед рабочим движением в наше время, *отражает объективные потребности общественного развития.* Она не выдумана и не навязана этому движению извне. Рабочий класс становится во главе общедемократических движений не из стремления «заманить» кого-то на свою сторону, а потому, что этого требуют его кровные интересы.

Огромное значение для расширения круга интересов, за которые ведут борьбу рабочие, для роста их политической роли в обществе имело то обстоятельство, что пролетариат создал боеспособную, высокоорганизованную, вооруженную научной теорией *марксистско-ленинскую партию.* Она помогла рабочему классу осознать свою роль в жизни общества, выдвинула этот класс в первые ряды борцов за интересы своего народа, выработала пути сплочения всех трудящихся против реакции. Такая деятельность марксистско-ленинских партий имеет историческое значение для судеб мира, спасая общество от многих бедствий, которые порождает империализм.

Рабочий класс — надежда прогрессивного человечества

Выдающиеся качества борца делают рабочий класс авангардом всего прогрессивного человечества. Во многих странах рабочий класс свергнул буржуазию и встал во главе общества.

В отличие от угнетенных классов прошлого — рабов и крепостных крестьян — этот класс, сыграв роль основной ударной силы, свергающей старых правителей и ломающей старые порядки, не сходит после этого с исторической сцены. Перед ним стоит еще и задача построения нового общества, которую рабочие не могут перепоручить никому другому. Чтобы выполнить эту задачу, нужны уже не только качества

борца, но и способности к творческой, созидательной деятельности во всех областях жизни общества: экономической, культурной, политической, военной.

Способности к творчеству у рабочего класса объективно должны быть выше, чем у любого другого класса в истории, ибо никому другому и не выпадала столь великая историческая миссия. Ведь по глубине и масштабам переустройства общества переход от капитализма к социализму превосходит все другие социальные революции.

История показала, что рабочий класс в полной мере обладает способностями к творческой, созидательной деятельности, необходимой для строительства нового общества. Об этом говорит опыт рабочих России и Китая, Польши и Чехословакии, Болгарии и Румынии и других стран, успешно строящих общество, основанное на социалистических и коммунистических началах.

В ходе такого преобразования общества, конечно, меняется и лицо самого рабочего класса. Без этого невозможно строительство социализма, а затем коммунизма.

Великую миссию освобождения всех трудящихся рабочий класс может выполнить лишь в том случае, если он проникнется революционным сознанием и марксистско-ленинской идеологией. Для этого сам рабочий класс должен освободиться от влияния буржуазных идей. Маркс указывал, что пролетарская революция нужна не только для завоевания рабочим классом политической власти, но и для того, чтобы в ходе революции он очистил себя от скверны старого общества. Это очищение требует длительных исторических сроков.

Далее, рабочий класс, завоевавший политическую власть, ставит своей целью овладеть сокровищницей знаний, накопленных человечеством. К выполнению грандиозной задачи строительства нового общества он привлекает лучших людей науки и техники, интеллигенцию, выросшую в старом обществе, и одновременно создает свою, новую, народную интеллигенцию, вырастающую из среды рабочего класса и трудящегося крестьянства. Более того, в ходе строительства социализма и движения к коммунистическому обществу возникает настоятельная потребность сделать весь рабочий класс по-настоящему образованным, т. е. имеющим среднее и высшее образование, высокую культуру и специальные знания в какой-либо отрасли общественного производства.

На пути к осуществлению своей всемирно-исторической миссии рабочий класс, возглавляющий прогрессивные силы, уже заслужил высокий авторитет и признательность всех трудящихся, всех честных людей. Победы рабочего класса намного сократили страдания и бедствия человечества, а для народов ряда стран уже открыли путь к благосостоянию и счастью.

Но борьба между силами реакции и силами прогресса далеко не закончилась. Напротив, она вступила в решающую фазу. Над миллионами людей нависла угроза чудовищного истребления в атомной войне. Десятки миллионов еще стонут под игом колониального гнета. Для трудящихся многих капиталистических стран снова стала реальной растущая опасность реакции и фашизма. Империализм угрожает мировой культуре и цивилизации. А сколько еще осталось на земле обездоленных людей, сколько осталось нищеты, страданий и несправедливости!

Может ли человечество навсегда избавиться от всех этих бедствий? Да, может. Сегодня марксисты-ленинцы с уверенностью отвечают на этот вопрос, опираясь уже не только на теорию, но и на богатый практический опыт.

История дает все основания для такого оптимизма. Каким бы тяжелым ни был путь к освобождению, это реальный путь. Его реальность — в растущей мощи рабочего движения. Эта мощь — залог успешной борьбы народов за мир, свободу и независимость наций, за культуру и цивилизацию, за построение такой жизни, где не будет места для нищеты, угнетения, страдания.

Вот почему все надежды прогрессивного человечества связаны с освободительной борьбой рабочего класса.

ГЛАВА 12

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Неравномерность развития капитализма сказывается не только в области экономики, но и в рабочем движении. В связи с этим и роль рабочего класса отдельных стран в международной борьбе пролетариата на разных исторических этапах различна.

Говоря словами В. И. Ленина, Франция в прошлом веке «как бы исчерпала силы пролетариата на два геройских, давших необычайно много во всемирно-историческом смысле, восстания рабочего класса против буржуазии в 1848 и в 1871 годах» [1]. После этого гегемония в международном рабочем движении перешла к Германии. Но и на этом дело не остановилось. Еще Маркс считался с возможностью того, что «революция начнется... на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции» [2].

В начале 20 века центр мирового революционного движения действительно переместился с Запада на Восток. Россия превращалась в страну, которой было суждено оказать решающее влияние на ход мировой истории. Именно она сделалась колыбелью пролетарской революции, а ее рабочий класс ходом исторического развития был выдвинут на передовые позиции мирового социалистического движения. Здесь впервые рабочему классу удалось покончить с капитализмом и тем самым положить начало осуществлению всемирно-исторической миссии пролетариата.

1. Авангардная роль русского рабочего класса

Капитализм в России развивался в условиях политического господства крепостников-помещиков. К 60-м годам прошлого столетия противоречия между материальными потребностями развития общества и крепостническими производ-

ственными отношениями, тормозившими это развитие, вызвали обострение классовой борьбы и привели к нарастанию в стране революционных настроений. В. И. Ленин указывает, что уже в 1859—1861 гг. в России создалась революционная ситуация, хотя дело и не дошло до революции; при наличии объективных предпосылок для крушения существующего строя отсутствовал субъективный фактор, т. е. отсутствовала «способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные,* чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»» [3].

В России вплоть до начала нынешнего века сохранились многочисленные формы внеэкономического принуждения, характерные для докапиталистической эпохи. Передовые формы капиталистического производства появлялись рядом с многочисленными пережитками прошлого. В результате противоречия, вызываемые ростом крупной промышленности, были в России острее, чем в какой-либо другой стране.

Сосуществование элементов развитого капитализма с пережитками средневековья порождало особенно мучительные для трудящихся формы угнетения. Ни в одной европейской стране не было такой варварской эксплуатации, как в России. Нигде, писал Ленин, трудящиеся так не страдали «и от капитализма и от недостаточного развития капитализма» [4].

Другая особенность промышленного развития России состояла в том, что оно сопровождалось широким проникновением иностранного капитала, который постепенно занял большое место в экономической и политической жизни страны. В. И. Ленин показал, что в России «американские, английские, немецкие капиталисты собирают прибыль при помощи русских капиталистов, которым перепадает очень хорошая доля» [5].

Но, все больше попадая в кабалу к иностранным капиталистам, царская Россия в то же время сама выступала по отношению ко многим странам как империалистический колонизатор. А возможность угнетать и грабить чужие народы зачастую ведет к укреплению экономически отсталых форм хозяйства, «ибо,— указывал Ленин,— вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплуатация «инородцев»» [6]. Именно так было в России.

Таким образом, экономические и политические условия России вызывали быстрое революционизирование русского рабочего класса. Уже в 70-е годы он начал борьбу с капиталистами. Несмотря на разгром первых рабочих органи-

заций, пролетарское движение в стране продолжало расти, приобретая все более массовый характер и все теснее связываясь с другими демократическими движениями трудящихся.

Огромную революционную силу в России представляло крестьянство. Задавленное помещичьей эксплуатацией, бесправное, нищее, но готовое бороться за землю и волю, крестьянство стихийно тянулось к рабочему классу, чувствуя, что только он может помочь деревне.

Царская Россия была тюрьмой народов, и это тоже усиливало противоречия, раздиравшие страну, создавало почву для стремительного роста национально-освободительного движения, для сближения многочисленных угнетенных национальностей с рабочим классом, выступавшим знаменосцем национального освобождения.

Так сама действительность закаляла и выдвигала рабочий класс как основную революционную силу. Уже в конце 19 века пролетариат выступал, говоря словами Ленина, как «единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России»[7].

Но, чтобы осознать свою историческую роль, русский рабочий класс должен был вооружиться идеями научного социализма, которые обосновывают цели и задачи пролетариата и служат верным оружием в его борьбе за освобождение.

Для России тех лет было характерно существование значительного числа рабочих, отличавшихся неутолимой жаждой знаний, глубоким интересом к общественным проблемам. Во всех уголках России, всюду, где пролетариат пробуждался к активной борьбе, находились передовые рабочие, пытливо искавшие ответа на насущные вопросы общественной жизни, жадно тянувшиеся к идеям социализма. Распространению этих идей среди трудящихся способствовала революционно-демократическая интеллигенция России. Славные традиции идейной борьбы Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского и других революционеров были восприняты интеллигентами-марксистами, которые шли в рабочие массы, чтобы создать революционную партию нового типа.

Бурный рост числа сознательных рабочих свидетельствовал об огромных духовных силах русского рабочего класса, который всем объективным ходом развития подготовлялся к выполнению своей исторической миссии.

Роль хранителя идейно-политической чистоты революционного марксизма перешла к рабочему движению России, где завязывался узел острейших противоречий новой эпохи — эпохи империализма.

Россия, позднее говорил В. И. Ленин, поистине выстрадала марксизм как единственно правильную революционную тео-

рию; выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Ни в одной стране не было пережито столько, сколько было пережито в России по богатству и поучительности революционного опыта в смысле быстроты смены и разнообразия форм движения: легального и нелегального, мирного и немирного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического.

Россия стала родиной ленинизма, обогатившего марксизм новыми выводами и положениями, соответствующими новой исторической обстановке. Возникший на русской почве, ленинизм имеет глубокие корни во всем международном рабочем движении. Рабочий класс России, вступив в борьбу позже, чем пролетариат западноевропейских стран, мог опереться на их опыт, воспринять их лучшие революционные традиции и в то же время избежать их ошибок, извлечь уроки из тех опасностей, которыми угрожало распространение оппортунизма. Россия стала родиной первой партии нового, ленинского типа, которой суждено было сыграть всемирно-историческую роль.

Величайшим вкладом В. И. Ленина в развитие революционного учения марксизма была его теория о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране. Такой вывод Ленин сделал на основе глубокого анализа новой, империалистической стадии капитализма. Ленинская теория открывала перед пролетариями различных стран ясную перспективу, развязывала их революционную инициативу. Она освобождала их от устаревших положений, согласно которым революция должна была произойти одновременно во всех или в подавляющем большинстве стран, после того как они достигнут высокой ступени экономического, технического и культурного развития и тем самым «созреют» для социализма. Известно, что теоретики из II Интернационала, как с писаной торбой, носились с этими положениями, которые в новых условиях превратились в груз, сдерживавший освободительное движение рабочего класса.

Русские рабочие не могли бы поднять широкие народные массы на борьбу с самодержавием и гнетом капиталистов и помещиков, если бы они вслед за Лениным, за партией большевиков не пришли к убеждению, что могут своими силами, не дожидаясь других отрядов международного пролетариата, бороться за социализм и победить в этой борьбе.

2. Первая в мире социалистическая революция

Переход от буржуазно-демократической революции к социалистическому перевороту

Ближайшая задача рабочего класса России состояла в том, чтобы в союзе с крестьянством свергнуть царизм. Эту задачу не смогла осуществить революция 1905—1907 гг., подавленная самодержавием. Тем не менее она имела громадное историческое значение, ибо была не только первой русской революцией, но и вообще первой буржуазно-демократической революцией, происходившей не под руководством буржуазии, уже переставшей быть революционной силой, а под руководством рабочего класса.

Задача свержения царизма была решена буржуазно-демократической революцией в феврале 1917 г. В отличие от буржуазных революций на Западе, после которых следовал длительный период господства буржуазии, Февральская революция в России стала быстро перерастать в революцию социалистическую.

Процесс такого перерастания принял особенно бурный характер потому, что глубокие противоречия, раздиравшие страну и загнанные вглубь после поражения революции 1905 г., до крайности обострились в годы первой мировой войны. Буржуазия, пришедшая в феврале 1917 г. к власти, не только не разрешила важнейших задач буржуазно-демократической революции, но и продолжала вести страну по гибельному пути империалистической войны. Своей антинародной политикой она поставила народ и страну на край катастрофы. Это привело в движение широчайшие массы трудящихся, которые на собственном опыте убеждались, что спасение — только в социалистической революции.

Война, писал В. И. Ленин, создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что Россия оказалась перед выбором: «или погибнуть или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства» [8] — к социализму.

В результате вооруженного восстания 25 октября (7 ноября) 1917 г. рабочий класс России, руководимый большевистской партией, в союзе с беднейшим крестьянством свергнул господство капиталистов и помещиков и взял политическую власть в свои руки. Участие в Октябрьской революции широких народных масс, в том числе солдат и матросов, парализовало сопротивление буржуазии и сделало эту революцию на редкость бескровной. Вопреки позднейшим домыслам империалистической пропаганды, факты истории неопровержимо доказывают, что совершенная под руководством коммунистов

социалистическая революция была проникнута духом пролетарского гуманизма. Об этом говорят многочисленные свидетельства объективных наблюдателей, в том числе иностранцев. Вот что писал, например, известный американский журналист Альберт Рис Вильямс, находившийся в 1917 г. в революционном Петрограде и позднее совершивший большое путешествие по России:

«Как правящий класс рабочие были теперь в состоянии отомстить своим прежним эксплуататорам и палачам... Я знал, что тысячи рабочих, ставших теперь у руля правления, были некогда сосланы, закованные в кандалы, в Сибирь. Я видел людей без кровинки в лице и с нетвердою походкою, похожих на выходцев из гроба, после заключения в каменных мешках Шлиссельбурга. Я видел глубокие рубцы на их спинах, следы казачьих нагаек — и я вспомнил слова Линкольна: «Если за каждую каплю крови от удара бичом ударивший получит по удару мечом, суд господень будет чист и справедлив». Но ужасной кровавой бани не последовало. Напротив, мысль о репрессиях, казалось, не могла удержаться в головах рабочих. 30-го ноября в Совете прошел декрет об отмене смертной казни. То был не только жест человеколюбия, рабочие не только постарались гарантировать им сохранение жизни своих врагов, но во многих случаях даровали им свободу».

«...История вынесет вердикт,— писал далее Альберт Рис Вильямс,— что русская революция, гораздо более глубокая, чем великий переворот, происшедший во Франции в 1789 году, не превратилась в сатурналию мести. Русская революция по всем своим стремлениям должна была быть бескровной революцией.»

Как бы предвидя нападки врагов революции, американский журналист писал: «— А красный террор! — возразят некоторые. Он пришел позже, когда армии союзников вторглись в Россию, а под их покровительством черносотенцы организовали белый террор контрреволюции против крестьян и рабочих — отвратительную оргию бойни и насилия, в которой беспомощные женщины и дети избивались массами. Тогда для защиты рабочих, доведенных до отчаяния, пришлось прибегнуть к красному террору, смертная казнь была революционерами восстановлена, и белые должны были почувствовать на себе быстро карающую руку революции» [9].

Народные восстания имели место и в прошлом. Но Октябрьскую революцию отличает то, что она навсегда уничтожила классовое угнетение и эксплуатацию человека человеком и таким образом открыла новую эру. 25 октября 1917 г., в день утверждения власти рабочего класса, В. И. Ленин говорил: «Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма» [10].

Октябрьская революция вырвала из капиталистического рабства население огромной страны, охватывающей шестую часть территории земного шара. Она не только принесла социальное освобождение рабочему классу и трудовому крестьянству, но и разрешила национальные проблемы России, ее общедемократические задачи. Революция вывела страну из изнурительной войны, спасла ее от опасности расчленения и колониального порабощения, дала долгожданную землю крестьянам, освободила окраинные народы от национального гнета. Она не только приостановила далеко зашедший процесс экономического отставания России от передовых стран Запада, но и открыла перед ней возможность догнать их в короткие сроки. Эта революция впервые в мировой истории создала условия для решения женского вопроса, т. е. для юридического и фактического раскрепощения женщины и уравнения ее в правах с мужчиной. Наконец, в результате Октябрьской революции в России родилось новое, социалистическое государство, внешняя политика которого с первого же дня была поставлена на службу делу мира и дружбы между народами.

Как русский пролетариат разбил старые догмы о невозможности социалистической революции

Эксплуататорские классы и их ученые лакеи веками твердили, что без помещиков и капиталистов невозможно вести общественное производство, что трудящиеся массы не могут жить без касты господ.

Русский рабочий класс доказал на практике, что общество вполне может обойтись без помещиков и капиталистов.

Сама действительность опрокинула и оппортунистические догмы о том, будто социалистическая революция может начаться лишь в тех странах, где достигнут наиболее высокий уровень производительных сил и где рабочий класс составляет большинство населения. Революцию, не отвечающую этим требованиям, оппортунисты заранее объявляли и невозможной и незаконной. В частности, такой всезнайка, как Каутский, утверждал, что если русский рабочий класс и возьмет власть, то крестьянские-де массы неизбежно превратят пролетарскую революцию в хаос крестьянских мятежей, т. е. в один из эпизодов буржуазной революции.

Жизнь разбила оппортунистические догмы.

Противники социализма утверждали также что, если рабочий класс и возьмет власть в свои руки, он все равно не сможет ее удержать, так как не имеет ни опытных кадров, ни навыков управления. Незадолго до Октябрьской революции буржуазная газета «Новое время» писала: «Допустим на минуту, что большевики победят. Кто будет управлять нами тогда? Может быть, повара, эти знатоки котлет и бифштек-

сов? Или пожарные? Конюхи, кочегары? Или, может быть, няньки побегут на заседание Государственного совета в промежутке между стиркой пеленок? Кто же? Кто эти государственные деятели? Может быть, слесари будут заботиться о театрах, водопроводчики — о дипломатии, столяры — о почте и телеграфе?.. Будет ли это? Нет! Возможно ли это? На такой сумасшедший вопрос большевикам властно ответит история».

История действительно дала ответ на этот вопрос, который российским реакционерам казался сумасшедшим вопросом. История жестоко посмеялась над ними и полностью доказала правоту большевиков, коммунистов, которые твердо верили в творческие способности масс. Из многих слесарей получились, как всем известно, не только хорошие попечители театрального искусства, но и выдающиеся государственные деятели, из способных столяров и конюхов — неплохие полководцы, побеждавшие самых известных буржуазных генералов, а из водопроводчиков, кочегаров и других представителей трудящихся классов — хорошие дипломаты, умелые администраторы, замечательные инженеры, конструкторы, писатели, ученые.

Октябрьская революция не только поставила рабочий класс у власти, но и практически доказала, что он может с успехом управлять государством, руководить народным хозяйством и создавать новую культуру. Более того, опыт показал, что без капиталистов дела идут гораздо лучше. В среде рабочего класса и трудящегося крестьянства оказались скрытыми бесчисленные таланты, которые благодаря революции смогли проявить себя во всех отраслях управления, промышленности.

В результате Октябрьской революции оказались раз и навсегда посрамленными те, кто утверждал, будто люди из народных «низов» неспособны к самостоятельному творчеству и что им во всяком случае следует, до того как брать власть, пройти долгую выучку у «жрецов» буржуазной культуры.

В. И. Ленин считал, что пролетариату незачем ждать, пока он достигнет определенного «уровня культуры», и что он быстрее поднимется до этого уровня в условиях рабоче-крестьянской власти.

«Если для создания социализма,— писал Ленин,— требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»[11].

Коммунистическая партия во главе революционного переворота

Октябрьская революция подтвердила марксистскую истину, что самая благоприятная революционная ситуация может завершиться победой только в том случае, если есть партия, способная правильно оценить обстановку, полная решимости довести борьбу до конца и умеющая вести за собой широкие массы трудящихся.

Чтобы превратить возможность революции в России в действительность, нужна была огромная политическая и организаторская работа по соединению многочисленных неоднородных ручейков народного возмущения в единый могучий поток революции. Ленинская партия с честью справилась с этой задачей. Она сумела слить в один общий революционный поток социалистическое движение рабочего класса, общедемократическое движение против войны и империализма, революционно-демократическую борьбу крестьянства за землю и мир и национально-освободительное движение народов России. Когда на сторону коммунистической партии стали широчайшие массы народа, а не только рабочих, она подняла трудящихся на борьбу за власть, на социалистическую революцию.

На протяжении многих десятилетий партии рабочего класса всех стран в своих программах писали о социализме, но, когда потребовалось перейти от слов к делу, оказалось, что для многих из них социализм — лишь пропагандистский лозунг, а не конкретная задача, которую следует решать путем борьбы. Ленинская партия первой на деле подняла рабочий класс на выполнение его всемирно-исторической миссии, перенеся социализм из области теории в практику.

В задачу данной книги не входит воссоздание картины Октябрьского переворота, смены лозунгов, выдвигавшихся на разных этапах революции, и т. д. Об этом подробно говорится в учебных пособиях по истории КПСС. Здесь отмечаются лишь основные черты Октябрьской революции, которые сделали ее величайшим переломным моментом в истории человечества и до сих пор служат примером для мирового рабочего движения.

Политика коммунистов в ходе Октябрьской революции — образец подлинно марксистской, научно обоснованной тактики революционной рабочей партии в переломные моменты истории: партия вела линию не на «захват» власти, а на организацию массовой борьбы народа за власть; терпеливо содействовала созреванию революционного сознания трудящихся масс; умело выдвигала лозунги, подводящие народные массы на их собственном опыте к позициям революционной борьбы с капитализмом. Партия проявила замечательную гибкость, умение найти общий язык с разнообразными политическими

и общественными силами, умение расширять фронт союзников рабочего класса.

Великая Октябрьская социалистическая революция именно потому и победила, что во главе рабочего класса шла коммунистическая партия, мастерски владевшая искусством применения марксистско-ленинского учения к особенностям русской жизни. Тесно связанная с массами, выражающая их чаяния, решительная и смелая, принципиальная и гибкая, партия представляла собой, как сказал накануне революции В. И. Ленин, «ум, честь и совесть нашей эпохи».

Руководящая деятельность большевистской партии стала классическим примером для марксистско-ленинских партий других стран.

Первый в истории образец пролетарской власти

Великая Октябрьская социалистическая революция не только принесла победу рабочему классу, но и создала впервые в истории образец пролетарской власти для переходного периода от капитализма к социализму. В стране утвердилась диктатура пролетариата, государственной формой которой стала Республика Советов. Новая, Советская власть немедленно, с революционной энергией начала проводить мероприятия по укреплению революционного порядка, по удовлетворению насущных требований народных масс, улучшению их положения. Много внимания и сил приходилось уделять защите революции от посягательств со стороны ее классовых врагов.

Немало народных движений прошлого погибло оттого, что партии и классы, руководившие ими, не решались применять силу для подавления эксплуататорских классов, не умели отвечать ударом на удар, защищая завоевания революции от ее врагов.

Октябрьская революция избежала этих ошибок. Ленин, коммунисты, российские рабочие не остановились перед применением крутых мер в отношении активных врагов революции и в то же время обеспечили широкую пролетарскую демократию для трудящихся. Твердая рабочая власть в обстановке враждебного капиталистического окружения была единственным спасением для страны.

Оппортунисты, называвшие себя социалистами, отвергали идею диктатуры пролетариата, осуждали Ленина и ленинцев за решительную борьбу с контрреволюционными элементами. Оппортунисты не хотели понять той истины, что инициаторами насилия выступают свергнутые народом эксплуататорские классы и что любая поблажка контрреволюции приводит к кровопролитию, во сто крат большему, чем то, которое требуется, чтобы привести в чувство врагов революции.

Опыт Октября блестяще доказал, что диктатура пролетариата в той или иной форме необходима для успешного пере-

хода от капитализма к социализму. В том, что русские коммунисты, руководимые Лениным, сумели применить учение революционного марксизма к конкретным условиям России, доказать его правильность и жизненность,— великая их заслуга перед мировым рабочим движением.

Всякая революция, указывал В. И. Ленин, только тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться. Многие революции потому и терпели поражение, что не могли организовать свою оборону. Октябрьская революция избежала и этой слабости. Она на деле продемонстрировала свою способность защищаться, создав в кратчайшие сроки на месте деморализированной и фактически распавшейся царской армии новую, революционную армию рабочих и крестьян.

Против русской революции выступала широкая коалиция внутренних реакционных сил и международной крупной буржуазии. Вся Советская республика была изрезана фронтами гражданской войны и иностранной интервенции. Тем не менее молодая Красная Армия, часто разутая и голодная, вооруженная во много раз хуже своих врагов, вышла победительницей из тяжелых сражений. Создание такой армии — лучшее доказательство мощи пролетарской диктатуры, глубокой поддержки, которой она пользуется в народе. Если бы Советская власть не пользовалась горячей любовью народных масс, как клеветали ее противники, если бы массы не понимали, что коммунисты борются за власть народа, партии не удалось бы создать массовой армии, охваченной революционным энтузиазмом и несгибаемой волей к победе.

На долю Красной Армии выпала нелегкая, но почетная задача — сорвать планы международного империализма и внутренней контрреволюции, предусматривавшие расчленение России на несколько полузависимых государств. И армия революционного народа с честью выполнила свою историческую задачу, вышвырнув из пределов Советской республики участников «похода 14 держав», а вместе с ними — русских белогвардейцев, украинских и всяких прочих сепаратистов, мечтавших разорвать Советскую страну на куски.

Победоносная борьба советского народа против интервентов и белогвардейцев наглядно подтвердила вещие ленинские слова: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда» [12].

3. Мощный толчок революционному рабочему движению в других странах

Октябрьская революция послужила вдохновляющим примером для трудящихся всего мира в их освободительной борьбе. Она расшатала в широких народных массах буржуазных государств веру в незыблемость и вечность капитализма, разбила догмы лжесоциалистов о необходимости смириться перед всесилием империализма и довольствоваться частичными уступками господствующих классов.

Тот факт, что в результате Октябрьской революции рабочий класс самой большой страны мира поднялся до положения господствующего класса, неизмеримо повысил социалистическую сознательность международного пролетариата, поднял его революционный дух и укрепил в нем веру в свои силы, в свою победу. Идеи социализма и коммунизма стали более популярными среди трудящихся масс, а рабочий класс сделался политически более зрелым и боеспособным.

Под влиянием Октября революционный подъем охватил многие страны Европы и Азии.

В Германии начались выступления с требованием немедленного прекращения империалистической войны, стали возникать Советы рабочих и солдатских депутатов. К осени 1918 г. революционный кризис обострился до крайности. Восстание охватило почти всю страну, и монархия рухнула.

Революционная волна смыла и габсбургскую монархию, «лоскутная» австро-венгерская империя развалилась. Возродились самостоятельные национальные государства: Чехословакия, Югославия, Венгрия, Австрия. В январе 1918 г. вспыхнула рабочая революция в Финляндии. В 1919 г. в Венгрии, Баварии, Словакии установилась Советская власть, которая, хотя и была раздавлена контрреволюцией, оставила неизгладимый след в сознании трудящихся. В Италии началось широкое движение за создание фабрично-заводских Советов. Рабочие брали в свои руки фабрики и заводы, крестьяне захватывали земли крупных помещиков-латифундистов. Революционная борьба развернулась во Франции, Англии, Бельгии, Польше. В 1920—1921 гг. всеобщие стачки охватили Болгарию, Румынию, Чехословакию; массовое стачечное движение прокатилось по США и странам Южной Америки.

Дав гигантский толчок подъему рабочего движения во всем мире, Октябрьская революция сама получила мощную поддержку от международного пролетариата. В Англии развернулось движение солидарности под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» Во многих странах стали возникать национальные и местные комитеты, возглавившие борьбу за прекращение интервенции; докеры отказывались грузить

вооружение для белогвардейцев и интервентов. В Италии это движение выдвинуло лозунги: «Ни одной винтовки, ни одного патрона, ни одного солдата против родины трудящихся», «Поступать как в России». Как говорил В. И. Ленин, народы приучались «ходом вещей смотреть на Россию, как на центр притяжения» [13].

Под влиянием Октябрьской революции начался новый, ленинский этап международного рабочего движения, характеризующийся возникновением во многих странах коммунистических партий и созданием боевого органа всемирной пролетарской солидарности — Коммунистического Интернационала. Рабочее движение вышло из состояния разброда и бессилия, в котором оно по вине оппортунистов из Второго Интернационала находилось в период империалистической войны 1914—1918 гг. Октябрьская революция дала трудящимся сознание своей силы, ясность цели, уверенность в будущем.

4. Влияние Октябрьской революции на национально-освободительное движение

Октябрьская социалистическая революция не только открыла эру пролетарских революций; она положила также начало кризису колониальной системы империализма, новому периоду в истории национально-освободительного движения угнетенных народов Востока.

Социалистическая революция дала предметный урок всему миру, покончив с национальным угнетением в России. Она подняла народы, ранее угнетенные царизмом, до положения действительно свободных и равноправных. Советская власть не только принесла этим народам политические свободы, политическое равенство и собственную государственность, но и обеспечила им возможность ликвидировать свою отсталость в хозяйственной и культурной областях. Русская нация, как наиболее передовая и наиболее сильная, оказала им в этом неоценимую помощь.

Не удивительно, что Октябрьская революция послужила могучим источником вдохновения для колониальных и зависимых народов в их борьбе за освобождение от империалистического порабощения. Русская революция указала им путь к завоеванию свободы и национальной независимости. Кроме того, пример Советской страны, разгромившей армии интервентов и отстоявшей свои социалистические завоевания, показал этим народам, что, каким бы незыблемым ни казалось господство империалистических государств, освобождение от колониального ига практически осуществимо.

До Октябрьской революции страны Востока не знали марксистско-ленинского учения.

«Орудийные залпы Октябрьской революции,— говорит Мао Цзэ-дун,— донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла прогрессивным элементам мира и Китая применить пролетарское мировоззрение для определения судьбы страны и пересмотра своих собственных проблем. Идти по пути русских — таков был вывод»[14].

В 1921 г. возникла Коммунистическая партия Китая. Она последовала совету, с которым В. И. Ленин обратился к коммунистам Востока в ноябре 1919 г.: опереться на общекоммунистическую теорию и практику и, «применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»[15].

Первым мощным ответом китайского народа на Октябрьскую революцию было «Движение четвертого мая», начавшееся в 1919 г. с протеста против передачи Японии бывших немецких концессий в Китае и вынудившее китайское правительство отказаться от подписания Версальского мирного договора и сместить ряд ненавистных народу министров. В этом широком народном движении, направленном в первую очередь против японского империализма и феодально-милитаристского правительства, рабочий класс Китая впервые выступил в качестве самостоятельной политической силы. Китайская революция превратилась из буржуазно-демократической революции старого типа, проходившей под руководством буржуазии, в демократическую революцию, развивавшуюся под гегемонией рабочего класса.

В 1919 г. произошли массовые выступления корейского народа против японского господства, в которых приняло участие свыше 2 млн. человек.

В Индии начались революционные события, принявшие в ряде мест форму вооруженных восстаний. «...Советская революция,— пишет премьер-министр Индии Джавахарлал Неру,— намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир»[16]. Массовое национально-освободительное движение в Индии продолжало нарастать, пока три десятилетия спустя не завершилось освобождением страны из-под английского ига.

Громадное влияние Октябрьской революции дало себя знать и в далекой Индонезии. Как отмечает президент Индонезийской республики д-р Сукарно, «после победы Октябрьской революции в России борьба народов Азии за национальную независимость, против гнета захватчиков разгорелась с новой силой. Эта борьба стала более организованной, ее цель

стала ясной и непримиримой, а именно: независимость, и немедленно»[17].

Развитие национально-освободительной борьбы показало всю глубину влияния Октябрьской революции на угнетенные народы мира и стало началом крушения колониальной системы империализма.

5. Передовой отряд и оплот мирового социалистического движения

Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции — огромная и разносторонняя тема, которая во многом выходит за рамки данной главы *. Здесь речь шла пока лишь об исторической победе, которую русский пролетариат под руководством коммунистической партии завоевал в октябре 1917 г., и о том непосредственном воздействии, которое эта великая победа оказала тогда на революционное движение других народов. Уже в этом смысле Октябрьская революция означала открытие новой эры в истории человечества — эры крушения капитализма и торжества социализма.

«Октябрьская социалистическая революция,— говорил тов. Н. С. Хрущев на юбилейной сессии Верховного Совета СССР,— имеет величайшее значение в истории человечества. Весь мир до основания был потрясен, когда российский пролетариат вместе с беднейшим крестьянством под руководством партии большевиков во главе с великим Лениным взял власть в свои руки и провозгласил рождение нового общественного и государственного строя. Первое в мире государство рабочих и крестьян высоко подняло овеянное славой борьбы и побед революционное Красное знамя социализма, великое знамя марксизма-ленинизма»[18].

В результате исторической победы Октябрьской революции Советская страна предстала перед всем миром как авангард и оплот международного социалистического движения. «...Мы вправе гордиться,— говорил Ленин,— и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к из-

---

* Всемирно-историческое значение сорокалетнего опыта Октябрьской революции подробно рассмотрено в докладе тов. Н. С. Хрущева на юбилейной сессии Верховного Совета СССР (ноябрь 1957 г.). В данной книге эта тема освещается в ряде глав четвертого раздела и во всех главах пятого раздела.

бавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн» [19].

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эре не только в истории России, но и во всемирной истории. Это был коренной поворот в мировой истории от старого, капиталистического мира к новому, социалистическому миру. Капитализм перестал быть всеобъемлющей системой, господствующей в мире, цепь мирового капитализма была разорвана, и ей уже никогда не суждено вновь сомкнуться.

Октябрьская революция показала рабочим других стран, что нет необходимости ждать «всеобщей» развязки, что основной путь мирового прогресса лежит через постепенное отпадение все новых и новых стран от системы капитализма и переход их к социализму. Доказав возможность победы социализма в одной стране, Октябрьская революция в то же время была первым шагом к победе социализма в мировом масштабе.

В. И. Ленин видел международное значение Октябрьской революции прежде всего в том влиянии, которое она оказала на весь ход мировой истории, но он подчеркивал также это значение и «в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что́ было у нас...» [20]

С победой Октября неизмеримо возросли возможности социалистических революций. Стало ясным, что уже не узкий круг развитых стран, а весь мир может вырваться из тисков капитализма. Это в решающей степени содействовало росту международного освободительного движения рабочего класса и ослаблению империализма.

Процесс неуклонного роста сил социализма и ослабления капитализма, начало которому положила Октябрьская революция, облегчает, кроме того, борьбу трудящихся капиталистических стран за мир и демократию, существенно помогает им отстаивать свои непосредственные экономические интересы, дает народам малых и экономически слабых стран возможность сохранять свою независимость и развивать национальную экономику.

Нет ни одной стороны общественной жизни ни в одной стране мира, которая не испытывала бы на себе прямо или косвенно последствия Великой Октябрьской революции.

Объективный ход истории сделал СССР авангардом и оплотом международного социалистического движения. Но быть авангардом и оплотом — это, разумеется, совсем не значит вмешиваться во внутренние дела других государств и «проводить» там революции. Никакую социальную революцию вообще, а пролетарскую революцию в особенности, нельзя

вызвать искусственно, «экспортировать» или «импортировать», делать по заказу.

Незадолго до Октябрьской революции В. И. Ленин, подчеркивая справедливость слов Ф. Энгельса, писал, что *«победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы»* [21].

Социалистическая революция находит своих исполнителей не вне, а внутри самой страны, созревшей для революции. Она находит своих исполнителей в лице рабочего класса этой страны и его союзников, в лице всех трудящихся и эксплуатируемых. Революция вызревает в силу объективных законов исторического развития, возможность ее победы превращается в действительность путем революционной борьбы широких масс, руководимых марксистско-ленинской партией.

ГЛАВА 13

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ И ЕЕ РОЛЬ В КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ РАБОЧИХ

Враги коммунизма распространяют клевету, будто создание марксистских партий — дело рук отдельных агитаторов. Если бы это было так, то с коммунистами давно было бы покончено. Ведь они подвергаются гонениям в течение многих десятилетий. Итальянский фашизм, например, нанес коммунистической партии жестокие удары. Накануне второй мировой войны в ней осталось не более 15 тыс. членов. Но в конце концов фашизм был разгромлен, а коммунистическая партия быстро превратилась в массовую партию и теперь насчитывает почти два миллиона членов.

Во многих странах реакционная буржуазия обрушивала на коммунистов репрессии, зверски убивала и бросала в тюрьмы их лучших руководителей. Но нигде ей не удалось покончить с революционными партиями рабочего класса. Против марксистских партий бессильны любые преследования. Это показатель того, что коммунистические партии вызваны к жизни глубокими объективными потребностями общественного развития и прежде всего интересами и потребностями рабочего класса.

1. Какая партия нужна рабочему классу

Научно обосновав историческую роль рабочего класса, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем установили, что для революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое пролетариату необходимо иметь самостоятельную политическую партию.

Они не только писали об этом начиная еще с «Манифеста Коммунистической партии», но и много сделали, чтобы такую партию организовать. В 1847 г. К. Маркс и Ф. Энгельс создали первую коммунистическую организацию «Союз коммунистов». «Союз коммунистов» можно считать прообразом

современных коммунистических партий. Опираясь на его опыт, так же как и на опыт «Международного товарищества рабочих», основанного в 1864 г. и вошедшего в историю рабочего движения под названием Первого Интернационала, К. Маркс и Ф. Энгельс сделали много важных выводов о роли революционной партии рабочего класса, о ее организации и политике.

В новых исторических условиях В. И. Ленин развил эти выводы К. Маркса и Ф. Энгельса в стройное учение о партии. Он обосновал руководящую роль партии в рабочем движении, сформулировал ее организационные принципы и нормы внутренней жизни, принципиальные основы ее политики и тактики. Это учение — важнейший вклад В. И. Ленина в марксизм.

Революционный характер марксистской партии

Из всех организаций, создаваемых пролетариатом, только политическая партия может правильно выражать основные интересы рабочего класса и привести его к полной победе. С помощью одних профсоюзов, касс взаимопомощи и других подобных организаций рабочие никогда не смогут покончить с капитализмом и построить социалистическое общество. Для этой цели нужна организация высшего типа, которая не ограничивалась бы борьбой за удовлетворение текущих нужд трудящихся, а ставила бы своей целью привести рабочий класс к власти, чтобы совершить революционное преобразование общества. Такой организацией является коммунистическая партия. «...Для того, чтобы масса *определенного класса* могла научиться понимать свои интересы, свое положение, научиться вести свою политику,— писал В. И. Ленин,— именно для этого необходима организация передовых элементов класса немедленно и во что бы то ни стало, хотя бы вначале эти элементы составляли ничтожную долю класса»[1].

Пока рабочий класс ведет лишь экономическую борьбу, буржуазия еще не усматривает в этом большой угрозы для себя; когда же он организуется политически, т. е. создает политическую партию, выражающую волю его как класса, она начинает всерьез опасаться за свое господство. Поэтому реакция обрушивает главные удары против политической партии рабочего класса. Одновременно, стараясь подорвать партию изнутри, капиталистическая пропаганда старается внушить рабочим, что они могут обойтись без своей партии. Одно из проявлений буржуазного влияния на рабочий класс — анархистское и анархо-синдикалистское отрицание руководящей роли политической партии.

Анархисты вообще отвергают необходимость какой-либо политической организации. Анархо-синдикалисты проповедуют, что рабочему классу не следует заниматься политикой,

а достаточно иметь одни профсоюзы (синдикаты). Отрицая политику, анархисты фактически подчиняют рабочий класс буржуазной политике.

Разоблачая теоретическую несостоятельность этих взглядов и их опасность, В. И. Ленин писал: «...Только политическая партия рабочего класса, т. е. коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который один в состоянии противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы, неизбежным традициям и рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков среди пролетариата и руководить всей объединенной деятельностью всего пролетариата, т. е. руководить им политически, а через него руководить всеми трудящимися массами»[2].

Однако не всякая политическая партия, претендующая на руководство рабочим классом, способна выполнить эту задачу. Это доказывает опыт социал-демократических партий, входивших во Второй Интернационал. Действуя через оппортунистических лидеров социал-демократии, буржуазия сумела в значительной мере подчинить эти партии своему влиянию, сделать их «ручными», мало чем отличающимися от обычной буржуазно-парламентской оппозиции. В результате социал-демократические партии, вначале подававшие большие надежды рабочему классу, утратили способность организовать и возглавить революционное рабочее движение. Особенно очевидным стало это в условиях крайнего обострения всех социальных противоречий, которое принесла эпоха империализма.

Объективная действительность, интересы пролетариата настоятельно требовали создания рабочих партий нового типа.

Впервые такую партию удалось создать в России, где империалистические противоречия носили особенно острый характер. В конце 90-х годов прошлого столетия В. И. Ленин поднял знамя борьбы против оппортунизма в рядах социал-демократии. Эта борьба стала примером для всего мирового революционного движения. После Великой Октябрьской социалистической революции коммунистические партии начали возникать во многих странах.

Национальные особенности, условия борьбы наложили отпечаток на облик каждой коммунистической партии, но при всем этом у них есть общее, что коренным образом отличает их от социал-демократических партий.

Главное, что характеризует партии нового типа,— это их непримиримость по отношению к капитализму. Коммунисты активно борются за его упразднение, за революционное преобразование капиталистического общества, считая, что непременным условием такого преобразования является взятие

политической власти рабочим классом, установление диктатуры пролетариата. Отсюда нетерпимость коммунистов ко всякого рода оппортунизму, который означает на практике приспособление к капитализму.

Коммунистические партии действуют не ощупью, не вслепую, а руководствуются революционной теорией марксизма-ленинизма, научно выражающей коренные интересы рабочего класса. Партия — свободный союз единомышленников, объединившихся для проведения в жизнь марксистского мировоззрения, для осуществления исторической миссии рабочего класса.

Революционный характер партии определяет ее организационные принципы, ее сплоченность, единство действий и гибкость тактики. Но главная сила коммунистических партий состоит в том, что это партии не одиночек, не узких групп профессиональных революционеров, а широких трудящихся масс, с которыми партии сближаются как можно теснее и чью борьбу они стремятся возглавить.

Авангард рабочего класса и всех трудящихся

Коммунистическая партия — это авангард рабочего класса, т. е. его передовая, сознательная часть, способная повести за собой широкие массы трудящихся на борьбу за свержение капитализма и построение социализма. В. И. Ленин писал: «Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» [3].

Партия пролетариата — коммунистическая партия,— будучи классовой по своей природе, вместе с тем имеет глубокие корни не только в рабочей среде, но и в других слоях народа.

Коммунисты — это не какие-то особые люди, а обыкновенные рабочие, крестьяне, работники умственного труда, простые люди из народа. Но они отличаются большей сознательностью, идейной стойкостью, а следовательно, и большей революционностью, готовностью переносить любые невзгоды во имя высокой идеи, для осуществления которой они объединились. Они живут интересами народа, близко принимают к сердцу все, что его волнует.

В составе массовых коммунистических партий можно найти представителей всех народных сил, вступивших в борьбу с капитализмом, и прежде всего лучших людей рабочего класса. Например, в рядах Итальянской компартии насчитывается 44,6% рабочих, 18,6% наемных сельскохозяйственных рабочих (батраков), 13,4% испольщиков, 5,3% мелких крестьянских собственников, 5,6% ремесленников. Во Французской

компартии — 40,3% рабочих, 5% сельскохозяйственных рабочих, 8,2% крестьян, 12,2% служащих. Среди коммунистов Финляндии — 85,5% рабочих.

Исторический опыт показывает, что, прежде чем стать действительным авангардом, революционные партии обычно проходят ряд этапов своего политического и организационного созревания. На первых порах они чаще всего представляют собой пропагандистские группы. Их работа ведется главным образом внутри собственных рядов. Это необходимо, чтобы обеспечить идейное единство, воспитать кадры, лучше сорганизоваться. Затем наступает время, когда партии выходят к массам, начинают руководить стачечной борьбой, массовыми выступлениями рабочего класса. Этот период очень важен, его наступление знаменует собой соединение стихийного рабочего движения с идеями социализма, превращение его в движение классово сознательное, организованное. Следующий этап — превращение партии в реальную политическую силу, способную вести за собой не только большинство рабочего класса, но и значительные массы народа.

В некоторых капиталистических странах компартии еще не смогли привлечь на свою сторону широкие слои рабочего класса, не стали массовыми партиями. Как передовой авангард, объединяющий в своих рядах наиболее сознательную часть рабочего класса, они играют немаловажную роль в жизни и борьбе трудящихся. Но ясно, что еще бо́льшую роль они смогут сыграть тогда, когда сплотят вокруг себя широкие массы. Тогда они станут такой политической силой, которая приведет трудящихся к социальному освобождению, к созданию нового общества.

Темпы перехода партии от одного этапа к другому зависят и от объективных условий и от правильности ее собственной политики, от умелости ее партийного руководства. Обострение общего кризиса капитализма и успехи сил социализма, быстрый рост политической зрелости и опытности партийных кадров создают в наше время предпосылки для ускоренного подъема *всех* коммунистических партий капиталистических стран на более высокую ступень развития.

2. Демократический централизм в структуре и жизни партии

Из того, какую роль призвана сыграть коммунистическая партия в рабочем движении, каков характер ее целей и задач, вытекают и принципы ее организационного устройства.

Интересы, выражаемые компартией,— это не простая сумма частных интересов отдельных рабочих или их групп, это интересы целого класса, которые могут проявляться

только через единую волю, соединяющую множество единичных действий в одну общую борьбу. Объединять все силы, направлять их к одной цели, придавать единство разрозненным действиям одиночек и групп рабочих может только *централизованное* руководство. «...Безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией» *(Ленин)* [4].

Но общая воля в партии не может создаваться иначе, как демократическим путем, т. е. совместно, коллективно, когда сопоставляются различные мнения, предложения, а потом принимаются решения, обязательные для всех. Выработанная таким путем общая воля имеет то преимущество, что она наиболее полно и потому верно выражает объективные потребности классовой борьбы пролетариата.

Таким образом, централизм коммунистической партии — это централизм *демократический,* т. е. опирающийся на волю широких партийных масс.

Демократический централизм на практике означает:

выборность всех руководящих органов партии снизу доверху;

периодическую отчетность партийных органов перед своими партийными организациями;

строгую партийную дисциплину и подчинение меньшинства большинству;

безусловную обязательность решений высших органов для низших.

Принцип демократического централизма лежит в основе устава каждой коммунистической партии, определяющего структуру и формы ее построения, нормы ее внутренней жизни, способы практической деятельности партийных организаций, требования к членам партии и их права.

Вопрос об обязанностях члена партии — краеугольный камень партийного строительства. Поскольку коммунистическая партия призвана выполнять грандиозные задачи коренного переустройства общества, она не может считать достаточным лишь согласие своих членов с партийной программой. Коммунист тот, кто активно содействует осуществлению программы партии и обязательно работает в одной из ее организаций, под ее руководством и контролем.

Оппортунисты не предъявляют такого требования к членам своих партий. Именно по этому вопросу в 1903 г. произошел раскол между революционным и оппортунистическим направлениями в Российской социал-демократической партии. Ленинским принципом членства сегодня руководствуются все коммунистические партии. В то же время конкретные условия приема, обязанности, возлагаемые той или иной компартией на своих членов, учитывают особенности страны, традиции ее рабочего движения. Партии проводят прием новых

членов активно и вместе с тем осмотрительно, остерегаясь засорения партийных рядов как агентами-провокаторами, засылаемыми буржуазией, так и случайными людьми. Некоторые коммунистические партии, как например, Французская, Итальянская, ежегодно проводят обмен или перерегистрацию партийных билетов. Имея своей целью активизацию коммунистов, усиление работы в массах, обмен билетов, когда условия для его проведения созрели, дает возможность освобождаться от тех, кто фактически перестал работать в партийной организации.

Партийная демократия и руководство

Внутренняя жизнь партии строится так, чтобы коммунисты могли максимально активно участвовать в ее практической работе. В этом суть партийной демократии. С этой целью создаются необходимые условия для того, чтобы члены партии имели возможность обсуждать все вопросы, контролировать выполнение принятых решений, выбирать руководителей, знать и проверять их деятельность.

Коммунистическая партия не сводит внутрипартийную демократию лишь к участию в выборах руководства. Такое представление о демократии, распространенное в социал-демократических партиях, есть, по сути дела, перенесение в партийную жизнь норм и положений буржуазного парламентаризма. Демократия коммунистической партии — это демократия *активного единого действия,* т. е. такая, при которой члены партии не только выбирают и обсуждают, но и практически принимают участие в направлении работы партии.

Практика коммунистических и рабочих партий различных стран выработала многочисленные формы вовлечения партийных масс в активную работу. В КПСС примерно 20% коммунистов работают в составе партийных комитетов, секретарями первичных организаций, партгрупоргами; остальные получают партийные поручения от своих организаций. В Компартии Китая практикуется метод массовых обследований, в которых участвует большое число коммунистов. Во Французской и Итальянской компартиях распространены такие формы привлечения широкого круга коммунистов к разработке и выполнению решений, как различные комиссии, инициативные комитеты и т. д.

Но активное участие всех коммунистов в деятельности партии не умаляет значения руководства, роли руководителей, обладающих необходимыми способностями, знаниями и опытом.

История рабочего движения разных стран показала, что политические партии могут действовать успешно, если они имеют устойчивые группы опытных, авторитетных, влиятельных руководителей. Такие люди составляют руководящее

ядро партии, ее кадры, ее выборный аппарат, который практически организует выполнение принятых решений, обеспечивает преемственность опыта и традиций.

Руководящие партийные кадры не стоят над партией, а находятся под ее контролем. В условиях демократии, говорил В. И. Ленин, политическая деятельность работников открыта, как подмостки сцены перед зрителями театра. «Все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами,— и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность *все* члены партии... «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их»[5].

Таким образом, партийная демократия составляет важнейшее условие правильного формирования, отбора и воспитания руководящих кадров. Вместе с тем демократия — это и гарантия того, что руководство будет опираться на коллективный опыт, а не отражать только личные взгляды того или иного работника.

Свобода обсуждения и единство действий

Важнейший метод партийной работы — широкое обсуждение всех принципиальных вопросов, коллективная выработка решений. Это необходимо для обобщения разностороннего опыта, выявления недочетов, для того чтобы каждый был убежден в правильности принятых решений.

Всякое же обсуждение связано с развернутой критикой, т. е. с выявлением недостатков, выяснением их корней и внесением предложений по их исправлению.

Именно такая деловая критика помогает двигаться вперед, правильно воспитывает кадры. Но партия всегда отличает критику, которая укрепляет ее, от критики ослабляющей, превращающейся в критику ради критики, в критиканство. Предоставляя свободу критики, привлекая к ответственности тех, кто глушит ее, партия в то же время никому не дает права использовать эту свободу для ослабления ее рядов.

Но где же та грань, которая отделяет критику полезную от вредной? Для определения этой грани служит партийная программа, служат решения партии и ее устав.

Предоставляя широкие права своим членам, партия вместе с тем естественно требует от них преданности своей

программе, целям и идеалам. Она не мирится с проповедью антипартийных взглядов, считает ее несовместимой с пребыванием в партии. Не подрывает ли это партийной демократии, свободы слова членов партии? Нет, с точки зрения коммунистов, не подрывает. «Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений,— писал Ленин.— Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов... Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды»[6].

До тех пор пока решение не принято, в партии могут высказываться различные мнения, сталкиваться противоположные точки зрения, но после принятия решения все коммунисты действуют как один человек. В этом существо партийной дисциплины, требующей подчинения меньшинства большинству и безусловной обязательности принятых решений. Дисциплина придает партии необходимую организованность, целеустремленность в действиях. Но всего этого не может обеспечить дисциплина слепая. Сила партийной дисциплины в том, что она сознательная, так как строится на идейной спаянности коммунистов, на сознательном одобрении партийных решений, в выработке которых сам коммунист принимал активное участие.

Единство действий вовсе не означает, что в партии не может быть различий во мнениях. В противном случае партия превратилась бы из живой организации в мертвую. В повседневной работе могут возникать различные точки зрения, расхождения по тем или иным вопросам. Это неизбежно и допустимо. Партийная дисциплина не требует ни от кого отказываться от собственного убеждения, если это убеждение не противоречит принципам марксизма-ленинизма. Но она обязывает подчиняться принятым решениям и добросовестно проводить их в жизнь, даже если член партии с ними не согласен или предлагал другое решение. Партийная дисциплина требует также, чтобы внутрипартийные вопросы не обсуждались за пределами партии. Все эти нормы жизни партии родились из опыта рабочего движения, который убедительно доказал, что без строгой дисциплины политическая партия рабочего класса превращается в аморфную организацию, неспособную возглавить борьбу трудящихся.

В партии установлены твердые правила в отношении тех, кто не подчиняется принятым решениям. История коммунистических партий знает факты, когда отдельные лица, несогласные с партийной линией, обособлялись в особые группы и устанавливали в них собственную дисциплину. Такие группы, противопоставляющие себя большинству, называются фрак-

циями. В партиях оппортунистических, приспособленных только к парламентской деятельности, наличие фракций закономерно. Однако для коммунистических партий — боевых, действующих организаций — допущение фракций равносильно отказу от идейного единства и от руководства борьбой. Вот почему образование фракций несовместимо с требованиями партийной дисциплины.

Марксистско-ленинский взгляд на значение единства партии был наиболее четко выражен в резолюции X съезда РКП(б), написанной рукой В. И. Ленина. В ней подчеркивалось, что все сознательные рабочие должны ясно понимать «вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы...» [7], и рекомендовалось в случае появления фракционности применять все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии.

Таким образом, в коммунистических партиях широкий демократизм сочетается с централизованным руководством, свободное обсуждение — со строгой дисциплиной и единством действий. Демократия без централизованного руководства превращает партию в дискуссионный клуб. Централизм без демократии или при недостаточно развитой демократии порождает мертвящий бюрократизм. Правильное же сочетание демократии и централизма обеспечивает широкое развитие активности, инициативы в партии и вместе с тем твердое руководство, столь необходимое в политической борьбе.

Конкретные формы, в которых проявляется принцип демократического централизма, меняются в зависимости от исторических условий. Ссылаясь на опыт партийной организации русских коммунистов, В. И. Ленин писал: «Эта организация, сохраняя свой коренной тип, умела приспособлять *свою форму* к изменившимся условиям, умела видоизменять эту *форму* соответственно требованиям момента...» [8]

Каждая коммунистическая партия — это живой организм, развивающийся, совершенствующий свою деятельность. Принцип демократического централизма в структуре и жизни коммунистических партий отнюдь не означает шаблона. Он дает им возможность строить свою работу гибко, в соответствии с встающими задачами, с особенностями каждой страны.

3. О живой связи партии с широкими массами

Коммунисты могут стать партией в подлинном смысле слова лишь в том случае, если они тесно связаны с массами и пользуются их поддержкой. Критикуя в 1920 г. отдельных английских коммунистов, не понимавших необходимости связи с массами, В. И. Ленин говорил резко: «Если меньшин-

ство не умеет руководить массами, тесно связаться с ними, то оно не является партией и вообще ничего не сто́ит, хотя бы оно называло себя партией...» [9]

Можно сколько угодно провозглашать себя авангардом и тем не менее не стать им. Ведь партия не может заставить массы следовать за ней. Не завоюет она авторитета и тем, что в своих заявлениях перед массами будет выступать с претензией на руководящую роль.

Мало провозгласить руководящую роль партии — ее надо завоевать

Как же партия становится настоящим руководителем? Для этого есть только один путь — убедить массы в том, что партия правильно выражает и защищает их интересы, убедить не словами, а делами, своей политикой, инициативой, преданностью. Партии надо своей работой заслужить доверие и признание широких масс. «Мало ведь назвать себя «авангардом», передовым отрядом,— говорил В. И. Ленин,— надо и действовать так, чтобы *все* остальные отряды видели и вынуждены были признать, что мы идем впереди» [10].

У коммунистической партии есть программа — научно обоснованное изложение ее целей, отвечающих коренным интересам трудящихся. Понятные трудящимся конечные цели борьбы — непременное условие того, чтобы партия завоевала руководящее положение. Вместе с тем партия должна иметь программу действий для удовлетворения ближайших нужд трудящихся. Партия стремится проявлять инициативу во всех областях народной жизни, знать нужды и бороться за требования разнообразных слоев населения.

Коммунисты постоянно разоблачают изжившнй себя капиталистический строй, но они считают неправильным выдвигать лозунги, только критикующие, не отвечающие на вопрос о том, что и как надо делать *сегодня*. В. И. Ленин всегда боролся против попыток давать лозунги, которые служили бы только для «заостривания сознания пролетариата против империализма». Он писал: ««Отрицательный» лозунг, не связанный с определенным положительным решением, не «заостривает», а отупляет сознание, ибо такой лозунг есть пустышка, голый выкрик, бессодержательная декламация» [11].

Работать всюду, где есть массы

Коммунисты стремятся работать всюду, где есть трудящиеся. Для этого нужна самая тесная, органическая, повседневная связь с массами. «Чтобы обслуживать массу,— говорил В. И. Ленин,— и выражать *ее* правильно сознанные интересы, передовой отряд, организация, должна всю свою деятельность вести в массе, привлекая из нее все без исключения лучшие силы, проверяя на каждом шагу, тщательно и объективно, поддерживается ли связь с массами, жива ли она. Так, и *только* так, передовой отряд воспитывает и просвещает

массу, выражая *ее* интересы, уча ее организации, направляя *всю* деятельность массы по пути сознательной классовой политики» [12].

Естественно, что коммунисты придают большое значение массовым организациям — профсоюзам, женским и молодежным объединениям, кооперации и т. д. Коммунистические партии вовсе не хотят лишать эти организации самостоятельности. Наоборот, коммунисты считают, что массовые организации только тогда играют свою роль, когда каждая из них хорошо выполняет присущие ей задачи. Коммунисты уважают решения и дисциплину массовых организаций, в которых работают, соблюдают их уставы и видят свою обязанность в том, чтобы помогать каждой организации лучше защищать интересы масс.

В профсоюзах коммунисты проявляют себя последовательными борцами за экономические интересы рабочих, добиваются единства действий пролетариата. Когда дело доходит до забастовок, в стачечных комитетах они оказываются самыми стойкими, энергичными организаторами. Таких коммунистов рабочие охотно выбирают на самые ответственные должности.

В молодежных, крестьянских, женских и всех других организациях коммунисты стараются расширить влияние партии не командованием, а своей энергией и высокой идейностью независимо от того, действуют ли они как рядовые члены этих организаций или как их руководители.

Через массовые организации партия теснее связывается с трудящимися. Итальянская коммунистическая партия, например, опирается на многочисленные демократические организации, в том числе на Всеобщую итальянскую конфедерацию труда — самую крупную профсоюзную организацию Италии, объединяющую в своих рядах основную массу организованных рабочих страны, Национальный союз крестьян и батраков и другие организации. Так же обстоит дело и во Франции, где коммунистическая партия тесно связана с Всеобщей конфедерацией труда, Союзом французских женщин, Союзом девушек Франции, Союзом крестьянской молодежи, Республиканской ассоциацией бывших фронтовиков и другими массовыми организациями. Коммунистическая партия Финляндии входит в широкий Демократический союз народа Финляндии (ДСНФ); она тесно связана с Союзом мелких землевладельцев. Под руководством Коммунистической партии Индонезии действуют крупнейший профсоюзный центр страны — Всеиндонезийская профсоюзная федерация (более 2500 тыс.), Крестьянский союз (2350 тыс.), женская организация (около 500 тыс. членов).

Коммунисты стараются находить пути к трудящимся, состоящим в таких организациях, руководители которых, а ино-

гда и значительная часть рядовых членов проявляют к коммунизму равнодушие, а то и враждебность. На массы обижаться нельзя, надо находить путь к уму и сердцу трудящихся, не боясь предубежденности, предрассудков, даже придирок и оскорблений.

В. И. Ленин писал еще в годы первой русской революции о необходимости работать среди всех слоев рабочего класса: «...Надо уметь подойти к самым серым, неразвитым, наименее затронутым и нашей наукой и наукой жизни представителям этого класса, чтобы суметь заговорить с ними, суметь сблизиться с ними, суметь выдержанно, терпеливо поднять их до социал-демократического сознания, не превращая наше учение в сухую догму, уча ему не одной книжкой, а и участием в повседневной жизненной борьбе этих самых серых и самых неразвитых слоев пролетариата»[13].

Опорными пунктами работы в массах служат первичные организации партии. Они действуют там, где лучше всего могут быть связаны с трудящимися и влиять на них. В Коммунистической партии Советского Союза первичные организации всегда создавались преимущественно по производственному признаку, причем наибольшее внимание уделялось заводским организациям, которые ближе всего стоят к рабочему классу.

Территориальный принцип создания первичных организаций оправдан в тех случаях, когда позволяет шире охватить партийным влиянием массы, приблизиться к таким слоям населения, как ремесленники, крестьяне, мелкие торговцы, лица свободных профессий и т. д. Во многих странах создание партийных организаций по территориальному признаку отвечает традициям массового движения, и с этим нельзя не считаться. Шаблон, единообразие тут так же вредны, как и в любом живом деле, хотя производственный принцип более соответствует классовому характеру партии. Коммунистические партии многих стран создают свои первичные организации и по производственному и по территориальному признаку.

Руководить массами не значит все время поучать их. Надо участвовать в решении самых будничных дел и, освещая их с марксистских позиций, стремиться «завоевывать себе своей энергией, своим идейным влиянием (а не своими званиями и чинами, конечно) руководящую роль...» (*Ленин*)[14].

Даже такое дело, как участие в парламентской деятельности, коммунисты непременно связывают с работой в массах. Оппортунисты видят в парламентаризме только средство для верхушечных комбинаций и решения вопросов за спиной масс. Осуждая такую практику, В. И. Ленин писал, что «коммунисты в Западной Европе и в Америке должны научиться создать новый, необычный, неоппортунистический, некарьеристский парламентаризм...»[15]

Коммунистическим партиям ряда капиталистических стран удалось развернуть такую парламентскую деятельность, какую имел в виду В. И. Ленин. Недаром на всех парламентских выборах послевоенных лет за Французскую и Итальянскую компартии каждый раз голосуют миллионы избирателей. Коммунисты располагают также большим количеством мест во многих муниципалитетах этих стран. Занимая посты мэров, их заместителей, муниципальных советников, они стараются наилучшим образом выполнить наказы своих избирателей.

Парламентская деятельность, неразрывно связанная с массовой борьбой, дает коммунистическим партиям возможность добиваться реальных результатов. Когда массы видят это, влияние коммунистов возрастает.

Вести массы и учиться у масс

Руководить массами можно только учитывая их опыт и уровень сознания, не отрываясь от действительности, не забегая вперед. Иначе есть риск оказаться в печальном положении авангарда, потерявшего связь с отставшими от него основными силами.

Но учет уровня сознательности масс ничего общего не имеет с приспособлением к этому уровню, с равнением на отсталость. Такое понимание связи с массами свойственно оппортунизму. Революционные марксисты понимают ее иначе. Они не плывут по воле волн.

Коммунистическая партия, обобщающая опыт своего класса и всего народа, осмысливающая его в свете уроков истории и марксистской теории, имеет возможность улавливать тенденции, которые еще не проявили себя полностью, но которым принадлежит будущее. Марксистская партия ничего не выдумывает, она идет от жизни, но идет впереди стихийного движения, указывает ему путь, потому что умеет вовремя предложить решение проблем, волнующих народ.

Партия может вести массы, учить их в том случае, если сама учится у масс, т. е. внимательно изучает то, что рождается в народной практике, впитывает в себя мудрость народа. Учиться у масс, чтобы учить массы,— вот принцип марксистско-ленинского руководства, которому следуют все коммунистические партии. Китайские коммунисты называют это «линией масс».

Каким бы авторитетом ни пользовалась партия, она не может жить накопленным ранее политическим капиталом. Его нужно постоянно приумножать, завоевывая политике, осуществляемой партией, и всем ее мероприятиям поддержку масс. При этом партия не может держаться как непогрешимый учитель, она разговаривает с массами откровенно и об успехах и об ошибках. Коммунисты не боятся говорить о своих слабостях, чего не могут позволить себе другие партии, прячущие от масс свои ошибки.

4. Марксистско-ленинская политика как наука и искусство

Один из важнейших источников силы коммунистических партий состоит в том, что они могут строить свою политику на научной основе.

Это означает прежде всего, что, отстаивая интересы рабочего класса, коммунисты, вооруженные учением марксизма-ленинизма, имеют возможность опираться в своих действиях на знание объективных законов общественного развития и в особенности на знание законов классовой борьбы; они учитывают расстановку классовых сил в каждый данный период, в каждой конкретной ситуации. «Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, след., и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами,— говорил В. И. Ленин,— может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса)» [16].

Ниже мы остановимся на некоторых общих вопросах политики коммунистических партий как науки и искусства. Практическое осуществление этой политики и ее наиболее важные проблемы освещаются в последующих главах этой книги.

О политической стратегии и тактике

Мероприятия, из которых складывается деятельность марксистско-ленинской партии, не являются результатом импровизации партийного руководства. В них находит свое конкретное выражение *политическая линия*, выработанная партией на основе научного анализа данного этапа борьбы и данной ситуации. В политическом языке для обозначения этой линии употребляют также понятия *тактика* и *стратегия*.

Говоря о тактике, часто имеют в виду политическую линию для сравнительно непродолжительного периода, определяемого теми или иными конкретными условиями, а говоря о стратегии — линию для целого исторического этапа. Но такие различия проводились не всегда. В старом рабочем движении (в дооктябрьский период) под тактикой партии подразумевалась вся ее политика, независимо от того, на какой срок она была рассчитана.

Так употреблял это понятие Ленин, обозначая им и сравнительно быстро меняющиеся задачи руководства борьбой рабочего класса (тактика в узком смысле), и задачи, сохраняющиеся на протяжении целого исторического этапа. Например, в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин писал о тактике в смысле

генеральной линии партии, рассчитанной на весь период подготовки и проведения буржуазно-демократической революции в России. Понятие стратегии, заимствованное из военной области, Лениным употреблялось редко. Только в послеоктябрьский период в некоторых работах, касающихся политики братских компартий, он упоминал также о партийной стратегии, не считая, однако, нужным отграничивать это понятие от понятия тактики.

В настоящее время коммунисты говорят о стратегии, или стратегической линии, когда речь идет о генеральной линии партии, нацеленной на выполнение самых общих задач данного исторического этапа, исходя из существующего соотношения сил между классами. В этом смысле, разумеется, вполне уместно говорить о важности соблюдения стратегической линии партии, с тем чтобы, с одной стороны, подчеркивать необходимость неуклонного стремления к выполнению *главной задачи* данного этапа, с другой — предупреждать от левацкой тенденции «перепрыгивания этапов». Но, говоря о политической стратегии партии, необходимо остерегаться всякого увлечения аналогиями из области военной науки, ибо политическая стратегия коренным образом отличается от военной.

В политике приходится иметь дело не с готовыми армиями, а с общественными классами и силами, из которых одни могут быть организованными, а другие нет, одни действуют сознательно, а другие стихийно. Военному руководителю подчинены все наличные силы. Он может ими свободно маневрировать, бросать резервы туда, куда сочтет необходимым, считаясь лишь с боевой целесообразностью. Политические руководители не располагают такими возможностями. Участвующие в событиях классы и силы — это не армии и не резервы. Каждый и каждая из них действуют не по приказу начальства, а под влиянием собственных интересов, причем соответственно тому, как они эти интересы в настоящий момент понимают. Есть немало и других факторов, во много раз усложняющих задачу политического руководства по сравнению с военным. Все это надо иметь в виду, употребляя понятие политической стратегии.

При выработке стратегической линии партии в условиях капитализма важно, во-первых, правильно определить *главную цель* рабочего класса на данном этапе и *главного классового врага,* против которого необходимо на этом этапе сконцентрировать классовую ненависть и ударную силу всех трудящихся, чтобы сломить его сопротивление.

Во-вторых, необходимо правильно определить отношение партии к самой значительной *промежуточной прослойке,* которая хотя и выступает в роли оппозиции в отношении главного врага, но в силу двойственности своих классовых интере-

сов проявляет опасную политическую неустойчивость, склонность к соглашательству, а подчас и прямому сговору с этим врагом.

Так, на первом этапе русской революции Ленин определил главную цель движения как *свержение самодержавия* и поставил перед пролетариатом две задачи: *«раздавить силой сопротивление самодержавия»* (главного врага) и *«парализовать неустойчивость буржуазии»* [17]. Большевики признавали обе эти задачи. А меньшевики, не признававшие второй из них, скатились в болото правого оппортунизма.

На втором этапе русской революции Ленин определил главную цель как *свержение буржуазии* и поставил перед пролетариатом две задачи: *«сломить силой сопротивление буржуазии»* (главного врага) и *«парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»* [18]. Большевики взялись за выполнение обеих этих задач. Ограничься они лишь одной из указанных задач, выдели они как направление главного удара вторую задачу — революции был бы нанесен серьезный урон.

В-третьих, вырабатывая стратегическую линию, важно правильно определить *союзников* рабочего класса на данном этапе движения. При этом неверно было бы рассматривать союзников рабочего класса как «резервы» партии, которые можно «использовать» по своему усмотрению, «маневрируя» ими так же свободно, как это делает военачальник с резервами на поле боя. Сводить стратегическое руководство в политике к вопросу об использовании резервов — значит отвлекать внимание от той задачи, которая в капиталистических странах является самой необходимой в подготовке к решающим классовым битвам,— от задачи непрерывного укрепления связей компартии с рабочими массами и широчайшими слоями трудящихся, от задачи установления единства действий с социалистическими партиями, профсоюзами и другими массовыми организациями. Каждая коммунистическая партия исходит также из признания *самостоятельной* роли рабочего движения соседних стран и революционных движений колоний, а не рассматривает их просто как «резервы» революции в своей или какой-либо другой стране. Иное отношение к отдельным отрядам освободительного антиимпериалистического движения не только противоречило бы принципам коммунистов и их политической морали, но и создало бы опасность утраты этих союзников.

Искусство политического руководства

Ленин говорил о политике, что она представляет собой не только науку, но и искусство.

Это значит, что политическое руководство требует не только правильного, научно достоверного анализа обстановки и выработки на этой основе верной линии, но и большого умения, мастерства, подлинного искусства в ее про-

ведении. Без такого искусства не пойдет впрок даже самая хорошая политическая линия. Можно правильно определить главную цель и главного врага на данном этапе. Но какая в том будет польза, если партия не сумеет организовать борьбу за эту цель и против этого врага? Можно правильно определить союзников рабочего класса, но разве от этого будет толк, если партия не сумеет привлечь их на свою сторону, организовать и возглавить их борьбу?

Таким образом, для политического руководства важно *не только знать, но и уметь*. Как же приобрести такое умение, такое искусство?

Одной теоретической учебы для этого, конечно, недостаточно. Овладеть искусством политического руководства каждая партия может лишь на большом собственном опыте. Нет такой школы, которая могла бы заменить для революционной партии школу практической борьбы со всеми ее превратностями и испытаниями, победами и поражениями, успехами и неудачами.

Все это, конечно, не значит, что каждой партии обязательно надо самой испытать абсолютно все и учиться только на собственных синяках. Процесс овладения политическим искусством можно серьезно ускорить, а число поражений, ошибок и неудач намного сократить, если внимательно и умело изучать и использовать опыт других партий, опыт международного революционного движения. Труды, в которых обобщен этот опыт,— неоценимое пособие для всех, кто стремится овладеть искусством политического руководства. Особенно важна в этом отношении выдающаяся книга В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», которая имела и продолжает иметь огромное значение для международного коммунистического движения.

Какие основные области деятельности включает искусство политического руководства?

Прежде всего — умение работать в массах. С этой задачей могут успешно справиться только те партии и руководители, которые живут интересами трудящихся, разделяют их чаяния, беззаветно преданы им.

Один из ленинских принципов политического искусства заключается в том, что для вовлечения миллионных масс в активную борьбу мало одной лишь пропаганды и агитации, для этого необходим *собственный политический опыт самих масс*. «...Никогда миллионы людей не будут слушать советов партий,— говорил В. И. Ленин,— если эти советы не совпадают с тем, чему их учит опыт собственной жизни» [19]. Искусство политического руководства состоит поэтому в том, чтобы применять такие средства и методы, которые, исходя из опыта масс и уровня их сознательности, могли бы вести массы дальше, к борьбе за конечные цели. Партия не может пассивно

ждать, пока действительность сама научит массы. Она должна уметь помогать им приходить к правильным выводам. В. И. Ленин называл это умеиием подвести массы на их собствеином опыте к позициям решительной борьбы.

Массы восприиимают окружающую действительность через факты, с которыми они повседневио сталкиваются и которые их прямо затрагивают. Поэтому партии могут подвести трудящихся к борьбе с капитализмом не ииаче, как руководя борьбой за непосредственные экономические нужды и политические интересы масс, выдвигая требования, отвечающие неотложиым запросам различных слоев трудящихся и добиваясь удовлетвореиия этих требований.

Важную часть искусства политического руководства составляет, далее, умеиие объединять свои усилия с усилиями всех, с кем возможно добиться единства действий, включая и тех, с кем имеются расхождения в корениых вопросах. Как будет подробнее показано в следующей главе, это важное, хотя и трудное дело.

Искусство политического руководства включает также умеиие правильно выбирать формы борьбы, соответствующие даиной обстановке, способность быть готовым к самой быстрой и неожиданной смене этих форм.

Если партия умеет правильио выбирать формы борьбы и вырабатывает отвечающую существующим условиям политическую линию, она может активно действовать и добиваться определенных результатов в самых сложных и тяжелых условиях.

Партия ленинского типа никогда не станет сложа руки, замкиувшись в себе, ждать «великого часа» — такой ситуации, которая сама вызовет революционный подъем трудящихся и ослабит сопротивление их врагов. Она и в самых неблагоприятиых условиях ищет и находит возможности активной работы в массах, активиой политической борьбы. Тем самым партия укрепляет свои позиции и — что еще важиее — в огромиой степени приближает час решающей битвы и готовит к нему ие только самое себя, но и возможно более широкие слои трудящихся. Высшее политическое искусство как раз и заключается в том, чтобы даже в условиях спада революции найти такие направления и формы борьбы, которые закладывали бы основы грядущих побед и приближали их. Блестящий пример такого искусства дает ленииская политика русских коммунистов в годы реакции, последовавшие за поражеиием революции 1905—1907 гг. В те годы партия показала, как надо вести себя в случае иеудачи революции. В. И. Ленин писал тогда: «Революционные партии должны доучиваться. Оии учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильнее отступать. Приходится понять, — и революционный класс на соб-

ственном горьком опыте учится понимать,— что нельзя победить, ие научившись правильному наступлению и правильному отступлению»[20].

Уменне найти основное звено

Наука и искусство политического руководства проявляются также в умении выделять главные задачи, на решеиии которых следует сосредоточить особеиные усилия.

Политические события связаны друг с другом, но они всегда очеиь запутаниы. В. И. Ленин говорил, что их можно сравнить с цепью, с той, однако, разницей, что порядок звеиьев, их форма и сцепление друг с другом не так просты, как в цепи, сделанной кузнецом. К тому же в обычной цепи все звеиья одинаковы, а в политической жизни есть вопросы корениые и есть подчииеиные, второстепеииые. «Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену...»[21]

В России после свержения царизма решающим звеном стал революциоиный выход из войиы. Сразу же после Февральской революции широкие массы были иастроеиы оборончески. Оии верили в то, что войиа изменила свой характер, перестала быть империалистической. Но В. И. Ленин показал беспочвеииость таких иллюзий. Пока у власти находилась буржуазия, война продолжала оставаться империалистической. Для достижения мира иного выхода, кроме социалистической революции, тогда не было. И хотя иа первых порах массы еще не понимали этого, партия была уверена в том, что сама логика событий приведет их к выводу: спасеиие в революции. На том, чтобы помочь массам придти к этому выводу, партия и сосредоточила свои усилия.

Потребовалось всего полгода, чтобы буржуазия полностью разоблачила себя как класс, заинтересованный в продолжеиии войиы. Тогда наступил перелом в созиании масс, убедившихся, что коичить войиу можно только путем вооруженного свержения буржуазии. «Выхода из войны революционная Россия достигла,— говорил В. И. Леиин.— Были большие усилия, но зато основная потребиость народа была учтена, и это дало нам победу...»[22]

В современных условиях, когда над народами иависла опасность истребительной атомной войны, когда вновь активизируется международиая реакция, стремящаяся навязать народам фашистские порядки, основиым звеном для политики коммуиистических партий капиталистических стран стала борьба за мир и демократию.

Марксистско-ленииский анализ действительности, тесная связь с массами дают возможность каждой партии, исходя

из особенностей обстановки в стране, выделять ту главную задачу, решение которой приближает к достижению конечной цели рабочего класса.

5. Необходимость борьбы против правого оппортунизма и сектантства

Реакционная буржуазия никогда не оставляла попыток подорвать коммунистическое движение изнутри. Большие надежды возлагает она на использование в своих целях внутрипартийных разногласий и на распространение оппортунистических взглядов среди политически неустойчивых членов партии. Партийные ряды непрерывно пополняются, причем не только передовыми рабочими, но и людьми недостаточно зрелыми, в том числе выходцами из различных промежуточных слоев, которые вольно или невольно приносят в партию свои предрассудки и заблуждения. Поэтому всегда существует объективная возможность проникновения в коммунистические партии буржуазного и мелкобуржуазного влияний, различных оппортунистических взглядов, настроений уныния и неверия в победу. Вот почему *борьба за чистоту марксистско-ленинского мировоззрения* — непреложный закон существования и развития коммунистических партий.

Опасность ревизионизма

С развитием борьбы рабочего класса буржуазная идеология меняет свои оттенки. Грубые формы оправдания капитализма сменяются более тонкими приемами его защиты. Но суть буржуазной идеологии от этого не меняется. Точно так же и оппортунизм, в какой бы форме он ни выступал, всегда имеет целью — либо откровенной, либо замаскированной — примирить рабочий класс с капитализмом, приспособить рабочее движение к интересам господствующих классов. Именно к этому направлены постоянные попытки оппортунистов ревизовать революционное мировоззрение рабочего класса — марксизм-ленинизм.

Ревизионизм, или «пересмотр» марксизма, указывал В. И. Ленин, является «одним из главных, если не самым главным, проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариев» [23].

Идеологи ревизионизма стремятся «пересмотреть», а точнее сказать, извратить все коренные положения марксистско-ленинской теории. Об этих попытках было сказано в главе 10, и речь о них будет еще не раз идти далее. Но одной из главных мишеней они неизменно избирали и избирают ленинское учение о партии.

При этом теоретические и практические усилия ревизионистов всегда в конечном счете подчинены стремлению лик-

видировать партию или превратить ее в реформистскую. В одних исторических условиях это намерение даже не скрывается, а в других — маскируется.

После поражения первой русской революции ревизионисты в России предприняли поход против партии, доказывая, что это организация, которую «надо сдать в архив». Взамен они предлагали создать широкую беспартийную ассоциацию — «рабочий союз». Отражая настроения апатии, растерянности, потери революционной перспективы, вызванные наступлением реакции, ликвидаторы (под таким названием тогдашние ревизионисты вошли в историю русского рабочего движения) хотели иметь вместо партии что-то неопределенное, такое, что вполне устраивало бы не только буржуазию, но и самодержавие. Если бы революционные марксисты тогда политически не разгромили ликвидаторов, рабочий класс вступил бы в начавшийся вскоре период нового революционного подъема дезорганизованным, лишенным своего боевого руководителя — большевистской партии.

Наиболее характерные черты современного ревизионизма отмечены в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1957 г.). В этой Декларации говорится:

«Современный ревизионизм пытается опорочить великое учение марксизма-ленинизма, объявляет его «устаревшим» и якобы утратившим ныне значение для общественного развития. Ревизионисты стремятся вытравить революционную душу марксизма, подорвать веру рабочего класса и трудового народа в социализм. Они выступают против исторической необходимости пролетарской революции и диктатуры пролетариата при переходе от капитализма к социализму, отрицают руководящую роль марксистско-ленинской партии, отрицают принципы пролетарского интернационализма, требуют отказа от основных ленинских принципов партийного строительства и прежде всего от демократического централизма, требуют превращения коммунистической партии из боевой революционной организации в некое подобие дискуссионного клуба» [24].

В современных условиях ревизионисты далеко не всегда выступают с откровенными предложениями о ликвидации партии. Под флагом расширения внутрипартийной демократии они добиваются отмены партийной дисциплины, предоставления меньшинству права не признавать решения, принятые большинством, права организовывать фракции. Но это означало бы разрушение единства действий партии, превращение ее в арену борьбы разных фракций.

Ревизионисты выступают обычно под флагом борьбы с догматизмом, доктринерством. Свой фактический отказ от марксизма они прикрывают ссылками на то, что само мар-

ксистское учение предполагает замену отживших положений новыми. Но замена устаревших положений новыми марксистскими положениями не имеет ничего общего с отменой коренных принципов марксизма-ленинизма, составляющих душу этого революционного учения. Опасность ревизионизма в том и состоит, что он под видом развития марксизма отвергает его. Естественно, что коммунистические партии считают борьбу с ревизионизмом во всех вопросах, в том числе и в вопросах партийного строительства, одной из своих важнейших и постоянных обязанностей.

Догматизм и сектантство ведут к отрыву от масс

Не только с ревизионизмом приходится вести борьбу коммунистическим партиям, но и с сектантством. Внешне они прямо противоположны друг другу. На самом же деле сектантство, которое изображает себя очень «левым», революционным, тоже ведет к ослаблению партии.

В основе сектантства лежит догматическое отношение к отдельным теоретическим положениям и формулам, как будто в них дано решение всех возможных проблем политической жизни. Вместо того чтобы изучать живую жизнь, догматики идут от схемы, и если факты не укладываются в нее, то они игнорируют факты. Догматизм означает отрыв от действительности, и партия, если она не борется с догматизмом, превращается в секту, оторванную от жизни.

Попытка цепляться за вчерашний день, за политику и организационные формы, не отвечающие изменившимся условиям, фактически означает, как сказал В. И. Ленин, «политику революционного безделья...» [25]. Практика всех коммунистических партий многочисленными примерами подтвердила справедливость этого ленинского вывода.

В России сектантство проявилось в нежелании использовать те легальные возможности, которые первая русская революция, несмотря на поражение, все же вырвала у царизма. Члены партии, считавшие себя «революционнее» партии, добивались отказа от участия в Государственной думе, от работы в профсоюзах и в страховых кассах. Трудной работе в массах они предпочитали гордое ожидание нового революционного кризиса.

Многие коммунистические партии, образовавшиеся в капиталистических странах после Октябрьской революции, в первый период своего существования допускали ошибки сектантского характера. В. И. Ленин назвал это тогда детской болезнью «левизны» в коммунизме. Такие ошибки выражались в отказе работать в профсоюзах, находящихся под руководством реакционеров и оппортунистов, участвовать в буржуазных парламентах, идти в необходимых случаях на компромиссы и вообще применять гибкую тактику.

Бороться с проявлениями сектантства приходится и в настоящее время. Главная суть сектантства заключается в отрыве от масс, в неиспользовании имеющихся возможностей революционной работы, в стремлении уйти от жгучих вопросов, которые выдвигает жизнь. Если ревизионизм стремится примирить партию с капитализмом, то сектантство лишает ее связей с массами, без чего невозможно успешно бороться с капитализмом. Поэтому нельзя укреплять партию, не борясь с сектантством, в чем бы оно ни выражалось.

Совещание представителей коммунистических и рабочих партий в Москве подчеркнуло необходимость решительного преодоления ревизионизма и догматизма в рядах партии. «Осуждая догматизм,— говорится в Декларации Совещания,— коммунистические партии считают в современных условиях главной опасностью ревизионизм, иными словами, правый оппортунизм, как проявление буржуазной идеологии, парализующей революционную энергию рабочего класса, требующей сохранения или восстановления капитализма. Однако догматизм и сектантство могут представлять также основную опасность на отдельных этапах развития той или иной партии. Каждая компартия определяет, какая опасность для нее представляет в данное время главную опасность» [26].

6. Международный характер коммунистического движения

Коммунистическое движение интернационально по самому своему существу. Но борьбу за коммунистические идеалы каждой партии приходится вести на национальной почве. Это может в определенных условиях породить опасность искусственного противопоставления национальных интересов интернациональным. Людям, не освободившимся от национальной узости и ограниченности, может показаться, что условия их страны — какие-то исключительные и борьба рабочего класса здесь должна якобы коренным образом отличаться от того, что имеет место в других странах. Такие взгляды и настроения на руку империалистам, заинтересованным в разрушении единства международного рабочего движения.

Подобные взгляды не только глубоко ошибочны, но и вредны. Законы общественного развития — всеобщие законы, действующие во всех странах. Вот почему столь много общего оказывается и в рабочем движении разных стран. Это обязывает коммунистические партии не отгораживаться друг от друга, а, напротив, обмениваться опытом.

Партия, незнакомая с опытом других партий и не учитывающая его, скорее может допустить ошибку. Опираясь на

коллективный опыт международного коммунистического движения, легче двигаться вперед.

Особенно богатый, разносторонний опыт накопила на протяжении более чем полувековой борьбы Коммунистическая партия Советского Союза. Благодаря своему большому политическому опыту КПСС не раз показывала умение глубоко осмысливать процессы, происходящие во всем мире. Поэтому многие документы КПСС приобретают большое международное значение. Такое значение имеют и постановления XX и XXI съездов КПСС. В Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий говорится: «Исторические решения XX съезда КПСС имеют не только великое значение для КПСС и коммунистического строительства в СССР, но и положили начало новому этапу в международном коммунистическом движении, способствовали его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма» [27].

Что же значит уметь использовать опыт других партий? Это значит прежде всего воспринимать его творчески, а не механически. Любой опыт всегда обусловлен многими обстоятельствами — местом, временем, обстановкой, соотношением классовых сил. Если отвлечься от конкретных условий, то опыт, практика, оправдавшие себя в одной обстановке, могут в другой дать иные результаты. Было бы неправильно при этом брать под сомнение ценность самого опыта. Марксизм-ленинизм заимствует из всякого опыта его существо, то, что имеет не местное, не национально-особенное, а всеобщее значение, т. е. то, что приобретает характер закономерности. Это общее и надо уметь сочетать с конкретными условиями разных стран.

Обмен опытом и координация деятельности коммунистических партий различных стран требуют установления тесных связей между ними. Формы этих связей различны, они меняются в зависимости от исторических условий.

В начале своей деятельности коммунистические партии были еще слабы. Большинство партий образовалось из революционных элементов социал-демократических и анархо-синдикалистских организаций. Они приносили с собой пережитки оппортунизма, сектантства. Нужно было провести огромную работу по сплочению новых партий, воспитанию их на революционных идеях марксизма-ленинизма, по выращиванию кадров партийных руководителей.

Эти насущные потребности мирового коммунистического движения и вызвали к жизни такую международную организацию, объединявшую компартии различных стран, как Коммунистический Интернационал (1919—1943 гг.).

Заслуги Коммунистического Интернационала состоят в том, что он восстановил и укрепил связи между трудящимися

различных стран, разорванные первой мировой войной, разработал многие теоретические вопросы рабочего движения в новых исторических условиях, серьезно помог распространению идей коммунизма в массах и облегчил воспитание лидеров рабочего движения.

Но по мере роста коммунистического движения и укрепления партий эта форма связи между партиями изжила себя. Рост политической зрелости коммунистических партий сделал излишним существование всемирной коммунистической организации прежнего типа. Она к тому же не могла руководить всем коммунистическим движением и в силу сложившихся в годы второй мировой войны международных условий. В мае 1943 г. Исполком Коминтерна принял одобренное затем всеми коммунистическими партиями решение о роспуске Коммунистического Интернационала.

История коммунистического движения знает и другие формы связей между коммунистическими партиями. Наиболее распространенные из них в настоящее время — встречи руководящих деятелей и взаимный обмен информацией на двусторонней основе, обмен делегациями, а также более широкие встречи и совещания коммунистических и рабочих партий для обсуждения актуальных проблем, обмена опытом, ознакомления со взглядами и позициями друг друга, для согласования совместной борьбы за общие цели — мир, демократию и социализм. Среди таких совещаний особенно большое значение имело Московское совещание, состоявшееся в ноябре 1957 г. и принявшее такие важные для всего коммунистического движения документы, как Декларация и Манифест мира.

Братские взаимоотношения коммунистических и рабочих партий строятся на основе принципов марксизма-ленинизма, принципов пролетарского интернационализма.

Существо этих взаимоотношений — сочетание суверенности каждой партии с единством действий всего мирового коммунистического движения. Оставаясь политически и организационно самостоятельными, компартии *добровольно, по взаимному соглашению,* исходя из единства взглядов на международные задачи рабочего класса, объединяют свои действия, совместно вырабатывают в случае необходимости единую линию своего поведения, действуют как единая международная сила, стоящая на страже интересов трудящихся всех стран, всеобщего мира и безопасности.

Обмен мнениями по важнейшим вопросам, взаимная товарищеская критика помогают партиям лучше увидеть свои недостатки. Но непременное условие взаимной критики состоит в том, что она должна служить интересам социализма, укреплять партии, единство мирового коммунистического движения.

Для сплочения рабочего класса, всех трудящихся, свободолюбивых и миролюбивых сил мира прежде всего необходима сплоченность самих коммунистических партий. Чем шире становится борьба масс, тем большее значение приобретает единство партий — руководящих центров этой борьбы.

В основе единства партий лежит общность цели коммунистического движения, верность идеям марксизма-ленинизма. Но единство — это не единообразие, оно предоставляет широкие возможности для инициативы, для творческого подхода к проблемам политики. Марксизм-ленинизм считает, что единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу. Каждая коммунистическая партия самостоятельна в своих действиях, но именно поэтому так важно не сбиться с общего курса, не ослаблять чувство локтя, не впасть в противопоставление национально-особенного общему, коренному, интернациональному.

Единство партий не есть что-то раз навсегда данное. Оно развивается и укрепляется в борьбе, подвергаясь ожесточенным атакам со стороны буржуазии и носителей ее идеологии в рабочем движении. Международная реакция не раз стремилась ослабить коммунистические партии средствами идеологической диверсии. Но всегда основные кадры коммунистов проявляли стойкость и преданность марксизму-ленинизму. Антипартийные элементы получали отпор со стороны здоровых партийных сил.

Московское совещание представителей коммунистических и рабочих партий в 1957 г. подтвердило единство взглядов всех партий по коренным вопросам социалистической революции и социалистического строительства, их единодушие в оценке современной международной обстановки. Совещание показало, что, вопреки вздорным утверждениям империалистов о так называемом «кризисе коммунизма», международное коммунистическое движение растет и крепнет.

Развитие коммунистического движения в условиях капитализма идет сложными путями. Его история знает не только крутые подъемы и достижения, но и временные неудачи, отрицательные последствия неблагоприятных объективных условий и допущенных ошибок. Но эти недостатки и ошибки имеют преходящий характер, в то время как рост и укрепление рабочего и коммунистического движения представляет собой неодолимый, закономерный процесс.

ГЛАВА 14

ПОЛИТИКА ЕДИНСТВА ДЕЙСТВИЙ РАБОЧЕГО КЛАССА И ВСЕХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ НАРОДА

Рабочему классу приходится вести борьбу в трудных условиях. Его угнетатель — самый богатый и организованный класс общества — класс капиталистов. В руках господствующей буржуазии мощный аппарат физического насилия (армия, полиция, суд, тюрьмы) и идеологического воздействия на массы (церковь, школа, печать, радио, телевидение, кино и т. п.). На ее стороне и сила привычки, сила традиций эксплуататорского общества.

В этих условиях рабочий класс особенно нуждается в единстве и организованности своих рядов, а также в тесном союзе с другими отрядами трудящихся. Создание такого единства и союза имеет огромное значение для его будущего и для будущего всего народа.

Единство рабочих имеет незыблемую объективную основу — общность классовых интересов. Тем не менее оно не складывается стихийно, без особых усилий сознательного авангарда рабочего класса. Дело в том, что буржуазия использует все возможности для внесения раскола в ряды рабочих и всех трудящихся, чтобы ослабить и парализовать своих классовых противников. Эта политика давала и, к сожалению, продолжает давать свои плоды. Именно раскол рабочего движения служит главной причиной многих тяжелых поражений трудящихся и основной предпосылкой успехов реакции. «Немало несчастий современного мира,— справедливо говорил Н. С. Хрущев на XX съезде КПСС,— коренится в том, что во многих странах рабочий класс долгие годы остается расколотым и его различные отряды не выступают единым фронтом, что наруку только силам реакции» [1].

Вот почему коммунистические партии, все марксисты-ленинцы считают важнейшей задачей преодоление раскола рабочего движения, обеспечение единства его рядов и тесного союза со всеми трудящимися, всеми прогрессивными и демократическими силами народа.

1. Необходимость единства действий рабочего класса в современных условиях

Несмотря на глубину расхождений, разделивших революционное и реформистское течения, коммунистические партии капиталистических стран еще в первый период своей деятельности стремились установить единство действий с социал-демократическими организациями.

Коммунисты исходили и исходят из того, что у всех рабочих, как и у всех трудящихся, кем бы они ни были — коммунистами, социал-демократами или членами организаций, находящихся под влиянием церкви,— есть общие интересы. Это вытекает из самого положения рабочего класса и всех трудящихся как эксплуатируемой части общества.

Что такое политика единства действий

В борьбе за общие интересы трудящихся коммунистические партии стремятся к сотрудничеству со всеми рабочими организациями, независимо от политических и религиозных взглядов их членов. Деятельность коммунистических партий, направленная к обеспечению этого сотрудничества, называется *политикой единства действий.*

В истории международного рабочего движения имеется немало выдающихся примеров такого единства. Когда создавалась серьезная опасность для интересов трудящихся, тяга к единству среди них возрастала и рабочие организации действовали, как правило, совместно.

Так было в 30-х годах, когда фашизм рвался к власти во многих странах Европы. Тогда во Франции, Испании, Австрии поднялось сильное движение за рабочее единство, и это повлияло на позиции руководства социалистических партий, которое раньше всячески противилось сотрудничеству с компартиями. В 1934—1936 гг. между коммунистами и социалистами этих стран были заключены соглашения о единстве действий против фашизма. Во Франции и Испании были образованы правительства Народного фронта.

В годы второй мировой войны единство трудящихся снова значительно продвинулось вперед. В рядах движения Сопротивления совместно сражались коммунисты, многие рядовые члены и активисты социалистических партий, немало сторонников буржуазных партий — демократов, радикалов, католиков. Общепризнано, что коммунисты составили ядро этого движения.

После победы над фашизмом широкие массы проявили небывалую тягу к объединению. В странах народной демократии были созданы единые партии рабочего класса, которые построили свою деятельность на базе принципов марксизма-ленинизма. Тем самым в значительной части Европы идейный и организационный раскол рабочего движения был преодолен.

Различные течения в рабочем движении сближались после войны и во многих странах капитализма. Между коммунистами и социалистами некоторое время продолжали существовать соглашения о единстве действий, профсоюзы охватывали трудящихся всех политических убеждений. В октябре 1945 г. была создана Всемирная федерация профсоюзов (ВФП), где впервые профсоюзы СССР объединились с профсоюзами капиталистической Европы, США, Латинской Америки, стран Востока. Никогда еще международное рабочее движение не было так близко к единству, как в те годы.

Однако международная реакция приняла все меры к тому, чтобы сорвать поворот к единству. На этот раз роль вдохновителя и организатора раскола взяли на себя монополии США. Поводом было избрано выступление европейских компартий против кабальных условий «плана Маршалла». Против коммунистов поднялась бешеная кампания клеветы и травли, их представители были удалены из правительств.

Воспользовавшись расхождениями, возникшими в ВФП в связи с оценкой «плана Маршалла», реакционная верхушка американских профсоюзов расколола это объединение. В 1949 г. из ВФП вышли британские тред-юнионы, Конгресс производственных профсоюзов США, федерации профсоюзов Бельгии, Голландии и ряда других стран. Несколько позднее они создали свой параллельный центр — так называемую Международную конфедерацию свободных профсоюзов.

Вопреки подлинным устремлениям масс, рабочее движение вновь оказалось расколотым, борьба между его различными течениями разгорелась с новой силой.

Что дало бы единство действий

В настоящее время опасности, которые грозят трудящимся, гораздо серьезнее, чем накануне или даже в годы второй мировой войны. Угроза атомной войны, открытое стремление монополистического капитала установить повсюду свою диктатуру — все это делает особенно очевидной необходимость единства действий рабочего класса. Ответственность рабочих партий неизмеримо возросла, обстановка настоятельно требует от них объединенных усилий, иначе реакция в капиталистических странах откроет себе дорогу к свирепой диктатуре и новым военным авантюрам.

Превращая единство действий в острую необходимость, борьба за мир и демократию в то же время облегчает достижение соглашения между рабочими партиями. По вопросам общедемократического порядка им легче договориться, ибо ни одна рабочая партия не может стоять за агрессивную войну или за фашизм. Стало быть, круг вопросов, по которым может и должно быть достигнуто теперь сотрудничество рабочих организаций, значительно расширился. Кроме традиционных требований — увеличения зарплаты, сокращения

продолжительности рабочего дня и т. п.— ныне имеется еще одна платформа для единства действий: борьба за общедемократические требования.

Единство действий рабочего класса оказало бы огромное влияние на решение проблем, затрагивающих судьбы всего человечества. Во всем мире насчитывается 83 коммунистические партии, в рядах которых в настоящее время состоит свыше 33 млн. человек. В капиталистическом мире имеется 70 компартий, объединяющих 4,5 млн. членов. В Социалистическом интернационале, по официальным данным, объединено 39 социалистических партий и групп, в которых состоит примерно 10 млн. членов (из них 6 млн.— члены английской лейбористской партии). В рядах Всемирной федерации профсоюзов и Международной федерации свободных профсоюзов насчитывается в общей сложности свыше 160 млн. человек. Нетрудно представить себе, какое значение для дела мира и демократии имели бы единство действий и сотрудничество всех этих партий и организаций. Если бы, например, английская лейбористская партия, Социал-демократическая партия Германии, Французская, Бельгийская, Австрийская социалистические партии, социал-демократические партии скандинавских стран договорились о единстве действий с коммунистическими партиями Советского Союза, Китая, всех стран народной демократии, компартиями Италии, Франции, Финляндии, Индии, Индонезии, Бразилии и других капиталистических стран, то можно не сомневаться в том, что силы реакции и войны присмирели бы и гарантии сохранения всеобщего мира возросли бы во много раз.

Сотрудничество рабочих партий облегчило бы объединение всех миролюбивых и демократических сил. Рабочее единство составило бы основу единства действий всей демократии.

2. Кто мешает установить единство действий рабочего класса

В ответ на убедительные аргументы коммунистов в пользу единства действий официальное руководство социал-демократических партий выдвигает ряд доводов, которым многие социалисты пока еще верят.

Отговорки противников единства

Предложения коммунистов о едином фронте, заявляют лидеры социал-демократии,— это не более как маневр, хитрость; на самом деле коммунисты заботятся вовсе не об интересах рабочего класса, а о своих узкопартийных интересах: они хотят завлечь побольше рабочих в свои ряды.

Это полнейшее извращение мотивов, которыми руководствуются коммунисты. На самом деле, борясь за единство,

коммунисты исходят из интересов самих трудящихся, в том числе и тех, которые состоят в социалистических партиях или поддерживают их. Ведь когда рабочие действуют дружно и сплоченно, то от этого выигрывают все они вместе и каждый в отдельности. Это ясно даже самому классово-несознательному пролетарию.

Социал-демократам давно уже пора убедиться, что политика единства действий предлагается коммунистами с абсолютно честными намерениями, со всей искренностью и серьезностью, присущими партии рабочего класса. Коммунисты, проводя эту политику, руководствуются отнюдь не минутными расчетами. Они уверены, что единство нужно трудящимся сегодня, когда рабочее движение и все прогрессивное человечество ведут борьбу за мир и демократию, и что оно еще больше понадобится завтра, когда во многих странах встанет задача строительства социализма. Политика, рассчитанная на такой длительный срок, не может опускаться до мелкой хитрости. Вся практическая деятельность коммунистических партий убедительно доказывает, что предложение о единстве действий с их стороны — это не дань конъюнктуре, а выражение постоянной политической линии, продиктованной заботой о жизненных интересах всех трудящихся.

Не одни только коммунисты признают, что единство стало настоятельной необходимостью. Так думают и многие представители рабочего движения — некоммунисты. Например, старейший деятель Социалистической партии Бельгии, бывший премьер-министр, профессор Камиль Гюисманс, посетив в 1956 г. Советский Союз, заявил: «Меня, старого социалиста, являвшегося в течение долгих лет другом Ленина и его жены Крупской, все это глубоко взволновало. Я знал мысли Ленина и его достоинства. Я считал ошибкой разрыв, происшедший между нами в 1917 году. Но все это — прошлое, и я никого ни в чем не хочу упрекать. Но я хочу всеми своими силами помочь восстановлению в Европе единства рабочего класса».

Особенно ценны выводы известного ветерана рабочего движения Отто Бухвица, к которым он пришел в своей книге «50 лет функционером германского рабочего движения». Отто Бухвиц, ткач в прошлом, с 1898 по 1946 г. состоял в Социал-демократической партии Германии, на протяжении ряда лет был депутатом рейхстага. В своей книге он пишет: «Пусть молодое поколение извлекает уроки из истории и осознает: сильное рабочее движение в своих действиях несет ответственность не только перед своим классом, но, больше того, перед всем народом, перед всем человечеством. Что это так, доказывает история германского рабочего движения. Если бы оно было единым в борьбе против фашизма, то Гитлер не мог бы прийти к власти. Без Гитлера не

было бы войны, и миллионам молодых людей всего мира не пришлось бы идти на смерть ради одержимых манией величия преступников, ради империалистов и монополистов».

В дни майских событий 1958 г. во Франции, когда реакция хотела одним ударом похоронить республику и установить фашистский режим, все искренние демократы особенно почувствовали необходимость единства действий. «Я состою в рядах социалистической партии 30 лет,— заявил тогда видный деятель социалистической партии Танги-Прижан,— и глубоко убежден, что защита республики требует объединенных и решительных действий всех трудящихся масс страны».

Опыт показывает, что от единства действий выигрывают все рабочие партии, а не одни только коммунисты. Например, авторитет и влияние Итальянской социалистической партии, насчитывающей около 750 тыс. членов, не только не страдали от того, что она сотрудничала с компартией, но, наоборот, укрепились благодаря такому сотрудничеству. Это в свое время признавали даже те лидеры социалистической партии, которые позднее, уступая нажиму правых элементов, стали отказываться от сотрудничества с коммунистами. Благодаря единству обе партии — коммунистическая и социалистическая — достигли крупных успехов на выборах. Единство позволило им добиться после войны принятия конституции, основанной на демократических принципах. Больше всего выиграл от этого сотрудничества рабочий класс Италии.

Другой излюбленный довод противников единства — это утверждение, будто между социал-демократами и коммунистами нет ничего общего. «Между социализмом и коммунизмом нет ничего общего...» — так буквально и сказано в решении, принятом Бюро Социалистического интернационала 7 апреля 1956 г. в ответ на призыв XX съезда КПСС о сотрудничестве.

Однако фальшь этого тезиса разоблачается объективными свидетелями из среды самих же социалистов. Так, видный теоретик лейбористской партии Англии профессор Дж. Коул после опубликования заявления Социалистического интернационала писал: «Я не спорю, что есть серьезные и глубокие различия между доктринами, поддерживаемыми социал-демократическими и рабочими партиями, входящими в Социалистический интернационал, и доктринами, поддерживаемыми коммунистическими партиями... Но было бы чистым вздором заявлять, что нет *ничего* общего даже между этими двумя группами».

И далее профессор Коул показал, что взгляды коммунистов и социалистов совпадают по крайней мере в четырех пунктах: 1) общим для коммунистов и социалистов является

убеждение в том, что важнейшие средства производства должны находиться в коллективной собственности и использоваться в интересах всего общества, т. е. что капитализм должен быть заменен социализмом; 2) как те, так и другие стремятся к тому, чтобы создать общество, где будет высокое благосостояние, самые широкие возможности для просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и т. д.; 3) они сходятся в том, что никто не имеет права жить за счет труда других людей, т. е. что не должно быть эксплуатации; 4) и коммунисты и социалисты убеждены в том, что осуществление задачи построения нового общества падает на рабочий класс.

Возможность сотрудничества, несмотря на идеологические разногласия, признают и некоторые деятели Французской социалистической партии. Член Руководящего комитета этой партии Альбер Газье писал в 1955 г., после посещения Советского Союза: «Основные различия, разделяющие большевистский социализм и общество, к которому стремится демократический социализм, никоим образом не должны помешать нам бороться за сближение народов, за мирное сосуществование и за международное сотрудничество».

Несомненно, что во всех этих высказываниях отражено мнение многих и многих членов социалистических партий, задумывающихся над судьбами рабочего движения.

Коммунисты будут обязательно требовать себе руководящую роль при каждом совместном выступлении, будут диктовать и предписывать, заявляют далее противники единства.

Опыт говорит, однако, о другом. Практика осуществления единого фронта в той же Италии и в других странах показывает, что коммунисты искренне стараются разобраться в точке зрения своих союзников, что они достойные доверия партнеры. Коммунисты вовсе не стремятся к тому, чтобы только они всегда выступали инициаторами и руководителями совместных действий, а социалистам оставалось лишь следовать за ними. Коммунисты готовы поддержать любое разумное предложение той или иной социал-демократической организации, лишь бы оно соответствовало интересам трудящихся. Нередко коммунисты на выборах даже отказываются в пользу социалистов от выдвижения своих кандидатов в отдельных округах, с тем чтобы совместно нанести поражение представителям реакционных партий.

Коммунисты предлагают сообща вырабатывать платформу для сотрудничества, представлять ее на суд членских масс и сообща формулировать те требования, которые встретят наибольшую поддержку масс. Совершенно очевидно, что у социалистов имеется полная возможность на деле проверить искренность коммунистов, приняв их предложение о единстве действий.

Когда противники единства исчерпывают свои аргументы, они принимаются запугивать рядовых социалистов тем, что после победы единого фронта коммунисты будто бы расправятся с социалистами. Они ссылаются при этом на судьбу русских меньшевиков. Но надо помнить, какие были тогда исторические условия в России: ведь большинство меньшевиков сблокировалось с белогвардейцами и поддерживало вооруженную борьбу против Советской власти.

В иной исторической обстановке дело сложилось по-другому. В европейских странах народной демократии основная масса членов социалистических партий вошла в ряды единых партий рабочего класса, а многие из их бывших лидеров занимают важные государственные посты.

В современной обстановке, когда создались более благоприятные условия для победы рабочего класса, коммунисты и социалисты вполне могут достигнуть соглашения не только в борьбе с угрозой войны и в защиту демократии, но и в совместной борьбе за социализм. В странах, где действуют исторически сложившиеся социал-демократические партии, коммунисты заинтересованы в том, чтобы эти партии принимали участие не только в завоевании власти рабочим классом, но и взяли на себя часть усилий по созданию основ социализма и вошли в состав социалистических правительств.

Таким образом, ни один из доводов против единства действий коммунистов и социалистов не выдерживает критики. Никаких непреодолимых препятствий для их сотрудничества нет. Единство отсутствует не потому, что между социалистами и коммунистами нет ничего общего, и не потому, что коммунисты угрожают расправиться с социалистами. Они могли бы легко найти общий язык, если бы этому не мешала капиталистическая реакция.

Антикоммунизм — лозунг реакционных раскольников

Подлинный мотив, который движет многими руководящими деятелями Социалистического интернационала,— это их *антикоммунизм.* И дело тут вовсе не в том, что они — реформисты и потому не могут сотрудничать с коммунистами — представителями революционной идеологии.

Те из реформистов, кто серьезно добивается хотя бы мелких реформ, идущих на пользу рабочим, понимают, что для успеха необходимы совместные усилия всех рабочих организаций. Однако их обычно удерживают за фалды твердолобые раскольники, которые сделали своей профессией сохранение раскола в рабочем движении. Это оказалось в современном буржуазном обществе весьма выгодным занятием для наиболее ловких карьеристов из числа лидеров реформистских профсоюзов и социал-демократических партий. Специалисты этого дела (такие, как Мини и Браун в Америке, Спаак в Бельгии, Ги Молле во Франции, Поллак в Австрии, Таннер

в Финляндии) приспособили установки пресловутой «холодной войны» к условиям рабочего движения. Они выступают всегда под флагом антикоммунизма, хотя прекрасно знают, что этот истрепанный флаг служит — и неоднократно служил — целям самой черной реакции, стремящейся расколоть силы *всякого* демократического и социалистического движения и разгромить его по частям.

В своей ненависти к коммунизму они ничуть не уступают самым завзятым реакционерам из среды господствующих классов. Ослепленные этой ненавистью, они скорее откажутся от защиты насущных требований трудящихся, чем будут действовать вместе с коммунистами. Когда такие апостолы антикоммунизма оказываются перед выбором — сотрудничать с коммунистами либо допустить приход к власти реакционеров, они, не колеблясь, предпочитают второе. «Лучше де Голль, чем Народный фронт»,—такова была позиция лидера Французской социалистической партии Ги Молле в мае 1958 г., когда он вошел в реакционное правительство наряду с фашиствующими элементами.

К счастью, отъявленных врагов единства не так много в рабочем движении, чтобы невозможно было их изолировать. Но пока еще они цепко сидят на плечах реформистского движения, так как реакционная буржуазия поддерживает их всеми силами.

Сопоставление деятельности раскольников с политикой правящих кругов буржуазии наглядно вскрывает пружины их поведения. Нетрудно заметить, что правые социалисты переносят в рабочее движение те самые методы, которые империалистические круги применяют в своей борьбе против СССР и всего социалистического лагеря. Агрессивные круги разжигают «холодную войну» против СССР, и лидеры Социалистического интернационала развязывают ее внутри рабочего движения. Империалисты призывают к «атлантической солидарности» для борьбы с коммунизмом, и правые вожди социал-демократии призывают к тому же. Колониальные державы Запада заклинают угнетенные народы Востока «подождать» со своим освобождением ради «единства» в борьбе с «угрозой коммунизма», и правые лидеры социалистов выступают с осуждением национально-освободительного движения колониальных народов, не останавливаясь даже перед применением оружия, как это сделало во время египетского кризиса в 1956 г. французское правительство, возглавляемое «социалистом» Ги Молле.

Короче говоря, пропагандисты «холодной войны» в рабочем движении — это *проводники интересов агрессивной, империалистической буржуазии в рядах трудящихся.* Через них правящие круги империалистических государств добиваются увековечения раскола рабочего движения. Чемпионы антиком-

мунизма никакой иной платформы, кроме раскольничества, по сути дела не имеют — «реформы» для них лишь бутафория, призванная обмануть неискушенных людей.

Когда этот обман выходит наружу и массы начинают отворачиваться от воинствующих антикоммунистов из числа правых социал-демократов, последние прибегают к обходным маневрам. Чаще всего делаются попытки изобразить социал-демократию в качестве некой «третьей силы». Жонглируя словами, правые лидеры Социалистического интернационала уверяют, будто в международных делах они не встают ни на чью сторону и играют роль арбитра между Западом и Востоком. По такому же независимому «третьему пути» они якобы идут и в области внутриполитической, выступая как против крайней реакции, так и против коммунистов.

Однако тот, кто поддерживает разговоры о «третьей силе», обманывает либо себя, либо других. Никакого среднего, «третьего» пути между буржуазией и пролетариатом, между реакцией и демократией в действительности не существует. Правые социал-демократы сами это наглядно доказывают, фактически сотрудничая с реакционными кругами буржуазии. Лучшие из сторонников «третьей силы» раньше или позже приходят к признанию необходимости единства действий с коммунистами. Тем самым еще раз подтверждаются слова В. И. Ленина о том, что в политике выбора между капиталистами и рабочим классом избежать нельзя, что «всякая попытка образовать что-то третье ведет к тому, что люди даже при полной искренности скатываются в ту или другую сторону» [2].

Проповедники «третьей силы» пытаются заигрывать и с рабочими и с капиталистами. Первым они обещают бороться с капитализмом, а вторым — защитить их от коммунизма. На этом основании они требуют новых «кредитов» и от тех и от других. Но, открывая «кредит» правым социал-демократам, капиталисты требуют, чтобы они тут же отработали его, усилив нападки на коммунизм. Рабочий класс, напротив, ожидает усиления борьбы с произволом капиталистических монополий. А так как политические спекулянты не могут платить сразу по двум векселям, то их постигает неизбежное банкротство. Не случайно теории «третьей силы» не нашли широкого отклика в массах и о них вспоминают все реже и реже.

Реакционная политика антикоммунизма направлена не только против революционного авангарда рабочего класса, но и против всех трудящихся и демократов. Правда, реакционеры вначале сеют иллюзии, будто репрессии и ограничения направлены лишь против коммунистов и не затронут других отрядов рабочего и демократического движения. Но стоит только трудящимся попасться на эту удочку, отка-

заться от сопротивления мероприятиям, направленным против коммунистов, как реакционная буржуазия приступает к следующим фазам «операции»: распространяет кампанию преследований на социал-демократические партии, профсоюзы и даже либерально-буржуазные движения и организации.

Таким образом, на вопрос, кто мешает единству действий рабочего движения, ответ может быть только один — мешает *капиталистическая реакция, господствующая олигархия монополистического капитала. В ее интересах действуют в верхах рабочих организаций пропагандисты антикоммунизма и организаторы «холодной войны»*, называющие себя деятелями рабочего движения. Доводы, которые они выдвигают против единства, не выражают, а лишь прикрывают их подлинные мотивы.

Раскольники в рядах рабочего движения пользуются широкой поддержкой со стороны капиталистических монополий и правительств. Наиболее активным правым социал-демократам предоставляются выгодные посты. Например, 410 ведущих деятелей Социал-демократической партии Германии занимают 929 высокооплачиваемых постов в крупных западногерманских компаниях и банках. 65 социалистических деятелей являются директорами в концернах Маннесмана, Клекнера, Круппа, Флика и др. Оклады этих директоров достигают 100—150 тыс. марок в год. В Австрии среди 600 директоров национализированных предприятий 400 — члены социалистической партии. В правлении этой партии 12 из 25 членов — директора и управляющие государственных и частных предприятий, каждый из которых получает до 500 тыс. шиллингов в год. Бенедикт Каутский (сын Карла Каутского), идеолог и автор программы Социалистической партии Австрии, занимает посты заместителя генерального директора крупнейшего банка «Кредитанштальт», члена наблюдательного совета концерна «Элин» и генерального совета Австрийского национального банка.

Когда правые лидеры социалистов становятся членами правительств, монополистический капитал иногда позволяет им удовлетворить некоторые требования трудящихся. Крупные монополии, когда им все равно не остается другого выхода из-за давления со стороны трудящихся, идут на уступки, но так, чтобы укрепить позиции социалистов против коммунистов. При первом же подходящем случае они компенсируют себя путем повышения цен и иными путями. Такой же тактики придерживаются капиталистические круги, поощряя профсоюзы, находящиеся под влиянием правых социал-демократов, и преследуя левые профсоюзы. Известно, например, что государственный департамент США широко использовал реакционную верхушку американских профсоюзов для раскола международного профсоюзного движения.

Вот почему единство действий рабочего класса не может быть достигнуто только посредством переговоров и соглашений. Оно требует активной борьбы с происками реакционной буржуазии и ее агентуры в рабочем движении. Борьба за единство действий рабочего класса — это важная неотъемлемая часть всей борьбы трудящихся с монополистическим капиталом и империализмом.

3. Пути достижения единства действий рабочего движения

Рабочие массы хотят единства

Вопреки раскольнической деятельности правых, среди рабочих масс растет тяга к единству. Это выражается в самых разнообразных формах. Например, на многих предприятиях Франции, Италии, Англии, Бельгии и других стран, когда готовится стачка, все рабочие охотно откликаются на призыв действовать совместно: создаются единые стачечные комитеты, куда входят коммунисты, социалисты, католики. Об этом же свидетельствуют многочисленные факты, когда трудящиеся-социалисты, вопреки запретам руководства их партий, голосуют на выборах за кандидатов коммунистов.

Стремление к единству возрастает по мере того, как выявляются последствия нынешней опасной политики империалистических правительств. Среди трудящихся-социалистов усиливаются беспокойство и тревога. Это вынуждает руководителей социал-демократических партий маневрировать, прибегать к различным уловкам, а иногда и прямо уступать требованиям рядовых социалистов.

Английская лейбористская партия, социал-демократические партии Западной Германии и скандинавских стран, социалисты Японии и других азиатских стран осудили англо-франко-израильскую агрессию против Египта. Они выступили также с осуждением империалистической агрессии в Ливане и Иордании в 1958 г. Германские социал-демократы высказались против оснащения бундесвера атомным оружием. В марте 1959 г. они выступили со своим планом урегулирования германской проблемы, который, несмотря на свою непоследовательность и содержащиеся в нем различные оговорки, представляет собой значительный вклад в общегерманскую дискуссию о путях объединения страны. V конгресс Социалистического интернационала (июль 1957 г.) вновь высказался за допуск в ООН Китайской Народной Республики. На сессии совета интернационала в июне 1958 г. было выдвинуто требование о прекращении ядерных испытаний и созыве совещания на высшем уровне.

Конечно, между словами и делами лидеров Социалистического интернационала всегда была дистанция огромного размера. Тем не менее эти решения отражают настроения рядовых социал-демократов. Известные сдвиги, происходящие в социал-демократическом движении, облегчают достижение единства действий между трудящимися, хотя правые вожди социал-демократии по-прежнему противятся этому.

Наибольший опыт сотрудничества коммунистов и социалистов накоплен в борьбе за экономические интересы трудящихся. Примеры единых действий в этой области имеются во многих странах капитализма. Крупных успехов добились в последние годы итальянские, французские, аргентинские, японские рабочие и трудящиеся других стран, когда они вели стачечную борьбу на основе совместных и согласованных действий. Число участников стачек сплошь и рядом исчислялось сотнями тысяч и миллионами.

Сотрудничество по политическим вопросам дало наиболее заметные успехи в Италии, Японии, Финляндии, Чили и в некоторых других странах. В ходе борьбы против перевооружения германского империализма, за запрещение атомного оружия многие компартии капиталистических стран не раз выступали согласованно с местными организациями социалистических партий.

Опыт плодотворного сотрудничества накопили в первое послевоенное десятилетие Итальянская коммунистическая и Итальянская социалистическая партии. С момента заключения пакта 1934 г. обе партии выступали по основным вопросам внутренней и внешней политики согласованно и нанесли немало поражений силам реакции. Поэтому односторонний разрыв пакта о единстве действий, навязанный правым крылом на съезде социалистической партии в 1958 г., идет явно вразрез с требованиями жизни и настроениями рядовых членов этой партии. После всего того, что вместе пережили итальянские коммунисты и социалисты, отсутствие взаимодействия между ними может быть только временным.

Успешно налаживается сотрудничество рабочих партий в Японии после исправления сектантских ошибок, допущенных в этом деле в прошлом. К началу 1959 г. в 40 из 46 префектур Японии созданы органы сотрудничества демократических сил, в которых участвуют как коммунисты, так и социалисты. Хороший опыт проведения политики единого фронта накоплен в Чили. Весной 1956 г. компартия, социалистическая, народно-социалистическая и другие демократические партии создали здесь Фронт народного действия, который обладает крепкими позициями в парламенте и стране.

Практика осуществления единства действий снизу родила в послевоенный период ряд новых организационных форм — «внутренние комиссии» на предприятиях в Италии, «комитеты

единства» во Франции, «фракции профсоюзного единства» в Австрии, «советы единства» и межпрофсоюзные комиссии в Бразилии и т. д.

Борьба за единство международного рабочего движения вступила в новый этап после того, как XX съезд КПСС указал на новые возможности, открывающиеся в этой области. Выступление столь авторитетной коммунистической партии, как КПСС, с призывом к сотрудничеству вызвало широкий отклик в социал-демократических массах. Вскоре Социалистический интернационал вынужден был обсудить вопрос об отношениях с коммунистами. Элементы, заинтересованные в срыве единства действий, в продолжении «холодной войны» в рабочем движении, продиктовали отрицательное решение интернационала, однако некоторые социалистические партии установили первые контакты с КПСС.

В 1956—1958 гг. ЦК КПСС выступил с новой инициативой, направив письма, призывающие к объединенным действиям в защиту мира, социалистическим партиям Италии, Франции, Германии, Великобритании, Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Австрии.

К сожалению, дело единства продвигается пока еще медленно и не в тех масштабах, которых требует современная международная обстановка. Все еще дают себя знать наслоения прошлого периода, когда отношения между различными отрядами рабочего класса сильно обострились. Однако в пользу единства действуют постоянные факторы, которые сильнее происков раскольников. Главный из них — это растущая тяга к единству все более широких слоев рабочих.

Правильный подход к трудящимся-социалистам

Разумеется, было бы неверно возлагать все надежды только на стихийное движение масс к единству. Как не раз указывали руководящие органы компартий, многое здесь зависит от самих коммунистов, от методов проведения политики единых действий.

Первое, что имеет решающее значение в этом деле,— это правильный подход к трудящимся-социалистам. Возмущение коммунистов фактами неоднократного предательства со стороны ряда вождей социал-демократии понятно, но оно не дает оснований зачислять всех социалистов в «агенты империализма», отказываться от контактов и товарищеского обмена мнениями с ними. Нападки на всех социалистов подряд играют лишь на руку настоящим врагам единства рабочего класса.

Послевоенный период показал, что внутри социал-демократического движения идут сложные процессы размежевания. Почти во всех социалистических партиях имеются более или менее сильные, хотя подчас и неоформленные левые течения. Например, в лейбористской партии Англии при любом серьез-

ном повороте событий внутри страны или на международной арене обнаруживаются разногласия между местными организациями и верхушкой партии.

В ряде социал-демократических партий дело доходило до раскола на самостоятельные партии правых и левых социалистов (Италия, Япония, Австрия, Индия, Ливан, Израиль). Позднее некоторые из них вновь слились в одну партию, но разногласия между правым и левым крылом не исчезли. Недавний пример продолжающейся дифференциации среди социалистов — раскол Французской социалистической партии, в результате которого порвавшие с Ги Молле группировки создали свою автономную партию.

Практика, однако, говорит, что расколы в среде социалистов, обособление левого крыла во многих случаях не вызывают изменения политики социал-демократических партий. Многие рядовые социалисты, даже недовольные антикоммунистической линией правого руководства, не хотят идти на такой решительный шаг, как раскол, так как привыкли к своей партии и дорожат ее традициями. Правые лидеры ловко используют это и продолжают задавать тон в социалистических партиях. Однако банкротство политики антикоммунизма в конце концов откроет глаза рядовым социалистам. Раньше или позже честные социал-демократы, сохраняющие верность знамени социализма, придут к мысли о необходимости изменить буржуазную по своему характеру политику, проводимую крайне правыми элементами, а затем и удалить эти элементы из партийного руководства. В таком случае переход социал-демократической партии на новые политические позиции, соответствующие интересам рабочего класса, может совершиться без раскола, что безусловно представляет собой наилучший вариант.

Как бы то ни было, все это — внутреннее дело социал-демократических партий, решать которое предстоит им самим.

Левое крыло социалистов при всех условиях может сыграть свою роль в преодолении раскола рабочего движения. Левые социалисты нередко проявляют политическую непоследовательность, но во всяком случае они — наиболее прогрессивная часть социал-демократии. В настоящее время их позиции по многим важнейшим вопросам внутренней и международной политики соответствуют интересам трудящихся. Многим левым понятны вред раскола и необходимость единства действий рабочего движения. Помочь им освободиться от предрассудков, навеянных антикоммунистическими раскольниками,— вот к чему стремятся сейчас коммунистические партии. Своей самоотверженной борьбой с военной угрозой, защитой жизненных интересов трудящихся, а также средних слоев, которые чаще всего составляют опору социал-демократии, готовностью поддержать инициативу любого социа-

листа, способную принести пользу рабочему классу, честным выполнением обязанностей, вытекающих из сотрудничества,— всем этим коммунисты наглядно доказывают, что они — надежные друзья и союзники.

Таким образом, предпосылки для сотрудничества коммунистов и тех кругов социал-демократического движения, которые осознали необходимость единства действий, вполне назрели. Вот почему так актуально звучат слова товарища Н. С. Хрущева, с которыми он обратился к трудящимся-социалистам с трибуны XXI съезда КПСС: «Настала пора представителям всех течений рабочего движения, отбросив прочь фокусников антикоммунизма, сесть за один стол и выработать взаимно приемлемую платформу для совместных действий рабочего класса в защиту своих интересов, в защиту мира» [3].

При этом для достижения единства действий с социалистами коммунисты готовы отодвинуть на второй план наиболее спорные вопросы. Компартии придерживаются в этом отношении старых, но всегда верных советов В. И. Ленина, которые он давал еще в 1922 г., когда предполагалась конференция трех интернацноналов — Третьего, Второго и «Двухсполовинного». Ленин, принимавшнй активное участие в подготовке конференции, советовал делегации Коминтерна при переговорах «ставить лишь наименее спорные (вопросы.— *Ред.*), считая целью попытку частичных, но совместных действий рабочих масс». Он рекомендовал «на предварительном совещании нашим делегатам быть архисдержанными, пока не потеряна надежда достигнуть целн» [4].

Ради установления единства действий с социал-демократами коммунисты и сегодня не отказываются от компромиссов и необходимых уступок. Правда, сектантам кажется, что, идя на компромисс, коммунист компрометирует себя. Политической смелости у них хватает только на то, чтобы упорствовать на занятой позицнн, независимо от условий и требований момента. Однако по-ленински смел тот, кто во имя такого большого дела, как единство рабочего движения, не боится сделать необходимую уступку, пойти навстречу будущему союзнику.

Ленин сравнивал социал-демократические партии с закрытым помещением, где уполномоченные буржуазин ведут свою пропаганду перед довольно многочисленным собранием рабочнх. Должны ли коммунисты, спрашивал Ленин, платнть за вход в это помещение, чтобы получить возможность выступить со своим словом перед рабочими, которые до сих пор были под исключительным влиянием реформистов? И отвечал, что большой ошибкой был бы отказ от всяких условий и от всякой платы для того, чтобы проникнуть в это, довольно крепко охраняемое, запертое помещение. «Коммунисты

должны не вариться в собственном соку,— учил Ленин,— а научиться действовать так, чтобы, не останавливаясь перед известными жертвами, не боясь неизбежных в начале всякого нового и трудного дела ошибок, проникать в запертое помещение, где воздействуют на рабочих представители буржуазии. Коммунисты, которые не захотят понять этого и не захотят научиться этому, не могут надеяться приобрести большинство среди рабочих...» [5]

В каждой стране свои условия борьбы, свои традиции рабочего движения. Пути, которые ведут к рабочему единству, в разных странах имеют свои особенности. В одних условиях единство может быть достигнуто в ходе избирательной кампании, в других — в ходе борьбы за профсоюзные и социальные права, в третьих — при проведении кампании за разоружение и т. д. Умение отыскать, выбрать тот особый повод, то особое событие, которое в данной стране может кратчайшим путем привести к сотрудничеству всех течений рабочего движения,— одно из главных условий успеха компартий в их борьбе за единый фронт.

Идеологические разногласия — не препятствие для сотрудничества

Но не могут ли помешать сотрудничеству коммунистов и тех социалистов, которые сознают необходимость единства, идеологические разногласия между ними? Ведь, сходясь во многом с коммунистами в оценке сегодняшних задач рабочего класса, социалисты расходятся с ними в коренных вопросах общественного развития, таких прежде всего, как признание необходимости свержения власти капиталистов и установления диктатуры рабочего класса в переходный период. Стремясь сорвать единство действий, правые обычно указывают на это как на непреодолимое препятствие для сотрудничества. Верно ли это?

Коммунисты вовсе не хотят преуменьшать или замалчивать существующие идеологические расхождения. Предлагая единство, коммунисты не скрывают, что они не намерены отказываться ни от своих принципов, ни от своего политического лица. Кстати, они не требуют этого и от социал-демократов, считая, что практическое сотрудничество рабочих партий в буржуазных странах может быть налажено без отказа от принципов.

Разумеется, со злобными врагами рабочего единства, вдохновителями антикоммунизма обсуждать какие-либо идейные разногласия вообще невозможно. Антикоммунизм не содержит в себе ни грана конструктивной политики для рабочей партии; в нем нет также никакого положительного идейного содержания; идеология реформизма, которой он прикрывается,— это не более как маскировка. На деле рыцари антикоммунизма потеряли право именоваться даже

реформистами. Если ради того, чтобы сорвать сотрудничество с компартиями, они жертвуют насущными интересами трудящихся, то какие же это реформисты? Всякий честный социал-демократ, по крайней мере, считает, что он борется за интересы трудящихся; он не будет пренебрегать союзниками в этой борьбе. Антикоммунисты же — это вовсе не реформисты, а отъявленные враги рабочего движения.

Ясно, что с такого сорта людьми коммунисты никогда не смогут найти общий язык. Но совсем иначе обстоит дело с добросовестными сторонниками реформизма, которые искренне стремятся к прогрессивным социальным переменам.

Между марксистско-ленинским пониманием социализма и пониманием его реформистами имеются принципиальные различия. Коммунисты критиковали и будут критиковать ошибочные позиции реформистов по вопросу о классовой борьбе, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. На примере успешного строительства социализма в СССР и странах народной демократии коммунисты будут убеждать трудящихся-социалистов в правильности того пути к социализму, который обоснован марксизмом-ленинизмом.

Но уже сейчас в представлениях о социализме у коммунистов и искренних социал-демократов можно найти и общее, что открывает путь к совместной борьбе за основные идеалы рабочего класса. Для тех и других социализм означает прежде всего установление общественной собственности на основные средства производства. Для коммунистов это является аксиомой, но та же цель провозглашается и в официальных программах ряда социалистических партий. В «Декларации принципов» Французской социалистической партии говорится, что эта партия «имеет целью осуществить замену режима капиталистической собственности режимом, при котором естественные богатства, являющиеся средством производства и обмена, станут собственностью коллектива и когда, следовательно, будут уничтожены классы».

Что же мешает тогда французским социалистам, во всяком случае тем из них, которые всерьез принимают это программное положение, сотрудничать с коммунистами в борьбе за то, чтобы заменить строй капиталистической частной собственности строем, где будет господствовать общественная собственность? Разве коммунисты и социалисты не могут, например, совместно поддерживать требование рабочих масс о национализации собственности монополий?

Коммунисты и социалисты, конечно, по-разному объясняют возможность мирного перехода к социализму, но в этом вопросе у них, несомненно, появилось немало точек соприкосновения. Там, где сложатся благоприятные предпосылки для такого перехода, они могут успешно сотрудничать. А чем

более единым будет рабочее движение, тем реальнее будет мирный переход к социализму в ряде стран.

Широкое взаимопонимание может быть достигнуто между коммунистами и социалистами в борьбе за реформы, облегчающие положение трудящихся в капиталистических странах. Коммунисты расходятся с социалистами в оценке этих реформ. Для многих социал-демократов реформы — единственно возможный путь к социализму. Сегодня, рассуждают они, государство проводит те или иные мероприятия по регулированию народного хозяйства, завтра — меры по социальному обеспечению (выдачу пенсий и т. д.); тем самым, по мнению реформистов, уже в рамках буржуазного общества начинается введение социализма. Социализм, согласно их представлениям, вводится в капиталистическом обществе по кусочкам. Когда-нибудь, надеются они, удастся таким путем полностью «реформировать» капитализм и превратить его в социализм.

Коммунисты считают это основное представление реформистов в корне ошибочным. Они не отрицают, что от капиталистического государства, даже когда оно находится на службе у монополий, можно добиться отдельных реформ в пользу трудящихся. Однако те уступки, которые удается вырвать у капиталистического государства,— это далеко не социализм. Ведь классовый характер капиталистического государства сохраняется, оно было и остается орудием в руках капиталистических монополий. Не случайно то, что, едва давление масс ослабевает, государство берет все свои уступки обратно или приспосабливает их к потребностям монополий так, что от их первоначального характера остается одно воспоминание.

Чтобы приступить к строительству социализма, нужно сперва отобрать *власть* у господствующих монополий и передать ее трудящимся — таково глубокое убеждение коммунистов, проверенное длительным опытом международного рабочего движения.

Вместе с тем коммунисты вовсе не являются противниками реформ. Они только отрицают, что путем реформ возможно постепенное перерастание капитализма в социализм. В то же время коммунисты предлагают социалистам широкое сотрудничество в борьбе за все виды реформ, улучшающих условия труда и быта трудящихся, за национализацию собственности монополий, улучшение системы социального страхования, расширение профсоюзных и демократических прав, усиление гарантий всеобщего мира и т. д. И чем шире будет единство действий и сотрудничество различных течений рабочего движения, тем легче удастся вырвать у монополий и их государства уступки, укрепляющие боеспособность рабочего класса.

Необходимость терпеливого товарищеского разъяснения

Коммунисты считают своим долгом бороться за преодоление реформистской идеологии, которой прикрываются правые раскольники в рабочем движении. Но преодоление идей реформизма не простая задача. Коммунисты видят за реформистскими теориями не только заблуждение, но и спекуляцию на действительных устремлениях масс.

Наблюдая колоссальную разницу между условиями своей жизни и жизни привилегированной верхушки общества, сталкиваясь с фактами полицейского произвола и ущемления прав трудящегося человека, массы стихийно стремятся к демократическим порядкам, к социальному равенству. Но часто они не видят реальных путей к новой, подлинно демократической жизни. Над многими трудящимися тяготеют иллюзии буржуазной демократии, особенно сильные в странах Западной Европы и в США. Немало рабочих ищет какой-то легкий путь к социализму, без борьбы и столкновений классов, без крутой ломки привычного уклада жизни. Идеологи реформизма пользуются всем этим и подсовывают свои теории, которые задерживают развитие классового сознания трудящихся.

Надо иметь в виду и то, что за последние десятилетия социальный состав многих социал-демократических партий существенно изменился. В их рядах все меньше и меньше рабочих, все больше и больше выходцев из мелкобуржуазных слоев, служащих, буржуазной интеллигенции. Так, во Французской социалистической партии рабочие составляют не более четверти ее членов.

Но главное в том, что теории реформистов пользуются поддержкой господствующих классов. Буржуазия не пугается этих теорий. Нередко она даже охотно разрешает пропагандировать их, расхваливает их на страницах своей печати, в то время как коммунисты за свои взгляды подвергаются травле и преследованиям. Господствующие классы не боятся допустить идеологов реформизма к правительственным постам, в то время как коммунистов они при первой же возможности изгоняют оттуда. Более того, буржуазия кое-где разрешает социал-демократам проводить их «социалистические» эксперименты, которые не затрагивают основ ее классового господства, а в некоторых случаях даже укрепляют их, поддерживая в то же время реформистские иллюзии в массах.

Чтобы преодолеть реформистскую идеологию, требуются методы терпеливого убеждения, товарищеского обмена мнениями, а не одного лишь повторения своих собственных лозунгов. В этом деле недопустим менторский, не терпящий возражений тон, пренебрежительное, а тем более презрительное отношение к убеждениям социал-демократического рабочего. Полемика с социалистами должна носить характер действи-

тельной борьбы мнений, а не обмена нелестными эпитетами в адрес друг друга.

Работая в массах социал-демократических трудящихся, коммунисты вскрывают ошибочность реформистских теорий («демократического социализма» и т. п.), противопоставляют им научный социализм Маркса—Ленина, одержавший всемирно-исторические победы. Путем открытых дискуссий в печати и в беседах с трудящимися-социалистами коммунисты могут развеять их антикоммунистические предрассудки, показать совпадение принципов марксизма-ленинизма с жизненными интересами трудящихся.

Разоблачая настоящих прислужников империалистической буржуазии, коммунисты готовы сотрудничать со всеми в рядах социал-демократического движения, кто искренне стремится покончить с капитализмом, кто хочет бороться за улучшение положения трудящихся, за мир, демократию и социализм.

4. Политика демократического единства

Коммунистические партии борются не только за единый рабочий фронт, они добиваются объединения более широких слоев народа. Рабочее единство должно послужить основой для единства широкого демократического движения.

Никогда в прошлом не было таких благоприятных предпосылок для совместных действий рабочего класса с самыми разнообразными слоями населения. На современном этапе общего кризиса капитализма, как было показано в главе 10, все более обнажается — рядом с основным классовым антагонизмом между трудом и капиталом — противоречие между узкой кучкой монополий и остальными классами и слоями населения. Чем дальше заходит гнет монополистического капитала и подчинение ему государства, тем более широкие и разнообразные силы восстанавливает он против себя. Монополистический капитал ведет наступление на интересы не только рабочих и крестьян, но и средних слоев населения и даже определенных прослоек буржуазии. Под угрозой оказались не только непосредственные интересы всех этих слоев, но и важнейшие интересы наций. Республиканцы, патриоты, пацифисты — все, кто остается верным традициям демократии и национальной свободы, испытывают серьезное беспокойство в связи с усиливающимися тенденциями к реакционной диктатуре монополий и ростом опасности новой войны.

Так, у различных социальных слоев обнаруживается общий интерес, который может послужить объективной основой для их совместных действий против господства монополистического капитала. При этом положение нередко складывается так, что общественные силы, в прошлом предпочитав-

шие действовать порознь, оказываются перед лицом объективной необходимости объединяться для защиты общих интересов народа.

Марксистско-ленинская партия рабочего класса призвана быть авангардом такого демократического единства. Как знаменосцы борьбы за мир и демократию, коммунистические партии в странах капитализма стремятся выступать в первых рядах общенародного фронта против реакционной политики монополистического капитала и империализма.

Политика коммунистических партий, направленная на установление единства действий и сотрудничества со всеми национальными и демократическими силами,— это *политика демократического единства;* демократического потому, что объединение всех слоев народа происходит в первую очередь вокруг демократических требований и лозунгов. Это, конечно, не значит, что почва для широкого единства народа исчезает после разрешения демократических задач. Как мы уже видели, социалистическое преобразование общества в нашу эпоху отвечает жизненным интересам все более широких слоев населения. Поэтому политика демократического единства имеет своей целью и вовлечение этих слоев в решение социалистических задач. Однако путь к этому лежит через организацию борьбы масс за общедемократические требования и материальные интересы трудящихся.

В послевоенный период накоплен немалый опыт совместных действий разнообразных слоев населения на платформе демократических требований. Наиболее яркий пример — всенародное движение в защиту мира. Международные кампании за запрещение атомной бомбы, за прекращение испытаний термоядерного оружия — это наглядное свидетельство того, что достижение сотрудничества самых разнородных общественных течений и организаций, в том числе далеких от коммунизма, вполне возможно.

В колониальных и зависимых странах коммунисты борются за создание широкого антиимпериалистического и антифеодального фронта.

Что требуется от рабочей партии

Когда складываются объективные предпосылки для объединения различных слоев населения против гнета монополий, центр тяжести переносится на деятельность самой революционной партии рабочего класса, ее умение находить общий язык с различными политическими и общественными организациями и движениями. Стихийно, само собой, боевое и организованное единство народных сил сложиться не может.

Следует считаться с тем, что налаживание сотрудничества разнородных общественных сил, из которых многие далеки от коммунизма, а некоторые прямо заражены антикоммунизмом,— дело сложное, требующее терпения и такта. Здесь

приходится сталкиваться с происками реакции, с колебаниями буржуазных и мелкобуржуазных группировок, с их попытками подчинить все движение исключительно своим интересам.

Опыт разных стран показал, что для достижения единства действий демократических сил важнейшее значение имеют следующие факторы:

Сильное и единое рабочее движение — главный залог достижения такого единства действий. Не все, кто сегодня борется за мир и демократию, — союзники рабочего класса в точном смысле слова. Они принимают участие в борьбе за мир и демократию, но, когда речь идет о постоянном сотрудничестве с коммунистами, проявляют колебания, легко поддаются влиянию официальной пропаганды.

Чтобы установить единство действий с такого рода общественными силами, одной пропаганды и агитации недостаточно. Надо, во-первых, чтобы само рабочее движение было сильным и организованным, чтобы оно внушало всем национальным и демократическим слоям уверенность в конечной победе народа. Во-вторых, доверие и поддержку других классов и слоев рабочий класс может завоевать только тогда, когда их законные и справедливые интересы он будет защищать, как свои собственные.

Путей для этого у партии рабочего класса много. Она ведет борьбу в парламенте за реформы и льготы в пользу крестьянства, кустарей, ремесленников, средних предпринимателей. Она внимательно изучает требования, выдвигаемые крестьянскими, радикальными, республиканскими и другими демократическими партиями, и всемерно поддерживает те из них, которые отвечают интересам трудящихся. Партия поддерживает предложения любого крестьянского, демократического, пацифистского деятеля, если они соответствуют чаяниям трудящихся масс и направлены на улучшение их положения.

Укрепление братских связей со всеми трудящимися, завоевание среди них репутации самого последовательного и решительного защитника их интересов — вот залог победы рабочего класса в борьбе против господства реакционной буржуазии.

Правильный выбор платформы для сотрудничества. Революционная партия рабочего класса не может требовать от своих возможных союзников, чтобы они сотрудничали с ней только на ее условиях. Ни на минуту не упуская из виду специфические интересы и нужды рабочего класса, добиваясь их всемерного удовлетворения, партия в то же время стремится сформулировать общие, приемлемые для возможных союзников требования. Поскольку другие социальные силы также заинтересованы в борьбе с гнетом монополий, то общие тре-

бования выявить сравнительно нетрудно. Но даже и в этом случае, как показывает опыт, невозможно добиться соглашения сразу по всем пунктам. Платформа для единства действий вырабатывается постепенно, начиная с частных вопросов. Это позволяет сотрудничающим сторонам взаимно убедиться в искренности намерений, проникнуться доверием друг к другу. А доверие — это крайне необходимый элемент, без которого никакой единый фронт не может быть прочным.

Умение заключать компромиссы и идти на необходимые уступки — важное условие для рабочей партии, желающей организовать сотрудничество классово-разнородных сил. В. И. Ленин считал такое умение безусловной необходимостью для сознательного авангарда рабочего класса. Без этого, говорил он, нельзя заключить союз как с отдельными группами трудящихся, так и со средними слоями, неизбежно проявляющими колебания и непоследовательность. «Кто этого не понял,— писал Ленин,— тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме *вообще*»[6].

Не отступая от своих принципов, вытекающих из марксистской идеологии, революционная партия рабочего класса в то же время проявляет гибкость, учитывает законные интересы других общественных и политических сил, объединившихся в блоке. Важно только, учил В. И. Ленин, чтобы компромиссы и уступки вели не к понижению, а к повышению общего уровня сознательности передовой части рабочего класса, его способности к борьбе и к победе.

Как выглядит это на деле? Например, один из важнейших принципов социализма, связанных с самой сущностью нового общественного строя, сменяющего капитализм, гласит: частная капиталистическая промышленность должна быть национализирована. На практике этот принцип может быть, однако, осуществлен разными методами. Хотя победивший рабочий класс имеет законное право отнять у капиталистов их собственность, нажитую эксплуатацией, он, ценя заслуги определенных слоев буржуазии, принявших участие в антимонополистической борьбе, может пойти им на уступки. Он может после победы революции сохранить собственность средней буржуазии в ее руках. Народное государство может даже оказывать ей помощь (кредитами, сырьем, льготами по налогам, предоставлением гарантированного рынка). Когда же в будущем возникнет вопрос о завершении национализации во всем народном хозяйстве, государство может провести ее мирно, постепенно, с учетом законных интересов владельцев, например путем выкупа у них средств производства, т. е. предоставления им определенной компенсации.

Этот пример лишний раз подтверждает, что, выступая с предложением о сотрудничестве, коммунисты действуют искренне. Они не дают несбыточных обещаний, а выдвигают в

программе единого фронта только то, что рабочий класс действительно сможет гарантировать своим союзникам после победы. Их уступки и компромиссы глубоко обоснованы и согласуются с тем, как коммунисты мыслят себе возможность строительства социализма в сотрудничестве со своими союзниками по демократическому фронту. Такая линия коммунистов имеет большое значение для успеха политики демократического единства.

Проявляя политическую гибкость, коммунистические партии в то же время дают решительный отпор ревизионистским элементам, готовым пойти на беспринципные сделки, результатом которых могло бы быть растворение компартий в общенациональных движениях, потеря ими своей самостоятельности и в конце концов — ослабление единства демократических сил.

Достигнув политического соглашения, рабочая партия обязательно стремится закрепить его *организационно*. Единый фронт только тогда превращается в мощную силу, когда союзники не ограничиваются декларированием общности целей, а обязательно договариваются о создании единой организации (в виде Отечественного фронта, Фронта национально-демократического единства и т. п.) и о совместных действиях в рамках этой организации. Это подразумевает образование согласительного органа, где совместно вырабатывается единая политика, и твердую договоренность о том, что сотрудничающие стороны подчиняются совместно принятым решениям. Все это, разумеется, не означает отмены организационной и политической самостоятельности партий и движений, входящих в единый фронт.

Авангардная роль марксистской партии рабочего класса в демократическом блоке приходит к ней в результате ее активной и самоотверженной борьбы, правильности ее политической линии, ее умения каждый раз верно оценить ситуацию и выдвинуть такие лозунги, которые подхватываются массами. Короче говоря, руководящее влияние рабочей партии — результат ее собственной политической деятельности, а не какого-либо нажима или диктата. Когда партия ведет правильную политику, когда к ее голосу прислушивается весь народ и ее авторитет растет не по дням, а по часам, то другие политические партии и группы сами признают ее руководящее влияние и отдают ей решающий голос при выработке политики единого фронта.

Опыт стран народной демократии показал, что после победы демократического блока не исключены попытки со стороны правого крыла буржуазных партий оттереть от руководства рабочую партию с тем, чтобы затормозить проведение назревших социальных реформ. Но тот же опыт показывает, что, завоевав сочувствие и поддержку основной массы рядо-

вых членов буржуазно-демократических партий, марксистской рабочей партии удается изолировать их правых лидеров, упрочить единство демократического блока и начать движение по пути радикальных общественных преобразований.

Руководящая роль марксистской партии в демократическом блоке отнюдь не означает, что она может диктовать и командовать. Даже располагая большинством, она избегает навязывания своих решений, а добивается их единогласного принятия путем разъяснения и убеждения. Если бы партия действовала методами диктата, не считаясь с законными интересами своих союзников, то она рисковала бы растерять их, оказаться в одиночестве и тем самым не достигнуть целей, стоящих перед демократическим блоком. Коммунисты заинтересованы не в том, чтобы временно использовать своих партнеров по демократическому фронту, а потом отбросить их, как об этом твердит реакционная пропаганда. Наоборот, они хотят вместе идти дальше, к подлинному разрешению всех демократических задач, к наилучшему удовлетворению справедливых требований широчайших слоев народа, что возможно только при социализме. Метод убеждения — главный метод работы партии внутри блока, что не исключает, однако, права критики колебаний и непоследовательности партнеров, а также решительной борьбы с явными врагами единства, действующими в их рядах.

При этом коммунисты вовсе не скрывают того, что не все требования мелкобуржуазных слоев населения они поддерживают. У рабочего класса могут быть с этими слоями общие интересы, но имеются и противоречия. Компартии заранее считаются с этим и в необходимых случаях твердо заявляют о своей позиции в отношении тех или иных неприемлемых для рабочего класса требований. Единство достигается не бесконечными уступками, а решительной поддержкой справедливых требований союзников рабочего класса и одновременно борьбой с колебаниями некоторой их части, опасными для общих целей единого фронта народа.

Проведение политики демократического единства невозможно без *решительной борьбы с сектантством и правым оппортунизмом.* В период создания широкого фронта особую опасность представляют левосектантские элементы, так как своим нежеланием считаться с законными интересами других слоев населения они отталкивают от рабочего класса его потенциальных союзников. Когда же единый фронт стал фактом, в особую опасность может превратиться правый оппортунизм, который полностью капитулирует перед требованиями буржуазных союзников, ослабляет самостоятельную позицию революционной партии рабочего класса, скатывается на позиции буржуазного национализма.

Трудности, с которыми сталкивается проведение политики демократического единства, особенно велики в странах Западной Европы, где сильны еще антикоммунистические предрассудки, где рабочему классу приходится иметь дело с таким опытным и хитрым противником, как западноевропейская буржуазия. Коммунистам противостоят в этих странах многочисленные и изворотливые буржуазные партии, набившие руку на обмане масс самыми «демократическими» и «миролюбивыми» фразами. Тем не менее компартии упорно работают над тем, чтобы выковать против господствующих капиталистических монополий мощный национальный демократический фронт, который преградит дорогу фашизму и войне, откроет путь к дальнейшему социальному прогрессу.

ГЛАВА 15

СОЮЗ РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА

1. Борьба за интересы крестьянства

Рабочие и крестьяне — родные братья и по своему происхождению, и по положению в капиталистическом обществе. Рабочий класс исторически сформировался в результате разорения и обезземеливания крестьян. Деревня, эксплуатируемая капиталом, и поныне постоянно пополняет ряды рабочего класса. Из деревни в город прибывают отряды сезонных рабочих. Крестьянина и рабочего сближает и то, что оба они труженики, в поте лица добывающие себе хлеб. У них общий классовый враг. По сути дела, как указывали Маркс и Энгельс, эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации рабочих только по *форме*, а эксплуататор у тех и других один и тот же — *капитал*.

Несмотря на родство и близость рабочих и крестьян, союз между ними не устанавливается сам собой. Господствующей буржуазии длительное время удавалось разъединять рабочих и крестьян. Во многих странах она успешно добивается этого и поныне.

Из всех существовавших в истории политических партий последовательную борьбу за укрепление союза рабочих и крестьян вели только коммунисты. На необходимость такого союза впервые указали Маркс и Энгельс, учтя уроки поражения пролетариата в тех революционных боях, какие он вел в Западной Европе в 1848 г., а также трагической гибели Парижской коммуны в 1871 г. Высказывания Маркса и Энгельса по крестьянскому вопросу, преданные забвению оппортунистами из II Интернационала, послужили В. И. Ленину исходным пунктом при разработке программы большевистской партии. Союз рабочего класса с крестьянством стал одной из основных идей ленинизма. Эта идея отличает коммунистические партии от социал-демократических партий, которые не верят в крестьянство и внушают такое недоверие рабочим. Эта же идея отличает коммунистические

партии от крестьянских партий, лидеры которых, как правило, настраивают крестьян против рабочих, что на руку только крупной буржуазии и крупным землевладельцам.

Необходимость союза рабочих и крестьян

Выступая за союз рабочего класса и крестьянства, коммунисты исходят не просто из благих пожеланий. Они основываются на объективных законах общественного развития и знают, что интересы капитала и интересы подавляющего большинства крестьян приходят в неизбежное столкновение. Действие всеобщего закона капиталистического накопления в сельском хозяйстве ведет к расслоению и разложению крестьянства. Вымываются средние слои, увеличиваются крайние группы — деревенские богатеи и беднота. Зажиточные крестьяне или фермеры, хозяйство которых основывается на эксплуатации наемного труда, сами становятся капиталистами. Они более или менее тесно связаны с промышленным и банковским капиталом, хотя и они в последнее время нередко угнетаются воротилами монополий. Подавляющее большинство крестьян попадает в кабалу к капиталу — часть уходит в город, пополняя ряды пролетариата, а те, кто остается в деревне, постепенно превращаются в полупролетариев. В. И. Ленин на основе изучения аграрных отношений в России, Западной Европе и США установил, что мелкие хозяева в значительной степени, а мельчайшие в большинстве представляют собой не самостоятельных хозяев, а, по существу, рабочих с наделом. Владельцы мелких хозяйств нужны капиталисту как резерв дешевой наемной рабочей силы.

Пролетаризация крестьянства, следовательно, выражается не только в изгнании части крестьян в город, но и в том, что все большие массы крестьян влачат жалкое существование на своих клочках земли, находясь в кабальной зависимости от ростовщика, земельного банка, торговых монополий, и вынуждены, чтобы сводить концы с концами, часть года работать по найму.

Капитализм безжалостно превращает в иллюзию стремление большинства крестьян быть самостоятельными хозяевами на собственной земле. Вот почему, борясь за свои собственные интересы, крестьянство не может рассчитывать на поддержку господствующей буржуазии. Ему необходимо искать себе союзника в лице рабочего класса. Такова логика истории, такова тенденция развития. Но исторический процесс, как часто бывает, идет извилистыми и сложными путями.

На чем конкретно основывается уверенность коммунистов в необходимости разрыва крестьянства с буржуазией, в неизбежности политического союза рабочего класса и крестьянства?

Когда буржуазия боролась за политическую власть, против господства феодалов, она использовала в качестве своей ударной силы крестьян, стремившихся разбить оковы крепостного рабства. Восстания крестьян, крестьянские войны в Европе расшатали устои феодализма и создали предпосылки для победы буржуазных революций в Англии, Франции, Германии, Италии и других странах. Но в деревне плодами буржуазной революции воспользовались главным образом кулаки, ростовщики, купцы и спекулянты, наживавшиеся за счет эксплуатации трудящихся крестьян. Деревенские богатеи стали оплотом буржуазного государства и его резервом для борьбы с революционным движением рабочего класса. Они стали проводниками буржуазного влияния в крестьянской среде. Социальная дифференциация быстро уничтожила относительное единство интересов, существовавшее в крестьянской общине, находившейся под пятой феодала. В то время как кулаки и богатые крестьяне сближались с городской буржуазией, бедные крестьяне все больше тяготели к рабочему классу.

Победа буржуазных революций открыла крупному капиталу путь в деревню. Там он повсюду разрушал мелкое производство и вынуждал огромные массы крестьян покидать родные очаги. Развитие капитализма в Европе сопровождалось подлинным переселением народов. Миллионы разоренных крестьян эмигрировали в далекие страны в надежде стать самостоятельными хозяевами. Но и там их настигла железная хватка капитала.

Упрочив свою политическую власть, буржуазия Западной Европы стала злейшим врагом крестьянского движения. Буржуазные правительства Западной Европы до конца поддерживали династию Романовых в России, поставленную у власти помещиками. Они неизменно приходили на помощь всем оставшимся в наследие от феодализма монархиям, троны которых шатались под натиском крестьянского движения. Империалистическая буржуазия Европы и Северной Америки сделала все, чтобы сохранить феодальные формы эксплуатации крестьян в колониальных и полуколониальных странах. Благодаря ее усилиям до сих пор, во второй половине 20 века, в Азии, Африке, Латинской Америке и даже в некоторых уголках Европы, вроде Испании или юга Италии, сохранились почти такие же формы феодального землевладения и кабалы, какие существовали в средние века.

Таким образом, буржуазия не только не решила крестьянского вопроса, но и стала главным тормозом освобождения крестьянства во всех странах, где должно быть осуществлено исторически справедливое дело ликвидации изжившей себя феодальной и полуфеодальной формы земельной собственности. Тем самым создаются предпосылки для возникновения

антикапиталистического союза между рабочим классом и крестьянством.

Опыт Великой Октябрьской социалистической революции, а также народно-демократических революций в Европе и Азии подтвердил положение марксизма-ленинизма о том, что в тех странах, где стоит задача ликвидировать пережитки феодализма, все крестьянство может идти вместе с рабочим классом, ибо он — единственный класс, способный довести до конца аграрную революцию, т. е. дать крестьянам землю. В народно-демократических революциях, происшедших в Европе и Азии, союз рабочего класса с крестьянством блестяще выдержал испытание. В союзе с рабочими крестьянство впервые в истории стало правящим классом, строителем нового, социалистического общества.

Однако союз рабочего класса и крестьянства нужен не только в странах, где сохранилось феодальное или полуфеодальное землевладение. Он становится жизненной необходимостью и в развитых капиталистических странах. В этих странах монополистический капитал развернул после второй мировой войны невиданное наступление на крестьянство, фермерство, стремясь к разорению и ликвидации хозяйств крестьянского типа и замене их крупными капиталистическими предприятиями. Процесс концентрации производства и капитала в сельском хозяйстве этих стран с неумолимой силой сметает семейную ферму. Поэтому здесь возникла практическая необходимость объединения всей массы фермеров, крестьян с рабочим классом для борьбы против наступления монополий.

В то же время и рабочий класс в ходе борьбы за свои классовые интересы неизбежно убеждается, что без поддержки со стороны крестьянства, без союза с крестьянством его борьба против хищнической олигархии крупнейших капиталистов, опирающихся на все могущество государства, не имеет достаточной силы.

Таким образом, крестьянский вопрос, который был основой всех народных движений в прошлые века, остается важнейшей политической проблемой и в наш индустриальный век. Однако его объективное содержание теперь изменяется. *Из антифеодального он все больше и больше становится антимонополистическим, антиимпериалистическим.*

Значение крестьянского вопроса тем более велико, что крестьянство до сих пор составляет бóльшую часть населения капиталистического мира. Хотя за последние полтора столетия доля населения, занятого в сельском хозяйстве, все время уменьшалась, все же в 1952 г. она равнялась 59%. Даже в капиталистической Европе крестьянство еще составляет около трети населения.

Несмотря на то что крестьяне составляют большинство населения во многих странах, добиться освобождения от

гнета помещиков и монополистического капитала без поддержки рабочего класса они не могут.

Марксистская теория разъясняет, что в союзе рабочих и крестьян руководящую силу представляют рабочие. Это вытекает из того, что рабочие ввиду самих условий своей жизни неизмеримо лучше организованы, чем крестьяне, они сосредоточены в городах крупными массами, у них уже есть длительный опыт борьбы с эксплуататорскими классами. Почти во всех капиталистических странах рабочие создали свои боевые коммунистические партии, показавшие не только желание, но и умение бороться за интересы всех трудящихся. Руководящее положение в союзе необходимо рабочему классу во имя успеха общего дела, а не ради получения каких-то преимуществ или привилегий по сравнению с крестьянами. Сознательные рабочие берут на себя и главную тяжесть борьбы, они готовы принести и фактически приносят наибольшие жертвы.

В чем сущность феодальных пережитков

Цели и задачи совместной борьбы рабочего класса и крестьянства видоизменяются в зависимости от того, в каких условиях они живут. В тех странах, где еще сохранились феодальные отношения или сильны пережитки этих отношений, на первый план выдвигается задача борьбы против феодализма, против феодальных форм эксплуатации крестьян классом помещиков. Это относится, как уже говорилось, к южным районам Италии, ко всей Испании и многим странам Востока и Латинской Америки.

Остатки феодальных экономических отношений проявляются в разных формах. Назовем главные, наиболее типичные.

Это, во-первых, широко сохранившаяся собственность на землю крупных землевладельцев-помещиков. Большинство крестьян ввиду своей бедности не может приобрести землю и вынуждено арендовать ее у помещиков на кабальных условиях.

Во-вторых, натуральная или издольная арендная плата в пользу помещиков. Крестьяне отдают помещикам значительную часть урожая — иногда половину и даже больше.

В-третьих, система отработок в помещичьем хозяйстве. Крестьяне вынуждены обрабатывать землю помещика при помощи своего примитивного инвентаря. Это ставит крестьян фактически в положение крепостных, выполняющих барщину на феодала.

В-четвертых, густая паутина долговых обязательств, опутывающая большинство крестьян, делающая их неоплатными должниками, усиливающая зависимость крестьян от помещиков и ростовщиков.

Последствия всех этих пережитков феодализма известны: крайняя техническая отсталость сельского хозяйства, безвы-

ходная нищета подавляющего большинства крестьян, худосочность внутреннего рынка, отсутствие средств для индустриализации страны.

В странах, где сохранились феодальные отношения, невозможно ликвидировать экономическую отсталость и нищету народа без аграрной революции или радикальной аграрной реформы. Эту историческую миссию может выполнить только союз рабочего класса и крестьянства — единственная сила, способная до конца ликвидировать пережитки феодализма, безвозмездно передать помещичьи земли в собственность крестьянам.

Союз рабочего класса и крестьянства, направленный своим острием против феодально-помещичьего гнета,— необходимое условие для создания широкой демократической коалиции, объединяющей все прогрессивные силы.

Капиталистические монополии — главные грабители рабочих и крестьян

В развитых капиталистических странах главный враг всех угнетенных классов, в том числе и крестьянства,— монополистический капитал. Крупные объединения капиталистов захватывают власть не только над промышленностью, но и над сельским хозяйством. Они эксплуатируют не только рабочих, но и крестьян.

Финансовый капитал через разветвленную сеть кредитных учреждений, земельных банков, страховых и других компаний подчинил своему контролю миллионы крестьянских хозяйств. Дороговизна промышленных товаров, низкие цены на продукты сельского хозяйства, растущие налоги и арендная плата заставляют крестьян все чаще обращаться в банк за ссудой под залог земли или другого имущества. Это вызывает постоянный рост задолженности трудового крестьянства, означает усиление зависимости крестьян от капитала. При неуплате долга, что случается все чаще и чаще, крестьянская земля переходит в собственность банков и страховых компаний. Так, в США одна лишь страховая компания «Метрополитэн лайф иншурэнс» еще в 1949 г. владела и управляла более чем семью тысячами ферм.

Очень тяжело отзывается на положении крестьянства политика капиталистических монополий в области цен. Она заключается в том, чтобы покупать у крестьян продовольствие и сырье по низким ценам, сбывая им промышленные товары по высоким ценам. В результате такой политики неэквивалентного обмена образуется разрыв между ценами («ножницы цен»), который ведет к тому, что крестьяне за одно и то же количество сельскохозяйственной продукции получают все меньшее количество необходимой им техники, удобрений, горючего. Так, например, во Франции цены на промышленные товары, покупаемые крестьянами, повысились в 1958 г. по

сравнению с 1938 г. в 36 раз, а цены, по которым крестьяне продают свою продукцию,— лишь в 16 раз.

«Ножницы цен» — это скрытая форма ограбления крестьян монополиями. Открытая форма ограбления крестьян — высокие налоги, за счет которых покрываются расходы на милитаризацию экономики и гонку вооружений, на содержание разбухшего государственного аппарата, на субсидирование монополий. Основное бремя налогов падает на плечи рабочих и крестьян. Во Франции, например, трудящиеся крестьяне выплачивают около 40 разных видов налогов. В свое время К. Маркс дал образное определение ненависти французской деревни к налогам. «Когда французский крестьянин,— писал он,— хочет представить себе черта, он представляет его в виде сборщика налогов» [1].

Большую дань платят крестьяне крупным землевладельцам и банкам в форме арендной платы. Фермеры США в 1950—1956 гг. выплачивали в среднем 3 млрд. долл. арендной платы в год, что примерно равно сумме ежегодных доходов американских монополий от заграничных капиталовложений.

Усиление гнета монополий, обостряющаяся конкуренция крупных хозяйств, применяющих машинную технику, вызывают массовое разорение крестьянства. Например, в США число ферм (как уже упоминалось в главе 10) уменьшилось за период с 1940 по 1954 г. на 1315 тыс. В ФРГ за период с 1949 по 1958 г. разорилось более 200 тыс. крестьянских хозяйств, во Франции с 1929 по 1956 г. (без учета хозяйств с площадью земли до 1 *га*) — свыше 834 тыс. Зато растет число крупных капиталистических хозяйств.

Государственно-монополистический капитализм проводит политику, ускоряющую вымывание мелких и средних крестьянских хозяйств. Этой цели служат так называемые программы «помощи» сельскому хозяйству, которая на деле есть помощь крупным сельскохозяйственным капиталистам. Государственные кредиты и субсидии, предоставляемые крупным землевладельцам на приобретение машин, удобрений, стройматериалов, в то же время искусственно создают выгодный рынок для капиталистических корпораций, заинтересованных в сбыте этой продукции.

Характерным явлением в развитых капиталистических странах после второй мировой войны стало прямое вторжение крупного капитала в сельское хозяйство. Это одна из важнейших причин того, что за последние 10—15 лет произошли значительные изменения в техническом оснащении капиталистического сельского хозяйства США, Канады, Англии, Франции, ФРГ и других капиталистических стран. Все более типичными здесь становятся комплексная механизация сельскохозяйственных предприятий, широкое использование хи-

мических удобрений, применение сортовых семян и выращивание породистого скота. Американский экономист В. Перло, характеризуя изменения в сельском хозяйстве США, пишет: «Монополистический капитал, всегда ищущий новых сфер для инвестиций, уж не удовлетворяется косвенным присвоением (с помощью «ножниц цен» и процентов с долгов) земельной ренты и прибавочной стоимости, создаваемой в сельском хозяйстве. Он начинает непосредственно участвовать в создании крупных сельскохозяйственных предприятий в широких масштабах... Широкое применение передовой техники в сочетании с наймом чрезвычайно низко оплачиваемой сельскохозяйственной рабочей силы, главным образом негров, пуэрториканцев и мексиканцев, позволяет монополистическому капиталу, несмотря на «ножницы цен», получать достаточную норму прибыли».

Не случайно идеологи монополистического капитала в США и других странах упорно твердят о том, что назрела необходимость ускорить ликвидацию «технически маломощных хозяйств» и оказывать более щедрую государственную поддержку крупнейшим хозяйствам. Над миллионами крестьянских хозяйств нависла новая угроза разорения. В 1957 г. министр сельского хозяйства США Бенсон заявил, что 2 млн. американских фермеров должны покинуть землю. Во Франции намечено ликвидировать около 800 тыс. крестьянских хозяйств. Аналогичные проекты имеются в Западной Германии и некоторых других капиталистических странах. Государственно-монополистический капитализм грозит самому существованию крестьянства как класса.

Все это неизбежно ведет к тому, что в главных капиталистических странах борьба крестьян становится в основном борьбой *антимонополистической*. В колониальных и зависимых странах также значительно усилился гнет монополий, сочетаемый с феодальными формами эксплуатации крестьянства. Здесь земельный голод крестьянства — результат не только концентрации земли у помещиков: он порожден также и тем, что огромные площади заняты плантациями, находящимися в руках иностранных монополий. Поэтому если раньше основной проблемой для крестьян было освобождение от гнета феодалов-помещиков, то теперь наряду с ней повсеместно возникла проблема борьбы против гнета монополий.

2. Коммунисты — защитники жизненных интересов крестьянских масс

Политика коммунистических партий в крестьянском вопросе строится с учетом изменения его объективного содержания в нашу эпоху. Вместе с тем она исходит из особенностей положения крестьянства в различных странах.

Там, где сильны феодальные пережитки, крестьяне испытывают в наше время двойной гнет — помещиков, с одной стороны, и капиталистических монополий (своих, «отечественных» или иностранных) — с другой.

В развитых капиталистических странах главным угнетателем всех слоев крестьянства выступает монополистический капитал.

Но против какого бы врага ни велась борьба трудящихся деревни, одно из ее главных направлений — защита непосредственных интересов крестьян. Коммунистические и рабочие партии считают своим кровным делом защитить такие требования крестьян и сельскохозяйственных рабочих, как уравнение сельскохозяйственных рабочих в правах с рабочими других профессий, ликвидация «ножниц цен», снижение налогов и арендной платы, предоставление дешевых кредитов, расширение рынка сбыта сельскохозяйственной продукции путем повышения заработной платы трудящихся и восстановления нормальных торговых отношений со всеми странами. В ФРГ, Японии, Испании и ряде других стран усиливается сопротивление крестьян конфискации у них земли под американские военные базы, аэродромы и т. п. Все более популярным среди крестьянства становится лозунг: «Земли, а не войны».

Коммунисты учитывают своеобразие и особенности положения крестьянства не только в каждой стране в целом, но и в ее отдельных районах. Например, на юге Италии особенно острая проблема — это земельный голод. Поэтому итальянские коммунисты считают своей первостепенной задачей оказание помощи крестьянам в их борьбе за землю. На севере Италии (это характерно и для многих районов Франции), где имеются крупные сельскохозяйственные предприятия капиталистического типа, первостепенное значение имеет защита жизненных интересов сельскохозяйственных рабочих: поддержка и организация их борьбы за повышение заработной платы, улучшение условий труда, получение пособий по безработице и т. п.

При защите требований крестьян коммунисты придают важное значение использованию парламентских форм борьбы. Большой опыт в этом имеют компартии Италии и Франции. Итальянские коммунисты ведут постоянную энергичную борьбу в парламенте за улучшение условий сельскохозяйственных договоров в интересах трудящихся-арендаторов, за установление контроля над арендной платой и т. п. В апреле 1946 г. Учредительное собрание Франции по настоянию парламентской группы коммунистической партии приняло устав фермеров и издольщиков, регламентирующий арендные отношения в стране. Коммунисты Италии и Франции добились принятия парламентами ряда законов в интересах крестьянства.

В борьбе за интересы крестьянства коммунистам приходится преодолевать много трудностей и препятствий. Буржуазные партии и группировки, а во многих странах и католическая церковь всячески стремятся удержать крестьян под своим влиянием и ведут среди них демагогическую пропаганду, клевещут на рабочий класс и на коммунистов. Их цель — помешать созданию и укреплению союза рабочего класса и крестьянства, не допустить расширения влияния коммунистических партий в деревне. Трудности работы компартий в деревне обусловлены и тем, что значительная часть крестьянских организаций в странах Северной Америки (США, Канада) и в странах Западной Европы, за исключением Италии, находится под влиянием реакционных партий и группировок, связанных с монополистическим капиталом.

Борьба крестьян за аграрную реформу

Поскольку подавляющую массу крестьян составляют малоземельные и безземельные крестьяне, важнейшей целью становится борьба за аграрную реформу.

Правящие круги ряда капиталистических стран под нажимом крестьянских масс были вынуждены в послевоенный период пойти на известное перераспределение земли. Но реформы, которые проводились буржуазией и помещиками, были, конечно, недостаточными. Даже в Италии, где борьба за землю получила наибольший размах, реформа имела весьма ограниченный характер и не удовлетворила нужд и ожиданий крестьянства. Аграрными преобразованиями здесь было затронуто лишь 11% крупной земельной собственности. Распределение земли существенно не изменилось. В Италии все еще насчитывается 2,5 млн. безземельных крестьян, а 1,7 млн. крестьян имеют клочки земли площадью до 0,6 *га*.

В настоящее время многие коммунистические и рабочие партии сплачивают крестьян на борьбу за подлинно *демократическую аграрную реформу*. Их главное требование — «Земля тем, кто ее обрабатывает». При этом в программах марксистских партий вопрос о наделении крестьян землей намечается решить с учетом своеобразия и особенностей аграрных отношений данной страны.

Французская коммунистическая партия борется за экспроприацию земли и имущества крупных землевладельцев и передачу их на правах собственности трудящимся крестьянам — мелким арендаторам, издольщикам, сельскохозяйственным рабочим и малоземельным крестьянам.

Итальянская коммунистическая партия считает всеобщую аграрную реформу одной из тех «структурных реформ», которые призваны ограничить и подорвать экономическое могущество монополий. Предусматривается ограничение размеров крупного землевладения с целью высвобождения до 5 млн. *га*

земли и передачи ее арендаторам и сельскохозяйственным рабочим.

Аграрные реформы, которые предлагают осуществить коммунистические партии стран Латинской Америки, предусматривают конфискацию земли у помещиков-латифундистов и бесплатную (или за минимальную плату) передачу ее безземельным и малоземельным крестьянам в собственность. В документах этих коммунистических партий говорится, что демократическое государство, которое будет создано в ходе национально-освободительной борьбы, признает собственность крестьян на землю, захваченную ими у помещиков, и выдаст им соответствующие документы. Будет гарантирована также собственность на землю крестьянам, обрабатывающим пустующие помещичьи или государственные земли и не имеющим на них права собственности. Что касается крестьян, ведущих хозяйство не на своей, а на арендуемой земле, то они получат эту землю в собственность. Борьба за землю — важнейшая составная часть общедемократического движения в этих странах. Ясно, что успех этой борьбы неотделим от успеха национально-освободительного движения народов этих стран против американского империализма.

Постоянная и последовательная борьба марксистских партий за передачу земли в руки тех, кто на ней трудится, свидетельствует о лживости буржуазной пропаганды, уверяющей крестьян, будто коммунисты хотят лишить их земли. На самом деле коммунисты гарантируют крестьянам не только сохранение, но и разумное увеличение принадлежащей им земли.

3. Что дает крестьянам победа рабочего класса

Защитники крупного капитала и помещиков до сих пор распространяют клевету о том, будто пролетарская революция ничего не дает крестьянам, что она враждебна им.

Эту клевету лучше всего опровергает исторический опыт России и других стран социалистического лагеря. Фактами доказано, что пролетарская революция не только не была враждебной крестьянству, но что именно она осуществила его заветные чаяния: дала ему землю и освобождение от гнета помещиков и капиталистов.

В России уже 8 ноября 1917 г., т. е. *на другой день* после революции, II съезд Советов отменил без всякого выкупа помещичью собственность на землю и объявил, что вся земля в стране обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех, кто трудится на ней.

Во всех странах народной демократии также были проведены аграрные реформы, которые ликвидировали помещичье

землевладение и осуществили принцип «земля тем, кто ее обрабатывает». В европейских странах народной демократии в результате аграрных реформ крестьяне получили 14 млн. *га* пахотной земли.

В Китае по земельной реформе, осуществленной при активном участии самих крестьян, около 300 млн. крестьян получили на правах собственности около 50 млн. *га* земли. Крестьянство было освобождено от уплаты земельной аренды помещикам, составлявшей в среднем от половины до трех четвертей стоимости урожая, а также от других поборов и тягот.

В. И. Ленин, обобщая опыт социалистической революции в России, неоднократно и настойчиво указывал, что с установлением власти трудящихся первейшим долгом новой власти будет принятие мер для немедленного и решительного улучшения материального положения крестьянских масс. Ленин считал такие меры одним из решающих условий упрочения власти рабочих и крестьян, союза этих классов под руководством рабочего класса.

В то же время Ленин указывал, что одна дележка земли, одна передача крестьянам помещичьих земель, не решает крестьянского вопроса, не избавляет трудящихся крестьян от нищеты, от кулацкого засилья, от отсталости и низкой производительности мелкого хозяйства. Только общественная обработка земли, только кооперирование на социалистических началах может проложить крестьянству путь к зажиточной жизни.

Коммунисты во всех странах, строго руководствуясь этими указаниями Ленина, призывают трудовое крестьянство вступить на путь социалистического строительства.

Теперь уже сотни миллионов земледельцев на своем собственном опыте убедились, что только социалистическое объединение, кооперирование дает возможность улучшить жизнь *всех* крестьян, покончить с эксплуатацией и угнетением человека человеком. Только социалистическое объединение открывает перед трудящимися крестьянами широчайшую возможность вести хозяйство на основе новейших достижений науки, повышать агротехнику и рационально применять современную мощную технику, которая и облегчает труд, и в огромной степени повышает его производительность, т. е. дает возможность производить на каждого крестьянина все больше и больше материальных благ.

В. И. Ленин учил, что объединение в производственные кооперативы должно происходить на добровольных началах и основываться на личной заинтересованности крестьян. Крестьянина нужно убедить, что ведение крупного коллективного хозяйства с применением новейшей техники экономически

значительно выгоднее для него, чем ведение мелкого хозяйства *.

Когда противники социализма уверяют, будто крестьянство, как частнособственнический класс, органически чуждо и враждебно социализму, то в этом выражается их презрение, пренебрежение к крестьянству, вопиющая недооценка здравого смысла и творческих возможностей, присущих крестьянству как классу. Рабочий класс и коммунистическая партия решительно отвергают такой подход к труженикам деревни. Они глубоко доверяют разуму трудового крестьянства, верят в его творческие силы, они убеждены в том, что крестьянство при дружеском руководстве рабочего класса вполне способно стать активным строителем передового, социалистического строя. Как показала практика, эти расчеты полностью оправдались.

В. И. Ленин учил, что именно использование различных форм добровольной кооперации дает возможность осуществить в деревне «простым, легким и доступным для крестьянина» путем переход к новым, социалистическим порядкам.

Первой страной, где осуществилось массовое социалистическое кооперирование деревни, был Советский Союз. Вот уже более двух десятилетий советские крестьяне живут в условиях социалистического, колхозного строя. Вместо 25 млн. мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, которые существовали в стране к началу коллективизации, сейчас в Советском Союзе имеется более 70 тыс. сельскохозяйственных артелей — крупных социалистических хозяйств. Их размеры позволяют в широких масштабах применять современную мощную технику, которую производит государственная промышленность.

В связи с ростом технической вооруженности колхозов и с преимуществами крупного хозяйства повышается уровень жизни крестьян, притом не отдельной группы или кучки крестьян, а *всего* крестьянства.

Победа кооперативного строя в Советском Союзе, Китае, Болгарии и значительные успехи в социалистическом преобразовании деревни в других странах социалистического лагеря представляют собой великое завоевание союза рабочего класса и крестьянства этих стран. Создание кооперации в деревне это — *единственно правильный и надежный путь* коренного улучшения жизни самих крестьян и приобщения крестьянства к развитию современного высокомеханизированного сельского хозяйства на социалистических началах. Это путь к социализму, общий для крестьянства разных стран. В то же время коммунистические и рабочие партии учитывают со-

* Подробнее о ленинском кооперативном плане см. в главе 22.

циально-экономические, исторические и другие особенности, имеющиеся в сельском хозяйстве разных стран. Всякое механическое копирование опыта той или иной страны противоречит духу марксизма-ленинизма.

В современных условиях перевод мелкого крестьянского хозяйства на рельсы крупного производства может быть совершен в любой стране значительно легче благодаря наличию крепнущей из года в год мировой социалистической системы и огромному опыту, накопленному самим крестьянством в ведении кооперативного хозяйства. Преимущества объединения стали настолько очевидны, что даже в капиталистических странах крестьяне стремятся к созданию кооперативов, чтобы с их помощью организовать коллективную оборону против наступления монополий.

История последних десятилетий показывает, какую великую силу представляет собой союз рабочего класса и крестьянства, как много он может дать и дает обоим классам. Поэтому создание и укрепление этого союза — одна из самых важных задач коммунистических и рабочих партий.

ГЛАВА 16

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА

1. Рабочее движение и национально-колониальный вопрос

В ходе постепенного вызревания капиталистических отношений и по мере преодоления хозяйственной раздробленности народы сплачивались в нации. Становление капитализма в ряде стран мира привело к оформлению национальных государств. Развитие экономики и национальной культуры народов получило мощный толчок. Но появление буржуазных национальных государств, будучи прогрессивным событием человеческой истории, имело и свою оборотную сторону: усилилось стремление к подчинению одной нации другой. Большую остроту приобрел национальный вопрос — вопрос о взаимоотношениях между нациями, об их правах, об условиях их свободного развития.

Две тенденции в национальном вопросе

Первоначально национальный вопрос ограничивался пределами отдельных государств, особенно тех из них, которые в силу исторических условий сложились как многонациональные. В таких государствах (например, в царской России, в Австро-Венгрии и т. д.) были нации господствующие и подчиненные, нации угнетающие и угнетаемые. Здесь национальный вопрос стал по преимуществу вопросом о национальных меньшинствах, об их праве на самостоятельное существование, на развитие своей экономики, культуры, языка, литературы и т. д.

Однако со вступлением капитализма в империалистическую эпоху рамки национального вопроса раздвинулись. Из проблемы внутригосударственной национальный вопрос стал проблемой международной, можно сказать, мировой.

Дело в том, что для эпохи развития капитализма исторически свойственны две противоположные тенденции в национальном вопросе. Одна выражается в возникновении национальных движений, в пробуждении национального самосознания, в создании национальных государств. Другая ведет к развитию межнациональных связей, к ломке национальных перегородок, к созданию мирового рынка.

Хотя обе эти тенденции отвечают реальным потребностям общественного развития, при капитализме ни одна из них не получает полного простора. Более того, социальные условия капитализма придают их действию уродливое направление. С особой силой это проявляется при империализме.

После победы буржуазных национальных движений в экономически развитых странах Европы и Америки процесс дальнейшего создания национальных государств оказался надолго прерванным. С началом колониальной экспансии капиталистических держав подавляющее большинство стран Азии и Африки лишилось права на национальное развитие и превратилось в колонии. Что касается тенденции к объединению наций, к созданию международных хозяйственно-политических связей, то она реализуется при капитализме в мучительной для народов форме. Ибо капитализм не может «объединять» нации иначе, как путем насилия и порабощения, колониальных захватов и войн, жестокой эксплуатации отсталых стран и превращения их в аграрно-сырьевой придаток развитых капиталистических государств.

Жертвами колониализма постепенно сделались многие страны, народы и целые континенты. Теперь национальный вопрос стал уже вопросом о правах и судьбе не отдельных национальных меньшинств, а большинства человечества, того большинства, которое империалисты поработили силой или коварством и сделали подданными своих колониальных империй. «Империализм,— писал Ленин,— означает перерастание капиталом рамок национальных государств, он означает расширение и обострение национального гнета на новой исторической основе». Ленин указывал, что разделение наций на угнетающие и угнетенные составляет *суть* империализма [1].

В условиях империализма национальный вопрос превратился в *национально-колониальный*. Его главным содержанием стала освободительная борьба народов колоний и зависимых стран, их стремление вырваться из-под чужеземного ига и завоевать государственную независимость.

Это не значит, конечно, что в современную эпоху исчезла проблема национального меньшинства в развитых капиталистических государствах, что они покончили с национальным гнетом, хотя бы в пределах их собственных границ. Отнюдь нет! Реакционная буржуазия вообще не способна разрешить национальный вопрос, о чем красноречиво свидетельствует хотя бы острота негритянского вопроса в Соединенных Штатах Америки.

Империалисты предпочитают такие средства «решения» национального вопроса, как подавление малых и слабых наций, разжигание расовой вражды и конфликтов, беспощадная расправа со всякими освободительными движениями.

Реакционность и загнивание капитализма наглядно сказываются в этой неспособности найти решение национального вопроса. Ведь не кто иной, как буржуазия, в ту пору, когда она еще была восходящим классом, выступала глашатаем национального единства и национальной независимости. А теперь, на закате капитализма, буржуазия стала душителем наций, злейшим врагом свободы народов. Как писал Ленин, «из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций» [2].

Рабочий класс — непримиримый противник национального угнетения

Для сознательной части рабочего класса на первом плане всегда стоят интересы борьбы за социальное освобождение, за социализм. Но это отнюдь не значит, что рабочее движение равнодушно к национальным чаяниям масс, что ему безразличны национальные отношения, существующие в той или иной стране.

Ликвидации национального гнета требуют коренные интересы рабочего класса, ибо этот гнет всегда и прежде всего обрушивается на трудящихся, тормозит их духовное развитие, мешает приобщению к классовой борьбе. Порождая недоверие и отчужденность между рабочими разных наций, он препятствует их сближению, объединению сил для борьбы за общие классовые требования, а это облегчает буржуазии задачу эксплуатации масс. «...Ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость...» [3] — отмечал В. И. Ленин.

Марксизм с самого начала выступил как непримиримый противник национального гнета в любой форме, последовательно боровшийся за национальное равноправие, за полную свободу и самоопределение наций. Выработанную Марксом и Энгельсом формулу: «Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы» — Ленин назвал «коренным принципом интернационализма». А пролетарский интернационализм — неотъемлемая составная часть марксизма.

С превращением национального вопроса в национально-колониальный марксистские партии решительно поддерживают освободительную борьбу народов колоний против угнетающей их империалистической буржуазии. В. И. Ленин еще в 1916 г. писал: «Социалисты должны не только требовать безусловного, без выкупа, и немедленного освобождения колоний,— а это требование в его политическом выражении означает не что иное, как именно признание права на самоопределение; социалисты должны самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных

движений в этих странах и помогать их восстанию,— а при случае и их революционной войне — *против* угнетающих их империалистских держав»[4].

Буржуазия пытается противопоставить этой позиции сознательных рабочих свою программу сохранения колоний. Буржуазная пропаганда — не без помощи правых социалистов — внушает несознательным рабочим, будто дальнейшее существование колониальных империй в их интересах. Она твердит, что отказ от колоний будет иметь гибельные экономические и социальные последствия: поведет к прекращению притока сырья в страны-метрополии, вызовет свертывание производства, безработицу и лишения. Усиленной обработке в таком духе подвергаются рабочие Англии, Франции, Голландии, всех колониальных держав, где особенно живучи «имперские» традиции и предрассудки. Коммунистам и другим прогрессивным элементам, которые требуют немедленного предоставления независимости колониям, империалисты предъявляют обвинение в «подрывной деятельности», в покушении на «исторически сложившиеся связи» и т. д.

Но коммунисты вовсе не отрицают значения экономических связей, сложившихся между метрополиями и колониями. Не отрицают они и того, что промышленность развитых стран зависит от поставок сырья из Азии, Африки, с Ближнего Востока. Англия не может обойтись, например, без ближневосточной нефти, за счет которой покрывается 70% ее потребности в горючем. Но разве из этого следует, что арабские страны должны оставаться колониями английского империализма? Англия должна и может получать ближневосточную нефть, малайский каучук или африканский хлопок, но на нормальных коммерческих условиях, а не путем ограбления законных владельцев этих богатств. Речь идет, таким образом, не о разрыве хозяйственных связей, исторически сложившихся между метрополиями и колониями, а о том, чтобы из насильственных, империалистических сделать эти связи добровольными и взаимовыгодными. Если что и пострадает от этого, то лишь доходы крупнейших капиталистов, а не интересы народных масс.

Жизненный опыт учит сознательных рабочих той истине, что колониализм причиняет громадный вред коренным интересам трудящихся не только угнетенной, но и угнетающей нации. Сверхприбыли, выкачиваемые монополиями из колоний, не осчастливили ни одного народа. Правда, крохи от этих сверхприбылей империалистическая буржуазия швыряет представителям привилегированной верхушки рабочего класса, стремясь подкупить их и превратить в своих прихлебателей. Но слой этой «рабочей аристократии» очень тонок. И его существование причиняет лишь ущерб общему делу трудящихся, так как «рабочую аристократию» легче

всего сделать проводником буржуазного влияния в рабочем классе.

Нельзя забывать и о том, что колониализм стал источником и рассадником черной реакции в самих метрополиях. Колонии сделались сборным пунктом для подонков буржуазного общества, которые, пойдя на службу к колонизаторам, учатся там методам террористического подавления трудящихся масс. В 1936 г. испанские колонии в Африке были тем инкубатором, в котором созрел мятеж Франко против республики. История повторилась летом 1958 г., когда фашистские головорезы из состава французских парашютных войск в Северной Африке подняли антиреспубликанский мятеж в Алжире, а затем стали опорой реакции и на территории собственно Франции. Так вслед за испанцами французские рабочие убедились в великой правоте марксизма, который давно пришел к выводу, что народ, угнетающий другие народы, рискует и своей свободой.

Рабочий класс и современный национализм

Борьба народов колоний за независимость в современных условиях часто ведется под знаменем национализма. В этой связи прислужники империализма клеветнически утверждают, будто коммунисты поддерживают освободительную борьбу колониальных народов лишь из тактических соображений; будучи интернационалистами, коммунисты якобы не могут сочувствовать национальным устремлениям народов Азии и Африки.

Такие измышления фальшивы от начала до конца. С их помощью сторонники колониализма пытаются лишь запутать ясный вопрос о друзьях и врагах национально-освободительного движения.

Марксизм-ленинизм подходит к национализму, как и ко всем явлениям общественной жизни, конкретно-исторически, с точки зрения интересов общественного прогресса. В. И. Ленин неоднократно предупреждал против абстрактной постановки вопроса о национализме, и прежде всего против смешения национализма нации угнетающей и национализма нации угнетенной.

Одно дело — империалистические государства, такие, как США, Англия, Франция и т. д. Здесь буржуазный национализм стал знаменем национальной исключительности, расистского высокомерия, воинствующего шовинизма. Он служит монополистической буржуазии для оправдания порабощения других наций. Этому реакционному, колонизаторскому национализму коммунисты, как пролетарские интернационалисты, действительно непримиримо враждебны.

Другое дело — национализм народов колониальных и зависимых стран. В этом национализме, как правило, находит отражение здоровый демократизм национально-освободитель-

ных движений, протест масс против империалистического гнета, стремление к национальной независимости и общественным преобразованиям. Это имел в виду Ленин, когда писал: «В *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы *безусловно* поддерживаем...» [5]

Национализм в странах современной Азии и Африки, по общему правилу, как раз такой национализм. Это национализм угнетенных наций, вступивших в борьбу со своими поработителями и сражающихся за политическую и экономическую независимость. Он проявляется в странах, где по большей части лишь складываются национальные связи и где буржуазия в своей массе еще способна при определенных условиях играть исторически прогрессивную роль. Отмечая эту ее особенность, В. И. Ленин писал: «Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик — пролетариат. А в Азии есть *еще* буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции.

Главный представитель или главная социальная опора этой, способной еще на исторически прогрессивное дело азиатской буржуазии — крестьянин» [6].

Формирование наций и национального самосознания в странах Азии и Африки происходит в борьбе с империализмом и феодализмом, ведет к пробуждению масс от средневековой спячки, к борьбе против колониализма, отсталости и реакции. Все это и придает национализму современного Востока демократическое, прогрессивное содержание. В особенности для многомиллионного крестьянства национальное самосознание выступает как первоначальная ступень антиимпериалистического сознания.

Такой национализм коммунисты могут поддерживать с чистой совестью, и они действительно поддерживают его, не поступаясь ни на йоту принципами пролетарского интернационализма.

Разумеется, коммунисты поддерживают национализм лишь постольку и до тех пор, пока он служит делу завоевания национальной свободы, победы над империализмом и феодализмом, пробуждения в массах чувства собственного достоинства, которое подавляли и над которым глумились угнетатели. Любые попытки использовать национализм в реакционных целях, в качестве орудия национального эгоизма и подчинения других народов, или для борьбы против справедливых требований народных масс не могут встретить сочувствия коммунистов.

2. Подъем национально-освободительного движения и распад колониальной системы

Еще несколько десятилетий назад колониальное господство империалистических держав казалось незыблемым. Порядок, при котором мир делился на горстку привилегированных, угнетающих наций и гигантское большинство бесправных и угнетенных народов, объявлялся империалистами естественным и не подлежащим пересмотру. Идеологи колониализма кричали о расовой неполноценности порабощенных народов, изображали их как огромный человеческий массив, навеки застывший в апатии и покорном безразличии.

Еще в 1939 г. колонизаторы удерживали под своей властью почти две трети человечества. Положение, однако, коренным образом изменилось после второй мировой войны. Создававшиеся столетиями колониальные империи начали разваливаться с нарастающей быстротой. За 1945—1957 гг. вырвались из-под империалистического ига и встали на путь независимого развития почти *миллиард с четвертью* человек. В оставшихся колониях проживает теперь не более 150 млн. человек — менее 6% населения земли. Дело идет, таким образом, к полной ликвидации колониальной системы. С ее окончательным исчезновением будет перевернута едва ли не самая позорная страница летописи капитализма.

Международные условия подъема национально-освободительного движения

Кризис колониальной системы начался одновременно с общим кризисом капитализма. Переломной вехой и здесь была Великая Октябрьская социалистическая революция. Поколебав самые основы империализма, она дала мощный толчок национально-освободительному движению на Востоке, открыла перед ним перспективу победы над колонизаторами. Сама Октябрьская революция впервые успешно соединила в одном потоке восстание пролетариата против капиталистического строя и борьбу порабощенных народов царской России за свержение национально-колониального гнета.

Первое социалистическое государство стало для угнетенных народов мира неиссякающим источником моральной и политической поддержки. Вдохновляющим примером для них послужили, в частности, среднеазиатские республики Советского Союза, которые в кратчайший исторический срок проделали путь от колониальной отсталости к всестороннему расцвету национальной экономики и культуры.

Новый этап национально-освободительной борьбы начался в результате второй мировой войны. Война втянула в свой водоворот многие страны колониального мира; некоторые из них (в Азии, в Северной Африке) сами стали театром военных действий. Потребности военной экономики побудили

империалистические державы форсировать развитие некоторых отраслей промышленности в своих колониальных владениях, что привело к быстрому росту местного пролетариата.

Освободительный характер войны, обусловленный участием в ней Советского Союза, вызвал могучий отклик среди всех угнетенных. Подъему политической сознательности и организованности масс способствовала также выявившаяся в военные годы внутренняя слабость западных колониальных держав.

Самые благоприятные условия для развития и успеха национально-освободительного движения создала новая расстановка сил на международной арене, сложившаяся в результате разгрома германского фашизма и японского империализма, в результате укрепления могущества Советского Союза и возникновения стран народной демократии. Образование мировой системы социализма и связанное с этим резкое ослабление позиций империалистического лагеря облегчили завоевание независимости многими странами Азии и Африки. Национально-освободительная борьба приобрела гигантский размах, а кризис колониализма вступил в свою заключительную фазу — фазу распада колониальной системы.

Распад системы колониализма является, таким образом, результатом мощного подъема национально-освободительной борьбы в благоприятных международных условиях, созданных ослаблением империализма и превращением социализма в мировую силу.

Империалисты всячески стараются преуменьшить роль и значение национально-освободительного движения. С этой целью они усиленно распространяют версию, будто колониальные и полуколониальные страны добились политической свободы не в результате борьбы и революции, а чуть ли не с помощью империалистических держав. Одновременно делаются попытки представить долголетнее хозяйничанье капиталистических монополий в колониальных странах как необходимый период «подготовки» этих стран к независимому существованию. В связи с этим много говорится о «цивилизаторской миссии» капитализма в колониях.

В действительности «миссия» капитализма в колониях не имела ничего общего с интересами их народов. Всестороннее развитие экономики, подготовка колоний к независимому существованию никогда не заботили империалистов. Всякие вымыслы на этот счет разоблачаются тем простым фактом, что все страны, ныне вырвавшиеся из-под империалистического ига и ставшие на путь независимости, принадлежат к числу *слаборазвитых*, т. е. таких, которые именно вследствие иноземного господства далеко отстали в экономическом отношении.

Разумеется, за многие десятилетия своего господства в колониях империалисты объективно, помимо своей воли, проделали там некоторую исторически полезную работу. Руководствуясь эгоистическими, своекорыстными расчетами, они объективно, против своей воли, ускорили созревание некоторых предпосылок политической и социальной революции в Азии. Именно в связи с этим Маркс говорил о колонизаторах как о «бессознательном орудии истории». Но он одновременно подчеркивал, что «цивилизаторская» деятельность империалистической буржуазии не сулит массам ни национального, ни социального освобождения. «Все, что английская буржуазия вынуждена будет осуществить в Индии,— писал, в частности, Маркс,— не освободит народные массы и не улучшит существенно их социального положения, ибо и то и другое зависит не только от развития производительных сил, но и от того, овладеет ли ими народ». Индийцы, указывал далее Маркс, не смогут пожинать плоды цивилизации до тех пор, пока «не станут достаточно сильными, чтобы навсегда сбросить с себя английское ярмо»[7].

История подтвердила правоту Маркса. Она показала и то, что с точки зрения империалистических «цивилизаторов» ни один народ ни одной колонии никогда не оказывается достаточно «созревшим» и «вполне готовым» для независимого существования, пока он не поднимается против господства колонизаторов. Факты свидетельствуют о том, что колонизаторы уходят лишь тогда, когда их вынуждают к этому действия народных масс. Независимость *вырвана* колониальными народами у империалистов, а не получена в качестве дара.

Разумеется, освобождение сотен миллионов колониальных рабов происходило и происходит различными путями: как в ходе вооруженной борьбы, так и методами политического давления. Но, каковы бы ни были конкретные пути, *основой освобождения всегда была борьба широких народных масс.*

Движущие силы национально-освободительной борьбы

Колониальный гнет империалистов давит, хотя и не в одинаковой степени, почти на все слои населения порабощенных стран, толкая их на борьбу за освобождение. Исходя из своих классовых интересов, рабочий класс, крестьянство, значительные слои местной буржуазии не могут мириться с хозяйничаньем чужеземных монополий, которое несет угнетенным странам безжалостное расхищение их естественных богатств, несет голод, нищету и всякого рода притеснения. За исключением горстки феодалов, чья власть держится на иностранных штыках, и тех паразитических групп местной буржуазии, которые извлекают свои прибыли из сотрудничества с колонизаторами, абсолютное большинство населения колоний сочув-

ствует освободительной борьбе или принимает в ней непосредственное участие.

Наиболее активная роль принадлежит в этой борьбе *рабочему классу*. Несмотря на свою относительную малочисленность в колониальных странах, он и возглавляющие его коммунистические партии стоят на передовых позициях национально-освободительного движения. Рабочий класс быстрее других приобретает классовое и национальное сознание, так как больше, чем любой другой класс, страдает и от эксплуатации, и от расовой дискриминации. Как передовой класс, враждебный всякому угнетению и свободный от своекорыстных расчетов, молодой пролетариат колоний лучше всего выражает коренные, жизненные интересы всего народа. Это, как показывает опыт, наиболее последовательная антиимпериалистическая сила, способная вести за собой широкие слои крестьянства и городских трудящихся.

Огромную потенциальную силу представляет собой *крестьянство*, испытывающее двойной гнет — местных феодалов и иностранных монополистов. Крестьянство составляет самую широкую массовую базу национально-освободительного движения. Для него устранение колониального гнета неразрывно связано с ликвидацией феодальных пережитков в деревне и с решением аграрного вопроса — вопроса о земле. Однако, как отмечал Ленин, крестьянство — это наиболее многочисленный и в то же время наиболее «тяжелый на подъем» слой населения. В силу самих условий своего существования, неграмотности, отсталости колониальное крестьянство не может стать во главе освободительной борьбы народа. Говоря это, коммунисты отнюдь не умаляют исторической роли крестьянства в этой борьбе, а лишь отмечают объективные факты. Они никогда не забывают, что крестьяне составляют большинство населения в колониальных и зависимых странах и что поэтому, только наладив тесный союз с крестьянством, рабочий класс может стать руководителем национально-освободительного движения.

Самый противоречивый элемент этого движения — *буржуазия*. Отношение к национально-освободительной борьбе со стороны отдельных группировок буржуазии не только различно, но зачастую прямо противоположно. Реакционная верхушка буржуазии и компрадорская (посредническая) буржуазия, связанная с империализмом, обычно настроены враждебно по отношению к национальным силам. Вместе с помещиками-феодалами, заинтересованными в сохранении своих привилегий, эта часть буржуазии представляет оплот империалистического господства в колониях.

Иную позицию обычно занимает так называемая национальная буржуазия, которая, как правило, вкладывает свои капиталы в производство и поэтому заинтересована в

создании и освоении национального рынка и в ограждении его от хищничества иностранных монополий. Путь к этому она видит в создании национального государства и в освобождении от иностранной зависимости.

Национальная буржуазия, которая сама страдает от засилья чужеземных монополий и терпит немало обид от империалистов, стремится не только примкнуть к национальному движению, но и взять его под свой контроль. Поскольку и в условиях колониального гнета буржуазия имеет наибольший доступ к образованию и политической деятельности, не удивительно, что во многих странах именно из ее среды выдвинулись видные лидеры освободительного движения и что именно она стремится дать ему свои лозунги.

Отдавая должное патриотическим усилиям этой части буржуазии, марксисты в то же время не закрывают глаз на двойственность поведения буржуазии, на ее непоследовательность и колебания, на ее стремление сохранить многие пережитки старого в социальной жизни, а также на существование внутри нее антипатриотических групп, склонных к компромиссу, к соглашению с колонизаторами за счет народных масс.

Такова, вкратце, постановка марксизмом-ленинизмом вопроса о движущих силах национальной борьбы. Разумеется, конкретная обстановка в отдельных странах отличается большим разнообразием. Помимо основных классов, участвующих в освободительной борьбе, существует множество промежуточных слоев, занимающих особую, в большинстве случаев колеблющуюся позицию. Далеко не одинаковы непосредственные интересы и позиции однородных непролетарских классов и слоев в различных странах. Анализ фактов показывает, что самой надежной и последовательной силой в национально-освободительном движении, способной без колебаний довести его до конца, является рабочий класс — наиболее революционный класс современного общества. На опыте колониальных и полуколониальных стран еще раз виден особый характер освободительной борьбы рабочего класса, который, раскрепощая себя, одновременно добивается освобождения всего общества.

Вместе с тем анализ нынешнего соотношения сил в колониях убеждает в наличии там условий для создания *единого национального патриотического фронта освободительной борьбы против империалистов.* Основой такого единства служит общая заинтересованность самых широких социальных слоев в экономическом и культурном прогрессе, в избавлении от колониального рабства, от хищничества иностранных монополий, от унижений национального достоинства.

Историческое значение распада колониальной системы

Империализм препятствует общечеловеческому прогрессу не только тем, что подавляет *трудящиеся классы* развитых капиталистических стран, но и тем, что оттесняет на задворки истории *целые народы* — народы колоний и полуколоний. Мощный подъем национально-освободительной борьбы знаменует пробуждение половины человечества к активному историческому творчеству, к участию в решении судеб мира. Тем самым в огромной степени расширяются масштабы прогресса и повышаются его темпы.

Вступившие в национально-освободительное движение народные массы Азии и Африки служат мощным фактором разрушения империализма, обострения всех его противоречий. Колонии и зависимые страны все еще имеют важное значение для империалистов. Оттуда монополии за бесценок выкачивают необходимое им сырье, там они сбывают втридорога свои промышленные товары. В колониях и полуколониях империалисты создают свои военные базы, опорные пункты и коммуникации.

Национально-освободительное движение подрывает, а порой и вовсе ликвидирует эти позиции империализма. Мало того, оно превращает колониальные и зависимые страны из резерва империализма в союзника прогрессивных антиимпериалистических сил. После образования мировой системы социализма развал колониальных империй — второй сокрушительный удар по империализму.

Распад колониальной системы оказывает серьезное положительное влияние на развитие международных отношений. Многие молодые национальные государства Азии и Африки ведут независимую миролюбивую политику, примыкая к обширной «зоне мира». Их антивоенная позиция является одной из причин того, что новая война перестала быть фатальной неизбежностью. Национально-освободительное движение укрепляет дело мира и тем, что, ломая неравноправные, насильственные формы связей между странами, помогает сближению народов и уменьшает возможность военных конфликтов.

Прекращение хищнической эксплуатации колониальных стран и развитие их национальной экономики позволяет гораздо плодотворнее использовать мировые ресурсы. Это приближает время, когда удастся преодолеть нынешнюю вопиющую разницу в уровнях экономического развития различных стран и обеспечить всем людям на земле достойную человека жизнь. Наконец, возрождение и развитие тысячелетней культуры народов Востока, которую веками третировали и разрушали колонизаторы, обогатит всю мировую культуру.

Таким образом, распад колониальной системы — это величайший успех не только тех народов, которые сбросили колониальное иго, но и всего прогрессивного человечества.

Государства, возникшие на обломках колониализма

Многообразие условий и форм, в которых происходило завоевание независимости бывшими колониальными странами, привело к тому, что они оказались на различных ступенях политического развития. Это в особенности относится к странам, вырвавшимся из-под ига колониализма после второй мировой войны.

Там, где у руководства антиимпериалистическим фронтом стоял рабочий класс и его марксистские, коммунистические партии, революция не остановилась на буржуазно-демократическом этапе, а переросла в революцию социалистическую, пошла по пути народной демократии.

Там, где во главе движения стояла буржуазия или где в антиимпериалистическом национальном фронте преобладало буржуазное влияние, пришедшая к власти национальная буржуазия повела общество по пути капиталистического развития, отсрочив тем самым переход к более высокому этапу революции.

В результате распада колониальной системы в настоящее время сложились следующие основные группы стран:

1. Страны, которые, свергнув иго империализма, стали на путь социалистического строительства. Эта группа отпала не только от колониальной, но и от капиталистической системы и вошла в ряды социалистического лагеря (Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика и Демократическая Республика Вьетнам).

2. Страны, завоевавшие политическую независимость и проводящие самостоятельную внешнюю политику, освободившиеся от империалистического закабаления, но остающиеся в капиталистической системе хозяйства (Индия, Индонезия, Бирма, Ирак, Объединенная Арабская Республика, Гана, Гвинея, Судан, Тунис, Марокко, Ливия, Камбоджа).

3. Страны, которые, добившись независимости, позволили ее тут же сильно ограничить, пойдя на кабальные экономические соглашения и на участие в агрессивных блоках империалистических держав (Пакистан, Таиланд, Филиппины).

Наконец, сохраняются страны, продолжающие и сегодня пребывать в рабском ярме (колонии в Африке, остатки колониальных владений в Азии и Латинской Америке, некоторые островные владения Англии, Португалии, США и других империалистических держав).

Следует иметь в виду, что за исключением государств, твердо ставших на путь социалистического строительства, другие молодые государства, образовавшиеся на обломках колониальной системы, еще находятся в процессе своего политического становления. Общественное развитие в этих странах с приобретением независимости не только сильно ускорилось, но и происходит в обстановке острой борьбы различных

классовых сил. В зависимости от того, какие силы, реакционные или прогрессивные, берут верх в этой борьбе, определяется политика этих стран и их положение в мировой системе государств. В связи с этим границы между второй и третьей группой стран все еще довольно подвижны.

Насколько быстро может быть совершен переход из одной группы в другую, показывает, в частности, пример Ирака. До июльской революции 1958 г. эта страна была в политическом отношении одной из самых отсталых на всем Ближнем Востоке. Однако восставший иракский народ сумел в короткий срок освободиться от пут колониальной зависимости, обуздать внутреннюю реакцию и перейти к проведению самостоятельной внешней и внутренней политики, определяемой национальными интересами. Разумеется, нельзя считать исключенными и отдельные факты политического регресса освободившихся стран, тем более что они подвергаются непрерывному давлению извне — со стороны империалистических угнетателей.

3. Завоевания антиимпериалистической, антифеодальной революции в странах Азии, ставших на путь социализма

Антиимпериалистическая и антифеодальная революция в наиболее законченной форме совершилась в Китае, в Северной Корее и в Северном Вьетнаме, где ее возглавил рабочий класс, руководимый марксистскими партиями.

Опыт этих стран показывает, что наибольших успехов в деле национального освобождения и ликвидации последствий господства колонизаторов позволяет добиться гегемония пролетариата. Особенно показателен в этом отношении путь, пройденный великим Китаем. Ведь ему приходилось решать задачи, сходные с теми, которые история поставила перед другими странами Азии и Африки, сбросившими иго империализма. К числу таких задач относится прежде всего упрочение завоеванной независимости, распространение ее из политической сферы на сферу экономики и культуры. В тесной связи с этим стоит грандиозная задача ускоренного прогресса в хозяйственной, социальной и культурной областях, призванного преодолеть вековую отсталость, положить конец господству полуфеодальных отношений, нищете, забитости и неграмотности широких масс трудящихся.

В ходе освободительной борьбы китайский народ, руководимый своей испытанной коммунистической партией, обогатил историю народных движений революцией неизвестного ранее типа — *новодемократической.* По определению товарища Мао Цзэ-дуна, новодемократическая революция — это «антиимпериалистическая, антифеодальная революция широких народных масс под руководством пролетариата» [8], которая имеет

целью создание демократической диктатуры всех антиимпериалистических и антифеодальных сил.

Как же справился народный Китай с гигантскими задачами национального возрождения и реконструкции, решения которых все народы Азии тщетно ожидали от своих старых правителей в течение долгих десятилетий? *

Начнем с аграрного вопроса, который на Востоке является особо неотложным и острым. Народный Китай первым среди крупных государств Азии сумел использовать государственную независимость для проведения широких демократических реформ, в первую очередь для решения земельного вопроса в пользу трудового крестьянства. Аграрная реформа в КНР за три года (1949—1952) покончила с феодальным землевладением. В собственность крестьянам было передано около 50 млн. *га* помещичьих земель.

Сразу же после проведения аграрной реформы в деревне развернулось в широких масштабах движение за создание производственной взаимопомощи. Крестьяне на собственном опыте быстро убедились в преимуществах коллективного труда. Уже к середине 1956 г., менее чем за четыре года после аграрной реформы, в основном было завершено социалистическое преобразование сельского хозяйства.

Народный Китай смело и до конца ликвидировал экономическую зависимость от иностранных капиталистических монополий, национализировав без выкупа все принадлежавшие им промышленные, транспортные и торговые предприятия, банки и страховые общества. Одновременно была национализирована собственность компрадорской буржуазии, крупных чиновников чанкайшистского режима и всех контрреволюционеров.

Обращение основных средств производства в общенародную собственность, переход командных высот экономики в руки народного государства — все это позволило перейти к плановой индустриализации страны, к наиболее рациональному использованию всех ее ресурсов. С помощью Советского Союза и других стран социалистического лагеря Китай менее чем за четыре года восстановил свое разрушенное хозяйство, а еще через четыре года — в 1957 г.— взялся за экономическое соревнование с Англией — одним из наиболее развитых в промышленном отношении капиталистических государств.

Выдвинутый в Китае лозунг «За ближайшие 15 лет или в более короткий срок догнать и перегнать Англию по произ-

* Подробно о строительстве социализма в Китае и других народно-демократических странах Азии см. в главах 21 и 22. Здесь мы кратко останавливаемся лишь на опыте решения тех задач, которые непосредственно вытекают из национально-освободительной антиимпериалистической и антифеодальной революции.

водству чугуна, стали и других важнейших видов промышленной продукции!» — это одновременно и замечательный итог хозяйственного строительства, и показатель огромных потенциальных возможностей страны, ставшей на социалистический путь развития. Китайской Народной Республике удалось добиться заметного улучшения материального положения трудящихся города и деревни, в широких масштабах развернуть культурную революцию, подготовить многочисленные национальные кадры для промышленности, сельского хозяйства и науки.

В результате народный Китай в исторически короткий срок превратился в подлинно великую державу, в антиимпериалистическую и антиколониальную силу мирового масштаба. Его независимая миролюбивая политика оказывает серьезное воздействие на положение в Азии и во всем мире и служит источником быстрого роста его международного авторитета. Попытки изолировать КНР, предпринимаемые американским империализмом, бесславно проваливаются.

По аналогичному пути идет развитие *Корейской Народно-Демократической Республики* и *Демократической Республики Вьетнам,* где, так же как в Китае, сложился единый народно-демократический фронт во главе с рабочим классом и его марксистскими партиями. Аграрная реформа, конфискация и национализация имущества иностранных монополий и собственности предателей родины, широкая демократизация общественной и политической жизни обеспечили в этих странах быстрое укрепление национальной независимости, экономики и культуры.

И корейскому и вьетнамскому народу уже после утверждения народной власти пришлось выдержать ожесточенную войну с иностранными агрессорами и внутренними реакционными силами. Это создало величайшие трудности для молодых государств, но они с честью выдержали военные испытания и отстояли свою независимость. Неоценимую роль сыграла в этом братская помощь и поддержка, которую они получили от других государств социалистического лагеря.

Особую печать накладывает на развитие КНДР и Демократической Республики Вьетнам то обстоятельство, что южная часть Кореи и южная часть Вьетнама все еще находятся под властью реакционных буржуазно-помещичьих правительств и их империалистических покровителей. Национально-освободительную борьбу здесь нельзя считать законченной, пока она не увенчается восстановлением национального единства. КНДР и ДРВ выполняют исторически прогрессивную роль, выступая знаменосцами такого единства.

Став на путь социализма, народно-демократические государства — КНР, КНДР и ДРВ быстро преодолевают по-

следствия колониализма, воочию показывая другим народам, сбросившим ярмо империализма, все преимущества и достоинства этого пути.

4. Молодые национальные государства Востока в борьбе за укрепление своей независимости

Ход событий в современную эпоху полностью подтвердил то положение марксизма-ленинизма, что национально-освободительное движение угнетенных народов является антиимпериалистическим по своему существу и укрепляет силы мира, демократии и прогресса. Это верно не только в отношении стран, завоевавших независимость и приступивших к социалистическому строительству, но и в отношении тех стран, которые, сделавшись независимыми, остались на почве капиталистических отношений.

По пути прогресса

Хотя масштабы социальных преобразований во многих молодых государствах Востока и глубина происшедших там изменений в народной жизни не выдерживают сравнения с переменами в социалистических странах Азии, их движение по пути прогресса неоспоримо. Оценивая новую обстановку, XX съезд КПСС заявил о том, что «наступил предвиденный великим Лениным новый период всемирной истории, когда народы Востока принимают активное участие в решении судеб всего мира, становятся новым мощным фактором международных отношений»[9].

Появление на международной арене молодых национальных государств резко изменило соотношение сил в пользу мира. Эти государства все чаще выступают против агрессивного курса империалистических держав, разоблачают колониализм, стремятся к сохранению мира. Прочный мир — объективная необходимость для стран, завоевавших независимость и поставивших своей задачей возможно более быструю ликвидацию унаследованной от колониализма экономической отсталости. В войне они ничего не могли бы приобрести, а только поставили бы под угрозу свою независимость. Поэтому большинство молодых государств проводит политику мира и международного сотрудничества. Усилия, прилагаемые в этом направлении, например, Индией, снискали ей признание и уважение всех миролюбивых народов. Не случайно также, что Азия стала колыбелью знаменитых «пяти принципов» мирного сосуществования, подтвержденных в решениях Бандунгской конференции (апрель 1955 г.).

Существенные перемены произошли и во внутреннем положении таких стран, как Индия, Индонезия, Бирма, Цейлон, Объединенная Арабская Республика, Ирак и др. Завоевав политическую свободу, они прилагают серьезные усилия для

развития национальной экономики и ослабления ее зависимости от империалистических держав. С этой целью в Египте была проведена национализация Суэцкого канала и «египетизация» банковской системы; Индонезия отказалась от уплаты «долгов» Голландии и взяла в свои руки крупную голландскую собственность в стране. Почти во всех молодых государствах Востока усилилась роль государственного сектора в экономике, особенно в области тяжелой промышленности.

За последние годы здесь заметно увеличился выпуск промышленной продукции, налажено производство многих товаров, которые прежде поступали только из-за границы, возросла численность рабочего класса.

Первые робкие шаги сделаны в области реформы земельных отношений, хотя ликвидация последствий феодализма в деревне в целом идет медленно. В Индии в основном ликвидирована лишь введенная англичанами феодальная система посредников — джагирдаров и заминдаров. В Египетском районе ОАР у помещиков изымаются излишки земли сверх установленной нормы в 200 федданов (1 феддан = 0,42 *га*).

Разумеется, в наибольшем выигрыше от всех проведенных по сей день реформ оказалась национальная буржуазия, положение которой упрочилось, а сфера деятельности расширилась. Тем самым целиком подтвердилось замечание Ленина о том, что «с точки зрения национальных отношений, наилучшие условия для развития капитализма представляет, несомненно, национальное государство» [10]. Но вместе с тем национальная независимость привнесла немало нового и положительного в жизнь широких слоев населения молодых государств Востока. Один тот факт, что трудящиеся города и деревни не испытывают более *двойного* гнета, давившего на них раньше, меняет условия их существования и борьбы за свои экономические и политические права. Для этой борьбы в рамках независимого государства складывается значительно более благоприятная обстановка, чем та, которая существовала в годы ничем не ограниченного произвола иностранных монополий.

Темпы дальнейшего продвижения молодых государств Востока по пути прогресса, как и масштабы социальных преобразований, теперь больше, чем когда-либо, зависят от роста сознательности, организованности и политической зрелости рабочего класса, от того, насколько тесно сумеет он связаться с массами крестьянства и повести их за собой.

Пробуждение народов Арабского Востока

В последние годы на авансцену национально-освободительной борьбы выдвинулись народы Ближнего Востока и Северной Африки, развернувшие широкое наступление на позиции колониализма. Начиная с 1943 г. в этом районе возникли семь новых государств — Сирия, Ливан, Иор-

дания, Ливия, Судан, Тунис и Марокко. Крупные перемены произошли и в старых арабских странах. В Египте была провозглашена республика, и он полностью освободился от английской оккупации. Египет и Сирия образовали Объединенную Арабскую Республику. В результате революции 14 июля 1958 г. республиканский строй победил в Ираке, который долгое время считался опорой английского владычества в арабском мире. Не ослабевает национально-освободительное движение в Алжире.

Борьба арабов против империализма, за национальную независимость имеет большое международное значение. Ее результаты важны не только для самих арабов, но и для общих судеб империализма и его колониальной политики. Дело в том, что Ближний Восток приобрел громадную роль в экономической, политической и военной стратегии главных империалистических государств, и прежде всего Великобритании и Соединенных Штатов. Здесь расположены многочисленные английские и американские военные базы. Отсюда иностранные монополии ежегодно получают огромные количества дешевой нефти — почти четвертую часть мировой ее добычи. Легко поэтому понять, каким ударом для империалистов был подъем национально-освободительной борьбы арабов, поставивших целью вернуть себе независимость и стать хозяевами природных богатств Арабского Востока.

Удар был тем более неожиданным, что из-за хозяйничанья иностранных колонизаторов и поддерживаемых ими местных феодальных клик арабские народы сильно отстали в экономическом и культурном отношении, а населяемые ими земли стали одним из самых нищих уголков мира. Империалистам казалось, что элементарная борьба за существование поглощает все силы арабов, что забитость и отсталость помешают им подняться до организованной антиколониальной войны.

Эти иллюзии рухнули прежде всего в Египте, где выступление армии, возглавляемой националистически настроенными офицерами, покончило с режимом короля Фарука и его проанглийской клики. Египетская республика, национализировав Суэцкий канал, уничтожила ореол «святости», которым империалистические монополии пытались окружить свою собственность на Ближнем Востоке. Попытка англо-французских империалистов силой оружия восстановить статус-кво и вернуть Суэцкий канал окончилась поражением агрессоров, а уверенность арабов в победе их правого дела еще более возросла.

Для успехов национально-колониальной революции на Арабском Востоке особое значение имели следующие два обстоятельства.

Во-первых, окончательное разоблачение западных держав как злейших врагов независимости арабов. Англия и Франция

уничтожили последние остатки доверия к себе вооруженным нападением на Египет осенью 1956 г. Соединенным Штатам, которым дольше других удавалось носить маску «антиколониализма», пришлось также сбросить ее. Провозгласив в 1957 г. «доктрину Эйзенхауэра», т. е. намерение применять по своему усмотрению вооруженную силу на Ближнем Востоке, совершив в 1958 г. незаконную высадку своих войск в Ливане, Вашингтон показал арабским народам, что его политика определяется интересами американских нефтяных монополий. Это имело далеко идущие последствия, о чем свидетельствуют такие факты, как антиимпериалистическая революция в Ираке и банкротство сколоченного империалистами Багдадского пакта, который лишился последнего арабского участника.

Во-вторых, дружественная политическая и экономическая помощь арабским народам со стороны Советского Союза и других стран социалистического лагеря. Эта бескорыстная поддержка вывела арабские страны из состояния экономической, политической и моральной изоляции, в которой их держали империалисты, и удесятерила их силы. В дни таких суровых испытаний, как суэцкий конфликт, арабы особенно отчетливо увидели, кто их друзья и кто враги.

Одна из характерных особенностей освободительного движения на Ближнем Востоке состоит в том, что оно развивается под лозунгами арабского единства. Эта идея родилась в борьбе против колонизаторов, за национальную независимость и сблизила арабские народы.

Как выражение солидарности в антиимпериалистической борьбе, как форма братского сотрудничества и взаимной выручки арабских государств их единство играет большую положительную роль в борьбе за независимость. Идея единства особенно понятна трудящимся массам, одинаково страдающим от капиталистической эксплуатации, от экономической и культурной отсталости. До тех пор пока лозунг единства сохраняет свой антиимпериалистический характер и не преследует цели возвышения одних арабских государств над другими, он встречает поддержку всех прогрессивных, демократических сил.

Однако эту популярную идею пытаются поставить себе на службу и реакционные течения в арабском мире. Крайне националистические группы стремятся истолковать лозунг единства как лозунг немедленного объединения всех арабских народов вокруг наиболее сильного арабского государства с тем, чтобы подчинить их всех одному правительству.

Между тем совершенно ясно, что государственное объединение — весьма сложное и деликатное дело, которое не терпит никакой спешки и нажима и может быть успешным только тогда, когда для него существуют необходимые объективные предпосылки. Не может быть прочным и полезным такое

объединение, при котором нарушается право наций на самоопределение, а тот или иной народ утрачивает хотя бы часть своих социальных завоеваний и политических свобод.

Перспективы развития национальных государств Востока

На другой же день после завоевания национальной независимости перед всеми молодыми государствами Востока возник вопрос о путях и перспективах их дальнейшего развития. Наиболее остро встала задача преодоления вопиющей отсталости народного хозяйства, унаследованной от колониальных времен, постепенного достижения экономической самостоятельности, без которой государству трудно устоять на ногах и в области политической.

Как говорилось выше, такие страны, как Индия, Индонезия, Бирма, ряд новых государств Африки и др., приступили к выполнению этих задач, оставаясь на почве капиталистических отношений. Это, однако, не означает, что они просто повторяют обычный путь капиталистического развития, пройденный, например, старыми государствами Европы.

Для такого повторения в нашу эпоху отсутствуют как внешние, так и внутренние условия. Известно, что в странах Запада капиталистическая индустриализация была проведена в значительной мере за счет эксплуатации колоний и других слабых государств. Такая возможность закрыта для национального капитала молодых государств Востока; он не только не в состоянии «осваивать» чужие рынки и источники сырья, но по сей день вынужден вести тяжелую борьбу за существование против старых империалистических хищников.

Нереальна и перспектива осуществления национальной реконструкции за счет сверхэксплуатации рабочего класса и разорения крестьянства, как это было в странах «классического» капитализма. Руководители национальной буржуазии сознают, что народные массы теперь, безусловно, не потерпят «классического» капиталистического пути с его муками первоначального накопления и жестокими страданиями трудовых слоев народа. Играют свою роль и такие факторы, как общая дискредитация капитализма в глазах народов и растущее воздействие примера и опыта стран социалистического лагеря.

С этим и связано то обстоятельство, что развернувшееся после завоевания независимости экономическое строительство в национальных государствах Востока, хотя и осталось в рамках капитализма, тем не менее отличается рядом своеобразных черт. Прежде всего для этих стран характерна активная роль государства в экономической жизни, в деле создания и расширения государственного сектора в народном хозяйстве. В Индии, например, основные отрасли тяжелой промышленности объявлены сферой преимущественной деятельности

государственных предприятий. В Египте также создается крупный государственный сектор в промышленности, на транспорте, в области энергетики и ирригации. Аналогичные тенденции наблюдаются в Индонезии и в некоторых других странах.

К государственно-капиталистическим мероприятиям следует отнести и попытки планирования, предпринимаемые во многих государствах Востока. В Индии, Египте, Индонезии приняты и осуществляются, например, четырех-, пятилетние планы экономического развития, производятся крупные государственные капиталовложения в народное хозяйство. Эти усилия государства внести в экономику плановое начало наталкиваются здесь на действие стихийных законов капитализма; кроме того, государственному контролю подчиняется лишь незначительная часть экономики. И все же составление планов хозяйственного развития способствует более целесообразному использованию национальных ресурсов в интересах быстрейшего преодоления былой колониальной отсталости.

Государственно-капиталистические формы экономической жизни, складывающиеся в молодых государствах Востока, нельзя смешивать с тем, что наблюдается ныне в развитых капиталистических странах Запада. Там преобладает *государственно-монополистический* капитализм, означающий реакционное всевластие монополий, полностью подчиняющих себе аппарат государства. Здесь, в странах Востока, государственный капитализм в его нынешнем виде не является орудием империалистических монополий; напротив, он вызван к жизни антиимпериалистическим движением и объективно направлен против экспансии этих монополий на Востоке.

К этому надо добавить, что государственный капитализм в молодых государствах Востока возникает при низком уровне экономического развития и рассчитан на то, чтобы скорее покончить с экономической отсталостью, облегчить переход от мелкого, полукустарного производства к крупному, современному.

Все это дает основание заключить, что государственный капитализм в странах Востока играет прогрессивную роль. Само распространение таких форм весьма знаменательно и служит новым симптомом банкротства капитализма. Даже руководящие круги национальной буржуазии вынуждены заявлять, что частное предпринимательство в современных условиях не способно обеспечить потребности независимого развития молодых государств. Об этом говорит уже тот факт, что в некоторых из этих государств, например в Индии, Бирме и др., построение «общества социалистического образца» объявлено официальной целью. Хотя этот «образец» весьма

далек от научных, марксистских представлений о социализме, налицо убедительное свидетельство растущей популярности социалистических идей и падения престижа капитализма на Востоке.

Разумеется, было бы неправильным преувеличивать прогрессивное значение государственно-капиталистических форм и полагать, что они автоматически и при всех условиях будут служить укреплению антиимпериалистических сил. Различные классы в молодых государствах Востока, поддерживающие эти новые формы как оружие против империалистов, добиваются в то же время своих классовых целей. Буржуазия заботится об устранении засилья иностранных монополий, которые лишали ее львиной доли доходов. Но больше всего она заинтересована в своих прибылях. При этом часть буржуазии готова пойти и на компромисс с иностранным капиталом, стать участницей «смешанных компаний» при условии «справедливого» распределения прибыли. Рабочий класс борется за улучшение своего положения, за создание сильной национальной промышленности как базы для развития страны по социалистическому пути. Крестьянство заинтересовано в получении земли и снабжении промышленными товарами и машинами по сходным ценам.

Надо иметь в виду, что государственный капитализм в экономически слаборазвитых странах обусловливает рост не только рабочего класса, но и национальной буржуазии. При дальнейшем развитии капитализма с присущей ему концентрацией производства государственный сектор может и здесь стать экономической опорой реакционного режима — в случае, если власть попадет в руки представителей крупнейших, по существу монополистических, национальных компаний. Тогда государственный капитализм может превратиться в государственно-монополистический капитализм и может быть поставлен на службу наиболее реакционным кругам буржуазии, которые постарались бы использовать силу государства в антинародных целях.

Однако явное нарастание такой перспективы развития в той или иной из освободившихся от империалистического гнета стран несомненно вызвало бы глубочайший кризис капитализма и небывалую тягу масс к социализму.

Вообще в создавшихся условиях ответственность прогрессивных, демократических сил за направление развития стран Востока чрезвычайно велика. Они имеют возможность парализовать влияние империалистических и реакционных элементов и противостоять непоследовательности и противоречивости политики национальной буржуазии.

Марксистские партии этих стран считают своей первоочередной и ближайшей задачей борьбу за укрепление завоеванной национальной независимости и неуклонное развитие

по миролюбивому, демократическому пути всюду, где этот путь не закрыт. Этот путь предполагает прежде всего проведение последовательно миролюбивой внешней политики, обеспечение демократических прав всем гражданам, проведение во всех областях общественной жизни широких и конструктивных реформ, облегчающих условия труда и жизни основных масс народов.

Примеров непоследовательности и противоречивости политики буржуазии в молодых государствах Востока можно наблюдать много. Так, стремление к созданию национальной экономики часто уживается с либеральным отношением к иностранному капиталу, продолжающему выкачивать крупные доходы из экономики освободившихся стран.

Медленно осуществляются назревшие перемены и в социально-политической области. В большинстве молодых государств отменены феодальные и кастовые привилегии, улучшено правовое положение женщины, проведены некоторые буржуазно-демократические реформы. Но наряду с этим все еще сохраняются существенные ограничения демократии, преследуются или вовсе запрещены коммунистические партии. Политическая активность трудящихся масс порой наталкивается на суровые репрессии.

Ни в чем, однако, непоследовательность национальной буржуазии не сказывается так ярко, как в аграрном вопросе. Здесь она больше всего идет на уступки феодально-помещичьим элементам, принося им в жертву интересы многомиллионного крестьянства, вынесшего главную тяжесть колониального гнета.

Ни темпы, ни условия аграрных реформ пока не обеспечивают быстрого решения проблемы наделения крестьян землей и повышения производительности сельского хозяйства. Земля передается крестьянам за выкуп, который в основном под силу лишь зажиточным хозяевам.

Помещики получают огромные компенсации за изымаемую у них землю, а значительные массы крестьянства продолжают жестоко страдать от безземелья и малоземелья, от нищеты, высоких налогов и кабалы ростовщиков. Феодальные пережитки в сельском хозяйстве все еще являются крупнейшим препятствием к созданию развитой национальной экономики. А национальная буржуазия, стоящая у власти, хотя и заинтересована в ломке феодальных отношений, боится посягательств на помещичью собственность. Она, как правило, предпочитает сохранять крупные земельные владения за помещиками, содействуя лишь их переходу на путь капиталистического предпринимательства. Ясно, что это — путь замедленного, мучительного для народа экономического развития, происходящего главным образом за счет интересов основных масс крестьянства.

Все это надо иметь в виду при оценке перспектив развития молодых государств Востока.

Вырвавшись из колониальной или полуколониальной зависимости, народы Востока сделали исторический скачок вперед. Но иностранный капитал сохранил многие из своих экономических позиций, действуя с которых он по сей день продолжает влиять на внутреннюю жизнь и внешнюю политику ряда стран Востока, поддерживая в них реакционные силы и тенденции. Пагубность этого влияния легко можно проследить на примере таких государств, как Пакистан, Таиланд, Филиппины, которые на другой день после освобождения оказались втянутыми в агрессивные блоки, созданные империалистами, и продолжают плыть в фарватере их колониальной политики.

5. Страны Латинской Америки в борьбе за подлинную независимость

Опыт стран Латинской Америки дает наглядное подтверждение той истины, что политическая независимость, которая не опирается на развитую национальную экономику, еще не обеспечивает народам избавления от империалистического гнета. Хотя два десятка государств, существующих в этой части мира, давно считаются независимыми, большинство из них фактически осталось в тяжелой зависимости от империалистов. Многим предстоит решать те же задачи, какие история поставила перед народами зависимых стран Азии и Африки.

Многолетнее господство иностранного, прежде всего североамериканского, капитала затормозило экономическое, культурное и политическое развитие латиноамериканских государств. Даже крупнейшие из них почти не имеют современной тяжелой промышленности и играют роль сырьевого придатка Соединенных Штатов. Хозяйство почти всех латиноамериканских стран носит монокультурный характер, поставляя североамериканским монополиям те или иные виды минерального либо сельскохозяйственного сырья (нефть, руда, шерсть, кофе, мясо, фрукты и т. д.). В силу этого их национальная экономика в огромной степени зависит от экспорта и импорта, от мировых цен на сырье и промышленные товары. Пользуясь этим, иностранный капитал оказывает постоянное давление на латиноамериканские страны, диктует им самые невыгодные условия обмена. США, как правило, закупают сырье по низким ценам и продают свои промышленные изделия по монопольно высоким ценам.

Ввиду такого положения Латинская Америка, словно магнит, притягивает североамериканские капиталы, ищущие

выгодного приложения. Только в период между 1929 и 1957 гг. капиталовложения США в этом районе выросли почти в 2,5 раза — с 3,5 до 8,4 млрд. долл., что составляет третью часть всех заграничных инвестиций США.

Исторические условия приобретения независимости многими странами Латинской Америки, в сочетании с засильем иностранного монополистического капитала, привели к застою и отсталости не только в экономической, но и в социально-политической области. У власти в большинстве латиноамериканских стран оказались представители реакционной помещичьей олигархии. Владельцы бесчисленных стад и огромных плантаций стремились лишь к обогащению и сохранению привилегий своего класса за счет национальных интересов. Они охотно шли на сговор с североамериканским капиталом, в котором видели оптового покупателя своих товаров. Исключительная дешевизна рабочих рук, сохранение в сельском хозяйстве феодальных и полуфеодальных отношений и даже полурабских форм труда (пеонаж) приносили громадные прибыли землевладельческой олигархии, несмотря на низкие цены на сельскохозяйственную продукцию, устанавливаемые монополиями Соединенных Штатов.

Национальная буржуазия в латиноамериканских странах долгое время была слаба и не могла даже мечтать о соперничестве с иностранным капиталом. В то же время крупная торговая буржуазия стремилась к сохранению существующего порядка вещей, при котором она наживалась на перепродаже товаров, импортируемых из США.

В этом причина того, что многие страны Латинской Америки стали заповедниками самой черной реакции и консерватизма. Во многих из них хозяйничали военные диктаторы, связанные с местной помещичьей олигархией и североамериканскими монополиями. При помощи США они свирепо подавляли всякие попытки трудящихся масс добиться улучшения своего положения.

В подавляющем большинстве стран Латинской Америки до сих пор не проведены элементарные аграрные реформы, и миллионы крестьян не имеют земли. Несмотря на республиканский строй и давние свободолюбивые традиции народов, здесь до недавнего времени не существовало буржуазно-демократических свобод; левые, прогрессивные партии были загнаны в глубокое подполье; многие представители интеллигенции, даже буржуазно-либерального толка, были вынуждены эмигрировать в другие страны.

После многих десятилетий формально независимого существования народы Латинской Америки оказались перед *новым этапом* национально-освободительной борьбы, который должен сделать латиноамериканские страны независимыми

не на бумаге, а на деле. По характеру задач, стоящих перед народами Латинской Америки, речь идет о развертывании *антиимпериалистической, демократической революции.*

События последних лет свидетельствуют о том, что этот новый этап национально-освободительной борьбы в Латинской Америке уже начался и успешно развивается, несмотря на контратаки реакции и открытое вмешательство Соединенных Штатов. Этому способствует прежде всего рост численности и организованности рабочего класса и повышение зрелости марксистских партий в Латинской Америке, порывающих с прежними сектантскими ошибками.

С 1940 по 1955 г. численность рабочего класса в Латинской Америке почти удвоилась, увеличившись с 6400 тыс. до 11 600 тыс. человек. Во многих странах он борется теперь уже не только за свои непосредственные экономические интересы, но и за общенациональные цели, за требования демократического характера, затрагивающие и другие слои населения. Примером может служить Аргентина, где коммунистическая партия в период президентских выборов 1958 г. выдвинула программу, поддержанную другими демократическими партиями и включавшую следующие пункты: уважение демократических и профсоюзных свобод; повышение заработной платы; уважение завоеваний рабочих; прекращение сгона крестьян-арендаторов с земли; защита национальных богатств и национальной промышленности от империализма. В авангарде широкого движения в защиту национальных богатств от расхищения монополиями США выступают рабочие Чили, Венесуэлы, Кубы, Бразилии, Уругвая и других стран.

Быстро происходит политическое пробуждение многомиллионных масс крестьянства, которое требует покончить с безземельем и феодальными отношениями в деревне. Крестьяне организуются в массовые союзы и федерации, иногда поднимаясь даже на вооруженную борьбу за передел земли, против засилья помещиков. Однако прочного союза между крестьянством и рабочим классом в Латинской Америке еще нет, что является одной из основных слабостей национально-освободительного движения. Преодоление ее — необходимая предпосылка новых серьезных успехов антиимпериалистической борьбы.

Произвол иностранных монополий побуждает и часть буржуазии латиноамериканских стран занять антиимпериалистическую позицию, хотя в целом она еще не преодолела своей зависимости от иностранного капитала и поддерживает тесные связи с крупным землевладением. Чем дальше, тем больше коренные экономические интересы национальной буржуазии приходят в столкновение с политикой монополистического капитала США. Агрессивный курс североамериканских милитаристов также усиливает антиимпериалистические

настроения национальной буржуазии, которая не хочет войны.

Таким образом, в Латинской Америке складываются отсутствовавшие раньше объективные условия к созданию национального демократического единства для борьбы против империализма. Это уже успело сказаться на политическом лице ряда латиноамериканских стран. В некоторых из них за последние два-три года были свергнуты диктаторские правительства, находившиеся в сговоре с североамериканскими монополиями, и к власти пришли буржуазно-либеральные круги, которые провозгласили свое намерение бороться против иностранного империализма и считаться с интересами народа. В ряде стран латиноамериканского континента — Чили, Перу, Боливии, Колумбии — произошла определенная демократизация режимов. Крупную победу одержал в 1958 г. народ Венесуэлы, где в результате национальной революции в течение одного дня был сметен диктаторский режим Хименеса, десять лет пользовавшийся поддержкой США. Начало 1959 г. было ознаменовано победой народной революции на Кубе, где была свергнута диктатура Батисты, пользовавшаяся полной поддержкой США в течение многих лет.

Об ослаблении позиций североамериканских монополий свидетельствует также национализация ряда важных отраслей промышленности в Мексике, Уругвае, Аргентине, усиление требований национализировать Панамский канал, начавшаяся изоляция антипатриотических элементов.

Разумеется, этот процесс протекает довольно медленно, противоречиво, с зигзагами и отступлениями. Реакционные круги при поддержке Соединенных Штатов пытаются дать бой национально-освободительному движению. Североамериканские монополии не останавливаются перед открытым вмешательством, как это было в Гватемале. Но в конечном итоге такие действия лишь еще больше восстанавливают народы Латинской Америки против империалистов.

Дальнейший подъем национально-освободительной борьбы в латиноамериканских странах будет зависеть главным образом от роста народного движения, от повышения политической сознательности и организованности трудящихся масс, от создания широкого антиимпериалистического национального фронта всех демократических сил, в котором видную роль призваны сыграть коммунистические партии.

6. Борьба за освобождение народов Африки

Африка наряду с островными колониальными владениями Англии, Соединенных Штатов, Франции, Португалии и некоторых других империалистических держав остается в наше

время последним крупным оплотом колониализма. Именно поэтому она и стала ареной острого столкновения двух противоположных тенденций — неудержимого стремления африканских народов к независимости и усилий империалистов любой ценой закрепиться в Африке, чтобы отсрочить окончательный развал колониальной системы.

Несмотря на эти усилия, национально-освободительная борьба принесла свои плоды и в этой части мира. После полутораста лет, в течение которых Африка была колониальным заповедником западноевропейского капитала, здесь появилось девять самостоятельных государств. Бремя колониализма сбросил почти весь север африканского континента (за исключением Алжира и мелких испанских владений). Добились независимости Судан, Гана, Гвинейская республика. К середине 1959 г. из сферы колониального господства выпала почти четвертая часть территории и 30% населения Африки.

Однако около 140 млн. африканцев все еще остаются на положении колониальных рабов. По сей день «черный континент» — это самый крупный в мире очаг прямой колониальной эксплуатации.

Особенностью национально-освободительного движения в Африке является не только немногочисленность и недостаточная организованность местного пролетариата, но и слабость национальной буржуазии. Это объясняется огромной экономической отсталостью большинства африканских стран и жестокой расовой дискриминацией. Колонизаторы ловко используют в своих интересах низкий уровень культурного и политического развития населения, которое во многих районах продолжает жить в условиях феодальных и даже родовых отношений. Целям укрепления чужеземного господства в Африке служит и так называемый «цветной барьер», т. е. целая система расовых ограничений, принижающих африканцев и обеспечивающих ряд привилегий белым поселенцам. Расовая дискриминация служит орудием разобщения жителей Африки и облегчает империалистам эксплуатацию масс.

Однако в последние десятилетия и здесь складывается новое соотношение сил, благоприятное для борьбы за свободу и независимость. Все большие массы африканцев переселяются в города, втягиваются в развивающуюся промышленность (преимущественно горнодобывающую и по переработке сельскохозяйственного сырья). Рабочие предприятий, шахт, транспорта первыми проходят школу классового и национального самосознания. В послевоенные годы появились профсоюзные, молодежные, женские и иные организации африканцев. Возникла местная интеллигенция, в среде которой особенно быстро зреют настроения протеста против дискриминации и расового угнетения. Миллионы крестьян, по большей части согнанных с освоенных ими земель и запертых в

неудобные для земледелия районы, также отказываются мириться с нынешним положением.

Издевательства, террор и всевозможные ограничения, введенные в большинстве колоний, привели к тому, что народы Африки питают глубокую ненависть к империалистам. Какие острые формы может принять сопротивление африканских народов хозяйничанью колонизаторов, показывает пример Кении, где английским военным силам пришлось в течение многих месяцев вести против восставших племен крупные операции, в ходе которых обе стороны понесли большие потери. Несмотря на жестокий полицейский террор, то одну, то другую африканскую колонию продолжают потрясать широкие народные волнения, о чем свидетельствуют кровавые события в Ньясаленде и в Бельгийском Конго в 1959 г. Первый политический конгресс африканских партий Бельгийского Конго потребовал создания в 1961 г. африканского правительства в этой стране. Африканские конгрессы потребовали предоставления независимости Ньясаленду и Северной Родезии и роспуска насильственно созданной Федерации Центральной Африки.

Напуганные подъемом национально-освободительного движения, колониальные державы пытаются маневрировать. Если прежде они всячески поддерживали туземную родовую и племенную знать, рассматривая ее как главную свою опору, то сейчас ставка делается на «приручение» местной, главным образом торговой, буржуазии. Империалисты надеются склонить эту буржуазию к сговору с ними и опереться на нее в борьбе против масс. С этой целью принимаются некоторые меры поощрения местной буржуазии, ей делаются незначительные финансовые и политические уступки. Свое хозяйничанье в колониях империалисты стремятся теперь прикрыть провозглашением конституций и предоставлением видимости самоуправления.

Однако все эти меры ни в чем существенном не меняют положения африканцев. Все выгоды самоуправления приходятся прежде всего на долю белого меньшинства и ничтожно малого числа представителей туземной буржуазии, нашедших общий язык с колонизаторами. К тому же в районах Африки с более или менее значительным белым населением (Южно-Африканский Союз, бельгийские и португальские владения) порядок колониального управления не только остается прежним, но и принимает все более террористические формы.

Неверие империалистов в прочность занимаемых ими позиций сказывается в появлении всевозможных проектов совместной эксплуатации африканских колоний. Так возник проект «Еврафрики» — план создания сверхтреста европейских держав по грабежу естественных богатств африканского континента и подавлению населяющих его народов. Но провозглашать подобные планы куда легче, чем их осуще-

ствлять. Соединенные Штаты, намеревающиеся занять место вытесняемых европейских держав, имеют свои планы; противоречия раздирают и лагерь давнишних эксплуататоров Африки.

Создавшиеся условия облегчают борьбу африканских народов, стремящихся к освобождению. На их стороне сочувствие мировых демократических сил. Они приобрели серьезную опору в лице молодых африканских государств, уже сбросивших колониальное иго. Первая в истории конференция этих государств, состоявшаяся в апреле 1958 г. в Аккре, торжественно заявила, что молодые государства Африки — это залог ее полного освобождения. «Мы провозглашаем наше единство и нашу солидарность с зависимыми народами Африки, а также нашу дружбу со всеми странами»,— говорится в декларации, принятой конференцией.

Внутри самих африканских колоний существуют большие возможности для создания широкого антиимпериалистического фронта. Расовая дискриминация, вопреки расчетам ее поборников, содействует сплочению различных социальных слоев угнетенных наций, способствует обострению национального чувства и возбуждает решимость бороться против угнетателей. Молодой африканский рабочий класс легко может найти союзников и друзей среди крестьянства, среди формирующейся национальной буржуазии и среди интеллигенции, с которыми у него куда больше общего, чем у европейских империалистов. В ряде районов Африки уже существуют такие широкие организации, как конгрессы африканского населения, проводящие успешные кампании гражданского неповиновения и бойкота колониальных властей. Несомненно, что продолжение угнетательской политики будет вести к преобладанию более активных форм борьбы, к подъему национально-освободительного движения на более высокую ступень.

Самым популярным лозунгом в современной Африке стало требование: «Независимость еще при жизни нашего поколения!» У африканских народов есть реальная возможность добиться претворения этого лозунга в жизнь. Под давлением национально-освободительного движения колонизаторы были вынуждены объявить о предоставлении в 1960 г. независимости Нигерии, Камеруну и Того. В 1960 г. по решению ООН должна быть провозглашена независимость бывшего Итальянского Сомали. Это приведет к тому, что от иностранного господства избавится уже более половины населения Африки. Нет сомнения, что дальнейшее освобождение африканского континента пойдет еще более высокими темпами, как бы этому ни сопротивлялись колонизаторы.

7. Антикоммунизм — орудие разложения и раскола национально-освободительного движения

В первых рядах национально-освободительного движения в течение многих лет идут коммунистические партии. Несмотря на террор колониальных властей и травлю со стороны местной буржуазно-феодальной реакции, коммунисты вносят громадный вклад в борьбу народов за свободу и независимость. Отстаивая национальные интересы, а также требования рабочих и крестьян, они проявляют несгибаемое мужество и приносят большие жертвы. Народы хорошо знают коммунистов как стойких борцов против империализма, социальной несправедливости и угнетения всякого рода.

Там, где народные массы поставили коммунистов у руководства государственными делами, как это произошло в Китайской Народной Республике, Корейской Народно-Демократической Республике и Демократической Республике Вьетнам, борьба за независимость, за всестороннее развитие национальной экономики и культуры, за улучшение условий труда и жизни миллионных масс населения увенчалась полным успехом.

В тех странах, где коммунисты участвуют в едином фронте национального освобождения, они активно и самоотверженно борются за общее дело, добиваются радикального решения общенациональных задач и удовлетворения насущных потребностей и запросов трудящихся масс. Они честно сотрудничают с другими патриотическими силами, проявляют лояльность по отношению к своим партнерам по антиимпериалистической борьбе и верность принятым на себя обязательствам. Без участия коммунистов теперь немыслим успех дела национального освобождения и возрождения ни в одной стране.

Тем большую опасность представляет для национально-освободительного движения антикоммунизм, который, если ему вовремя не дать отпора, способен внести разложение и раскол в ряды борцов против империализма.

Антикоммунизм разжигается прежде всего колонизаторами, изгнанными из колоний и не желающими примириться с их утратой. Агенты империализма всегда заняты поисками слабых мест в освободившихся странах. Они запугивают недальновидных политиков «коммунистической опасностью», чтобы отвлечь их внимание от борьбы против подлинной опасности — империализма; они сеют подозрения в рядах национального фронта, натравливают одни страны на другие и одни слои населения на другие. Таким путем империалисты пытаются расшатать внутреннее единство, особенно необходимое молодым государствам, нарушить их международную солидарность, а если удастся, то и столкнуть их лбами, в на-

дежде, что это вновь сделает их легкой добычей империалистических хищников. Примеры подобной вероломной тактики можно было не раз наблюдать на Ближнем Востоке и в Индо-Китае.

В пропаганде антикоммунизма колонизаторы опираются главным образом на свою старую агентуру из прежней буржуазно-феодальной верхушки. Но они ловко спекулируют также на заблуждениях некоторых националистических элементов, пришедших к власти в ряде молодых государств Востока. Будучи иногда не в силах правильно понять и оценить причины затруднений, которые время от времени возникают в этих государствах, националистические элементы сваливают вину на коммунистов, чем объективно помогают интригам империалистических держав.

Ограниченность идеологии национализма сказывается в этом особенно наглядно. В самом деле, буржуазный националист воспринимает как должное факт объединения всех патриотических сил наций в борьбе за независимость, против колонизаторов. Но узкий буржуазный националист никак не хочет считаться с тем, что единство патриотических сил не падает готовым с неба и что его нельзя рассматривать как нечто раз навсегда данное и неизменное. После изгнания колонизаторов, когда общенациональные задачи в основном решены, в обществе неизбежно начинаются поиски ответа на выдвигаемые жизнью социальные вопросы, возникают разные мнения о путях его развития. Встает, например, вопрос о проведении аграрной реформы, и тут оказывается, что у крестьян и у помещиков взгляды на этот счет расходятся. Выявляется и несходство взглядов рабочих и предпринимателей, которые недавно вместе сражались против империалистов. Это вполне естественно, ибо национализм не отменяет классовых различий, не устраняет противоречий классовых интересов.

В том и заключается государственная мудрость, чтобы, завоевав национальную независимость, найти правильные пути решения важнейших проблем социального прогресса, встающих перед каждой страной. Но некоторые буржуазные националисты не желают считаться с этим. Они настаивают, чтобы во имя национального единства рабочие пожертвовали своими требованиями сокращения рабочего времени и повышения заработка, чтобы крестьяне отказались от требования справедливого передела земли и т. д. А когда так не получается, когда социальные отношения начинают обостряться, националистические элементы подобного толка начинают искать козла отпущения. Они обвиняют коммунистов в ослаблении национального единства. Им начинают всюду мерещиться «коммунистические заговоры», хотя на самом деле речь идет об объективных процессах общественного разви-

тня, которые возникают не по воле и желанию тех или иных партнй, а потому, что существуют классы и нх различные интересы.

Нападкн на коммунистов могут радовать только врагов национальной независимости народов, ибо коммуннсты представляют собой самую активную, боевую силу в борьбе против империализма.

Касаясь этого вопроса в своем докладе на XXI съезде КПСС, Н. С. Хрущев говорил: «...Неправильно обвинять коммунистов в том, что они содействуют ослаблению или разъединению национальных усилнй в борьбе против империализма. Наоборот, нет людей более стойких и преданных делу борьбы против колонизаторов, чем коммунисты...

Борьба против коммуннстических н других прогрессивных партнй — это реакционное дело. Проведение антикоммуннстической политики не объединяет национальные силы, а разъедняет их, следовательно, ослабляет усилня всей нации в защите своих интересов от нмпериалнзма» [11].

Вся общественная практика последних лет подтверждает справедлнвость этого положения. Характерно, что мутная волна антнкоммунизма, гонений на марксистско-ленинские партии и их печать поднимается прежде всего в тех странах, где правящие круги готовятся пойти на сговор с империалистическими силами. Это, конечно, не случайно. Тот, кто на деле предан ндеалам национальной независнмости и свободы, кто не подумывает о компромиссе с империалистами за спиной у народа, кто серьезно хочет вслед за решением общенациональных задач работать над решением задач социального освобождения трудящихся масс,— тот не нмеет основания ненавидеть и бояться коммунистов.

8. Новые формы колониальной политики

Империалисты не хотят примириться с утратой колоний. Они нщут средств, способных спасти колониалнзм. Из этих поисков выросли многочисленные теории «неоколониализма», т. е. нового колонназлизма, который якобы свободен от всех пороков прошлого и гармонически примиряет интересы угнетенных и угнетателей. В действительности новый колониализм есть не что иное, как стремление достигнуть обычных империалистических целей путем косвенного контроля над странами, формально получившими независимость.

Сам по себе метод косвенного контроля не нов в колониальной практике. Новым является стремление сделать его главным орудием современного колониализма, ибо старые методы прямого насилия над народами настолько дискредитированы, что их не осмеливаются защищать даже все империалисты.

Прежде всего колонизаторы прилагают усилия к тому, чтобы расширить социальную базу своего господства и найти новые военно-политические, экономические и идеологические средства его закрепления. Как указывалось выше, традиционной социальной опорой империалистов были феодальные и компрадорские круги. Поскольку эти классы опираются на устаревшие экономические отношения, их позиции теперь резко ослабели. Кроме того, они (за небольшим исключением) непоправимо скомпрометированы в глазах народных масс. Продолжая поддерживать где только можно феодалов и компрадоров, империалисты занялись поэтому поисками других союзников, главным образом среди представителей правого крыла национальной буржуазии, наиболее далекого от интересов народа, а также среди некоторых групп интеллигенции и реакционного духовенства.

Для налаживания сговора с ними империалисты используют методы запугивания несуществующей «коммунистической угрозой», а также военно-политическое давление и определенные финансово-экономические приманки.

Старая, «классическая» колониальная политика исходила из стремления помешать, насколько это зависело от империалистов, созданию в колониях промышленности, за исключением добывающей. Вдохновители «неоколониализма» на словах выступают за индустриализацию. Под этим подразумевается, однако, лишь создание предприятий легкой и горнорудной промышленности, средств сообщения и связи, что не может существенно угрожать экономическим позициям иностранных монополий. В то же время стремления стран Азии, Африки и Латинской Америки осуществить подлинную индустриализацию по-прежнему встречают яростное сопротивление. Известны, например, многочисленные случаи отказа стран Запада поставлять в молодые государства промышленное оборудование, машины и станки. В крайнем случае империалисты идут на создание в этих странах своих предприятий, причем требуют свободы вывоза прибылей и всяческих гарантий против национализации. Создание государственного сектора в экономике бывших колониальных и зависимых стран вообще вызывает большое недовольство и сопротивление империалистических монополий.

Основной военно-политической формой нового колониализма стали агрессивные блоки вроде СЕАТО и бывшего Багдадского пакта, создаваемые на «смешанной» основе, т. е. с участием формально независимых государств и их вчерашних империалистических угнетателей. Сколоченные под флагом «антикоммунизма», эти блоки в действительности имеют целью открыть для военных сил империализма ворота бывших колониальных стран, установить политический и стратегический контроль над этими странами и использовать

их для борьбы с национально-освободительным движением.

Известному пересмотру подверглись за последние годы и идеологические основы колониальной политики. В современных условиях империалистам все чаще приходится отказываться от открытой проповеди расизма и обветшавших теорий «превосходства» белого человека. Подделываясь под общественные настроения, теперь даже самые заскорузлые империалисты не прочь порассуждать о единой человеческой семье и праве всех народов на самостоятельное существование. Но фактически под новыми вывесками преподносятся прежние цели колониального порабощения.

Разве не пронизана колонизаторским духом, например, теория «вакуума», выдвинутая еще в 1950 г. Даллесом? Смысл ее состоит в том, что после изгнания колонизаторов из угнетенных стран там образовался некий опасный «вакуум» — пустота, зияние,— заполнить который сами освобожденные народы не могут. Это надлежит сделать якобы западным державам, прежде всего Соединенным Штатам. Теория «вакуума» явно выражает расистское пренебрежение к разуму и творческим силам народов Востока и должна служить оправданием экспансии американского империализма. Не случайноиз теории «вакуума» выросла впоследствии «доктрина Даллеса — Эйзенхауэра», провозгласившая «право» Соединенных Штатов на вооруженное вмешательство в дела Арабского Востока.

К идеологическим «новинкам» следует отнести и различные теории «коллективного колониализма», под флагом которого в последние годы не раз выступали американские империалисты. Цель этой затеи — заменить господство отдельных западных держав в колониях совместной эксплуатацией ими колониальных стран при непременном и руководящем участии американского капитала. Разумеется, угнетенным народам это не сулит никакого облегчения их участи, так же как ограбленному человеку не становится легче, когда он узнает, что был жертвой не одного разбойника, а целой шайки.

Проводником нового колониализма и главной опорой его в мировом масштабе выступает в наши дни американский империализм. После второй мировой войны Соединенные Штаты заметно округлили империю доллара. Помимо фактического захвата части Китая — острова Тайвань и оккупации ряда принадлежащих Японии тихоокеанских островов американские монополии обосновались в Южном Вьетнаме и Южной Корее, приобрели серьезные экономические и стратегические позиции в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке.

Тем не менее до последнего времени американскому империализму удавалось щеголять в павлиньих перьях поборника «антиколониализма» и «освобождения» угнетенных на-

родов. Эта репутация была приобретена самым дешевым путем — посредством демагогической критики некоторых наиболее возмутительных действий европейских колониальных держав, а также посредством предложений экономической «помощи» слаборазвитым странам. Некоторые недальновидные люди не сразу поняли, что «антиколониализм» американских монополий напускной, что они отказываются выступать вместе с европейскими колонизаторами только тогда, когда желают им поражения в надежде занять их место. Что касается американской экономической «помощи», то ее назначение состоит в том, чтобы привязать принявшие ее страны к военной колеснице американского империализма. Достаточно сказать, что из 3,8 млрд. долл., ассигнованных США на «помощь» иностранным государствам в 1957 г., лишь 350 млн., т. е. менее 10%, составляли средства, предназначенные на цели экономического развития. Не удивительно, что многие страны Азии и Африки, несмотря на нужду в капиталах, не раз отклоняли предложения помощи, исходившие от США.

Народы все отчетливее видят, что Соединенные Штаты стали в современном мире главным столпом колониальной системы, без которого эта система рухнула бы гораздо быстрее.

9. Мировая социалистическая система — опора народов в борьбе против колониализма

Успехи национально-освободительного движения на Востоке неотделимы от существования социалистических государств и их непримиримой позиции в отношении колониализма. В этом проявляется глубокая объективная связь и общность антиимпериалистических интересов угнетенных народов и народов социалистической системы.

Последовательно выступая против колониализма, социалистические страны не преследуют никаких корыстных целей. В противоположность США они не стремятся занять место изгоняемых колонизаторов, не добиваются «сфер влияния». Социалистическая экономика несовместима с эксплуатацией и угнетением. Она не нуждается в экспорте капитала, ибо задача непрерывного повышения благосостояния трудящихся требует постоянного и все возрастающего потока капиталовложений внутри страны. Социалистические государства заинтересованы в расширении международного торгового обмена и экономического сотрудничества, но они не добиваются рынков для сбыта излишков товаров: социалистическая экономика не знает кризисов перепроизводства.

Выступая в поддержку национальных устремлений колониальных народов, Советский Союз, Китайская Народная

Республика и страны народной демократии руководствуются принципами социалистической идеологии. А она непримиримо враждебна всякому угнетению и отстаивает равноправие и дружбу народов. Выступая против колониализма, социалистические страны тем самым борются и за уменьшение военной опасности. Ведь попытки спасти или восстановить колониализм были за последние 10—12 лет источником множества так называемых «локальных» (местных) войн. Колониальные аппетиты империализма и поныне являются одной из причин международной напряженности.

Послевоенные годы убедительно продемонстрировали роль социалистических государств как мощного фактора сдерживания агрессивности империалистов, которые в иных условиях обрушились бы всеми силами на национально-освободительное движение и задушили его.

Значение социалистических государств как антиколониального фактора постоянно возрастает. Во-первых, принципиально твердая внешняя политика стран социализма играет все более непосредственную и решающую роль в срыве колонизаторских планов империалистов. Социалистические страны внесли, например, важнейший вклад в дело победы египетского народа над империалистическими агрессорами, они сорвали нападение колонизаторов на Сирию, а затем — на молодую Иракскую республику. Во-вторых, социалистический лагерь становится опорой молодых национальных государств Востока в их борьбе за экономическую самостоятельность.

Значение экономического сотрудничества социалистических государств со странами Востока

Социалистические государства обладают реальными возможностями для оказания странам Азии, Африки и Латинской Америки помощи в создании ими самостоятельной национальной экономики. Лагерь социализма охотно и во все возрастающих размерах снабжает государства Востока промышленным оборудованием.

Советский Союз ныне занимает первое место в мире по поставкам комплектного оборудования для их предприятий. Это делает вполне реальной перспективу завоевания молодыми государствами Востока экономической самостоятельности. «Теперь им не нужно,— говорил Н. С. Хрущев на XX съезде КПСС,— идти за современным оборудованием на поклон к своим бывшим угнетателям. Такое оборудование они могут получить в странах социализма, не расплачиваясь за это никакими обязательствами политического или военного характера» [12].

Яркий пример помощи освободившимся странам в проведении индустриализации дают отношения Советского Союза и Индии. Советские проектные и строительные организации

руководят строительством металлургического завода в Бхилаи, который уже дал первый чугун, и поставляют для него новейшее комплектное оборудование. В отличие от иностранных фирм Советский Союз не оговаривает себе никакой доли участия в капитале, прибылях и в управлении завода. Ставки советского кредита почти в 3 раза меньше тех, которые платит Индия по займу, предоставленному группой английских банков для сооружения сталелитейного завода в Дургапуре.

Социалистические государства охотно делятся и своим опытом экономического строительства, помогают формированию на Востоке национальных технических кадров.

Экономическое сотрудничество между социалистическими и молодыми национальными государствами характеризуется принципиально новыми чертами. Это сотрудничество подлинно равноправных партнеров. Оно не налагает на них никаких военных или политических обязательств, экономических оков или унизительных ограничений.

Возможность опереться на социалистический лагерь укрепляет позиции стран Азии и Африки в их отношениях с Западом. Империалисты лишились монополии в области предоставления займов, экспорта оборудования и технических знаний и поэтому вынуждены идти на уступки, которых они никогда не делали в прошлом.

Бескорыстный, дружественный характер сотрудничества социалистических государств с бывшими колониальными и зависимыми странами является основой быстрого расширения экономических связей между ними. За последние 6—7 лет товарооборот Советского Союза со странами Азии и Африки увеличился почти в 4,5 раза!

Идея тесного сотрудничества между социалистическими и молодыми национальными государствами все шире пробивает себе дорогу. Ее популярность растет и в тех странах, где засилье империалистов пока что препятствует проведению самостоятельной политики.

ГЛАВА 17

БОРЬБА НАРОДОВ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЗА СОХРАНЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА

Суверенитет — это полная независимость государства в решении всех вопросов, касающихся его внутренней жизни и внешних отношений. Суверенным называют, следовательно, государство, самостоятельно осуществляющее на своей территории верховную власть, свобода действий которой не может быть ограничена никем со стороны. Суверенитет служит как бы крепостным валом, под защитой которого отдельные народы имеют возможность строить свою государственность, развивать экономику и культуру, вступать в равноправные и добровольные отношения с другими народами.

1. Обострение проблемы суверенитета в эпоху империализма

Принцип суверенитета формально давно признан буржуазным правом. Это, однако, никогда не удерживало правящие классы капиталистических государств от посягательств на независимость других народов. Вся вековая история колониализма есть одновременно история систематического и грубого нарушения колониальными державами национального суверенитета других народов.

Уже в эпоху домонополистического капитализма реакционная буржуазия доказала на тысячах примеров свое пренебрежение к принципу суверенитета. С вступлением в эпоху империализма правящие круги капиталистических стран стали еще меньше считаться с этим принципом.

Монополистический капитал агрессивных империалистических держав уже не ограничивает свои аппетиты ликвидацией суверенитета отсталых и экономически слаборазвитых стран. Он покушается и на независимость экономически развитых, давно сложившихся суверенных буржуазных государств. Если первая мировая война велась в основном за передел колоний, то в годы второй мировой войны герман-

ский империализм ставил своей целью уже не только захват колоний, но и установление господства над европейскими *метрополиями,* задачу закабаления всей Европы.

После второй мировой войны с претензией на мировое господство выступил монополистический капитал Соединенных Штатов Америки. Американские империалисты рассчитывают увеличить сферу влияния монополий Уолл-стрита, превратить территории других капиталистических стран в свой плацдарм, а их народы — в свой резерв пушечного мяса. Реакционные круги США добиваются поэтому ограничения в свою пользу суверенитета независимых капиталистических государств, мешающего их экономической экспансии и превращению этих государств в орудие американской политики.

Этот курс американского экспансионизма порождает на международной арене различные, зачастую противоречивые тенденции.

Национальные государства Азии и Африки, недавно завоевавшие политическую независимость, в большинстве твердо отстаивают свой суверенитет. Они стараются держаться подальше от сколачиваемых Соединенными Штатами военных группировок, отказываются предоставлять свою территорию под их военные базы, не принимают американской экономической помощи, которая всегда связана с политическими условиями и направлена на включение получающего такую помощь государства в орбиту американской политики. Но в то же время многие старые капиталистические государства, которые веками вели независимое существование, шаг за шагом переуступают свои суверенные права и полномочия Соединенным Штатам Америки и разного рода «наднациональным» империалистическим объединениям.

Почему правящие круги ряда капиталистических стран идут по сути дела на национальное предательство, соглашаясь урезать свой государственный суверенитет? На этот путь их толкают узкоклассовые, эгоистические интересы, лежащие в основе их реакционной внутренней и внешней политики.

Во-первых, союз с американским империализмом обеспечивает капиталистическим монополиям этих стран извлечение огромных прибылей из военной промышленности, из всех отраслей производства стратегических материалов. Ведь краеугольным камнем этого союза является максимальное развертывание гонки вооружений и милитаризация экономики каждого государства, участвующего в Атлантическом блоке или в других агрессивных блоках совместно с американскими империалистами. А именно крупные и постоянные военные заказы государства в соединении с милитаризацией экономики страны являются *главной* золотоносной жилой для современного государственно-монополистического капитализма.

Во-вторых, в агрессивные блоки американского империализма втягивают Англию, Францию и ряд других стран империалистические стремления реакционных кругов их крупной буржуазии. Эти круги обеспокоены развитием демократического движения после второй мировой войны, растущей популярностью идей социализма, усилением тяги к единству действий рабочего класса. Реакционные круги Англии, Франции и некоторых других государств, подобно империалистам США, не хотят примириться с установлением в ряде стран Европы и Азии народно-демократического строя; они мечтают о реставрации капитализма в этих странах, чтобы снова превратить их в своих сателлитов. Они также хотели бы любой ценой остановить дальнейший распад колониальной системы, вернуть себе в странах, освободившихся от колониального гнета, прежние позиции. Поскольку реакционная буржуазия в прошлом могущественных, но ныне заметно ослабевших государств уже не надеется собственными силами задушить демократическое движение внутри страны и осуществить свои агрессивные замыслы вовне, она ищет и находит себе опекунов в лице монополистов Соединенных Штатов.

В этом империалистическом союзе европейские капиталисты надеются почерпнуть силы, необходимые для защиты их классовых интересов. В уплату за такую услугу они готовы поступиться государственным суверенитетом своих стран. При этом они закрывают глаза на то, что возглавляемые Соединенными Штатами Америки военные блоки в конечном счете служат орудием экспансионистской политики американского империализма, проводимой за счет других его партнеров.

В результате подобной антинациональной политики в капиталистическом мире сложилась своеобразная система господства и подчинения. Буржуазные государства, попавшие в подчинение к Соединенным Штатам, в то же время выступают в роли верховодов по отношению к третьим странам; сами лишившись значительной части своей политической независимости, они вместе или поодиночке продолжают нарушать суверенитет других государств.

Характерный образец такой двойственной роли дает Англия. Как известно, она отказалась в пользу Соединенных Штатов от многих своих суверенных прав: английская земля отводится под американские авиационные и ракетные базы, командование которых практически свободно от контроля английского правительства. В английском воздушном пространстве летают американские атомные бомбардировщики, экипажи которых не подчиняются английским властям. В то же время Англия сама систематически нарушает суверенитет ближневосточных стран.

Можно сказать, что политика, продиктованная интересами монополистической буржуазии, завела некоторые западноевропейские государства в заколдованный круг. Если бы правящие круги Англии, Франции, Италии и других стран хотели отстаивать национальные, а не империалистические интересы, они могли бы проводить самостоятельную политику, не залезая в кабалу к Соединенным Штатам. Для такой политики у них хватило бы сил и средств, и им не потребовалось бы искать поддержки за океаном и закладывать свою независимость в американском политическом ломбарде. Но так как у них на первом месте стоят империалистические цели, для достижения которых наличных сил и ресурсов не хватает, то им приходится обращаться за американской помощью, хотя они знают, какой дорогой ценой за нее приходится расплачиваться.

Таким образом, над независимостью развитых капиталистических стран нависла двоякая опасность: угроза изнутри — от «отечественной» реакционной буржуазии, для которой узкоклассовые интересы превыше всего, и угроза извне, исходящая в первую очередь от финансовой олигархии Соединенных Штатов.

Подчиняя себе другие капиталистические страны, Соединенные Штаты Америки опираются на свою возросшую экономическую и военную мощь. Непосредственно после окончания войны США производили около 60% промышленной продукции всего капиталистического мира. Поиски надежных рынков для сбыта «излишков» промышленной и сельскохозяйственной продукции, погоня за новыми источниками дешевого сырья и выгодными сферами приложения капитала — вот экономические мотивы, лежащие в основе империалистической экспансии американских монополий. В подчинении себе других государств они видят самый верный путь к новому неслыханному обогащению. Расчет тут чрезвычайно простой: чем сильнее будет зависеть то или иное государство от США, тем легче будет американским монополистам эксплуатировать его экономику, внедряться в его народное хозяйство, получать дополнительные барыши.

Следует, далее, учитывать соображения политического и военного характера. Финансовая олигархия Соединенных Штатов рассматривает свою экспансию в капиталистические страны Европы и других континентов как составную часть общего плана борьбы против стран социализма, за свое мировое господство. Не случайно наступление США на суверенитет других капиталистических стран сопровождается стремлением превратить почти всю Западную Европу и ряд восточных стран в американские военные плацдармы.

Наконец, американские монополии преследуют цель прямого воздействия на внутреннюю политику иностранных

государств; утвердив свое господство над более слабыми капиталистическими государствами, Соединенные Штаты получают возможность вмешиваться в их внутренние дела, насаждая в них реакцию и требуя расправы с демократическими силами.

Формы и методы наступления на суверенитет

Среди различных методов, используемых американским империализмом, главное место занимает метод установления политического и военно-стратегического контроля над другими капиталистическими странами. Орудием такого контроля и постоянной угрозой независимости этих стран стало размещение в их пределах американских военных баз.

Создание в мирное время системы иностранных баз на территории крупных независимых капиталистических государств — явление новое в международных отношениях. Это своеобразная форма аннексии. Она сводит на нет суверенные права государств, прежде всего непосредственно в районе размещения баз. Кроме того, государство, предоставившее иностранной державе воздушные базы, теряет суверенитет над значительной частью своего воздушного пространства, а предоставившее морские базы — над частью своих территориальных вод. Характерно, что во время ближневосточного кризиса в 1958 г. американское командование бесцеремонно использовало базы в Западной Германии и Италии для организации переброски своих войск в Ливан. Согласия этих стран фактически даже не спрашивали. Иностранные военные базы вообще серьезно ограничивают свободу действий государства, на земле которого они расположены, поскольку над ним постоянно висит угроза военного вмешательства и оно легко может стать объектом «политики силы».

Надо, наконец, иметь в виду и ту опасность, что, в случае если империалисты развяжут войну, государства, приютившие на своей земле иностранные военные базы, рискуют первыми навлечь на себя ответные удары. Следовательно, западноевропейские правительства, взявшие на себя роль оруженосцев американского империализма, могут ввергнуть свои страны в военную катастрофу в интересах заокеанских монополий.

Безраздельный контроль над своими вооруженными силами всегда был важнейшим признаком суверенного государства. Существование Североатлантического блока (НАТО) привело к тому, что основные вопросы военной политики западноевропейских стран решаются на заседаниях руководящих органов НАТО, где задают тон американские представители. Вопросы вооружения, обучения и дислокации войск фактически перешли из ведения национальных правительств в чужие руки.

Весьма интенсивно развертывается наступление монополий США на суверенитет других капиталистических стран и в экономической области. Формы этого наступления очень разнообразны: предоставление другим странам субсидий, долгосрочных и краткосрочных кредитов, займов и т. д. Американские займы и кредиты предоставлялись и предоставляются на определенных условиях военного, политического или экономического характера, имеющих целью покрепче привязать государства-получатели к военной колеснице американского империализма. Так, в обмен на предоставление Англии в 1946 г. займа в размере 3,7 млрд. долл. Соединенные Штаты добились от нее ослабления системы имперских преференций, т. е. отказа от ряда преимуществ, которыми Англия пользуется в торговле со странами Британской империи, уступок в так называемой «стерлинговой зоне», а вскоре после этого и создания американских военных баз на Британских островах.

Экспорт капитала американскими монополиями, ведущий к захвату ими большого числа предприятий и даже целых отраслей промышленности в чужих странах,— другое важное орудие подрыва суверенитета этих стран. В первые послевоенные годы США по существу выступали в качестве единственного экспортера капитала на мировом рынке. За первое послевоенное пятилетие американские заграничные инвестиции увеличились вдвое, а к 1955 г. достигли 45 млрд. долл. Хотя впоследствии конкуренция в области вывоза капиталов возобновилась, американские монополии все же успели создать сильные опорные пункты в крупнейших капиталистических странах. В Англии действует около 800 американских компаний и их филиалов, занимающих значительное место в ее промышленном производстве. В Западной Германии насчитывается более 500 компаний и фирм, находящихся под американским контролем. Велик удельный вес американских компаний во Франции.

Так проявляется и в экономической области одна из основных тенденций в современном капиталистическом мире — тенденция американских монополий к лишению независимых капиталистических стран их финансово-хозяйственной самостоятельности. Наряду с этим действует и тенденция к «объединению» монополистов, к образованию международных монополистических союзов, также ущемляющих государственный суверенитет отдельных стран. Стремление к такому объединению заложено в самой природе монополистического капитала, которому тесно в рамках одного государства.

Образование межнациональных капиталистических союзов неизменно заканчивается установлением господства наиболее могущественного партнера над другими партнерами по союзу. Следовательно, создание таких союзов ведет к

потере суверенитета более слабыми капиталистическими государствами или к его ограничению.

После второй мировой войны тенденции к концентрации мощи монополий особенно сильно проявились в Западной Европе. Здесь, как уже говорилось выше, появились крупные объединения монополистов: Европейское объединение угля и стали, Европейское объединение стран «общего рынка» и Европейское атомное объединение (Евратом). Во всех этих случаях речь идет о соглашениях монополий относительно раздела рынков, регулирования цен, установления таможенных тарифов и т. д. Империалисты всячески рекламируют «наднациональность» этих организаций, но в действительности их «наднациональный» характер проявляется в том, что входящие в них страны утратили самостоятельность в определении важных сторон своей экономической политики. Многие функции национальных правительств перешли к органам, фактически контролируемым наиболее сильным участником союза. В качестве такой преобладающей силы в капиталистической Европе все более выдвигается Западная Германия, выступившая после войны в роли главного приказчика американского монополистического капитала.

Таким образом, военная и экономическая экспансия американского империализма несет угрозу суверенитету и самостоятельности ряда капиталистических стран. Возникает система сателлитов, в той или иной степени зависящих от ведущей империалистической державы — Соединенных Штатов Америки.

2. Не патриотизм, а космополитизм — идеология империалистической буржуазии

Выше говорилось о мотивах, которыми руководствуются реакционные силы, подрывающие суверенитет и независимость государств. Разумеется, эти мотивы держатся в тайне, ибо они не таковы, чтобы их можно было открыто изложить народам. Наоборот, подлинные цели наступления на суверенитет тщательно маскируются, для чего используются различные идеологические средства, видное место среди которых занимает пропаганда космополитизма. Речь идет, конечно, не о старом, имевшем хождение в 19 веке понятии космополитизма, когда под ним нередко подразумевался широкий, свободный от национальной ограниченности взгляд на мир. Здесь имеется в виду поощряемая империалистами идеология, проповедующая мнимую «устарелость» принципа суверенитета, «закономерность» ограничения государственной независимости, безразличие к национальным традициям, пренебрежение национальной культурой; идеология, утвер-

ждающая, будто в современных условиях понятие родины лишено какого-либо значения.

Для финансовой олигархии США космополитизм оказался наиболее подходящим прикрытием ее борьбы за мировое господство, за ликвидацию независимости других государств. Для западноевропейских монополистов он стал удобным оправданием их отступничества от национальных интересов, их сделок с финансовым капиталом США за счет своих народов.

Современный космополитизм проявляется по-разному. Им проникнута, например, пропаганда, превозносящая существующие европейские межмонополистические соглашения и призывающая к заключению других подобных соглашений. Союзы монополистов преподносятся как воплощение идей «единства европейских народов», как путь к преодолению «национальной ограниченности». Не удивительно, что подобная пропаганда открыто поддерживается и финансируется крупными монополиями.

Существуют, однако, более скрытые и изощренные формы пропаганды космополитизма. Они, как правило, маскируются общегуманными, демократическими и даже «социалистическими» идеями.

Излюбленным тезисом идеологов космополитизма, особенно из числа правых социалистов, является утверждение, будто принцип суверенитета стал тормозом развития производительных сил в современном мире.

Но как можно обеспечить благоприятные условия для развития производительных сил на широкой межгосударственной основе? Безусловно, не путем ущемления суверенных прав и интересов тех или иных государств, а путем согласования этих интересов в ходе равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Важную роль могло бы тут сыграть всемерное расширение международной торговли. Большое значение имеет также развитие сотрудничества в области науки и техники (обмен специалистами и научно-технической информацией, осуществление совместных производственных проектов и т. д.).

Конечно, все это еще не обеспечивает полного и свободного развития производительных сил в международном масштабе. Для него требуется ряд коренных мер межгосударственного характера: согласование хозяйственных планов, кооперирование промышленности различных стран, координация подготовки кадров и т. д. Но добиться осуществления подобных мер можно только в условиях плановой системы хозяйства, свободной от анархии производства и конкурентной борьбы, в условиях системы, основанной на полном доверии различных народов и государств друг к другу. Такой системой является социализм.

Враги марксизма утверждают, будто отстаивая принципы независимости и суверенитета государств, коммунисты идут

против тенденций общественного развития и желают сохранить раздробленность государств и разобщенность наций на международной арене. Но аналогичным вымыслам в свое время дал отпор еще В. И. Ленин, который писал: «Мы требуем свободы самоопределения, *т. е.* независимости, *т. е.* свободы отделения угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств, а наоборот потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния, наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, *немыслимой* без свободы отделения»[1].

Другой часто выдвигаемый аргумент гласит, будто ликвидация или ограничение суверенитета открывает путь к экономическому процветанию и повышению уровня жизни народов. Отказ от «национальной ограниченности» ведет, дескать, к установлению более тесной хозяйственной связи между странами, к объединению их ресурсов и расширению рынка сбыта. А это должно благоприятно отразиться на экономическом положении каждой из них.

Все это было бы так, если бы отказ от суверенитета действительно решал хотя бы часть этих проблем. Но фактически ничего подобного не происходит. В условиях капитализма вместо объединения ресурсов равноправных стран дело ограничивается сделкой между монополиями. Общий рынок становится ареной явной или тайной конкуренции, в которой побеждает сильнейший. В результате взаимоотношения между странами превращаются в бесконечную цепь столкновений, споров, открытых и закулисных конфликтов. Дело неизбежно заканчивается ущемлением экономических прав более слабых стран, ухудшением положения их национальной экономики, усилением эксплуатации их экономических ресурсов.

Помимо аргументов экономического характера в арсенале сторонников космополитизма есть еще различные тезисы, касающиеся политической области. Говорят, например, что отказ от суверенитета необходим для защиты демократии, для устранения опасности войн и укрепления мира. Капиталистические страны якобы должны пожертвовать своим суверенитетом в пользу Соединенных Штатов, чтобы совместно защищать демократию от «угрозы коммунизма».

В этом тезисе все ложно от начала и до конца. Во-первых, демократии в западных странах угрожает не коммунизм, а наступление монополий, насаждающих реакцию по всем линиям *. Во-вторых, отказ от суверенитета в пользу Соединенных Штатов как раз и подвергает величайшей угрозе западноевропейскую демократию. Она оказывается под двойным прессом — «своих» и заокеанских монополий. Об этом говорят

* Подробнее об этом см. в главе 18.

такие факты, как введение в ряде стран антирабочего законодательства по американскому образцу, заимствование американских методов «проверки лояльности» и т. д.

Что касается угрозы войны, то и ее нельзя устранить с помощью похода против суверенитета. Войны в нашу эпоху порождаются не приверженностью к государственной независимости, как утверждают идеологи буржуазного космополитизма, а социально-экономическими причинами, связанными с хищнической природой монополистического капитала. К тому же, как было отмечено выше, одной из важнейших причин наступления монополий США на суверенитет независимых капиталистических стран именно и является стремление превратить эти страны в свой стратегический плацдарм.

Наконец, пропагандисты космополитизма утверждают, будто принцип суверенитета устарел, так как он препятствует развитию общечеловеческой культуры и задерживает слияние народов в одну семью. Однако общечеловеческая культура в современных условиях складывается из культурных достижений отдельных наций, а не помимо их. Литература, искусство, музыка пышно расцветают на национальной почве, но хиреют, когда не имеют корней в народе. Великие творения искусства, которые приобрели общечеловеческое значение, были выражением национального гения. И наоборот, искусство, которое порывает с родной почвой, оказывается неспособным создать великие произведения.

Таким образом, борьба за суверенитет, за государственную независимость, против космополитизма есть одновременно борьба за подлинное развитие и расцвет культуры.

3. Защита суверенитета соответствует кровным интересам всех здоровых сил нации

В капиталистических странах, на независимость которых покушаются американские монополии, создаются объективные предпосылки для объединения самых широких слоев населения в защиту национальной независимости и мира.

Борьба за государственный суверенитет — одна из форм общедемократического движения. Как показывает опыт, она может быть наиболее успешной в том случае, если ее возглавляют рабочий класс и его революционная партия.

Рабочий класс — страж независимости народов

Рабочее движение всегда выступало за право наций на независимое существование и боролось против всяких форм национального угнетения.

Марксизм-ленинизм исходит из того, что уважение к правам других наций, уважение к их суверенитету есть предпосылка нормальных отношений между наро-

дами. Ф. Энгельс писал в 1888 г.: «Чтобы обеспечить международный мир, надлежит прежде всего устранить все, какие только возможно, национальные трения, каждый народ должен быть независимым и хозяином в собственной стране»[2].

В предисловии ко второму польскому изданию «Коммунистического манифеста», написанном в 1892 г., Энгельс снова подчеркивал, что «искреннее международное сотрудничество европейских народов возможно только при том условии, если каждый из этих народов является полным хозяином в своем собственном доме»[3].

На точке зрения последовательной и решительной защиты принципа независимости и равноправия наций всегда стоял В. И. Ленин. Наиболее полное выражение этого принципа марксистско-ленинская наука видит в праве народов на самоопределение. В. И. Ленин писал, что «победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию, а, следовательно, не только провести полное равноправие наций, но и осуществить право на самоопределение угнетенных наций, т. е. право на свободное политическое отделение»[4].

В том, что пролетариат отстаивает свободу наций, их независимость и национальную самобытность, проявляется патриотизм рабочего класса, представляющий собой прямую противоположность как шовинистической, так и космополитической идеологии буржуазии. Патриотизм рабочего класса проистекает прежде всего из чувства гордости за тот вклад, который данный народ, данная нация внесли в борьбу угнетенных и эксплуатируемых масс за свое освобождение от эксплуатации и угнетения. Поэтому патриотизм рабочего класса глубоко прогрессивен и революционен.

Рабочим не безразлична судьба отечества

Пропагандисты реакционной буржуазии стремятся представить класс капиталистов носителем патриотических чувств. Они хотят замазать тот факт, что патриотизм буржуазии всегда подчинен ее корыстным узкоклассовым интересам, и бросить тень на патриотизм рабочего класса и коммунистов. Буржуазные пропагандисты иногда ссылаются при этом на то место «Манифеста Коммунистической партии», где сказано, что «рабочие не имеют отечества». Между тем совершенно очевидно, что речь здесь идет не об отрицании отечества, а лишь о том, что в обществе, где у власти стоят капиталисты, отечество фактически узурпировано эксплуататорами и является для рабочих не добрым отцом, а злым отчимом. Свергая господство эксплуататорских классов, рабочий класс создает условия для наиболее полного проявления своего патриотизма, истинным носителем которого в современную эпоху является он сам.

В то же время известно, что Маркс и Энгельс всегда поддерживали борьбу рабочих в защиту независимости своей

страны от угрозы чужеземного порабощения. И никогда они не утверждали, будто в условиях капиталистического строя рабочему классу судьба его отечества безразлична.

Развивая марксистскую точку зрения на отечество, Ленин в 1908 г. писал: «Отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата... Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны» [5].

Именно в связи с отношением рабочего класса к отечеству сделано известное ленинское замечание, направленное против догматического подхода к марксизму: «Весь дух марксизма,— писал В. И. Ленин,— вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [6].

В применении к патриотизму это означает, что пролетариат не удовлетворяется абстрактной постановкой вопроса о защите отечества. В какой исторической ситуации, какой класс и в каких целях провозглашает лозунг защиты отечества — вот что в первую очередь его интересует. Одно дело — обстановка империалистической войны, когда этот лозунг используется господствующей буржуазией для одурачивания масс, для прикрытия подлинных мотивов, которыми руководствуются империалистические хищники. Другое дело — обстановка, когда создается угроза национальной независимости и свободе страны, когда нарастает национально-освободительное движение. В этих условиях рабочий класс первым встает на защиту свободы своей страны, ее суверенитета и независимости. Для него лозунг защиты отечества в этих условиях — не пустой звук, а жизненная задача, на решение которой его призывают как ближайшие, так и коренные классовые интересы.

В современную эпоху, в новой обстановке, патриотизм рабочего класса, неотделимый от пролетарского интернационализма, стал особенно активной и мощной силой. В годы гитлеровской оккупации и смертельной угрозы цивилизации со стороны фашистских варваров именно рабочие в оккупированных немцами странах делом доказывали свою преданность отечеству и веру в его будущее. В то время как патентованные «патриоты» из среды реакционной буржуазии сотрудничали с фашистскими захватчиками, коммунисты боролись в первых рядах движения Сопротивления, составляя самое боевое и самоотверженное его ядро. Известно, что, например, Французская коммунистическая партия потеряла в битвах за свободу отечества 75 тыс. своих членов.

Невиданный героизм в труде и при защите своего отечества проявили народы Советского Союза, Китая, Кореи, Вьетнама, всех социалистических государств. Сама жизнь показала, что социалистическое государство является для масс такой школой патриотизма, какой никогда не было и не могло быть ни одно буржуазное государство.

Идеологи буржуазии утверждают, будто, борясь против космополитизма, марксисты отрекаются от интернационального характера своего учения и превращаются в националистов. Но авторы подобных фальсификаций совершают двойной подлог: во-первых, они ставят знак равенства между космополитизмом буржуазии и интернационализмом рабочего класса; во-вторых, они приписывают марксистам националистические взгляды, которые характерны как раз для буржуазной идеологии.

Интернационализм рабочего класса — это, как уже говорилось, выражение единства интересов рабочих всех стран в их борьбе против общего врага — капитализма, единства их цели, заключающейся в ликвидации эксплуатации человека человеком, единства их идеологии — идеологии дружбы и братства народов.

В этом смысле все рабочие — члены одной «нации» — всемирной армии людей труда, которых давит и эксплуатирует во всех буржуазных странах одна и та же сила — капитал. Однако это отнюдь не означает, что, будучи членом единой интернациональной армии труда, рабочий перестает быть французом, англичанином, итальянцем и т. д. Как раз наоборот! Из пролетарского интернационализма закономерно вытекает подлинный, а не мнимый патриотизм.

В самом деле, разве верность конечному идеалу рабочего класса не ведет к горячему желанию видеть свой народ свободным и процветающим, преуспевающим на ниве социального прогресса? Рабочий класс, стремясь к освобождению от всех форм угнетения и эксплуатации, желает этого не только для себя, но и для всех трудящихся, для всей нации. Именно осуществление конечных целей рабочего класса, свержение власти эксплуататоров, задерживающих прогресс нации, и построение социализма только и способно принести каждому народу подлинную свободу, независимость, национальное величие. Выходит, что самый интернациональный класс — рабочий класс — это одновременно и самый патриотический класс.

Таковы некоторые общие принципы, определяющие отношение рабочего класса к проблеме суверенитета. Занимая наиболее последовательную позицию в вопросе о защите суверенитета, рабочий класс выступает выразителем общенациональных интересов. Поэтому рабочий класс и его марксистско-ленинская партия могут сплотить вокруг себя другие классы и слои населения.

Коммунистические партии капиталистических стран высоко держат знамя национальной независимости и свободы. Сохранение государственного суверенитета и проведение независимой внешней политики являются программными требованиями коммунистического движения во Франции, Италии и других странах.

Коммунистическая партия Англии записала в своей программе требование «проведения независимой английской политики». Рабочая прогрессивная партия Канады призвала канадцев «отвоевать у США нашу национальную независимость». Компартия Японии требует ликвидации национального гнета и восстановления независимости страны, попранной американскими империалистами. Компартия Норвегии выдвинула общенациональный лозунг: «Норвегия должна стать свободным и самостоятельным государством!»

Выступления рабочего класса в защиту суверенитета способствуют сплочению всех здоровых сил нации на борьбу против империализма и реакции, за мир, свободу и независимость.

Принцип суверенитета дорог самым широким слоям народа

Необходимость сохранения самостоятельности государства в определении внешней и внутренней политики в современных условиях диктуется общенациональными интересами.

В сохранении суверенитета кровно заинтересованы не только рабочий класс, но и крестьянство. В современных условиях конкуренция американских сельскохозяйственных капиталистов, располагающих большими излишками продовольственных товаров, сильно осложняет положение крестьянства во многих капиталистических странах. Наплыв из-за границы продовольствия и сырья по «бросовым» ценам разоряет западноевропейских крестьян. Среди них распространяется понимание того, что отстоять свои интересы они могут только в том случае, если примут участие в борьбе против вторжения иностранных монополий, за экономическую независимость и суверенитет.

Борьба за суверенитет, за национальное достоинство находит живой отклик и в среде интеллигенции, которая болезненно переживает упадок национальной культуры, вызываемый американской интервенцией в этой области. Наводнение западноевропейских стран наихудшими образчиками американской литературы, фильмами, прославляющими преступления и разврат, периодическими изданиями, пропагандирующими «американский образ жизни»,— все это ведет к массовой порче народного вкуса и оказывает губительное воздействие на мораль подрастающего поколения. Кроме того, американская культурная «интервенция» наносит непосредственный ущерб национальной интеллигенции — художникам, писателям, композиторам, артистам и т. д., поскольку им

становится труднее находить применение своим талантам и способностям.

За исключением представителей крупного монополистического капитала (по выражению Ленина, «не знающего отечества»), довольно значительная часть буржуазии также не может примириться с грубым американским вмешательством в чужие дела. Она не склонна безропотно терпеть хозяйничанье чужеземных монополистов, которые считаются лишь со своими интересами и выгодами, а другим несут гнет и национальное унижение. Чувство оскорбленного достоинства, испытываемое многими представителями буржуазии, подогревается «обидами» экономического характера, которые ей приходится сносить.

В. И. Ленин еще в 1920 г. отметил, что «империалисты являются угнетателями не только рабочих своих стран, но и буржуазии мелких государств» [7].

В результате утраты или ущемления суверенитета страны буржуазии (за исключением небольшой ее части) приходится «потесниться» на внутреннем рынке, который она привыкла считать своим; ее доходы снижаются, так как часть их, иногда весьма значительная, попадает в карманы иностранных капиталистов. Из полноправного хозяина она превращается в вассала иностранного капитала, а иной раз сама становится объектом унижения со стороны иностранцев. В результате и до нее доходит мысль о ценности суверенитета, о пользе независимости, и она начинает с сочувствием относиться к тем, кто борется против американского засилья.

Таким образом, силы, заинтересованные в сохранении национальной независимости и суверенитета, составляют в капиталистических странах большинство нации. Это создает реальную возможность изолировать крайне реакционное крыло буржуазии — финансовую олигархию, предающую интересы родины, и предотвратить подчинение независимых стран американскому империализму.

ГЛАВА 18

БОРЬБА В ЗАЩИТУ ДЕМОКРАТИИ В БУРЖУАЗНЫХ СТРАНАХ

Давно канули в прошлое те времена, когда буржуазия Западной Европы и Северной Америки была революционным классом, поборницей демократии. Придя к власти, утвердив свое классовое господство, она отвернулась от тех лозунгов, которые были провозглашены ее идеологами в эпоху борьбы с феодально-абсолютистской реакцией. Чем дальше, тем больше пышные слова о демократии, о свободе и равенстве превращались в буржуазном обществе в обман, в иллюзию. Демократия — для богатых, свобода — для богатых, гражданские права — для богатых — такое толкование получили принципы, торжественно провозглашенные в период буржуазных революций. Со вступлением капитализма в империалистическую стадию особенно усилился процесс разложения буржуазной демократии, ее замены открытыми формами политического деспотизма монополистического капитала.

Но буржуазии, ставшей реакционной силой, никогда не удавалось подавить в массах стремление к демократии. Рабочий класс, все трудящиеся, на собственном опыте познавшие, как много значат для них, для их повседневного существования хотя бы минимальные демократические права и свободы, продолжают оказывать сильнейший нажим на правящие классы. Именно благодаря этому нажиму во многих буржуазных странах был установлен республиканский строй, развились демократические формы политической жизни, было введено всеобщее избирательное право.

Демократические завоевания, которыми ныне кичится буржуазия некоторых стран, вовсе не дело ее рук. Они не подарены ею народным массам, а буквально вырваны у нее в жестокой и многолетней борьбе. Факты говорят о том, что демократия в буржуазных странах утверждалась *вопреки* колебаниям, изменам и контрреволюционным настроениям буржуазии. Лишь в результате борьбы рабочего класса, поддержанной другими трудящимися классами и слоями, одержал

победу, например, республиканский строй во Франции. В Англии понадобились десятилетия борьбы рабочего класса, понадобились великие усилия чартистского движения, чтобы вырвать элементарные реформы избирательного закона. Весьма показательна также история создания профессиональных союзов рабочего класса, путь которых к легальному существованию буквально залит кровью трудящихся.

Постоянную борьбу демократической и антидемократической тенденций в буржуазном обществе отмечал В. И. Ленин. «Капитализм вообще и империализм в особенности,— писал он,— превращает демократию в иллюзию — и в то же время капитализм порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, обостряет антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами»[1].

Этот антагонизм в полной мере сохранился в наши дни. Более того, он обострился в связи с усилившимся стремлением империалистической буржуазии отобрать у трудящихся их демократические права, урезать и обкорнать демократию. Борьба в защиту демократии приобрела в наше время характер первостепенной задачи всех прогрессивных сил в буржуазных странах. И главная тяжесть этой борьбы падает на плечи рабочего класса.

Надо иметь в виду, что демократия, в том виде, в каком она сложилась в развитых капиталистических странах,— это совокупность многообразных и неоднородных явлений. Она включает выработанные буржуазией и отвечающие ее потребностям формы и методы политического господства и государственной власти (замена наследственной власти монарха выборной властью президента и парламента, введение многопартийной системы и т. д.). Какими бы развитыми ни были эти формы и методы власти, они остаются по своей сути формами и методами *подавления* буржуазией ее классовых противников.

Вместе с тем понятие демократии охватывает весь комплекс прав и свобод, которые завоеваны трудящимися в процессе долголетней борьбы: свободу слова, печати, собраний, демонстраций и стачек, право создавать свои профессиональные и политические организации и т. д. Эти права, хотя и весьма неполные, ограниченные имущественным неравенством, господствующим в буржуазном обществе, все же дают трудящимся возможность отстаивать свои интересы: добиваться издания законов, ограничивающих произвол предпринимателей при установлении заработной платы и продолжительности рабочего дня, при регулировании заработной платы, в области социального страхования и т. п.

Таким образом, не все в буржуазной демократии равноценно для трудящихся масс. Более всего они заинтересованы

в сохранении и расширении своих гражданских прав, ибо в сумме эти права обеспечивают трудящимся максимально возможную в условиях капитализма свободу классовой борьбы, свободу отстаивать легальным путем свои непосредственные требования и интересы, бороться за свои конечные, классовые цели.

Но рабочему классу не безразлична и судьба буржуазной демократии в целом, когда силы реакции покушаются на нее. Буржуазная демократия как форма классового господства буржуазии при всех своих пороках все же дает трудящимся куда более благоприятные условия для защиты своих прав, чем такие формы буржуазного господства, как фашизм и другие разновидности открытой диктатуры финансовой олигархии.

Отношение марксистов к буржуазной демократии не может быть при всех условиях одинаковым. Известно, например, что во время Великой Октябрьской социалистической революции Ленин и русские коммунисты вели борьбу со всеми политическими партиями, которые под флагом защиты буржуазной демократии выступали против установления пролетарской демократии. Дело в том, что в тот период знамя буржуазной демократии в России стало знаменем мобилизации всех контрреволюционных сил для борьбы против рабочего класса и социалистической революции.

Иное положение сейчас в тех капиталистических странах, где реакция атакует буржуазную демократию. Там трудящимся приходится выбирать не между пролетарской демократией и буржуазной демократией, как это было в России в 1917 г., а между буржуазной демократией и диктатурой самых реакционных и агрессивных элементов монополистического капитала. Нетрудно понять, в пользу чего делается выбор.

1. Ленин о необходимости борьбы за демократию в условиях капитализма

В. И. Ленин, как никто другой, видел ограниченность и условность буржуазной демократии и умел беспощадно вскрывать ее язвы и пороки. Однако огонь ленинской критики был направлен против *буржуазной* демократии, а не против демократии вообще, как это пытаются представить враги марксизма-ленинизма. Ленин боролся против мелкобуржуазных иллюзий относительно того, что в условиях капитализма возможно достижение подлинного народовластия. Он показывал, что за демократическим фасадом любой буржуазной республики скрывается механизм классового господства капитала и что на службу этому господству буржуазия стремится поставить все институты демократии.

Но, критикуя тех, кто находился в плену мелкобуржуазных демократических иллюзий, кто готов был отказаться ради них от великих основных целей рабочего класса, Ленин отчетливо видел, какую пользу может извлечь рабочий класс даже из тех зачастую куцых свобод, которых он добился ценой больших жертв и крови и на которые покушается буржуазия. Он считал, что «демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение» [2].

Ленин был поэтому непримирим к отсталым взглядам и настроениям, носители которых утверждали, что рабочему классу нет будто бы никакого дела до демократии, будто борьба за демократию может лишь помешать его борьбе за свои классовые интересы.

Отвергая подобные левацкие заскоки, Ленин указывал на принципиальную и практическую важность борьбы за демократию, в ходе которой рабочее движение мужает и растет, улучшает условия своей деятельности. Не отвоевав у буржуазии и не закрепив за собой определенных политических прав, рабочий класс не может добиться осуществления даже своих экономических требований. «Никакая экономическая борьба,— учил Ленин,— не может принести рабочим прочного улучшения, не может даже вестись в широких размерах, если рабочие не будут иметь право свободно устраивать собрания, союзы, иметь свои газеты, посылать своих представителей в народные собрания...» [3]

Но важность демократии для рабочего класса определяется не только тем, что от нее зависят условия его борьбы. Ленин не раз подчеркивал, что требование демократии соответствует конечным целям рабочего движения, его историческому призванию, заключающемуся в уничтожении классового господства вообще. Призывая рабочий класс к совершению экономического переворота, необходимого для построения нового, социалистического общества, Ленин вместе с тем указывал, что «пролетариат, не воспитывающийся в борьбе за демократию, неспособен совершить экономического переворота» [4].

После всего этого становится вполне понятной глубокая убежденность, с которой Ленин заявлял: «Было бы коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию» [5].

Ленин, разумеется, учитывал, что борьба за демократию в буржуазном обществе, с какой бы энергией она ни велась

и какие бы успехи ни приносила, может дать рабочему классу лишь частичные результаты, заранее ограниченные рамками капиталистического строя. При этом строе нет и не может быть полной и последовательной демократии для широких масс трудящихся, ибо классовое господство буржуазии остается незатронутым при любом устройстве капиталистического государства. Провести в жизнь при капитализме подлинное народовластие, на что надеются мелкобуржуазные фантазеры, вообще невозможно. Но борьба за демократию, по мысли Ленина, подготовляет рабочий класс к более успешному осуществлению его миссии, заключающейся в ликвидации всякого классового угнетения и создании подлинно-демократического общества, т. е. общества социалистического.

Следовательно, выступая в защиту демократии, рабочий класс исходит как из интересов своей повседневной борьбы, так и из своих задач и планов на будущее.

Такова та принципиальная основа, которая определяет отношение марксистско-ленинских партий к борьбе за демократию в буржуазных странах.

2. Наступление капиталистических монополий на демократические права трудящихся

В эпоху империализма борьба за демократию приобретает особое значение потому, что монополистический капитал во всех областях стремится утвердить крайне реакционные порядки, соответствующие его стремлению к неограниченному господству, к беспощадной эксплуатации трудящихся, к извлечению наивысших прибылей любыми средствами и способами. Эти стремления вытекают прежде всего из экономической природы монополистического капитала: утверждение его господства означает замену свободной конкуренции монополией и борьбой между монополиями за власть и влияние. Но монополия является антиподом свободы, она побеждает путем подавления свободы во всех областях экономической и политической жизни. «Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм),— указывает Ленин,— является поворот *от* демократии *к* политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция» [6].

Финансовая олигархия — враг демократии

Анализируя экономические и политические последствия установления власти монополий, Ленин подчеркивал, что в эпоху империализма наступление реакции на демократические установления, порядки и традиции принимает форму открытого насилия, направленного против

всех классов и слоев (за исключением крупной буржуазии), и распространяется на самые широкие области политической и общественной жизни.

Это наступление монополий нацелено против демократии вообще, ибо монополия и демократия находятся в кричащем противоречии. В. И. Ленин писал в этой связи: «И во внешней политике, и во внутренней одинаково, империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание» *демократии вообще, всей демократии...»* [7]

В период общего кризиса капитализма антидемократические устремления монополистической буржуазии все более усиливаются. Обострение классовой борьбы, прогрессирующее ослабление позиций капитализма и страх перед социализмом, силы которого постоянно растут,— вот что толкает монополии на крайности в области как внутренней, так и внешней политики.

После первой мировой войны в некоторых капиталистических странах победил фашизм, была установлена открытая кровавая диктатура наиболее реакционных и авантюристических групп монополистической буржуазии и помещиков. *Фашизм, как это показал опыт Германии и Италии, представляет собой полную ликвидацию демократии.* Разгром рабочих организаций, беспощадное подавление всякой оппозиции, в том числе и буржуазно-либеральной, нарушение элементарных демократических прав трудящихся и полное подчинение народа произволу монополий и их государственной машины, истребление лучших сил нации в тюрьмах и концентрационных лагерях, расовое изуверство и бешеная подготовка к войне и, наконец, агрессия, развязывающая новую мировую бойню,— вот что принесла с собой фашистская диктатура.

Вторая мировая война, которая велась народами во имя победы над фашизмом, временно дезорганизовала наступление реакционных сил во многих капиталистических странах. Но победа миролюбивых народов над гитлеровской коалицией отнюдь не покончила с опасностью свирепой реакции, присущей империализму. Стремление империалистической буржуазии к политической реакции внутри страны и к агрессии вовне вскоре после войны вновь дало себя знать в буржуазных странах, и прежде всего в главной цитадели капитализма — в США. В послевоенный период развернулось новое широкое наступление монополистического капитала на демократические права и свободы народов капиталистических стран. При этом опасность, нависшая над демократическими завоеваниями народов, усугубляется следующими двумя факторами.

Во-первых, нарастанием государственно-монополистического капитализма, все большим подчинением буржуазного

государства капиталистическим монополиям. Непосредственное участие монополий в государственном управлении дает им возможность упразднять любые демократические нормы, мешающие их неограниченному господству. Государственный аппарат в этих условиях становится простым орудием хозяйничанья монополистического капитала.

Во-вторых, возросшей ролью американского империализма. Опутав сетью экономической зависимости ряд капиталистических стран, американский империализм стал открыто вмешиваться в их внутренние дела. Повсюду он делает ставку на крайне реакционные элементы; поощряет всевозможные антидемократические меры, предоставляя буржуазным правительствам финансовые, а иногда и военные средства для проведения этих мер в жизнь. Реакционные круги США играют на международной арене роль главной антидемократической силы, оказывающей давление на весь капиталистический мир.

К этому надо добавить растущее реакционное влияние межгосударственных монополистических объединений и агрессивных блоков. Различные «наднациональные» органы, созданные в Европе, находятся фактически вне всякого контроля самих народов и облегчают монополистам возможность сообща вести борьбу против демократических прав и свободы народов.

Реакция покушается на жизненные интересы рабочего класса

Наступление реакции на демократию ведется, таким образом, с разных направлений и на весьма широком фронте. Оно выливается, например, в открытый пересмотр конституционных норм и избирательных систем. В ряде капиталистических стран за последние годы в конституции были внесены многочисленные поправки, продиктованные стремлением усилить власть буржуазных правительств и ослабить контроль за их деятельностью со стороны парламентских органов. Пересмотру и ухудшению подвергаются избирательные законы, попирается принцип пропорционального представительства, в силу чего происходит перераспределение голосов избирателей в пользу крайне правых буржуазных партий, а рабочий класс лишается представительства в парламентах. Все более ограничивается законодательная роль парламентов, а право издавать законы передается в руки исполнительной власти, находящейся в подчинении у монополий.

В разной степени эти тенденции проявились в последние годы во всех буржуазных странах, в том числе в США, Англии, Федеративной Республике Германии, Италии и, в частности, во Франции, где демократическая конституция, принятая в 1946 г., была заменена в 1958 г. конституцией,

фактически ликвидирующей парламентский режим и заменяющей его президентским режимом.

Происходит, далее, процесс непрерывного ограничения демократических прав трудящихся, усиления полицейского произвола и террора. В США еще в 1950 г. был принят закон Маккарэна, который узаконил полицейский контроль над частной перепиской и телефонными разговорами, что равнозначно, по сути дела, установлению контроля над мыслями. В Англии также практикуется тайное подслушивание телефонных разговоров. Насколько может разгуляться стихия полицейщины в буржуазных странах, показала история маккартизма в Соединенных Штатах, в короткий срок сумевшего наложить свою печать на всю жизнь американского народа.

Ни в одной стране мира не было и нет такой широко разветвленной политической полиции, как сейчас в США. Достаточно сослаться на свидетельство американского промышленника-миллиардера и видного общественного деятеля Сайруса Итона. В интервью, переданном по телевидению в мае 1958 г., он заявил: «Если взять полицейские силы городов, округов, штатов и правительственных органов и сложить их вместе, то нужно сказать, что Гитлер во времена своего расцвета, располагая гестапо, никогда не имел таких организаций слежки, какие мы имеем в нашей стране сегодня».

Больше всего страдают от разгула реакции рабочий класс и его организации. Послевоенный период ознаменовался введением антирабочего законодательства в большинстве развитых капиталистических стран. Так буржуазия «отблагодарила» рабочий класс за его самоотверженный труд и лишения в годы войны. Образцом антирабочего законодательства стал закон Тафта — Хартли, принятый американским конгрессом в 1947 г. Он резко ограничил одно из важнейших конституционных прав американских трудящихся — право на забастовку. По сути дела речь идет о попытке поставить буржуазное государство над рабочим движением, сделать это государство арбитром в спорах между рабочими и предпринимателями. Если учесть, что государственный аппарат в капиталистических странах находится в руках монополий и их ставленников, легко представить себе, чего могут ждать рабочие от такого арбитража.

О том, на чьей стороне стоит буржуазное государство, свидетельствует, в частности, опыт Англии, где едва ли не самые упорные стачечные бои рабочим приходится вести в национализированных отраслях хозяйства, т. е. в отраслях, прямо находящихся в руках государства.

Антирабочее законодательство в современную эпоху имеет специфические черты, делающие его особенно опасным для трудящихся. Это одно из проявлений политики государственно-монополистического капитализма в области отношений

между классами. Монополистический капитал пытается через государство овладеть рабочим движением, подчинить его себе, чтобы ничто уже ие мешало эксплуатации трудящихся.

Следует отметить, наконец, общее усиление методов террористического подавления трудящихся в буржуазных странах. Оживление деятельности Ку-клукс-клаиа, активиость милитаристско-фашистских оргаиизаций наподобие «Американского легиоиа» (США) и «Стального шлема» (ФРГ), комплектование различного рода «производственных дружин» и групп «по поддержанию порядка» на фабриках и заводах в Соедииеииых Штатах, Западной Германии, Фраиции и Италии — все это звенья одной цепи.

Наступлеиие реакции иаталкивается на растущий отпор иародных масс. Однако опасиость далеко ие устранена и требует иеослабевающей бдительиости от всех прогрессивиых и демократических сил в буржуазных странах.

Антикоммунизм — излюбленная тактика врагов демократии

Среди различных форм наступления реакции на демократию особое место занимают атаки, предпринимаемые под флагом «борьбы с коммуиизмом».

Коммунисты становятся первыми жертвами реакции потому, что они самые решительные противиики капиталистического рабства, самые последовательиые защитники демократических свобод и прав трудящихся. Обрушивая на коммунистические партии сильнейшие удары, империалистическая буржуазия стремится лишить рабочий класс его авангарда и парализовать его борьбу.

Но, как показал опыт миогих десятилетий, гоиения на коммунистов преследуют и более широкие цели. Оии иеизмеино служат сигналом к наступлению реакции иа *все* демократические партии и организации, на *все* профсоюзы, на *все* оппозиционные элементы. Вслед за коммунистами начинают подвергаться преследованиям левые социалисты, затем все социалисты; потом приходит очередь буржуазиых либералов, а за ними — всех, кто находится хотя бы в малейшей оппозиции к диктатуре монополистического капитала.

Так было в фашистской Италии и в гитлеровской Германии. По этому шаблону действуют и сегодня реакциоииые круги в ряде стран Западиой Европы и в Соединеииых Штатах. Поэтому-то такую тревогу вызывают у передовых представителей общественности Запада попытки заокеаиской реакции поставить вне закона америкаиских коммунистов, решение боннского правительства запретить Коммунистическую партию Германии и аналогичные антидемократические акты в ряде других стран.

Тот факт, что в иастоящее время коммунистические партии запрещены более чем в 30 странах «свободного мира», лишиий раз свидетельствует о разгуле реакциоиных сил и раз-

мерах угрозы, нависшей над демократическими завоеваниями рабочего класса. Угроза особенно велика там, где реакции удается изолировать коммунистов от других демократических партий и организаций, где существует отчужденность и раскол между коммунистами и социалистами. Обстановка раскола сегодня облегчает реакции борьбу против коммунистов; завтра она даст ей возможность всеми силами обрушиться на тех, кто безучастно наблюдает за расправами над коммунистами.

Для притупления бдительности народных масс распространяется коварная и вредоносная пропаганда, утверждающая, будто гонения на коммунистов не затрагивают никого, кроме них самих. Опасным самообманом занимаются некоторые недальновидные социалистические и либеральные деятели, полагающие, что если предоставить коммунистов их судьбе, если «не ссориться» с реакцией и вести себя «благоразумно», то удастся избежать ударов и преследований. Весь исторический опыт рабочего движения, особенно горький опыт германских рабочих во время разгула гитлеровской реакции, вопиет против такой трусливой тактики. *Остановить наступление реакции, отбить ее атаки можно лишь совместными усилиями всех демократических сил.*

Вся история борьбы трудящихся капиталистических стран приводит к выводу, что демократия неделима. Стоит примириться с исключением из ее сферы коммунистических партий, как под ударом оказываются права, интересы, а подчас и само существование других прогрессивных организаций.

Демократия — база массовых народных движений

Борьба рабочего класса в защиту демократии имеет тем большее значение, что от успеха ее в немалой степени зависит успех других важных общенародных движений современности — движений в защиту мира, национальной независимости и суверенитета. Все эти движения тесно связаны между собой и на практике часто переплетаются друг с другом. Нельзя, например, оторвать борьбу за демократию от борьбы за мир, ибо подготовка к войне неизбежно сопровождается массовым нарушением демократии, усилением политической реакции и эксплуатации рабочего класса. Но нужно иметь в виду и то, что от уровня развития демократии в той или иной капиталистической стране зависит способность народных масс этой страны воздействовать на политику правящих классов.

Чтобы выразить свою волю к миру и свой протест против военных приготовлений, трудящиеся должны иметь право на демонстрации, собрания, митинги, выступления в печати и т. д. Чтобы оказывать влияние на политику правительства, они должны иметь своих представителей в парламенте. Чтобы успешно защищать национальную независимость и суверени-

тет, нужна определенная степень демократии, при которой массы имели бы возможность выразить свою волю и настаивать на своих требованиях.

Таким образом, защита демократии является в современных условиях долгом и обязанностью всех прогрессивных людей и организаций, всех друзей мира, всех патриотов, дорожащих независимостью своей родины. Защищая демократию от нападок реакции, отстаивая права и свободы трудящихся масс, рабочий класс капиталистических стран закладывает фундамент для победы дела мира и национальной независимости.

3. Объединение демократических сил — важнейшее условие победы над реакцией и фашизмом

Вопреки всем желаниям и расчетам реакции, ее попытки урезать или ликвидировать демократию вызвали к жизни могучие противоборствующие силы. Именно потому, что ущемление демократии затрагивает интересы самых различных классов и слоев населения, появляется объективная возможность для образования в капиталистических странах широкого фронта борьбы за демократию.

Расширение социальной базы демократического движения

Важнейшим резервом роста демократического движения служит мелкая буржуазия. Отмечая двойственность положения мелкой буржуазии, В. И. Ленин писал: «Марксизм учит нас, что мелкобуржуазные массы неизбежно, пока существует капитализм, будут страдать от антидемократических привилегий... страдать от экономического угнетения» [8].

Монополистический капитал душит и разоряет мелкую буржуазию и деревни и города, порождая у нее чувство озлобления и протеста. Но негодование мелкого буржуа в силу его двойственной природы может использовать в своих целях реакция. Она стремится разбудить в нем низменные инстинкты мелкого собственника, посеять иллюзии, надежды на восстановление его благополучия как собственника.

Фашизм показал, что монополистическая клика может в известных условиях увлечь за собой мелкую буржуазию и использовать ее для расправы с демократией. Так было в Италии и Германии. Но фашизм послужил и тяжелым уроком для обманутой им мелкой буржуазии.

В современной обстановке объективные условия облегчают рабочему классу и коммунистическим партиям борьбу за привлечение мелкой буржуазии в ряды демократического движения.

Отношение к демократии и к ее будущим судьбам существенно изменилось и в среде самого класса капиталистов.

Монополистические круги и их сообщники видят в демократии пережиток прошлого и явную обузу; они стремятся покончить с демократией, которая даже в ее буржуазных формах мешает их стремлению к неограниченному господству в обществе. Однако другая часть буржуазии отнюдь не заинтересована в установлении всевластия монополий, которое не сулит ей ничего доброго.

Монополистический капитал развивается не только за счет беспощадной эксплуатации рабочего класса, крестьянства и городской мелкой буржуазии, но и за счет поглощения или ликвидации огромного количества мелких и средних капиталистических предприятий.

Говоря о положении, в котором оказываются их владельцы в эпоху монополистического капитала, Ленин указывает: «Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу» [9].

Наступление монополий на средние слои буржуазии сопровождается усилением политического гнета. Капиталистическая действительность дает немало примеров нарушения прав и интересов средней буржуазии, преследования организаций, партий и прессы, которые их отстаивают.

К этому надо добавить, что часть буржуазии возражает против слишком резкого ограничения демократических прав и свобод, ибо она боится накликать обострение классовой борьбы, чреватое большими социальными потрясениями.

Вынужден господствующий класс учитывать и опыт фашистских диктатур в Германии и Италии, который показал, что ничем не ограниченное хозяйничанье крайне реакционных групп монополистической буржуазии грозит глубоким расколом империалистического лагеря и вызывает во всем мире неодолимый подъем антифашистского движения. Поэтому-то более трезвые буржуазные деятели и призывают к «умеренности», доказывая, что с точки зрения классовых интересов буржуазии в целом парламентско-демократические методы правления более «надежны», чем открыто фашистские.

Расслоение в буржуазном лагере расширяет возможности сплочения широких слоев народа для защиты демократии.

Борьба рабочего класса за объединение всех демократических сил

Как и в других общедемократических движениях, рабочий класс призван играть в борьбе за демократию ведущую, авангардную роль. Это вытекает из того, что из всех классов буржуазного общества пролетариат по самой своей природе является классом, стремящимся к наиболее глубокой и последовательной демократии, и вместе с тем наиболее смелым и организованным классом, способным возглавить

отпор проискам реакции. Показывая всем другим классам и слоям пример последовательности и принципиальности в борьбе за демократию, рабочий класс тем самым обеспечивает себе роль гегемона в этой борьбе, в которой он готов идти дальше других. «Гегемония рабочего класса,— писал Ленин,— есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей...» [10]

Неустанную работу по сплочению самых широких слоев народа для защиты демократии ведут коммунистические партии капиталистических стран.

Отмечая ожесточенность наступления буржуазии на демократические завоевания итальянского народа, генеральный секретарь Итальянской компартии Пальмиро Тольятти в докладе на VIII съезде ИКП в декабре 1956 г. указывал: «Мы знаем, сколь упорно сопротивляются прогрессу классы и партии, находящиеся ныне у власти, и мы не исключаем возможности с их стороны попыток реакционных переворотов. Но, учитывая и такую возможность, мы делаем вывод о необходимости еще крепче держать в своих руках знамя демократического прогресса, защиты свободы в интересах не только наших, но и всех слоев народа, всего итальянского общества».

Напряженную борьбу в защиту демократии в условиях большой активизации реакционных сил ведет Французская коммунистическая партия. Она решительно разоблачает лицемерие и ложь буржуазной пропаганды, утверждающей, будто беды Франции происходят от «избытка демократии». Пленум ЦК ФКП, состоявшийся в июне 1958 г., после образования кабинета де Голля, заявил: «Причиной бедствий, от которых страдает Франция, является не демократия или парламентский строй, а, наоборот, постоянное нарушение посредством антикоммунизма воли избирателей и принципов парламентского строя... Средство преодоления беспорядка и беспомощности правительства состоит не в том, чтобы выбрасывать за борт демократию, а, наоборот, в том, чтобы обеспечить ее нормальное функционирование...»

Пленум призвал к созданию широкого антифашистского фронта борьбы против реакции. «Залогом победы в этой борьбе,— говорилось в решении пленума,— является единство рабочего класса, основанное на единстве коммунистов и социалистов, на объединении вокруг рабочего класса всех демократических и национальных сил».

Задача объединения демократических сил остро стоит во всех капиталистических странах — в США и Англии, Франции и Бельгии, ФРГ и Италии и др. Во всех этих странах коммунисты выступают в первых рядах борцов за демократию.

Выступавшие на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза представители компартий Италии, Франции и других капиталистических стран уделили большое внимание задачам борьбы за демократию, за объединение всех демократических сил. Они указали, что в Западной Европе назревает новое широкое наступление сил реакции. Многочисленные факты свидетельствуют, что господствующая буржуазия все чаще отказывается от буржуазно-демократических методов управления и переходит к методам полуфашистского и даже открытого фашистского типа.

В докладе товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде говорилось: «В представлении миллионов людей фашизм обычно связывается с именами Гитлера и Муссолини. Однако нельзя исключать, что фашизм может возродиться в других формах, а не в прежних, уже скомпрометированных в глазах народов.

Теперь, когда существует могучий лагерь социализма, когда рабочее движение имеет большой опыт борьбы с реакцией, когда повысилась организованность рабочего класса, народы имеют больше возможностей преградить дорогу фашизму. Против фашизма можно и нужно объединить самые широкие слои народа, все демократические, подлинно национальные силы» [11].

ГЛАВА 19

УГРОЗА ВОЙНЫ И БОРЬБА НАРОДОВ ЗА МИР

1. Империализм создает небывалую угрозу будущему человечества

Самое чудовищное порождение империализма — мировые войны. С тех пор как капитализм вступил в свою последнюю стадию, человечество дважды было ввергнуто в пучину мировых войн, длившихся в общей сложности десять лет. Если считать и местные войны, развязанные империалистами за первое пятидесятилетие 20 века, то окажется, что более половины всего этого периода заполнено кровопролитиями.

Вторая мировая война намного превзошла первую по своим масштабам и ожесточенности. Если в первой мировой войне участвовали 36 государств, насчитывавших 1050 млн. граждан (62% мирового населения), то вторая мировая война втянула в свою орбиту 61 государство и 1700 млн. человек (80% мирового населения). В первую мировую войну военные действия происходили на территории в 4 млн. *кв. км*, а во вторую — на территории в 22 млн. *кв. км*. Первая мировая война потребовала поставить под ружье 70 млн. человек, а вторая — 110 млн.

Соответственно возросли и человеческие жертвы. Число убитых в первую мировую войну составило 10 млн. человек, а раненых — 20 млн. Вторая мировая война унесла 32 млн. человеческих жизней и искалечила 35 млн. человек.

Что касается материальных потерь, то об их масштабах дают некоторое представление следующие цифры: в Европе за годы второй мировой войны было разрушено 23,6 млн. жилых домов, 14,5 млн. общественных зданий и промышленных предприятий, более 200 тыс. *км* железнодорожных путей. Только в Советском Союзе немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили 1710 городов и более 70 тыс. сел и деревень, в результате чего остались без крова 25 млн. человек.

Несмотря на появление в 20 веке новых мощных видов оружия, вдохновивших милитаристов на создание авантюристических теорий «молниеносной войны», длительность войн фактически не только не уменьшилась, но продолжала уве-

личиваться. Первая мировая война тянулась 51,5 месяца, вторая — 72 месяца.

Ярким свидетельством растущей реакционности и агрессивности империализма стала в наши дни постоянная опасность новой мировой войны, которая грозит далеко превзойти по своей разрушительной силе все, что до сих пор испытало человечество.

В самом деле, во время войн 1914—1918 и 1939—1945 гг. на земном шаре все же сохранялись обширные зоны и целые континенты (например, обе Америки и большая часть Африки), куда не доставал огонь войны. Сейчас и самые отдаленные уголки земли находятся в пределах досягаемости современной авиации и ракетного оружия. Под ударом окажутся не только армии на фронте, но и гражданское население в глубоком тылу. К этому уже открыто готовят общественное мнение стратеги и теоретики империализма. Видный английский военный писатель Лиддел Гарт прямо утверждает, что «война не является больше борьбой между двумя армиями. Война превратилась в простой процесс разрушения».

Особенными бедствиями чревато то, что третья мировая война, заранее замышляется и планируется империалистами как война ядерная. А ведь радиус действия атомного и водородного оружия так велик, опасность радиоактивного отравления атмосферы столь значительна, что взрывы одной-двух водородных бомб могут стать катастрофой для среднего европейского государства, не говоря уже о малых странах.

Надо к тому же иметь в виду, что уже сегодня испытания ядерного оружия, запрещению которых упорно противятся империалисты, подвергают человечество большой опасности. Продолжение этих испытаний даже на нынешнем уровне может иметь непоправимые последствия для здоровья будущих поколений.

Таким образом, гонка вооружений, развязанная империалистическими державами, создала исключительно опасное положение.

В истории капитализма есть немало мрачных и кровавых страниц. Однако подготовка третьей мировой войны, проводимая империалистами, есть подготовка к такому преступлению против человечества, которое превосходит и затмевает все, что когда-либо знала история.

Стратегия, опасная для дела мира

Самую серьезную угрозу миру представляют агрессивно настроенные круги монополистического капитала США. Уже накануне второй мировой войны некоторые представители американских монополий заявляли свои претензии на мировое господство. Победу антигитлеровской коалиции в этой войне финансовая олигархия Уолл-стрита использовала для того, чтобы попытаться установить мировое владычество доллара.

Разрабатывая программу послевоенной экспансии, монополии Соединенных Штатов преследовали далеко идущие цели: закрепить свое командное положение в капиталистическом лагере; подавить национально-освободительное движение и предотвратить окончательный распад колониальной системы, перехватив контроль над ней у старых колониальных хищников; приостановить упадок капитализма, попытавшись разрешить капиталистические противоречия за счет социалистического лагеря — путем организации войны против него.

Ключом к осуществлению этой программы явилась так называемая «холодная война» против Советского Союза и стран народной демократии. Ведь существование Советского Союза и содружества социалистических государств делает весьма рискованными и обрекает на неудачу любые планы завоевания мирового господства.

Организаторы и планировщики «холодной войны» понимали, что понадобятся немалые усилия и время для того, чтобы вместо уважения и доверия возбудить на Западе подозрения и враждебность в отношении Советского Союза — недавнего доблестного союзника по борьбе с гитлеровским фашизмом. Первой целью «холодной войны» было поэтому отравить международную атмосферу настолько, чтобы стало возможным сколачивание широкого антисоветского, антисоциалистического блока.

Как видно из самого этого словосочетания, «холодная война» представляет собой промежуточное, неустойчивое состояние между миром и войной, состояние политической враждебности, от которой один шаг до вооруженного конфликта. Сердцевина «холодной войны» — это искусственное создание и поддержание международной напряженности, отказ от равноправного международного сотрудничества и провозглашение методов диктата, нажима на социалистические страны (политика «с позиции силы»). С «холодной войной» связано максимальное ограничение нормальных торговых связей между Западом и Востоком, применение в мирных условиях практики запретительных торговых списков, эмбарго и экономической блокады; прекращение или сведение к минимуму культурного обмена и контактов в области науки; развертывание широкой подрывной и диверсионной работы против социалистических государств, с которыми внешне поддерживаются нормальные дипломатические отношения.

Такая политика агрессивных кругов США помимо антисоветских и антисоциалистических целей ставит и более широкие задачи. Соединенные Штаты рассчитывают под шумок «холодной войны» полностью подчинить себе другие капиталистические страны, низвести их до положения послушных

исполнителей своей воли. Ведь если прекратить «холодную войну» и перестать будоражить мир мнимой угрозой «коммунистической опасности», в этих странах неизбежно возобладают тенденции к проведению самостоятельной национальной политики.

Агрессивные круги США заимствуют тут опыт Гитлера, которому антисоветская и антикоммунистическая шумиха, как известно, помогала вырывать уступки у других капиталистических стран, позднее ставших его жертвами.

Под фальшивым флагом борьбы с «коммунистической опасностью» за годы «холодной войны» создана разветвленная система военных блоков и стратегических военных баз на чужих территориях. В центре этой системы — Североатлантический союз (НАТО), включающий 15 стран (США, Англия, Франция, Западная Германия, Канада, Италия, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Турция, Португалия, Греция, Люксембург, Исландия). На Ближнем и Среднем Востоке к нему примыкает пакт, первоначально именовавшийся Багдадским, а теперь называемый Анкарским, или СЕНТО (Англия, Турция, Пакистан, Иран и фактически Соединенные Штаты, участвующие в трех важнейших комиссиях этого пакта: экономической, военной и по борьбе с «подрывной деятельностью»). В Юго-Восточной Азии создан блок восьми государств (СЕАТО) (США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Филиппины, Таиланд). Наряду с этим в районе Тихого океана существует вспомогательный империалистический блок АНЗЮС (Австралия, Новая Зеландия, США).

Создание этой системы военных блоков привело к развертыванию невиданной гонки вооружений. По официальным данным НАТО, военные расходы стран — участниц только этого блока выросли с 1950 по 1957 г. в 3 раза. В общей сложности за десять лет страны НАТО затратили на военные приготовления свыше 500 млрд. долл.

Одновременно Соединенные Штаты добились от своих союзников и сателлитов права строить и содержать на их территории свои военные (преимущественно военно-воздушные и ракетные) базы. По данным, приводившимся в сенате США в июне 1958 г., Соединенные Штаты имеют за границей приблизительно 275 «главных комплексов баз», а если считать все пункты, где размещены сейчас американские войска, и пункты, которые намечены для оккупации в случае необходимости,— более 1400 баз!

Хотя американские милитаристы и твердят об «оборонительном характере» своих баз, последние безусловно предназначены для целей агрессии против Советского Союза, Китайской Народной Республики и всего социалистического лагеря, по периметру которого они расположены.

Наконец, для правильного понимания природы «холодной войны», развязанной империалистическими кругами Соединенных Штатов, следует учитывать и ее тесную связь с экономической политикой американских монополий. Огромные правительственные военные расходы рассматриваются в США как средство борьбы с экономическим кризисом, средство поддержания конъюнктуры. Военное ведомство стало крупнейшим заказчиком американской промышленности. Поэтому монополии и связанные с ними политические круги США заинтересованы в поддержании международной напряженности, а не в нормализации международных отношений.

В публичной речи 6 мая 1958 г. президент Соединенных Штатов сообщил, что за последние пять лет эта страна затратила на военные цели 200 млрд. долл. Одновременно президент заявил, что намечается и впредь *расходовать ежегодно более 40 млрд. долл. на военные цели в течение «десяти, пятнадцати — возможно даже сорока лет».*

Империалисты играют с огнем

В странах Запада кое-кто утешается тем, что военные приготовления Соединенных Штатов будто бы представляют угрозу лишь для Советского Союза и стран социалистического лагеря. Это глубокое заблуждение. В действительности стратегия наиболее оголтелых милитаристских кругов, которую они сами называют «глобальной» (всемирной), таит в себе и угрозу «глобальной» войны. В условиях, когда социалистический лагерь насчитывает около миллиарда граждан и охватывает значительную часть земного шара, нападение на любую из составляющих его стран может привести к возникновению *мирового* конфликта. Надо считаться и с той опасностью для всеобщего мира, которую представляют предпринимаемые американскими и другими империалистами попытки военного вмешательства во внутренние дела несоциалистических государств. Ведь любая «местная» война, развязанная империалистами, в обстановке продолжающейся международной напряженности может перерасти в большой военный пожар.

Опасность усугубляется тем, что экспансионистские элементы в Соединенных Штатах проявляют очевидную склонность к хвастливой переоценке своих сил и возможностей, к *беззастенчивому авантюризму в политике.* Даллес, в течение ряда лет руководивший американской внешней политикой, сам расписался в этом, когда заявил, что проводил политику «балансирования на грани войны».

Насквозь проникнута авантюризмом и военная доктрина американских генералов, основанная на концепциях внезапного «массированного» удара. Не случайно весь мир вознегодовал, узнав, что американское командование в *мирное время* держит в воздухе от одной трети до половины своей бомбар-

дировочной авиации, вооруженной атомными бомбами. Ни чем иным, как авантюризмом и провокацией, нельзя назвать и факты посылки к границам Советского Союза самолетов с атомными бомбами на борту, угрозы Пентагона использовать на Ближнем и Дальнем Востоке бомбардировщики с атомными бомбами и упорное нежелание навсегда прекратить испытания ядерного оружия, несмотря на очевидный вред, причиняемый ими здоровью миллионов людей.

Всеми этими действиями наиболее агрессивные круги Соединенных Штатов как бы взялись подтвердить слова Ленина о том, что империалистическая буржуазия «готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство» [1].

Конечно, в угрозах американской военщины есть большая доза шантажа и блефа. Однако политика провокаций и угроз, сочетающаяся с бешеной гонкой вооружений, чревата серьезной опасностью войны. Жизненные интересы всех народов, в том числе и американского народа, требуют, чтобы этой игре с огнем был положен конец.

2. Рабочий класс и война

Из всех классов общества именно рабочие и крестьяне во все времена больше всего страдали от войн и их последствий. Все массовые армии, как правило, состоят из рабочих и крестьянских сыновей, одетых в солдатские шинели. Но если крестьянство в силу своей отсталости и неорганизованности очень долго сохраняло пассивное отношение к войнам, то рабочий класс передовых капиталистических стран давно вписал в историю много ярких страниц мужественного сопротивления войне.

Известно, например, что еще в период гражданской войны в Америке в 1861—1865 гг. именно выступления трудящихся масс, возглавлявшихся пролетариатом, удержали Англию и другие западноевропейские страны от ввязывания в войну на стороне южных рабовладельцев. «Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана» [2],— с гордостью писал об этом Карл Маркс.

Через всю свою историю пронесло рабочее движение резко отрицательное отношение к войнам, которые причиняют величайшие страдания и лишения трудящимся массам. Миролюбивое человечество никогда не забудет таких самоотверженных борцов с милитаризмом и военной опасностью, как Жан Жорес, Карл Либкнехт, Юджин Дебс и другие выдающиеся деятели рабочего движения.

В первые годы нынешнего столетия Ленин писал, что сознательная часть рабочего класса бесповоротно осуждает войны, как зверские способы решения споров человечества [3]. Позднее, в годы первой мировой войны, Ленин снова указывал, что «социалисты всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело» [4].

Выступлениям пролетариата в защиту мира придает особую силу то, что в отличие от многих других участников антивоенных движений сознательным рабочим известны социально-экономические корни войн в современную эпоху.

Карл Маркс еще в 60-х годах прошлого столетия писал, что сами преступления, творимые реакционными классами, «указали рабочему классу на его обязанность — самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении» [5].

С тех пор как были написаны эти строки, рабочий класс прошел огромную школу жизни, которая хорошо подготовила его к выполнению высокой обязанности защитника мира.

В условиях нынешнего грозного роста военной опасности, созданной империализмом, на плечи рабочего класса и его революционных партий падает особая ответственность. Будучи многочисленным и организованным классом, рабочий класс занимает ключевые позиции в борьбе против новой мировой бойни. Современная война — это по преимуществу война машин, боевой техники, а машины создаются руками рабочих; рабочие же составляют и основной костяк массовых армий. «Рабочие передовых стран настолько определяют ход войны, что против их желания нельзя вести войны...» [6] — говорил Ленин, основываясь на опыте первой мировой войны. А за последние десятилетия зависимость армий от промышленности, от тыла еще более выросла.

Следовательно, рабочий класс имеет возможность заставить господствующие классы считаться с его волей. Но для этого воля его должна быть ясно выражена в форме массовых антивоенных выступлений, в форме постоянного давления на буржуазные, лейбористские и социал-демократические партии, на парламенты и печать, разоблачения происков и интриг империалистических правительств, их военных планов и тайных сговоров.

Нельзя забывать, что в руках рабочего класса есть и столь сильное орудие борьбы против войны и подготовки к ней, как забастовка, отказ выполнять военные заказы, перевозить военные грузы, предназначаемые для целей агрессии. При возникновении реальной опасности развязывания ядерной войны рабочий класс активными политическими действиями, поддержанными массами трудящихся, способен добиться

даже устранения правительства, стоящего за войну, и замены его миролюбивым правительством. Всеобщая народная поддержка подобных действий рабочего класса в минуту национальной опасности тем более вероятна, что в борьбе против войны он отстаивает не только свои интересы, а интересы общенародные, можно сказать, общечеловеческие.

Разумеется, для того чтобы оказаться на высоте своей задачи, рабочий класс должен прежде всего покончить с настроениями политической апатии и благодушия в собственной среде. Для него особую опасность представляет отравленная пропаганда пособников буржуазии в рабочем движении, которые нашептывают ему, будто гонка вооружений «выгодна» трудящимся, так как обеспечивает высокую занятость и высокие заработки в военной промышленности; будто создание огромных запасов оружия, в том числе термоядерного, служит фактором, «сдерживающим» войну. На самом деле, как показывает опыт, гонка вооружений ведет к росту инфляции и в конечном счете увеличивает экономические тяготы трудящихся. Накопление запасов атомных и водородных бомб усиливает агрессивность империалистов, которые любой военный конфликт теперь грозят превратить в катастрофическую ядерную войну.

Наиболее последовательными защитниками мира выступают в современных условиях коммунистические партии. Как говорится в известной Декларации, принятой в ноябре 1957 г. в Москве, «коммунистические партии рассматривают борьбу за мир как свою первостепенную задачу. Они вместе со всеми миролюбивыми силами сделают все от них зависящее, чтобы предотвратить войну» [7]. В Декларации, как и в принятом одновременно Манифесте мира, коммунистические партии протянули руку всем людям доброй воли, призвали всех, кому дорог мир, объединиться и общими силами сбросить бремя вооружений, гнетущее народы, освободить мир от угрозы войны, смерти и разрушения.

Выступая за объединение, за сплочение всех сил, готовых бороться против войны, рабочий класс и его марксистские партии вовсе не претендуют на какое-либо исключительное положение, а тем более на монополию в антивоенном движении. Напротив, они охотно поддерживают любую миролюбивую инициативу, откуда бы она ни исходила. Они готовы действовать вместе со всеми организациями, преследующими антивоенные, антиимпериалистические цели, независимо от того, какими мотивами — пацифистскими, религиозными, моральными или иными — эти люди и организации руководствуются. И это не политическое маневрирование, как утверждает реакционная пропаганда, а результат твердого убеждения коммунистов, что в современных условиях война неизбежно ввергнет человечество в бездну величайших бедствий,

надолго затормозит его социальный, экономический и культурный прогресс.

Особую роль может сыграть сплочение на почве совместной защиты дела мира всех партий рабочего класса — коммунистических и социалистических, установление единства их действий. Если это будет достигнуто, движение против войны сольется в такой мощный поток, который опрокинет все преступные планы поджигателей войны.

3. Защита мира — важнейшая общедемократическая задача

Небывало грозные последствия, к которым привела бы новая мировая война, делают особенно необходимым развертывание всенародного движения против подготовки войны, за мир между народами.

Рост истребительной силы современной боевой техники превращает задачу защиты мира в общее дело всех классов и всех слоев населения в каждой стране, придает подлинно общедемократический характер современному движению против войны. В вопросе о предотвращении войны, о создании таких условий, при которых ядерное оружие никогда бы не было применено, интересы самых различных социальных слоев общества сплетаются в один узел, становятся *общенациональным* интересом. В этом существенная особенность нынешнего этапа антивоенного движения, отличающая его от всех движений в защиту мира, когда-либо имевших место в прошлом. И именно на этом основаны призывы коммунистов к другим политическим партиям, к общественным, молодежным, женским и прочим массовым организациям объединить силы для борьбы за главное — за прочный мир на земле.

Война — страшное бедствие для рабочего класса. Но не меньшей бедой является она и для широких масс крестьянства, которое в большинстве стран служит основным поставщиком «пушечного мяса», облагается высокими налогами для финансирования военных расходов, а после начала военных действий становится жертвой всевозможных конфискаций и поборов. Сколько крестьянских домов и хозяйственных построек было разрушено и сожжено воюющими армиями в ходе двух мировых войн, сколько полей было вытоптано танковыми гусеницами и перепахано разрывами снарядов! А ведь несчастья и разрушения новой войны с ее радиоактивными и биологическими средствами массового уничтожения неизбежно были бы много большими.

К этому надо добавить, что крестьянство в капиталистических странах страдает и в ходе подготовки к войне. Во многих странах Европы стала обычным делом конфискация крестьян-

ских земель под военные аэродромы, склады, базы, стартовые площадки для ракет. Обычным явлением стала и массовая порча посевов в ходе всевозможных маневров и военных учений, проводимых генералами НАТО. Нормализация международных отношений, сокращение вооруженных сил, прекращение гонки вооружений принесли бы поэтому немедленную пользу крестьянству и спасли бы его от неизмеримо больших бед в будущем.

Проводимая буржуазными правительствами милитаризация и подготовка к войне тяжело отзываются и на положении широких кругов интеллигенции. Уродливое направление получила, в частности, наука, которая все больше превращается монополиями в служанку войны и разрушения. Из 5,4 млрд. долл., ассигнованных в 1957 г. на научные исследования в США, более 83% было израсходовано на работы военного характера. Многие высшие учебные заведения стали придатками военного ведомства, что ведет к застою в отраслях науки, не имеющих прикладного военного значения.

К этому надо добавить, что рост милитаризма неизбежно сопровождается ограничением свободы научного и художественного творчества, разгулом шпиономании и подозрительности, унизительными «проверками лояльности» и т. д. Военный психоз наносит огромный ущерб школе, вредит воспитанию молодого поколения, способствует проникновению в литературу и искусство настроений упадочничества, фатализма, неверия в будущее.

Даже в широких буржуазных кругах мысль о новом кровопролитии вызывает ужас. Значительная часть буржуазии тоже не желает новой мировой войны, так как знает ее разрушительную силу и помнит о горьком опыте недавнего прошлого. Процесс отрезвления и переоценки «выгод» агрессии усиливается в лагере буржуазии по мере того, как выясняется, что американский империализм и его союзники не только не имеют монополии на новые виды вооружения, но в ряде важных областей военной техники, например в ракетостроении, намного отстали от Советского Союза. Рискованность новой мировой войны признают и в тех военных кругах, которые в свое время горячо поддерживали идею вооруженного «крестового похода» против стран социализма. Известный английский военный теоретик — генерал Фуллер пишет: «В эпоху промышленной цивилизации прибегать к войне становится убыточным... Цивилизация, основанная на машинном производстве, не может добиться прибыльного мира в условиях атомной войны...» Здравая тенденция к прекращению холодной войны, к ослаблению напряженности и нормализации международной обстановки постепенно начинает пробивать себе дорогу и в некоторых влиятельных слоях в Соединенных Штатах.

Наиболее дальновидные представители буржуазии начинают задумываться и над вопросом о том, переживет ли капитализм новую мировую войну, не поставит ли она на карту самое существование капиталистического строя. Для таких размышлений есть, несомненно, полное основание. Народы не простят империализму преступления новой мировой войны.

Таким образом, силам войны и агрессии, действующим в империалистических странах, противостоят не менее мощные миролюбивые силы.

Если создание НАТО означало шаг к формированию единого фронта агрессивных, империалистических сил, то одновременно в послевоенный период происходил продолжающийся по сей день процесс образования единого фронта народных масс для защиты мира.

Выражением этого процесса явилось, в частности, создание и деятельность Всемирного Совета Мира, в котором принимают участие многие выдающиеся общественные и политические деятели, люди науки, знаменитые мастера культуры. Современное человечество многим обязано этим людям, которые, подобно великому французскому ученому Фредерику Жолио-Кюри, английскому ученому Джону Берналу и их коллегам, отдали много сил и драгоценного времени мобилизации мирового общественного мнения против черных сил войны. Ведь в нынешних условиях истинные мастера культуры не могут лучше послужить своему народу и всему человечеству, чем помогая развеять тучи военной опасности.

В борьбу за мир, за международное сотрудничество и мирное сосуществование все больше втягиваются трудящиеся массы и их организации. Однако это не дает еще никаких оснований для самоуспокоенности. В области борьбы с военной опасностью в известной степени сказывается отставание общественного сознания от действительности. Масштабы опасности, которой чревата новая мировая война, осознаны далеко не всеми и не в полном объеме; некоторые слои населения в капиталистических странах заражены апатией, неверием в силы мира. Настроения фатализма и обреченности к тому же умышленно насаждаются и поддерживаются милитаристской пропагандой и даже определенными церковными кругами. Заявил же глава англиканской церкви — архиепископ Кентерберийский: «Бог, возможно, предопределил, что человечество должно уничтожить себя водородными бомбами»!

Для того чтобы побороть настроения пассивности, чтобы мобилизовать широкие народные массы на активную и самоотверженную борьбу за мир, требуются постоянные усилия всей передовой общественности во главе с рабочим классом.

И прежде всего необходимо терпеливое разъяснение массам имеющихся возможностей и путей для сохранения мира и предотвращения новой войны.

4. Возможности предотвращения войны в современную эпоху

На существование реальной возможности предотвратить войну, сорвать планы ее поджигателей, сохранить мир для нашего и будущих поколений указал XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Сделанное в документах съезда заявление о том, что в современную эпоху *нет фатальной неизбежности войн*, имеет громадное принципиальное и практическое значение и представляет собой образец творческого развития марксизма-ленинизма.

Разумеется, и ныне сохранилась экономическая основа для войн, заложенная в самой природе империализма. Империализм не утратил свойственной ему агрессивности, стремления к вооруженным захватам и войнам. Наоборот, он стал еще более воинственным. Но в расстановке мировых сил произошли в последний период такие изменения, которые позволили по-новому поставить вопрос о возможности успешной борьбы за мир.

Марксисты не фаталисты. Напротив, они признают, что как вообще в ходе человеческой истории, так и в решении судеб мира большое значение имеют сознательная воля и организованность широких народных масс. А в условиях, которые сложились ныне, борьба миролюбивых сил, их сопротивление планам новой войны могут сыграть *решающую роль*, заставив агрессоров остановиться.

Так было не всегда. Еще в недалеком прошлом силы, не заинтересованные в войне и борющиеся против нее, были слабо организованы и разобщены как в национальном, так и в международном масштабе. Они не имели средств для того, чтобы противопоставить свою волю замыслам поджигателей войны. Так обстояло дело перед первой мировой войной, когда основная сила, выступавшая против военной опасности,— международный пролетариат — была дезорганизована предательством лидеров II Интернационала.

Вторая мировая война также стала возможной потому, что миролюбивые силы, хотя и выросшие, все же оказались недостаточными, чтобы противостоять империализму. Раскольническая позиция правых социал-демократических лидеров опять помешала международному пролетариату сыграть свою роль в борьбе за мир. А усилий Советского Союза — единственного государства, последовательно боровшегося против войны,— было недостаточно, чтобы остановить агрессию.

Иное дело сейчас, когда на мировой арене возник и превратился в могучую силу лагерь социализма. Теперь миролюбивые силы могут опираться на тот нерушимый оплот мира, который представляют собой социалистические страны. Кроме того, в мире появилась большая группа государств, которые, вырвавшись из колониальной зависимости, активно выступают против новой войны. Неизмеримо выросло и закалилось рабочее движение в капиталистических странах. Небывалый в истории размах получило движение сторонников мира.

В этих условиях имеется возможность путем активной борьбы всех миролюбивых сил предотвратить новую мировую войну. Существуют также большие возможности для того, чтобы противодействовать развязыванию империалистами так называемых местных войн.

XXI съезд КПСС с полным основанием отметил в своих решениях, что вывод XX съезда партии об отсутствии фатальной неизбежности войн подтвердился полностью. Дав анализ последствий, которые будет иметь для судеб мира успешное выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства СССР и хозяйственных планов других стран социализма, съезд пришел к заключению, что изменение соотношения мировых сил может заставить воинствующие круги империализма отказаться от развязывания мировых войн. «Таким образом,— указывается в резолюции съезда,— еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира возникнет реальная возможность исключить мировую войну из жизни человеческого общества» [8].

Это не значит, разумеется, что появилась какая-то автоматическая гарантия против войны. Нет, пока сохраняется империализм, остается и военная угроза. К тому же судьба всеобщего мира зависит от многих конкретных факторов. Важнее всего, однако, помнить о том, что она зависит от неустанной борьбы миролюбивых сил, от их способности создать могучий единый фронт защиты мира, от их умения вовремя мобилизовать широчайшие слои народа на решительные выступления против развязывания новой войны.

Миролюбивая политика социалистических стран — оплот всеобщего мира

Важной исторической особенностью современной обстановки, создающей необычайно благоприятные условия для сохранения мира, является существование социалистического лагеря, который проводит последовательную миролюбивую политику. Это принципиально новый фактор в международных отношениях. В лице Советского Союза, Китайской Народной Республики и других социалистических стран, обладающих почти миллиардным населением и богатейшими ресурсами, на международной арене появилась материальная

сила, способная обуздать агрессора, если он задумает пренебречь волей миролюбивых народов.

Стремясь исказить значение этого фактора и обмануть трудящихся капиталистических стран, реакционная пропаганда твердит об угрозе «мирового коммунизма», который якобы покушается на свободу западного мира. Особые усилия прилагаются к тому, чтобы оболгать Советский Союз и его коммунистическую партию, приписать им захватнические намерения, свалить на них ответственность за гонку вооружений и напряженность международных отношений. Авторы таких измышлений действуют по гитлеровскому методу «большой лжи», полагая, что недостаточно информированные и доверчивые люди в конце концов поверят наветам на коммунизм и Советский Союз.

Но все более широкие массы во всем мире начинают понимать, что у коммунистических партий, у социалистических стран *нет причин* желать войны и готовить военное нападение на другие государства.

В Советском Союзе, как и в других социалистических странах, нет таких классов и социальных сил, которым была бы выгодна война. Советский Союз на своей огромной территории имеет все необходимое для развития своего хозяйства. Он не нуждается ни в территориальных приобретениях, ни в новых источниках сырья, ни в новых внешних рынках сбыта, ни в сферах приложения капитала, ни в колониях. Плановая социалистическая экономика не знает кризисов перепроизводства и потому не нуждается в таких «стимулах», как милитаризация и гонка вооружений.

Но дело не только в материальной стороне вопроса. Социализм и агрессия — вообще понятия несовместимые. Цель коммунистов — добиться братства и дружбы народов, вечного мира на земле. У власти в Советской стране стоят рабочие и крестьяне, которые во всех войнах несли самые большие жертвы. Как могут они желать новой войны?

В Советском Союзе все делается для того, чтобы непрерывно повышалось материальное благосостояние и культурный уровень широких масс трудящихся. Разве война может способствовать решению этих задач?

Советские люди строят новые жилые дома, промышленные предприятия, дворцы культуры, институты, гигантские электростанции и каналы вовсе не для того, чтобы спустя некоторое время все это стало мишенью для бомб. Война, неизбежно означающая перерыв в мирной, созидательной деятельности людей, отвлекающая огромные материальные ценности на непроизводительные цели, сопровождающаяся разрушением уже построенного, противоречит основным целям социализма. Как же можно допустить, что коммунисты, марксисты-ленинцы, для которых строительство социализма

и коммунизма — это дело всей их жизни, могут стоять за агрессию и войну?!

Миролюбивые идеи социализма находят полное выражение в принципах, лежащих в основе внешней политики Советского Союза. Это — политика мира между народами, политика честного международного сотрудничества, политика разоружения.

Доказательства этому народы видят на каждом шагу. В послевоенный период представители Советского Союза в ООН и вне стен этой организации неизменно были инициаторами различных предложений, направленных к сокращению вооружений, запрещению атомного и водородного оружия, роспуску военных блоков или, по крайней мере, к заключению между противостоящими военными группировками соглашения о ненападении и об отказе от применения силы; ликвидации военных баз на чужих территориях; применению в отношениях между всеми странами принципов мирного сосуществования. Не вина Советского Союза и других социалистических стран, что империалистические государства, входящие в Североатлантический союз, упорно уклоняются от принятия таких предложений.

Миролюбие стран социалистического лагеря ярко сказалось в том, что они последовательно проводят политику сокращения вооружений, показывая добрый пример всему миру. Достаточно сказать, что страны Варшавского договора с 1955 по 1958 г. уменьшили численность своих вооруженных сил на 2 млн. 477 тыс. человек (в том числе Советский Союз — на 2 млн. 140 тыс. человек). И это в то время, когда страны Атлантического блока продолжают наращивать свои вооруженные силы, обучают и оснащают атомным оружием дивизии реваншистского западногерманского бундесвера, превращаемого в ударную силу агрессии в Европе.

Официальной доктриной советской внешней политики является *ленинский принцип мирного сосуществования* государств, независимо от различий в их общественном и государственном строе.

Характеризуя советскую концепцию мирного сосуществования, Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев говорил: «Ее суть, если говорить кратко, состоит, во-первых, в том, что любая форма государства и любое общественное устройство той или другой страны должны определяться самими народами этих стран; во-вторых, никакое государство и никакие силы извне не могут и не должны навязывать народам других государств образ их жизни, политическое и общественное устройство; в-третьих... появление государства с социалистическим строем в результате объективных закономерностей общественного

развития столь же закономерно, как в свое время было закономерным появление буржуазных государств...»[9]

Если бы принцип мирного сосуществования стал нормой международных отношений нашего времени, как он стал нормой в отношениях между Советским Союзом и некоторыми государствами Азии и Европы (Индия, Бирма, Индонезия, Объединенная Арабская Республика, Финляндия, Австрия и др.), то в мире давно растаяли бы последние льдины «холодной войны».

Коммунисты убеждены, что попытка развязать новую мировую войну приведет к гибели империализма, потому что народы не простят ему этого нового преступления. Но отсюда никак не следует, что коммунисты желают новой войны.

Ведь коммунисты хотят быстрейшей победы социалистического строя для того, чтобы сделать людей счастливыми. Но может ли быть путем к счастью человечества современная война с ее варварскими средствами массового уничтожения и разрушения?! К тому же, кроме неслыханных жертв и страданий, которые такая война причинила бы народам, она принесла бы широкое опустошение, гибель громадных материальных ценностей, разруху в промышленности и сельском хозяйстве.

Могут ли желать этого марксисты? Разумеется, нет! Да и к чему им платить такую страшную цену за гибель капитализма, если они убеждены в исторической обреченности капиталистической системы, в ее неизбежном проигрыше в *мирном соревновании* с более высоким общественным строем — социализмом!

Миролюбивые силы способны обуздать агрессию

Марксизм-ленинизм питает величайшее доверие к народным массам, к их сознательной деятельности. Недаром марксисты считают народ творцом истории. Это марксистское положение лежит в основе сделанного XX съездом КПСС вывода, что активность народов в защите мира может предотвратить войну.

Опыт антивоенного движения подтверждает этот вывод. Ясно выраженная воля народных масс, опиравшаяся на государственную поддержку миролюбивого социалистического лагеря, не раз в последние годы содействовала обузданию империалистических агрессоров, заставляла их отказываться от таких актов, на которые они пошли бы, если бы не боялись гнева общественности в своих странах и во всем мире.

Под давлением мирового общественного мнения Соединенным Штатам Америки пришлось воздержаться от применения атомного оружия во время войны в Корее. Они в конце концов вынуждены были дать согласие на заключение перемирия, хотя влиятельные круги в США стояли за расширение и продолжение интервенции. Общепризнано и то, что страх перед

возмущением народов удержал империалистов от применения атомной бомбы во Вьетнаме и заставил их пойти на перемирие.

В обоих этих случаях сыграла свою роль твердая, направленная на восстановление мира в Азии политика стран социалистического лагеря, особенно Советского Союза и Китайской Народной Республики. Но это ничуть не умаляет заслуг народного движения в защиту мира. Наоборот, это лишний раз показывает, какую огромную силу представляет в современных условиях *сочетание общественного нажима на поджигателей войны с давлением миролюбивой политики социалистических государств.*

Яркий пример эффективных действий миролюбивых сил дала история суэцкого кризиса осенью 1956 г. Англо-франко-израильскую агрессию против Египта удалось успешно прекратить именно потому, что империалисты оказались под двойным воздействием: мирового общественного мнения и государственной политики социалистических стран, выступивших в защиту законных прав Египта и интересов всеобщего мира. Известное послание Советского правительства, направленное 5 ноября 1956 г. Лондону и Парижу, оказало должное воздействие на Англию и Францию. Уже через сутки было объявлено о прекращении огня в Египте. Английский и французский народы в свою очередь осудили агрессивную войну против Египта и повлияли на правительства своих стран. Прекращение огня в Египте было крупной победой дела мира. Оно было осуществлено вовремя. «В противном случае,— говорил позднее Н. С. Хрущев,— война в Египте могла перерасти в большую войну и стать затем мировой войной» [10].

Неоспоримые факты свидетельствуют о растущей зрелости и мощи сил мира, об их способности оказывать решающее положительное влияние на исход крупнейших событий международной жизни. Не боясь угроз империалистов, не поддаваясь на запугивание, страны мощного социалистического лагеря будут и впредь смело отстаивать дело мира. Взятый ими курс на обеспечение всеобщей безопасности соответствует интересам всех народов; он ведет к сплочению на международной арене всех миролюбивых сил.

ГЛАВА 20

О РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ ПЕРЕХОДА К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Безжалостная эксплуатация рабочих, ограбление монополиями крестьянства и средних слоев городского населения, наступление на демократию и угроза фашизма, национальное угнетение и опасность новой истребительной войны — все это, как было показано выше, имеет, в конечном счете, один источник — капитализм. Чтобы избавить трудящихся от классового гнета, навсегда покончить с войнами, обеспечить подлинную демократию, свободу и независимость народов, надо покончить с самим капиталистическим строем, совершить *социалистическую революцию.*

Социалистическая революция в широком смысле слова охватывает всю совокупность политических и экономических преобразований, ведущих к полной ликвидации капитализма и построению социализма. Она начинается с политического переворота — свержения власти капиталистов и установления власти трудящихся. Этот политический переворот в марксистской теории называется также *пролетарской революцией.* Ясно, что к такому перевороту ведет не гладко вымощенная дорога, движение по которой не требует ни больших усилий, ни большого политического умения. Переход миллионных масс, целых классов и социальных слоев к решительной борьбе за власть — сложный и многообразный процесс.

1. Развитие классовых антагонизмов делает пролетарскую революцию неизбежной

Какие бы широкие и разнообразные социальные силы ни участвовали в свержении капитализма, решающую роль в социалистической революции играет рабочий класс. Он ее главная ударная сила, передовой отряд трудящихся, штурмующих устои старого общества.

Даже в странах слаборазвитого капитализма, где рабочий класс составляет меньшинство населения, он, как самый орга-

низованный и сознательный класс общества, может под руководством своего марксистско-ленинского авангарда объединить вокруг себя для борьбы за социализм все трудовые слои народа. Тем более это возможно в странах развитого капитализма.

Вероятность социалистической революции и ее успех прямо зависят от размаха классовой борьбы пролетариата, от его сознательности и организованности. Кто хочет приблизить революцию и увидеть ее победу, тот будет развертывать классовую борьбу рабочих, упорно работать над повышением их политической сознательности и боеспособности.

Борьба революционной рабочей партии за социалистическую революцию соответствует основной тенденции общественного прогресса. Само развитие современного капитализма толкает трудящихся в этом направлении. Как было показано в главе 10, рост всевластия и гнета государственно-монополистического капитализма, его наступление на жизненный уровень и права трудящихся, его архиреакционная политика все более обостряют основной антагонизм капиталистического общества — антагонизм между рабочим классом и его эксплуататорами. Дальнейшее углубление этого антагонизма в сочетании со всеми другими социальными противоречиями капитализма делает социалистическую революцию *объективной закономерностью нашей эпохи.* Социалистическая революция не выдумка коммунистических теоретиков, как ее изображает реакционная пропаганда, а веление потребностей общественного развития. В этом глубочайший источник силы революционной борьбы рабочего класса и его коммунистического авангарда.

Но нельзя представлять себе дело упрощенно. Уровень политической зрелости и революционного сознания рабочих не всегда соответствует исторически назревшим классовым задачам пролетариата. Реакционной буржуазии и ее агентам в рабочем движении зачастую удается методами обмана и насилия задерживать рост классового самосознания рабочих или хотя бы направлять их борьбу в менее опасное для господства монополий русло. Особенно вредную роль играют в этом отношении самые правые лидеры социал-демократии, стремящиеся заставить трудящихся отказаться от борьбы против капитализма и от всякого сотрудничества с коммунистическим движением.

Однако остановить процесс революционного возмужания рабочего класса, подъем его классовой борьбы не удается никому. Пролетариат мужает в повседневных схватках с капиталом, в стачечных боях, в массовых выступлениях солидарности. Как правило, даже простая забастовка — в том числе и та, которая не приносит немедленного успеха,— обогащает рабочий класс опытом, повышает его боеспособность.

Уже борьба за непосредственные интересы имеет, таким образом, более или менее ясно выраженную *революционную направленность*. Она подготовляет рабочий класс к грядущей социалистической революции. Она вовлекает широкие массы трудящихся в борьбу против капитализма и становится школой политического просвещения и организации, которая воспитывает массы для более высоких форм рабочего движения.

Не могут достигнуть цели попытки реакции подавить классовую борьбу пролетариата с помощью репрессий и открытого насилия. Конечно, в отдельных странах реакционный террор может на время сделать массовую борьбу против капитала чрезвычайно трудной, а иногда даже невозможной. Но такие периоды, как бы тяжелы они ни были для трудящихся и каких бы ни стоили им жертв, подготовляют новый подъем и усиление классовой борьбы. Иначе и быть не может, ибо насильственные меры, к которым прибегает реакционная буржуазия, порождают особенно бурный рост классовой ненависти, ведут к усиленному накоплению горючего материала, вспыхивающего от первой же искры. Марксистско-ленинская партия дает политическое выражение этой стихийно накапливаемой классовой ненависти и направляет ее в русло сознательной борьбы за социализм.

Пути подхода к социалистической революции

Пролетарская революция есть прямое и открытое столкновение между двумя основными антагонистами — рабочим классом и буржуазией. Но социальная революция никогда не носит характера единоборства только двух противников. «Кто ждет «чистой» социальной революции,— говорил В. И. Ленин,— тот *никогда* ее не дождется» [1]. Ленин высмеивал наивное, доктринерское представление о революции, согласно которому «выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм» и это будет социальная революция!» [2]

«Чистой» социалистической революции не может быть уже потому, что нет «чистого» капитализма. В жизни он отягощен остатками докапиталистических форм хозяйства, пережитками феодальных отношений, мелкотоварного производства и т. д. Противоречия между рабочим классом и буржуазией могут переплетаться с противоречиями между крестьянством и помещиками, помещиками и буржуазией, между мелкой и крупной буржуазией, монополиями и всеми остальными слоями населения. Более того, классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазией бывает затемнен национальными, религиозными и другими конфликтами. В условиях национального гнета рабочий класс оказывается по одну сторону баррикады не только с крестьянством, но и со значительными кругами буржуазии.

Таков обычно сложный фон, на котором развертывается массовая борьба, ведущая к социалистической революции. И когда эта революция разражается, она, как лавина, увлекает за собой все виды движений угнетенных и эксплуатируемых, сливает в один поток все выступления масс против национального, империалистического, помещичьего и всякого иного гнета.

В. И. Ленин писал: «История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов» [3].

Отсюда Ленин делал два важных практических вывода. Во-первых, что революционный класс для осуществления своей задачи должен «овладеть *всеми,* без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности». Во-вторых, что он «должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою» [4].

Почему это важно? Почему марксистская партия должна сама активно участвовать и привлекать рабочих к участию в борьбе на всех поприщах общественной жизни? Потому что любое из общественных течений, направленных против господствующей реакции, может при определенном повороте событий стать тем конкретным путем, который подводит массы «к настоящей, решительной, последней, великой революционной борьбе» [5].

К пролетарской революции могут вести разнообразные движения угнетенных и недовольных масс, если только сознательный авангард рабочего класса сумеет перевести эти движения на рельсы революционной борьбы. Не случайно В. И. Ленин так настойчиво призывал международное коммунистическое движение сосредоточить все силы и внимание «на отыскании формы *перехода* или *подхода* к пролетарской революции» [6].

К таким поискам марксистскую партию обязывает то обстоятельство, что широкие массы трудящихся могут подняться на борьбу за социализм только тогда, когда на собственном опыте убедятся, что революция — единственный способ разрешить назревшие вопросы общественной жизни. К этому убеждению должны прийти как основные массы самого рабочего класса, так и в особенности — широкие массы крестьянства и средние слои, которые в силу своего положения в обществе не сразу приходят к идеям социализма.

В последние десятилетия новые большие перспективы в этом отношении открылись в связи с небывалым подъемом массовых общедемократических движений, направленных против монополистического капитала и империализма. Хотя эти движения и не ставят перед собой социалистических целей, объективно они связаны с борьбой рабочего класса за социализм и в определенных условиях могут слиться с ней в единый поток, перед которым не устоит власть капитализма. На почве этих движений открываются новые возможности для единства действий рабочего класса со всеми трудящимися и другими слоями населения, выступающими против ига монополистической буржуазии.

2. Демократические движения современности и социалистическая революция

Основные виды современных демократических движений, направленных против монополистического капитала и империализма, были рассмотрены в предыдущих главах: это борьба крестьянских масс против остатков феодализма, консервируемых империализмом, и их антимонополистическое движение, национально-освободительное движение народов колониальных и зависимых стран, патриотическая борьба за сохранение суверенитета, борьба в защиту демократии, движение народов за всеобщий мир, гуманистические движения интеллигенции, ее выступления в защиту культуры. К демократическим движениям относится также борьба за национализацию собственности капиталистических монополий, отвечающую интересам трудящихся, за расширение прав женщин и молодежи и другие требования широких масс народа, ставшие актуальными в условиях господства монополий.

Некоторые особенности современных демократических движений

Перечисленные движения называют демократическими или общедемократическими, поскольку они ведут борьбу не за социалистические, а за демократические требования. Сама по себе такая борьба не представляет собой чего-либо принципиально нового. Она велась, причем очень активно, уже в эпоху буржуазных революций, когда массы отстаивали требования свободы и демократии, ликвидации помещичьего землевладения и дворянских привилегий, отделения церкви от государства и т. д. Но в отличие от нынешних движения прошлого носили *буржуазно-демократический характер*, т. е. требовали преобразований, умещавшихся в рамках буржуазной демократии, и были связаны с победой буржуазной революции. Своим острием они были направлены *против феодализма* и его пережитков.

Современные общедемократические движения сохраняют антифеодальный характер только в экономически слаборазвитых странах и в тех развитых буржуазных государствах, где еще остались пережитки феодализма. Однако и там они уже носят одновременно и антиимпериалистический и антимонополистический характер (например, национально-освободительная борьба народов колоний, борьба за аграрную реформу на юге Италии).

В нашу эпоху почва для демократических движений существует не только в слаборазвитых странах или государствах, где еще есть сильные пережитки феодализма, но и в *самых развитых капиталистических странах.* Здесь эти движения прямо нацелены против правящих кругов буржуазии, *против империализма, господства монополий.*

Это, конечно, не значит, что все такие движения по своему характеру есть уже движения антикапиталистические. Они, как это видно из далеко не полного перечня, приведенного выше, могут быть очень разнообразными и по своим движущим силам, и по социально-политическому содержанию; они могут ориентироваться на социализм или отвергать его, находиться под руководством рабочего класса или демократических элементов из среды буржуазии и т. д.

И все-таки эти движения уже нельзя характеризовать как буржуазно-демократические. Ибо удовлетворить такие требования, как ликвидация военной угрозы, формальное и фактическое национальное освобождение, национализация собственности монополий, ограничение их политического всемогущества и т. д., обычная (пусть даже самая развитая) буржуазная демократия не может. Сделать это под силу лишь демократии нового типа, отражающей интересы широких масс трудящихся и других прогрессивных слоев народа.

Таким образом, современные демократические движения, хотя они и имеют предшественников, как правило, тесно связаны с современным историческим этапом, в частности с углублением общего кризиса капитализма и с нарастающим сопротивлением народных масс господству капиталистических монополий.

Своего наибольшего размаха эти движения достигли в последние десятилетия. Переломным в этом отношении был период, наступивший вскоре после мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Кризис в небывалой степени обострил социальные противоречия в капиталистическом мире. Господствующие группы крупной буржуазии искали выхода в фашизме и войне. В 1933 г. фашизм пришел к власти в Германии; фашистская угроза нависла также над Австрией, Францией, Испанией. В ответ во многих капиталистических странах поднялось мощное антифашистское движение, нашед-

шее яркое выражение в таких событиях, как образование Народного фронта во Франции и Испании, поддержка мировой демократической общественностью справедливой борьбы испанского народа в 1936—1939 гг. Но величайшего размаха антифашистская демократическая борьба достигла в годы второй мировой войны. Своим освободительным характером эта война обязана активному участию в ней народных масс, сливших свои усилия с освободительной борьбой Советского Союза.

После второй мировой войны наступила новая полоса подъема демократических движений, которые наряду с классовой борьбой рабочего класса становятся основными общественными движениями в капиталистическом мире.

Современные демократические движения имеют, таким образом, глубокие корни в самой капиталистической действительности, чем определяется их жизненная сила и неодолимость. Эти движения порождены прежде всего одним из важнейших противоречий современного капитализма — антагонизмом между монополиями и подавляющим большинством народа.

В главе 10 рассматривалась экономическая основа этого антагонизма. Она заключается в том, что кучка монополий, подчинив себе государство, обирает все общество либо путем эксплуатации труда других классов и прослоек (это относится не только к рабочим, но и к трудящимся крестьянам, ремесленникам, служащим, все большей части творческой интеллигенции), либо же путем обращения в свою собственность части присвоенного другими капиталистами прибавочного продукта (это характерно для отношений монополий со средними и мелкими капиталистами и кулачеством).

Но помимо экономической основы антагонизм между монополиями и подавляющим большинством народа имеет и важную политическую основу.

Наживаться за счет всего общества монополии могут, лишь подчинив интересам извлечения прибыли всю внутреннюю и внешнюю политику государства. Ради этого они проводят политику ограничения и ликвидации демократических прав, политику гонки вооружений, агрессивных внешнеполитических авантюр, колониального разбоя и пр. Ясно, что такая политика глубоко противоречит интересам не только рабочего класса, но и крестьянства, средних слоев городского населения, интеллигенции и известной части средней буржуазии. Она порождает сопротивление всех этих классов и слоев, как раз и принимающее форму различных демократических движений.

Все подобные движения поэтому так или иначе направлены против господства крупного капитала, которое в ряде стран уже носит характер диктатуры монополий.

Эта диктатура выступает под разными личинами. В гитлеровской Германии она была установлена в форме неприкрытого фашистского варварства и сопровождалась ликвидацией парламента и всех институтов буржуазной демократии. В современной Франции реакционная диктатура вводится путем постепенного выхолащивания реального содержания из традиционных парламентских институтов. В некоторых других странах, в частности в Соединенных Штатах Америки, парламентский режим формально сохраняется, хотя там и господствует самая настоящая диктатура крупнейших монополий. В той или иной степени существенные элементы диктатуры монополистического капитала развиваются и в других буржуазных странах.

Ясно, что борьба против этой диктатуры становится для всех демократических и прогрессивных сил все более насущным делом. Эта борьба может принимать различные формы, в зависимости от остроты антагонизма, разделяющего монополии и народ, а также от внутренней и международной обстановки.

Не исключено, что в определенных условиях демократические движения против политики империалистической буржуазии могут вылиться в *демократические революции.*

Эти революции были бы *антимонополистическими,* поскольку они имели бы целью свержение диктатуры крупнейших монополий. Их движущими силами были бы рабочий класс, крестьянство, средние слои городского населения, демократическая интеллигенция. Речь, другими словами, шла бы о *демократической народной революции,* революции, в которой участвовали бы самые широкие слои народа.

О перерастании демократических революций в социалистические

Как показал исторический опыт, демократические революции в эпоху империализма не ограничиваются решением чисто демократических задач, а обнаруживают тенденцию развиваться дальше, подниматься на более высокую ступень.

Эту тенденцию гениально уловил В. И. Ленин, который выступил в годы первой русской революции (1905 г.) с научно обоснованной теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Ленин опирался при этом на ценные указания, имевшиеся уже в трудах основоположников марксизма. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс, отметив, что буржуазная революция в Германии будет происходить в условиях более развитого капитализма и с гораздо более подготовленным пролетариатом, чем английская буржуазная революция 17 века и французская — 18 века, сделали вывод: «Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции» [7].

Затем в письме Энгельсу в 1856 г. Маркс высказал интересную мысль о сочетании пролетарской революции с крестьянским движением. «Все дело в Германии,— писал Маркс,— будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» [8].

Оппортунисты из II Интернационала не придавали значения этим идеям Маркса. Лишь Ленин увидел в них зародыш новой революционной тактики. Исходя из анализа реальной действительности и опираясь на мысли Маркса, он разработал свою теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Главное в этой теории — идея гегемонии (руководящего положения) рабочего класса в буржуазно-демократической революции. Идея эта была новая, она шла вразрез с привычными представлениями.

Западноевропейские социал-демократы (а вслед за ними и русские меньшевики) рассуждали по трафарету: раз революция буржуазно-демократическая, то руководить ею должна буржуазия. Так, мол, было в Западной Европе, так будет и во всех буржуазных революциях, где бы они ни происходили. Лишь после более или менее длительного интервала, когда капитализм до конца выполнит свою миссию разорения средних слоев, а пролетариат составит большинство населения, наступит очередь пролетарской революции, руководителем которой может выступить рабочий класс.

Ленин сломал эту окаменевшую схему, которая не отвечала потребностям времени и возможностям рабочего движения. Он показал, что в империалистическую эпоху между буржуазной и пролетарской революциями необязателен период господства буржуазии, что буржуазно-демократическая революция в более или менее развитой стране может перерастать в революцию пролетарскую.

Для такого вывода эпоха империализма дала достаточные основания.

Во-первых, мировая капиталистическая система в целом созрела для перехода к социализму. В этих условиях известная отсталость стран Востока не могла служить неодолимым препятствием для перехода к социализму.

Во-вторых, всякая борьба с остатками феодализма в обстановке, когда империализм сохраняет и поддерживает отжившие феодальные отношения, рано или поздно перерастает в решительную борьбу с империализмом, т. е. подводит к социалистической революции.

В-третьих, в эпоху империализма появился новый фактор, которого не было в период буржуазно-демократических революций на Западе: в ряде стран, находящихся накануне антифеодальной революции, сформировался многочисленный и

боевой рабочий класс, создавший свою самостоятельную политическую партию.

В этих условиях, если рабочий класс возглавит буржуазно-демократическую революцию, она может перерасти в социалистическую.

В известном смысле, считал Ленин, рабочие больше заинтересованы в буржуазно-демократической революции, чем сама буржуазия, которой выгодно в ее борьбе с пролетариатом опереться на остатки старины, например на монархию.

Новый тип буржуазно-демократической революции, руководимой рабочим классом, порождает, по теории Ленина, новый тип государственной власти — *революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.* Она проводит в жизнь те меры, которые соответствуют общим интересам этих классов: ликвидирует монархию и провозглашает демократическую республику, передает землю крестьянам, вводит 8-часовой рабочий день и т. д.

Вместе с тем, находясь у власти, рабочий класс принимает все меры к тому, чтобы демократическая революция перерастала в социалистическую. В условиях России это требовало перегруппировки классовых сил: социалистический переворот рабочий класс проводит в союзе уже не со всем крестьянством, а с его беднейшей частью, которая не менее рабочих заинтересована в переходе к социализму.

Развитие революции в России, писал впоследствии Ленин, подтвердило теорию большевиков. Буржуазно-демократическая революция в России действительно переросла в социалистическую.

В основном и главном ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую приложима *ко всем демократическим революциям* нашего времени. Это означает, разумеется, не то, что каждая демократическая революция обязательно перерастает в социалистическую, а лишь то, что она *может перерасти* в таковую, если рабочий класс сумеет занять в ней руководящее положение. Об этом говорит, в частности, опыт антифашистских *народно-демократических революций,* развернувшихся в конце второй мировой войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а также опыт национально-освободительных демократических революций в таких странах Азии, как Китай, Корея, Вьетнам.

И там и здесь революции, начавшиеся на общедемократической основе, не задержались на демократическом этапе, а более или менее быстро, с большими или меньшими трудностями развились в социалистические. Это еще раз показывает, сколь велико значение ленинской теории перерастания, развязавшей революционную активность рабочего класса и открывшей широкую перспективу перехода к социализму как

в экономически отсталых, так и в развитых капиталистических странах.

Следует, понятно, иметь в виду, что современная эпоха внесла немало нового по сравнению с временами первой русской революции. Тогда революция демократического типа носила в основном антифеодальный характер. Теперь в ряде стран она с самого начала нацелена не только и не столько против пережитков феодализма, сколько против крайне реакционного, монополистического крыла самой буржуазии. Другими словами, демократическая революция направлена теперь, в сущности, против того же врага, что и социалистическая революция рабочего класса. Это значит, что произошло дальнейшее *сближение* двух типов революции. В этих условиях борьба за разрешение демократических и социалистических задач может и не вылиться в две отдельные революции, а составит лишь два этапа единого революционного процесса.

Так именно и шло дело в народно-демократических революциях в странах Центральной и Восточной Европы. Борьба с пережитками феодализма не имела здесь самостоятельного значения, не она определяла характер революции. Своим острием революция была направлена против иностранного империализма и сомкнувшихся с ним местной крупной буржуазии и помещиков. Это с самого начала придало ей новый характер, создало особенно благоприятные возможности для перерастания ее в революцию социалистическую. Поэтому-то в одних странах здесь можно отчетливо проследить смену демократического этапа социалистическим, в других такого резкого членения нет; в одних развитие к социализму происходило более плавно и встречало меньшее сопротивление, в других оно сопровождалось резким обострением классовой борьбы. Но в то же время вполне проявились и общие закономерности перерастания революции, открытые марксизмом-ленинизмом.

В европейских странах народной демократии на первом этапе возникла демократическая власть народа, направленная против фашизма, национальных предателей из числа крупной буржуазии, помещиков, высшего чиновничества. Руководящей силой народной власти был рабочий класс.

Народная власть, во-первых, довела до конца ликвидацию последствий гитлеровского оккупационного режима и уничтожила политическое господство пособников оккупантов — помещиков и монополистической буржуазии, завершила таким образом освобождение этих стран от ига империализма и обеспечила национальную независимость, провела широкие демократические преобразования. Во-вторых, народная власть ликвидировала сохранявшиеся в ряде стран пережитки феодализма, осуществила демократическую аграрную реформу,

в результате которой класс помещиков был ликвидирован, а положение трудящихся крестьян значительно улучшилось.

Хотя содержанием этого первого этапа были главным образом преобразования общедемократического характера, тем не менее уже с первых дней народной власти был проведен ряд мер, выходивших за эти рамки. К числу таких мер относится осуществленная в том или ином объеме национализация предприятий, прежде находившихся в руках оккупантов и тесно связанной с ними монополистической буржуазии.

После того как были решены демократические задачи, рабочий класс и коммунистические партии взяли курс на переход от демократического этапа революции к социалистическому. Переход облегчался в этих странах тем, что там имелись крепкие, закаленные в многолетней подпольной борьбе компартии. Революция в европейских странах народной демократии протекала непрерывно, демократический и социалистический этапы составили две фазы единого революционного процесса, руководимого на всем его протяжении рабочим классом.

Характерной особенностью перерастания было то, что здесь не произошло коренной перегруппировки классовых сил. Подавляющее большинство тех, кто шел вместе с рабочим классом на демократическом этапе революции — большинство крестьянства, средние слои города, значительная часть интеллигенции, а в некоторых странах даже и известные слои буржуазии,— поддержало курс на строительство социализма. Здесь не понадобились такие политические шаги, как нейтрализация средних слоев крестьянства. В связи с этой своей особенностью переход от демократического этапа к социалистическому протекал в европейских странах народной демократии в основном мирным путем, без вооруженного восстания и гражданской войны.

Это не значит, что в рядах общедемократического блока не было противоречий. Блок состоял из классово разнородных сил, поэтому следовало ожидать, что, после того как будут разрешены общедемократические задачи, вскроются классовые противоречия. Действительно, развитие революции от первого этапа ко второму происходило не в порядке плавного и спокойного течения, а в порядке классовых столкновений, которые в некоторых странах (Чехословакия, 1948 г.) временами принимали острый характер.

Крайне правые лидеры социал-демократии и реакционные представители буржуазных партий не раз пытались задержать развитие революции, организовать при поддержке международной реакции контрреволюционные путчи. Расчет делался на то, чтобы оттереть рабочий класс от руководства общедемократическим блоком и направить развитие по буржуазно-демократическому пути. Однако правые элементы были отброшены прочь революционным народом, и переход от демокра-

тического этапа к социалистическому в странах Центральной и Юго-Восточной Европы увенчался полным успехом.

Наглядный пример перерастания революции от демократического этапа к социалистическому дали Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика и Демократическая Республика Вьетнам. Революции, развернувшиеся в этих странах, первоначально решали преимущественно задачи освобождения от гнета иностранных монополий и ликвидации феодальных порядков и пережитков. Но поскольку здесь во главе демократического блока стояла не национальная буржуазия, а рабочий класс, то революция в этих странах не застряла на буржуазно-демократическом этапе, и народы от демократических преобразований сразу же перешли к социалистическим.

В настоящее время большое значение для рабочего движения приобретает вопрос о перерастании в социалистическую революцию тех демократических народных революций, которые могут вырасти из общедемократических движений в развитых капиталистических странах.

Куда могут двигаться эти революции после свержения политического и экономического господства монополий?

В прошлом демократические революции открывали этап капиталистического развития общества. Для возможных в будущем антимонополистических народных революций в странах развитого капитализма такая задача стоять не может. Не станут же они выдвигать такую реакционно-утопическую цель, как, скажем, возвращение к порядкам домонополистического капитализма!

Следовательно, наиболее вероятный путь развития таких революций — это их перерастание в социалистическую революцию.

Свержение диктатуры капиталистических монополий в ходе демократической революции привело бы, во-первых, к отстранению от власти ставленников крупных монополий и переходу ее в руки народа, т. е. коалиции демократинеских сил, в которую могли бы войти рабочий класс, все слои крестьянства, средние слои городского населения, демократическая интеллигенция. Это означало бы, что *главные силы реакции* были бы изолированы и свергнуты уже на первом, демократическом этапе.

Во-вторых, свержение политического господства монополий позволило бы национализировать собственность крупных трестов и концернов. В развитых странах капитализма это привело бы уже на демократическом этапе революции к созданию мощного государственного сектора народного хозяйства, куда вошло бы 60—80% предприятий промышленности.

Таким образом уже в самом начале демократическая, антимонополистическая революция в странах развитого капи-

тализма заложила бы прочные основания для перехода к социализму. Значит, демократическая и социалистическая революции, которые и раньше не были отделены китайской стеной друг от друга, *еще более сближаются.*

Перерастанию демократической революции в социалистическую способствовали бы и другие объективные и субъективные предпосылки, сложившиеся в странах развитого капитализма: более или менее готовая материальная база социализма, развитое рабочее движение и т. д.

Кроме того, надо принять во внимание и несравненно более благоприятное, нежели когда-либо прежде, соотношение сил на международной арене.

Решающее значение для перерастания демократических народных революций в социалистические имеет существование сильных марксистско-ленинских партий, пользующихся широкой поддержкой во всех слоях народа, гибкая и умелая политика этих партий. Как ни сблизились между собой демократический и социалистический этапы, все же переход от одного к другому не может совершиться без сознательного руководства, без активного участия марксистско-ленинской партии.

Все это, конечно, не дает оснований закрывать глаза на специфические трудности, с которыми может столкнуться демократическая и социалистическая революция в развитых капиталистических странах. У нее будет прежде всего более сильный противник, чем у прежних революций. Крупные капиталистические монополии располагают сейчас мощным военно-полицейским аппаратом, многочисленными средствами идеологического воздействия на массы. Они накопили немалый опыт политических комбинаций и одурачивания масс. Поэтому и на сегодня сохраняет силу вывод В. И. Ленина о том, что нам (т. е. России) было легче начать, зато потом труднее продолжить. Наоборот, им (т. е. странам Запада) труднее начать, зато потом им будет легче [9].

Другие формы перехода масс от борьбы за демократические требования к социалистической революции

Демократическая антимонополистическая революция представляет собой возможный, но не неизбежный этап борьбы за социализм в современных капиталистических странах. Возможно, что общедемократические движения не приведут к таким революциям (или во всяком случае приведут не во всех странах) и социалистический переворот произойдет сразу, минуя общедемократический этап.

Как же оценивать современные демократические движения в свете такой возможности?

Не будут ли они помехой борьбе за социализм? Не лучше ли бороться «сразу» за свержение буржуазии и за диктатуру пролетариата, которая послужит одновременно самой

надежной гарантией удовлетворения общедемократических интересов рабочего класса и всех трудящихся?

Такие вопросы не раз рождались в рабочем движении.

На деле борьба за общедемократические цели не ослабляет, а, напротив, усиливает позиции трудящихся в борьбе за социализм. Она усиливает их прежде всего тем, что победы, одержанные трудящимися в борьбе за демократию, мир и т. д., создают более благоприятные условия для борьбы за социализм.

В то же время борьба за общедемократические интересы ослабляет реакционную буржуазию. Хотя это еще не борьба за социализм, но уже — борьба против главных сил капитализма, его ударных отрядов. Нанося им поражение, трудящиеся неизбежно подрывают устои господства класса капиталистов в целом.

Далее, на пути борьбы за общедемократические цели легче всего поднять и сплотить самые широкие массы народа против империализма, установить с ними прочный союз, завоевать авторитет, необходимый рабочему классу и его революционному авангарду для того, чтобы стать во главе масс.

И, наконец, борьба за общедемократические цели представляет собой хорошую школу политической организации, сплочения и закалки трудящихся масс. Эта борьба вплотную подводит самые широкие массы к пониманию того значения, какое имеет вопрос о власти, о том, в чьих руках будет государство. А это, как известно, главный вопрос в социалистическом перевороте.

Но связь демократических движений с социалистической революцией не исчерпывается тем, что они создают более благоприятные условия для освободительной борьбы рабочего класса и всех трудящихся.

Решающее значение имеет и тот факт, что в определенных условиях *непосредственно* под демократическими лозунгами может произойти переход больших отрядов трудящихся к борьбе за социализм, к союзу с рабочим классом в социалистической революции.

Известно, например, какую огромную роль при переходе широких масс трудящихся России к социалистической революции сыграли общедемократические устремления масс, их борьба за мир и землю. Когда крестьянство убедилось, что буржуазное правительство не даст ему ни мира, ни земли, оно в октябре 1917 г. перешло на сторону большевиков, что и обеспечило победу социалистической революции.

Ясно, что аналогичные ситуации не исключены и в будущем.

Нет смысла гадать о том, каким путем и с какими демократическими требованиями это может произойти. Подвести массы к решительной борьбе за социализм может любое из

них, в зависимости от конкретной обстановки. Перед лицом непосредственной угрозы атомной войны, подготовляемой реакционной буржуазией, это может быть массовое выступление за мир. В других условиях на путь социализма может привести трудящихся широкое антифашистское движение, или борьба в защиту национального суверенитета, или целый ряд таких движений, слившихся в один поток демократической борьбы.

Во всяком случае здесь важно одно: в современных условиях общедемократические движения масс, направленные против империализма и монополистической буржуазии, все теснее связываются с борьбой за социализм.

Отдавая себе в этом отчет, нельзя вместе с тем относиться к демократическим движениям как к простому средству подвода масс к социалистической революции.

Нельзя прежде всего потому, что они имеют огромное *самостоятельное* значение для народов вообще, для рабочего класса в особенности. Разве борьбу за мир, против атомно-водородного истребления можно рассматривать лишь как некое резервное средство? Разве это не одна из главных целей всего демократического и прогрессивного человечества? То же самое относится и к борьбе против фашизма или против позорной практики колониализма, от которой еще недавно страдала большая часть человечества.

Вместе с тем марксистско-ленинский подход к общедемократическим движениям требует полной ясности классовой позиции. Как бы важны ни были те или иные движения, каждый коммунист, каждый сознательный рабочий не упускает из виду конечные цели рабочего движения. Но это не делает его менее сознательным и самоотверженным борцом за непосредственные интересы народных масс, за такие их требования, как мир, демократия, национальная независимость и суверенитет.

Далеко не каждый демократ является сторонником социализма. Но любой сознательный борец за социализм представляет собой последовательного защитника демократии, всех демократических интересов трудящихся.

3. Вызревание условий для пролетарской революции

Социалистическая революция — большое и сложное дело, в котором участвуют миллионные массы, сталкиваются и взаимодействуют различные классовые силы, партии и организации. Ясно, что даже тогда, когда революция полностью назрела, когда основной классовый антагонизм капиталистического общества достиг крайней остроты,— все равно она не может произойти в любой, произвольно выбранный момент

и в любой, произвольно выбранной обстановке. Для того чтобы пролетарская революция успешно развернулась и передала власть в руки трудящихся, необходима совокупность определенных условий.

Революция — прорыв слабого звена в системе империализма

В эпоху империализма пролетарскую революцию в той или иной стране нельзя рассматривать как отдельное, изолированное явление. Империализм является мировой системой, с которой в большей или меньшей степени связана каждая капиталистическая страна. Поэтому в современную эпоху нельзя оценивать предпосылки и перспективы пролетарской революции в той или иной стране, исходя только из ее внутреннего состояния; теперь этот вопрос следует рассматривать с точки зрения состояния всей мировой системы империализма в целом.

Как известно, из этого исходил В. И. Ленин, вырабатывая свою теорию о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Он показал, что в силу действия закона неравномерности развития мировая система империализма переживает периодические кризисы и потрясения, которые делают ее уязвимой для пролетарской революции. Это открывает перед трудящимися отдельных стран возможность прорыва фронта мирового империализма там, где он оказывается всего слабее.

Что подразумевается под слабым звеном в системе империализма? Имеется в виду страна или группа стран, где экономические и политические противоречия капитализма достигают особенной остроты, где правящие классы оказываются неспособными справиться с революционным движением, а силы революции велики и организованны, где, стало быть, складываются наиболее благоприятные условия для свержения капитализма.

До сих пор мировое освободительное движение трудящихся шло именно таким путем — путем прорыва слабых звеньев империализма.

Нет сомнения, что, как бы ни изменялась в будущем конкретная обстановка в той или иной стране или во всем мире, выдвинутые Лениным положения о созревании условий для пролетарских революций полностью сохранят свое значение для освободительной борьбы рабочего класса. Переход от капитализма к социализму — это не акт одновременного освобождения всех стран от господства капитализма, а процесс отпадения отдельных стран от мировой капиталистической системы. Это отпадение происходит в результате ослабления мирового фронта империализма.

Это значит, что поле для социалистической революции в громадной степени расширилось. Теперь, когда система империализма в целом созрела для перехода к социализму, *уже не*

осталось стран, которые в силу своей экономической отсталости или каких-либо других внутренних причин не могли бы вступить на путь социалистической революции. И для этих стран открывается перспектива при экономической помощи социалистических государств начать движение к социализму.

Обязательно ли революция связана с войной

До сих пор историческое развитие складывалось таким образом, что революционное ниспровержение капитализма и отпадение стран от капиталистической системы каждый раз было связано с мировыми войнами. Как первая, так и вторая мировые войны послужили мощными ускорителями революционного взрыва. Ленин говорил о первой мировой войне, что она была великим, могучим, всесильным «режиссером», который, «с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой — породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные»[10]. Ослабление капиталистической системы в итоге первой мировой войны позволило прорвать фронт империализма в 1917 г. в царской России.

Еще более могучим «режиссером» была в этом смысле вторая мировая война. В результате разгрома главных сил международной реакции — германского и итальянского фашизма и японского милитаризма — возникла возможность освобождения от гнета капитализма еще ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а также великого Китая, Северной Кореи и Северного Вьетнама. Те же причины облегчили освобождение от гнета империализма народов Индии, Индонезии, Бирмы и других колониальных и зависимых стран.

Из этих исторических фактов вполне можно сделать вывод, что в эпоху империализма мировые войны, до крайности обостряющие социально-политические противоречия капиталистического общества, неизбежно ведут к революционным переворотам. Если империалисты пренебрегут этими уроками истории и рискнут развязать третью мировую войну, то она не может не привести к крушению всей системы мирового империализма. Человечество наверняка не захочет более терпеть этот строй, который подвергает смертельной опасности физическое существование целых народов и обрекает миллионы людей на страдания и гибель.

Но из всего этого вовсе не следует, что дальнейшие революционные победы над капитализмом предполагают в качестве своей обязательной предпосылки войну. *Если мировые войны немыслимы без революций, то революции вполне возможны без войн.*

Война не является ни источником, ни необходимым условием революции. Это доказано, в частности, опытом нацио-

нально-освободительных революций последнего времени. В прошлом такие революции, как правило, могли рассчитывать на успех только в обстановке кризиса и замешательства, созданной империалистической войной. Теперь мы знаем примеры победоносных демократических революций, развернувшихся в условиях мирного времени,— июльская революция в Ираке (1958 г.), народное восстание на Кубе (1959 г.).

Марксизм-ленинизм учит, что пролетарская революция есть следствие крайнего обострения социальных и политических противоречий. Между тем, такое обострение в современную эпоху, как уже говорилось выше, стало хроническим состоянием в большинстве стран современного капитализма, переживающего глубочайший общий кризис.

Для того чтобы внутренние противоречия капитализма прорвались с огромной силой наружу, в этих условиях не надо ждать войн или каких-либо других внешних толчков. При том высоком уровне сознательности и организованности, которого достигло в наше время революционное рабочее движение, при наличии благоприятных международных условий революционный взрыв может последовать и в результате тех процессов, которые развертываются в экономической и политической жизни капиталистических стран.

Прогрессирующее внутреннее ослабление капитализма — вот конечная и неотвратимая причина того, что трудящиеся, находящиеся под гнетом капитала, могут рассчитывать на все новые и новые успехи в великом движении за свое социальное освобождение.

Что такое революционная ситуация

Всякая революция, достойная этого названия,— это действие широких народных масс, поднявшихся на беззаветную борьбу, полных решимости изменить общественные порядки и условия своего существования. Но если речь идет о борьбе целых классов и народов, то наивно было бы думать, что их можно привести в движение по чьей-либо прихоти. Народы и классы поднимаются на борьбу под влиянием глубоких побудительных причин, которые вырастают из объективных условий их жизни.

Ленинизм выработал общие критерии для суждения о том, созрели ли условия для революции, благоприятствует ли объективная обстановка борьбе масс за власть. На политическом языке такая благоприятная обстановка называется *революционной ситуацией.*

В. И. Ленин указывал, что революционную ситуацию характеризуют три главных признака: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов.

Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией» [11].

Особенно важно замечание Ленина о том, что для революционной ситуации недостаточно, чтобы массы были охвачены недовольством и возмущением. Для революции, кроме того, необходимо, чтобы правящие классы не могли жить и управлять по-старому. Иными словами, революция невозможна без общенационального, т. е. охватывающего как «низы», так и «верхи», кризиса. Из этого следует, что революционная партия рабочего класса не может строить свою тактику, исходя только из настроения масс; она должна принять во внимание и поведение господствующих классов.

Революционная ситуация возникает тогда, когда политика правящих кругов обанкротилась и зашла в тупик, когда в народных массах растет и ширится недовольство, а в «верхах» царит замешательство, когда, как говорится, в самом воздухе носится идея крутых перемен. Это обычно происходит в бурные периоды истории, когда от того или иного поворота событий нередко зависят судьбы классов и целых народов. Массы в этот момент стоят перед выбором: или — или, третьего не дано. Они поднимаются для свержения существующей власти потому, что на опыте убеждаются в невозможности иным способом добиться удовлетворения своих коренных жизненных интересов.

Даже у самых классово несознательных слоев трудящихся пробуждается в такие моменты ощущение общего смысла событий, решимость действовать активно. Это имел в виду Маркс, когда писал о днях, в которых «сосредоточивается по 20 лет».

Среди *объективных* причин, накаляющих обстановку, решающую роль, как правило, играют экономические факторы: серьезное обострение нужды и бедствий угнетенных классов. Сверхобычное усиление эксплуатации, массовая безработица, бурный рост дороговизны, кризисные явления в экономике, лишающие массы уверенности в завтрашнем дне и перспектив на будущее,— все это, несомненно, делает особенно вероятным

взрыв революционной активности масс. Однако марксисты никогда не рассматривали материальные причины в качестве единственных факторов, революционизирующих сознание и волю трудящихся масс.

Вопрос о факторах, формирующих революционную ситуацию, особенно в нынешних условиях, требует широкого подхода и учета различных процессов, которые происходят в капиталистическом мире. Элементы для революционного взрыва в капиталистических странах накапливает, например, обостряющаяся опасность военных авантюр и возрождения фашизма. Угроза вовлечения страны в атомную катастрофу вполне может быстро поднять решимость масс до открытого выступления против власти политических авантюристов, выполняющих волю узкой группки военных монополий. Необузданная политическая реакция может также привести к назреванию революционной ситуации. Такую же роль могут сыграть опасность оккупации страны иностранными войсками и другие факторы.

Напрасны поэтому надежды тех, кто думает, что от революции в современную эпоху можно откупиться половинчатыми социальными реформами и частичным улучшением условий жизни трудящихся. Носители подобных иллюзий не хотят и не могут понять, что теперь классовые противоречия в той или иной стране могут обостриться до степени революционной ситуации в силу не только экономических, но и политических причин.

Однако, указывает Ленин, революция вырастает не из всякой революционной ситуации, а лишь тогда, когда к необходимым объективным условиям присоединяются *субъективные*. Огромную роль играют способность и готовность революционного класса к решительным действиям, достаточно сильным для того, чтобы сломить или надломить существующую власть, которая никогда, даже в эпоху кризиса, сама не «упадет», если ее не «уронят».

Именно во время революционных кризисов проверяются политическая зрелость и боеспособность *партий рабочего класса*. На партию ложится громадная ответственность: она должна не упустить благоприятных возможностей, верно выбрать момент, в который ее призыв к решительным действиям будет поддержан широчайшими массами. Ленин не раз подчеркивал, что в эти часы от вождей рабочего класса требуется не только умение научно анализировать обстановку, но и особое революционное чутье.

В частности, Ленин предостерегал революционные партии от одной опасности, которая не исключена в периоды бурного развития событий. Это опасность понадеяться только на свои собственные силы, принять настроения и решимость авангарда за настроения всего народа.

Без руководства партии невозможна революция, однако партия не может осуществить ее только своими собственными силами. В. И. Ленин предупреждал: «С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков — основной закон всех великих революций...» [12].

Таковы вкратце взгляды марксизма-ленинизма на революционную ситуацию, которая складывается в силу объективных причин, но может быть успешно использована для революционного действия только партией, понимающей требования исторического момента, тесно связанной с массами и умеющей вести эти массы за собой.

Из революционной ситуации в разных условиях могут вырастать революции различного типа. При демократической революции создается благоприятная обстановка для прихода к власти широкой народной коалиции, при пролетарской — рабочего класса и его союзников. В какой форме произойдет революция, каким путем придут к власти народная коалиция или рабочий класс — это зависит от многих обстоятельств.

4. Переход власти в руки рабочего класса

Центральный вопрос всякой революции — это вопрос о власти. Задачей буржуазных революций прошлого была передача власти из рук феодалов в руки восходящего класса — буржуазии. Задача пролетарской революции — отобрать власть у реакционной буржуазии и ее политических маклеров и передать ее рабочему классу и его союзникам. Эта революция лишает эксплуататорские классы их политического владычества, разрушает основы их экономического могущества. Она кладет начало новому историческому периоду — периоду перехода от капитализма к социализму.

Тот факт, что социалистическая революция во всех странах и при всех условиях ставит одинаковую политическую цель, не означает, однако, что она повсюду совершается в одних и тех же формах. Нет, способы ликвидации господства реакционной буржуазии могут быть различными. Марксизм-ленинизм отвергает раз и навсегда заданные, годные

для всех времен и народов способы и формы завоевания политической власти. Они меняются в зависимости от общих условий эпохи, конкретной обстановки в данной стране и ее национальных особенностей, остроты революционной ситуации, соотношения классовых сил, степени организованности рабочего класса и его противников.

Перед каждой партией рабочего класса, когда она нацеливает массы на пролетарскую революцию, возникает прежде всего вопрос о том, какой характер — мирный или немирный — примет социалистический переворот. Это зависит в первую очередь от объективных условий: от обстановки внутри данной страны, в том числе от уровня развития классовой борьбы, от ее накала и силы сопротивления господствующих классов, а также от международной обстановки.

Следует к тому же иметь в виду, что во всякой революции выбор форм борьбы зависит не только от одной стороны. В социалистической революции он зависит не от одного лишь рабочего класса, выступающего на штурм капитализма, но и от буржуазии и ее наемников, обороняющих пошатнувшиеся крепостные стены эксплуататорского строя.

Рабочий класс не стремится решать социальные проблемы с помощью насилия. Ленин всегда подчеркивал, что «рабочий класс предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть...» [13] Буржуазия не хочет считаться с этим предпочтением и, если может, навязывает революционным рабочим самые острые, насильственные формы и методы борьбы.

Возможность немирного разрешения вопроса о власти

Уроки истории говорят о том, что господствующие классы добровольно с общественной арены не сходят и сами власти не сдают. Опираясь на весь аппарат своего государства, они силой подавляют малейшие революционные выступления, любые попытки лишить их классовых привилегий.

Поэтому-то классической формой политического переворота с давних времен является вооруженное восстание революционного класса против старых господствующих классов. Никто, кстати сказать, не знает этого лучше, чем сама буржуазия, представители которой осмеливаются теперь бросать революционным рабочим обвинение в «пристрастии» к насилию. В период, когда буржуазия рвалась к власти, она с готовностью пускала в ход оружие против своих классовых противников, пытавшихся преградить ей дорогу.

Более того, в то время буржуазия еще имела достаточно исторической смелости, чтобы открыто провозглашать право масс на насилие в борьбе за утверждение новых, более прогрессивных общественных порядков. В таком важном документе американской буржуазной революции, как Декларация независимости (1776 г.), прямо говорится *не только* о *праве,*

но даже об обязанности каждого народа *не только изменить, но и уничтожить старую форму правления,* если она противоречит интересам народа.

Только тогда, когда под угрозой свержения оказалась такая отжившая и переставшая служить общественным интересам форма правления, как господство самой буржуазии, выродившееся в диктатуру узкой финансовой олигархии, буржуазия перешла к «принципиальному» осуждению насилия, обращенного против «законной» власти.

Враги социализма в течение ряда десятилетий старались исказить позицию марксизма-ленинизма в отношении вооруженного восстания и его места в социалистической революции. Коммунистов пытались и пытаются изображать как заговорщиков, путчистов, стремящихся за спиной масс взять власть в свои руки. В таких утверждениях нет ни грана правды.

Излагая взгляды марксизма на вооруженное восстание, Ленин неустанно подчеркивал серьезность и ответственность этой формы борьбы, предупреждал революционных рабочих против всякого авантюризма, против заговорщической игры в «захват» власти. Восстание всегда представлялось ему как широкое действие трудящихся масс, руководимых сознательной частью рабочего класса. За пять месяцев до Октябрьской революции, в мае 1917 г., Ленин говорил: ««Захвата» власти мы не хотим, так как весь опыт революций учит, что только та власть прочна, которая опирается на большинство населения» [14]. Именно такая прочная власть и была создана в результате социалистической революции в России в октябре 1917 г.

В работах Ленина можно найти развернутый анализ такого, по его выражению, *«особого* вида политической борьбы», как вооруженное восстание. Ленин давал следующие советы революционерам:

«1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца.*

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление.* «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *«моральный перевес»»* [15].

Умелое применение этих ленинских указаний на практике было одним из условий успеха Октябрьского социалистиче-

ского переворота в России, едва ли не самой бескровной революции в истории. Ведь при штурме Зимнего дворца, закончившемся низложением Временного правительства и переходом власти к Советам, было убито с обеих сторон всего несколько десятков человек.

Никто, разумеется, не утверждает, что пролетарские революции в других странах обязательно будут носить такой же характер, какой в России. Объясняя позднее ожесточенный характер революционных битв в России, Ленин отмечал два обстоятельства.

Во-первых, эксплуататоры были разбиты только в одной стране; сразу после переворота они еще обладали рядом преимуществ перед рабочим классом и потому оказывали долгое, отчаянное сопротивление, до последней минуты не теряя надежды на реставрацию [16].

Во-вторых, русская революция вырастала «из великой империалистской бойни», в обстановке неслыханного роста военщины и милитаризма. В такой революции дело не могло обойтись «без заговоров и контрреволюционных покушений со стороны десятков и сотен тысяч офицеров, принадлежащих к классу помещиков и капиталистов...» [17]. А это не могло не вызвать контрмер со стороны восставшего народа.

Другие страны, указывал Ленин, пойдут к социализму более легким путем.

Возможность мирного пути революции

Большие преимущества имеет мирный переход к социализму. Он позволяет проделать коренное преобразование общественной жизни с наименьшими жертвами со стороны трудящихся, с минимальными разрушениями производительных сил общества и остановками в производственном процессе. Рабочий класс берет в этом случае производственный аппарат из рук капиталистических монополий почти в нетронутом виде и, проведя необходимую реорганизацию, сразу же пускает его в ход, с тем чтобы в короткий срок дать всем слоям населения почувствовать преимущества нового способа производства и распределения.

Мирное взятие власти больше отвечает всему мировоззрению рабочего класса. Его великие гуманистические идеалы исключают применение насилия ради насилия, тем более что сила исторической правды, носителем которой выступает рабочий класс, такова, что он вполне может рассчитывать на поддержку громадного большинства населения.

Весь вопрос заключается, следовательно, не в том, хотят марксисты и революционные рабочие мирной революции или нет, а в том, есть ли для этого объективные предпосылки.

Маркс и Ленин считали, что в определенных условиях такие предпосылки могут сложиться. Например, в 70-х годах прошлого столетия Маркс допускал такую возможность для

Англии и Америки. Он исходил прежде всего из того, что в те годы, которые были годами наибольшего расцвета домонополистического капитализма, в Англии и Америке военщины и бюрократии было меньше, чем где-либо; стало быть, переворот мог не вызвать широкого применения насилия со стороны буржуазии и поэтому не потребовать соответствующих контрмер со стороны пролетариата. Рабочий класс уже тогда преобладал среди населения Англии и отличался высокой организованностью и сравнительно высокой культурностью, а буржуазия отличалась привычкой решать спорные вопросы компромиссом. В этих условиях Маркс считал возможной мирную победу социализма, например путем выкупа рабочими средств производства у буржуазии.

Ленин впоследствии писал по этому поводу: «Маркс не связывал себе — и будущим деятелям социалистической революции — рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как *часто* и *сильно* будет она меняться в ходе переворота» [18].

Гибкость в применении различных форм революции всегда отличала подлинных марксистов.

Русские марксисты-ленинцы, хотя и готовились к вооруженному перевороту, тем не менее не упускали ни малейшей возможности добиться политического переворота мирными средствами. Когда в ходе русской революции в апреле — июне 1917 г. возникла перспектива мирного перехода к социалистическому этапу революции, Ленин предложил немедленно воспользоваться ею. В первое время после Февральской революции Россия была самой свободной страной: народ завоевал такие права, каких не было ни в одном из самых демократических государств. Поэтому в своих знаменитых «Апрельских тезисах» Ленин выдвинул лозунг *мирной* революции. Лишь после июльских событий 1917 г., когда Временное правительство расстреляло на улицах Петрограда демонстрацию рабочих и солдат, лозунг мирной революции был снят. На насилие буржуазной власти пришлось ответить вооруженным восстанием.

Мирный переход к социалистическому этапу революции не удался в России не по вине большевиков. После установления власти Советов рабочим и крестьянам, как известно, пришлось обильно проливать свою кровь на фронтах гражданской войны. Поскольку это зависело от большевиков, дело могло бы обойтись и без такой войны. От имени Советской власти Ленин предлагал заключить соглашение с российскими и иностранными капиталистами, предоставить им концессии, создать государственно-капиталистические предприятия. Однако капиталисты не согласились на это, а, получив поддержку

международного империализма, развязали в стране кровавую междоусобицу.

В период между первой и второй мировыми войнами реакционная буржуазия во многих странах Европы, непрерывно развивавшая и совершенствовавшая свою полицейско-бюрократическую машину, свирепо расправлялась с массовыми движениями трудящихся и не оставляла возможности для свершения социалистической революции мирным путем. Такая возможность наметилась лишь в последние годы — в результате всемирно-исторических перемен, происшедших после второй мировой войны.

Эти перемены, наложившие свою печать на жизнь всех народов и всех классов общества, а также опыт борьбы братских коммунистических партий были обобщены в отчетном докладе Н. С. Хрущева на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза. Съезд пришел к выводу, что *в современных условиях появилась возможность перехода отдельных стран к социализму без вооруженного восстания и гражданской войны.* Этот вывод затем нашел подтверждение в Декларации Совещания коммунистических и рабочих партий и стал, таким образом, общим достоянием мирового коммунистического движения.

Мирный путь революции стал возможным в силу появления ряда новых факторов.

Во-первых, изменилось соотношение сил между социализмом и капитализмом в международном масштабе. Империалисты уже не господствуют безраздельно на мировой арене. Им противостоит мощный лагерь социалистических государств, окрепшее международное рабочее движение, демократические силы всего мира. Это значит, что для революции создалась более благоприятная внешняя обстановка.

Во-вторых, непрерывно растет притягательная сила идей социализма, число его сторонников во всем мире быстро увеличивается. Чем больших успехов добиваются социалистические страны в развитии экономики, культуры и социалистической демократии, тем сильнее тянутся к социализму трудящиеся капиталистических и колониальных стран, тем шире фронт сил, выступающих за переход к новому общественному строю.

В-третьих, в послевоенные годы во многих капиталистических странах стала реальной перспектива объединения большинства населения на антимонополистической, общедемократической основе и создания таким путем решающего перевеса сил над правящими группами буржуазии.

Таким образом, мирная революция стала возможной не потому, что правящие классы как-то изменили свою природу и стали склоняться к добровольному отказу от власти. Нет, она стала возможной потому, что теперь в ряде стран можно

добиться такого перевеса над реакцией, при котором реакционным классам, понявшим безнадежность сопротивления, не останется ничего другого, как капитулировать перед революционным народом. *Стало быть, и в этом случае исход революции решается реальным соотношением сил.*

Признав возможность мирной революции, марксисты-ленинцы вовсе не перешли на позиции реформизма.

Реформисты проповедуют мирный путь потому, что вообще отрицают классовую борьбу и революцию. По мнению правых социал-демократов, общество «социальной справедливости» возникает не в результате революционных действий трудящихся, а путем стихийной эволюции самого капиталистического общества. Марксисты-ленинцы отвергают такой взгляд: он не подтверждается ни общественной наукой, ни опытом жизни. Они знают, что всякая революция — мирная или немирная — есть результат классовой борьбы. Тем более социалистическая революция — мирная или немирная — все равно остается революцией, ибо ею решается вопрос о переходе власти из рук реакционных классов в руки народа.

Далее, реформисты считают мирный путь единственным путем к социализму. Марксисты-ленинцы, отметив появление возможности мирной революции, видят вместе с тем и другое: неизбежность в ряде случаев резкого обострения классовой борьбы. Там, где силен военно-полицейский аппарат реакционной буржуазии, рабочий класс столкнется с ожесточенным сопротивлением. Не подлежит сомнению, что в ряде капиталистических стран ниспровержение буржуазной диктатуры путем вооруженной классовой борьбы станет неизбежным.

Как не раз предупреждал Ленин, реакция может попытаться испробовать в последней, отчаянной битве все свои преимущества. Не учитывать такой возможности, не готовиться к твердому отпору реакции было бы величайшей ошибкой.

Об использовании парламента в революции

Одной из возможных форм мирного перехода к социализму может стать взятие власти рабочим классом путем завоевания большинства в парламенте.

В течение десятилетий коммунисты настойчиво разоблачали парламентские иллюзии, которые сеяли среди рабочих реформисты. Это не значит, что коммунистические партии вообще отрицали парламентскую борьбу. Они признавали ее значение для защиты повседневных интересов и демократических прав народа. Но тут же они указывали, что с помощью парламентской борьбы нельзя добиться коренных целей рабочего класса, нельзя вырвать власть из рук буржуазии.

Для своего времени эта позиция была правильной, она диктовалась тогдашними историческими условиями.

Однако теперь обстановка изменилась, и отношение революционных партий к парламентской борьбе стало иным. Проанализировав условия борьбы рабочего класса в современную эпоху, XX съезд КПСС пришел к выводу, что теперь для завоевания власти рабочим классом может быть использован механизм парламентской демократии.

В резолюции съезда говорится:

«В ряде капиталистических стран рабочий класс, возглавляемый его передовой частью, имеет в современных условиях реальную возможность объединить под своим руководством подавляющее большинство народа и обеспечить переход основных средств производства в руки народа. Правые буржуазные партии и формируемые ими правительства все чаще терпят банкротство. В этих условиях рабочий класс, объединяя вокруг себя трудящееся крестьянство, широкие круги интеллигенции, все патриотические силы и давая решительный отпор оппортунистическим элементам, не способным отказаться от политики соглашательства с капиталистами и помещиками, имеет возможность нанести поражение реакционным, антинародным силам, завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли» [19].

Этот тезис XX съезда КПСС учитывал мнение ряда зарубежных компартий, которые подходили к таким же выводам на основе своего собственного опыта.

Вполне понятно, почему марксистская мысль занялась этим вопросом. В капиталистическом мире происходит процесс складывания широких антимонополистических, антиимпериалистических коалиций, объединяющих большинство наций; из них могут вырасти новые типы народовластия, и парламент — общенациональное представительное учреждение — может послужить их организационной формой и орудием развертывания широкой борьбы против господства монополий.

Парламентский путь перехода к социализму дал бы ряд преимуществ рабочему классу. Формирование новой власти таким традиционным для многих стран учреждением, как парламент, сразу придало бы ей необходимый авторитет, облегчающий проведение последующих социалистических преобразований. Всякое сопротивление социалистическому перевороту в этом случае не только фактически, но и юридически было бы противозаконным, направленным против воли нации, выраженной парламентом.

Конечно, ошибочно думать, что завоевание власти парламентским путем возможно в любой день выборов. В это могут верить только реформисты, убежденные в том, что глубокие социальные перемены решаются простым голосованием. Марксисты-ленинцы не так примитивно представляют себе приход рабочего класса к власти через парламент. Коренные

вопросы общественной жизни всегда решаются борьбой народных масс, реальным соотношением классовых сил. И парламентская борьба обеспечивает переход к социализму только в том случае, если она опирается на массовое революционное движение рабочего класса, широких слоев народа.

Сводить все дело к так называемой свободной игре сил в парламенте, к парламентским комбинациям, означало бы впадать в тот самый «парламентский кретинизм», которым неизлечимо болеют правые реформистские лидеры. Постоянная связь с широкими массами, с революционным народным движением за стенами парламента — вот *главное условие того, что удастся практически осуществить социалистические преобразования парламентским путем.*

Когда в стране бурно нарастает всеобщее недовольство, когда создалась реальная коалиция демократических сил и массы требуют от левых партий сформировать революционное правительство — лишь в этом случае у реакционных классов будет отнята возможность сколько-нибудь серьезно сопротивляться и они вынуждены будут подчиниться воле народа.

Революционным рабочим партиям большинство в парламенте нужно не ради получения тепленьких местечек. Они используют предоставленную им власть для того, чтобы законодательным путем осуществить демократические и социалистические преобразования — национализацию собственности крупных монополий и др. Сам парламент тогда превратится в орудие действительной народной воли. Новая революционная власть не только сохранит существующие демократические права народа, но всемерно расширит их.

Невозможно заранее предвидеть, как конкретно сложится парламентский путь к социализму в той или иной стране, однако с одной возможностью следует считаться с самого начала. Не исключено, что там, где коалиция демократических партий получит на выборах большинство, правящие реакционные классы не захотят подчиниться воле нации и попытаются силой не допустить левые партии к власти. В этом случае демократические партии также вынуждены будут силой ответить на вызов реакции. Мирное течение революции может смениться немирным. Острота и формы последующей борьбы будут определяться соотношением классовых сил и международной обстановкой.

Опыт показывает, что класс капиталистов достаточно искушен, чтобы еще до того, как встанет вопрос о приходе левых партий к власти, затруднить им завоевание большинства. Когда для позиций правящих партий создается угроза, они вводят хитроумные избирательные системы, ограничивают права парламента и т. п.

Считаясь со всем этим, революционные партии рабочего класса стремятся овладеть всеми формами борьбы — мир-

ными н немирными, парламентскнмн н непарламентскими,— с тем чтобы быть готовыми в нужный момент пустить в ход ту из них, которая больше всего будет соответствовать складывающейся обстановке н ннтересам трудящихся.

5. Основные закономерности социалистической революции и особенности их проявления в различных странах

Важное место в марксистско-ленинской теории социалистнческой революции занимает вопрос о соотношении общих закономерностей революции и ее национальных особенностей. От правильного решения этого вопроса во многом зависит успех революции. Не удивительно, что вокруг него идет острая идеологическая борьба.

Ревизионисты выступают против признания общих закономерностей революции, преувеличивая национальные особенности. Поскольку такую точку зрения пытаются навязать партиям тех стран, где революция еще не произошла, смысл ее сводится к фактическому отказу от революции.

Догматики, наоборот, игнорируют необходимость учета в ходе революции национальных условий. Всюду онн требуют осуществления социалистнческой революции в соответствии с раз навсегда установленными схемами. Такая позиция также способна нанести немалый вред революционному двпжению. Великая сила социализма состоит как раз в том, что он утверждается в результате революционного творчества масс и входит в жизнь каждой нации в формах, близких и понятных народу, органически связанных со всем строем его национальной жизни. Догматики же своим игнорированием национальных особенностей, механическим копированием опыта других стран сковывают творческую активность масс и ослабляют притягательную силу социализма, создают дополннтельные трудности на его пути.

Учитывая опасность как ревизнонизма, так и догматизма, Декларация Совещания представителей коммунистическнх и рабочих партий (1957 г.) подчеркивает необходимость одновременно *вести борьбу против обеих этих тенденций.*

Марксизм-ленинизм нсходит из того, что, несмотря на различия конкретных условий н национальных традиций, социалнстнческой революции в разных странах свойственны некоторые принципиально важные общие черты и закономерности. Это н понятно: смена капитализма социализмом во всех странах представляет в основе своей один и тот же процесс. Он начинается с двух основных преобразований: 1) от политической власти отстраняются эксплуататорские классы, устанавливается власть трудящихся, руководимая рабочим классом, диктатура пролетариата; 2) собственность капиталистов

и помещиков ликвидируется, устанавливается общественная собственность на основные средства производства.

Эти два преобразования, как указывалось выше, могут происходить в разных формах. Однако во всех случаях, когда рабочий класс совершает переход к социализму, ему необходимо провести их. Без этого нет и не может быть социализма.

Наиболее полная формулировка принципов, соблюдение которых необходимо для победы социалистической революции, дана в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. В ней перечислены следующие принципы и главные закономерности, охватывающие весь период перехода от капитализма к социализму:

руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции в той или иной форме и установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме;

союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся;

ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства;

постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства;

планомерное развитие народного хозяйства, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся;

осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма;

ликвидация национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами;

защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов;

солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран — пролетарский интернационализм.

Эти общие принципы и закономерности представляют собой не что иное, как кратко сформулированные основные выводы из марксистско-ленинской теории пролетарской революции и строительства социализма.

Марксистско-ленинские партии отнюдь не добиваются претворения своих принципов в жизнь всюду в одной и той же форме, одними и теми же методами. Они считаются с конкретными условиями и национальными особенностями своих стран. Ленинизм учит, что ключ к успехам социалистической политики — это творческое применение общих принципов к конкретным условиям страны, сообразно оригинальным чер-

там ее экономики, политики и культуры, традициям ее рабочего движения, обычаям и психологии ее народа и т. п.

Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами, указывал Ленин, единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий, а такого применения *основных* принципов коммунизма, которое бы *«правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»[20].

Угадать, отыскать, схватить, исследовать и изучить национально-особенное, национально-специфическое в конкретном подходе каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи — такова важнейшая задача коммунистов.

Развитие человеческого общества от капитализма к социализму — *это единый всемирно-исторический процесс.* Однако социалистическая революция в отдельных странах, когда общественное развитие ставит ее в порядок дня,— это самостоятельное творческое действие трудящихся масс, живущих в определенной среде, прошедших свою жизненную школу. Это накладывает неизгладимый отпечаток на ход революционных процессов.

Совокупность форм и способов, какими в данной стране осуществляются общие для всех стран революционные преобразования, составляет своеобразие перехода этой страны к социализму. Основные закономерности перехода от капитализма к социализму едины для всех капиталистических стран. То общее, что имеется у разных капиталистических стран в их движении к социализму, доминирует над их национальными особенностями. Своеобразные условия той или иной страны могут частично изменить конкретные проявления основных закономерностей, но не могут отменить сами эти закономерности. Однако это не означает, что каждая страна идет к социализму каким-то путем, принципиально отличным от путей социализма в других странах. Есть один подлинный социализм — научный социализм Маркса и Ленина, установивший общие для всех стран и народов принципы устройства нового общества, выведенные из глубокого изучения законов общественного развития.

По мере накопления опыта проведения социалистических преобразований обогащается и марксистско-ленинская теория пролетарской революции. Творческое применение общих принципов марксизма-ленинизма к конкретным условиям отдельных стран есть одновременно и дальнейшее развитие самих этих принципов. Каждая страна — большая или малая — способна обогатить своим опытом марксистскую теорию социалистической революции.

ПЯТЫЙ РАЗДЕЛ

УЧЕНИЕ О СОЦИАЛИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ

ГЛАВА 21

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И ПРОЛЕТАРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Социалистический переворот приводит к власти трудящихся во главе с рабочим классом. Эксплуататорские классы — капиталисты и помещики — отстраняются от политической власти, но они еще не исчезают с арены классовой борьбы. С этого переворота начинается *период перехода от капитализма к социализму.* Это период, когда происходит революционное преобразование капиталистического общества в социалистическое.

Как учили классики марксизма-ленинизма, силой, которая осуществляет такое преобразование, может быть только *революционная диктатура пролетариата.*

Что такое диктатура пролетариата? *Это власть трудящихся, руководимая рабочим классом и имеющая своей целью построение социализма.*

«Диктатура пролетариата,— писал В. И. Ленин,— если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что:

только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» [1].

1. Историческая необходимость диктатуры пролетариата в переходный период

Социалистическая революция наносит удар по коренным интересам прежде господствовавших, а теперь отстраненных от власти эксплуататорских классов. Поэтому приход рабочего класса к власти и его курс на строительство социализма

встречают ожесточенное сопротивление свергнутых эксплуататорских классов. Более того, пока остаются эти классы, пока сохраняются экономические условия для их существования, остается и опасность реставрации старых, капиталистических порядков.

Неизбежность сопротивления реакционной буржуазии

Сопротивление реакционных классов приходилось преодолевать всем революциям. Восходящие классы вырывались из тисков старого общества, как правило, путем установления своей революционной диктатуры. Французская буржуазная революция 1789 г. произвела глубокие антифеодальные преобразования и оказала огромное влияние на развитие многих стран прежде всего потому, что она не остановилась перед решительным подавлением аристократов и других сторонников королевской власти.

Социалистическая революция — наиболее глубокое социальное преобразование; она уничтожает всякую эксплуатацию человека человеком, поэтому ей приходится преодолевать особенно ожесточенное сопротивление. Ведь господствующая буржуазия так долго и бесконтрольно пользовалась всеми привилегиями, которые даются властью, богатством и образованием, она так свыклась со своим положением, так уверовала в незыблемость порядков, при которых она командует, а другие подчиняются! Поэтому нет предела ярости реакционных классов, когда к власти приходят трудящиеся, которыми они привыкли помыкать, которых они заведомо считают неспособными постичь искусство государственного управления. Когда же простые люди труда посягают на самое священное в глазах эксплуататоров — на их частную собственность, когда под угрозой оказывается сама возможность паразитического существования, свергнутые угнетатели удесятеряют свое сопротивление.

Пока не закончится переходный период, говорил В. И. Ленин, «у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта *надежда* превращается в *попытки* реставрации. И после первого серьезного поражения, свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая», за их семьи, которые жили так сладко и которые теперь «простонародная сволочь» осуждает на разорение и нищету (или на «простой» труд...)»[2].

Рабочие, крестьяне и интеллигенция гордятся своим трудом, которым держится все общество. Но эксплуататоры, которые привыкли присваивать плоды чужого труда, считают трудовую жизнь величайшим несчастьем и унижением для себя.

Надежды реакционной буржуазии на реставрацию питаются тем, что, потеряв политическую власть, она еще располагает значительной силой. На первых порах она все еще имеет ряд преимуществ перед победившим рабочим классом.

Крупная буржуазия имеет возможность опереться на поддержку международного капитала. Участие войск 14 капиталистических государств в интервенции против молодой Советской республики, вооруженная поддержка империалистами гоминдановского режима в Китае, марионеток в Южном Вьетнаме и в Южной Корее, контрреволюционный мятеж в октябре 1956 г. в Венгрии, огромные суммы, которые ассигнуются США на подрывную деятельность в странах социализма,— все это показывает, что рабочему классу, свергнувшему капиталистов и помещиков в своей стране, приходится отражать бешеный натиск международной реакции.

Обеспечить защиту страны от внешнего нападения — обязанность всякой государственной власти. Но, когда власть переходит к трудящимся, оборона приобретает новый смысл, она становится продолжением той классовой борьбы, которую пролетариату приходится вести против контрреволюционной буржуазии внутри страны. В современных условиях, в связи с образованием мощного социалистического лагеря и ростом сил демократии во всем мире, появилась реальная возможность предотвратить военное вмешательство международного империализма во внутренние дела той или иной страны, совершающей демократический либо социалистический переворот. Однако до тех пор, пока существует империалистический лагерь, остается и опасность военного нападения на социалистические государства и поддержка империалистами сил, недовольных новым строем.

Далее, у свергнутых эксплуататорских классов, пока они не лишены полностью частной собственности на средства производства, сохраняются известные позиции в экономике. Они пытаются использовать их для саботажа и дезорганизации хозяйства. Утратив политическое господство, буржуазия стремится взять реванш в экономической области, воздвигнуть перед новой властью непреодолимые трудности. Свергнутая буржуазия находит опору в мелкотоварном производстве, которое постоянно рождает капитализм и, если этому не воспрепятствовать, может вести к его реставрации. Буржуазия пытается использовать неизбежные колебания крестьянства.

В первый период после революции представители бывших правящих классов обладают таким преимуществом, как более высокий образовательный уровень, опыт организации производства и управления, связи с инженерно-техническим персоналом, специалистами военного дела. Буржуазия способна некоторое время влиять на массы идейно и политически. Это влияние тем опаснее, что трудящиеся не сразу освобож-

даются от вековых привычек, порожденных эксплуататорским обществом. К тому же империализм оставляет массу деклассированных и преступных элементов, по преимуществу из среды разорившейся мелкой буржуазии. Из них могут вербоваться наемные отряды контрреволюции.

Нет такой социалистической страны, где реакционные классы не оказали бы сопротивления революционным преобразованиям. Характер этого сопротивления был различным, в зависимости от соотношения классовых сил. В России реакционные классы с помощью иностранных империалистов навязали народу ожесточенную гражданскую войну, которая длилась несколько лет и потребовала от рабочих и крестьян множества жертв. В некоторых европейских странах народной демократии сопротивление реакции выливалось в форму путча.

Поэтому, чтобы закрепить победу революции и парализовать сопротивление свергнутых классов, всюду понадобилась сильная и решительная власть, не останавливающаяся в случае необходимости перед применением мер принуждения. Это подтвердило положение марксизма-ленинизма о том, что при всяком переходе от капитализма к социализму диктатура неизбежна. Она необходима для подавления сопротивления эксплуататоров и для пресечения действий бандитов, воров, грабителей и других уголовных преступников — всех элементов разложения старого общества, которые, как грязная пена, всплывают на поверхность в этот период.

Значит, со взятием власти пролетариатом его классовая борьба с эксплуататорами еще не прекращается. Она продолжается и в переходный период, достигая временами большой остроты. Но борьба протекает в новых условиях и в иных формах. Новое состоит в том, что трудящиеся классы теперь впервые располагают политической властью, которой раньше владели только эксплуататоры. «Диктатура пролетариата,— писал В. И. Ленин,— есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии» [3].

Отношение рабочего класса к насилию

Нет другого вопроса, вокруг которого враги коммунизма нагромоздили бы столько лжи и злонамеренных выдумок, как вопрос о диктатуре пролетариата. Стремясь запугать трудящихся, сыграть на их демократических устремлениях, они изображают диктатуру пролетариата как отрицание демократии, как диктатуру отдельных групп или лиц, как «тоталитаризм», политический произвол и т. п. Особенно усердно нападают на то, что коммунисты признают в определенных условиях необходимость насилия. На этом ос-

новании диктатуру пролетариата пытаются представить как сплошное насилие, которое будто бы вытекает из самого мировоззрения коммунизма.

Между тем, как говорил В. И. Ленин, «в нашем идеале нет места насилию над людьми». Классу, который сам на протяжении столетий был объектом подавления, свирепых расправ и преследований, глубоко ненавистны порядки, делающие возможными насилие над людьми, их угнетение и унижение. Рабочему классу чуждо и чувство мести в отношении тех, кто его эксплуатировал. Он берет власть не для того, чтобы мстить, а для того, чтобы построить новое общество, освобождающее людей от эксплуатации и всех видов гнета.

Следуя своим гуманным, благородным целям, рабочий класс старается выбирать и соответствующие средства борьбы. «Цель оправдывает средства» — лозунг иезуитов, а не коммунистов. Коммунисты используют любую возможность, позволяющую обойтись без насилия как в ходе борьбы за власть, так и в период построения социализма. И если рабочему классу все же приходится прибегать к насилию, то это вызывается сопротивлением уходящих классов, следовательно, в нем виновато не новое, социалистическое общество, а старое, капиталистическое.

Ошибаются те, кто думает, что диктатура пролетариата и применение насилия в отношении насильников противоречат гуманизму. Дело обстоит как раз наоборот. Чем решительнее новая власть, тем беспочвеннее надежды реакционеров на реставрацию, тем меньше надобности в применении силы. И, наоборот, чем рабочая власть слабее и нерешительнее, тем яростнее контрреволюционные попытки со стороны буржуазии, тем тяжелее последствия классовой борьбы. Меньше крови будет пролито в будущем, если своевременно подавить кучку контрреволюционных заговорщиков.

Буржуазная пропаганда старается представить политическое подавление исключительно как террор, репрессии и прямые ограничения демократических прав. Но такие крайние меры применяются лишь как ответ на активное сопротивление самой буржуазии. Если свергнутые реакционные классы поднимают оружие, они наталкиваются на решительные действия рабочей власти, которая лишает их способности к сопротивлению. Но в других случаях дело может ограничиться ненасильственными мерами, ведущими к постепенной ликвидации условий существования эксплуататорских классов: национализацией капиталистической промышленности, приобщением к труду и перевоспитанием лояльно настроенной части буржуазии и т. п. Однако при всех условиях диктатура пролетариата не основывается на произволе и беззаконии, наоборот, она создает твердую революционную законность и

правопорядок в стране, требуя неукоснительного исполнения законов как от граждан, так и от должностных лиц в государственном аппарате новой власти.

Поскольку это зависит от рабочего класса, он всегда отдает предпочтение ненасильственным методам перед методами репрессий. Ведь чем шире слой буржуазии, готовой сотрудничать с рабочим классом, тем легче проходят социалистические преобразования, тем меньших человеческих и материальных жертв они потребуют, тем скорее найдут применение в новом обществе знания и организационные навыки лояльно настроенной части бывших капиталистов и в прошлом близких к ним групп интеллигенции.

Капиталисты и помещики России, развязав гражданскую войну, сами вынудили Советскую власть применить к ним репрессивные меры, которые были только ответом на насилие со стороны свергнутых эксплуататоров. Это признавали многие объективные наблюдатели. Герберт Уэллс, который побывал в России в 1920 г., писал: «Не коммунизм, а европейский империализм втянул эту огромную, расшатанную, обанкротившуюся империю в шестилетнюю изнурительную войну. И не коммунизм терзал эту страдающую и, быть может, погибающую Россию субсидированными извне непрерывными нападениями, вторжениями, мятежами, душил ее чудовищно жестокой блокадой. Мстительный французский кредитор, тупой английский журналист несут гораздо бо̀льшую ответственность за эти смертные муки, чем любой коммунист» [4].

Как только позволяла обстановка, Советская власть переходила к другой политике в отношении буржуазии. Известно, например, что В. И. Ленин после взятия Ростова в январе 1920 г. объявил, что теперь можно отменить смертную казнь. Но эксплуататоры срывали эти попытки, снова и снова переходя в атаку на завоевания революции.

То, что оказалось неизбежным в России, где свергнутые классы до последней минуты не теряли надежды на реставрацию, вовсе не составляет общей закономерности социалистической революции. Новое в этом отношении дал опыт стран народной демократии и особенно Китая, где оказалось возможным распространить меры перевоспитания на более или менее значительные слои буржуазии.

Еще более благоприятными могут оказаться условия грядущих социалистических революций. В ряде стран диктаторские меры, возможно, понадобятся только против узких групп монополистического капитала и их пособников. В этих странах после прихода рабочего класса к власти может оказаться вполне реальным применение к основной массе буржуазии методов перевоспитания. Конечно, методы убеждения и перевоспитания возобладают только в том случае, если будет создан подавляющий перевес сил рабочего класса и народа,

если свергнутые классы будут знать, что все попытки реставрации натолкнутся на твердую и решительную позицию рабочей власти. Сама функция подавления эксплуататорских классов и в этом случае не отпадет — она останется, хотя и будет осуществляться иными методами и в течение более коротких сроков.

Но какими бы методами ни осуществлялась диктатура пролетариата, всегда она является, как подчеркивал Ленин, упорной борьбой против сил и традиций старого общества [5].

И тогда, когда рабочая власть вынуждена прибегать к насильственным мерам, применяемые ею методы принципиально отличаются от методов господства эксплуататорских классов, которое в основе своей держится на насилии. Сила диктатуры пролетариата в ее широкой социальной базе, в том, что она выражает волю народа и применяется самим народом. В. И. Ленин писал, что сила, на которую опирается власть рабочего класса,— это не сила штыка, захваченного горсткой военных, не сила полицейского участка, не сила денег. Эта сила опирается на народную массу. Вот основное отличие новой власти от всех прежних властей. Имея в виду первые годы становления Советов, Ленин говорил: «Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти» [6].

Наконец, в то время как для эксплуататорского государства подавление — главная функция, определяющая всю его деятельность, для государства рабочего класса подавление — это отнюдь не главное. Главной его задачей является преобразование экономики, всей социально-политической жизни на социалистических началах. «Не в одном насилии,— писал Ленин,— сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя, пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком» [7].

Быть марксистом — значит признавать необходимость диктатуры пролетариата

Вопрос о диктатуре пролетариата находится в центре идеологических разногласий между марксистами-ленинцами и реформистами. Учение о пролетарской диктатуре как единственном средстве покончить со всей мерзостью и жестокостью эксплуататорского общества всегда было и остается пробным камнем для выяснения искренности и серьезности социалистических устремлений рабочих партий и их лидеров.

Тот, кто ограничивается простым признанием классовой борьбы, еще не марксист. В. И. Ленин писал: «Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма»[8].

То, что вопрос о диктатуре пролетариата занимает в марксизме-ленинизме особое место, вполне объяснимо: без завоевания политической власти, без диктатуры пролетариата нельзя добиться победы социализма. Учение Маркса — Ленина о создании общества без классов и эксплуатации осталось бы простым пожеланием, если бы рабочий класс и его марксистско-ленинские партии не сосредоточили своих усилий на решающем — на том, чтобы всемерно использовать взятую власть для социалистической переделки общества.

Вопрос о диктатуре пролетариата и исторически стал главным в той идейной борьбе, которая велась и ведется в международном рабочем движении. Как раз в этом вопросе лидеры II Интернационала подвергли наибольшей ревизии марксизм и фактически отказались от идеи диктатуры пролетариата. Они противопоставили ей оппортунистическую теорию «чистой», «надклассовой» демократии, которая будто бы может стать мостом к социализму. На деле под так называемой чистой демократией оппортунисты подразумевают буржуазную демократию.

В. И. Ленин заклеймил лидеров II Интернационала, в частности Карла Каутского, как ренегатов марксизма. Он доказал, что теория правых социал-демократов в условиях ожесточенной борьбы между империалистической буржуазией и пролетариатом означает отказ от социализма.

С тех пор прошло почти полстолетия. Что же показал исторический опыт?

Рабочий класс в союзе с крестьянством завоевал власть в одной из самых больших стран мира — России и построил социалистическое общество. Руководимый революционными, коммунистическими партиями, рабочий класс пришел к власти в великом Китае, в ряде других стран Европы и Азии, сумел провести глубокие социальные преобразования и начать быстрое движение по пути социализма.

А чего добились за это время социал-демократы? Сумели ли они хотя бы в одной стране осуществить социалистические преобразования или по крайней мере приступить к таким преобразованиям? Нет, не сумели. Больше того, стремясь приспособить рабочее движение к буржуазной демократии, примирить рабочий класс с буржуазией, они практически отказались от построения социализма, а немалое

число из них выродилось в прямых проводников буржуазного влияния среди трудящихся.

Социал-демократические партии в ряде стран одержали победу на выборах и формировали правительства. В Англии лейбористы находились у власти в 1924, 1929—1931, в 1945—1951 гг. Шведская социал-демократическая партия стоит у власти с 1946 г. Социал-демократы неоднократно возглавляли правительства в других странах Западной Европы. Но ни в одной из этих стран не произошло сколько-нибудь серьезных экономических и политических преобразований социалистического характера. Социал-демократические правительства действовали в рамках капитализма, не ставя перед собой цели упразднить этот строй и заменить его социалистическим.

Признание принципа диктатуры пролетариата остается критерием подлинной революционности и в наши дни. Не случайно нынешние ревизионисты — все как один! — выступили против идеи диктатуры пролетариата, противопоставляя ей буржуазную «всеобщую» демократию.

Но теперь, после очевидных успехов власти рабочего класса в СССР и других социалистических странах, многие оппортунисты пытаются более тонкими методами «опровергнуть» необходимость диктатуры пролетариата. Они заявляют, например, будто диктатура пролетариата нужна лишь в странах Востока, где раньше господствовали деспотические феодальные и полуфеодальные режимы. В странах же Запада с их развитыми традициями парламентаризма буржуазия будто бы подчинится воле народа и без диктатуры пролетариата.

Такие утверждения не имеют под собой оснований. Буржуазия высокоразвитых капиталистических стран во много раз сильнее и опытнее, чем были, скажем, господствующие классы старой России и Китая. Она более организованна, давно стоит у власти, имеет вековой опыт государственного руководства и одурачивания масс. Процесс монополизации далеко продвинулся в странах Запада, а монополистический капитал привык все вопросы решать силой. Ради своих корыстных интересов он готов пойти на все, вплоть до развязывания мировой войны. Из чего же следует, что монополисты Запада будут с меньшим ожесточением цепляться за власть и окажутся менее серьезным противником, чем буржуазия и помещики восточных стран?!

Исторический опыт пролетарских революций в ряде западных стран (Франция, Германия, Венгрия, Финляндия) доказал, что эксплуататорские классы идут здесь на самые крайние меры насилия для удержания своего господства. Когда рабочий класс недооценивает этого, не принимает мер к обузданию буржуазии, он расплачивается дорогой ценой.

Одна из причин падения Парижской коммуны 1871 г. состояла в том, что пролетариат дал буржуазии возможность собраться с силами и потопить рабочую революцию в крови. По тем же причинам буржуазии удалось подавить венгерскую революцию в 1919 г. и революционные выступления германского пролетариата после первой мировой войны. Расправы, которые учиняла «демократическая» буржуазия Запада, отличались крайней жестокостью. В маленькой Финляндии, где революция была подавлена с помощью немецких интервентов, около 20 тыс. человек, по официальной статистике, были расстреляны или уморены в концентрационных лагерях, а многие десятки тысяч, в том числе женщины, были посажены в тюрьмы и осуждены на каторжные работы.

Признавая возможность мирного пути взятия власти, марксистско-ленинские партии основывают этот свой вывод вовсе не на том, что ожидают от реакционной буржуазии уступчивости и мягкости. Такой путь революции становится реальным лишь потому, что выявилась перспектива создания мощного перевеса сил над монополистическим капиталом. Но и в этих условиях коммунисты учитывают неизбежность сопротивления свергнутой буржуазии и опасность восстановления ее господства, если не будет создана твердая и решительная власть трудящихся, если не будет установлена в той или иной форме диктатура пролетариата.

2. Пролетарская демократия — новый тип демократии

С победой рабочего класса кончается эпоха господства привилегированного меньшинства и начинается эпоха подлинного народовластия. Рабочие, крестьяне, ремесленники, трудовая интеллигенция, которые веками оттирались от участия в политической жизни и не допускались к управлению, сами, как хозяева, начинают руководить государством. Это характеризует пролетарскую демократию как *новый тип демократии*, высший по сравнению с буржуазной демократией.

Демократия для трудящихся

Буржуазная демократия была для своего времени значительным шагом вперед. Но с наступлением эпохи социалистических революций ей на смену приходит новый политический строй. По выражению Ленина, этот строй предоставляет «максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с *буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического, *типа* демократии, именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата»[9].

Под влиянием буржуазной пропаганды и высказываний социал-демократов некоторые люди в странах капитализма

думают, будто диктатура и демократия исключают друг друга. Либо демократия, рассуждают они, которая в равной мере распространяется на всех, и тогда нет диктатуры, либо диктатура одного класса, но тогда нет демократии.

Так могут рассуждать только те, кто разделяет заблуждение, будто может существовать «надклассовая», «всеобщая», или, как иногда говорят, «интегральная» демократия. На самом же деле во всяком обществе, где имеются классы с противоположными интересами, политическая власть, какой бы демократической она ни выглядела, носит классовый характер, служит господствующему классу. В странах буржуазной демократии власть с внешней стороны подчас обставляется демократически: регулярно происходят всеобщие выборы, правительства держат отчет перед парламентами и т. п. Однако подлинное лицо этой власти выявляется тотчас же, как только трудящиеся массы осознают свои классовые интересы и начинают предъявлять требования капиталистам. Здесь самая «демократическая» власть становится на сторону предпринимателей, не останавливаясь перед посылкой войск и полиции против рабочих, расстрелом мирных демонстраций, арестом рабочих лидеров и т. п. Если же борьба трудящихся достигает такого размаха, что создается угроза самому господству крупного капитала, то власть окончательно сбрасывает с себя демократическое облачение и переходит к открыто террористическим методам. Выходит, что под личиной демократии в империалистических государствах скрывается самая настоящая диктатура крупных капиталистических монополий, направленная против рабочего класса, трудящихся.

Такое обнажение классовой сущности государства происходило во все эпохи, когда у власти стояли эксплуататорские классы. «Всякий знает...— пишет Ленин,— что восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как *диктатуры рабовладельцев*. Уничтожала ли эта диктатура демократию *среди* рабовладельцев, *для* них? Всем известно, что нет» [10].

Стало быть, история подтверждает, что диктатура и демократия превосходно сочетались друг с другом. *Выступая как диктатура в отношении одних классов, государство может одновременно быть демократией для других классов.*

Весь вопрос в том, что это за диктатура и что это за демократия. В. И. Ленин говорил о государстве переходного периода, что оно должно быть «государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии)» [11]. Диктатура рабочего класса — это по самому существу своему глубоко демократическая власть, потому что она означает господство

большинства над меньшинством, в то время как диктатура крупной буржуазии — это господство *меньшинства* над большинством.

Нет поэтому никакого противоречия, когда мы говорим, что диктатура пролетариата — это в то же время и новый тип демократии. Одна и та же власть (власть рабочего класса) в отношении врагов социализма является диктатурой и применяет «диктаторские меры» *(Ленин)*, а в отношении трудящихся является настоящей демократией и применяет демократические методы. Таким образом, диктатура пролетариата и пролетарская демократия — две стороны одной медали. В. И. Ленин употреблял понятия «пролетарский демократизм» и «диктатура пролетариата» как синонимы.

В политике пролетарского государства очень важно соблюдать правильное соотношение диктаторских и демократических методов, применяя первые к контрреволюционной буржуазии, а вторые — к трудящимся. В равной мере недопустимо как предоставление свободы действий реакционным силам, так и сужение демократии для трудящихся. О последствиях, к которым может вести нарушение этого принципа, дают представление события в Венгрии в 1956 г. Там как раз недостаточно решительно пресекались вылазки реакционеров и в то же время допускались серьезные нарушения демократических прав трудящихся.

Нередко буржуазные ученые и публицисты выдвигают такой довод. Демократия, заявляют они, обязательно предполагает борьбу партий, наличие оппозиции в парламенте и т. п. Перечислив эти формальные признаки буржуазной демократии и не находя того или иного из них в социалистических государствах, они торжествующе провозглашают, будто строй пролетарской диктатуры — это недемократический строй.

Марксисты иначе судят о демократичности политического строя. Чьи интересы защищает государственная власть, кому она служит, какую политику проводит — вот из чего надо исходить. С этой — единственно научной — точки зрения, никакого подлинного народовластия в буржуазных государствах обнаружить невозможно. В США имеются и конкурирующие партии, и оппозиция в конгрессе, однако вся политика правительства служит интересам ничтожной кучки миллиардеров. По сути дела там сейчас установлена диктатура капиталистических монополий.

Только пролетарская демократия означает подлинное народовластие, так как она служит интересам трудящихся, т. е. большинства общества. Политика пролетарского государства направлена на уничтожение эксплуатации, на повышение жизненного уровня и культуры масс, на защиту всеобщего мира и укрепление дружбы между народами. Это отвечает

самым сокровенным устремлениям народных масс, всех прогрессивных людей.

Вместе с тем было бы неверно думать, что для пролетарского государства вопрос о методах и формах осуществления власти является второстепенным. Ведь основная сила диктатуры пролетариата — в ее связях с массами, с народом. А эти связи прочны лишь тогда, когда власть демократична и по существу и по форме. Вот почему формой диктатуры пролетариата является республика социалистического типа.

Невиданно расширяя демократизм для трудящихся, пролетарская демократия, однако, не может распространяться на свергнутые реакционные силы буржуазии и на все другие элементы, борющиеся за реставрацию капитализма. Здесь проходит граница пролетарской демократии. Социалистической революции был бы нанесен величайший вред, если бы пролетариат предоставил политические свободы организациям крупных капиталистов. Разве не очевидно, что роспуск партий и союзов контрреволюционной буржуазии, запрещение пропаганды фашистских и других антинародных идей не только не ограничивают свободы и демократии для трудящихся, но, наоборот, диктуются их интересами?

Особая форма союза рабочего класса со всеми трудящимися

Демократическая сущность диктатуры пролетариата особенно ярко проявляется в том, что она представляет собой союз рабочего класса со всеми трудящимися и другими демократическими силами, поддерживающими дело социализма.

Социалистическое общество не может быть воздвигнуто рабочим классом в одиночку, только его собственными усилиями. Чтобы построить социализм, недостаточно обобществить крупную собственность. Надо, кроме того, постепенно перевести на рельсы социализма мелкое производство в городе и деревне, изменить все общественные отношения, перестроить на социалистических началах деятельность учреждений культуры: печати, театров, школ — словом, перестроить всю общественную жизнь сверху донизу. Задача эта — исключительной сложности, и ее выполнение возможно только при том условии, что в создании нового общества будут сознательно участвовать самые широкие слои народа.

Вот почему союз рабочего класса с крестьянством, со всеми трудящимися и другими демократическими слоями народа — высший принцип диктатуры пролетариата. «Диктатура пролетариата,— писал Ленин,— есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления

сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма»[12].

Особый характер такого союза состоит в том, что руководящая роль в нем принадлежит рабочему классу. Пролетариат по праву выступает руководителем всех трудящихся, так как он является наиболее последовательным и сознательным борцом за общую цель всего трудового народа — за социализм.

Для союза рабочего класса с крестьянством и другими слоями трудящихся имеется прочная объективная основа. Все трудящиеся глубоко заинтересованы в освобождении от эксплуатации, в обеспеченном существовании, в установлении мира и дружбы между нациями. Такую перспективу открывает перед ними лишь социализм. Поэтому одна из важнейших задач государства, руководимого рабочим классом,— это укрепление его союза с возможно более широкими слоями народа.

Применяя, когда это необходимо, диктаторские меры в отношении реакционной буржуазии, пролетариат ни в коем случае не может действовать теми же методами в отношении крестьянских масс и вообще всех своих демократических союзников. Он подводит их к социализму демократическими методами — путем убеждения, поощрения, примера, организации. Крестьянство, городская мелкая буржуазия, интеллигенция должны на своем опыте убедиться в необходимости социалистических преобразований.

Конечно, при этом не исключаются меры принуждения к нарушителям законов социалистического государства. Но здесь принуждение, когда оно оказывается необходимым, направлено не против какого-либо класса, а лишь против отдельных правонарушителей; оно выражает в конечном счете волю и интересы всех трудящихся.

Обеспечение прав и свобод трудящихся

Пролетарская демократия означает переход от формального демократизма буржуазной республики к фактическому участию трудящихся масс в управлении, т. е. к тому, что составляет действительное существо демократии. «...Диктатура пролетариата,— писал В. И. Ленин,— неизбежно должна принести с собой не только изменение форм и учреждений демократии, говоря вообще, но именно такое их изменение, которое дает невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма со стороны угнетенных капитализмом, со стороны трудящихся классов»[13].

Пролетарская демократия не только полностью отменяет всякие ограничения прав по признаку расовой или национальной принадлежности, пола, религиозных убеждений, образования. Она переносит центр тяжести на то, чтобы на деле

обеспечить трудящимся возможность пользоваться своими правами. Для этого государство передает в собственность организаций трудящихся лучшие здания и помещения для собраний и съездов, типографии, кино- и радиостудии и т. д. Другими словами, оно гарантирует демократические права соответствующей материальной базой, причем эти гарантии возрастают в ходе социалистического строительства по мере роста общественного богатства.

Всеобщее избирательное право — верх того, что может дать буржуазная демократия. Массы получают право голосовать, но фактически они по-прежнему отстранены от участия в управлении. После социалистической революции перед широкими слоями народа открывается возможность для повседневного практического участия в государственном строительстве как непосредственно через государственные учреждения, так и через свои общественные организации, многочисленные секции, комиссии, советы, создаваемые при органах власти.

Другая существенная особенность пролетарской демократии — это *расширение сферы демократического управления*, распространение демократии не только на область политики, но и на область управления хозяйством и культурой. При капитализме даже формальный, урезанный демократизм не может распространиться за пределы политических учреждений. В области экономики и культуры — на заводах, фабриках, в органах печати, кино, радио — полностью и без всякого контроля со стороны масс распоряжаются собственники-капиталисты. Отсутствие демократии для трудящихся в экономической области сводит на нет их политические права, ибо в современном обществе, с его высокоразвитой экономикой, больше, чем когда бы то ни было, торжествует правило: кто распоряжается собственностью, тот распоряжается всем.

Обобществление орудий и средств производства, переход в руки народа органов печати, учреждений культуры и просвещения неизмеримо расширяют сферу демократии. Производством и учреждениями культуры в этих условиях управляют не частные собственники, а народ — непосредственно или через своих представителей. Тем самым демократия пронизывает политическую, экономическую и культурную жизнь.

Система демократического управления

Рабочий класс создает новый, демократический аппарат управления, который отвечает потребностям общества, строящего социализм. Новая власть решительно отвергает ненавистный народу принцип бюрократического централизма буржуазного государства. Но рабочий класс вовсе не отрицает необходимости централизации, наоборот, он стоит за централизацию, так как она отвечает потребностям обобществленного производства. Среди мелкобуржуазных слоев населения, чей идеал — обособленные друг

от друга частные хозяйства, а иногда и среди некоторой части рабочих, находящейся под влиянием мелкой буржуазии, распространены иллюзии, будто можно вообще обойтись без централизма. Это анархические представления, они находятся в противоречии с действительными потребностями современных производительных сил.

Рабочий класс за централизм, но за централизм демократический. Он означает руководство общегосударственными делами из одного центра и подчинение мест центру в сочетании с выборностью, подотчетностью всех органов власти народу, с широким привлечением к управлению народных масс и предоставлением самостоятельности местам.

Обосновывая этот главный принцип социалистического управления, Ленин писал: «Мы стоим за демократический централизм. И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны — от анархизма... Централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели» [14].

На основе принципа демократического централизма строится государственный аппарат власти трудящихся. Подавление сопротивления реакционной буржуазии, наказание и перевоспитание антиобщественных элементов, организация обороны требуют создания соответствующего административного аппарата, суда, армии, милиции, органов государственной безопасности.

Одно из коренных отличий органов принуждения при диктатуре рабочего класса от аналогичных учреждений буржуазного государства состоит в их глубоко народном характере. Армия здесь не противостоит народу — это его родное детище, ей чужд дух палочной дисциплины, казенщины, кастовости, она сильна своей идейностью, сознательной дисциплиной. Командиры и рядовые бойцы однородны по своему классовому происхождению — это рабочие, крестьяне, интеллигенция. В Советском Союзе, где была создана первая армия диктатуры пролетариата — Красная Армия, воинские части с первых же дней своего возникновения были постоянно связаны с фабриками, заводами, профсоюзами, организациями крестьянской бедноты.

Глубоко демократический характер приобретают судебные учреждения. Они строятся так, чтобы обеспечить привлечение к их деятельности широких масс трудящихся. Устанавливаются принципы выборности, сменяемости и подотчетности судей, участия в судебном разбирательстве народных

заседателей, полной независимости суда. Суд становится орудием воспитания, характер наказания изменяется; во всех случаях, когда это возможно, применяется условное осуждение, вводится общественное порицание, замена лишения свободы обязательным трудом с сохранением свободы и т. д. На демократических принципах строится также работа милиции.

Государство трудящихся создает и такие органы, которые немыслимы ни при каком другом строе. Это аппарат планирования и руководства народным хозяйством, необходимый для социалистической реконструкции экономики. Власть рабочего класса создает также аппарат по руководству культурной жизнью и воспитанием граждан. Для этого аппарата особенно характерны широкий демократизм и ставка на самодеятельность трудящихся.

Все государственные органы диктатуры пролетариата опираются на народные массы, постоянно поддерживают с ними связь, прислушиваются к их мнению и находятся под их контролем. Основная масса работников аппарата, который создается пролетарской диктатурой,— это выходцы из среды самих трудящихся. В России решающая роль в формировании органов власти принадлежала рабочему классу. Через Советы, профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты тысячи и тысячи рабочих направлялись в народные комиссариаты, на командные посты в армию, в органы управления промышленностью. Так, первоначальное ядро аппарата Народного комиссариата иностранных дел сложилось из рабочих завода Сименс-Шуккерта (ныне «Электросила») и балтийских матросов; Народного комиссариата внутренних дел — из рабочих Путиловского завода; Наркомпроса — из рабочих Выборгского района Петрограда. Многие тысячи рабочих и представителей других слоев трудящихся перешли на руководящие государственные должности и в странах народной демократии.

Марксистско-ленинская партия в условиях диктатуры пролетариата

Завоевание власти рабочим классом принципиально меняет положение его боевого авангарда — марксистско-ленинской партии. До этого она была партией класса, борющегося за власть, теперь она стала партией класса правящего.

Опыт социалистических стран показывает, что после революции роль марксистской партии как руководителя рабочего класса и всех трудящихся не только не уменьшается, а, наоборот, неизмеримо возрастает. На нее теперь ложится ответственность за все, что делается в обществе, за политику государства диктатуры пролетариата, за развитие производительных сил, культуры, за рост благосостояния народа.

Революционные преобразования, которые призвана осуществлять власть рабочего класса, настолько сложны, а силы,

сопротивляющиеся строительству нового общества, так велики, что добиться успеха можно лишь при полном единстве воли пролетариата, при глубоком понимании законов общественного развития, словом, имея ясную программу действий. Все это дает рабочему классу его авангард, его наиболее сознательная и стойкая часть, способная последовательно выражать интересы пролетариата и всех трудящихся. Вот почему В. И. Ленин говорит, что без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно борьбу за социализм невозможно.

В период борьбы за власть возможно существование нескольких рабочих партий. Однако, если между ними нет единства действий, это серьезно затрудняет борьбу рабочего класса. После победы рабочего класса интересы укрепления позиций новой власти, обеспечения единства воли в руководстве обществом диктуют, как правило, необходимость создания единой марксистско-ленинской партии. По этому пути пошли, например, коммунистические и социал-демократические партии в Чехословакии, Польше, Германской Демократической Республике и других странах народной демократии, где уже в начале переходного периода были созданы на базе идеологии и организационных принципов марксизма-ленинизма объединенные рабочие партии.

Роль марксистской партии в системе диктатуры рабочего класса — это не обычная роль партии правящего класса. Ее положение в государстве определяется не только очередным голосованием на выборах, но и исторической миссией рабочего класса — естественного руководителя общества на пути к коммунизму.

Именно поэтому враги рабочего класса, борясь против его власти, стремятся подорвать руководящую, направляющую силу коммунистической партии. Поскольку партии приходится давать руководящее направление всей деятельности государства, определять его политику, они пытаются изобразить дело так, будто диктатура пролетариата есть диктатура партии. К такой фальсификации прибегали, например, зиновьевцы в СССР.

Среди нынешних ревизионистов одни отрицают руководящую роль партии, другие хотя и не отрицают ее на словах, но подрывают на деле. Во всяком случае они настолько сужают эту роль, что фактически толкают партию к полному отказу от руководства социалистическим строительством. Ревизионисты утверждают, будто партия должна быть лишь «идеологическим фактором», «фактором развития социалистического сознания», но не политической силой. Они относятся пренебрежительно к работе партии в области

хозяйства, к ее деятельности по налаживанию новых экономических отношений, не признают необходимости решающего влияния партии на внутреннюю и внешнюю политику государства. Тем самым партия правящего класса низводится на положение просветительной организации, стоящей в стороне от важнейших задач, которые решает класс. На практике это может привести только к усилению влияния в обществе и государстве других, враждебных трудящимся политических сил.

Величайший источник силы диктатуры пролетариата как раз в том, что вся ее деятельность проникнута единой волей, направляется партией по единому замыслу. На основе теории марксизма-ленинизма и изучения конкретных условий партия вырабатывает политическую линию во всех областях социалистического строительства: хозяйственной, административной, военной, воспитательной, внешнеполитической — и руководит осуществлением этой линии на практике.

После того как сопротивление свергнутых классов сломлено и власть упрочилась, главным в деятельности партии становится организаторская работа, прежде всего в области хозяйственного строительства. «Мы должны заниматься делом»,— говорил В. И. Ленин, как только партия получила возможность перейти к мирному строительству; теперь «у нас хозяйственное дело — наше общее дело. Это самая для нас интересная политика» [15].

Как же партия осуществляет свою руководящую роль в условиях диктатуры пролетариата? Она действует через систему государственного управления и массовые общественные организации, направляя их усилия к единой цели. Но, руководя всеми государственными и общественными организациями, она не подменяет их. Партийное руководство можно сравнить с искусством дирижера, который добивается стройного звучания оркестра, но, конечно, не пытается играть за каждого музыканта. Партия обеспечивает осуществление своей политики, действуя через своих членов, работающих в государственном аппарате и в общественных организациях.

Принципы взаимоотношений между партийными и государственными органами были выработаны В. И. Лениным. Они нашли свое отражение в решениях съездов партии. VIII съезд в 1919 г. указывал: «Смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в каком случае не следует... Свои решения партия должна проводить через советские органы, *в рамках Советской конституции.* Партия старается *руководить* деятельностью Советов, но не заменять их». Этому принципу партия следует и в отношении общественных организаций, не допуская командования ими и мелочной опеки.

Во всей своей деятельности партия опирается на трудящиеся массы. Коммунисты — лишь небольшая часть в народном море, и партия ведет за собой народ только тогда, когда правильно выражает то, что народ сознает, когда умеет его убедить. Поэтому Ленин говорил, что задача партии — «уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроение массы, ее действительные стремления, потребности, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины, уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд» [16].

Марксистско-ленинские партии, находящиеся у власти, пользуются безраздельной поддержкой трудящихся. Это придает им огромную силу и авторитет. Но это же грозит правящей партии опасностью зазнаться, уверовать в свою непогрешимость, что может привести к отрыву от масс. Поэтому коммунистические партии после победы революции придают особое значение критике и самокритике как верному средству против окостенения и застоя, развивают внутрипартийную демократию, заботятся о повышении авангардной роли коммунистов.

Когда коммунистические партии становятся правящими, возникает опасность наплыва в их ряды карьеристских элементов, идущих в партию не по идейным мотивам, а в надежде получить выгоды для себя. Состав партии не может не влиять на ее работу, поэтому партии в странах, вступивших на путь социализма, регулируют свой состав, вводят кандидатский стаж для вступающих, принимают другие меры, ограждающие партийные ряды от недостойных людей. Для регулирования своего состава в годы переходного периода КПСС устанавливала различные условия приема, облегчавшие вступление в партию рабочим и затруднявшие его выходцам из мелкой буржуазии. Это помогало партии противостоять мелкобуржуазным влияниям. Кроме того, периодически проводились партийные чистки, помогавшие освободиться от чуждых элементов, проникших в партию. В большинстве европейских стран народной демократии начиная с 1947—1948 гг. прием в партию временно ограничивался.

Заботясь о чистоте своих рядов, коммунистические партии тем самым создают условия и для укрепления своего единства. Роль партийного единства в условиях диктатуры пролетариата еще больше возрастает. Поскольку классовая борьба не прекращается, а принимает более сложные формы, партия постоянно испытывает на себе не только давление сопротивляющихся строительству социализма остатков капиталистических классов, но и колебания неустойчивых элемен-

тов в среде трудящихся. В условиях, когда она играет роль направляющей, цементирующей силы диктатуры пролетариата, нарушение единства партии может повлечь за собой подрыв диктатуры, раскол того классового союза, на который она опирается. «Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» *(Ленин)*[17].

В СССР острая классовая борьба в переходный период от капитализма к социализму находила свое отражение и в борьбе внутрипартийной. Троцкисты, правые оппортунисты и другие антиленинские группы, выражая идеологию ликвидируемых эксплуататорских классов, всячески старались расшатать единство партии, добиться свободы фракций. Если бы они достигли своих целей, это было бы началом конца диктатуры пролетариата.

Роль общественных организаций

Большое место в государстве диктатуры пролетариата занимают *профессиональные союзы*. Из органов борьбы с капиталом они становятся самыми активными помощниками государственной власти рабочего класса, тем резервуаром, откуда черпаются руководящие кадры, поступают практические предложения по улучшению дела. В. И. Ленин, характеризуя роль профсоюзов после взятия власти, говорил о них как о школе хозяйствования и управления, школе коммунизма.

В СССР участие профсоюзов в управлении государством и производством сразу же после Октябрьской революции приняло многообразные формы. Они помогали создавать хозяйственные органы; участвовали в разработке производственных планов, контролировали деятельность хозяйственных руководителей. Позже, с развитием социалистического строительства, родились такие формы общественной активности, как производственные совещания, технические конференции, различные общества — научно-технические, изобретателей и рационализаторов и др.

Участие профсоюзов в управлении, однако, не может означать передачу им административных функций. Такое анархо-синдикалистское требование, как подчеркивал Ленин, теоретически неверно и практически вредно. Самой всеобъемлющей организацией рабочего класса после революции становится государственная власть, и только она от имени рабочего класса и всех трудящихся может управлять средствами производства, превращенными в общенародную собственность. Кроме того, подмена государственного руководства профсоюзным или передача его самим коллективам работников предприятий привела бы к подрыву единого планирования и к дезорганизации экономики.

Формы участия профсоюзов в управлении производством в социалистических странах различны. В Польше они действуют через конференции рабочего самоуправления, созданные на предприятиях. В Китае сложилась система собраний представителей рабочих и служащих. Практика выработала и многие другие методы участия профсоюзов в управлении не только производственными, но и общегосударственными делами. Опыт показывает, что там, где профсоюзам противопоставляются обособленные органы — как, например, «рабочие советы» в Югославии,— влияние на производство общеклассовых организаций пролетариата — партии и профсоюзов — уменьшается.

В условиях власти рабочего класса профсоюзы отнюдь не перестают выполнять функции защиты экономических интересов трудящихся. В. И. Ленин говорил, что профсоюзы «утратили такую основу, как *классовую* экономическую борьбу, но далеко не утратили и долгие годы еще, к сожалению, не смогут утратить такую основу, как *неклассовую* «экономическую борьбу» в смысле борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, в смысле охраны материальных и духовных интересов массы трудящихся путями и средствами, недоступными для этого аппарата, и т. п...» [18]

Наряду с профсоюзами во всех странах диктатуры пролетариата имеются и *другие массовые организации.* Различные формы кооперации, объединяющие крестьян и кустарей, дают возможность привлечь к демократическому управлению хозяйством огромные массы населения, воспитывают в них общественное, социалистическое сознание. Большую роль в государственном, хозяйственном, культурном строительстве играют молодежные организации. С установлением власти рабочего класса широкое распространение получают добровольные общества трудящихся, а также творческие союзы писателей, художников, композиторов и т. д.

Таким образом, при диктатуре пролетариата создается целая система демократического управления, основанная на активности и самодеятельности широких масс. Впервые кладется конец отрыву аппарата управления от народа, который присущ эксплуататорским государствам и неизбежно порождает такое социальное явление, как бюрократизм.

Буржуазному государству бюрократизм свойствен по самой его природе. В условиях капитализма бюрократизм — это система управления, при которой власть принадлежит чиновнической администрации, оторванной от народа, фактически не контролируемой им и обслуживающей нужды эксплуататорских классов. Понятно, что государству рабочего класса бюрократизм внутренне не присущ, ибо это государ-

ство создается самим народом, служит ему и находится под его контролем. Тем не менее рабочему классу приходится в течение еще долгого времени после своей победы вести борьбу с бюрократизмом, особенно с такими его проявлениями, как формализм и бездушие, отрыв от масс и волокита. Бюрократические извращения при диктатуре пролетариата — это пережитки, оставшиеся от капиталистической системы. К тому же надо иметь в виду, что в переходный период от капитализма к социализму бюрократизм находит питательную почву в отсталости мелкобуржуазных слоев населения. Бюрократические явления могут сохраняться и даже временами усиливаться, если ослабляется контроль масс за государственным аппаратом, не уделяется достаточного внимания выработке и последовательному осуществлению разнообразных форм такого контроля. Внутренний демократизм диктатуры пролетариата создает все необходимые условия для успешного преодоления бюрократических тенденций путем все более широкого вовлечения масс в управление и применения различных форм контроля снизу. Использовать все эти условия — важнейшая обязанность рабочей власти. Ленин называл бюрократизм самым худшим внутренним врагом общества, строящего социализм. *«От этого врага,*— говорил В. И. Ленин,— *мы должны очиститься и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся»* [19].

3. Разнообразие форм диктатуры пролетариата

Власть рабочего класса вырастает из освободительной борьбы каждого народа и органически связана с особенностями и условиями этой борьбы. Поэтому в разных странах она приобретает различные формы. «Все нации придут к социализму,— писал Ленин,— это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» [20].

Одно дело, когда диктатура пролетариата побеждает в слаборазвитой стране с малочисленным рабочим классом и преобладанием крестьянства, а другое — в высокоразвитых странах, где рабочие составляют большинство населения. Одно дело диктатура пролетариата в стране, где был монархический режим, другое — в стране с вековыми традициями парламентской демократии.

Формы диктатуры пролетариата складываются в зависимости от соотношения классовых сил в революции и остроты их столкновения. Если господствующие классы ожесточенно

сопротивляются и революция приобретает насильственный характер, рабочий класс вынужден до основания разрушить все старые политические учреждения, на которые опирается буржуазия. Наоборот, если в ходе революции создается такой перевес сил над реакцией, что власть переходит к рабочему классу мирным путем, оказывается возможным использовать некоторые старые органы власти, например, парламент, преобразуя их в соответствии с интересами социалистического строительства.

От того, каковы движущие силы революции, зависят формы политической демократии, которая устанавливается после победы. Чем шире фронт союзников рабочего класса, т. е. чем шире социальная база революции, тем уже слой, против которого направляется принуждение, тем более широкой становится пролетарская демократия.

При всем значении этих объективных факторов важнейшую роль играют революционное творчество народных масс и сознательная деятельность марксистско-ленинских партий. Сохраняя верность принципу диктатуры пролетариата, эти партии не делают фетиша из тех или иных ее конкретных форм. Ни одна из них не рассматривается как нечто такое, что может быть механически перенесено из одних условий в другие. При выработке форм политической власти трудящихся революционные партии рабочего класса внимательно учитывают как условия и национальные особенности своих стран, так и опыт международного рабочего движения.

Советская власть

Первая в истории диктатура пролетариата утвердилась в России в форме Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эта форма государственной организации возникла из потребностей борьбы рабочего класса и была создана самими массами.

Советы родились еще в ходе первой русской революции 1905—1907 гг. Сразу же после победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Советы возродились вновь, на этот раз уже не в отдельных городах, а по всей стране, причем как Советы не только рабочих, но и солдатских и крестьянских депутатов. После Октябрьского переворота 1917 г. они сосредоточили в своих руках всю полноту власти.

Советская власть впервые воплотила в жизнь общие принципы диктатуры рабочего класса, выработанные марксизмом-ленинизмом, показала типичные черты пролетарского государства, отличающие его от государства буржуазного. Вместе с тем она отразила и ряд особенностей, которые определялись условиями строительства социализма в СССР. На деятельности Советской власти не могло не сказаться то, что она возникла в экономически отсталой стране, где на

протяжении многих столетий господствовал феодально-монархический режим.

Русскому рабочему классу, который первым свалил господство капитализма, пришлось столкнуться с особенно ожесточенным сопротивлением свергнутых классов. Советский Союз долгое время оставался один на один с враждебным капиталистическим миром. Вот почему, как говорил Ленин, в России диктатура пролетариата должна была установиться «в самой ее суровой форме». Специфическими условиями Советского Союза объясняются и некоторые ограничения демократии, к которым был вынужден прибегнуть рабочий класс в переходный период от капитализма к социализму, в частности лишение представителей эксплуататорских классов избирательных прав. Надо, однако, заметить, что число людей, лишенных избирательных прав, было весьма незначительным.

В чем отличительные особенности Советов? Они открыто выступали как классовые организации, предоставлявшие фактическую возможность избирать и быть избранными только рабочим и крестьянам и примыкавшим к ним слоям трудовой интеллигенции. В переходный период Советы избирались не по территориальному, а по производственному принципу, непосредственно на заводах, фабриках, в воинских частях, в деревнях и селах.

В такой мелкобуржуазной стране, как Россия, где преобладало крестьянство, норма представительства в Советах от городского населения была установлена иная, чем от сельского. Рабочему классу, который составлял меньшинство, необходимо было иметь в течение какого-то времени политические преимущества для того, чтобы руководить крестьянством.

В Советах миллионы трудящихся проходили практическую школу государственной работы. Только за первое десятилетие власти Советов в них участвовало в качестве депутатов, членов исполкомов и делегатов съездов примерно 12,5 млн. человек.

Советская власть не только провозгласила право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Она обеспечила эту свободу на деле путем создания свободного и равноправного федеративного объединения всех народов. Образовавшийся в 1922 г. Союз Советских Социалистических Республик построен на основе подлинной свободы и равноправия наций.

Развитие классовой борьбы в стране привело к образованию однопартийной системы политического руководства Советами. Коммунистическая партия еще в период от февраля до октября 1917 г. завоевала большинство в Советах и других массовых организациях. Трудящиеся убедились, что

это единственная партия, которая имеет реальную программу борьбы за мир, землю и свободу, за глубокие социальные преобразования и способна осуществить эту программу. Все другие партии перестали пользоваться поддержкой масс.

Тем не менее, даже располагая поддержкой подавляющего большинства народа, коммунисты вовсе не имели в виду изгнать другие партии из органов власти и запретить их деятельность. «...Мы хотели,— говорил Ленин в ноябре 1917 г.,— советского коалиционного правительства. Мы из Совета не исключали никого» [21].

Острейшая гражданская война, которая развернулась в стране, поставила все политические силы перед выбором: либо с буржуазией, против пролетариата, либо с пролетариатом, против буржуазии. Все мелкобуржуазные партии одна за другой перешли в лагерь контрреволюции. Дольше всех колебалась левая часть партии социалистов-революционеров (левые эсеры). Коммунисты старались привлечь их к участию в политической власти. В декабре 1917 г. семь представителей этой партии вошли в Советское правительство. Однако в июле 1918 г. левые эсеры подняли контрреволюционный мятеж. Единственной партией в стране, боровшейся за цели, отвечавшие интересам трудящихся, оказалась коммунистическая партия. Таким образом, однопартийный характер диктатуры пролетариата в СССР был результатом конкретных условий борьбы классов.

Советская власть послужила образцом классовой диктатуры пролетариата. Только с помощью такой диктатуры можно было выстоять в гражданской войне, разбить интервентов, ликвидировать разруху, построить социализм в одной стране, поднять «наинизшие низы» на уровень современной культуры.

Народная демократия

Развитие международного освободительного движения выдвинуло другую форму власти трудящихся — народную демократию. После второй мировой войны эта форма утвердилась в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Азии. При общности в основных чертах с советской формой народная демократия имеет и ряд особенностей.

Народная демократия возникла в условиях иной расстановки классовых сил, чем Советы в России. В ходе освободительной войны против фашизма в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии сложился единый фронт антифашистских, демократических сил. Он включал в себя рабочий класс, игравший с самого начала руководящую роль, все слои крестьянства, средние слои городского населения, а также более или менее значительную часть средней буржуазии и патриотическую интеллигенцию.

Более широкая социальная база революции потребовала новой государственной формы власти рабочего класса. Ею стала народная демократия как *новая форма народовластия, выполняющая функции диктатуры пролетариата.* Ее возникновение имеет глубокие корни во всей обстановке нынешнего этапа общего кризиса капитализма, оно отражает классовые сдвиги, происходящие в капиталистическом мире: все большую изоляцию крупного капитала, объединение широких народных сил под руководством рабочего класса, дальнейшее сближение общедемократических и социалистических задач.

Народная демократия, в отличие от Советской власти, стала выполнять функции диктатуры пролетариата не сразу. В некоторых странах на первом этапе революции коммунистические и рабочие партии еще не располагали прочным большинством в парламентах и коалиционных правительствах. Хотя они и пользовались большим влиянием в массах, все же значительная часть крестьянства, интеллигенции, средних слоев шла за другими партиями.

Народное государство на первом этапе не было еще государством диктатуры пролетариата. Это была демократическая власть народа, направленная против фашизма и его пособников внутри страны. По своей классовой сущности эта власть представляла собой не что иное, как революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, о которой писал В. И. Ленин в своей книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», хотя эта диктатура проявилась здесь в новой форме, отразившей особенности исторической обстановки. Рабочий класс с самого начала играл ведущую роль в демократической коалиции, однако в первый момент после народно-демократической революции он делил власть с другими классами. Это было государство промежуточного, переходного типа, дальнейшая судьба которого зависела уже от соотношения классовых сил внутри общедемократического блока, от результатов классовой борьбы между трудящимися и правобуржуазными элементами.

Когда задача национального освобождения была решена, правые группировки буржуазии, до этого сотрудничавшей с рабочим классом, попытались оттереть его от руководства и направить развитие страны по капиталистическому пути. Там, где буржуазия была более сильной, например в Чехословакии, она прибегла к открытой попытке совершить государственный переворот и полностью захватить власть в свои руки. Однако рабочий класс, опираясь на поддержку широких народных масс, парализовал эти поползновения буржуазии и встал во главе общенародного движения к социализму. По инициативе партий рабочего класса были проведены

основные преобразования в направлении социализма, коммунисты получили по существу безраздельное влияние во всех слоях народа; руководство в общедемократическом блоке полностью перешло к рабочему классу и его партиям, а государство народной демократии стало выполнять функции диктатуры пролетариата.

Более широкий союз классовых сил, на который опирается народная демократия, позволил раздвинуть рамки политической демократии. Ограничения политических прав были применены только к незначительному числу прислужников фашистских оккупантов, национальных предателей. Демократия с самого начала была распространена на все слои крестьянства, городскую мелкую буржуазию, интеллигенцию и другие демократические и национальные силы.

Еще более широкую социальную базу получила народная власть в Китае. Здесь национально-освободительный фронт начал складываться в период антияпонской войны и объединил все слои народа, в том числе многочисленную национальную буржуазию. С образованием Китайской Народной Республики основная масса демократических союзников рабочего класса постепенно стала переходить на позиции поддержки социализма.

Хотя Советы и народная демократия как две формы власти трудящихся, руководимой рабочим классом, едины в основном и главном, между ними есть и различия, объясняющиеся своеобразием исторической обстановки, в которой та и другая возникли.

В чем состоят эти различия?

Во-первых, в сохранении в ряде стран народной демократии *многопартийной системы* при руководящей роли марксистских партий. В отличие от России, где против пролетарской революции выступили не только буржуазные и помещичьи, но и мелкобуржуазные партии, в Китае и ряде других стран народной демократии многие из этих партий поддержали переход к социалистическому этапу революции. Они признают руководящую роль рабочего класса и его марксистско-ленинской партии, совместно с нею выступают за дальнейшее развитие общества по социалистическому пути. Такими партиями, например, являются: в Чехословакии — Социалистическая, Народная, партия Свободы и партия Словацкого возрождения; в Польше — Объединенная крестьянская и Демократическая партии; в Германской Демократической Республике в Национальный фронт входят не только партии трудящихся классов, но и несколько буржуазно-демократических партий. Несколько партий имеется также в Болгарии. В ряде стран представители этих партий входят в коалиционные правительства. В силу своеобразного развития революции однопартийная система установилась в Румынии, Алба-

нии. В Китае кроме Коммунистической партии имеются: Революционный комитет гоминдана, объединяющий городскую мелкую буржуазию и часть национальной буржуазии; Ассоциация демократического национального строительства, в которую входят главным образом представители части промышленной и торговой буржуазии и связанной с ними технической интеллигенции; Демократическая лига; Ассоциация содействия развитию демократии; Рабоче-крестьянская демократическая партия и др.

Во-вторых, коммунистические и рабочие партии стран народной демократии осуществляют свою руководящую роль не только через органы власти, профсоюзы и другие общественные организации, как в СССР, но и через *Народный фронт* как новую организационную форму союза рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Национальные фронты, сложившиеся в период борьбы за власть, сохраняются и в период строительства социализма: Национальный фронт чехов и словаков в Чехословакии, Отечественный фронт в Болгарии, Демократический фронт в Албании, Национальный фронт в ГДР и т. д.

В-третьих, народная демократия отличается некоторыми особенностями в организации аппарата власти и управления. При создании аппарата новой власти в ряде стран были использованы некоторые старые формы *общенационального представительства*. В некоторых случаях это были преобразованные традиционные парламентские учреждения: национальное собрание в Чехословакии, сейм в Польше и т. д.

По-иному происходил в странах народной демократии и слом старого государственного аппарата. В ряде из них уже в ходе демократических преобразований были ликвидированы наиболее реакционные части старого аппарата, находившегося на службе у фашистов (армия, полиция и т. д.), и был создан новый, демократический аппарат. В дальнейшем весь аппарат управления был постепенно преобразован в соответствии с потребностями социалистического строительства.

То обстоятельство, что в общенациональном блоке в ряде народно-демократических стран участвовали более или менее широкие слои буржуазии, выдвинуло новую проблему — налаживания сотрудничества и одновременно перевоспитания целых классов, в прошлом эксплуататорских.

Интересный опыт проведения политики союза с буржуазией при одновременной борьбе с ее колебаниями накоплен в Китайской Народной Республике. Здесь значительные слои национальной буржуазии поддержали национально-демократическую революцию. Сотрудничество рабочего класса с буржуазией продолжается и на этапе строительства социализма. Для преобразования принадлежащей ей собственности в социалистическую были применены методы, которые соче-

тали интересы строительства социализма с интересами союзников рабочего класса, например образование смешанных акционерных обществ с участием государства и частного капитала. Государство частично выкупает средства производства у буржуазии, ведет курс на ограничение частнопредпринимательской деятельности, на постепенное преобразование капиталистического сектора в социалистический. Вместе с тем оно проводит политику перевоспитания буржуазии, приобщает ее к общественно полезному труду, широко используя опыт буржуазных слоев населения, их технические знания и навыки в управлении хозяйством.

Было бы неверно представлять дело так, будто социалистические преобразования в Китае и других странах народной демократии осуществляются в идиллической обстановке классового мира и сотрудничества. Борьба между силами и традициями старого, буржуазного и силами нового, социалистического общества идет здесь во всех областях жизни. Вылазки правых элементов в Китае, открытый мятеж контрреволюции в Венгрии, активизация антисоциалистических выступлений клерикалов и ревизионистских элементов в Польше в 1956—1957 гг.— наглядное тому подтверждение.

Опыт стран народной демократии показал возможность более широкой классовой базы пролетарской революции, чем это было в России. На практике было доказано, что переход к социализму возможен при использовании общенациональных представительных учреждений и при сохранении многопартийности, в том числе при существовании буржуазно-демократических партий, если руководящее положение занимает марксистская партия рабочего класса.

Возможность появления других форм власти рабочего класса

Опыт Советского Союза и стран народной демократии, а также опыт рабочего движения в капиталистических странах позволяет сделать некоторые предположения относительно возможности появления в будущем новых форм диктатуры рабочего класса или такого народовластия, которое будет выполнять ее функции.

Советская власть и народная демократия подтверждают, что основные черты государства рабочего класса повсюду одинаковы. Но история повторяется в коренном, а не в деталях, и переход других народов к социализму, несомненно, сможет породить иные формы власти рабочего класса.

Чем определяется такая возможность?

Прежде всего тем, что в современных условиях имеется основа для более широких, чем прежде, общественно-политических союзов, так как монополистическая буржуазия противостоит всему обществу, не исключая известных слоев не только мелкой, но и средней буржуазии. Власть рабочего

класса, которая возникнет из грядущих социалистических революций, сможет поэтому опереться на еще более широкую социальную базу. Соответственно с этим становится возможным, что сфера применения насилия сузится. В этом случае демократия уже в переходный период распространилась бы на еще более широкие слои населения. Вполне возможно, что власть, в той или иной форме вырастающая из широких политических союзов, сумеет изолировать и подавить реакционные элементы, не прибегая в сколько-нибудь значительных размерах к насильственным мерам.

Новые формы народовластия, которые могут вырасти на базе более широких классовых союзов, неизбежно будут отличаться некоторыми новыми чертами. При этом вовсе не обязательно, чтобы все эти государства с самого начала выполняли функции диктатуры пролетариата. Одно дело — диктатура пролетариата как *программное* положение и другое — как *непосредственное* требование дня. Оставаясь при всех условиях сторонниками диктатуры пролетариата, революционные партии рабочего класса выдвигают, однако, задачу установления такой диктатуры как лозунг действия лишь тогда, когда обстановка для этого созрела, когда имеются все необходимые условия для социалистической революции. В Китае и других странах народной демократии на этапе революции, направленной против иностранного империализма, было выдвинуто требование демократической власти (диктатуры) народа. И этот опыт там оправдал себя.

В странах с вековыми демократическими традициями формой диктатуры рабочего класса или соответствующего ей народовластия может стать парламентская республика. Если рабочему классу в союзе со всеми демократическими и патриотическими силами удастся мирным путем завоевать в парламенте большинство, готовое провести национализацию собственности крупной буржуазии и другие социалистические преобразования, то этот традиционный орган буржуазной демократии может быть превращен в орудие действительной народной воли. Завоевание прочного парламентского большинства, опирающегося на массовое революционное движение рабочего класса и всех трудящихся, создаст условия для проведения коренных социалистических преобразований.

Ревизионисты ссылаются на то, что парламентаризм предполагает многопартийность и оппозицию, а диктатура рабочего класса будто бы полностью исключает их. На этом основании они отрицают необходимость диктатуры пролетариата в странах с развитыми парламентскими традициями.

Ссылки ревизионистов на многопартийность и оппозицию — это не более как уловка. Уже опыт стран народной демократии показал возможность сохранения многопартийности и в период строительства социализма. И хотя при

этом обнаружилась целесообразность объединения партий рабочего класса, нельзя считать, что это единственный путь развития политических партий в условиях социалистической революции. Кроме марксистско-ленинской партии в переходный период могут существовать и другие политические партии, если они стоят за ликвидацию господства монополистического капитализма и поддерживают курс на строительство социализма. В этом случае задача партии рабочего класса будет состоять в том, чтобы вовлечь все партии и те слои населения, которые они представляют, в активное участие в строительстве социализма, проводя гибкую политику сотрудничества с ними. Разумеется, не исключено, что при единстве в коренных вопросах между партиями могут возникнуть политические расхождения, но их можно будет разрешать демократическими методами.

Нет сомнения в том, что освободительное движение в странах Азии, Южной Америки, Африки, Среднего Востока, отличающихся большими особенностями, своеобразными национальными традициями, также породит новые формы политической власти трудящихся. В. И. Ленин писал, что «дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить... несомненно, больше своеобразия, чем русская революция» [22].

Тщательно изучая возможные новые пути революции и новые формы государства рабочего класса, марксисты-ленинцы не упускают из виду и того, что ход истории может навязать пролетариату и более суровые методы классовой борьбы, к которым он по своей воле предпочел бы и не прибегать, но к использованию которых всегда должен быть готовым.

Однако, в какой бы форме ни совершался переход той или иной страны от капитализма к социализму, он подчиняется некоторым общим закономерностям. Главные из них, как указывается в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий,— это руководство рабочего класса и его марксистско-ленинской партии в проведении пролетарской революции и установлении диктатуры пролетариата, союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся, защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов.

Закономерности, на основе которых диктатура пролетариата осуществляет социалистические преобразования экономики, рассматриваются в следующей главе.

ГЛАВА 22

ГЛАВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

Рабочий класс берет власть, чтобы использовать свое политическое господство для ликвидации капитализма и построения социализма. А это требует прежде всего коренного преобразования экономики.

Задачи, встающие на пути такого преобразования, чрезвычайно сложны. В отличие от прошлых революций социалистическая революция совершается не для замены одной формы эксплуататорского строя другою, а для ликвидации всякой эксплуатации человека человеком. Поэтому социалистический способ производства, в отличие от всех прежних, не может сам по себе, стихийно сложиться в недрах старого общества. Для его создания нужны сознательные и целенаправленные усилия со стороны пришедшего к власти рабочего класса и его союзников.

В жизни каждой страны социалистическое преобразование экономики требует особого, *переходного периода.* Его нельзя ни перескочить, ни обойти, даже если в данной стране полностью созрели все материальные предпосылки социализма, даже если социализм там приходится строить при самых благоприятных внутренних и внешних условиях.

Но если необходимость переходного периода есть общая закономерность, обязательная для всех стран, то в различных странах переходный период может отличаться серьезными особенностями.

Например, социалистическая индустриализация, составляющая, как мы увидим, важнейшее условие выполнения экономических задач переходного периода, в высокоразвитых странах потребует значительно меньших усилий. Различными могут быть формы и темпы социалистического преобразования сельского хозяйства, а также предприятий средних и мелких капиталистов и т. д. Наконец, существенные различия наблюдаются и в благосостоянии трудящихся в переходный период. Это и понятно. Диктатура пролетариата способна обеспечить развитие хозяйства наиболее быстрым и экономным путем.

Она ликвидирует социальную несправедливость в распределении благ. Но она не может одним мановением руки создать изобилие. Начинать всегда приходится с исторически сложившегося уровня производства материальных благ.

Унаследованные от прошлого различия между странами сохраняются надолго. И ясно, что эти различия обязательно должны придавать черты своеобразия строительству социализма, а в известной мере и молодому социалистическому обществу в той или иной стране.

Однако исторический опыт показал, что, начиная с первых своих шагов, социализм повсюду способен обеспечить огромное превосходство над капитализмом. Правда, история сложилась так, что на путь социализма первыми встали в основном страны средне- или слаборазвитые. Этим спешат воспользоваться реакционные теоретики и пропагандисты для своих спекуляций. Что может быть легче, чем «посрамлять» социализм, сравнивая, скажем, уровень жизни в разрушенной годами войны и сравнительно отсталой в прошлом Польше и в избежавшей каких бы то ни было военных тягот, высокоразвитой в промышленном отношении Швеции? Но такие спекуляции не могут долго продержаться, тем более что быстрое развитие социалистических стран приближает час, когда мировой социализм начнет соревноваться с капитализмом уже не на чужой, унаследованной от старого общества, а *на своей собственной основе.*

Но как создается такая собственно социалистическая основа? Или, другими словами, решения каких главных экономических (а тем самым и социальных) задач добивается в переходный период диктатура пролетариата?

1. С чего начинает власть рабочего класса

В экономической области главное в переходный период — это обобществление средств производства, быстрое развитие социалистического сектора и организация на этой основе новых, социалистических производственных отношений. Первый акт, с которого начинаются преобразования в области экономики,— национализация крупного капиталистического производства.

Национализация крупной промышленности, транспорта и банков

В «Манифесте Коммунистической партии» говорится: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» [1].

Крупная буржуазия, конечно, изображает социалистическую национализацию как беззаконие и «грабеж». На самом деле это совершенно справедливая мера, которую Маркс с полным правом назвал «экспроприацией экспроприаторов». Крупная капиталистическая собственность возникла в результате самого беспощадного ограбления миллионов людей, путем обезземеления крестьян, разорения ремесленников, колониального разбоя, залезания в государственную казну. Богатство капиталистов всегда растет за счет труда рабочего класса и за счет разорения мелких производителей. Поэтому социалистическая революция лишь восстанавливает справедливость, когда она обращает во всенародное достояние то, что создано народным трудом и по праву принадлежит трудящимся.

Цель социалистической национализации — создать новый способ производства, подорвав экономическую мощь буржуазии и передав в руки пролетарского государства командные высоты в народном хозяйстве.

Как это уже подтвердила история, формы и методы национализации в разных странах могут существенно различаться.

Социалистическую национализацию главных средств производства впервые осуществил рабочий класс России. Прежде чем приступить к национализации, Советская власть ввела рабочий контроль. Производство, торговля и финансы были поставлены под контроль коллективов рабочих и служащих. Буржуазия ответила на установление рабочего контроля и на меры регулирования экономики саботажем и острой борьбой. Это вынудило Советское правительство провести национализацию в самые короткие сроки. В декабре 1917 г. были национализированы банки, вслед за этим железные дороги, средства связи, морской и речной флот, а также отдельные промышленные предприятия. В июне 1918 г. была объявлена национализация крупных предприятий всех отраслей промышленности и частных железных дорог. Национализация была осуществлена путем конфискации, без какого бы то ни было возмещения.

В европейских странах народной демократии тот же закономерный процесс образования социалистического уклада в экономике протекал во многом иначе. Народно-демократические правительства национализировали на первых порах только предприятия, принадлежавшие военным преступникам, изменникам родины, сотрудничавшим с немецким фашизмом, а также предприятия капиталистических монополий. Национализация других предприятий была проведена позднее, как ответ на антисоциалистические происки буржуазии.

Значительные особенности имела национализация в Китайской Народной Республике. Здесь народное правительство

ограничилось вначале тем, что национализировало предприятия тяжелой промышленности, принадлежавшие компрадорско-бюрократической верхушке буржуазии, взяло в свои руки крупнейшие банки и железные дороги, установило контроль над внешней торговлей и валютными операциями. Национализация, однако, не затронула собственности значительных слоев китайской национальной буржуазии, сотрудничавшей с рабочим классом в ходе освободительной войны и народной революции.

Для последующего мирного преобразования капиталистической собственности в Китае широко использовались различные формы государственного капитализма, начиная с простого регулирования и контроля и кончая созданием смешанных государственно-частных предприятий. Капиталистам — участникам смешанных предприятий ежегодно выплачивается в качестве выкупа 5% на вложенный ими капитал (эти платежи должны прекратиться к 1962 г.).

Как бы ни осуществлялась социалистическая национализация, она всегда затрагивает интересы лишь незначительного меньшинства общества, отвечая в то же время интересам его подавляющего большинства. Развитие капитализма, сосредоточивая собственность на средства производства в руках все более узкой кучки крупных капиталистов, само подготовляет условия для безболезненной передачи основных средств производства их законному владельцу — обществу.

Социалистическая национализация ни в коем случае не затрагивает собственности мелких промышленников, торговцев, ремесленников. Наоборот, государство победившего рабочего класса на первых порах даже помогает им сырьем, кредитами, заказами, а в ходе дальнейших преобразований создает условия для того, чтобы они могли занять достойное место в новом обществе. В письме к грузинским коммунистам в марте 1921 г., сразу после установления Советской власти в Грузии, В. И. Ленин писал о мелких торговцах: «Надо понять, что их не только нерасчетливо национализировать, а надо пойти на известные даже жертвы, лишь бы улучшить их положение и оставить им возможность вести мелкую торговлю» [2].

В странах развитого капитализма при национализации крупных капиталистических предприятий, несомненно, будут учитываться интересы мелких держателей акций таких предприятий. Это относится и к владельцам небольшой ренты, страховых полисов и т. д.

Таким образом, социалистическая национализация — это одна из общих, безусловно необходимых задач социалистической революции, в какой бы стране она ни осуществлялась. Крупное капиталистическое производство может быть преобразовано в социалистическое только путем национализации

его государством трудящихся. Так создается фундамент социалистического сектора народного хозяйства, нового способа производства. Опираясь на этот сектор, рабочий класс получает возможность приступить к преобразованию всей экономической жизни общества.

Конфискация крупной земельной собственности

Рабочему классу, взявшему власть в союзе с другими трудящимися, приходится ликвидировать не только капиталистические отношения; во многих странах он сталкивается и с феодальными пережитками.

Это относится прежде всего к слаборазвитым странам, особенно колониальным и зависимым, где земля, обрабатываемая крестьянами, в значительной части находится во владении крупных помещиков. Однако пережитки феодализма сохранились в том или ином виде и во многих странах развитого капитализма. Буржуазия этих стран сама обзаводится землей и не решается убрать с дороги такое величайшее препятствие общественному прогрессу, как монополия крупных собственников на землю. Поэтому во всех странах, где имеется крупное землевладение — все равно какое: феодальное или капиталистическое,— первоочередной задачей рабочего класса является конфискация крупной земельной собственности.

В России, где помещики вплоть до 1917 г. были одним из господствовавших классов, эта задача стояла особенно остро. Поэтому одним из первых важных актов пролетарской власти была конфискация помещичьей собственности без всякого выкупа. Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., обратил всю землю во всенародное достояние. Это не только положило конец существованию класса помещиков, но и сильно подорвало экономическую мощь буржуазии. В то же время укрепился союз рабочего класса с крестьянством, а широкие массы трудящихся деревни прочно связали свою судьбу с Советской властью.

В России была отменена частная собственность на всю землю. Это было вызвано конкретно-историческими условиями. Традиции частной собственности на землю в России были слабее, чем в Западной Европе. Долгое время в русской деревне господствовало общинное землевладение с периодическим перераспределением крестьянских наделов. В сознании крестьян утвердилась мысль, что «земля — ничья, земля — божья», а земные плоды должны принадлежать тем, кто на ней трудится. Поэтому большинство крестьянства поддерживало требование уничтожить частную собственность на землю.

Иначе обстояло дело в большинстве европейских стран народной демократии. Здесь были сильны традиции частной собственности на землю, к лозунгу национализации крестьяне относились недоверчиво. Национализация всей земли только

затруднила бы отношения между рабочим классом и крестьянством. Поэтому народное государство ограничилось национализацией только крупной земельной собственности.

Большая часть конфискованной земли была передана сельскохозяйственным рабочим, беднейшему и отчасти среднему крестьянству по низким ценам, с рассрочкой платежей на 10—20 лет, а большей частью — бесплатно. Земля осталась частной собственностью, но распоряжение ею было ограничено: ее продажа, за исключением особых случаев, сдача в аренду, раздел, дарение — т. е. все, что может служить превращению земли в средство эксплуатации и спекулятивной наживы,— было запрещено. Размеры земельного надела также были рассчитаны на трудовое его использование. Площадь хозяйств, образовавшихся в результате аграрной реформы, как правило, не превышала 5 гектаров и лишь иногда достигала 10—15 гектаров.

Конфискация собственности крупных землевладельцев как в России, так и в странах народной демократии имела огромное значение для политического укрепления новой власти. Из истории известно, что крупное землевладение повсюду служит опорным пунктом реакции, а помещичий класс играет роль станового хребта контрреволюции.

Конфискация крупной земельной собственности сама по себе еще не социалистическая мера, поскольку она не подрывает основ капиталистических отношений. В ряде стран конфискация помещичьих земель была проведена уже в ходе буржуазных революций 18 и 19 веков, и это только способствовало более быстрому развитию капитализма в сельском хозяйстве. Но в условиях, когда власть находится в руках трудящихся, ликвидация крупной земельной собственности становится важной предпосылкой для проведения дальнейших социалистических преобразований.

Что получают трудящиеся сразу после взятия власти

Социалистическая революция не только открывает эпоху бурного развития производительных сил, но и ведет к перераспределению в пользу трудящихся материальных благ, которыми располагает общество. Одно это сразу же дает рабочим и крестьянам ощутимые плоды. Разумеется, объем получаемых благ зависит не от пожеланий революционной власти, а от конкретных возможностей. Чем богаче страна, чем выше достигнутый ею уровень развития производительных сил, тем больше благ получают трудящиеся немедленно после революции.

Россия накануне Октябрьской социалистической революции была разоренной страной, и тем не менее рабочий класс и крестьянство, несмотря на труднейшие условия, сразу же после революции получили реальные блага. Был на деле осуществлен восьмичасовой рабочий день, и таким образом

достигнуто то, за что рабочий класс боролся в течение многих десятилетий. Рабочий день подростков был ограничен шестью часами, была введена охрана труда и запрещено использовать женский труд на тяжелых работах. Для России, имевшей дотоле самый длинный рабочий день в Европе, это было важным достижением.

Восьмичасовой рабочий день был установлен после революции и во всех европейских странах народной демократии.

В капиталистических странах, достигших более высокого уровня развития производительных сил, есть полная возможность после свержения власти монополистического капитала не только перейти на еще более короткий рабочий день, но и сразу же резко повысить жизненный уровень всех трудящихся.

Государство трудящихся немедленно вводит ежегодные оплачиваемые отпуска. В руки народа переходят санатории и курорты, где люди труда могут проводить свой отпуск, получая путевки бесплатно или по льготной цене. Бесплатными становятся все лечебные учреждения. Физкультура и спорт перестают быть привилегией обеспеченных и праздных людей, они превращаются в средство массового оздоровления.

Социалистическая революция кладет начало великой культурной революции. Постепенно вводится всеобщее обязательное образование не только в начальной, но и в средней школе. Обучение в высшей школе становится бесплатным. Мало того, большинство студентов обеспечивается государственными стипендиями.

Ликвидируется неравное положение женщины. Она получает не только одинаковую с мужчиной оплату за равный труд, но становится в полной мере равноправной во всех сферах хозяйства, культуры и политической жизни. Рабочее государство сразу же начинает создавать разветвленную сеть детских учреждений и предприятий общественного питания, чтобы постепенно освободить женщину от рабской прикованности к домашнему хозяйству.

Рабочее государство принимает решительные и эффективные меры для *ликвидации безработицы,* добиваясь в исторически кратчайшие сроки полной занятости. Наконец-то исчезает чувство неуверенности в завтрашнем дне, которое всю жизнь преследует рабочего при капитализме. Трудящиеся освобождаются от взносов в фонд помощи безработным и от постоянной необходимости сберегать средства на черные дни безработицы.

Иное значение в связи с этим приобретает система социального страхования. В рабочем государстве она обеспечивает пенсии престарелым и пособия по временной нетрудоспособности. Необходимые для этого средства создаются за счет взносов предприятий и отчислений по государственному бюджету.

Социалистическая революция изменяет жилищные условия трудящихся. В России миллионы рабочих были переселены из подвалов и с чердаков в буржуазные квартиры. Перераспределение жилищного фонда произошло и в результате народно-демократических революций в странах Европы и Азии. После революции резко снижается квартирная плата; повышение ее запрещается законом. Расходы на квартиру в бюджете рабочей семьи вместо прежних 15—30% теперь составляют только 4—5% заработной платы.

Трудящиеся избавляются от положения унижаемых и оскорбляемых. Они теряют «свободу» быть изгнанными с работы по произволу капиталиста. Впервые общество уважает и ценит человеческие права рабочего.

Во многих странах народной демократии рабочие уже через два-три года почувствовали значительное улучшение материального положения. Бюджет рабочей семьи увеличивается и вследствие роста реальной заработной платы.

Благотворные результаты революции сразу же видит и крестьянство. Октябрьская революция безвозмездно передала крестьянам свыше 150 млн. *га* земли, принадлежавшей раньше помещикам, капиталистам, царской семье, монастырям и церквам. Кроме того, крестьяне освободились от уплаты долгов за землю, приобретенную у помещиков до революции, от тягостных арендных платежей и от громадных расходов на покупку земли.

В странах народной демократии в результате аграрных реформ крестьяне также получили дополнительные земли и освободились от долговой кабалы. Осуществилась вековая мечта батраков и безземельных крестьян — они стали обрабатывать свою, а не кулацкую или помещичью землю.

Во всех странах, строящих социализм, происходит, кроме того, резкое сокращение налогов на трудящихся и перераспределение налогового бремени.

2. Пути ликвидации многоукладности экономики

Отличительная черта экономики переходного периода — ее многоукладность. В любой стране рабочий класс неизбежно сталкивается с ней, как только приходит к власти. Поэтому важнейшая экономическая и политическая задача партии и рабочего государства в переходный период состоит в ликвидации этой многоукладности.

Три основных уклада переходного периода

Для первого периода после победы революции обычно характерны три уклада: *социализм, мелкотоварное производство и частнохозяйственный капитализм.* Этим экономическим укладам соответствуют классы: рабочий класс,

крестьянство, а также свергнутая, но еще не исчезнувшая буржуазия.

Удельный вес *социалистического сектора* определяется вначале степенью развития крупного капиталистического производства, национализированного в данной стране. В Советском Союзе, например, продукция, произведенная в 1923/24 г. в обобществленном секторе, составила 38,5% валовой продукции народного хозяйства, в Китае в 1949 г.— 34,7%. В такой индустриально развитой стране, как Чехословакия, национализация крупной промышленности сразу же сделала государственный сектор преобладающим. Уже в октябре 1945 г. в руках государства было сосредоточено около 60% промышленных предприятий и все банки. Вполне понятно, что условия для дальнейших социалистических преобразований оказались в Чехословакии более благоприятными.

Мелкотоварный уклад представлен преимущественно крестьянскими хозяйствами, а также ремесленниками, кустарями и другими мелкими производителями, не пользующимися наемным трудом. В Советском Союзе в 1923/24 г. этот уклад был преобладающим, он давал 51% валовой продукции народного хозяйства. Еще большую роль этот уклад играл в экономике Китая. В высокоразвитых странах капитализма удельный вес мелкотоварного производства сравнительно невысок.

Частнохозяйственный капитализм как один из укладов переходного периода складывается в основном из мелких и средних промышленных предприятий, принадлежащих городской буржуазии, и кулацких хозяйств в деревне. В СССР частнохозяйственный уклад в 1923/24 г. давал 8,9% валовой продукции народного хозяйства. В Китае и некоторых европейских странах народной демократии капиталистический сектор на первых порах составил довольно значительную величину, так как собственность патриотически настроенной буржуазии не подпала под национализацию.

Пока существуют формы хозяйства, основанные на частной собственности на средства производства, сохраняются и корни капитализма внутри страны, условия для его возрождения. Значит, остается и почва для классовой борьбы, для сопротивления политике социалистических преобразований со стороны частнособственнических классов и элементов. А в случае поддержки этих классов и элементов извне возникает и опасность реставрации капиталистических отношений.

Одними политическими мероприятиями (укреплением пролетарского государства, роспуском контрреволюционных партий и т. п.) эту угрозу устранить нельзя. Чтобы окончательно решить в пользу социализма вопрос «кто кого?», необходимы радикальные экономические меры: преобразование частнособственнических укладов в социалистический.

Однако ликвидация многоукладности — это очень сложное дело, которое нельзя совершить на манер кавалерийской атаки, декретом или приказом.

Первое и главное, с чем приходится считаться,— это интересы укрепления позиций новой власти, интересы упрочения нового строя. Соотношение классовых сил, острота борьбы между ними — вот что в первую очередь решает, какими путями пойдет и в какие сроки завершится процесс ликвидации многоукладности. Ясно, например, что в обстановке ожесточенной классовой борьбы и активного сопротивления капиталистических элементов диктатура пролетариата вынуждена бывает ускорить этот процесс, чтобы быстрее подорвать экономические позиции своих классовых противников.

В то же время большую роль в этом деле играют и экономические соображения. Ведь положение в переходный период по большей части складывается так, что без привлечения частнохозяйственных укладов пролетарское государство до поры до времени не в состоянии удовлетворить все потребности общества. Мелкие крестьянские хозяйства производят значительную часть сельскохозяйственной продукции; в частных руках находится множество предприятий легкой промышленности, торговли, обслуживания. По общему правилу, взять на себя ту роль, которую плохо или хорошо выполняют мелкие производители, государство с первых шагов своей деятельности не может. Значит, чтобы избежать хозяйственных и политических трудностей, ликвидацию других секторов хозяйства надо в той или иной мере подготовить экономически. Победа социалистического сектора, а стало быть, укрепление позиций нового строя могут быть прочными тогда, когда социализм *экономическими* средствами вытеснит другие уклады.

Но при всех условиях перед пролетарским государством в переходный период встает вопрос: какими методами и способами подчинить мелкотоварный и частнокапиталистический уклады интересам строительства социализма и постепенно преобразовать их в сектор социалистический?

В ходе социалистического строительства в Советском Союзе и странах народной демократии подобные методы и способы были найдены и испытаны на практике. Опыт, накопленный в этом отношении, имеет непреходящее всеобщее значение. Главное в нем — умелое использование рыночных отношений в интересах укрепления и роста социалистического сектора, для экономического вытеснения частнокапиталистических элементов. К развитию таких отношений пролетарское государство прибегает потому, что иного типа экономических связей мелкотоварное производство не приемлет.

Как показала практика, государство диктатуры пролетариата может смело идти на развитие рыночных отношений.

Ведь в его руках сосредоточены решающие отрасли народного хозяйства (тяжелая промышленность, крупные предприятия легкой промышленности, транспорт, банки, внешняя торговля). Все остальные экономические уклады так или иначе зависят от государственного сектора, получая от него машины, сырье, энергию и сбывая ему готовую продукцию. Это позволяет рабочему государству с помощью экономических рычагов контролировать положение дел в других секторах, направлять их развитие в желательном ему направлении.

Понятно, что, чем более мощная промышленная база достается пролетарскому государству, тем больше у него возможностей для контроля и регулирования рынка, тем смелее, стало быть, может оно пойти на допуск рыночных связей.

Это не значит, что в обстановке обостренной классовой борьбы диктатура пролетариата отказывается от применения административно-регулирующих мер. Обычно на практике руководство народным хозяйством со стороны диктатуры пролетариата складывается как из экономических, так и из политических мероприятий, дополняющих друг друга и в сумме своей составляющих то, что называется *экономической политикой* пролетарского государства.

Налаживание хозяйственной смычки города и деревни

Самая трудная экономическая задача переходного периода — обобществление распыленного, раздробленного мелкотоварного хозяйства. Трудности социалистической переделки этого уклада вытекают из того, что мелкотоварное производство меньше всего поддается непосредственному регулированию со стороны пролетарского государства. Главное же состоит в том, что крестьянство — это основной союзник рабочего класса, в отношении которого государство трудящихся не только не может применять никаких мер экспроприации, но, наоборот, заинтересовано в установлении прочных экономических связей. Без таких связей невозможно упрочение политического союза рабочего класса и крестьянства, составляющего, как известно, высший принцип диктатуры пролетариата.

Как неоднократно указывал В. И. Ленин, самая правильная политика состоит в том, чтобы дать деревне все потребные ей продукты крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырье. Не разверстка, не налог, говорил он, а «обмен продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты, такова экономическая *суть* социализма, его база» [3].

В России — крестьянской, отсталой в хозяйственном отношении стране, которая была вынуждена вести строительство социализма в одиночку,— экономическая политика диктатуры пролетариата имела свои особенности. Хотя Ленин еще весной 1918 г. выработал основы хозяйственной политики, рас-

считанной на установление рыночных связей с крестьянской экономикой, гражданская война и иностранная интервенция, поставившие страну в положение осажденной крепости, вынудили Советскую власть перейти к политике так называемого «военного коммунизма».

Свободная торговля была запрещена. Основные продовольственные и промышленные товары выдавались населению по строго установленным нормам, причем по классовому принципу. Из деревни все излишки изымались путем «продовольственной разверстки» тоже по классовому принципу: с крестьянина-бедняка — ничего, с середняка — умеренно, с кулака — много. Промышленность была полностью централизована и всецело подчинена нуждам фронта. Предприятия получали от государственных органов сырье, материалы, оборудование и т. п. и сдавали им всю произведенную продукцию без денежных расчетов, по ордерам. Деньги перестали играть сколько-нибудь серьезную роль. Экономическая жизнь регулировалась чисто административными мерами.

«Военный коммунизм» был политикой, навязанной исключительно трудными условиями гражданской войны. Он помог мобилизовать тогдашние скудные ресурсы России во имя победы над врагом, и в этом его непреходящее значение. Как писал В. И. Ленин, эта политика выполнила свое историческое задание. Но «военный коммунизм» не был и не мог быть политикой, отвечающей задачам укрепления хозяйственной смычки с крестьянством. Как только изменились условия, диктатура пролетариата перешла к «новой экономической политике» (нэп). Под таким названием она и вошла в историю, хотя эта политика была новой только по отношению к «военному коммунизму», а в действительности представляла собой в основных чертах ту самую политику, существо которой В. И. Ленин сформулировал еще в начале 1918 г.

С введением новой экономической политики была разрешена частная торговля. Крестьяне начали продавать на рынке излишки своей продукции. Капиталисты получили доступ как в розничную, так и в оптовую торговлю. Частному капиталу разрешалось открывать мелкие промышленные предприятия; более того, часть государственных предприятий была денационализирована и передана в аренду капиталистам. Предприятия в социалистическом секторе перешли на хозяйственный расчет. Снабжение сырьем и сбыт их продукции стали осуществляться посредством купли-продажи. Система снабжения населения по карточкам была заменена развернутой торговлей. В. И. Ленин призвал коммунистов «учиться торговать», чтобы вытеснить частника и заменить частную торговлю государственной и кооперативной.

Конечно, восстановление рыночных отношений не могло не привести к временному оживлению капиталистических эле-

ментов. Снова подняло голову кулачество. Кулаки попытались путем аренды увеличить количество земли, находящейся в их пользовании, стали в довольно широких размерах применять труд батраков. В руках богатой деревенской верхушки начали накапливаться значительные запасы хлеба. Расслоение в деревне, сменившееся в первый период после революции «осереднячиванием» деревни, вновь возродилось.

Пролетарское государство не могло равнодушно взирать на все эти процессы. Кулачество, если бы оно набрало большую силу, представило бы серьезную опасность для строительства социализма. Поэтому политика хозяйственной смычки с крестьянством сопровождалась мерами по ограничению капиталистических элементов в деревне. Беднякам и середнякам государство стремилось помочь восстановить их хозяйство; им предоставлялся кредит на льготных условиях, оказывалась помощь машинами и орудиями через прокатные пункты и т. д. В отношении же кулаков проводилась политика ограничения: аренда земли и наем рабочей силы были поставлены в жесткие рамки, труд батраков регулировался законом, для кулацких хозяйств были установлены повышенные налоги.

В такой стране, как Россия, вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством был решающим для судеб социализма. Не удивительно, что вокруг него шла острейшая классовая борьба, находившая свое отражение и внутри партии. Троцкисты отрицали двойственную природу крестьянства, изображали его сплошной реакционной массой, неспособной будто бы участвовать в строительстве социализма. Они навязывали партии политику, которая означала сознательное разорение крестьянства и его эксплуатацию ради строительства промышленности. Такая политика означала бы гибель диктатуры пролетариата.

Правые оппортунисты, бухаринцы, по существу тоже отрицали двойственную природу крестьянства, утверждая, будто все крестьянство, в том числе и кулачество, само собой «врастет в социализм». Предлагавшаяся ими политика означала отказ от борьбы с капиталистическими элементами, ставку на самотек, т. е. открывала путь к реставрации капитализма.

Без идейного и организационного разгрома троцкистов и бухаринцев разрешить противоречия переходного периода в пользу социализма было невозможно. Поэтому коммунистическая партия непримиримо боролась со всеми попытками подорвать союз рабочего класса с крестьянством или лишить этот союз социалистического содержания. В ходе этой борьбы были выкованы и проверены опытом правильные политические установки, которые стали острым оружием в руках всех коммунистических и рабочих партий.

При переходе к иэпу В. И. Леиии отмечал всеобщее зиачеиие этой политики. Он писал: «Та задача, которую мы решаем сейчас, пока — времеино — в одиночку, кажется задачей чисто русской, но иа деле это — задача, которая будет стоять перед всеми социалистами... Новое общество, которое основаио будет на союзе рабочих и крестьяи, иеминуемо. Раио или поздио, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оио придет, и для иего, для этого общества, помогаем мы вырабатывать формы союза рабочих и крестьяи, когда трудимся иад решеиием иашей новой экоиомической политики» [4].

Предвидеиие В. И. Лениииа подтвердилось. Опыт иэпа полиостью сохраняет свое междуиародное зиачение. Страны иародиой демократии, переживающие переходный период, осуществляют экономическую политику, содержание которой представляет собой ие что иное, как применеиие иа практике ленинских прииципов использоваиия рынка и стоимостных отношений в иитересах построения социалистического хозяйства.

В страиах с высоким уровнем развития капитализма, где крестьяиство или фермерство составляет иезиачительиую часть населеиия, в переходиый период возиикиет иииая расстановка классовых сил. Здесь наряду с трудящимися фермерами большую роль в качестве союзника рабочего класса может сыграть городская мелкая буржуазия (кустари, ремесленники, мелкие торговцы и т. д.), а также служащие и интеллигенция. В этих страиах, где после иациоиализации собствеииости моиополий сразу же возиикиет мощный социалистический сектор, иесомнеиио, сложатся более благоприятные условия для вовлечения мелкой буржуазии города и деревни в русло социалистического строительства. После победы над моиополистической буржуазией проблема «кто кого?» может здесь и не стоять столь остро, поскольку в экономическом отношеиии социалистический сектор с самого иачала окажется иамиого сильиее всех несоциалистических элемеитов в народном хозяйстве.

Производственное коопернрованне крестьянства

Политика пролетарского государства в отиошении бедияков и середняков не исчерпывается мерами помощи в развитии их хозяйств. Рано или поздио возникает иеобходимость помочь осиовным массам крестьяиства постепенно перейти от мелкого индивидуальиого хозяйства к крупиому, осиащеииому машииами земледелию, иесущему изобилие. Точио так же политика диктатуры пролетариата в отношении кулачества рано или поздио должна перейти от ограничительиых мер к мерам, иаправлеииым иа ликвидацию его как класса.

Едииствеииый путь создаиия в деревие крупиого обобществлеиного производства — это постепеиное превращение мел-

кой крестьянской собственности в кооперативную (групповую) с тем, чтобы на смену труду одиночек пришел общий, коллективный труд, исключающий эксплуатацию человека человеком.

Такой путь отвечает не только потребностям развития производительных сил общества, но и интересам самих крестьян. Даже после свержения гнета капиталистов и помещиков хозяйничанье на своем клочке земли дает крестьянину весьма ограниченные возможности улучшения условий его жизни и труда. Крестьянство само убеждается в том, что мелким хозяйствам из нужды не выбиться, к зажиточной жизни не прийти. Какой бы ни была помощь со стороны социалистического государства, мелкотоварный уклад не может обеспечить расширенного воспроизводства. Это можно видеть на примере Советского Союза. В 1928 г. промышленность СССР превзошла довоенный уровень на 32% и продолжала уверенно набирать темпы, а производство хлеба лишь приближалось к довоенному уровню, причем товарность сельскохозяйственного производства по сравнению с довоенной даже снизилась вдвое. Значит, и для самого крестьянства, и для всей экономики страны выход один — превратить отсталое, раздробленное крестьянское хозяйство в крупное, механизированное.

В условиях капитализма крупное производство в сельском хозяйстве вырастает на костях мелких производителей. Его организаторами выступают обуржуазившиеся помещики, крупные капиталисты, кулаки, купцы. Этот *капиталистический* способ создания крупного сельскохозяйственного производства в условиях пролетарской демократии, естественно, неприемлем.

Социалистический путь перестройки сельского хозяйства — это добровольное кооперирование крестьян. Этот путь ясно видели основоположники марксизма. Ф. Энгельс писал: «...Когда мы овладеем государственной властью, нам нельзя будет и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или без него), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частное владение перевести в товарищеское, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели» [5].

Различные формы сельскохозяйственной кооперации существуют и в капиталистических странах. В Дании, Голландии, Финляндии играет немаловажную роль кооперативная торговля сельскохозяйственными продуктами. Но такая кооперация, хотя она и может в какой-то мере помочь трудовому крестьянству защититься от произвола монополистического

капитала, не меняет производственных отношений в деревне. Кооперация при капитализме обслуживает единоличные крестьянские и капиталистические хозяйства главным образом в сфере сбыта и снабжения. В ней чаще всего берут верх капиталистические элементы. В этих условиях она остается коллективно-капиталистическим предприятием.

Когда земля, промышленность, банки становятся всенародным достоянием, кооперирование сельского хозяйства приобретает совершенно иное направление и общественное значение. «...Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма» *(Ленин)* [6].

Кооперация — наиболее доступная, понятная и выгодная крестьянам форма товарищеского объединения их хозяйств. Из этого исходил В. И. Ленин, выдвигая свой знаменитый «кооперативный план». Хотя этот план был разработан применительно к условиям России, он сохраняет всеобщее значение как программа перевода многомиллионных крестьянских масс на путь социализма.

Ленин предлагал начать с организации простейших форм кооперации, в первую очередь в области сбыта крестьянской продукции и снабжения деревни товарами, а также организации сельскохозяйственного кредита. Уже эти простейшие формы кооперации прививают крестьянам привычку к общественным, товарищеским формам хозяйствования и открывают им глаза на выгоды не только коллективного сбыта и снабжения, но и коллективного производства. Крестьяне, по мысли Ленина, должны на деле убедиться в преимуществах совместного хозяйствования. Только после этого можно постепенно переходить к кооперированию крестьянского производства: сначала к организации простейших товариществ по совместной обработке земли, а потом и высших форм сельскохозяйственной кооперации. Всякая попытка нарушить этот естественный порядок, а главное, нарушить ленинский принцип полной добровольности кооперирования способна причинить громадный вред делу и дискредитировать его в глазах крестьян.

Это не значит, что производственное кооперирование деревни может происходить самотеком. Нет, оно требует постоянной и всесторонней поддержки партии и государства — поддержки финансовой, организационной (в частности, кадрами, способными помочь крестьянам при организации коллективных хозяйств). Нужна и политическая помощь трудовому крестьянству, потому что его переход на путь коллективизации, как правило, сопровождается классовой борьбой, которая временами может достигать большой остроты.

Дело в том, что в процессе кооперирования деревни решается судьба последнего эксплуататорского класса — кулачества. Его экономические позиции подрываются тем, что кооперированное земледелие становится основным поставщиком сельскохозяйственной продукции, успешно вытесняя с рынка кулака-спекулянта. Его политические позиции рушатся в тот момент, когда основные массы крестьянства прочно и бесповоротно встают на путь социализма. Создаются предпосылки для ликвидации кулачества как класса. Речь идет, разумеется, не о физическом устранении представителей этого класса, а лишь об уничтожении социально-экономических условий, при которых сельская буржуазия может эксплуатировать бедных крестьян и батраков.

Что касается личной судьбы бывших кулаков, то она зависит от того, как они воспринимают происходящие социальные изменения. В Советском Союзе, где кулачество оказало ожесточенное сопротивление коллективизации, вело агитацию против колхозов, а подчас поднимало против них оружие, крестьянским массам и пролетарской власти пришлось принять меры подавления кулаков. В других условиях такие крутые меры могут и не понадобиться — если представители этого класса проявят благоразумие, готовность жить своим трудом. В этом случае перед ними открывается перспектива превращения в равноправных тружеников социалистического общества.

Важнейшее условие успеха перестройки деревни — развитие в стране крупной социалистической индустрии, способной оказать кооперированному крестьянскому хозяйству помощь машинной техникой, минеральными удобрениями, а также техническими кадрами.

Социалистическая индустриализация позволяет наиболее успешно и эффективно перевооружить технически сельское хозяйство. После организации колхозов в СССР, пока они были экономически слабы, заботу о механизации сельского хозяйства взяло на себя государство. Были созданы специальные центры — машинно-тракторные станции (МТС), государство готовило кадры механизаторов. Позднее, когда колхозы окрепли, техника МТС была продана им, а МТС реорганизованы в ремонтно-технические станции (РТС).

Опыт СССР и стран народной демократии доказал, что производственное кооперирование (коллективизация) крестьянского хозяйства — объективно необходимый путь социалистического преобразования деревни. Вместе с тем практика свидетельствует о том, что конкретные формы производственного кооперирования могут быть разнообразными.

В отличие от Советского Союза, где основной формой коллективного хозяйства быстро стала сельскохозяйственная артель, в странах народной демократии производственное

кооперирование основной массы крестьянских хозяйств прошло через ряд промежуточных ступеней. Везде создавались кооперативы низшего типа (разной градации) и кооперативы высшего типа, которые различаются по степени обобществления средств производства. В кооперативах низшего типа распределение дохода производится не только по труду, но и по внесенному паю (земля и инвентарь).

В Китае и некоторых других странах основная масса крестьянства постепенно поднялась от элементарных форм товарищеской взаимопомощи к производственным кооперативам высшего типа. Это дало крестьянам время и возможность наглядно убедиться в преимуществах коллективного ведения хозяйства. Вслед за Китаем социалистические преобразования в деревне завершила Корейская Народно-Демократическая Республика. Первая из стран народной демократии в Европе, где закончилось социалистическое переустройство сельского хозяйства,— это Болгария.

Несмотря на своеобразие форм сельскохозяйственных кооперативов в различных социалистических странах, у них есть и общее — то, что характеризует их как *социалистический тип* хозяйства. Сельскохозяйственная артель в СССР, трудовые кооперативно-земледельческие хозяйства (ТКЗХ) в Болгарии, производственные сельскохозяйственные кооперативы в других странах строятся на сочетании личных и общественных интересов крестьян, способствуя воспитанию из вчерашних единоличников сознательных коллективистов.

Как правило, при кооперировании общими становятся лишь основные средства производства (сельскохозяйственные машины и инвентарь, рабочий скот, семена, хозяйственные постройки, необходимые для ведения кооперативного хозяйства) и труд членов кооператива. Во многих странах народной демократии даже земля остается в частной собственности крестьян, входящих в кооператив, хотя она и сведена в единый массив. Все остальное (жилые дома, часть скота, домашняя птица, мелкий сельскохозяйственный инвентарь) не обобществляется и остается в личной собственности членов кооперативов. Свои основные доходы члены кооператива получают от общественного хозяйства, но известную роль в их бюджете еще играет подсобное, личное хозяйство. Труд в кооперативах организуется и оплачивается в соответствии с социалистическим принципом — от каждого по способностям, каждому по труду.

В Китайской Народной Республике, Чехословакии и ГДР на последнем этапе массового кооперирования начался постепенный прием в кооперативы кулаков, политическое и трудовое их перевоспитание.

Как показал опыт, при проведении массового кооперирования коммунистические партии нередко сталкиваются с опас-

ностью левацких заскоков, попытками решать эту задачу, не считаясь со степенью подготовленности самих крестьян, проявляя торопливость там, где еще нужно убеждать людей.

Источник левацких ошибок — стремление форсировать процесс кооперирования административными мерами, без кропотливой, вдумчивой организационно-хозяйственной работы. С этими опасными методами, с забвением ленинского принципа добровольности коммунистическим партиям приходится бороться не только на ранней стадии массового кооперирования крестьянских хозяйств, но и в дальнейшем.

Однако гораздо бóльшую опасность представляет правый уклон — тенденция отложить на неопределенное будущее дело производственного кооперирования или вести его медленными, черепашьими темпами, приспосабливаясь к интересам кулачества, к консервативности и косности отсталых слоев крестьянства. Правый уклон объективно отражает капиталистические устремления кулачества и представляет поэтому наибольшую угрозу интересам социалистического строительства.

Успех производственного кооперирования крестьянских хозяйств немыслим без решительной борьбы как с правым уклоном, так и с левацкими загибами.

Накопленный опыт социалистического преобразования сельского хозяйства, разумеется, не может дать ответа на все вопросы, которые возникнут в будущем. Каждая страна, вступающая на социалистический путь, внесет, несомненно, много нового в формы и методы кооперирования. Этого особенно можно ожидать от высокоразвитых капиталистических стран, где имеются механизированное фермерское хозяйство и крупные капиталистические сельскохозяйственные предприятия.

Но каковы бы ни были особенности отдельных стран, принципы ленинского кооперативного плана везде служат надежной и испытанной основой политики рабочего класса в отношении крестьянства, обеспечивающей преодоление многоукладности в экономике переходного периода.

Устранение капиталистических элементов из промышленности

Оживление рыночных связей и торговли обычно ведет к оживлению капиталистических элементов и в городе. Как уже указывалось, в СССР пролетарское государство само временно разрешало хозяйственную деятельность буржуазии в некоторых отраслях в рамках, определяемых его экономической политикой (нэп). В странах, где к власти пришел демократический блок различных классов и слоев населения, национальная буржуазия сохраняет более или менее значительную экономическую базу. В первый момент положение этого слоя буржуазии может даже укрепиться.

Дальнейшая политика пролетарского государства в отношении буржуазии во многом зависит от ее поведения.

Одно дело, когда буржуазия лояльно поддерживает новый строй и готова участвовать в экономическом строительстве. В этом случае она может рассчитывать на поддержку государства — на получение известных льгот, кредитов, гарантированного сбыта и т. п. Другое дело, когда капиталистические элементы активно выступают против власти трудящихся, занимаются экономическим саботажем, пускают в ход средства коррупции и жульничества для того, чтобы подставить ножку социалистическим предприятиям, перехватить у них сырье, рабочую силу, покупателей, нажиться за их счет. В этом случае буржуазия сама навлекает на себя репрессивные меры со стороны государства, которое дает решительный отпор всем ее антисоциалистическим поползновениям.

Однако при всех условиях пролетарское государство в переходный период ведет политику, ограничивающую рост капиталистических элементов. Капиталисты ставятся в строго определенные рамки, которые не дают им превратиться в опасную для революции и социалистических преобразований экономическую и политическую силу. Для этого используются налоговые ограничения и другие меры, предотвращающие чрезмерную концентрацию богатств в одних руках. Регулируются размеры производства, закупки сырья, цены, условия найма рабочей силы и т. д.

Вся эта система мер одновременно ограждает молодой социалистический сектор от конкуренции и разлагающего влияния частнохозяйственного капитализма. Кроме того, ограничивая частнохозяйственный капитализм, государство рабочих имеет в виду и защиту интересов трудящихся, работающих по найму на предприятиях у капиталистов.

Диктатура пролетариата ставит своей целью победить частный капитал прежде всего в открытом экономическом соревновании с ним. Пролетарское государство не боится такого соревнования. В его руках мощная промышленность, командные высоты экономики. Преимущества крупного, высокоорганизованного и концентрированного социалистического производства приносят ему рано или поздно экономическую победу над частным капиталом во всех сферах народного хозяйства. Поле деятельности частного капитала сужается, у него не остается иного выхода, кроме экономической капитуляции. Обычно в этот период и наступает благоприятная обстановка для проведения широких социалистических преобразований в области частной промышленности и торговли. Эти преобразования могут осуществляться различными методами.

Как показала практика, в ряду таких методов важное место занимают различные формы *государственного капита-*

лизма. На возможность использования этой формы хозяйства в интересах строительства социализма впервые указал В. И. Ленин. В ряде своих работ («Доклад об очередных задачах советской власти», «О продовольственном налоге» и др.) он теоретически обосновал возможность использования государственного капитализма при диктатуре пролетариата, показал его роль как особой ступени перехода от частного капитала к социализму.

Государственный капитализм в условиях диктатуры пролетариата нельзя смешивать с государственным капитализмом в развитых буржуазных странах. Там государственный капитализм — это средство ускорить накопление капитала частных корпораций, используя финансовые ресурсы государства, метод государственного регулирования экономики в интересах крупных и крупнейших капиталистов, форма вмешательства государства в классовую борьбу между трудом и капиталом в интересах последнего. При диктатуре пролетариата это капитализм, взятый под контроль государства трудящихся в их интересах, это форма использования частного капитала для строительства социализма, форма ограничения эксплуататорских тенденций капитала, средство преобразования капиталистического уклада в социалистический.

Руководствуясь учением Ленина, Советское государство в переходный период проводило политику привлечения российского и иностранного капитала к решению задач экономического восстановления страны. Некоторые предприятия и рудники были отданы в концессию иностранным капиталистам или сданы в аренду другим частным лицам. Так возник государственно-капиталистический уклад, не получивший, однако, широкого развития в СССР, так как буржуазия, рассчитывавшая на скорую гибель Советской власти, не пошла на сотрудничество с пролетарским государством. В 1923/24 г. на долю государственно-капиталистического сектора приходился всего 1% валовой продукции народного хозяйства.

Опыт последующих социалистических революций пролил новый свет на вопрос о месте и роли государственного капитализма в системе экономических мероприятий переходного периода. Ленинские идеи получили практическое применение в Китайской Народной Республике, где государственный капитализм был широко использован для преобразования частнокапиталистической промышленности в социалистическую. Подобный опыт есть и в Германской Демократической Республике, где созданы смешанные государственно-частные предприятия.

Еще большие перспективы открываются в этом отношении перед странами высокоразвитого капитализма. После установления власти народа во главе с рабочим классом госкапиталистические предприятия могут стать здесь важной фор-

мой экономического сотрудничества государства с той частью буржуазии, которая будет готова принять социалистические преобразования. Особую форму государственного капитализма могут образовать смешанные общества, созданные на базе национализированных монополий и мелких капиталистических предприятий, входивших раньше в сферу влияния этих монополий.

Предприниматели, честно сотрудничающие с государством, зачастую даже выигрывают от создания смешанных частно-государственных предприятий и объединений. Ведь они получают гарантированный рынок, избавляются от опасности быть раздавленными более сильными конкурентами, а также от страха перед экономическими кризисами. Что касается дальнейших перспектив, то, как показывает опыт, пролетарское государство в силах сделать переход лояльных капиталистов к трудовой жизни по возможности легким и безболезненным. В материальном смысле этот переход облегчается тем, что на протяжении известного периода капиталистам выплачиваются определенные суммы в качестве выкупа за отчужденную собственность; в моральном — тем, что государство использует их навыки и знания, предоставляет им соответствующие должности на предприятиях и политические права в рамках пролетарской демократии.

3. Социалистическая индустриализация

Социалистический способ производства (как и всякий другой) имеет свою материально-техническую базу, т. е. определенный уровень развития производительных сил. В. И. Ленин говорил: «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»[7].

Материальные предпосылки для социализма в той или иной мере создаются уже в недрах капитализма. Но отсюда отнюдь не следует, что после революции перед рабочей властью не встает в этой области новых задач.

Во-первых, даже в развитых капиталистических странах рядом с крупным машинным производством сплошь и рядом уживаются отрасли, где значительное место занимают мелкие предприятия или даже примитивная техника и ручной труд ремесленника, кустаря и т. д. Во-вторых, на путь социализма могут стать и страны со слаборазвитыми производительными силами или такие страны, где рядом с развитой промышленностью существует отсталое сельское хозяйство, в котором заняты миллионы мелких производителей. Это придает особенную актуальность вопросу о том, что должна делать рабочая власть, когда она не получает в наследство от капитализма достаточно развитой материально-технической базы.

Правые социалисты призывают и не ставить вопроса о взятии власти, пока все народное хозяйство не достигнет того наивысшего уровня, который характерен для развитого государственно-монополистического капитализма. Без этого, по их мнению, рабочему классу нельзя и мечтать о построении социализма. Когда совершилась Октябрьская социалистическая революция, социал-демократические вожаки, как уже говорилось, объявили ее «незаконной» на том основании, что Россия не достигла достаточно высокого уровня развития производительных сил и культуры и не располагала подготовленными кадрами для руководства хозяйством. Однако рабочий класс России не посчитался с этими педантами. Он сначала завоевал власть, а затем решительно принялся за ликвидацию экономической и культурной отсталости и подготовку своих кадров организаторов хозяйства.

Еще не кончилась гражданская война, а под непосредственным руководством В. И. Ленина уже был разработан государственный план электрификации России — ГОЭЛРО. Это был первый научно обоснованный план развития народного хозяйства на 10—15 лет. Он предусматривал развитие на новейшей технической основе решающих отраслей тяжелой индустрии: энергетики, металлургии, машиностроения, химической промышленности, транспорта. Ленинские идеи, воплощенные в плане ГОЭЛРО, легли затем в основу политики социалистической индустриализации, благодаря которой Советское государство создало необходимую для социалистического общества материально-техническую базу.

Экономическая и техническая отсталость, таким образом, не стала непреодолимым препятствием для строительства социализма. Однако перед рабочим классом встала грандиозная и трудная задача — создать материально-техническую базу социализма, развить все отрасли индустрии, прежде всего производство средств производства. С этой задачей приходится сталкиваться всем странам, вступившим на путь социализма, но в особенности тем из них, которые не имели в прошлом достаточно развитой промышленной базы. Иными словами, они оказываются перед необходимостью *социалистической индустриализации*.

Социалистическая индустриализация — это такое развитие крупной промышленности, и в первую очередь тяжелой индустрии, которое дает ключ к переустройству всего народного хозяйства на основе передовой машинной техники, обеспечивает победу социализма, укрепляет технико-экономическую независимость и обороноспособность страны перед лицом капиталистического мира.

Создание современной индустрии требует громадных материальных и финансовых затрат. В капиталистических странах средства для индустриализации добывались ограблением

колоний, военными контрибуциями или внешними займами. Первые два источника принципиально неприемлемы для социалистической страны. Что касается внешних займов, то капиталистические государства отказывают в них странам, строящим социализм, если только не рассчитывают при помощи займа оказать на них политическое давление. Так, во всяком случае, обстояло дело до сих пор. Более того, стремясь сорвать строительство социализма, капиталистические государства сплошь да рядом чинят всяческие препятствия нормальному развитию торговли и культурно-технического обмена, способному помочь индустриализации, в частности покупке оборудования, технической консультации и т. д.

Источником средств для социалистической индустриализации оказываются только внутренние ресурсы, создаваемые трудом рабочих, крестьян, интеллигенции. Это, естественно, может потребовать известных жертв, вызвать трудности и лишения, особенно на первых этапах социалистической индустриализации. Именно так обстояло дело в Советском Союзе, трудящимся которого, первыми взявшимся за строительство социализма, приходилось экономить на всем, во многом себе отказывать.

Вместе с тем после ликвидации классов капиталистов и помещиков появляются и новые источники финансирования промышленности. Та доля национального дохода, которая прежде шла на паразитическое потребление эксплуататорских классов, обращается на социалистическое накопление. В России, Китае и ряде других стран, ставших на путь социализма, громадные суммы выплачивались раньше иностранным капиталистам. Социалистическая революция ликвидирует и эту кабалу. Крестьянство освобождается от ипотечной задолженности и от арендных платежей за землю. В связи с этим возрастают возможности привлекать средства из деревни на развитие промышленности. Доходы государственных предприятий, внешней и внутренней торговли, банков также используются в интересах индустриализации.

Советская власть, мобилизовав все внутренние ресурсы, смогла проводить индустриализацию темпами, каких не знала ни одна капиталистическая страна. В первой пятилетке (1929—1932 гг.) было введено в действие свыше 1,5 тыс. новых заводов и фабрик, во второй (1933—1937 гг.) — 4,5 тыс. За это время объем промышленной продукции вырос в 4,5 раза. Такой рост промышленности за одно десятилетие представляет собой скачок, совершенно беспримерный в истории развития мирового хозяйства. США для такого роста промышленности потребовалось почти 40 лет — примерно с 1890 по 1929 г.

Высокие темпы роста промышленности в переходный период продемонстрировали и страны народной демократии.

Возможность высоких темпов — яркое свидетельство преимуществ нового, социалистического строя.

Для Советского Союза — первого в мире социалистического государства — темпы роста промышленности были вопросом жизни или смерти. И. В. Сталин говорил в 1931 г.: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[8]. И только потому, что СССР успел до 1941 г. создать мощную индустриальную базу, советский народ был в состоянии разгромить фашистскую Германию. Необходимость таких темпов диктовалась еще и тем, что нужно было быстрее подготовить условия для социалистического переустройства сельского хозяйства и ликвидации кулачества.

Всего за какие-нибудь 13—15 лет Советский Союз превратился из аграрной страны в индустриальную, выдвинулся в первый ряд мощных промышленных держав мира. Это был великий исторический подвиг советского народа, совершенный под руководством коммунистической партии.

Страны народной демократии создают материально-техническую базу социализма в иных, более благоприятных условиях. В отличие от СССР, который был вынужден полагаться только на свои силы, они опираются на широкую взаимопомощь всех стран социалистического лагеря. Промышленно развитые социалистические государства помогают создавать передовую индустрию в менее развитых странах. Большую помощь — кредитами, займами, технической документацией, поставками оборудования и сырья — оказывает странам народной демократии Советский Союз.

Теперь, когда существует мировая система социализма, каждой из входящих в нее стран уже нет нужды создавать у себя непременно все отрасли промышленности, как это пришлось делать СССР. Международное разделение труда внутри социалистического лагеря позволяет широко применять специализацию и кооперирование производства. Отдельные социалистические страны имеют возможность развивать прежде всего те отрасли, для которых у них имеются наиболее благоприятные экономические и природные условия и которые более отвечают их национальным традициям и производственному опыту.

Итак, задачи, которые приходится решать в различных странах в процессе создания материально-технической базы социализма, неодинаковы. В странах аграрных это прежде всего форсированное развитие промышленности; в странах, достигших высокого промышленного уровня еще при капитализме, это в основном перестройка промышленной структуры, налаживание новых экономических связей, преодоление унаследованных от прошлого диспропорций.

4. Итоги переходного периода

Вся экономическая политика пролетарского государства в переходный период рассчитана на борьбу социалистических элементов с капиталистическими, на ограничение и вытеснение последних, на полную победу социалистических форм во всех сферах народного хозяйства. Осуществляемая по преимуществу экономическими методами и средствами, эта борьба завершается преодолением многоукладности, ликвидацией буржуазии и кулачества как класса.

Главный итог переходного периода — это победа социалистического способа производства. Социалистический уклад из ведущего, каким он становится уже в начале этого периода, превращается в преобладающий и, наконец, в безраздельно господствующий. Мелкотоварный уклад путем кооперирования крестьянских хозяйств, а также кустарей и ремесленников преобразуется в социалистический. Капиталистический уклад в результате ограничения и вытеснения капиталистических элементов в экономике или его преобразования полностью исчезает.

Так разрешается основное противоречие переходного периода — противоречие между родившимся и развивающимся молодым социалистическим укладом и свергнутым, но еще не до конца ликвидированным капитализмом.

Что может дать переходный период, наглядно показывает пример Советского Союза, который первым в истории завершил построение социалистического общества.

Процесс социалистического преобразования экономики в СССР в основном был закончен в середине 30-х годов. К 1937 г. 98,7% производственных фондов страны находилось в общественной собственности, т. е. принадлежало социалистическому государству или колхозам и кооперативам. К этому времени социалистические предприятия давали 99,8% валовой продукции промышленности. В валовой продукции сельского хозяйства удельный вес социалистического сектора поднялся до 98,5%, в розничном товарообороте — до 100%. Это означало, что народное хозяйство в целом стало развиваться на единой социалистической основе.

Коренным образом изменился классовый состав советского общества. Уже к 1928 г. удельный вес капиталистических элементов упал до 4,6%, а в 1937 г. эта классовая группа полностью исчезла.

Исторический опыт не только Советского Союза, но и стран народной демократии целиком подтвердил положение марксистско-ленинской теории о том, что стихийно, самотеком социализм не может возникнуть ни до, ни после пролетарской революции. Он должен быть построен и строится руками рабочих, крестьян и других трудящихся, организованных в го-

сударство и руководимых революционной марксистско-ленинской партией. Признание этого, т. е. признание объективной необходимости активного строительства социализма, как раз и отличает коммунистов от социал-демократов, от реформистов и ревизионистов всех мастей, которые полагаются на стихийное перерастание капитализма в социализм и отрицают организующую и руководящую роль государственных и общественных органов пролетарской диктатуры.

Некоторые деятели Союза коммунистов Югославии, например, считают основным противоречием переходного периода не борьбу между растущим социализмом и остатками капитализма, а противоречие между централизованным государственным управлением и нуждами мест, предприятий. Выход из этого надуманного противоречия они видят в том, чтобы форсировать «отмирание» государства уже в переходный период. Между тем рабочий класс только в том случае может справиться со своими гигантскими организационными, созидательными задачами, если он научится использовать свою государственную власть как величайшую экономическую силу. В. И. Ленин говорил, что на плечи государства рабочих и крестьян ложится особая экономическая роль. Какую бы форму ни приняло в той или иной стране социалистическое государство, оно должно активно осуществлять хозяйственные преобразования, управлять народным хозяйством, планировать его, воздействовать на весь процесс расширенного воспроизводства в интересах социализма. Роль социалистического государства особенно важна в условиях, когда сохраняется империалистический лагерь.

В переходный период складываются новые, социалистические отношения и в области распределения. С ликвидацией паразитических классов национальный доход целиком становится достоянием трудящихся.

В результате выполнения экономических задач переходного периода еще до полной победы социалистических отношений ликвидируется безработица — бич рабочего класса при капитализме. Навсегда ликвидируются причины обнищания в деревне. Право на труд впервые осуществляется на деле и гарантируется планомерным развитием социалистического народного хозяйства.

Продолжительность переходного периода от капитализма к социализму не может быть одинаковой для различных стран. Многое тут зависит от внутренних и международных условий. Ясно, что как общество в целом, так и каждый трудящийся в отдельности заинтересованы в том, чтобы поскорей осуществить социалистические преобразования. Поэтому важнейшая задача партии и государства — выявление и использование всех резервов, способных ускорить переход к социализму. Это, однако, не значит, что здесь можно перепрыгивать

через необходимые этапы, проявлять поспешность. Необоснованная спешка при строительстве социализма вредна, как во всяком большом деле, затрагивающем интересы широких масс. В. И. Ленин писал: «*Никаких* преобразований, не назревших абсолютно и в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа, Коммуна, т. е. Советы рабочих и крестьянских депутатов, не «вводит», не предполагает «вводить» и не должна вводить»[9]. Этим ленинским указанием руководствуются марксистско-ленинские партии в своей организаторской и разъяснительной работе.

ГЛАВА 23

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Переход от капитализма к социализму завершается утверждением общественной собственности во всех отраслях народного хозяйства. Социализм теперь развивается на базе крупной машинной индустрии и коллективного механизированного сельского хозяйства.

Само общество, сами трудящиеся получают возможность планировать и регулировать процесс производства в *масштабе всего народного хозяйства страны*. При капитализме более или менее планомерная организация производства достижима лишь в рамках отдельного предприятия, самое большее — в масштабе одной монополии. Но и эта планомерность постоянно нарушается анархией производства, господствующей во всем народном хозяйстве. Социализм открывает возможность планового управления всем общественно-производственным механизмом, взятым как целое.

Наступает новая эра в истории человечества — эра планового хозяйства. Объем общественного производства, его структура, распределение труда и средств производства между отраслями народного хозяйства, цены на товары, размеры заработной платы — все это складывается теперь не стихийно. Само общество планирует их, добиваясь все более полного удовлетворения потребностей своих членов.

Однако это не значит, что в экономической области прекращают свое действие объективные законы.

Наоборот, чтобы сознательная деятельность по руководству экономикой была максимально эффективной, социалистическое общество должно руководствоваться объективными законами своего развития, организовать свое хозяйство в соответствии с этими законами.

Овладение законами новой экономической формации дается не сразу. Нужны опыт и время, чтобы социалистическое общество познало закономерности собственного развития и научилось использовать их в своих интересах.

Понятна ответственность, которая падает в этих условиях на руководящие органы общества — партийные и государ-

ственные. Их обязанность — овладеть искусством руководства сложным хозяйственным организмом, планировать все общественное производство так, чтобы обеспечить его непрерывный рост и постоянное повышение благосостояния всего народа.

1. Общественная собственность и ее формы

Маркс считал, что способ, каким соединяются основные элементы производственного процесса — рабочая сила и средства производства,— это основа всякого общественного строя. При социализме эти элементы соединены таким образом, что сами участники производства коллективно владеют средствами труда, которые они применяют. Это полностью исключает возможность превращения средств производства в средство эксплуатации одной части общества другою. Как совладельцы общественной собственности и соучастники общественно-производственного процесса, все люди равны и строят свои отношения на основах товарищеского сотрудничества и взаимопомощи.

Общественная собственность при социализме соответствует достигнутой ступени развития производительных сил. В силу этого она имеет некоторые черты и особенности, характерные для первой фазы коммунистического общества — социализма. Сюда относится, в первую очередь, та особенность, что общественная собственность на этой стадии существует не в единой форме. Как показал опыт Советского Союза и стран народной демократии, она существует в двух формах: *общенародной (государственной)* и *кооперативно-колхозной.*

Государственная собственность при социализме

Как уже говорилось, государственная социалистическая собственность возникает в результате национализации крупной промышленности, транспорта и банков и конфискации земель помещиков пролетарским государством. Дальнейшее развитие экономики приводит к быстрому росту государственного сектора. То, что было национализировано после взятия власти рабочим классом, впоследствии составляет лишь небольшую, нередко даже ничтожно малую часть средств производства, которыми располагает социалистическое общество. Все остальное создается народом в процессе социалистического строительства. В Советском Союзе, например, основные производственные фонды промышленности увеличились с 1913 по 1956 г. в 30,3 раза. Таким образом, собственность, национализированная в 1917—1918 гг., составляла в 1956 г. лишь немногим более 3% общественных средств производства.

В период возникновения социалистического уклада в СССР В. И. Ленин указывал, что главная трудность — не в конфи-

скации средств производства у буржуазии. «Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом,— говорил Ленин,— вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи»[1].

На другой день после национализации промышленность, транспорт, банки еще представляют собой отдельные, разрозненные предприятия. Требуется время и большие усилия, чтобы соединить их в одно целое и организовать их деятельность по единому плану. В течение переходного периода эта задача разрешается. Крупное социалистическое производство, раздвинутое до масштабов целой страны и руководимое из одного центра, открывает такие преимущества, о которых капитализм не может и мечтать.

Всенародная собственность при социализме есть *государственная* собственность, ибо общество как целое, которому принадлежат средства производства, представлено на этой стадии государством. От имени общества государство руководит всем общественным производством как единым процессом. Государство отдает средства производства в распоряжение и пользование отдельных коллективов, оставаясь, однако, их собственником. Когда говорят, что при социализме люди сознательно направляют свое общественное развитие, то имеют в виду как раз то, что они делают это через партию и государство, которые выполняют роль *руководителей и организаторов социалистической экономики.*

Реформистское и ревизионистское извращение сущности общественной собственности

Новейшей модой у ревизионистов стало изображать рост государственной собственности и государственного сектора хозяйства в социалистических странах как проявление бюрократического централизма. Государственную собственность они изображают как источник одних лишь бюрократических извращений.

Что же предлагают они взамен государственной собственности? Вместо нее, т. е. вместо всенародной собственности, они выдвигают на первый план различные формы групповой собственности: муниципальной, кооперативной, общинной.

На первый взгляд это может кое-кому показаться тоже социализмом. Однако на деле это мелкобуржуазный анархосиндикализм, несостоятельность которого была доказана уже основоположниками марксизма-ленинизма и подтверждена всем историческим опытом.

Необходимость общественной собственности в ее государственной форме возникает не как плод чьего-то досужего домысла, а как прямой результат тенденций развития современ-

ных производительных сил. Коммунисты лишь сознательно выражают то, что заложено в этих тенденциях: в любой развитой капиталистической стране закономерности дальнейшего роста производительных сил требуют превращения народного хозяйства в единый целостный организм, управляемый из одного центра. Но только социализм может удовлетворить назревшие потребности производительных сил и создать действительно целостный народнохозяйственный организм, руководимый государством.

Предшественники современных анархо-синдикалистов черпали свои представления в прошлом. Они идеализировали труд разобщенных коллективов, который в самых его примитивных формах имел место в замкнутом натуральном крестьянском хозяйстве и ремесленном мелкотоварном производстве. Их теории были реакционной утопией, направленной против научного социализма. Возрождение этих идей, даже в подновленном, модернизированном виде, также представляет собой реакционную утопию.

Рабочий класс не может согласиться с подобными установками. Социализм есть продукт крупного производства. Спасение от гнета монополий можно найти не в возврате к мелкому, раздробленному производству, а, наоборот, в переходе к еще более крупному и централизованному общественному производству, подчиненному власти трудящихся.

Разве можно в условиях современного крупного машинного производства строить социализм на основе отдельных разобщенных кооперативов, общин, коммун, не подрывая самих основ процесса производства, ведущегося на базе новейшей техники? Совершенно ясно, что нельзя. При господстве групповой собственности нельзя избежать преобладания местных интересов над общенародными. Работа отдельных предприятий идет в этом случае вслепую, без учета потребностей всего народного хозяйства. Результат этого обычно один: несмотря на то что частная собственность капиталистов ликвидирована, анархия производства вновь возрождается. Вновь возникают постоянные диспропорции, которые должен «выравнивать» спекулятивный рынок. В мутной воде спекуляции и рыночной стихии неизбежно возрождаются капиталистические элементы.

В тесной связи с принижением роли государственной собственности находятся и нападки ревизионистов на хозяйственно-организаторскую роль социалистического государства, в частности на государственное планирование. Ревизионисты пытаются изобразить социалистическое государство как ненужный бюрократический нарост на теле общества, будто бы тормозящий свободное экономическое развитие. Но такое извращенное изображение роли социалистического государства свидетельствует лишь о нежелании понять органическую связь

новой роли государства с господством общественной собственности и особым характером действия экономических законов социализма. Когда представителем общества как целого выступает государство, естественно, что именно оно и его центральные органы должны от имени общества определять направление, пропорции и темпы развития народного хозяйства. Только через хозяйственно-организаторскую деятельность государства все объективные возможности и преимущества социализма превращаются в действительность.

В этом вопросе опять-таки сказывается мелкобуржуазная сущность ревизионизма. При социализме удается наконец подчинить экономическую жизнь сознательному контролю общества и тем добиться ускоренного подъема всеобщего благосостояния, а ревизионисты тянут назад, к временам «свободной игры» экономических сил, которая, кстати сказать, давно уже перестала существовать и в капиталистических странах.

Ревизионисты идут назад — от Маркса к Прудону и другим предшественникам анархо-синдикализма. Они смотрят в прошлое, а не в будущее. Неудивительно, что всякий шаг вперед в развитии крупного социалистического производства побивает все их доводы.

Попытки применить анархо-синдикалистские догмы в хозяйственной практике идут от непонимания преимуществ государственной формы социалистической собственности, от неумения воспользоваться этими преимуществами. Всенародная форма общественной собственности отнюдь не сковывает творческой активности отдельных производственных коллективов. Наоборот, плодотворная деятельность этих коллективов может по-настоящему развернуться только в рамках хорошо организованного, согласованного во всех своих частях народнохозяйственного организма. Что особенно важно, государственная форма общественной собственности побуждает людей руководствоваться не местными, не групповыми, а *общенародными* интересами. Она, таким образом, поднимает сознание производителей до общегосударственного уровня, заставляет их жить не только заботами своего отдельного коллектива, но в первую очередь общенародными интересами.

Вот почему государственную, всенародную форму собственности В. И. Ленин называл *последовательно социалистической*, т. е. наиболее совершенной формой социалистической собственности, воплощающей высший уровень обобществления производства.

Кооперативно-колхозная собственность

Наряду с государственной марксисты-ленинцы признают вполне правомерной при социализме и кооперативную, т. е. групповую, собственность, всячески развивают ее и совершенствуют. Они только не считают, что раз дана кооперация, то тем самым уже дан и социализм. Так

могли думать социалисты-утописты прошлого века, которые мечтали прийти к социализму путем одной лишь организации кооперативов. Они не понимали, что сама по себе кооперация еще не определяет способа производства. Наоборот, сам характер кооперации определяется господствующим способом производства. При капитализме, как показывает исторический опыт, кооперация мелких производителей в большинстве случаев приобретает буржуазный характер. При социализме, когда у власти стоят рабочий класс и крестьянство и когда государственный сектор имеет преобладающее значение в экономике, кооперация приобретает социалистический характер.

Кооперативная собственность при социализме исторически возникает как результат особого пути, которым переходят к новым, коллективным формам хозяйствования крестьянство и другие слои населения, связанные в прошлом с мелкотоварным производством. Возникающая в результате кооперирования мелкотоварных хозяйств коллективная собственность и есть кооперативно-колхозная форма социалистической собственности. Это групповая собственность сельскохозяйственных артелей (колхозов), промысловых артелей и других кооперативных объединений.

В большинстве социалистических стран производственное кооперирование в сельском хозяйстве начинается с простого объединения средств производства, принадлежащих крестьянам: рабочего скота, плугов, борон, некоторых производственных построек. Но затем кооперативная собственность умножается общим трудом крестьян при производственной помощи государственной промышленности. Кооперативы становятся владельцами современной машинной техники. Объединяя свои усилия, они создают электростанции, оросительные каналы, водохранилища, дороги, школы и больницы, т. е. сооружения, имеющие по существу общенародное значение. В Советском Союзе с 1932 по 1958 г. неделимые фонды колхозов, т. е. та часть кооперативного имущества и доходов, которая не подлежит распределению среди членов артели, выросли с 4,7 млрд. до 102 млрд. руб., т. е. в 21 раз. В составе этих фондов решающее место занимают сейчас современные сельскохозяйственные машины, тракторы и сложное техническое оборудование.

По сравнению с общенародной, государственной кооперативная собственность — менее зрелая форма социалистической собственности. Ведь здесь средства производства и готовая продукция принадлежат не всему обществу, а данному коллективу. Однако между кооперативно-колхозной и общенародно-государственной собственностью при социализме нет каких-либо коренных различий. И та и другая исключают эксплуатацию человека человеком и предполагают труд на коллективных началах в общественных интересах. Коопера-

тивная собственность, как и государственная, открывает большие возможности для непрерывного роста социалистического производства и повышения уровня жизни трудящихся.

Кроме того, кооперативная форма собственности не есть нечто неизменное и застывшее. Она проходит ряд ступеней в своем развитии, поднимаясь от низших форм к высшим. Масштабы производства в кооперативах в результате их укрупнения, технического перевооружения и развития межкооперативных предприятий все время возрастают. Так постепенно по уровню обобществления и характеру труда, по формам его организации и используемым орудиям производственные кооперативы подтягиваются к общенародным, государственным предприятиям.

Кооперативная форма собственности может развиваться и крепнуть только потому, что рядом с ней существует общенародная, государственная собственность. Социалистическое государство делает все для того, чтобы поднять кооперативно-колхозную собственность до уровня общенародной, с тем чтобы открыть перед крестьянством и другими кооперированными слоями населения еще большие возможности для расширения и улучшения производства, для повышения своего благосостояния.

2. Основная цель социалистического производства

Капиталистическое производство имеет своей целью извлечение прибыли. Производство того или иного вида продукции само по себе мало интересует капиталиста. Еще меньше его интересует вопрос о том, удовлетворяются ли в обществе потребности всех его членов. Как превратить производство какого-нибудь товара в источник извлечения прибыли — вот что, собственно, занимает капиталиста.

Переход средств производства в общественную собственность коренным образом меняет движущие мотивы и цель производства. При социализме средства производства принадлежат трудящимся, их обществу, и ясно, что трудящиеся не могут эксплуатировать самих себя. Следовательно, здесь нет и результата эксплуатации — прибавочной стоимости Теперь, как указывал Ленин, *«прибав[очный] продукт* идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им»[2].

Весь общественный продукт, который ежегодно производится в социалистическом хозяйстве, принадлежит тому, кто владеет средствами производства,— обществу, т. е. трудящимся, взятым как единый общенародный производственный коллектив. Как будет показано дальше, этот совокупный годовой продукт не может быть употреблен иначе, как на удовлетворение — прямое или косвенное — потребностей самих трудящихся.

Трудящиеся, завоевавшие государственную власть и организовавшие общественное производство, не могут иметь другой цели своего труда, кроме удовлетворения своих общественных и личных потребностей. Теперь никто не стоит между производителем и результатом его труда — ни капиталист, ни помещик, ни торговец, ни ростовщик. Все, что производится на общественных предприятиях, принадлежит самим производителям — вот сущность нового способа производства и распределения. Понятно поэтому, что трудящиеся стремятся к постоянному увеличению производства материальных благ,— ведь плоды их труда достаются им самим.

Таким образом, цель социалистического производства вытекает из самой его сущности. Ленин определил эту цель как «планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества...» [3]

При этом следует учесть, что потребности людей, уровень их жизни не представляют собой чего-то застывшего и неподвижного. Они не могут не изменяться, поскольку с развитием общественного богатства и культуры возрастают как материальные, так и духовные запросы людей, появляются новые потребности. Задача общества при социализме и заключается в том, чтобы обеспечивать все более полное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всех своих членов.

Все большее удовлетворение потребностей, как цель социалистического производства, имеет необходимый, т. е. закономерный характер. Другими словами, законы самого производства, основанного на общественной собственности, *объективно диктуют* эту цель социалистическому обществу. Если бы производство не было подчинено удовлетворению растущих материальных и культурных потребностей трудящихся, оно лишилось бы основного стимула своего развития.

Поэтому социалистическое государство рассматривает расширение производства ради непрерывного повышения народного благосостояния как свою главную цель. Эта цель есть не что иное, как сознательное выражение объективной экономической закономерности, присущей социалистическому производству. В советской экономической литературе эта закономерность получила название основного экономического закона социализма, который формулируется следующим образом: непрерывное расширение и совершенствование производства на базе передовой техники в целях наиболее полного удовлетворения постоянно растущих потребностей и всестороннего развития всех членов общества.

Действие этого закона наглядно проявляется в непрерывном росте материального благосостояния трудящихся социалистических стран. В Советском Союзе реальные доходы рабо-

чих и служащих в 1958 г. по сравнению с 1940 г. увеличились почти в два раза, а реальные доходы крестьян в расчете на одного работающего выросли более чем в два раза.

История сложилась так, что в соревновании с капитализмом первыми вступили социалистические страны, которые в прошлом не принадлежали в своем большинстве к числу передовых в экономическом отношении. Чтобы победить в этом соревновании, от них требуются высокие темпы роста производства, большое напряжение в труде и преодоление многочисленных трудностей, связанных с былой отсталостью. Высоких темпов нельзя достигнуть, если не оснащать все отрасли производства новейшей техникой, а это требует высоких темпов накопления, т. е. выделения большой доли национального дохода на расширение производства.

Размеры фонда потребления пока ограничены и тем обстоятельством, что социалистическим странам приходится расходовать значительные средства на оборону. Если бы не все эти обстоятельства, то фонд потребления уже сейчас мог бы намного возрасти.

В настоящее время экономическая и оборонная мощь социалистического лагеря, однако, достигли такой степени, что входящие в него страны могут выделять все больше средств для улучшения жизни и быта народных масс. Высокие темпы развития тяжелой промышленности и расходы на оборону теперь вполне совместимы с быстрым ростом легкой промышленности и крутым подъемом сельского хозяйства.

Это позволило Советскому Союзу и другим социалистическим странам уверенно поставить перед собой задачу: в кратчайшие исторические сроки достигнуть такого уровня народного потребления, который по всем показателям превзойдет то, что имеется в самых высокоразвитых капиталистических странах.

3. Планомерное развитие народного хозяйства

С установлением общественной собственности прекращается действие законов капиталистической экономики. Новая форма собственности, как говорилось выше, порождает свои, новые объективные законы. Среди них особо важное место занимает закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

Закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства

Народное хозяйство при социализме предстает как целостный организм, направляемый единой волей. В этих условиях обеспечение гармонии, слаженности, максимальной «подгонки» друг к другу всех частей общественно-производственного механизма страны становится первым требованием экономики. Это требование и

выражено в законе планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

В чем суть этого закона? В том, прежде всего, что для нормального функционирования социалистического хозяйства необходимы определенные соотношения, *пропорции* между отдельными его отраслями. В том, далее, что установление и поддержание таких пропорций должно и может происходить при социализме *планомерно*, т. е. в результате заранее обдуманных действий социалистического государства и его планирующих органов.

Объективный характер закона планомерного, пропорционального развития состоит в том, что указанные пропорции в народном хозяйстве не могут устанавливаться произвольно, по чьей-то прихоти или желанию, а подчиняются определенным закономерностям, нарушение которых неизбежно приводит к разлаживанию общественно-производственного процесса. На эту сторону дела указывал еще Маркс, когда писал, что «*необходимость разделения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства; измениться может лишь форма *ее проявления*. Законы природы вообще не могут быть уничтожены» [4].

Значит, социалистическое общество не может «по щучьему велению» менять соотношение между производством и потреблением, накоплением и потреблением, не считаясь с фактическим положением в народном хозяйстве и имеющимися ресурсами.

Представим себе на минуту, что общество или его государственные органы, руководствуясь наилучшими побуждениями, захотят резко увеличить размеры потребления, не позаботившись заранее о соответствующем увеличении производства. К чему это приведет? К тому, что имеющиеся запасы товаров будут быстро исчерпаны. То же произойдет, если будет произвольно нарушено соответствие между потреблением и накоплением средств, предназначенных для расширения производства. Сокращение доли накопления неминуемо приведет к торможению, а затем и к остановке экономического развития, к быстрому проеданию основного капитала, к упадку и расстройству всей хозяйственной жизни. Если же задать чрезмерный темп накопления, то это может привести к ослаблению материальной заинтересованности участников производства и в конце концов скажется на темпах роста производительности труда. Не может пройти безнаказанно и нарушение пропорций между размерами заработной платы и уровнем производительности труда, между суммой денежных доходов населения и размерами товарооборота и т. д.

Кроме названных выше, существует много других областей производства и распределения, нормальное функционирование

которых невозможно без соблюдения определенных пропорций. Так, необходимо выдерживать соответствие между основными отраслями народного хозяйства, такими, как промышленность, сельское хозяйство и транспорт. Отставание любого из этих звеньев грозит неисчислимыми трудностями.

Определенных соответствий требует развитие тяжелой и легкой, добывающей и обрабатывающей промышленности. Залог прогресса всех отраслей экономики — это опережающие темпы развития тяжелой индустрии. Точно так же расширение сырьевой и энергетической базы должно опережать развитие обрабатывающих отраслей промышленности, создавая необходимые резервы для их роста.

Нельзя добиться слаженности в экономике и тогда, когда не обеспечивается правильное соотношение между потребностями народного хозяйства в квалифицированных кадрах и размерами их подготовки в стране. Пропорциональность нужна и в размещении промышленности по отдельным экономическим районам, в организации разделения труда, в специализации и кооперировании производства.

Таким образом, существует широкий круг народнохозяйственных пропорций, постоянное поддержание которых составляет важнейшую задачу социалистического общества.

Могут сказать, что известной пропорциональности в развитии производства требует любой экономический строй, в том числе капитализм. Это действительно так. Но при капитализме необходимые соответствия в экономике устанавливаются стихийно, через болезненные колебания и диспропорции, через кризисы и спады. Тот факт, что монополии затрудняют стихийный перелив капитала из одной отрасли в другую, еще больше осложняет положение. К пропорциональности, которой требуют объективные законы экономики, капиталистическое хозяйство бредет ощупью, вслепую, спотыкаясь и падая, неся огромные издержки.

Насколько большими могут быть эти потери, свидетельствуют данные, приведенные американским профсоюзным лидером Уолтером Рейтером на конференции по безработице, состоявшейся в Вашингтоне в апреле 1959 г. За последние пять лет, заявил он, из-за массовой безработицы и неполного использования производственной мощности США «американский народ навсегда потерял в валовом продукте страны 152 миллиарда долларов, или приблизительно три тысячи долларов на одну семью». Могло ли быть иначе при эксплуататорском строе с его анархией производства, конкуренцией, расточительством общественного труда!

Иное дело при социализме, когда вступает в силу закон планомерного, пропорционального развития, когда, по словам Энгельса, «становится возможным общественное производство

по заранее обдуманному плану»[5]. Теперь люди впервые в истории получают в свои руки все необходимое для того, чтобы добиться максимальной слаженности общественно-производственного процесса, рационально отрегулировать его. Тот факт, что все средства производства при социализме находятся в общественной собственности, а ход производства планируется и направляется из единого центра, создает небывалые возможности для максимальной экономии материальных и трудовых затрат, для высокой продуктивности общественного труда.

Овладение экономическим законом планомерного, пропорционального развития дает социалистическому обществу огромные преимущества. Это относится как ко всему народному хозяйству в целом, так и к каждому его звену: к любому предприятию, шахте, колхозу. Нормальное функционирование каждого такого звена, каждой части производственного аппарата служит условием нормальной деятельности всей экономической машины социализма. Поэтому так велика роль каждого работника социалистического хозяйства, на каком бы посту он ни находился.

Это тем более важно, что закон планомерного развития, как уже говорилось, проявляется не стихийно, не автоматически. В плановом, социалистическом хозяйстве нет и не может быть стихийного распределения рабочей силы и капиталов между отраслями экономики. Все это осуществляется социалистическим государством обдуманно, в соответствии с основной целью социалистического производства. Но это накладывает особую ответственность на те государственные органы, которые ведают планированием и руководят развитием народного хозяйства.

Их задача тем более сложна, что и при социализме никакое соответствие не бывает вечным. Между отраслями народного хозяйства никогда не может быть одних и тех же, навсегда определившихся пропорций. Стабильность в этой области была бы не признаком благополучия, а сигналом тревоги. Ведь это означало бы, что общественное производство совершается в неизменном объеме, что оно вращается по одному и тому же кругу, что нет никакого роста. Но техника не стоит на месте, происходят перевороты в организации производства, изменяются потребности общества. Все это толкает народное хозяйство вперед, меняет соотношение между его отраслями. Появляются новые, более перспективные отрасли, отходят на задний план некоторые из старых.

Точно так же не может быть раз и навсегда установленного, неизменного соотношения между производством и потреблением, потреблением и накоплением. На основе роста производительности труда расширяется потребление. С появлением новых задач социалистического строительства,

с изменением международной обстановки прежний темп накопления может оказаться недостаточным или, наоборот, чрезмерным.

Чтобы вовремя учитывать происходящие перемены, вносить необходимые коррективы в хозяйственные планы, предотвращать возникновение диспропорций в экономике или во всяком случае быстро устранять их, если они все-таки возникают,— для всего этого служит социалистическая система планирования.

Задачи и методы планирования

Планирование в социалистическом государстве — это процесс, в котором тесно переплетаются элементы научного исследования и хозяйственно-организаторской деятельности. Для правильного планирования необходимо доскональное знание экономики, объективных законов ее развития, умение смотреть вперед. Действенное руководство экономикой невозможно также без хорошо поставленного народнохозяйственного учета и статистики. По мнению В. И. Ленина, «учет и контроль — вот *главное*, что́ требуется для «налажения», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества» [6].

Требования закона планомерного развития находят свое выражение в народнохозяйственных планах, составляемых по директивам коммунистической партии и правительства плановыми органами государства. Такие органы имеются как в центре, так и в административно-экономических районах и непосредственно на предприятиях. Тщательно взвесив имеющиеся ресурсы и возможности и исходя из задач, стоящих перед обществом, плановые органы вырабатывают текущие, а также и долгосрочные, перспективные планы на 5—7—15 лет. После широкого обсуждения в массах и утверждения высшим органом социалистического государства такие планы облекаются в форму закона.

Участие самих трудящихся в планировании, тот факт, что в основу составляемых планов кладется обобщенный опыт, накапливаемый в ходе производственной деятельности, служит гарантией правильного руководства народным хозяйством. Экономическая деятельность социалистического государства строится на ленинских принципах *демократического централизма*. Это означает, что планирование идет не только сверху вниз, но и снизу вверх. Государственное централизованное плановое руководство сочетается с социалистическим демократизмом, с инициативой и самодеятельностью масс трудящихся. В Советском Союзе еще в годы первых пятилеток получили распространение так называемые «встречные планы», т. е. планы, обогащенные предложениями рабочих, инженеров и техников на предприятиях и дополненные в соответствии с их пожеланиями. После проведенной в 1957 г. пере-

стройки управления промышленностью и сельским хозяйством практика планирования еще более повернута в сторону максимального учета местного опыта, инициативы и предложений.

Дело идет к тому, чтобы народнохозяйственные планы сверстывались на основе планов развития, вырабатываемых самими производственными коллективами. При этом, конечно, существует опасность местничества, т. е. выпячивания местных интересов в ущерб общему делу. Однако руководящая роль коммунистической партии, направляющая деятельность центральных государственных органов позволяют обществу свести такую опасность к минимуму.

Было бы, однако, ошибочным полагать, что величайшие преимущества, заложенные в социалистическом, плановом хозяйстве, автоматически обеспечивают его успех. Нельзя смешивать *закон* планомерного развития с самим *планированием* народного хозяйства. Если экономический закон всегда действует безошибочно — в том смысле, что его влияние обязательно дает себя знать,— то планирование может быть правильным и неправильным, точным или весьма приблизительным. Необходимо поэтому постоянное совершенствование методов и системы планирования, постоянная проверка намечаемых планов опытом, передовой практикой.

Всемирно-исторический успех советских народнохозяйственных планов, успехи в ведении планового хозяйства, достигнутые странами народной демократии, доказывают, что социалистическое общество все лучше овладевает законом планомерного, пропорционального развития, все полнее учитывает его в своей повседневной практике.

Само собой разумеется, что закон планомерного развития дает социализму лишь *объективные* преимущества, но реализуются они в практической деятельности тружеников социалистического общества. Мало составить хороший план развития хозяйства; без самоотверженного труда по его осуществлению он останется на бумаге. Мало знать, что социализм есть самый экономный строй; без повседневной борьбы за экономию преимущества социализма не удастся полностью использовать, а в случае больших упущений они даже могут остаться втуне. *Только творческий труд всех членов общества может превратить огромные потенции социализма в действительность.* Решающую роль при этом играет хозяйственно-организаторская деятельность социалистического государства и его органов. Государство не только ставит производственные задачи перед коллективами трудящихся, но и организует их деятельность по выполнению этих задач.

4. Товарное производство и закон стоимости при социализме

На той стадии развития производительных сил и общественной собственности, которая характерна для социализма, важнейшие экономические процессы, такие, например, как плановое распределение труда по отраслям народного хозяйства и распределение средств производства и предметов потребления, не могут осуществляться без использования товарно-денежной, стоимостной формы. Это нисколько не противоречит принципам социализма, не мешает, а, напротив, помогает выявлению огромных преимуществ и внутренних сил, заложенных в социалистической системе хозяйства.

Особенности социалистического товарного производства

Как известно, товарное производство основано на том, что все разнообразные виды конкретного труда сводятся к абстрактному труду, создающему *стоимость* товара. Это — важное преимущество товарного производства, сохраняющее свое значение до тех пор, пока остаются различия между трудом рабочего и колхозника, между квалифицированным и простым трудом, трудом умственным и физическим и пока общество не может просто в часах рабочего времени измерять труд, затраченный на производство того или иного товара.

Стоимостные отношения, т. е. отношения купли-продажи, материально побуждают участников производства экономить труд и сырье, сокращать издержки, внедрять новую технику и передовые методы производства. Это важное свойство товарного производства вполне соответствует интересам социализма, широко используется им. Ведь когда социалистическое общество планирует размеры выпуска той или иной продукции, ему далеко не безразлично, какой ценой это будет сделано, т. е. сколько труда будет вложено в производство каждой единицы этой продукции. Оно кровно заинтересовано в том, чтобы максимально сократить издержки производства, имея в виду, что экономия труда, достигнутая в одном месте, позволяет расширить производство в другом.

Из этого, однако, не следует, что социалистическое товарное производство — то же самое, что и простое или капиталистическое товарное производство, о которых говорилось в главе 8. Нет, между ними существует принципиальная разница, и отождествлять их никак нельзя.

Социалистическое товарное производство — это производство без частной собственности, без капиталистов и мелких товаропроизводителей. Его участники — государственные предприятия, сельскохозяйственные кооперативы, кооперация кустарей, ремесленников и т. д., т. е. объединенные социалистические производители. Средства производства здесь не могут превратиться в капитал, так как они находятся в общест-

венной собственности. А такое средство производства, как земля, здесь вообще не продается и не покупается, т. е. даже не является товаром. Не может стать товаром при социализме и рабочая сила. Трудящиеся, коллективно владеющие средствами производства, не могут, естественно, продавать рабочую силу самим себе.

Однако все остальное — средства производства и предметы личного потребления, производимые государственными предприятиями, сельскохозяйственные продукты и сырье, поступающие от кооперативного сектора государству, а также продаваемые кооперативами и их членами на колхозном рынке — это товары, имеющие стоимость, т. е. овеществленный в них общественно-необходимый труд. Денежным выражением стоимости служит *цена* товара.

Государственные предприятия, сельскохозяйственные кооперативы *продают* друг другу свою продукцию, а не просто передают ее, как, например, передает ее один цех другому в пределах одного и того же завода. Это — очень важное обстоятельство, означающее, что каждое предприятие должно *возмещать* свои неизбежные затраты на производство продукции. Тем самым обеспечивается возможность нормального хода производства на каждом предприятии. Одновременно этим облегчается планирование всего народного хозяйства и поддержание в нем необходимых пропорций.

Обмен, возмещающий издержки производства, особенно важен в экономических взаимоотношениях государственного и кооперативного секторов. Ведь здесь продукты принадлежат разным собственникам — государству и кооперативам. То, что производится в промышленности, принадлежит государству, а то, что производится в колхозах, составляет колхозно-кооперативную собственность. В этих условиях необходимой формой экономической связи между промышленностью и сельским хозяйством служит обмен посредством купли-продажи.

Как известно, в Советском Союзе одно из основных мероприятий последних лет, направленных на крутой подъем сельского хозяйства, состояло в замене заготовок колхозной продукции их закупкой по ценам, позволяющим добиваться как можно более полного возмещения затрат колхозов на производство этой продукции.

На основе товарно-денежных отношений осуществляется при социализме и распределение предметов потребления. Социалистическое государство обеспечивает удовлетворение как общественных, так и личных потребностей членов общества, занятых в государственных предприятиях и учреждениях. Для удовлетворения основной части личных потребностей каждый получает заработную плату, на которую он затем покупает нужные ему жизненные средства. Деньги как вознаграждение за труд вызывают к жизни торговлю как форму распределения

товаров личного потребления при социализме. При социализме она остается единственно возможным механизмом распределения предметов потребления. Через торговлю осуществляется связь между производством и потреблением. Она позволяет выявлять изменяющиеся потребности общества и лучше планировать производство товаров, необходимых для их удовлетворения.

Закон стоимости при социализме

Раз при социализме существует товарное производство, то, стало быть, действует и закон стоимости. Однако роль его здесь принципиально иная, нежели в капиталистической экономике. При капитализме закон стоимости служит стихийным регулятором распределения труда и средств производства. При социализме, где нет стихийного рыночного обмена и конкуренции, эта функция закона стоимости исчезает, так как распределение труда и средств производства происходит в соответствии с законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Зато в огромной степени возрастает функция закона стоимости как *измерителя* затрат труда, как *стимулятора* экономии общественного труда.

В чем конкретно выражается действие закона стоимости в социалистической экономике?

В том, что он заставляет производить товары и обменивать их друг на друга на основе *общественно-необходимых затрат труда.* Причем главной ареной действия закона стоимости при социализме становится не рынок, а само производство. Отмечая, что с уничтожением частной собственности «нельзя будет больше говорить об обмене в том виде, в каком он существует теперь», Энгельс указывал, что «практическое применение понятия стоимости будет тогда все больше ограничиваться решением вопроса о производстве, а это и есть его настоящая сфера»[7]. Маркс, подтверждая эту мысль, писал: «Время труда *всегда остается,* даже когда меновая стоимость исчезла, творческой сущностью богатства и мерилом *издержек,* требуемых для его производства»[8].

В первую очередь действие закона стоимости учитывается при плановом определении цен государством. В условиях капитализма цены познаются на рынке, но в социалистическом хозяйстве действуют *плановые* цены. Их нельзя позаимствовать на рынке. Они определяются из условий труда в производстве, исходя из того, что всякая товарная стоимость есть лишь мера заключающегося в товаре общественно необходимого труда.

Устанавливая цены на товары, государство не может исходить из тех затрат труда, которые фактически произведены на данном предприятии. Оно ориентируется на общественно необходимые затраты, т. е. такие, которые требуются на данной ступени развития производительных сил: при данном уровне

техники, при существующей средней степени умелости и интенсивности труда. Другими словами, в основе цен, устанавливаемых государством на товары, лежит их стоимость.

Такой подход к определению цен, когда они увязываются со стоимостью, дает надежную базу для их экономического обоснования. А это имеет весьма важное значение для развития народного хозяйства. В ценах товаров в общем и целом должны отражаться те реальные соотношения в затратах труда, которые складываются между различными отраслями общественного производства. Например, если на производство одного вида товара расходуется труда больше, чем на производство другого товара, то ясно, что в ценах на эти товары должна отразиться разница в затратах труда. В свою очередь, экономически обоснованные цены обеспечивают правильные пропорции при обмене продукции одной отрасли на продукцию другой, а это облегчает поддержание установленной обществом пропорциональности в народном хозяйстве.

Но цены в социалистической экономике не только отражают фактические стоимостные отношения между различными сферами народного хозяйства, но и служат важнейшим рычагом в руках государства для активного воздействия на ход общественного производства. Поэтому политика плановых цен всегда составляла важнейший элемент всей экономической политики социалистического государства,— элемент, имеющий не только экономическое, но и первостепенное политическое значение. Этим объясняется, в частности, то, что в социалистической экономике цены на товары не всегда и не во всех случаях совпадают с их стоимостью.

При помощи соответствующей политики цен государство может часть доходов, созданных в одних отраслях, использовать для быстрого подъема других отраслей, имеющих большое народнохозяйственное значение. В особенности такая политика цен важна для развития новых отраслей и внедрения новой техники. Пока производство ранее не изготовлявшихся изделий не стало массовым или серийным, стоимость каждой единицы, как правило, относительно высока. Чтобы создать стимулы для их широкого внедрения, приходится на первых порах устанавливать цену, которая может быть ниже их стоимости. Это позволяет организовать производство нового товара в крупных масштабах и добиться такого снижения его стоимости, которое соответствовало бы установленной цене, а затем последовательно понижать эту цену.

Таким образом, воздействие на процесс планового определения цен — первая функция закона стоимости в социалистической экономике. Другая функция закона стоимости — содействовать сокращению материальных издержек производства, внедрению передовой техники, повышению производительности труда.

Указав цену, государство как бы говорит предприятию: вот тот максимум труда и материалов, который общество может позволить себе затратить на единицу данной продукции и который предприятие обязано не превышать. Предприятия, индивидуальные затраты которых ниже общественно необходимых, ставятся тем самым в более выгодное положение, а предприятия, имеющие высокие индивидуальные затраты,— в невыгодное. Это побуждает последние экономить труд, сырье и энергию, совершенствовать технологию, внедрять новую технику.

В этом проявляется стимулирующая роль закона стоимости в социалистической экономике. Материальная заинтересованность — это и есть конкретное выражение стимулирующего действия закона стоимости. Социалистическое общество стремится к тому, чтобы сами экономические потребности, материальная заинтересованность работников двигали вперед производство.

В связи с этим в основу хозяйственной деятельности социалистического предприятия (промышленного и сельскохозяйственного) положен *хозяйственный расчет.*

Хозрасчетное предприятие, в отличие от тех, которые содержатся на государственном бюджете, обладает хозяйственно-оперативной самостоятельностью. Оно имеет в своем распоряжении необходимые материальные и денежные средства и может проявлять широкую инициативу в их использовании. Смысл хозрасчета в том, чтобы расходы каждого предприятия, каждой хозяйственной организации возмещались и покрывались их собственными доходами и чтобы сверх того предприятие имело прибыль. Часть прибыли отчисляется в фонд предприятия и идет на нужды его рабочих и служащих. Хозрасчет побуждает бороться за рентабельность, а это возможно лишь при наименьших затратах труда, материальных и денежных средств.

Действие закона стоимости дает возможность сопоставлять и правильно оценивать итоги деятельности отдельных предприятий, побуждать материально как предприятие в целом, так и его работников к достижению высоких показателей.

Закон стоимости и планирование

Но как же совмещается с законом стоимости социалистическое планирование? Ведь оно руководствуется другим законом — законом планомерного, пропорционального развития.

Опыт показывает, что совмещение того и другого закона вполне возможно, так как они не вступают в противоречие, а дополняют друг друга.

Социалистическое общество само определяет объем и структуру производства, распределяет по отраслям и экономическим районам средства производства и готовую продук-

цию. Однако осуществляет оно это посредством товарно-денежных связей, стоимостных форм. Необходимой дополнительной проверкой соответствия производственных планов общественным потребностям служит процесс реализации товаров. Этот процесс задним числом выявляет, правильно ли в данном конкретном случае был увязан выпуск изделий с потребностями. Так, например, движение товарных запасов в торговой сети — важный показатель, корректирующий производственную программу.

Другими словами, закон стоимости помогает *корректировать*, уточнять распределение труда и средств производства между отраслями, которое осуществляется на основе закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

Чем ближе цены товаров к их стоимости, тем точнее можно учитывать и планировать себестоимость, рентабельность, эффективность затрат труда и капитальных вложений, применение новой техники и новых методов организации производства.

Планируя цены товаров, социалистическое государство должно учитывать постоянно изменяющиеся в связи с прогрессом техники затраты общественно необходимого труда, лежащие в основе цены. Без этой своей объективной основы цена превратилась бы в условную величину и перестала бы играть роль рычага социалистического планирования.

При социализме делом первостепенной важности становится точное определение стоимости, т. е. общественно необходимых затрат труда. Только так можно устранить ненужное расточительство труда, сделать хозяйство наиболее рациональным и экономным. Маркс писал, что после уничтожения капиталистического производства «определение стоимости остаётся преобладающим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая всё это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было»[9].

Правильно использовать закон стоимости — это значит так осуществлять хозрасчет и контроль рублем, так планировать цены, себестоимость, рентабельность, товарооборот, финансы, кредит, чтобы обеспечивалось выполнение и перевыполнение народнохозяйственных планов, достигалась наибольшая производительность труда и экономия ресурсов общества.

5. Труд при социализме

Социализм осуществляет право на труд для всех граждан. Это право гарантировано всей организацией народного хозяйства, устранением кризисов, ликвидацией безработицы.

Деление общества на трудящееся большинство и праздное меньшинство, живущее за счет эксплуатации других, при социализме делается невозможным, ибо труд становится единственным источником дохода.

Новый характер общественного труда

Когда все основные средства производства сосредоточиваются в руках социалистического государства и производственных кооперативов, труд каждого человека утрачивает частный характер и приобретает *непосредственно общественный* характер. Это значит, что трудовая деятельность каждого человека служит выполнению определенной части народнохозяйственного плана.

При капитализме каждый товаропроизводитель работает на свой страх и риск. Товаропроизводители связаны друг с другом через рынок. Там, и только там, выясняется в конце концов действительная потребность общества в затрате тех или иных видов труда. Кризисы — особенно наглядное свидетельство расточительного использования трудовых ресурсов в капиталистическом обществе. Здесь тяжелый труд миллионов чередуется с муками безработицы.

Непосредственно общественный характер труда при социализме, где заранее учитываются возможности и потребности общества, способствует развитию новых стимулов у трудящихся. Наряду с материальной заинтересованностью возникают моральные побуждения к труду. Труд благодаря этому становится все более осмысленным, постепенно превращаясь из простого средства существования в дело чести. Растет производственная активность трудящихся, усиливается их участие в общественной жизни. Множатся ряды изобретателей, рационализаторов и других новаторов производства. Вместо старой трудовой дисциплины, построенной на принуждении, крепнет новая, сознательная дисциплина, основанная на понимании каждым трудящимся своего долга перед обществом и личной заинтересованности в труде.

Новое отношение к труду, заботу трудящихся о развитии общественного производства выражает *социалистическое соревнование*. В процессе соревнования практически преодолеваются недостатки в организации производства, вскрываются и используются ранее неизвестные резервы. Соревнование представляет собой особо действенный метод самокритики, свойственное социализму средство преодоления противоречий. Соревнованию чужд дух соперничества, оно предполагает товарищескую помощь отставшим со стороны передовых, с тем чтобы добиться общего подъема.

Уже в первые годы становления нового строя в Советской России родились коммунистические субботники. В. И. Ленин прозорливо увидел в них ростки нового отношения к труду.

«Это,— писал он в 1919 г.,— начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазин, ибо это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этимн прнвычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему н крестьянину. Когда *эта* победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисцнплина, социалнстическая дисцнплнна будет создана, тогда н только тогда возврат назад, к капнтализму, станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым»[10].

Неуклонный рост производительности труда — закон социалистической экономики

Каждая новая общественно-экономнческая формация побеждает благодаря создаваемой ею более высокой пронзводительности труда. Способность обеспечить более высокую производительность труда — это решающее условне окончательной победы соцналнзма н коммунизма.

Маркс указывал, что пронзводительная сила труда определяется «средней степенью искусства рабочего, уровнем развнтня науки н степенью её технологического применения, общественной комбннацней пронзводственного процесса, размерамн н эффективностью средств производства и, наконец, природнымн условиями»[11].

В чем же преимущества соцнализма в овладении темн условиямн роста производительностн труда, которые отмечает Маркс?

Средняя степень искусства рабочего, уровень его квалнфнкацни в условиях социализма растут значительно быстрее, чем при капнтализме. Доступность образования для всех трудящнхся, устраненне всех барьеров на пути к самым высшим его ступеням позволяют любому рабочему постепенно поднниматься до уровня ннженерно-технических работннков. Даже в самых развнтых капнталистнческнх странах широкие массы рабочего класса не имеют таких возможностей.

При социалнзме в огромной степенн возрастает значенне науки, все неограниченные возможности которой впервые используются на благо всего общества, ставятся на службу прогрессу. Отсюда проистекает н высокая степень прнменения достижений науки в пронзводстве.

Особенно значнтельны возможностн социалнзма в областн упомянутой Марксом «общественной комбннацин пронзводственного процесса», т. е. в разделенин и кооперировании труда. При капитализме разделенне труда в масштабе всего общества регулируется стнхнйными рыночными отношениями. Издержкн этого регулированя — кризисы, безработица, обнищание, физическая н моральная деградация целых слоев трудящнхся. Социализм, как говорнлось выше, позволяет и

планово организовать труд на отдельном предприятии, и кооперировать его во всем обществе.

Социалистическая кооперация труда — это товарищеское сотрудничество свободных от эксплуатации работников, основанное на общественной собственности на средства производства и на самой передовой технике. Она дает возможность достигнуть наиболее рационального комбинирования всех отраслей общественного производства. Совершенствование социалистической кооперации труда во всех его звеньях, начиная с бригады, цеха, отдельного предприятия и кончая хозяйством страны в целом и всей системой социалистических государств,— неиссякаемый резерв непрерывного повышения производительности труда.

Размеры и эффективность средств производства — другой важнейший рычаг роста производительности труда. Количество продукции можно увеличить или удлиняя рабочий день и повышая интенсивность (напряженность) труда, или путем усовершенствования техники и организации производства. Социализм отдает предпочтение второму из этих путей. Постоянное оснащение производства новой техникой, непрерывное совершенствование технологических процессов при одновременном сокращении продолжительности рабочего дня — главный метод достижения более высокой производительности труда в социалистическом обществе.

Капитализм использует оба вышеназванных метода, но оба они служат ему для усиления эксплуатации, для увеличения абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Предприниматель вводит машину не тогда, когда она сберегает труд, а лишь в тех случаях, когда она обходится ему дешевле, чем оплата рабочих, которых ею заменяют. Девиз капитализма — «Выжать все, что можно, из рабочего!» Лозунг социализма — «Выжать все, что можно, из техники!»

Разумеется, и при социализме необходимо поддерживать определенный уровень интенсивности труда, диктуемый ритмом производственного процесса. Но социализм исключает такую интенсификацию труда, которая выматывает силы и разрушает здоровье рабочего.

Наконец, социализм позволяет неизмеримо более эффективно, чем капитализм, использовать природные богатства для повышения производительности труда. При капитализме, где земля и ее недра находятся в руках частных владельцев, размещение производства складывается стихийно, чаще всего без учета наиболее благоприятной комбинации природных условий, необходимых для того или иного производства. Социализм неизмеримо лучше приспособлен к тому, чтобы взять у природы как можно больше благ, которые она способна дать человеку.

Таким образом, в социалистическом обществе есть возможность привести в действие все факторы, от которых зависит производительность труда, и обеспечить ее непрерывный рост.

Как показал Маркс, борьба за высокую производительность труда в конечном счете сводится к экономии рабочего времени, как затрачиваемого непосредственно, так и воплощенного в вещественных элементах производства [12]. Поэтому принцип социализма — экономия труда во всех его видах, экономия как живого труда, так и овеществленного. Бережное использование оборудования, машин, топлива, сырья, вспомогательных материалов — необходимый элемент высокой производительности труда. Это верный путь к умножению материальных благ, к короткому рабочему дню.

Принцип распределения по труду

При социализме материальные и культурные блага распределяются в зависимости от количества и качества труда, затраченного в общественном производстве каждым работником. Это вызывает необходимость строго учитывать как меру труда, так и меру потребления. Кто больше и лучше трудится, тот больше и лучше вознаграждается социалистическим обществом за свой труд.

Правильное использование принципа оплаты по количеству и качеству труда — могучее средство повышения его производительности и укрепления социалистической трудовой дисциплины. Сочетание материального стимула с моральными побуждениями к труду, возникающими при социализме, дает замечательные результаты.

Социалистический принцип «от каждого по его способности, каждому по его труду» стимулирует повышение квалификации работников и их постоянную борьбу за повышение производительности труда. Уравниловка в оплате труда противоречит интересам социализма.

При капитализме уровень реальной заработной платы лимитируется законом цены рабочей силы и стремлением капиталистов к извлечению наивысшей прибыли. В странах социализма для роста заработной платы нет никаких пределов, кроме уровня производительности общественного труда, уровня развития производительных сил общества.

Рост производительности труда становится здесь, таким образом, важнейшим фактором повышения реальной оплаты труда. А рост заработной платы в свою очередь стимулирует повышение производительности труда и тем самым ведет к снижению стоимости всех производимых благ.

Однако темпы роста заработной платы не могут опережать темпов роста производительности труда. Наоборот, рост производительности труда должен обгонять повышение заработной платы. Если оплата труда будет расти быстрее, сокра-

тятся возможности расширения производства, замедлятся темпы развития экономики, что в конечном итоге приведет к снижению оплаты труда.

6. Социалистическое расширенное воспроизводство

Маркс, разработав теорию воспроизводства общественного капитала, установил закономерности этого процесса, присущие не только капитализму, но также социализму и коммунизму. Он произвел расчет, который определяет, при каких вообще условиях может осуществляться простое и расширенное воспроизводство.

Важнейшее из этих условий — известная пропорциональность между первым и вторым подразделениями общественного производства, т. е. между производством средств производства (машин, топлива, сырья) и производством предметов потребления (продовольствие, одежда, обувь и т. д.). Кроме того, требуются определенные пропорции между отраслями внутри каждого подразделения, между потреблением и накоплением в каждом из подразделений, между накоплением в первом и втором подразделениях.

Маркс указывал, что сделанные им расчеты представляют собой абстракцию, отвлечение от конкретных условий капиталистической действительности. Это, так сказать, модели, на которых можно изучать условия, когда процесс воспроизводства происходит непрерывно и бесперебойно. В реальном капиталистическом хозяйстве, как уже было сказано, анархия производства не дает возможности поддерживать правильные, заранее установленные пропорции. Процесс общественного воспроизводства периодически прерывается там экономическими кризисами.

Сущность социалистического воспроизводства

В социалистическом обществе впервые в истории человечества возникла возможность осуществлять расширенное воспроизводство в соответствии с необходимыми пропорциями, указанными Марксом. Конечно, случаи появления отдельных производственных диспропорций не исключены, но зато закономерная необходимость их возникновения теперь устранена. Превосходство социалистической экономики состоит не только в ее бескризисности, в непрерывности роста производства; она превосходит капитализм также масштабами и темпами расширенного воспроизводства. Эти преимущества будут сказываться еще более ярко по мере того, как социалистическое общество будет все полнее соблюдать условия, требуемые для расширенного воспроизводства. Каковы же эти условия?

Чтобы постоянно увеличивать продукцию народного хозяйства, необходимо такое соотношение между первым и вто-

рым подразделениями, при котором первое имеет более высокие темпы роста. Маркс доказал, что расширенное воспроизводство возможно только тогда, когда прирост средств производства в первом подразделении *превышает* их износ и потребление в первом и во втором подразделениях. Чем выше эта разность, тем выше возможный темп расширения производства.

С ростом средств производства возрастает и общая продукция обоих подразделений. *Опережающий рост производства средств производства* обеспечивает увеличение технической вооруженности всех отраслей народного хозяйства, а следовательно, и подъем производительности труда.

Марксов закон расширенного воспроизводства указывает общую длительную тенденцию экономического развития, которая существует и при капитализме, и при социализме. Маркс имел в виду абстрактное общество, а не какую-либо конкретную страну.

Это надо принимать в расчет при определении закономерностей расширенного социалистического воспроизводства. Применять их надо, разумеется, с учетом условий той или иной социалистической страны. Ясно и то, что при наличии мировой социалистической системы конкретное соотношение темпов развития первого и второго подразделений не может быть одинаковым во всех странах и на всех этапах. Оно зависит от экономических условий страны, ее положения в мировой социалистической системе, характера ее естественных богатств, производственного опыта населения и т. д. Но эти частности не отменяют общей закономерности социалистического воспроизводства — опережающего роста тяжелой индустрии.

Социалистическое производство непрерывно повышает производительность труда, если оно опирается на быстрый прогресс техники и науки. Чтобы своевременно внедрять новую технику, не надо ждать, пока будет изношено действующее оборудование. Замене подлежит и то оборудование, которое физически еще пригодно, но устарело, так как появились новые, более совершенные конструкции. Такое устарение называется *моральным износом* техники.

В условиях капитализма морально устаревшая техника вытесняется под воздействием конкурентной борьбы. Фирма, которая вводит новые машины, в то время как большинство предприятий еще пользуется старыми, получает избыточную прибавочную стоимость. Стремясь как можно дольше ее сохранить, такая фирма обычно держит в секрете свои технические новшества. Но, как правило, секрет более или менее быстро обнаруживается конкурентами, и они тоже вводят новую технику взамен старой.

При социализме имеется полная возможность сразу же широко использовать в производстве каждую новую хорошо зарекомендовавшую себя машину. Единственным препятствием может быть косность и консерватизм администрации предприятий, желающей избавиться от хлопот, неизбежно связанных с внедрением новой техники. Но социалистическое общество располагает достаточными силами, чтобы справиться с вредными тенденциями консерватизма.

Для расширенного социалистического воспроизводства требуется планомерное возрастание не только средств производства и предметов потребления, но и численности квалифицированной рабочей силы, занятой в сфере материального производства.

Социалистическому обществу не приходится биться над проблемой безработицы, над которой ломают голову буржуазные экономисты и политики. Благодаря расширенному воспроизводству оно имеет возможность полностью использовать свои трудовые ресурсы, планомерно их распределять по различным отраслям народного хозяйства и культуры.

Наконец, величайшим преимуществом социализма является то, что он не знает проблемы сбыта, которая держит в кандалах экономику капитализма. Непрерывный, планомерный рост всех отраслей производства обеспечивает каждой из них рынок сбыта. Отсутствие препятствий техническому прогрессу, систематическое повышение доходов трудящихся, отсутствие безработицы делают рынок каждого социалистического государства и всей социалистической системы в целом *практически неограниченным*.

Как используется совокупный общественный продукт

Все материальные блага, которыми располагает социалистическое общество,— это его *национальное богатство*. Материальные блага, которые создаются во всех отраслях материального производства в течение данного года, образуют *совокупный общественный продукт*.

Как же происходит его распределение при социализме?

Часть совокупного общественного годового продукта идет на возмещение потребленных в течение года средств производства. То, что остается за вычетом этой части, образует *национальный доход*. Иначе говоря, национальный доход — это сумма вновь созданной за год стоимости, т. е. сумма личных доходов работников, занятых в сфере материального производства, и созданного ими чистого дохода общества (прибавочного продукта), который идет на дальнейшее развитие народного хозяйства и удовлетворение потребностей общества и государства (здравоохранение, просвещение, оборона и т. д.).

Рост национального дохода — важнейший показатель темпов расширенного воспроизводства. Среднегодовые темпы роста национального дохода в СССР на протяжении всей истории существования первого в мире социалистического государства были примерно в 3—5 раз выше, чем в наиболее развитых капиталистических странах.

Национальный доход социалистического общества делится на фонд потребления и фонд накопления. В СССР в *фонд потребления* идет до 75% национального дохода.

Отсутствие паразитического потребления эксплуататорских классов и обслуживающей их челяди, ликвидация потерь, связанных с анархией производства и кризисами, дают социалистическому обществу возможность значительно увеличить при распределении национального дохода и долю накопления. Так, например, в США накопление в послевоенный период в среднем за ряд наиболее благоприятных лет не превышало 12%, а в СССР фонд накопления на протяжении многих лет составляет примерно 25% национального дохода.

Уже одно это, не считая всех других преимуществ планового хозяйства, объясняет, почему темпы роста продукции и производительности труда в странах социализма в несколько раз превышают темпы развития капиталистической экономики. Ведь за счет быстрого роста фонда накопления социалистическое государство строит новые и расширяет старые фабрики и заводы, электростанции, шахты, создает совхозы и госхозы, совершенствует транспортную сеть, строит жилые дома, школы, больницы, детские учреждения и т. д.; широкое капитальное строительство осуществляется за счет фонда накопления и в кооперативно-колхозном секторе. Часть капитальных вложений идет на возмещение потребленных основных фондов (амортизация зданий, машин, оборудования и т. д.), а другая их часть — на расширение этих фондов.

Трудящиеся, взявшие в свои руки средства производства и ведение хозяйства, оказываются куда более разумными, рачительными и заботливыми хозяевами, чем капиталисты. Старая буржуазная клевета на рабочий класс, будто он, став хозяином, не будет развивать и расширять производство, а просто проест все, что получит в наследство от капитализма, лопнула, как мыльный пузырь. Победа и развитие социалистического строя подтвердили марксистское положение о том, что освобождение средств производства от оков частной собственности ведет к беспрерывному и все ускоряющемуся развитию производительных сил, к быстрому росту производства. Важнейшую прогрессивную функцию общества — накопление — сами трудящиеся выполняют несравненно лучше, чем эксплуататоры.

При капитализме существует антагонистическое противоречие между производством и потреблением. Потребление на-

родных масс там ограничено узкими рамками низких доходов рабочего класса и крестьянства. При социализме нет этого противоречия. Расширенное воспроизводство, обеспечивая преимущественный рост производства средств производства, создает возможность и для неуклонного увеличения производства предметов личного потребления ради все более полного удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей народа.

Буржуазные экономисты и реформисты распространяют версию, будто в социалистических странах все усилия направлены на развитие только тяжелой и военной промышленности, а не на производство предметов потребления. Однако стремительный рост потребления важнейших товаров на душу населения в социалистических странах опровергает эту клевету на социализм. Исторический опыт доказал, что опережающий рост производства средств производства в социалистических странах не самоцель, а необходимое средство для реализации главной задачи социалистического производства — повышения уровня народного благосостояния. В самом деле, чтобы поднимать отрасли хозяйства, обслуживающие потребление населения,— сельское хозяйство, пищевую и легкую индустрию и т. д., необходимо усиливать их техническую вооруженность. А для этого есть только один путь — преимущественное развитие производства средств производства.

Как видим, социализм создает экономику, в корне отличную от экономики всех предшествующих формаций, открывающую широчайший простор развитию производительных сил и постоянному повышению материального уровня жизни трудящихся.

Расширенное воспроизводство нельзя понимать узко, без учета вызываемых им социальных перемен. Маркс показал, что при капитализме одновременно с материальным воспроизводством идет на расширенной основе и развитие присущих капитализму противоречий. Расширенное социалистическое воспроизводство тоже вызывает изменения в социальной структуре общества. Но в отличие от капитализма это ведет не к расшатыванию, а к укреплению данного общественного строя. Рост удельного веса общенародной собственности во всей экономике социализма, увеличение доли неделимых фондов в хозяйстве производственных кооперативов — все это означает такое расширенное воспроизводство социалистических производственных отношений, которое приближает победу коммунизма. Таким образом, расширенное социалистическое воспроизводство — это путь к коммунистическому обществу.

ГЛАВА 24

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Обращение средств производства в общественную собственность влечет за собой коренную перестройку всех общественных отношений, политической надстройки, идеологии, культуры, быта, нравов и обычаев.

Как в свое время на базе частной собственности на средства производства выросло эксплуататорское общество со своими особыми установлениями: классами, государством и правом, со своими обычаями и моралью, так и на базе общественной собственности, на базе социалистического способа производства вырастает новый — социалистический строй.

Изучая особенности социалистического строя, приходится в основном опираться на опыт Советского Союза — единственной к настоящему времени страны, где социализм утвердился полностью и окончательно, и лишь отчасти — на опыт стран народной демократии, которые находятся на разных этапах социалистического строительства. При этом важно иметь в виду, что социализм не представляет собой чего-то застывшего, неизменного. Напротив, это общество, отличающееся очень быстрыми темпами совершенствования, развития к высшей — коммунистической фазе.

1. Социалистическая демократия

Глубочайший демократизм — главная политическая особенность социалистического общества. Он все больше пронизывает различные стороны общественной жизни, порождая новые отношения, привычки, нормы поведения и традиции.

Социалистическая демократия — новый, более высокий исторический тип народовластия, развившийся из пролетарской демократии периода перехода от капитализма к социализму. В сравнении с предшествующими формациями социализм расширил само представление о демократизме, включив

в себя не только политические, но и социальные права трудящихся. Он придал демократии новый смысл и тем, что распространил ее на все общество, сделал ее подлинно всенародной. Социализм, наконец, перенес центр тяжести демократии с формального провозглашения прав, как это имеет место в буржуазном обществе, на обеспечение возможности пользоваться ими.

Ниже рассматриваются наиболее важные стороны социалистической демократии, связанные с особенностями классовой структуры общества, государства, социальных и политических прав граждан. В последующих параграфах настоящей главы будет идти речь о некоторых других ее сторонах, связанных с национальными отношениями, культурой, положением личности.

Общество дружественных трудящихся классов

В результате экономических и социальных преобразований переходного периода складывается новая классовая структура общества.

Полностью ликвидированы эксплуататорские классы — классы капиталистов, помещиков, кулаков. Общество стало обществом трудящихся — рабочих, крестьян, интеллигенции. Их положение коренным образом изменилось.

Это относится прежде всего к *рабочему классу*. Из класса, лишенного средств производства, он стал вместе со всем народом их владельцем, из эксплуатируемого класса превратился в руководящую силу общества. Руководящее положение рабочего класса при социализме определяется тем, что этот класс, сыгравший решающую роль в революции, связан с наиболее передовой формой социалистического хозяйства, находящейся в общенародной собственности. Он является также главным носителем коммунистической идейности. В рабочей среде несравненно меньше пережитков собственнической психологии, которая еще присуща части крестьянства, и индивидуализма, сохранившегося у некоторых представителей интеллигенции. Здесь глубже всего укоренились традиции социалистической взаимопомощи, товарищеской солидарности.

В огромной степени вырастает при социализме профессиональный и культурный уровень рабочих.

Глубокие изменения произошли и с другим классом социалистического общества — *крестьянством*. При капитализме это был класс мелких производителей, слабо связанных между собой, вынужденных влачить жалкое существование на своих крохотных участках. Деревенская жизнь порождала культурную отсталость, доходившую до одичания. Коллективизация сельского хозяйства и культурная революция коренным образом изменили облик крестьянства.

Подавляющее большинство крестьян социалистического общества — колхозники. В Советском Союзе, например, кре-

стьян-единоличников к 1957 г. насчитывалось едва 0,5%. Социалистическое крестьянство — класс, освобожденный от эксплуатации помещиков и кулаков, работающий в условиях коллективного труда с широким применением машинной техники.

Благодаря преимуществам колхозного строя происходит быстрое повышение культуры крестьянства. Правда, в течение значительного времени после победы социализма культурный уровень крестьянства еще отстает от уровня рабочего класса, да и сельский быт уступает городскому. Однако это различие постепенно устраняется. Растет прослойка квалифицированных кадров механизаторов, связанных с передовой техникой и культурой. К ним подтягивается в своем развитии все крестьянство.

Колхозная система расширяет горизонт крестьянина, вовлекает его в активную общественную деятельность, создает у него заинтересованность в успехах собственного коллектива (бригады, колхоза) и всей страны. Таким путем преодолеваются эгоизм и замкнутость мелкого собственника, провозглашенные буржуазной литературой «природными качествами» крестьянина.

В отличие от рабочего класса удельный вес крестьянства среди всего населения, как правило, не возрастает, а уменьшается. Для стран, которые до социалистической революции были отсталыми, аграрными, это прогрессивное и закономерное явление. Механизация сельскохозяйственного производства позволяет значительно сократить число занятых в нем людей, которые нужны для развития других отраслей хозяйства, и в первую очередь промышленности.

Значительный отряд трудящихся в социалистическом обществе составляет *интеллигенция* — работники умственного труда. Ее нельзя отнести ни к рабочему классу, ни к крестьянству. Не образует она и особого класса, потому что не занимает самостоятельного положения в общественном производстве, хотя и играет большую роль в жизни социалистического общества. Инженерно-техническая интеллигенция занимает важное место в материальном производстве. Писатели, художники, артисты, ученые создают духовные ценности, обогащают культуру. Многочисленный отряд учителей и врачей заботится о развитии народного образования и охране здоровья трудящихся. Наконец, большое число людей со специальным образованием (юристы, экономисты, финансовые работники) выполняет необходимую работу в управлении хозяйством, в государственном аппарате и т. д.

Интеллигенция — наиболее быстрорастущий слой социалистического общества. В конце 1958 г. в СССР имелось около 7500 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием, в то время как в 1913 г. их было 190 тыс., а в

1928 г.— 521 тыс. Удельный вес интеллигенции будет увеличиваться и дальше, что отвечает требованиям развития техники и культуры.

Социалистическая интеллигенция — это не замкнутая социальная прослойка, а подлинно народная интеллигенция, плоть от плоти рабочих и крестьян. Свою заветную цель она видит в служении народу. Это не только поднимает культуру общества, но и духовно обогащает интеллигенцию, делает ее труд целеустремленным.

Новая классовая структура, складывающаяся в социалистическом обществе, коренным образом меняет всю картину классовых отношений.

Полностью и окончательно ликвидируя эксплуатацию человека человеком, социализм навсегда упраздняет существовавшую на протяжении тысячелетий классовую иерархию: систему подчинения одних классов другим.

Все классы и прослойки становятся равными по своему отношению к средствам производства, государству и политической власти, по своим правам и обязанностям. Никто не может больше присваивать средства производства и использовать их для эксплуатации других людей. Отменяются все социально-политические привилегии и ограничения, включая и те, что были введены в ряде стран в период перехода от капитализма к социализму для защиты завоеваний трудящихся (преимущественные нормы представительства для рабочих и беднейших крестьян, лишение некоторых социальных групп избирательного права и др.). Во всех областях жизни закладываются прочные основы социального равенства и справедливости.

Этого ни в малейшей мере не изменяет факт сохранения при социализме руководящей роли рабочего класса. В основе такой роли лежат не какие-то исключительные права, приобретенные и сохраняемые за счет других классов и прослоек, а высокий моральный и политический авторитет рабочего класса.

Из сказанного следует, что при социализме социальные различия хотя и не исчезают, но коренным образом изменяют свой характер. Они уже не связаны с отношениями господства и подчинения, а представляют собой различия между отдельными равноправными отрядами трудящихся, порожденные разными формами одной и той же социалистической собственности (общенародной и кооперативно-колхозной). Это различие между людьми, занятыми в разных отраслях единого социалистического хозяйства, отдающими свои силы разным видам труда.

Таким образом сохраняющиеся при социализме различия между классами носят принципиально иной, чем при капитализме, неантагонистический характер и по мере развития со-

циалистического общества непрерывно уменьшаются, чему активно способствует политика партии и государства. При капитализме, наоборот, социальные перегородки не падают, а становятся все выше, социальная несправедливость не уменьшается, а делается все более вопиющей.

Наконец, при социализме классовые различия уже не влияют на личные судьбы людей так, как при капитализме. В любой буржуазной стране человеку достаточно родиться в семье банкира или фабриканта, чтобы ему без малейших заслуг и усилий с его стороны были обеспечены и комфорт, и высокие доходы, и доступ к образованию, и завидное общественное положение. Наоборот, сыну рабочего, несмотря на буржуазную легенду о том, будто любой чистильщик сапог может стать миллионером, почти невозможно выбиться из бедности и «выйти в люди». В условиях социализма различия в положении людей зависят от личных качеств, способностей, знаний, трудолюбия, а не от социального происхождения и положения.

Возьмем, в частности, вопрос о доходах. Сохраняющиеся при социализме различия в материальном благосостоянии людей все больше утрачивают классовую природу. Есть целые категории рабочих (горняки, металлурги и др.), которые зарабатывают больше, чем многие группы интеллигенции. Во многих колхозах заработки передовиков сельского хозяйства выше среднего заработка рабочего или служащего и т. д.

Престиж, слава в социалистическом обществе также перестают быть монополией тех или иных классов и слоев и становятся неотъемлемой принадлежностью честного служения обществу, честного труда в любой области жизни. В СССР, скажем, такие рабочие, как прядильщица Валентина Гаганова и шахтер Николай Мамай, такие колхозные механизаторы, как Александр Гиталов и Николай Мануковский, не менее известны, чем выдающиеся ученые, инженеры, артисты, политические деятели.

Стиранию классовых различий способствует и подвижность, относительность самих границ между классами социалистического общества, легкость перехода из одного класса или слоя в другой. Относится это не только к границам между рабочим классом и крестьянством, но и к границе, отделяющей эти классы (людей физического труда) от интеллигенции (людей умственного труда). Новую, социалистическую интеллигенцию в ее подавляющем большинстве составляют выходцы из рабочей и крестьянской среды. Но дело не только в этом. Не менее важно, что среди рабочих и крестьян появляется все больше образованных людей, чей повседневный труд на производстве отмечен многими чертами творческого, умственного труда.

Конечно, для того чтобы овладеть определенными профессиями, необходимо много учиться, получить образование. Но высшее образование при социализме полностью утрачивает характер социальной привилегии. Общество бдительно следит, чтобы такой привилегией не сделались и те сохраняющиеся еще преимущества, которые дает более культурная домашняя среда, больший досуг, лучшие материальные условия для занятий и т. д. С этой целью принимают в вузы в первую очередь тех, кто приходит с производства, устанавливаются стипендии для менее обеспеченных студентов, широко развивается вечернее и заочное образование и т. д.

Полное равноправие, постепенное стирание различий между классами, социальная справедливость — характерные черты классовых отношений при социализме, способствующие укреплению единства общества.

Коль скоро все классы и слои состоят из трудящихся, коль скоро все они связаны с однотипной — социалистической — собственностью, отношения между ними полностью свободны от антагонизма. Во всем основном и главном их интересы совпадают. Рабочие, крестьяне, представители интеллигенции одинаково заинтересованы, в частности, в подъеме народного хозяйства, в укреплении основ социалистического строя, в развитии демократии и культуры.

Так на место извечной борьбы классов социализм ставит их солидарность и единство, вытекающие из общности целей, идеологии и морали. С ликвидацией эксплуататорских классов и социалистическим преобразованием всех мелкобуржуазных классов закладываются прочные основы морально-политического единства общества.

Изменение функций государства

Победа социализма ведет к дальнейшему серьезному преобразованию государства, непосредственно связанному с ликвидацией эксплуататорских классов и развитием морально-политического единства общества.

С исчезновением враждебных трудящимся классов государство, если говорить о его внутренних функциях, *утрачивает характер инструмента классового подавления.* Отпадает та сторона деятельности государства, которая была главной, составляла его сущность на протяжении всей его истории.

Уже на подступах к социализму, по мере того как подрываются экономические, политические и идеологические позиции эксплуататорских классов, интенсивность классовой борьбы, как правило, смягчается. Это ведет к сужению сферы классового подавления. С победой социализма для него вовсе не остается места.

Вот почему Коммунистическая партия Советского Союза решительно раскритиковала, как глубоко ошибочную, теорию

так называемого обострения классовой борьбы по мере успехов социалистического строительства. Эта теория была особенно опасна тем, что она оправдывала грубые нарушения принципов социалистической демократии и законности.

Но отмирание функции классового подавления не означает, что государство при социализме должно исчезнуть. Обойтись без него социалистическое общество не может. Почему?

Во-первых, потому, что после победы социализма государственность в течение продолжительного времени еще остается наиболее подходящей и разумной формой общественного руководства хозяйством, общественными отношениями и культурным строительством. Целесообразность именно этой формы обусловлена уровнем экономического, социального и духовного развития общества.

Во-вторых, потому, что при социализме еще сохраняется известное неравенство в удовлетворении потребностей людей, остаются проявления частнособственнической психологии и другие пережитки капитализма в сознании части членов общества. В этих условиях еще нельзя обойтись без специального аппарата, осуществляющего контроль за мерой труда и потребления, охраняющего общественную и личную собственность и пресекающего опасные для социалистического строя антиобщественные поступки.

В-третьих, государство сохраняется в силу внешних причин. Пока социализм не победил в мировом масштабе, остается еще угроза нападения со стороны империалистических государств, а потому сохраняется и необходимость в вооруженных силах и других государственных органах, призванных обеспечить обороноспособность страны, а также бороться против шпионов, диверсантов и прочих подрывных элементов, засылаемых империалистами.

При социализме государство, таким образом, еще нужно трудящимся. Сохраняется и необходимость в некоторых мерах государственного принуждения. Но на первый план в деятельности государства выходят другие функции и задачи.

В первую очередь значительно возрастает *экономическая роль государства.* Если в условиях многоукладной экономики переходного периода оно еще не могло охватить своим контролем, планированием и прямым руководством все секторы и отрасли народного хозяйства, то при социализме государство действительно сосредоточивает в своих руках все нити экономического развития страны. Организация общественного производства — руководство экономикой — становится его ведущей функцией.

Широко развертывается в условиях социализма и *культурно-воспитательная функция государства* — его деятельность по развитию социалистической культуры: науки, искус-

ства, литературы, по поднятию культурного уровня народа и его коммунистическому воспитанию.

Большую роль играет в деятельности государства функция *охраны социалистической собственности* — основы основ нового строя.

Широкого размаха достигает при социализме деятельность государства, связанная с *охраной прав и интересов граждан, их личной собственности, общественного порядка.*

Таким образом, после победы социализма государство выступает прежде всего как организатор экономического и культурного строительства, направляющий созидательную деятельность трудящихся масс.

Наряду с этим, поскольку существует капиталистическая система и не устранена опасность военного нападения, полностью сохраняется функция *обороны страны от нападения извне.* Социалистическое государство вынуждено крепить свои вооруженные силы, армию, флот, органы контрразведки и разведки, чтобы успешно защищать завоевания социализма. Его внешнеполитическая деятельность не сводится, однако, только к функции военной защиты. Она включает экономические, культурные и политические отношения с иностранными государствами и ставит своей целью обеспечить мирное сосуществование стран с различными социально-политическими системами, упрочить мир между народами. В связи с образованием мировой социалистической системы появляется и такая новая внешнеполитическая задача, как укрепление нерушимой дружбы, сотрудничества и взаимопомощи братских стран социализма.

Изменение функций и задач государства при социализме по сравнению с переходным периодом не может не отразиться и на методах его деятельности. Резко сокращается, прежде всего, сфера применения административно-принудительных мер, которые все больше заменяются методами убеждения людей, организации их коллективной деятельности.

Совершенствование методов государственного руководства — одна из важных задач, встающих после победы социализма. От того, насколько успешно она решается, во многом зависят и темпы экономического развития, и достижения в социальной, культурной и других областях. Выработка правильных методов и форм государственной деятельности, соответствующих новой классовой структуре и новому типу экономики,— дело нелегкое. Социалистическое общество не застраховано здесь от ошибок. Поэтому коммунистическая партия уделяет вопросам государственного строительства неослабное внимание.

Совершенствование социалистической государственности требует решительного преодоления бюрократизма. В условиях

победившего социализма его проявления еще более нетерпимы, чем в переходный период. Ведь теперь государство ведает несравненно большим объемом дел. Социалистическое государство руководит, в частности, всей промышленностью и торговлей, кроме кооперативной. Оно направляет деятельность большинства учреждений, обслуживающих повседневные нужды граждан (в области охраны здоровья, социального обеспечения, народного образования и т. д.). Государство выступает основным контрагентом колхозов. В этих условиях бюрократизм может нанести большой вред обществу — как экономический, так и политический. Учитывая это, партия организует последовательную борьбу против бюрократизма, за укрепление связи государственного аппарата с трудящимися массами, развивает и укрепляет социалистическую демократию.

Расширение политических и социальных прав трудящихся

Социализм впервые создает экономические, социальные и политические предпосылки для осуществления действительно всенародной демократии.

Только социализм создает такое единство интересов всех слоев общества, при котором любые вопросы государственной жизни можно решать без какого бы то ни было классового насилия, демократическим путем.

Только при социализме удается достигнуть подлинного политического равенства граждан. Оно обеспечивается тем, что люди фактически равны по отношению к средствам производства и потому имеют равное право по-хозяйски участвовать в выработке решений, касающихся всего общества.

При социализме члены общества получают не только формальные права и свободы, но и практическую возможность пользоваться ими. Не случайно социалистические конституции, провозглашая основные свободы: слова, печати, собраний, уличных шествий и т. д.,— делают особый упор на гарантии, дающие фактическую возможность пользоваться этими свободами, говорят о передаче в руки трудящихся всех запасов бумаги, типографий, залов и пр.

Разумеется, и в условиях социализма речь не может идти о неограниченной свободе личности. Неограниченная свобода личности была бы не свободой, а произволом, так как она нарушала бы интересы других людей, общества в целом. Предоставляя самые широкие свободы человеку, социалистическое государство вместе с тем запрещает всякую деятельность, идущую во вред другим людям. Оно, например, наказывает за распространение расистских и фашистских взглядов, за пропаганду войны. В отличие от буржуазного государства государство социалистическое не допускает распространения низкопробных книг, журналов, фильмов, растлевающих молодежь, воспевающих аморализм, жестокость, на-

силие. Такие ограничения безусловно отвечают интересам народа и потому не подрывают, а, напротив, укрепляют демократизм нового строя.

Социалистическая демократия, таким образом, существенно отличается от той безграничной, не знающей руля и ветрил «свободы», о которой разглагольствуют анархисты. Такая «свобода», впрочем, может существовать только в их разгоряченных головах, а не в обществе. Что касается социалистической демократии, то это не демократия без руля и без ветрил, а *руководимая демократия* — руководимая партией и государством в интересах дальнейшего развития социализма и строительства коммунизма. Об этом коммунисты заявляют прямо и открыто.

Это обстоятельство выводит из себя ревизионистов. Они без устали твердят, что демократия несовместима ни с какими ограничениями, ни с каким руководством, и на этом основании требуют замены социалистической демократии демократией «неограниченной», или, говоря о том же более туманно, «интегральной». За пышными словами сторонников таких взглядов кроется недвусмысленный политический умысел — толкнуть социализм назад, к буржуазной демократии, а значит, отнюдь не к какой-то безграничной демократии, а к демократии, руководимой буржуазией и вводящей разнообразные ограничения, соответствующие интересам капитализма.

Другая цель ревизионистов состоит в подрыве партийного руководства обществом, что на деле привело бы к свертыванию, а не развитию демократии. Ведь партия воплощает в своей деятельности волю миллионных масс и представляет собой самую демократическую организацию социалистического общества. Ее руководство наиболее полно олицетворяет собой принципы подлинного народовластия.

Отметая теории ревизионистов и тем более предлагаемые ими рецепты «демократизации», марксистско-ленинские партии вместе с тем считают своей важнейшей задачей последовательное развитие и расширение социалистической демократии. Но, в отличие от ревизионистов, путь к этому они видят не в заимствовании установлений и принципов буржуазной демократии, а в совершенствовании социалистического демократизма, т. е. в укреплении связей государства и партии с массами трудящихся, смелом развитии их творческой активности и самодеятельности во всех областях жизни общества.

Здесь перед партией стоят большие задачи, ибо такой, подлинно социалистический демократизм не возникает сам собой в неизменном, раз и навсегда данном виде, а развивается по мере того, как социализм набирает силы. Это процесс, который требует постоянного внимания и усилий общества, государства, партии, требует борьбы с неверными

взглядами, административно-бюрократическим зудом, неверием в разум и силы широких масс народа.

Почему партия придает развитию социалистической демократии такое большое значение?

Да потому, что широчайший демократизм самого высокого в истории типа становится при социализме не только возможным, но и необходимым. В социалистических условиях демократия не вынужденная уступка правящих кругов, как при капитализме, а закон жизни, обеспечивающий нормальное и быстрое развитие общества. В. И. Ленин писал, что «победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию...» [1] Социализм и демократия неотделимы друг от друга.

Широкая демократия предоставляет каждому члену общества возможность осознать себя в нем полноправным хозяином, поднимает творческую инициативу широких масс, без которой социализм не может ступить и шагу. Она поощряет таланты и способности миллионов людей, способствует быстрому выдвижению новых и новых талантливых руководителей, вовлекает трудящихся в государственную деятельность, обеспечивая их все более активное непосредственное участие в управлении общественными делами. Например, в составе Верховного Совета СССР пятого созыва, избранного в марте 1958 г., насчитывается 614 рабочих и колхозников, непосредственно занятых на производстве. В составе депутатов городских Советов — 39,4% рабочих, занятых непосредственно на производстве, в составе депутатов сельских Советов — 58,8% колхозников. Всего в местные Советы в 1959 г. было избрано около 340 тыс. рабочих и почти 780 тыс. колхозников.

Для сравнения напомним, что в конгрессе США банкиры и промышленники составляют 30% в сенате и 34% в палате представителей; 21% сенаторов — крупные землевладельцы. Остальные депутатские места занимают служащие крупных монополий и профессиональные политики, зарекомендовавшие себя как верные слуги капитала. Недаром говорит американская поговорка: «Одни — сенаторы потому, что богаты, другие — богаты потому, что сенаторы».

Конституции стран социализма закрепляют принцип выборности, сменяемости и подотчетности должностных лиц, принцип выборности и подотчетности всех органов государства. Избиратели имеют право досрочного отзыва не оправдавшего их доверия депутата. Общественные организации трудящихся все шире контролируют деятельность исполнительных органов и сами принимают в ней активное участие.

Государственные органы социалистической страны окружены активом людей, работающих на заводах, в колхозах, в культурно-просветительных учреждениях. В СССР только

в качестве агитаторов и организаторов выборов в Советы участвует в периоды избирательных кампаний примерно 14—15 млн. человек. Миллионы людей работают в постоянных и временных комиссиях местных Советов депутатов трудящихся; общественными инструкторами, инспекторами, членами комиссий содействия, избираемых на предприятиях, в учреждениях и в домохозяйствах; в группах общественного контроля, образуемых общественными организациями. Эта огромная армия людей участвует в государственной работе и проходит большую политическую школу, повышая свою сознательность, знания и культуру. Свое влияние на работу государственного аппарата народные массы оказывают также через печать, которая служит средством обмена опытом, контроля и критики.

Важная черта социалистического демократизма — растущая роль общественных организаций: партии, профсоюзов, комсомола и др. В их работе участвуют миллионы людей, оказывающих таким путем действенное влияние на различные области общественной жизни. Достаточно указать, что в Советском Союзе в рядах партии к 1958 г. состояло свыше 8 млн. человек, в коммунистическом союзе молодежи — 18 млн., в профсоюзах — более 50 млн. человек.

Одна из главных особенностей марксистского понимания демократии состоит в том, что, придавая огромное значение политическим правам и свободам, оно не сводит демократию только к ним. Важнейшей составной частью демократии марксисты считают социальные и социально-экономические права трудящихся: право на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости или в случае болезни и т. д. Ведь в этих правах — основа подлинной свободы и счастья людей.

В области обеспечения социальных прав трудящихся исторические преимущества социалистического строя обнаруживаются особенно наглядно.

Может ли капиталистическое общество с его хронической безработицей обеспечить каждому возможность трудиться, не говоря уже о том, чтобы выбрать дело по душе? Ясно, что нет. А социалистический строй делает право на труд конституционным правом гражданина, избавляя его от гнетущей тревоги и неуверенности в завтрашнем дне. Свободный труд становится не только средством существования, но и главным мерилом социальной ценности человека, делом его чести и доблести.

Может ли капиталистическое общество гарантировать своим гражданам право на отдых? Опять-таки нет. Что за дело капиталисту до состояния здоровья и организации досуга своих рабочих! Он видит в них только источник прибыли. Наглядное доказательство тому — дороговизна меди-

цинского обслуживания в большинстве буржуазных стран, делающая его разорительным для трудящихся. Законодательное ограничение продолжительности рабочего дня, оплачиваемые отпуска и другие социальные права рабочего класса при капитализме завоевываются только длительной борьбой трудящихся, которым приходится прилагать большие усилия для сохранения и расширения этих завоеваний.

Напротив, в социалистическом обществе, где и средства производства и политическая власть принадлежат самим трудящимся, забота о здоровье и благополучии народа находится в центре внимания общественных и государственных организаций.

Может ли капиталистическое общество гарантировать своим гражданам право на образование? Нет, и не только потому, что ему дела нет до культурных потребностей трудящихся — во всяком случае за пределами того, что необходимо для работы на заводе или фабрике. Буржуазия, как и все эксплуататорские классы вообще, рассматривает монополию на образование и культуру как одно из главных орудий сохранения своей монополии на власть. Удерживать в узде трудящихся куда легче, пока они неграмотны, необразованны, находятся во власти всевозможных предрассудков и суеверий.

Социалистическое общество, напротив, кровно заинтересовано в том, чтобы сделать всех своих членов образованными и культурными. Там, где власть принадлежит самим трудящимся, рост их культуры и сознательности, расширение их кругозора — источник силы государства, путь к умножению общественных богатств, к ускорению прогресса.

Социалистическое общество уделяет особое внимание политическому и культурному развитию той части населения, которая в прошлом была наиболее забитой в социальном отношении и подвергалась наибольшему угнетению. Это в частности касается женщин.

В некоторых капиталистических странах женщины и по сей день лишены многих политических и гражданских прав, получают меньшую заработную плату за равный с мужчинами труд и даже в семье занимают подчиненное положение.

Марксизм-ленинизм считает, что раскрепощение женщины предполагает, во-первых, полное уравнение ее в правах с мужчиной как в семье, так и в политической жизни; во-вторых, вовлечение ее в активную общественную и производственную деятельность и, в-третьих, ликвидацию системы домашнего рабства, при которой индивидуальное домашнее хозяйство без остатка поглощает время и силы женщины.

Социалистический строй успешно решает эту сложную задачу. Он не только полностью уравнивает женщину в пра-

вах с мужчиной, но и окружает женщину-мать почетом и уважением. Государство предоставляет работающим женщинам продолжительные оплачиваемые отпуска по беременности и родам, выплачивает ежемесячное пособие многодетным и одиноким матерям, награждает многодетных матерей орденами и медалями. Права женщины и ребенка в семье охраняются законом.

Социализм выводит женщин на путь большой общественной и производственной деятельности. В царской России по переписи 1897 г. только 13% занятых наемным трудом женщин трудились на предприятиях и стройках и 4% — в учреждениях просвещения и здравоохранения. 55% работали в качестве домашней прислуги, а 25% батрачили у кулаков и помещиков. Теперь женщины составляют 45% всех работников советской промышленности. Среди специалистов с высшим образованием женщин более половины — 53%! Многие сотни женщин избраны депутатами Верховного Совета СССР и верховных советов союзных республик. А в местных органах власти женщин почти 700 тысяч.

Конечно, в этом отношении сделано еще далеко не все. Домашнее хозяйство продолжает отнимать непомерно много времени, задерживая политический и культурный рост многих женщин. Еще не хватает детских яслей, садов, а также школ-интернатов, которые могли бы снять с матери значительную часть забот, связанных с воспитанием детей. В некоторых республиках советской Средней Азии кое-где еще проявляются пережитки феодально-байского отношения к женщине. Но успехи, достигнутые в СССР и странах народной демократии в раскрепощении женщин, внимание, которое все общество уделяет этой проблеме, дают уверенность, что полное решение ее не за горами.

Нельзя забывать, что социализм — только первая, низшая фаза новой общественной формации. Естественно, что на этой ступени еще невозможно полностью решить все многочисленные трудные и сложные проблемы, которые оставило в наследство социализму тысячелетнее господство эксплуататоров. Но уже сейчас видно, что социализм, как никакой другой строй, обеспечивает трудящимся реальные демократические права и в невиданной степени расширяет сферу демократии. Иначе и не может быть в обществе, которое берет на себя заботу обо всех своих членах, об их счастье, благосостоянии, личных судьбах.

По мере развития социалистического общества увеличиваются социальные блага, предоставляемые гражданам, и расширяются возможности их активного участия в политической жизни. Для всех трудящихся это источник глубокой заинтересованности в процветании и прогрессе общества.

2. Дружба народов социалистического общества

Капитализм во многих странах оставляет новой формации тяжкое наследие в виде экономической и культурной отсталости тех или иных народов и застарелой национальной вражды. Поэтому первейшая задача, которая встает перед победившим рабочим классом в области национальных взаимоотношений,— это ликвидация всякого национального гнета и неравенства, полное и окончательное раскрепощение всех наций и народностей. Указывая, что конечная цель социализма — не только ликвидация национальной обособленности, но и слияние наций, В. И. Ленин подчеркивал, что «подобно тому, как человечество может придти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может придти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения» [2].

Раскрепощение угнетенных наций и обеспечение национального равноправия начинается сразу же после социалистической революции. Основное программное положение коммунистических партий в национальном вопросе — предоставление каждой нации права на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Предоставление такого права вовсе не означает приглашения и тем более понуждения к тому, чтобы каждая нация отделилась, разорвала государственную связь с той нацией, с которой она раньше входила в общий государственный организм. Такое толкование права на самоопределение было бы на руку только международному капиталу, заинтересованному в том, чтобы разделить нации стран социализма и затем расправиться с ними поодиночке.

Но дело не только в этом. Сами интересы дальнейшего развития производительных сил диктуют необходимость сближения социалистических наций. Вот почему сепаратистские тенденции могут нанести делу социализма существенный ущерб. Опасность таких тенденций коммунистические партии всегда учитывают, определяя свой подход к вопросу о том, воспользоваться ли данной нации и в данной обстановке своим правом на отделение или нет.

Но решать вопрос о целесообразности отделения или объединения могут только сами ранее угнетавшиеся нации. Лишь полное, до конца идущее освобождение дает им возможность забыть старые обиды и унижения и создает таким образом перелом в национальных отношениях. Вот почему коммунисты при решении вопросов взаимоотношений между нациями придают такое значение *принципу добровольности*. Уничтожая все виды и формы национального гнета, признавая право

каждого народа на свою государственность, свой национальный язык, свою культуру и национальные традиции, социалистический строй тем самым утверждает подлинный интернационализм, непримиримый ко всем и всяческим великодержавным тенденциям.

Освобождение наций, конечно, не сводится к простому уничтожению национального гнета и к их юридическому равноправию. Империализм оставляет в наследство новому общественному строю экономическую и культурную отсталость угнетенных народов. «Поэтому,— подчеркивал В. И. Ленин,— интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения» [3].

Вот почему марксисты-ленинцы исходят из того, что социалистический строй обязан не только предоставлять ранее угнетенным народам право на свободное развитие, но и создавать реальные возможности для этого, помогая им преодолеть исторически сложившуюся отсталость.

Экономика национальных республик Советского Союза, в прошлом слаборазвитых в экономическом отношении, благодаря помощи передовых социалистических наций, и прежде всего русского народа, растет в среднем более быстрыми темпами, чем в целом по всему Союзу. Так, если в целом по СССР валовая продукция промышленности увеличилась в 1958 г. по сравнению с 1913 г. в 36 раз, то в Казахской ССР она выросла в 44 раза, в Киргизской — в 50 раз, в Армянской — в 55 раз. Политика ускоренной индустриализации отсталых национальных окраин проводится и в странах народной демократии, примером чего может служить индустриализация Словакии.

Более равномерное распределение производительных сил с учетом местных условий, форсированная подготовка специалистов способствуют быстрому росту национальных кадров и ликвидации культурной отсталости. Это видно на примере любой советской республики. Так, в дореволюционной Туркмении насчитывалось всего 58 школ, в которых обучалось 6780 детей, сыновья богачей, духовенства и чиновников. Сейчас в республике имеется 1200 школ, где обучается свыше 225 тыс. детей, университет, медицинский, сельскохозяйственный и три педагогических института, а также 32 средних специальных учебных заведения. Издается 65 газет и 13 журналов, большинство — на туркменском языке.

Так же обстоит дело с другими ранее отсталыми нациями и народностями в СССР и странах народной демократии.

Ликвидация национального гнета, успехи хозяйственно-экономического и культурного развития облегчают складывание в нации многим народностям, которые в прошлом были лишены этой возможности в силу экономической отсталости, административной раздробленности и других причин. С другой стороны, в корне изменяется облик наций, сложившихся еще в буржуазную эпоху.

Для буржуазной нации, экономической основой которой является капиталистическая частная собственность, а главенствующей силой — буржуазия, характерен внутренний классовый антагонизм. В ее национальной культуре фактически сосуществуют и борются друг с другом две культуры: демократическая культура народных масс и реакционная культура эксплуататорской верхушки общества. Типичное мировоззрение буржуазной нации, навязываемое ей эксплуататорской верхушкой,— национализм, основанный на противопоставлении интересов своей нации интересам всех других народов. Нередко буржуазный национализм принимает изуверские формы воинствующей национальной и расовой вражды, усердно разжигаемой эксплуататорами. Именно так было в царской России. Самый гнусный расизм был в Германии неотъемлемой частью идеологии и политики гитлеровских фашистов, организовавших зверские террористические преследования евреев, славян и прочих «неарийцев». Широкие масштабы носит расовая дискриминация в отношении негров в современных США.

Такие отвратительные, позорные явления глубоко чужды нациям социалистическим, основой экономической жизни которых является общественная собственность, а руководящим классом — рабочий класс. Поскольку социалистическая нация свободна от классового антагонизма, она необычайно монолитна. Впервые появляется единая национальная культура, с наибольшей полнотой выражающая думы и чаяния трудящихся масс, особенности их исторического развития. А так как социалистический строй определяет всю жизнь народа, то естественно, что и его национальная культура становится по своему содержанию социалистической. Культура всех социалистических наций, облекаясь в самые богатые и разнообразные национальные формы, в то же время интернациональна, едина по своему идейному содержанию. Это закрепляет те отношения братской дружбы и взаимопомощи народов, которые складываются в процессе практической совместной работы по строительству нового общества. Типичным для социалистической нации мировоззрением становится социалистический интернационализм.

Конечно, утверждение этого мировоззрения, так же как и налаживание новых интернационалистских отношений между нациями, происходит не само собой, а в результате упорной работы по преодолению пережитков национализма. Такие пережитки отличаются большой цепкостью и, если прекращается политическая работа по их ликвидации, быстро разрастаются. Поэтому марксистско-ленинские партии придают большое значение борьбе со всеми искривлениями в национальных отношениях.

Расцвет социалистических наций не только не противоречит задаче дальнейшего сближения наций, но, напротив, облегчает осуществление этой задачи.

Возникшая уже при капитализме тенденция к ломке национальных перегородок, упрочению межнациональных связей, экономическому, политическому и культурному сближению наций при социализме не исчезает, а значительно усиливается. Однако теперь эта тенденция осуществляется не путем порабощения одних народов другими, а путем добровольного сближения равноправных народов. Это характерно не только для экономического развития. Одновременно происходит процесс взаимного обогащения национальных культур, их сближение.

Социализм обогащает признаки нации новым содержанием и новыми качествами, в результате чего становится более тесной их общность в экономической, политической, идеологической и культурной жизни.

3. Культура социалистического общества

Когда в России произошла революция, ее враги злобно пророчествовали, что пробуждение темных и необразованных масс угрожает погубить культуру, что грубые «лапотники» не сумеют сохранить старые культурные ценности, не то что создать новые. Немало мрачных прорицаний такого рода пришлось выслушать и трудящимся других стран, ставших на путь социализма.

Сейчас вздорность подобных утверждений очевидна всем. Социалистическая революция принесла не упадок культуры, а ее расцвет, вызвала величайшую по своим масштабам и значению культурную революцию.

Культурная революция — важнейшая составная часть социалистического переустройства

Социалистическое переустройство общества немыслимо без глубоких преобразований в области культуры, по праву называемых культурной революцией. Задача этих преобразований — создание новой, социалистической культуры.

Но культурную революцию нельзя понимать вульгарно, как отрицание всей культуры прошлого. Социалистическая

культура возникает не на пустом месте. Она — законная преемница всего лучшего, что было создано в условиях эксплуататорского общества. В. И. Ленин говорил: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем» [4].

Отбор из культурного наследия прошлого таких непреходящих ценностей и отсечение всего ненужного, противоречащего природе социалистического общества, а тем более вредного, реакционного,— вот одна из конкретных задач культурной революции. На этой основе развивается подлинно социалистическая культура, социалистическая по своему содержанию, т. е. отражающая жизнь и идеалы нового общества, пронизанная его идеологией, стремлением служить народу, активно помогать ему в борьбе за социализм, а затем коммунизм.

Другая центральная задача культурной революции — превратить культуру из достояния немногих в достояние всех. Необходимость этого непременно возникает в любой, даже самой «цивилизованной» по буржуазным стандартам стране. Ведь в конечном счете капитализм всегда предоставляет трудящимся лишь тот минимум знаний, который необходим для их участия в производстве, не более того.

Особенно большое значение имел подъем народного образования в Советском Союзе. В дореволюционной России свыше 75% населения (в возрасте от 9 лет и старше) было неграмотным. Среди киргизов насчитывалось лишь 0,6% грамотных, среди туркмен и якутов — 0,7, среди казахов — 2,0% и т. д. Многие народности не имели даже своей письменности. Советской власти пришлось начинать с самого элементарного — с того, чтобы приобщить десятки миллионов людей к букварю, научить их читать газету, книгу, дать им самые элементарные знания. Эта задача решалась с истинно революционным размахом. Через школы ликвидации неграмотности за период с 1929 по 1932 г. прошли свыше 30 млн. человек. Уже в первой пятилетке было введено всеобщее обязательное начальное образование. Все это позволило к концу переходного периода полностью покончить с неграмотностью.

Еще больших усилий требует работа по ликвидации неграмотности в народно-демократических странах Азии, где свыше 90% населения раньше было неграмотным.

В европейских странах народной демократии культурная революция имеет свои особенности. В некоторых из них, где культурный уровень населения сравнительно высок, не приходилось решать такие задачи, как ликвидация массовой неграмотности. Но здесь подчас большую остроту приобре-

тают задачи борьбы с буржуазной идеологией, которая пустила глубокие корни в сознании людей, задачи освобождения трудящихся из-под реакционного влияния церкви.

Непременная часть культурной революции во всех странах — это превращение школы из орудия классового господства буржуазии, каким она была при капитализме, в орудие социалистического перевоспитания. Школа отделяется от церкви и освобождается от влияния буржуазной идеологии. Преподавание постепенно перестраивается на основе проверенных опытом научных знаний. Создается новая система народного образования. Она готовит образованных людей, вооруженных основами знаний в области науки и техники, способных сознательно участвовать в социалистическом строительстве.

Вместе с тем широкое развитие после победы революции получает внешкольное образование. Клубы, библиотеки, дворцы культуры, театры, музеи, кино, радио, печать, разветвленная сеть вечерних и заочных учебных заведений глубоко входят в народный быт.

Как прямой результат индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, огромной просветительной и воспитательной деятельности социалистического государства происходит быстрый рост культурно-технического уровня рабочего класса и крестьянства.

Чтобы добиться такого роста, обеспечить подъем производительных сил и культуры общества, культурная революция обязательно должна решить еще одну важную задачу — задачу создания новой, подлинно народной интеллигенции, тесно связанной с рабочим классом и крестьянством. До победы социалистической революции пролетариат не имеет своей сколько-нибудь многочисленной интеллигенции. Буржуазия преграждает рабочим и крестьянам путь к высшему образованию.

Задача создания новой интеллигенции решается двояко: путем привлечения буржуазной интеллигенции, ее перевоспитания и путем форсированной подготовки специалистов из среды рабочих и крестьян.

Включение в социалистическое строительство старой интеллигенции — дело, разумеется, нелегкое. Особенно трудным было оно для рабочего класса России, где предельное обострение классовой борьбы, принявшей самые крайние формы, толкнуло значительную часть старой интеллигенции — во всяком случае на время — в стан противников революции, ее недоброжелателей.

Тем не менее советские коммунисты в общем и целом справились с проблемой интеллигенции, указав основные методы ее решения трудящимся других стран, ставших на путь социализма. Выступая в 1958 г. в Академии наук Венгрии, Н. С. Хрущев говорил: «В работе с интеллигенцией у нашей

партии большой опыт. Набив себе немало шишек, мы приобрели правильное понимание многих вопросов. Этим опытом мы по-дружески делимся с вами» [5].

А опыт заключается в первую очередь в том, что надо проявлять к старой интеллигенции большое внимание, чуткость и терпимость. Если иной раз какие-то отдельные, хотя бы и численно большие, ее группы не сразу понимают смысл и необходимость революционных преобразований, остаются идейно далекими от революции, не надо торопиться записывать их в разряд врагов. Подлинные интеллигенты не могут долго оставаться на такой ошибочной позиции и обязательно будут искать путей к народу. Проявив терпение, оказав помощь, дав им время осознать свои заблуждения, можно намного облегчить их переход на сторону социализма.

Такой широкий подход не имеет, однако, ничего общего с позицией невмешательства, пассивного или безразличного отношения к идейно-политическим процессам, происходящим в среде старой интеллигенции. Предоставить ее целиком самой себе значит позволить врагам революции заманить неустойчивых представителей старой интеллигенции в свои сети.

В. И. Ленин обращал на работу с интеллигенцией, со старыми специалистами очень большое внимание. Надо, говорил он, сделать так, чтобы им жилось лучше, чем при капитализме, лучше не только в материальном отношении, но и в «правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов» [6].

Такой подход к старой интеллигенции полностью оправдал себя.

Можно предположить, что во многих странах, которым еще только предстоит стать на путь социализма, привлечение и социалистическое перевоспитание интеллигенции будет более легким делом. Как уже отмечалось раньше, усиливающийся гнет монополий толкает все более широкие слои интеллигенции к союзу с рабочим классом еще до революции. Не проходит для них бесследно и знакомство с опытом социалистических стран, где перед интеллигенцией открываются невиданные возможности творческой работы и подлинного служения своему народу.

Однако, каких бы успехов ни добивались партия, диктатура пролетариата в работе со старой интеллигенцией, одно это не может обеспечить всех потребностей социалистического общества. С первых дней рабочей власти перед ней встает и задача широкой подготовки новых инженерно-технических, научных и культурных кадров, в первую очередь из числа рабочих и крестьян.

Работа, которую приходится проделать партии и государству рабочего класса в ходе культурной революции, поистине грандиозна. В. И. Ленин говорил: «Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники,— превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма». «...Это,— указывал Ленин,— задача всемирно-исторической трудности и значения» [7].

Совершив революцию в области культуры, рабочий класс, его партия и государство не только обеспечивают потребности в кадрах, предъявляемые социалистическим строительством, не только помогают утверждению в обществе новой, социалистической идеологии, но и закладывают основы для невиданного в истории подъема культуры.

Ярчайшее тому свидетельство — подъем образования, успехи в подготовке инженерно-технических и научных кадров, достижения науки, техники, литературы и искусства в Советском Союзе, а также в странах народной демократии.

Культура для народа

Социалистический строй коренным образом демократизирует культуру, делает ее достоянием не узкой интеллигентской прослойки, а всего общества. Это благотворно сказывается прежде всего на развитии самой духовной культуры.

Писателям, художникам, актерам при социализме не приходится жаловаться на недостаток внимания общественности. Иностранцы, приезжающие в социалистические страны, часто удивляются тому, как быстро расходятся все сколько-нибудь удачные книги, как велик наплыв посетителей в музеи, театры, концертные залы. Этот неуклонный рост духовных потребностей народа создает благоприятные условия для художественного творчества и стимулирует его дальнейшее развитие.

Демократизация культуры способствует выдвижению из толщи народных масс множества ярких талантов во всех областях научного и художественного творчества. Много ли шансов стать известными писателями имели бы до Октябрьской революции сын горнорабочего Павел Бажов или сын сельского кузнеца Александр Твардовский? Тысячи и тысячи талантливых людей в капиталистическом мире так и погибают, не сумев пробиться сквозь нужду, лишения и равнодушие общества. Напротив, социализм создает необходимые условия для выявления и поддержки талантов. Научно-тех-

ические общества, литературные объединения на предприятиях и при органах печати, коллективы художественной самодеятельности и многие другие организации содействуют выявлению и развитию способностей людей, обогащая социалистическую культуру свежими, молодыми силами.

Однако дело не только в материальных возможностях, но и в духовной атмосфере, глубоко отличной от той, что свойственна капитализму. Писателю, художнику, находящемуся во власти буржуазной идеологии, негде взять положительный жизненный идеал, в свете которого он мог бы оценить происходящие процессы. Жизнь зачастую представляется ему мрачной и бессмысленной, люди — мелкими и ничтожными. Но он не видит выхода из этого положения и, показывая гнусности буржуазной действительности, нередко в то же время прямо или косвенно оправдывает их, считая, что это свойства человеческой природы, человеческой жизни как таковой. Подобный взгляд вполне устраивает реакционную правящую верхушку, которая стремится помешать людям бороться за изменение бесчеловечных условий капитализма.

Разумеется, на Западе есть и прогрессивная, демократическая культура, представляющая собой немалую силу. Но не она господствует в буржуазном мире. Ее деятелям приходится вести напряженную борьбу с реакцией.

По-другому обстоит дело при социализме, где вся культура принадлежит народу. Обстановка быстрого социального прогресса, неуклонный рост культурного уровня масс и народного благосостояния, научно обоснованная уверенность в будущем — все это создает исключительно благоприятные условия для творческой работы.

Естественно, что это накладывает на деятелей культуры высокую ответственность. Литература и искусство не только отражают жизнь народа, но и формируют человеческие души. Идея неразрывной связи литературы и искусства с интересами и борьбой общественных классов, а при социализме — с жизнью всего народа была теоретически обоснована В. И. Лениным, выдвинувшим принцип партийности литературы. Буржуазные пропагандисты подвергают этот принцип яростным нападкам, пытаясь доказать, будто служение интересам определенного класса и сознательное проведение определенной политической линии несовместимы со свободой художественного творчества. Но это покушение с негодными средствами.

Художественное творчество не может оставаться вне борьбы классов, вне политики, ибо каждый писатель, художник — хочет он того или нет — выражает в своем творчестве интересы какого-либо класса. Разве современное буржуазное искусство не отражает умонастроений господствующей буржуазии и не служит инструментом ее идеологического воздействия на массы? Разве буржуазные издательства, кино-

компании, руководители художественных выставок, наконец, влиятельная пресса не диктуют свою волю интеллигенции и не оказывают сильнейшего материального и морального давления на тех, кто пытается сопротивляться этому диктату? Многолетняя травля прогрессивных ученых, писателей, художников и артистов буржуазных стран служит тому наглядным примером.

Социализм — это первый общественный строй, который освобождает культуру из-под гнета денежного мешка, давая художнику возможность творить не для угождения извращенным вкусам маленькой кучки «толстых», а для широких народных масс. Умаляет ли это свободу художника? Нисколько. Всякий настоящий художник ищет истину, стремится писать правду. Но именно в этом и заинтересовано социалистическое общество. Главное требование социалистического реализма — правдиво изображать действительность в ее поступательном развитии. «В условиях социалистического общества, где народ является действительно свободным, подлинным хозяином своей судьбы и творцом новой жизни,— говорится в важнейшем партийном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа»,— для художника, который верно служит своему народу, не существует вопроса о том, свободен или не свободен он в своем творчестве. Для такого художника вопрос о подходе к явлениям действительности ясен, ему не нужно приспосабливаться, принуждать себя, правдивое освещение жизни с позиций коммунистической партийности является потребностью его души, он прочно стоит на этих позициях, отстаивает и защищает их в своем творчестве» [8]. Именно так понимают свою роль представители социалистической интеллигенции.

4. Социализм и личность

Буржуазные критики социалистического строя пытаются доказать, будто он несовместим со свободой личности. Революционный марксизм, по их словам, не признает за человеческой личностью какой-либо ценности. О «тоталитарности» социалистического строя, «поглощении личности коллективом», «нивелировании» людей написаны сотни книг и тысячи статей. Но не может быть ничего более ложного, чем подобное представление.

Освобождение личности через освобождение трудящихся масс

Духовный облик человека, его отношение к окружающим и его личное самосознание зависят от характера общества, в котором он живет.

Буржуазная пропаганда изображает капиталистический строй царством свободы личности, а формально-юридическое равенство людей выдает за единственно

возможную форму равенства. Однако на деле господство капитала — это величайшее надругательство над человеческой личностью.

Капитал строит отношения между людьми на корыстном расчете. Деньги заменяют все личные качества человека. В капиталистическом обществе, писал Маркс, «то, что я *есмь* и что я *в состоянии* сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью. Я уродлив, но я могу купить себе *красивейшую* женщину. Значит, я не *уродлив,* ибо действие *уродства,* его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами. Пусть я — по своей индивидуальности — *хромой,* но деньги добывают мне 24 ноги; значит, я не хромой. Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почёте, а значит, в почёте и их владелец. Деньги являются высшим благом — значит, хорош и их владелец» [9].

На одном полюсе изнурительный труд, всепоглощающая забота о куске хлеба изматывают и отупляют человека. На другом полюсе пресыщение жизненными благами и отсутствие плодотворной общественной деятельности порождают стремление замкнуться в интимных переживаниях своего «я». Такой индивидуализм приводит к оскудению внутреннего мира человека, рождает чувства опустошенности, тоски и раздвоенности. В условиях разложения буржуазного общества он легко превращается в зоологический, волчий эгоизм, ту идеологию «сверхчеловека», которую так ярко выразила философия Ницше, ставшая одним из краеугольных камней фашистского мировоззрения. Все это и есть настоящее «разрушение личности».

Выход из положения дает только социалистическая революция. «Если характер человека,— писал Маркс,— создаётся обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными» [10]. Не может быть свободы человека от общества, свобода возможна только в обществе. Чтобы освободить личность, надо освободить всю массу людей, изменив общественные отношения, которые их порабощают. Освобождение личности через освобождение трудящихся масс — вот суть позиции коммунистов, краеугольный камень их коллективистской идеологии.

Когда буржуазная пропаганда обвиняет марксистов в «уничтожении личности», она молчаливо исходит из того, будто основа личности — частная собственность. Но уничтожение частной собственности страшно лишь тем, у кого все общественное положение, начиная с комфорта и кончая авторитетом среди окружающих, базируется не на индивидуальных способностях и личных заслугах, а на привилегиях богатства. Таким людям отмена частной собственности на средства производства, используемые для эксплуатации и унижения других личностей, действительно кажется упразднением их

собственной личности, тем более что это лишает их возможности вести праздную жизнь, а труд для буржуа-паразита — самое ужасное бедствие.

Напротив, людям труда и таланта социализм открывает широкие возможности для раскрытия и применения их индивидуальных дарований. Только социалистический строй позволяет «...втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами» [11] *(Ленин)*.

Социализм впервые признает право на развитие и самостоятельное творчество за простыми тружениками, которых буржуазная идеология всегда пренебрежительно третировала как «серую массу». Он вместе с тем обеспечивает это право, передавая в руки общества все материальные средства, позволяющие развивать таланты и способности людей. По мере укрепления социалистического строя, роста изобилия материальных и духовных благ и совершенствования общественных отношений неуклонно умножаются и возможности развития и творчества, расцвета личности всех членов общества.

Сочетание личных и общественных интересов

Противоположность личных и общественных интересов возникла вместе с частной собственностью, при господстве которой человек, воспринимая общество как враждебную, давящую силу, стремится дать обществу поменьше, а себе урвать побольше.

Социалистический строй заботится прежде всего об общих интересах. Ведь от них зависит благополучие не только всего общества, но и каждого его члена. Поэтому социалистическая мораль осуждает проявления индивидуализма и мелкособственнического эгоизма, справедливо расценивая их как пережитки капиталистического прошлого в сознании людей. Но, с другой стороны, еще Ф. Энгельс указывал, что «общество не может освободить себя, не освободив и каждого отдельного человека» [12]. Забота о человеке, чуткое, внимательное отношение к нему — одно из важнейших требований социалистической морали.

В условиях социализма перед каждым членом общества открыт путь к улучшению своего положения — путь более производительного и квалифицированного труда. Естественно, что стремление людей поднять свое благосостояние таким путем отвечает интересам общества и всячески поддерживается им. В этом объективная основа, на которой развивается органическое единство личных и общественных интересов в социалистическом обществе. Эта особенность социалистического строя находит свое отражение в сознании людей. По мере того как растет социалистическая сознательность народных масс, в

деятельности людей все большую роль начинают играть моральные стимулы, а забота об общественных делах становится личным делом каждого. Человек, воспитанный в духе социалистической морали, не может равнодушно проходить мимо недостатков, мимо всего, что противоречит интересам общества, хотя бы это непосредственно его и не касалось. Чувство хозяина и неразрывно связанное с ним сознание ответственности за общее дело составляют важнейшую черту духовного облика нового человека. У членов социалистического общества велики не только права, но и обязанности. Но это обязанности хозяев, подлинных граждан страны, а не повинности забитых подданных.

Разумеется, в течение нескольких десятилетий невозможно полностью искоренить все представления и привычки, утвердившиеся за долгие тысячелетия господства частной собственности. В сознании некоторой части членов социалистического общества еще живы различные черты старой морали и быта: недобросовестное отношение к работе, стяжательство, эгоизм, националистические предрассудки, неправильное отношение к женщине, привычка к пьянству, антиобщественные взгляды, подчас ведущие к хулиганству и преступлениям. О всех подобных явлениях мы говорим как о пережитках капитализма. Этим подчеркивается и то, что они чужды социализму, и то, что сами по себе социалистические общественные отношения не только не порождают подобных уродливых явлений, но, наоборот, постепенно вытесняют их.

Пережитки капитализма цепко удерживаются в сознании части членов общества. Нельзя забывать, что есть обширные области человеческих отношений, на которые антисоциальные привычки, взгляды и нравы оказывают особенно большое влияние, например семейные, бытовые. На такого рода отношения, несомненно, могут воздействовать не только передовая социалистическая мораль и идеология, завоевывающая господствующее положение в обществе, но и отсталые взгляды и нравы, сохраняющиеся у части его членов. Если такие взгляды и нравы не встречают должного отпора, они могут оказать вредное влияние на сознание других людей, особенно подрастающего поколения.

Вот почему и после победы социализма сохраняется необходимость в терпеливой и повседневной воспитательной работе. Социализм немыслим без общественной дисциплины, обязывающей гражданина выполнять требования общества и соблюдать правила социалистического общежития. Это отвечает и интересам каждого отдельного человека, если понимать эти интересы правильно, видеть их зависимость от процветания всего общества.

Развивающееся единство личных и общественных интересов — важнейшее моральное преимущество социалистического

строя, устраняющего старую трагедию «разорванности» человеческого сознания и воспитывающего цельных, жизнерадостных, мужественных людей, не боящихся трудностей. Победа социализма — это величайшая моральная революция. «Само собой понятно,— писал по этому поводу великий французский писатель Ромэн Роллан,— что эта моральная революция еще не кончена, но она совершается и ее последствия будут неизмеримы. Уже сейчас можно сказать, что она спасает цивилизацию от отчаянного банкротства, при котором человеческий дух зашел бы в тупик своего бесплодного и гордого одиночества... Новый век могущественного порыва, радостного движения вперед открывается для всего человечества» [13].

5. Движущие силы развития социалистического общества

С победой социализма поступательное развитие общества не прекращается, а, напротив, ускоряется. Быстрыми, невиданными для предшествующих формаций темпами идет развитие промышленности и сельского хозяйства, социальных и политических отношений, всей общественной надстройки, их совершенствование в направлении к коммунизму.

В основе этого процесса лежат объективные закономерности развития социалистического общественного производства. Это придает развитию социалистического общества совершенно новые черты, коренным образом отличающие его от эксплуататорского строя.

Общество навсегда избавилось от антагонизмов. Противоречия его развития стали неантагонистическими. Это в основном противоречия и трудности роста, связанные с бурным подъемом социалистической экономики и еще более быстрым ростом потребностей людей, противоречия, возникающие при столкновении нового и устаревшего, передового и отсталого.

Разрешаются такие противоречия не путем классовой борьбы — в социалистическом обществе нет социальных слоев или классов, заинтересованных в задержке развития, отстаивающих старые, отсталые порядки,— а на основе сотрудничества всех классов и слоев, одинаково заинтересованных в укреплении социализма и строительстве коммунизма. Основным орудием вскрытия и разрешения противоречий при этом служат критика и самокритика. Развернутая критика и самокритика необходимы для того, чтобы своевременно обнаруживать и устранять недостатки и противоречия, вовремя отсекать старое и отжившее. Наоборот, там, где критика зажата, образуется застой и необходимое разрешение противоречий затрудняется. Поэтому социалистическое общество жизненно заинтересовано в постоянном развитии критики и самокри-

тики, видит в них важное средство мобилизации творческой энергии и политической активности трудящихся на преодоление трудностей, на решение новых задач строительства коммунизма.

Избавление от антагонистических противоречий — огромное преимущество социалистического строя, обеспечивающее невиданные ранее возможности гармонического развития производительных сил и соответствующего прогресса политической и идеологической надстройки общества. В развитии общества все большую роль играют силы, не разделяющие и сталкивающие людей, а сплачивающие их воедино, направляющие на достижение общих целей и задач. Появление этих новых движущих сил развития и позволяет обществу двигаться значительно быстрее и с меньшими общественными издержками, нежели раньше.

Важнейшей движущей силой общественного развития становится *коллективный труд на базе социалистической собственности.* Такой труд, сближающий и объединяющий людей,— главный источник движения вперед. Из средства обогащения эксплуататоров труд стал общественной функцией, поощряемой обществом с помощью материальных и моральных стимулов, превратился в дело чести и доблести, дело служения общему благу. Коллективный труд, отношения товарищеской взаимопомощи и сотрудничества порождают такую новую форму творческого сотрудничества людей, помогающего выявлению и развитию их способностей, как *социалистическое соревнование.* В отличие от капиталистической конкуренции, основанной на принципах «каждый сам за себя» и «человек человеку волк», оно предполагает всестороннюю товарищескую взаимопомощь, обмен передовым опытом, систематическое подтягивание отстающих до уровня передовых.

В сознательном коллективном труде ярче всего сказывается такая черта духовного облика человека социалистического общества, как забота об общественном благе, хозяйское отношение к делам общества.

В силу коренных перемен, которые претерпевают с победой социализма классовые отношения, закладывается прочная основа для *морально-политического единства общества.* Такое единство всех классов и социальных слоев в отношении их главных интересов также становится могучей движущей силой общественного развития. Морально-политическое единство позволяет сплотить всех трудящихся на решение наиболее важных экономических, социально-политических и культурных задач. А такое сплочение дает силу, способную преодолеть любые препятствия.

Важной движущей силой социалистического общества является также *дружба социалистических наций* — как внутри страны, так и в масштабах мировой системы социализма. Эта

дружба не только помогает отстоять завоевания трудящихся от покушений империалистов, но и создает наиболее благоприятные условия для экономического и культурного развития всех народов на основе братской взаимопомощи.

Высокие идейные качества социалистической личности находят свое выражение в животворном чувстве *социалистического патриотизма.* Этот новый, социалистический патриотизм — уже не только естественная для человека привязанность к родным местам, людям, обычаям, языку и т. д. Это в первую очередь преданность социалистическому строю, основанная на понимании его решающих преимуществ перед капитализмом. Такой патриотизм не разделяет, а, напротив, сближает представителей различных наций. Из социалистического патриотизма естественно вырастает не национальная отчужденность, а чувство глубокой интернациональной солидарности и дружбы с рабочим классом и всеми трудящимися других стран.

Социалистический патриотизм — активное, действенное чувство. Он побуждает людей отдавать родине все свои силы и способности, а если понадобится — и жизнь. Об этом ярко свидетельствует великий подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Движущие силы развития социалистического общества не есть нечто раз навсегда данное. Они сами развиваются по мере того, как крепнет и совершенствуется социалистический строй.

Содействие такому развитию, укрепление новых движущих сил социализма — одна из главных задач, стоящих перед обществом.

Вот почему при социализме уделяется такое большое внимание, в частности, совершенствованию форм коллективного труда на основе развития материальных и моральных стимулов. Огромное значение придается также дальнейшему укреплению морально-политического единства народа, т. е. единства, сплоченности, нерушимого союза между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией. Понимая всю важность этой задачи для успешного развития социализма на пути к коммунизму, общество и его руководящая сила — партия — бдительно следят за тем, чтобы в экономике, политике и идеологии не возникало явлений, мешающих морально-политическому единству народа.

Партия, государство, все социалистическое общество уделяют много внимания и укреплению дружбы народов. Эта задача решается с помощью экономических, политических и культурно-воспитательных мероприятий. Исторический опыт показывает, что укрепление дружбы народов требует последовательной борьбы с рецидивами национализма во всех их проявлениях.

Большое значение для всего развития социалистического общества имеет, наконец, укрепление социалистического патриотизма — преданности трудящихся своей социалистической родине, их готовности самоотверженно трудиться, а если надо — и сражаться, защищая свои завоевания и безопасность родины.

Социалистическое общество, таким образом, обладает могучими движущими силами, которые обеспечивают неуклонный и быстрый прогресс во всех областях жизни.

Социалистическая система открывает невиданные возможности развития общества и решения наиболее сложных социальных проблем в интересах трудящегося человечества, создает для этого необходимые предпосылки. Но за людей и помимо них она, разумеется, никаких проблем не решает и решать не может.

Важнейшая особенность общественного развития при социализме состоит в том, что оно утрачивает стихийный характер, становится процессом, в котором все большую роль играет планомерная сознательная деятельность людей.

В этих условиях огромное значение приобретает деятельность *марксистско-ленинской партии* — авангарда трудящихся, в котором находят свое наиболее полное и всестороннее выражение коллективный ум и воля социалистического общества. Правильное и умелое руководство партии есть непременное условие реализации всех возможностей и преимуществ, заложенных в социалистической системе.

Исходя из этого, марксисты-ленинцы и после победы социализма придают первостепенное значение укреплению партийного руководства, повышению его роли во всех сферах общественной жизни.

Руководство коммунистической партии — один из решающих факторов великих успехов социализма. Оно служит залогом успешного движения вперед, успешного решения великой задачи перехода к коммунизму, которая встает перед обществом, построившим социализм.

ГЛАВА 25

МИРОВАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

После того как социализм вышел за пределы одной страны и превратился в мировую систему, перед теорией и практикой встали новые важные проблемы, связанные с закономерностями налаживания мирового социалистического хозяйства, с межгосударственными отношениями независимых и суверенных социалистических государств.

Разработку этих вопросов коммунистическим и рабочим партиям социалистических стран не пришлось, конечно, начинать на пустом месте. Они получили надежную основу в виде огромного идейного богатства, оставленного классиками марксизма-ленинизма, а также известного практического опыта налаживания межнациональных отношений, покоящихся на интернационалистских принципах, который был накоплен до образования мировой системы социализма.

Но становление этой системы потребовало решения многих новых проблем, выдвигаемых практикой, творческого развития марксистско-ленинской теории, опирающегося на жизненный опыт. Обобщение этого опыта — новая и еще не законченная страница марксистско-ленинской науки, имеющая огромное значение для коммунистических и рабочих партий социалистических стран.

1. Исторические особенности образования мировой социалистической системы

Говоря о мировой системе — как социалистической, так и капиталистической,— мы имеем в виду не простую совокупность государств, однотипных по социальному строю.

Было время, когда на значительной части земного шара господствовал один и тот же социальный строй, например феодальный, но никакой мировой системы не было и быть не могло, ибо страны, где господствовал этот строй, не были

связаны в единый социально-экономический организм, а нередко даже ничего или почти ничего не знали друг о друге.

Условия для образования мировой системы впервые сложились только в эпоху капитализма, когда развитие производительных сил связало экономику различных стран прочными узами. Процесс складывания мировой капиталистической системы занял сотни лет, завершившись лишь в эпоху империализма. Но этой мировой системе не суждено было долго удерживать монопольное положение. Освободившиеся от господства капитала страны объединились в социалистическом лагере и образовали мировую систему социализма.

Пути и методы образования двух систем

В основе образования обеих систем лежит один и тот же фактор — потребности развития производительных сил. Но фактор этот действует не сам по себе, а через политику и деятельность господствующих классов. В одном случае главной силой, претворявшей в жизнь объективную тенденцию к сближению стран и народов, их хозяйства и культуры, была буржуазия, а в другом — рабочий класс. Естественно, что образование капиталистической и социалистической систем проходило разными путями и методами и имело различные результаты.

Давно замечено, что внутренняя и внешняя политика каждого класса едины по своей природе. Если буржуазия эксплуатирует и угнетает трудящихся своего отечества, разве можно ожидать, что она будет иначе относиться к рабочим и крестьянам других стран? Не удивительно, что сближение разных стран в условиях капитализма больше всего походило на «сближение» грабителя и его жертвы.

Образование мировой системы капитализма было результатом непрерывной борьбы во всех формах — военной, политической, экономической и идеологической. Факт общности социального строя не породил здесь международной солидарности. Это обстоятельство убедительно подтверждается историей. Во второй половине 18 века на земле существовало одно крупное буржуазное государство — Англия, и ее правящий класс выступил как злейший враг буржуазных революций в других странах. Это ярко проявилось в ходе буржуазной революции во Франции, начавшейся в 1789 г., когда Англия стала опорой контрреволюционного блока феодально-абсолютистских государств, добивавшихся восстановления старых порядков.

Характерно и то, что все крупные войны прошлого и нынешнего веков, включая вторую мировую войну, которая разгорелась в эпоху, когда уже существовало социалистическое государство, возникали именно между капиталистическими державами, как результат непримиримых противоречий

между родственными в социальном отношении правящими классами этих держав.

Историческая миссия рабочего класса обусловливает принципиально иные пути и методы образования мировой социалистической системы. Рабочий класс навсегда кладет конец эксплуатации и гнету в своей стране вовсе не для того, чтобы сохранить или возродить их на международной арене. Путь образования мировой системы социализма — это путь добровольного сближения равноправных народов, а не подчинения слабого сильному. Основой отношений между ее участниками становится глубокая социальная солидарность и сплоченность.

Социальной природой обеих мировых систем объясняются и другие принципиальные различия между ними.

Мировая система капитализма — это система строгой иерархии, закрепленной как фактическим соотношением сил, так зачастую и юридически. Она напоминает пирамиду, на верхушке которой — горстка развитых держав, а внизу — огромная масса отсталых и угнетенных народов.

Мировая система социализма имеет совсем другой вид. Это не иерархия, основанная на подчинении и зависимости, а содружество свободных и равноправных государств.

Мировая система капитализма по самой своей природе приспособлена к тому, чтобы не устранять, а сохранять и углублять различия в экономическом, социальном и культурном положении входящих в нее стран, неравномерность их развития. Суть мировой системы капитализма — подчинение экономики, политики и социальных отношений большинства входящих в нее стран интересам монополистической буржуазии развитых держав.

Мировая система социализма, напротив, по своему характеру приспособлена к тому, чтобы способствовать скорейшему развитию всех входящих в нее стран и подтягиванию отсталых до уровня передовых.

Существование этой системы делает *экономически возможным строительство социализма в любой стране*, независимо от уровня ее развития к моменту революции, в то время как раньше такая возможность существовала только для стран, обладающих по меньшей мере средним уровнем экономического развития. Это обстоятельство имеет особое значение для слаборазвитых стран.

Мировая система социализма надежно гарантирует безопасность каждой входящей в нее страны перед лицом империалистического лагеря и тем самым создает *политическую возможность строительства социализма в любой стране*, независимо от ее размеров, численности населения и военного потенциала. Особое значение это имеет для небольших стран, которые самостоятельно никогда не смогли бы отстоять свои

социалистические завоевания от покушений со стороны империалистов.

Суть мировой системы социализма — создание таких отношений между странами, которые больше всего отвечают интересам каждой из них в отдельности и всего социалистического мира в целом, способствуют наиболее полному выявлению всех исторических преимуществ социализма и на этой основе — скорейшему экономическому, социальному и культурному развитию всего социалистического лагеря в направлении коммунизма.

2. Принципы взаимоотношений социалистических государств (социалистический интернационализм)

Вопрос о том, как должны строиться отношения между странами, где у власти стоит рабочий класс, в общей форме был решен марксизмом-ленинизмом еще до того, как образовалась мировая система социализма. Равноправие наций, пролетарский интернационализм — таковы те незыблемые принципы, которыми всегда руководствовались марксистские партии рабочего класса. Однако принципы пролетарского интернационализма в то время регулировали в основном отношения между национальными отрядами международного пролетариата, между его политическими партиями, профсоюзами и другими организациями трудящихся. До завоевания власти рабочим классом опыта осуществления политики пролетарского интернационализма в государственном строительстве не было и быть не могло.

Такой опыт был обретен с победой пролетарской революции в России. Впервые отношения между нациями и народами внутри огромного многонационального государства были построены в соответствии с принципами равноправия, добровольности и взаимопомощи, уважения национального суверенитета, учета специфических особенностей каждой социалистической нации и народности.

Когда социалистическая революция победила в других странах, советский опыт стал для них отправным пунктом, образцом и примером. Но этот опыт не мог быть механически перенесен на весь социалистический лагерь, так как теперь речь шла не об отношениях внутри одной страны, а о взаимоотношениях независимых социалистических государств, во главе которых стоят самостоятельные коммунистические и рабочие партии.

Предстояло творчески применить общие принципы пролетарского интернационализма к отношениям между социалистическими государствами. Это означало одновременно и дальнейшее развитие самих принципов, обогащение пролетарского интернационализма новым историческим содержанием.

Он приобрел новое качество и стал *социалистическим интернационализмом,* который включил в себя и взаимоотношения между социалистическими государствами.

Принципы социалистического интернационализма имеют под собой твердый научный фундамент — познание объективных закономерностей, присущих эпохе социализма.

Одна из этих закономерностей состоит в свободном самоопределении, подлинном пробуждении всех наций, расцвете их культуры и развитии государственности. Условия для всего этого создаются только после победы социалистической революции, кладущей конец национальному угнетению во всех его формах.

При одинаковом, общем для всех стран содержании социалистического строительства каждая нация, свергнувшая капитализм, стремится так определить пути своего экономического, политического и культурного развития, чтобы они в наибольшей степени отвечали ее конкретно-историческим особенностям и прогрессивным традициям.

Сохранение национальных рамок характерно и для последующих этапов строительства нового общества. В. И. Ленин указывал, что национальные и государственные различия между народами и странами будут держаться еще очень долго даже после победы рабочего класса во всемирном масштабе [1].

Это объясняется тем, что нация и национальный язык, национальная форма культуры относятся к общественным явлениям, отличающимся необычайной устойчивостью. Сохранение при социализме национальных различий обусловлено и более глубокими, социально-экономическими причинами. Современные производительные силы пока еще не в такой степени выросли для обобществления, чтобы можно было ликвидировать государственно-национальные рамки социалистического хозяйства и перейти к единому его планированию и руководству.

Экономика каждой социалистической страны развивается как самостоятельное национальное хозяйство, в котором складываются свои пропорции и соотношения, определяемые наличием исторически сложившихся отраслей народного хозяйства, особенностями производственного опыта населения, характером природных ресурсов и географическим положением данной страны и т. п.

Наряду с закономерностью расцвета наций для социализма характерна и закономерность сближения наций и народов, взаимодействия национальных хозяйственных систем, все большего сближения социалистических наций. Эта закономерность по мере развития социализма непрерывно усиливается. В ее основе лежат прежде всего потребности развития производительных сил. Уже в условиях капитализма эти по-

требности порождают тенденцию развития и учащения связей между нациями, а при социализме они ускоряют процесс все более тесного сближения государств и народов.

Обе отмеченные закономерности не противоречат друг другу, а, напротив, тесно связаны одна с другой. Лишь полное развитие и расцвет национальных форм жизни открывают путь к добровольному, подлинно интернационалистскому сближению и единению социалистических наций. А такое сближение в свою очередь составляет важнейшее условие расцвета национальной экономики и культуры.

Обе эти объективные закономерности мировой системы социализма действуют вместе и во взаимосвязи, определяя общее направление, по которому она развивается. В развитии взаимоотношений социалистических государств отражаются как первая, так и вторая закономерности.

Каждая социалистическая страна — суверенное государство

Важную неотъемлемую часть социалистического интернационализма составляют принципы равноправия и суверенитета. Эти общедемократические принципы впервые были провозглашены еще в период становления и консолидации буржуазных наций. Однако при капитализме признание этих принципов в значительной мере носит формальный характер. На деле взаимоотношения капиталистических государств определяются реальным соотношением сил. Государство более мощное не считается с нормами международного права, оно не останавливается перед бесцеремонным вмешательством во внутренние дела более слабых государств, ставит их в зависимость от себя, когда находит это нужным.

Кроме того, капитал не знает никаких государственных границ, он проникает в слабые страны, подчиняет их экономику своим интересам, лишает их экономической независимости. Поэтому при капитализме сплошь и рядом бывает так, что государство формально считается суверенным, а на деле его политику диктуют великие державы. Например, довоенная Польша считалась самостоятельным, независимым государством. Однако ее политический курс в значительной мере зависел от иностранного капитала, доля которого во многих отраслях польской промышленности составляла свыше 60%.

Только при социализме равноправие, национальная независимость и суверенитет обретают свой подлинный смысл. Политический суверенитет подкрепляется тем, что общество становится собственником основных средств производства. Каждая нация получает возможность распоряжаться основой основ своего существования — экономикой, направлять ее развитие в соответствии со своими национальными потребностями.

Социализм не только провозглашает подлинный суверенитет, он еще требует и строгого его соблюдения.

Почему? Да потому, что строительство социализма основано на активности широких народных масс. Только тогда, когда народ данной страны сам определяет свои хозяйственно-политические задачи, возможно сознательное, активное участие масс в практическом осуществлении этих задач, а если потребуется — готовность во имя свободно выбранной цели идти на временные трудности и жертвы. Никто не может знать потребности и возможности данной социалистической нации лучше ее самой, никто не может правильнее учитывать особенности ее экономического, политического и культурного развития.

Поэтому всякое вмешательство извне, даже продиктованное самыми благими намерениями, может оказаться не только неуместным, но и способным нанести ущерб делу строительства социализма в данной стране.

Взаимное уважение суверенитета является условием того, что развитие социализма в той или иной стране происходит в формах, учитывающих национальные особенности и традиции народа.

Не мешает ли, однако, все это сближению народов, которое является идеалом социализма? Ни в коей мере. Ленинизм учит, что соблюдение равноправия, суверенитета наций как раз необходимо для того, чтобы обеспечить сближение их между собой.

Именно такова, как уже отмечалось, диалектика национального вопроса. Только тогда, когда нации действительно свободны и равноправны, когда ни одна из них не покушается на независимость другой,— только в этом случае они проникаются глубоким доверием друг к другу, добровольно вступают в тесные связи, диктуемые интересами развития экономики, обороны, внешней политики.

Оставаясь суверенным государством, каждая социалистическая страна вместе с тем не может замкнуться в национальных рамках и игнорировать пути и методы, которыми решаются проблемы социализма в других странах. Конечно, все социалистические страны — большие и малые — накапливают свой собственный, самостоятельный опыт строительства социализма. В этом, как и во многих других отношениях, они равны, и каждая из них способна внести свой вклад в теорию и практику социализма. Но социалистические страны кровно заинтересованы в использовании всего опыта, который накопили народы, строящие социализм, и который помогает успешнее создавать новое общество, избегать ошибок и недостатков. Ясно, что это значительно ускоряет строительство социализма в каждой стране.

Разумеется, использование опыта не имеет ничего общего с механическим копированием его. Опыт используется творчески, из него берется существо, то, что имеет непреходящее значение и может быть успешно применено к конкретным условиям данной страны.

Единство и взаимопомощь

Признанием независимости и равноправия не исчерпывается сущность социалистического интернационализма.

Новое и особенное, что отличает взаимоотношения социалистических государств,— это добровольное объединение усилий для совместной борьбы за построение социализма, братская взаимная поддержка. Отношения между социалистическими государствами в конечном счете определяются производственными отношениями социализма. Их основа — товарищеское сотрудничество и взаимопомощь.

Национальные интересы социалистических государств гармонически сочетаются с их общими интересами и целями. Ими являются коренные классовые интересы и цели трудящихся, нашедшие свое научное выражение в марксизме-ленинизме. Патриотизм народов социалистических стран сливается с интернационализмом. Любовь к своей социалистической Родине органически включает в себя любовь ко всей братской семье народов социалистического лагеря.

Отношения, основанные на доброй воле, на дружбе самих народов,— это самые прочные межгосударственные отношения в мире. Поэтому лагерь социализма — это не обычная коалиция государств, связанных временно совпадающими интересами, а монолитная сила, противостоящая империалистическому лагерю как единое целое, как прочное политическое и экономическое объединение, в основе которого лежат длительные, коренные интересы его участников.

Социализм, в отличие от буржуазной демократии, не может ограничиваться формальным провозглашением равенства наций. Центр тяжести он переносит на достижение фактического равенства. Для этого необходимо ликвидировать доставшуюся в наследство от капитализма неравномерность в экономическом и культурном развитии отдельных народов, добиться общего подъема. Такова национальная политика, проводимая в рамках одного многонационального социалистического государства. Эти же принципы находят применение и в области международных отношений внутри мировой социалистической системы.

Принцип взаимопомощи пронизывает и политические отношения между социалистическими государствами. Существование мощного лагеря социализма обеспечивает суверенитет и безопасность каждой социалистической страны, гарантирует сохранение завоеваний ее народной революции. Об этом со всей силой свидетельствует та единодушная поддержка,

которую Советский Союз и другие социалистические страны оказали трудящимся Венгрии в дни контрреволюционного мятежа, спровоцированного иностранным империализмом. Враги социализма, как известно, подняли вокруг этого бешеный вой, изображая братскую помощь Венгрии со стороны социалистических народов как «вмешательство» в ее внутренние дела. Однако сознательные рабочие всего мира придерживаются насчет событий в Венгрии противоположного мнения. Они по праву видят в помощи, оказанной венгерскому народу в защите его социалистических завоеваний, достойный пример выполнения интернационального долга и пролетарской солидарности.

Действуя единым и сплоченным фронтом на мировой арене, страны социализма во много раз усиливают эффективность своей внешней политики, цель которой — сохранение и укрепление всеобщего мира, мирное сосуществование и экономическое соревнование с капитализмом.

Преодоление пережитков национализма

Итак, социально-экономическая и идеологическая общность государств, входящих в мировую систему социализма, создает благоприятные объективные условия для разрешения всех проблем, связанных с их взаимоотношениями. От марксистско-ленинской партии каждой социалистической страны требуется, однако, умение разрешать эти проблемы таким образом, чтобы сочетать национальные интересы с общими интересами социалистического лагеря.

Добиться такого сочетания вполне возможно на основе принципов социалистического интернационализма. Как показывает опыт существования мировой системы социализма, применение этих принципов в межгосударственных отношениях дает замечательные результаты. Никакие шероховатости и частные недоразумения, неизбежные при развитии новых связей между народами, ничуть не умаляют исторического значения этого опыта.

Но принципы социалистического интернационализма, как и формы их применения,— дело в международных отношениях новое, в то время как отношения старого типа держались на протяжении всей многовековой истории эксплуататорского общества. Между отдельными странами, в том числе и теми, которые ныне стали социалистическими, в прошлом бывали ссоры и столкновения, оставившие тяжелый осадок. Быстро избавиться от него, очиститься от наслоений прошлого не всегда легко, ибо националистические предубеждения принадлежат к числу особенно стойких.

Не случайно империалистическая реакция, стремящаяся ослабить мировой социалистический лагерь, возлагает свои надежды на оживление националистических элементов в странах социализма. Не случайно и то, что именно в нацио-

налистическом болоте распускаются самые ядовитые цветы ревизионизма. Националистические предрассудки и предубеждения, как правило, оказываются той общей платформой, на которой объединяются для борьбы против нового строя и остатки эксплуататорских классов, и прямые агенты империалистических разведок, и изменники делу социализма. Разве не свидетельствует об этом случай Венгрии, где контрреволюционный мятеж осенью 1956 г. был результатом именно такой комбинации темных сил, поддержанных мировым империализмом?

В последние годы ревизионистские элементы, пытаясь открыть национализму дверь в международное рабочее движение, подхватили лозунг «национального коммунизма», придуманный империалистической реакцией. Они делают вид, будто известен рецепт такого коммунизма, который вполне уживается с национальной замкнутостью и ограниченностью, который якобы можно строить в отрыве от других социалистических стран и даже враждуя с ними, отказываясь от всякой верности принципам пролетарского интернационализма и классовой солидарности. Ясно, однако, что подобные рецепты не имеют ничего общего с коммунизмом, а представляют собой попытку возродить под новой этикеткой старую оппортунистическую политику приспособления рабочего движения к интересам реакционной буржуазии. Тот, кто высказывается за «национальный коммунизм», кто покушается на единство мировой социалистической системы, тот фактически отрекается от идей социализма.

Национализм — одно из тех орудий, за которые прежде всего хватается реакция в своих попытках нарушить единство и солидарность социалистических стран. Но она может рассчитывать на успех только там, где руководители государства забывают об интернационализме, где они склонны безудержно преувеличивать национальные особенности и закрывать глаза на общие закономерности социалистического строительства, где узко понятые интересы своей страны противопоставляются интересам всех других братских народов. Именно так случилось в Югославии, в политике руководителей которой прорвались узконационалистические тенденции.

Однако этот урок не прошел даром. Марксистско-ленинские партии во всех социалистических государствах усилили свою борьбу с националистическими пережитками. При этом они исходят из того, что такие пережитки и предрассудки нельзя устранить методами принуждения и окрика. Наряду с терпеливым разъяснением и критикой националистических заблуждений решающую роль в их преодолении играет последовательное применение на практике принципов социалистического интернационализма. В атмосфере братского сотрудничества, постоянной готовности помочь друг другу,

равноправия и взаимного уважения интересов, обычаев и традиций быстро гаснут очаги националистической розни и былой вражды, стираются и исчезают прежние предубеждения.

Подлинным интернационалистам следует постоянно помнить о том, что в арсенале современной реакции и национализма особое место занимает *извращение роли Советского Союза в социалистическом лагере.* Капиталистическая пропаганда и подпевающие ей ревизионисты распространяют по этому поводу различные измышления. Заявляют, например, что Советский Союз «командует» другими социалистическими странами, что их коммунистические партии находятся в «зависимости» от КПСС. Из Белграда пущена в этой связи версия о мнимых претензиях СССР на роль «гегемона» — вождя в социалистическом лагере.

Такие сплетни и слухи распространяются в надежде хоть как-нибудь опорочить Советский Союз и всю социалистическую систему, подогреть националистические предрассудки у отсталых или неосведомленных людей, подорвать доверие к советской политике в народных массах.

В действительности роль Советского Союза в мировой системе социализма не имеет ничего общего с тем, что ей приписывают враждебные пропагандисты. В коммунистическом движении вообще нет партий «вышестоящих» и партий «подчиненных», как нет в социалистическом лагере государств-«гегемонов» и государств-«сателлитов». Все социалистические страны совершенно самостоятельны в решении своих национальных проблем, и каждая из них имеет равный голос при решении общих проблем социалистического лагеря. Точно так же коммунистические и рабочие партии этих стран полностью самостоятельны и равноправны; они несут ответственность перед трудящимися своей страны и перед всем международным рабочим движением, а не перед партией какой-нибудь одной страны. Коммунистическая партия Советского Союза ни в малейшей степени не претендует на особую, ведущую роль в международном коммунистическом движении.

Поэтому неправильно говорить о руководстве Советского Союза социалистическим лагерем. Советский Союз, как подчеркивалось в докладе тов. Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, не руководит другими странами. Благодаря своему богатому опыту он лишь показывает *пример борьбы за социализм,* пример успешного решения сложнейших задач социалистического и коммунистического строительства. «Что касается Советского Союза,— говорил тов. Н. С. Хрущев,— то, как известно, его роль состоит не в том, что он руководит другими странами, а в том, что наша страна первой проложила дорогу человечеству к социализму, является наиболее

мощной страной в мировой социалистической системе и первой вступила в период развернутого строительства коммунизма»[2]. В этом — корни того доверия и авторитета, которыми пользуется Советский Союз в содружестве социалистических стран.

3. Развитие мирового социалистического хозяйства

На определенном уровне развития производительных сил хозяйство перерастает рамки отдельных стран и становится мировым. Это, как уже говорилось, объективный процесс, который начинается при капитализме и на новой основе и в новых формах быстро развивается в условиях социализма.

В чем конкретно выражается превращение отдельных национальных хозяйств в звенья мирового хозяйства? Прежде всего в том, что в огромной мере расширяется международное разделение труда и одновременно становятся более тесными и всесторонними экономические связи между народами.

Уже при капитализме создается сложная, охватывающая весь мир система хозяйственных отношений между государствами. Но социализм не может просто унаследовать эту систему и развивать ее дальше на прежней основе. Это невозможно и по принципиальным и по практическим соображениям. В рамках капиталистического мирового хозяйства экономические отношения носят антагонистический характер и, как правило, строятся на господстве одних и подчинении других; они ведут к консервации отсталости менее развитых стран, к уродливо одностороннему развитию их хозяйства. Ясно, что социализм не может сохранять такие отношения, которые чужды его идеологии равенства, дружбы и братства народов. Кроме того, самые развитые, с точки зрения капитализма, международные экономические отношения не могут удовлетворить гораздо более высоких потребностей мирового социалистического хозяйства.

К этому следует добавить, что капитализм в бессильной попытке помешать строительству нового общества сам нередко порывает экономические связи со странами, где произошла социалистическая революция, организует против них блокаду и экономическую войну. В результате этого государствам, ставшим на путь социализма, приходится налаживать новое разделение труда и новые экономические связи.

Начало этому историческому делу положила социалистическая революция в России. Первая страна, прорвавшая цепь империализма, образовала и первое звено будущего мирового социалистического хозяйства. Именно поэтому В. И. Ленин еще в 1920 г. писал о необходимости иметь в виду при решении вопросов социалистического строительства «тенденцию к

созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме»[3].

Для того чтобы эта отмеченная Лениным тенденция восторжествовала в широком международном масштабе, понадобилось почти три десятилетия. Мировая социалистическая система хозяйства стала практически складываться только во второй половине 40-х годов, когда на путь социализма вступил ряд стран Европы и Азии. В этих условиях экономическая структура Советского Союза, создавшего мощную и целостную хозяйственную систему, оказалась хорошо приспособленной к тому, чтобы стать ядром мирового социалистического хозяйства.

С момента образования социалистического лагеря начался процесс сближения экономики входящих в него стран, постепенного складывания единой мировой системы хозяйства. Процесс этот не только новый, но и сложный, требующий немалого времени и немалых усилий. Однако развивается он неуклонно, так как представляет собой историческую закономерность эпохи и совершается под воздействием тех же экономических законов социализма, которые лежат в основе развития каждой социалистической страны.

Экономические закономерности мирового социалистического хозяйства

Характер экономических отношений между странами социалистического лагеря во многом определяется уже теми революционными преобразованиями, которые происходят в их народном хозяйстве. Социалистическая индустриализация и производственное кооперирование крестьянских хозяйств в странах народной демократии повлекли за собой ломку старых пропорций между отдельными отраслями народного хозяйства. Новые отрасли хозяйства с самого начала стали развиваться с учетом тех возможностей, которые открывало сотрудничество с другими странами социалистического лагеря. Советский Союз стал все больше и больше увязывать планирование своей экономики с хозяйственными нуждами братских социалистических стран.

Во всех государствах социалистического лагеря происходили, таким образом, взаимообусловленные изменения пропорций между отраслями, в той или иной мере менялась структура вывоза и ввоза. Вновь развивавшиеся межгосударственные хозяйственные связи стали необходимым элементом процесса расширенного социалистического воспроизводства в каждой стране. Так в международном масштабе начал проявлять свое действие присущий социализму экономический закон планомерного, пропорционального развития, в соответ-

ствии с которым осуществляется сотрудничество социалистических стран.

В настоящее время ни одна социалистическая страна уже не развивает свое хозяйство изолированно, а рассматривает его как составную часть мировой социалистической системы. В этих условиях сознательное использование каждой страной закона планомерного, пропорционального развития и закона стоимости приобретает чрезвычайно важное значение. Оно вскрывает в каждой социалистической стране дополнительные резервы повышения производительности общественного труда, обеспечивает наиболее целесообразное использование трудовых ресурсов и природных богатств.

Когда Советский Союз строил социализм, находясь в капиталистическом окружении, он должен был создавать целостную промышленную систему, развивать свое хозяйство, опираясь только на внутренние ресурсы и разделение труда в пределах одной страны. Это определило своеобразный тип советской социалистической индустриализации. Вновь возникшие социалистические страны избавлены от необходимости добиваться такой автаркии. Они имеют возможность реализовать огромные преимущества международного социалистического разделения труда.

Международное социалистическое разделение труда

На первом этапе разделение труда в социалистическом лагере определялось интересами быстрейшего восстановления разрушенной войной экономики. Оно должно было также устранить последствия блокады, с помощью которой империалисты рассчитывали сорвать или во всяком случае надолго затормозить хозяйственное развитие социалистических государств.

Советский Союз поставлял странам народной демократии необходимое им сырье, топливо, оборудование и продовольствие. Между собой эти страны обменивались теми товарами, которыми они обычно торговали и которые имели в излишке. Эти же товары они поставляли в СССР.

Начальные меры по налаживанию международного социалистического разделения труда осуществлялись преимущественно на основе двусторонних соглашений. Но быстро расширявшиеся многообразные экономические связи не могли долго регулироваться и координироваться лишь посредством соглашения двух сторон. Этого оказалось недостаточно. Развитие производительных сил социализма потребовало более широкой и многосторонней координации хозяйственной деятельности, которая сделалась особенно необходимой в связи с успехами социалистической индустриализации. Чтобы избегнуть ненужного параллелизма и растраты средств, социалистические страны стали все больше учитывать потребности и возможности друг друга. Например, Польша, ГДР, Чехо-

словакия, учитывая запросы других стран, развили судостроение; Советский Союз в интересах дружественных стран расширил добычу железной руды; Венгрия, учитывая потребности своих соседей, увеличила производство алюминия и т. д.

Опыт показал нецелесообразность создания в каждой из европейских стран народной демократии полного комплекса отраслей хозяйства. Стала очевидной выгодность и необходимость широкой международной специализации и кооперирования производства.

Мероприятия такого характера стали особенно широко осуществляться начиная с 1955—1956 гг. и в первую очередь коснулись машиностроения. Специализация открыла возможность свести к минимуму дублирование как в производстве, так и в проектно-конструкторских работах, относительно уменьшить производимый каждой страной ассортимент изделий, увеличив одновременно объем и серийность производства. Так, принятые в 1956 г. совместные решения о специализации станков позволили значительно сократить число типов станков, производимых каждой страной. Существенно способствовали росту производительности труда и экономии материальных ресурсов также меры по специализации производства автомобилей, вагонов, сельскохозяйственных машин, судов, энергетического оборудования, шарикоподшипников и некоторых других изделий.

Состоявшееся в Москве в мае 1958 г. Совещание представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран высказалось за еще более тесную увязку экономических планов. Было решено разработать во всех странах социализма перспективные планы развития их народного хозяйства на 10—15 лет, осуществлять более глубокую специализацию и кооперирование взаимосвязанных отраслей экономики на основе международного разделения труда. Эти программные положения успешно воплощаются в жизнь.

Координация планов во взаимосвязанных отраслях народного хозяйства — новая, присущая только социалистической системе форма международных экономических отношений. Она существенно расширила масштаб и сферу межгосударственного сотрудничества.

Координация хозяйственного строительства в странах социализма не означает, однако, что их экономика подчинена какому-то единому, общему для всех них плану. Нет, вырабатывая свои хозяйственные планы, они прежде всего руководствуются интересами национального развития и реконструкции. Но международная координация таких планов стала весьма эффективной формой объединения производственных усилий социалистических стран, от которого выигрывают каждая из этих стран и вся социалистическая система в целом.

Международным органом, при помощи которого правительства суверенных социалистических государств совместно и на добровольных началах подготавливают предложения о планомерном разделении труда, служит созданный в 1949 г. *Совет экономической взаимопомощи* (СЭВ).

СЭВ ни в коем случае не является директивным, надгосударственным органом, обладающим правом вмешательства в дела суверенных государств. В круг его задач входит лишь разработка и содействие проведению в жизнь мероприятий по специализации и кооперированию производства, по расширению товарообмена и научно-технического сотрудничества. В нем представлены Албания, Болгария, Венгрия, Германская Демократическая Республика, Польша, Румыния, Чехословакия и Советский Союз. В качестве наблюдателей в работе СЭВа и его органов участвуют представители народно-демократических стран Азии, которые своей практической деятельностью активно содействуют развитию сотрудничества между всеми странами социализма.

Объединение производственных усилий социалистических стран осуществляется не только через СЭВ, но и путем прямых контактов между органами государственного планирования. С помощью двусторонних комиссий по экономическому сотрудничеству осуществляется, например, кооперирование в производстве автомобилей, турбин и сельскохозяйственных машин между ГДР и Чехословакией; в вагоностроении — между Польшей и ГДР; в производстве оборудования для электростанций, черной металлургии и цементной промышленности — между СССР и ГДР.

Китайская Народная Республика, как и Советский Союз, занимает особое место в системе международного социалистического разделения труда. Эта огромная страна с населением в 650 млн. человек, как указал VIII съезд Коммунистической партии Китая в 1957 г., должна развивать целостную экономику, обеспечивающую развитие всех отраслей хозяйства и их вооружение необходимыми средствами производства. Это, однако, нисколько не ограничивает всестороннего и все углубляющегося экономического сотрудничества КНР с другими странами социалистического лагеря. Народный Китай развивает также специализированные отрасли экономики, ориентирующиеся на удовлетворение не только внутренних нужд, но и потребностей всего мирового социалистического хозяйства.

Международное социалистическое разделение труда принципиально исключает однобокое направление экономики отдельных стран, их узкую специализацию. Развитие отдельных видов производства в социалистических странах, обеспечивающее нужды всего социалистического лагеря, отвечает и непосредственным интересам этих стран, так как сочетается

с общим укреплением их производственной базы и повышением уровня народного благосостояния.

Ни одной стране социалистического лагеря, какой бы маленькой она ни была, не угрожает опасность превратиться в аграрно-сырьевой или какой-либо иной придаток к более сильному и экономически развитому государству. Гарантией против этого служит как идеология марксизма-ленинизма, так и сама экономическая природа мирового социалистического хозяйства. Впервые в истории народы социалистических стран, вырабатывая свои хозяйственные планы на будущее, могут руководствоваться только соображениями экономической целесообразности, а не соображениями престижа и конкуренции. Чувствуя за своей спиной поддержку и помощь всего мирового лагеря социализма, они могут спокойно направить усилия на развитие тех отраслей хозяйства, для которых у них существуют наилучшие естественные и социально-экономические условия.

Свои надежды иа будущее все социалистические страны связывают с успехами их сотрудничества в экономической области. Как отметил в своей резолюции XXI съезд КПСС, «дальнейшая межгосударственная специализация и кооперирование производства путем товарищеского согласования в планах взаимосвязанных отраслей народного хозяйства будут означать новый этап в развитии международного разделения труда в социалистических странах. Рациональное размещеиие производства, при котором гармонически сочетаются национальные интересы каждого социалистического государства с интересами укрепления и развития всего социалистического лагеря, является одним из важнейших источиков ускорения темпов роста производительных сил во всех социалистических странах»[4].

Характер экономических связей виутри мирового социалистического хозяйства

Разделение труда между социалистическими странами породило неизмеримо более разносторонние и тесные экономические связи, чем те, которые могли сложиться на почве антагонистического разделения труда, создаваемого капитализмом. Новое качество приобрели в связи с этим традиционные формы экономических связей.

Международная торговля, кредит и другие средства экономического обмена, вырабатывавшиеся веками, будучи поставлены на службу новым целям, наполнились иным содержанием. В то же время практика социалистического мирового рынка, хотя он существует сравнительно недолго, выдвинула и принципиально новые формы хозяйственного сотрудничества, неизвестные капитализму и немыслимые в его условиях.

Торговля, при посредстве которой осуществляются важнейшие производственные связи между социалистическими

странами, ведется государственными органами, а не отдельными фирмами или лицами, алчущими наживы. Она не сопровождается отчаянной конкурентной борьбой, приводящей к усилению анархии в экономике. В социалистических странах внешнюю торговлю регулируют и направляют правительства. Каждое из них руководствуется народнохозяйственным планом своей страны и в то же время учитывает потребности и перспективы народного хозяйства всех социалистических стран.

Вполне понятно, что страны социализма заинтересованы в долгосрочном планировании своих внешних экономических связей. Это необходимо, чтобы заранее знать свои обязательства, которые должны воплотиться в конкретные задания предприятиям, а также своевременно учесть внешние резервы, которые могут быть включены в фонд планового снабжения предприятий, районов, городов.

Социалистический мировой рынок, на котором обмен товаров планируется на несколько лет вперед, не подвержен конъюнктурным колебаниям. Он не знает трудностей сбыта, торговых барьеров и ограничений, замкнутых региональных группировок и предпочтительных тарифов. Емкость этого рынка неуклонно возрастает под влиянием планомерной специализации и кооперирования производства в рамках социалистической мировой системы.

Система цен мирового социалистического рынка имеет в качестве исходной базы цены, которые складываются во всемирной торговле. Однако цены в торговле между странами социализма очищены от спекулятивных наслоений мировых (монопольных) цен; они едины для одних и тех же товаров, стабильны в течение длительного времени. Социалистические страны так планируют цены, чтобы они способствовали наиболее рациональной кооперации производства и помогали экономически менее развитым социалистическим странам преодолевать свое отставание.

Рост товарообмена между социалистическими странами — убедительный показатель расширения и углубления их хозяйственных связей. С 1950 по 1957 г. товарооборот мирового социалистического рынка вырос в 2,6 раза, в то время как объем капиталистической торговли за это время увеличился только в 1,5 раза. На торговлю с социалистическими партнерами падает большая часть внешнего товарооборота каждой из стран социалистического лагеря. Во внешней торговле СССР торговля с социалистическим лагерем составляет примерно четыре пятых всего ее объема.

Наряду с торговлей важным средством экономических связей между социалистическими странами служит кредит. На мировом капиталистическом рынке кредит — это орудие, при помощи которого экономически более развитые страны

навязывают кабальные обязательства своим должникам. Недаром страну-кредитора чаще всего рисуют в виде шекспировского кровожадного ростовщика Шейлока. На мировом социалистическом рынке кредит впервые выполняет новые функции. Он служит средством оказания помощи и братской поддержки. Кредиты и займы предоставляются на максимально благоприятных условиях по самой низкой процентной ставке. Советский Союз большую часть поставок оборудования в социалистические страны осуществляет в кредит. По данным на 1959 г., в социалистических странах с помощью Советского Союза было построено и строилось 550 промышленных предприятий, в том числе примерно половина из них — в КНР. Серьезно помогают социалистической индустриализации других стран ГДР, Чехословакия и Польша. Китай, бурно развивающий свою социалистическую индустрию, оказывает помощь Демократической Республике Вьетнам.

Новым явлением, характерным лишь для международных социалистических отношений, стал *обмен научно-технической документацией*. На мировом капиталистическом рынке достижения науки, изобретения и открытия служат предметом купли и продажи. Патенты на изобретения — очень дорогой «товар». Чаще всего индустриально развитые страны избегают их продавать, чтобы затормозить развитие стран, отставших в технико-экономическом отношении. Мировому социалистическому рынку чужды такие нравы. Изобретения, технологическая документация, чертежи безвозмездно передаются друг другу братскими социалистическими государствами.

Каждая социалистическая страна готова сделать свои новейшие технические достижения достоянием всех других. Советский Союз, оказавшийся впереди в области мирного использования атомной энергии, выступил в 1956 г. инициатором создания Объединенного института ядерных исследований и поставил атомные реакторы ряду братских стран (КНР, ГДР, Чехословакии, Польше). Обмен достижениями науки обеспечивает огромную экономию сил и средств. Каждая из социалистических стран вносит свой вклад в общее дело, избавляя другие страны от мучительных и трудных поисков.

Международное социалистическое сотрудничество успешно осуществляется и в такой форме, как *помощь в подготовке специалистов* для различных отраслей народного хозяйства. Само собой очевидно, какую неоценимую пользу приносит такая помощь социалистическим странам, особенно тем из них, которые не имели современной промышленности и поставили своей задачей создать ее в исторически кратчайшие сроки.

Консолидации социалистических государств в одну экономическую систему способствует также получившая широкое распространение *практика совместного строительства предприятий,* создания межгосударственных энергетических систем, транспортных и гидротехнических сооружений. В настоящее время началось строительство международных линий электропередач, которые в недалеком будущем свяжут между собой все социалистические страны Европы.

Многосторонние и постоянно развивающиеся экономические связи социалистических стран ведут к их все большему хозяйственному и культурному сближению.

4. Экономические отношения социалистических стран с другими странами

Страны социалистической системы стремятся развивать экономические связи со всеми другими государствами, и в то же время они соревнуются с наиболее развитыми странами капитализма в деле быстрого подъема производства и производительности труда. Такое соревнование принципиально отличается от конкурентной борьбы, которая ведется капиталистами, добивающимися поражения своих конкурентов и господства над ними. Соревнование же социалистических стран с капиталистическими в развитии производства вовсе не направлено на принесение ущерба последним и не исключает экономического сотрудничества между социалистическими и капиталистическими странами. Напротив, оживленный международный товарообмен может быть выгодным как первым, так и вторым. Никому не следует бояться или избегать этого бескровного соревнования на экономическом поприще, которое служит противоядием от «холодной войны» и укрепляет дело мира.

Говоря о соревновании с капитализмом, социалистические страны, разумеется, не рассматривают весь несоциалистический мир как единое целое. На практике они соревнуются лишь со странами старого, развитого капитализма, добившимися наиболее высоких технико-экономических показателей. Что касается государств, делающих свои первые шаги по пути индустриального развития, то к ним социалистические страны не относятся как к соперникам. Наоборот, полностью понимая их стремления, они оказывают им все более широкую экономическую и научно-техническую помощь. Достаточно сказать, что Советский Союз еще в 1958 г. принимал участие в строительстве более 150 промышленных предприятий и других объектов в несоциалистических странах Азии и Африки, которым он поставляет в кредит оборудование и помогает в техническом отношении.

Теперь уже никто не может оспаривать, что эта дружественная позиция социалистического лагеря серьезно облегчила положение освободившихся народов. Трудно переоценить значение того факта, что молодые государства Азии и Африки не отданы на милость капиталистических монополий Запада и могут на выгодных условиях приобретать необходимые им машины и другие товары на мировом социалистическом рынке.

Несмотря на образование социалистического мирового рынка, остаются общие всемирные торговые отношения. Остается, следовательно, и всемирный рынок, воплощающий взаимосвязь двух мировых рынков. Считаясь с этим, социалистические страны, заинтересованные в использовании удобств, которые дает международное разделение труда, выступают за широкое развитие торговли между всеми государствами, независимо от их общественного строя, за устранение искусственных преград с ее пути.

Социалистическим странам есть что продать и странам развитого капитализма; они могут многое и купить у них, конечно на взаимовыгодных условиях. Но капиталистическим странам пора понять, что социалистическое хозяйство может успешно развиваться и в том случае, если оно будет опираться исключительно на собственные силы и ресурсы. Мировая система социализма располагает могучими производительными силами, неисчерпаемыми и разнообразными природными богатствами, которые делают ее независимой в экономическом отношении от капиталистических стран.

Залогом успеха в экономическом соревновании с высокоразвитыми капиталистическими странами служит то, что темпы роста производства в мировой социалистической системе значительно выше. В пределах этой системы, где проживает около трети всего населения земли, уже в настоящее время производится свыше одной трети всей мировой промышленной продукции. Ориентировочные подсчеты экономистов показывают, что в 1965 г. страны социализма будут давать более половины всей мировой промышленной продукции.

Мировая система социализма возникла совсем недавно, но она уже прочно вошла в жизнь всех составляющих ее стран. Наличие этой системы и сложившихся в ее рамках многообразных хозяйственных и культурных связей обеспечивает им наиболее благоприятные условия для сотрудничества, взаимной помощи и обмена опытом. Это особенно важно для стран, в прошлом отсталых в культурно-экономическом отношении, ибо дает им возможность развиваться особенно быстрыми темпами, преодолевая прежнее отставание. Вместо неравномерности развития, которая характерна для мировой системы капитализма, закономерностью социалистической

системы становится подтягивание отсталых стран до уровня передовых.

Международное сотрудничество социалистических стран — неотъемлемая часть их усилий по строительству нового общества, гарантия их грядущих побед. В то же время система социализма служит оплотом всеобщего мира, источником вдохновения и бодрости для сил национальной свободы, демократии, прогресса и социализма на всей земле. Поэтому-то трудящиеся социалистических стран и возглавляющие их марксистско-ленинские партии так оберегают единство и прочность мировой системы социализма, так дорожат ею.

ГЛАВА 26

ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ СОЦИАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

Построение социализма означает всемирно-историческую победу трудящихся. Вместе с тем оно кладет начало движению общества к коммунизму. Социалистический строй при всех его выдающихся достижениях все же представляет собой только первую ступень того нового, самого справедливого общества, построение которого есть конечная цель рабочего класса. Вот почему, достигнув социализма, трудящиеся под руководством марксистско-ленинской партии сразу же приступают к строительству коммунизма.

«...Социализм,— говорил Ленин,— есть то общество, которое вырастает из капитализма непосредственно, есть первый вид нового общества. Коммунизм же есть более высокий вид общества, и он может развиваться лишь тогда, когда вполне упрочится социализм»[1].

Между социализмом и коммунизмом нет какой-то стены. Это не два различных типа общества, а лишь *две фазы одной и той же общественной формации, отличающиеся одна от другой по степени зрелости.* Переход от социализма к коммунизму поэтому представляет собой *постепенный процесс.*

Постепенность следует понимать здесь в том смысле, что переход этот осуществляется путем совершенствования, а не ломки утвердившихся общественных отношений.

Коммунизм вырастает из социализма как его прямое продолжение. Уже в недрах социалистического общества возникают его зародыши и ростки. Эти ростки будущего, развивающиеся на социалистической почве, приведут на известной ступени подъема производительных сил к утверждению коммунизма. Разумеется, вступление в высшую фазу нового общества не может быть приурочено к какой-то определенной календарной дате, а будет совершаться непрерывно.

Из того, что переход от социализма к коммунизму происходит постепенно, не следует, что это процесс медленный. Напротив, этот переход отличается особенно высокими тем-

пами развития во всех областях общественной жизни, начиная от роста производства и кончая подъемом культуры и сознательности людей.

Какие факторы ускоряют это развитие?

Прежде всего, новые технические возможности, открываемые для производства современной наукой. Происходящая техническая революция позволяет в сравнительно короткие исторические сроки совершить громадный скачок в развитии производительных сил.

Далее, в период перехода к коммунизму общество все более овладевает законами своего собственного развития. Это дает возможность выбирать самые короткие пути, идти не на ощупь, а наверняка, добиваясь максимальных результатов ценой наименьших усилий.

В то же время темпы продвижения к коммунизму могут быть в решающей степени ускорены растущей активностью широчайших масс трудящихся. Строительство коммунизма — это не стихийный процесс, а результат творчества самих масс, их сознательного участия в подъеме общественного производства, в развитии культуры, в управлении государственными и хозяйственными делами.

Таким образом, хотя путь к коммунизму нелегок, социалистическое общество может проделать его в относительно короткие исторические сроки. Когда коммунистическая партия говорит, что коммунизм не за горами, этот вывод опирается на научный анализ реальных факторов, определяющих ход исторического развития.

1. Ленинская генеральная линия партии на новом этапе

Как объективные закономерности перехода от социализма к коммунизму, так и сознательное стремление трудящихся построить коммунизм находят свое концентрированное выражение в политике партии.

Вырабатывая свой политический курс на построение коммунизма, партия опирается на опыт предшествующего этапа. Ведь многие из задач, которые приходилось решать при переходе от капитализма к социализму, остаются в силе и в период построения коммунизма. И тогда и теперь главный путь подъема благосостояния трудящихся и создания материальных предпосылок социального и культурного прогресса — это путь непрерывного подъема производительных сил с упором на преимущественное развитие тяжелой промышленности. И тогда и теперь главное в работе партии — это организация повседневной деятельности рабочего класса и всех трудящихся по строительству нового общества. И тогда и теперь

одна из важнейших предпосылок успешного строительства нового общества — это борьба за мир и безопасность, за развитие дружбы и сотрудничества народов, за укрепление международной солидарности трудящихся.

Таких задач, общих для обоих этапов, немало. Они обусловливают глубочайшую связь и преемственность политики партии в период строительства социализма и в период строительства коммунизма.

Взяв курс на строительство коммунизма, партия конкретизирует и развивает свою ленинскую генеральную линию применительно к новым задачам, к новой обстановке, когда социализм окончательно победил и вопрос «кто кого?» внутри страны уже прочно и бесповоротно решен в пользу нового строя.

В Советском Союзе социализм был в основном построен в середине 30-х годов. На XVIII съезде партии (1939 г.) была поставлена задача постепенного перехода от социализма к коммунизму. Тогда партия и вступила на путь решения этой великой задачи. Однако мирная созидательная деятельность советского народа вскоре была прервана войной, заставившей сосредоточить все силы на защите социалистических завоеваний, а после войны — на восстановлении народного хозяйства разрушенных городов и сел. Выдержав тяжелейшие испытания в огне войны и обеспечив ликвидацию в исторически кратчайшие сроки последствий военных действий, социализм как общественно-экономическая система еще раз доказал свои решающие преимущества.

Война не могла свернуть страну с избранного ею пути. Партия не прекратила своих усилий, направленных на строительство коммунизма. В Уставе КПСС, принятом на XIX съезде (1952 г.), задача постепенного перехода от социализма к коммунизму была закреплена как главная задача партии.

Решающее значение в развитии линии КПСС на построение коммунизма имели XX съезд (1956 г.) и XXI съезд (1959 г.) партии. XXI съезд отметил, что Советская страна в результате глубочайших преобразований во всех областях общественной жизни, на основе победы социализма вступила в новый период своего развития — *период развернутого строительства коммунистического общества.* Программа нового мощного подъема экономики, культуры и материального благосостояния народа, изложенная в семилетнем плане развития народного хозяйства СССР, названа в резолюции съезда «конкретным воплощением ленинской генеральной линии партии на современном этапе» [2].

Выработанная партией политика предусматривает решение основных задач этого периода, идущих по следующим направлениям:

всестороннее развитие производительных сил, обеспечивающее создание материально-технической базы коммунизма; всемерное форсирование технического прогресса, непрерывный рост производительности труда и на этой базе — неуклонное повышение жизненного уровня народа, достижение первенства СССР в мирном экономическом соревновании с наиболее развитыми капиталистическими странами;

укрепление государственной социалистической собственности, подъем кооперативно-колхозной собственности до уровня общенародной; постепенное стирание граней между городом и деревней, между людьми умственного и людьми физического труда и на этой основе — постепенное устранение классовых и других социальных различий в советском обществе;

усиление идейно-воспитательной работы, преодоление пережитков капитализма в сознании людей, повышение коммунистической сознательности трудящихся;

дальнейшее совершенствование советского социалистического строя, развитие социалистической демократии, расширение функций общественных организаций, развитие активности и самодеятельности широких народных масс;

последовательное проведение внешней политики, направленной на упрочение всеобщего мира на основе ленинского принципа мирного сосуществования стран с различными социальными системами, укрепление мировой социалистической системы.

Таким образом, политика партии, отвечая конкретным практическим потребностям текущего момента, в то же время нацелена на решение перспективных задач огромного исторического масштаба — задач строительства коммунизма. Сила и жизненность этой политики партии в том, что она опирается на знание закономерностей общественного развития и пользуется безраздельной поддержкой народных масс, высшие интересы которых она выражает.

Коммунистическая партия Советского Союза, ее Центральный Комитет во всеоружии встретили новые задачи, вставшие перед страной в период развернутого строительства коммунизма, и решают их в подлинно ленинском стиле.

Большое значение имело решительное преодоление последствий ошибок, допущенных И. В. Сталиным в последние годы его жизни, особенно отрицательно сказавшихся на положении дел в сельском хозяйстве, государственном и партийном строительстве.

Деятельность КПСС, как руководящей силы общества, строящего коммунизм, носит в высшей степени новаторский характер. Творчески применяя принципы марксизма-ленинизма, партия не останавливается перед смелой ломкой устаревших методов работы и форм организации, перед решительной заменой их новыми, более отвечающими обстановке.

Вот некоторые примеры из практики самых последних лет: изменение практики планирования в области сельского хозяйства; продажа колхозам сельскохозяйственной техники, принадлежавшей МТС; отмена обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов и переход к системе закупок; реорганизация системы управления промышленностью и строительством; расширение прав союзных республик и местных органов власти. Все это свидетельствует о размахе новаторской деятельности партии.

Другая характерная черта руководящей деятельности партии — тесная связь с массами, хорошее знание жизни народа, постоянная забота о его благе. Партия стремится по всем важнейшим вопросам советоваться с рабочими, колхозниками, интеллигенцией, узнавать их настроения и мнения, учитывать их при составлении планов на будущее. Для этого все шире используются такие новые формы и методы, как проведение совещаний по отдельным вопросам коммунистического строительства, организация всенародного обсуждения народнохозяйственных планов, законопроектов и т. д. Партийные руководители теперь часто выезжают на места с целью лучшего ознакомления с положением дел. Пленумы Центрального Комитета становятся той трибуной, с которой ставятся и обсуждаются перед страной самые существенные, узловые вопросы строительства коммунизма. С этой трибуны слышны теперь голоса не только виднейших руководителей и деятелей партии и ее местных организаций, но и голоса беспартийных передовиков производства, специалистов и ученых.

КПСС не смогла бы добиться успеха в проведении политики развернутого строительства коммунизма, если бы она не ликвидировала допущенные в прошлом нарушения внутрипартийной демократии, если бы новое руководство Центрального Комитета не совершило крутого поворота к *ленинским принципам и нормам партийной жизни.* Нынешнее руководство КПСС — это подлинно коллективное руководство. Восстановлена практика регулярного созыва партийных съездов и пленумов ЦК, причем их роль в жизни партии возрастает из года в год. Партия дает пример смелой критики и самокритики, открыто вскрывая перед народом недостатки и указывая пути их исправления.

Развивая внутрипартийную демократию, поддерживая инициативу и самодеятельность партийных организаций, поощряя активность рядовых членов партии, КПСС в период перехода к коммунизму подняла всю свою деятельность на еще более высокий уровень.

Исторические победы, одержанные за последние годы в коммунистическом строительстве, показывают, что ленинский ЦК КПСС и его руководство правильно поняли требования

нового исторического периода и положили их в основу всей своей работы. Лишь ничтожная кучка отщепенцев — Маленков, Молотов, Каганович, Булганин и Шепилов — восстала против ленинской генеральной линии партии, поддержанной всем народом. Эта антипартийная группа, пустив в ход интриганские приемы фракционной борьбы и нарушив выработанное Лениным решение X съезда РКП(б) «О единстве партии», попыталась свернуть партию и страну с ленинского пути, но потерпела полное идейное и политическое крушение. Разгромив антипартийную группу окостеневших консерваторов, оторвавшихся от жизни и народа, партия окончательно расчистила путь для быстрого движения вперед и твердо указала на принципиальную необходимость по-ленински смелой, новаторской политики в период развернутого строительства коммунизма.

Великое дело выполняют Коммунистическая партия Советского Союза и ее Центральный Комитет, неустанно и последовательно борясь за мир во всем мире, против сил империализма и агрессии. Разрядка международной напряженности, обеспечение прочного и длительного мира рассматриваются партией как необходимое условие успешного осуществления планов коммунистического строительства. Поэтому ЦК КПСС, Советское правительство не жалеют ни времени, ни сил на то, чтобы добиваться мирного разрешения всех спорных вопросов, устранять источники международных конфликтов, развивать дружественные отношения и плодотворное сотрудничество между государствами и народами. В проведении внешней политики ЦК КПСС показал образец сочетания высокой принципиальности с политической гибкостью и мудрой смелостью. Внешнеполитическая активность Советского правительства за последние годы обогатила международную практику такими чрезвычайно важными методами развития дружбы народов, как взаимные визиты политических и культурных делегаций, личные контакты государственных деятелей, встречи и совещания на высшем уровне и др.

Кипучая, творческая деятельность КПСС привела к дальнейшему повышению ее авторитета как внутри страны, так и за границей. Сознательные рабочие во всем мире видят в КПСС образец преданности высоким принципам пролетарского интернационализма, верность которым она хранит со дня своего основания. Братские партии и народы других социалистических стран по праву рассматривают КПСС как своего близкого товарища и великого друга. Повседневная моральная и материальная помощь, свободная от корыстных мотивов и не рассчитанная на извлечение каких-либо выгод и преимуществ,— такова политика КПСС и Советского государства в отношении стран социалистического лагеря.

2. Создание материально-технической базы коммунизма

Переход к коммунизму немыслим без изобилия материальных и духовных благ: промышленных товаров, продовольствия, жилищ, предметов культурного обихода и мест отдыха трудящихся. Это предполагает гигантский рост производства во всех отраслях промышленности, сельского хозяйства, транспорта и строительства. Фактически речь идет о новом огромном скачке в развитии производительных сил.

Громадные возможности и преимущества социалистической системы делают решение этой величественной задачи вполне реальным, причем в короткие исторические сроки.

Комплексная механизация и автоматизация производства

Главное направление в борьбе за быстрый рост производства — завершение механизации всех трудовых процессов и вытеснение ручного труда из всех отраслей народного хозяйства.

Опыт показывает, что, как бы ни был высок уровень механизации тех или иных звеньев производства, пока между ними вклиниваются ручные операции, общая экономическая эффективность новой техники остается недостаточной и производительность труда растет медленно.

Подлинное решение может дать лишь *комплексная механизация*, т. е. применение машин не только в основных, но и во вспомогательных процессах производства. Широкое осуществление комплексной механизации и автоматизации — это основной путь технического прогресса, ведущий к созданию материально-технической базы коммунизма. Уже семилетним планом развития народного хозяйства СССР (1959—1965 гг.) ставится задача вытеснить тяжелый ручной труд на основе завершения комплексной механизации производственных процессов в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте, на погрузочно-разгрузочных работах, в коммунальном хозяйстве.

Принципиальное значение комплексной механизации состоит в том, что она требует создания в каждой отрасли производства системы взаимно дополняющих друг друга машин, а это решающим образом подготовляет *автоматизацию* — высшую форму современного машинного производства. Автоматизация означает осуществление производственного процесса без участия человека, а лишь под его контролем. Если механизация избавляет человека от бремени тяжелого физического труда, то автоматизация освобождает его и от излишнего нервного напряжения.

В ряде областей производства автоматизация становится прямой технической необходимостью. Скорости многих технологических процессов настолько возросли, а требования точности настолько повысились, что человек с его органами

чувств не в состоянии непосредственно управлять такими процессами. Их могут контролировать только автоматические устройства.

Подлинный переворот в области автоматизации несут с собой электронные машины. Они заменяют труд человека в такой области, как контроль и управление автоматической системой машин. Современное автоматизированное производство — это система усовершенствованных машин и станков, управляемых электронными вычислительными машинами. При помощи электронного «мозга» можно управлять производственным процессом по весьма сложной программе. Передача машинам счетных, аналитических и регулирующих функций освобождает человека от многих однообразных и утомительных умственных усилий.

Об автоматизированных предприятиях будущего дают представление те заводы-автоматы, которые уже работают в Советском Союзе. Так, ламповый завод-автомат, обслуживаемый тремя рабочими, дает 30 тыс. ламп в смену. Автоматизированный завод, производящий автомобильные рамы, выпускает их по 12 тыс. штук в сутки, выполняя труд 18 тыс. рабочих. На одном из заводов Советского Союза уже в течение нескольких лет работает автоматическая линия сборки, выпускающая 1000 радиоприемников в день. Эту линию обслуживают всего два человека.

Разумеется, это еще только начало. Пока в Советском Союзе и других социалистических странах имеется лишь немного автоматических линий, автоматизированных цехов и отдельные заводы-автоматы. Но уже развиваются отрасли, где весь технологический процесс основан на автоматике (атомная промышленность, некоторые отрасли химического производства, гидроэлектростанции).

В настоящее время в технической политике социалистических государств взят решительный курс на широкое внедрение автоматизации в разные отрасли народного хозяйства. Достаточно сказать, что только в советском машиностроении за ближайшие семь лет предполагается ввести в эксплуатацию 1300 автоматических линий. Предусматривается автоматизация основных производственных процессов в решающих отраслях индустрии, особенно в цветной металлургии, в химической, нефтяной, легкой, пищевой и целлюлозно-бумажной промышленности.

Тенденции в развитии автоматического производства определились уже достаточно ясно: от автоматических станков, линий и цехов дело идет к заводам-автоматам, а затем к полной автоматизации целых отраслей промышленности. В будущем возникнет новый тип народного хозяйства, где автоматизированное производство будет *преобладающим*. Такой, и только такой, может быть производственная техника комму-

низма, цель которого завершить освобождение человека от тяжелого, монотонного труда и сберечь его умственную энергию для творческих целей.

Социалистическая автоматизация ничем не угрожает трудящимся. Наоборот, они приветствуют ее, так как она сильно облегчает их труд и позволяет сократить рабочий день без снижения заработной платы. Капиталистическая автоматизация, как известно, вызывает серьезную тревогу в рабочем классе, ибо она влечет за собой рост безработицы и падение заработной платы значительных масс трудящихся.

Конечно, социалистическая автоматизация также вызывает сокращение количества рабочих на том или ином предприятии или даже в целой отрасли промышленности. Но это не создает проблемы занятости, так как высвобождаемые в результате автоматизации рабочие тут же находят место на новых предприятиях и в новых отраслях производства. Заботу о трудовом устройстве, переобучении и повышении квалификации работников берет на себя социалистическое государство.

Новые отрасли производства

Громадный рост выпуска продукции сулит развитие новых способов и новых отраслей производства. Научно-техническая революция нашего времени вызвала к жизни ряд таких отраслей. Крупнейший комплекс их возник прежде всего в связи с современными успехами в области *химизации производства.*

Под химизацией подразумевается не только развитие химической промышленности, но и внедрение химической технологии и химических методов в другие отрасли производства. Трудоемкая механическая технология все более уступает место химической. Сама же химическая промышленность превращается в одну из ведущих отраслей экономики. Химизация производства призвана, таким образом, сыграть первостепенную роль в создании материально-технической базы коммунизма.

В современных условиях нет такого производства, которое не потребляло бы в той или иной мере химической продукции. До недавнего времени промышленность и техника пользовались преимущественно теми материалами, которые давала природа. Искусственные материалы рассматривались как суррогаты, неспособные полноценно заменить натуральное сырье. Теперь превосходство многих синтетических материалов над натуральными вполне доказано. Современная химия создает материалы с заранее заданными свойствами. Многое из того, что ею создается, превосходит по своим качествам все известные в природе материалы, притом обходится гораздо дешевле.

Уже теперь ясно, что современная техника вступает в такую фазу развития, когда важнейшими материалами, из

которых создается тело машин и других орудий производства, станут продукты синтетической химии, и в первую очередь полимеры, т. е. высокомолекулярные соединения. По подсчетам ученых, в ближайшие десятилетия производство полимеров по весу сравняется с выплавкой стали.

Правильно оценивая великие возможности химии, социалистические страны принимают меры к ускоренному развитию этой важной отрасли тяжелой индустрии. В Советском Союзе только за семилетие (1959—1965 гг.) общий объем производства химической продукции увеличится почти в *три* раза. Широкое развитие получит производство синтетических материалов. Выпуск искусственного волокна увеличится почти в четыре раза, а пластмасс и синтетических смол — более чем в семь раз.

Наряду с синтетической химией все более широкое развитие получают радиоэлектроника, промышленность полупроводников, ракетостроение и другие новые отрасли. Вместе с тем многие старые отрасли (например, угольная и металлообрабатывающая промышленность, строительство) переживают революцию, оснащаются совершенно новой техникой и меняют свою технико-экономическую структуру. По существу они превращаются в новые отрасли.

Знаменосцы технического прогресса, социалистические страны всемерно форсируют развитие химического производства и других новых отраслей, ускоряя тем самым создание материально-технической базы коммунизма.

Развитие энергетики

Чтобы приводить в движение растущие производительные силы общества, совершающего переход к коммунизму, понадобятся мощные источники энергии. Важнейшим видом ее ныне является электрическая энергия.

Ленинская формула: *«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»* — определяет роль, которую призвана играть электроэнергия как важнейшая часть материально-технической базы нового общества. Под электрификацией В. И. Ленин подразумевал не только строительство электростанций, но и развитие всего общественного производства на новейшей технической основе.

Огромные и все возрастающие масштабы потребления электроэнергии выдвигают на первое место задачу изыскания дешевых способов ее производства. Социалистическое плановое хозяйство позволяет наиболее рационально использовать все источники для производства электроэнергии: уголь, нефть, газ, торф, сланцы — и самый экономичный и долговечный среди них — водные ресурсы.

Опыт Советского Союза показал, что для ускоренного наращивания энергетических мощностей важно наряду с крупными гидроэлектростанциями строить также тепловые электро-

станции. Их можно сооружать сравнительно дешево и быстро. Правда, тепловая станция дает электроэнергию несколько более дорогую, чем крупная гидроэлектростанция. Но, как гласит поговорка, вдвойне дает тот, кто дает быстро. Преимущественное строительство тепловых электростанций на базе дешевых углей, природного газа и мазута выбрано в СССР в качестве основного направления в развитии электроэнергетики в 1959—1965 гг.

Электрическая энергия должна проникнуть во все сферы промышленного производства, сельского хозяйства и быта города и деревни. Территории социалистических стран покроются в будущем единой сетью высоковольтных передач. В Советском Союзе в ближайшие годы будут созданы единые энергетические системы Европейской части страны и Центральной Сибири, а также объединенные энергетические системы в районах Северо-Запада и Запада, Закавказья, Казахстана и Средней Азии.

Новая эра в развитии современной энергетики началась с пуском в СССР первой в мире атомной электростанции (1954 г.), вслед за которым развернулось строительство атомных электростанций общей мощностью в 2—2,5 млн. *квт*. Теперь уже установлено, что строительство и эксплуатация атомной электростанции в 200 тыс. *квт* обходится не дороже, чем тепловой электростанции той же мощности, а при мощности в 400—500 тыс. *квт* производство электроэнергии на атомной станции становится более выгодным, чем на тепловой. Огромное преимущество атомных электростанций в том, что они не требуют больших расходов на доставку топлива. Обычная электростанция мощностью в 100 тыс. *квт* ежедневно поглощает 20—30 вагонов угля. Для атомной электростанции такой же мощности достаточно 500 *кг* урана в год. Такой груз можно доставить самолетом за один рейс. Это значит, что атомные электростанции можно строить в таких районах, где нет или почти нет источников энергии, необходимых для производства электричества.

Еще более грандиозные преобразования в энергетике сулит овладение *управляемой термоядерной реакцией.* Тогда источником энергии станет имеющийся повсюду в изобилии водород. Общество навсегда избавится от необходимости изыскивать и пополнять запасы энергии.

Знаменательно, что возможность мирного использования атомной энергии была впервые реализована в социалистическом государстве. Только социализм может по-хозяйски распорядиться этим новым видом энергии, поставить на службу обществу могущественные силы атома, которые капитализм замышляет использовать для уничтожения людей.

Атомная энергетика, несомненно, войдет неотъемлемой частью в материально-техническую базу коммунистического

общества. Она позволит постепенно осуществить такие проекты, которые сегодня кажутся непосильными (орошение пустынь, изменение течения рек, улучшение климата и т. п.).

Техническая революция в сельском хозяйстве

Сельское хозяйство до сих пор остается той областью, где человек больше всего зависит от стихийных сил природы. Производительность в сельском хозяйстве значительно ниже, чем в промышленности; здесь очень велик объем ручного труда. Хотя уже при социализме осуществляется широкая реконструкция сельского хозяйства, остается еще многое сделать, чтобы подтянуть его до уровня промышленности. И здесь основное направление — это создание системы машин, комплексная механизация. Предстоит также внедрить в сельскохозяйственное производство новейшие достижения агрохимии и агробиологии. Кроме того, нужна широкая электрификация деревни, резкое увеличение энерговооруженности сельскохозяйственного труда. Речь идет, следовательно, о подлинной технической революции в сельском хозяйстве.

В сельском хозяйстве Советского Союза в последние годы уже начала складываться система машин, необходимых для комплексной механизации. Значительно повысился удельный вес тракторов, оборудованных гидравлической системой для работы с навесными орудиями. В связи с этим отпадает надобность в дополнительном работнике, который раньше управлял прицепными орудиями. Внедрение квадратно-гнездового посева и посадки пропашных культур позволило механизировать одну из наиболее трудоемких отраслей земледелия. Развернулись работы по комплексной механизации производства технических культур, а также овощеводства и животноводства.

Изобретение советского тракториста И. Г. Логинова, который сконструировал прибор для автоматического управления трактором с помощью копирующего устройства, показало, что механизация создает предпосылки для внедрения автоматики и в земледелие.

Помимо механизации огромным резервом повышения производительности труда в сельском хозяйстве служит правильное использование земли — важнейшего средства производства. В отличие от других средств производства земля не подвергается износу. Если землю правильно обрабатывать и удобрять, широко используя химические удобрения, то ценность ее еще больше возрастает. Химия призвана также избавить работников сельского хозяйства от огромных затрат ручного труда в борьбе с сорняками и вредителями.

Производительность труда в социалистическом сельском хозяйстве можно значительно поднять, внедряя высокоурожайные сорта семян и выращивая породистый скот. Современ-

ная агробиологическая наука позволяет творить чудеса. Повсеместное использование лучших сортов семян, созданных селекционерами, дало бы увеличение урожая в несколько раз. Заменив обычный скот породистым, можно получать во много раз больше мяса и молока.

Комплексная механизация, химизация и агробиология — вот те рычаги, с помощью которых темпы роста сельскохозяйственного производства повышаются в такой степени, что его отставание от промышленности постепенно будет ликвидировано. По мере продвижения к коммунизму сельскохозяйственный труд все более превращается в разновидность труда индустриального.

Социалистическое государство щедро финансирует механизацию сельского хозяйства. В Советском Союзе за пятилетие 1953—1958 гг., которое положило начало крутому подъему сельского хозяйства, было вложено в механизацию, строительство производственных зданий и сооружений в деревне почти в *два с половиной* раза больше средств, чем за предыдущее пятилетие. О быстрых темпах механизации социалистического сельского хозяйства убедительно говорит то, что к 1965 г. намечается произвести для сельского хозяйства более 1 млн. тракторов, около 400 тыс. зерновых комбайнов и большое количество других машин и оборудования. За этот же период предусматривается завершить в основном электрификацию всех колхозов страны.

Возрастающая роль науки

Без науки современное производство не может ступить и шагу. Это особенно верно, когда речь идет о развернутом строительстве коммунизма. В открытиях науки и в достижениях инженерно-конструкторской мысли заложены огромные резервы для ускоренного создания материально-технической базы будущего. Наступает время, которое предвидел Маркс,— время, когда наука превращается в непосредственную производительную силу.

В социалистических странах научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, конструкторские бюро, заводские лаборатории сосредоточивают свои усилия на решении важнейших научно-технических проблем. Расширена экспериментальная база и значительно улучшена оснащенность лабораторий. В СССР в 1957 г. было 2756 научных учреждений. Это в полтора раза больше, чем было до войны, и в 9,5 раза больше, чем в дореволюционной России.

Строительство атомных электростанций, спуск на воду атомного ледокола, выпуск самолетов, воплотивших в себе последние достижения науки и техники, создание межконтинентальных баллистических ракет и многие другие достижения свидетельствуют о выдающихся успехах советской науки и техники. Вершина нынешних научных и технических дости-

жений СССР — запуск первых в мире искусственных спутников Земли и осуществление космического полета с Земли на Луну. Жизнь показала, что социалистическая наука уже превзошла в ряде отраслей научные достижения самых развитых капиталистических стран.

Как никогда раньше, жизненно важное значение приобретает теперь задача быстрейшего внедрения открытий науки в практику, в производство. История науки знает множество примеров того, как открытие нового явления или нового закона природы приводило к сдвигам огромного значения в практике. Характерный пример — атомная энергия. Здесь наука и техника встретились с новой областью явлений, с новыми процессами и закономерностями, зачастую не имеющими ничего общего с теми, которые использовались в технике доатомной эры. Крупные теоретические исследования в области ядерной физики, которые ведутся в нашей стране, сочетаются с огромного масштаба работой в области практического овладения ядерной энергией и применения ее. В свою очередь атомная техника служит мощным стимулом развития ядерной физики — этой самой передовой области естествознания нашей эпохи.

Особая роль принадлежит отраслям науки, прокладывающим новые пути для технического прогресса, революционизирующим производство. Это ядерная физика, наука о полупроводниках, химия полимеров, радиоэлектроника и т. д. Крупнейшие научные проблемы возникают на «стыках» различных наук — химии, физики, биологии, медицины. Этим объясняется быстрое развитие в наше время таких наук, как биофизика и биохимия, которые наряду с решением других теоретических проблем изучают механизм создания живыми организмами высокомолекулярных соединений — белка, шерсти, натурального каучука и др., с тем, чтобы учиться воспроизводить их искусственным путем.

Величайшие перспективы для дальнейшего развития науки и техники открывает создание и дальнейшее усовершенствование электронно-счетных машин. Кроме того, что они дают возможность автоматизировать управление машинами, с их помощью выполняются очень сложные логические процессы (например, перевод с одного языка на другой). Тем самым в огромной степени расширяются возможности самого научного исследования, облегчается труд ученых.

Огромные результаты принесет человечеству углубление познания закономерностей, управляющих существованием и развитием животного мира. Такие открытия, как обнаружение мира микробов, явлений иммунитета, разработка принципов химиотерапии, уже привели к тому, что практически исчезли многие болезни, ранее уносившие неисчислимые жертвы (оспа, чума, холера, бешенство и пр.), а другие стали успешно

излечиваться (воспаление легких, многие формы туберкулеза и т. д.). Следствием этого явилось значительное удлинение средней продолжительности жизни человека: она на протяжении первой половины нашего века увеличилась примерно на двадцать лет. В настоящее время главные причины смертности — злокачественные опухоли (из каждых шести умерших один — жертва рака) и сердечно-сосудистые заболевания. Когда наука победит и эти болезни, продолжительность жизни человека еще более возрастет.

Биология призвана перевооружить не только медицину. Ей предстоит сыграть огромную роль в подъеме сельскохозяйственной науки, в особенности в связи с применением в биологии достижений физических и химических наук. Тогда еще более эффективно будут служить подъему продуктивности сельского хозяйства такие науки, как биохимия, агрохимия, биофизика, микробиология, вирусология, селекция и генетика.

Совершенствуя производство, социалистические страны опираются не только на достижения отечественной науки, но учитывают и используют опыт и успехи мировой науки и техники. Коммунистическая партия ведет решительную борьбу против самодовольства и зазнайства, которые могут появиться у некоторых хозяйственников и специалистов под влиянием одержанных социалистической экономикой и наукой побед. Наука и техника не стоят на месте, и тот, кто, залюбовавшись сделанным сегодня, склонен почить на лаврах, рискует завтра оказаться в числе отстающих.

Консерватизм и шаблон всегда были злейшими врагами научного и технического прогресса. В период перехода к коммунизму рутинерство, отсутствие вкуса к новой технике и внедрению научных достижений в производство способны причинить особенно большой вред. Необходимо постоянно следить за тем, чтобы в народное хозяйство внедрялись самые передовые методы, чтобы непрерывно обновлялся станочный парк предприятий, чтобы машиностроители выпускали только новые и современные машины и станки, своевременно снимая с производства морально устаревшие конструкции.

Совершенствование организации производства

Новая техника, открытия науки, как бы велики они ни были, сами по себе не могут привести к коренным сдвигам в промышленности и сельском хозяйстве. Чтобы получить от них должный народнохозяйственный эффект, нужно умело использовать их, нужна хорошая *организация производства.*

Когда говорят об организации производства в социалистической плановой экономике, то имеют в виду как отдельное предприятие, так и экономический район, отрасль промышленности, все народное хозяйство в целом.

Несомненно, что на каждом социалистическом предприятии таятся огромные резервы для лучшего использования техники, экономии сырья, материалов и энергии, для сокращения потерь труда, резкого повышения качества продукции. Сокращение издержек производства на единицу продукции, облегчение труда людей — к этому в конце концов сводится всякая рациональная организация производственного процесса. Путь к ней лежит через последовательное осуществление принципов хозрасчета. На весь период перехода от социализма к коммунизму совершенствование системы хозрасчета, умелое использование стоимостных, денежных рычагов остается важнейшей задачей. Правильное сочетание материальных и моральных стимулов помогает вовлекать каждого работника, целые производственные коллективы в борьбу за рационализацию производства, за экономию затрат труда и материалов.

Огромные возможности для роста производства во всем иародном хозяйстве открывает дальиейшее развитие и совершенствование *специализации и кооперирования.* Опытом доказаио, что вместо выпуска иа миогих заводах однотипных изделий куда выгоднее организовать массовое изготовление их поточным методом на небольшом числе специализированных предприятий. Это позволяет резко поднять производительиость труда, удешевить продукцию и, что особенно важно,— открывает дорогу для широкого внедрения автоматики.

Учитывая преимущества специализации, Советский Союз и другие социалистические страны постепенно переходят от универсальных предприятий к специализированным. Специализированное производство, естественно, предъявляет повышенные требования к плановым органам, призванным обеспечить четкое кооперироваиие в промышлеиности. Это тем более важно, что по мере развития специализации взаимозависимость отдельных звеньев народного хозяйства сильно увеличивается. Работа каждого предприятия все больше зависит от выполнения заводами-смежниками их обязательств по производственному кооперированию.

Повышению производительности общественного труда способствует *правильное размещение производства по районам страны.* Близость предприятий к источникам сырья и энергии удешевляет производство, делает ненужными большие транспортные расходы. Не случайно по семилетнему плану Советского Союза предусматривается значительная передвижка производительных сил в восточные районы, где расположены богатейшие ресурсы сырья и дешевой эиергии. Большое внимание правильному географическому размещению производительиых сил уделяют и другие социалистические страны. Этот фактор учитывается и при размещении производства в масштабах всей мировой социалистической системы.

Важная сторона организации производства — структура *управления хозяйством.* При переходе к коммунизму принцип демократического централизма, который лежит в основе организации управления социалистическим народным хозяйством, получает дальнейшее развитие.

Проведенная в 1957 г. в Советском Союзе коренная перестройка системы управления промышленностью и строительством перенесла центр тяжести руководства в административные экономические районы, где были образованы советы народного хозяйства. Это создало условия для более целесообразной специализации и кооперации производства, а следовательно, для большего обобществления труда и роста его производительности. Пленум ЦК КПСС в июне 1959 г. отметил: *«Крупные успехи в развитии нашей экономики свидетельствуют о том, что образование советов народного хозяйства явилось поистине революционной мерой в совершенствовании форм управления промышленностью и строительством»* [3].

Но децентрализация руководства хозяйством — только одна сторона дела. Другая его сторона — улучшение методов централизованного планирования и координации всех отраслей хозяйства и экономических районов. Центральные плановые учреждения, роль которых непрерывно возрастает, ибо хозяйство становится более сложным, а четкая координация специализированных отраслей и экономических районов — еще более необходимой, будут постепенно превращаться из административных органов в научно-технические советы.

Изменение характера труда

Переход к технике коммунизма преображает и характер труда, и производственные навыки человека, и его духовный мир. Уже комплексная механизация и автоматизация ведут к вытеснению малоквалифицированного труда. Постепенно исчезают тяжелые и вредные профессии. Производственный труд вообще облегчается за счет механизации, из него одна за другой исключаются механические, монотонные и утомительные для рабочего операции. Появляются новые профессии — автоматчиков, настройщиков, наладчиков оборудования, которые выступают в качестве руководителей машинных процессов. В их работе все большее место занимают функции умственного труда. На автоматических линиях труд рабочего приближается по своему типу к труду инженерно-технических работников. На заводах-автоматах уже нужны математики-программисты, разрабатывающие производственные задания машинам, высококвалифицированные прибористы.

Развитие производительных сил ведет к серьезным сдвигам в профессиональном составе рабочего класса. В нем повышается доля высококвалифицированных рабочих ведущих профессий. Быстро растет общеобразовательный и общекультурный уровень трудящихся. В промышленности СССР уже

теперь *около трети* всех рабочих окончили среднюю или неполную среднюю школу. Все большую роль в производственном процессе играет труд инженерно-технических работников, конструкторов, технологов, сотрудников заводских лабораторий и экспериментальных отделов и цехов.

Таким образом, в процессе социалистического производства выковывается новый облик рабочего, который станет характерным для труженика будущего, коммунистического общества. Это сознательный и образованный, высококвалифицированный специалист своего дела, обладающий в то же время широким техническим кругозором. Постепенно вырисовывается и путь, на котором будет найдено решение великой проблемы человечества — освобождения людей от порабощающего их старого разделения труда.

Эта проблема будет решена не тем, что сократится количество сфер приложения труда, т. е. отраслей производства. Наоборот, ведущей тенденцией современного технического прогресса является дальнейшая специализация производства, и нет оснований предполагать, что в будущем она изменится. Но узкая специализация *производства* не означает узкой специализации *людей*. Наоборот, технический прогресс явственно обнаруживает и другую тенденцию, а именно: чем дальше идет прогресс науки и техники, тем большее значение приобретают общие принципы научных знаний, на которых основываются все современные процессы производства. С этим связана возможность подготовки людей, знакомых с основами многих наук и производственных процессов и способных поэтому в самый короткий срок освоить работу в различных отраслях производства соответственно нуждам общества и личным склонностям.

В то же время с развитием механизации и особенно автоматизации труд в различных отраслях производства и *по форме* приближается к одному и тому же роду деятельности — к регулированию и руководству машинными процессами.

Так постепенно складываются предпосылки для все более легкого перехода работников из одной сферы производства в другую. А это значит, что создаются условия для устранения пожизненного прикрепления к одной профессии, которое вело, как говорил Маркс, к подавлению всего мира духовных способностей человека.

3. Постепенное стирание классовых и других социальных различий

Вместе с развитием производительных сил происходят по мере движения к коммунизму и глубокие преобразования в области общественных отношений. Основное направление

этих преобразований — постепенное стирание классовых и других социальных различий, связанных с неравенством людей, приближение к фактическому равенству всех.

При социализме, как известно, еще имеются классы — рабочий класс и крестьянство. Это связано с наличием двух форм общественной собственности, с сохранением разницы между городом и деревней, с существованием разных форм распределения материальных благ. При социализме остается и деление общества на людей умственного и людей физического труда.

Но различия между формами социалистической собственности, как и разница между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, в ходе строительства коммунизма неуклонно сглаживаются. Соответственно стираются и различия между классами и другими социальными слоями.

Путь к единой общественной собственности

Существование двух форм общественной собственности — самая глубокая основа сохранения остатков классовых различий при социализме. Поэтому сближение двух форм собственности сыграет решающую роль в преодолении этих различий.

Устранить разницу между государственной и кооперативно-колхозной собственностью нельзя никакими искусственными мерами, она сотрется в конечном счете лишь в результате развития производительных сил. Материальную основу их сближения составляет процесс обобществления производства, который отнюдь не останавливается при социализме. Наоборот, этот процесс развивается внутри обеих форм собственности. Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве увеличивается концентрация производства, т. е. масштабы предприятий и их оснащение техникой; одновременно расширяется общественное разделение труда — специализация и кооперирование предприятий и экономических районов. Народное хозяйство все более превращается в единый, хорошо слаженный организм.

В соответствии с этим оба сектора социалистической экономики — государственный и кооперативный — все теснее переплетаются. На основе производственных связей между ними возникают экономические предпосылки для постепенного подтягивания кооперативного сектора до уровня сектора общенародного. Однако при общей тенденции к сближению двух форм собственности каждая из них совершенствуется своим особым путем.

Государственная, т. е. общенародная, собственность все более увеличивает свой удельный вес в народном хозяйстве. Происходит это по двум причинам. Во-первых, гигантски возрастают находящиеся в руках государства *производственные* фонды. По мере движения к коммунизму социалистическое

общество становится все более индустриальным. Во-вторых, быстро растут принадлежащие государству *непроизводственные фонды* — учреждения науки, культуры, просвещения и здравоохранения, а также коммунальные предприятия.

Социализм начинает с перехода в общественную собственность основных средств *производства*. Однако на этом процесс обобществления не останавливается. С приближением к коммунизму государственная, общенародная собственность постепенно должна охватить и всю сферу *обслуживания*. Это значит, что удовлетворение многих индивидуальных потребностей, которые сегодня обслуживаются в основном домашним хозяйством, будет брать на себя государство, общество. Для этого оно будет строить все больше предприятий общественного питания, школ-интернатов, общественных прачечных, учреждений культуры и здравоохранения, мест отдыха. Перспективы расширения общенародной собственности в этой области, как и в области материального производства, поистине необъятны.

Движущий мотив, которым руководствуется при этом общество, следующий. Крупное механизированное производство и в сфере обслуживания обладает всеми преимуществами перед мелким, малопроизводительным, каким является, например, труд в домашнем хозяйстве. При правильно поставленном общественном питании приготовление блюд в крупных механизированных кухнях, где этим занимаются высококвалифицированные специалисты, требует меньших издержек, качество его может быть выше, а главное, его можно вести с учетом данных науки.

Такая постановка дела вполне устраивает и общество, и его членов. Общество добивается этим больших успехов в сбережении труда, ныне растрачиваемого на домашнее самообслуживание, члены общества получают дешевое и вкусное питание. Кроме того, таким путем трудящиеся увеличивают свой досуг, необходимый для их всестороннего развития. Свободное от работы на производстве время становится действительно свободным, ибо общество будет все более разгружать трудящихся от бремени домашнего хозяйства.

Далеко не исчерпаны возможности развития *кооперативно-колхозной собственности*.

Одно время в советской экономической литературе высказывались взгляды, будто групповая собственность колхозов уже начала тормозить развитие производительных сил деревни и поэтому на подступах к коммунизму следовало бы свертывать эту форму собственности. На самом деле задача заключается в другом — в том, чтобы всячески укреплять и развивать общественное хозяйство кооперативов, полностью использовать заложенные в колхозном строе резервы для крутого подъема сельскохозяйственного производства. Только

в ходе такого развития кооперативно-колхозная собственность и может перейти на более высокую ступень.

Особенно важное значение будет иметь постоянное приумножение и правильное использование неделимых фондов колхозов, составляющих экономическую основу дальнейшего роста колхозного производства. Возможности для этого имеются огромные. Чем лучше будет организован труд в кооперативах, чем выше будет его производительность, тем больше колхозы будут иметь накоплений. Кроме того, темп накопления в кооперативах ускоряется за счет крупных кредитов, предоставляемых им государством. Это значит, что колхозы смогут выделять больше средств для приобретения тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. В результате по своей технической структуре неделимые фонды кооперативов будут все больше приближаться к производственным фондам государственных предприятий. Мощный толчок этому процессу в Советском Союзе дал переход к свободной продаже колхозам техники, ранее принадлежавшей машинно-тракторным станциям.

Особую роль в дальнейшем расширении кооперативно-колхозного производства призвано сыграть использование товарно-денежных отношений. Неверно, будто в период перехода к коммунизму такие отношения будут сходить на нет, уступая место прямому продуктообмену. Сама природа кооперативно-колхозной собственности такова, что она требует не свертывания, а всемерного развития стоимостных отношений. Из этого исходят такие проведенные Коммунистической партией Советского Союза мероприятия, как предоставление колхозам права самим планировать свое производство, отмена обязательных поставок государству и переход к системе закупок сельскохозяйственной продукции, продажа техники колхозам.

В кооперативное хозяйство все больше внедряются начала хозрасчета. Это заставляет многие колхозы отказываться от натуральных форм оплаты (в частности, от трудодня) и переходить к денежной оплате труда. На первый план в колхозах все больше выходят вопросы рентабельности: умение рачительно вести хозяйство, сокращать издержки производства, добиваться снижения себестоимости сельскохозяйственной продукции. Ведь в будущем государство, несомненно, предпочтет закупать сельскохозяйственные продукты там, где они будут дешевле.

Все это не значит, что возможности кооперативно-колхозной собственности безграничны. Нельзя отрицать, что групповая форма собственности ставит известные пределы развитию производительных сил. Опыт Советского Союза показал, что уровень обобществления труда и концентрации производства в колхозах не всегда обеспечивает внедрение и рациональное использование крупных машин, а особенно создание системы

машин. Это затруднение было в значительной степени устранено укрупнением колхозов, которое сразу же оправдало себя. Но идти по этому пути можно только до известных пределов. Преодолеть некоторую ограниченность групповой собственности помогают другие методы и формы, уже проверенные практикой.

К ним следует отнести, прежде всего, различные формы сотрудничества между кооперативами. Уже сейчас многие колхозы объединяют усилия для совместного строительства небольших электростанций, оросительных каналов, предприятий по переработке сельхозпродукции, по производству строительных материалов и т. д. Тем самым создается *межколхозная собственность,* приближающаяся по своей природе к общенародной.

Далее, имеется в виду постепенное соединение, своеобразное слияние колхозных средств производства с государственными, общенародными. Это происходит, например, когда колхозы подключаются к государственным электросетям.

Наконец, рамки кооперативной собственности могут быть значительно раздвинуты за счет обобществления все новых и новых сфер внутриколхозной жизни. Примитивное домашнее хозяйство и обслуживание в передовых колхозах заменяется общественными пекарнями, столовыми, яслями, школами-интернатами, домами для престарелых. В многоотраслевом, экономически крепком хозяйстве появляется полная возможность обеспечить каждого члена кооператива всеми необходимыми продуктами за счет общественного фонда. Это делает ненужным ведение колхозниками экономически невыгодного приусадебного хозяйства. В будущем надобность в приусадебном участке сама собой отпадет, что освободит время и труд колхозников не только для участия в общественном хозяйстве, но и для работы над повышением образованности и культуры, а также для отдыха.

Таким образом, все развитие колхозно-кооперативной собственности ведет к неуклонному повышению уровня ее обобществления. По своему характеру она приближается к уровню общенародной собственности. В будущем исторически неизбежно слияние этих двух форм собственности в единую коммунистическую собственность.

Преодоление различий между городом и деревней

Различия между рабочими и крестьянами связаны не только с существованием двух форм общественной собственности. Немалое значение имеют и различия в характере промышленного и сельскохозяйственного производства, а также в условиях жизни и уровне культуры.

Социализм унаследовал глубокую отсталость деревни. Буржуазные социологи пытаются доказать, будто такое отставание исторически неизбежно и связано с особенностями

труда на земле. На деле в бедствиях крестьянства повинна не специфика земледелия, а те общественные порядки, которые капитализм насаждал в деревне. Деревня при капитализме подвергается беспощадной эксплуатации со стороны города, и это обусловливает противоположность их интересов.

Социализм кладет конец этой противоположности. При самой активной поддержке города крестьяне начинают перестраивать свою жизнь, получают доступ к достижениям современной науки и техники, к благам культуры. Однако полное устранение социально-экономических различий между городом и деревней — это задача, решить которую предстоит в период постепенного перехода к коммунизму.

В первую очередь речь идет о преодолении отставания деревни от города. Техническая революция в сельском хозяйстве, о которой говорилось выше, коренным образом меняет характер крестьянского труда; он все более превращается в разновидность труда индустриального. С дальнейшим развитием механизации, а затем и частичной автоматизации сельскохозяйственных работ труд колхозника все больше будет сближаться с трудом квалифицированного городского рабочего. И в этом отношении разница между двумя классами будет постепенно исчезать.

Большую роль в подъеме деревни до уровня города призваны сыграть *совхозы*, средства производства которых составляют государственную, общенародную собственность. Работники совхозов, как и работники любого государственного предприятия, представляют собой производственные коллективы, которые работают на основе общих норм социалистической дисциплины труда. Более высокая форма социалистической кооперации труда и его технической вооруженности позволяет совхозам производить сельскохозяйственную продукцию с наименьшими затратами труда, т. е. более дешево. Совхозы по сравнению с колхозами, как правило, отличаются и более высокой товарностью. Они с каждого гектара площади дают государству больше продукции и по более низким ценам.

С изменением характера сельскохозяйственного производства и под его прямым воздействием шаг за шагом меняется и весь уклад деревенской жизни. В сельской местности сосредоточивается все больше производственной техники. Строятся здания для ее хранения, мастерские для ремонта. Создаются местные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. Вокруг этих производственных центров группируется множество механизаторов, инженеров, техников. Увеличивается число агрономов, зоотехников, врачей, учителей.

Большое скопление населения и рост его культуры требуют новой планировки деревни, нового типа жилищ — с водопроводом, канализацией, телефоном. Возникает нужда в хороших

дорогах, благоустроенных больницах, детских яслях, садах и школах всех ступеней, в расширении сети магазинов и предприятий общественного питания, в клубах и библиотеках. Так перестройка сельскохозяйственного производства влечет за собой полное изменение традиционного облика деревни. По уровню своего благоустройства и культуры она постепенно подтягивается к городу. Уже сейчас передовые колхозы строят новые дома, которые по удобствам мало чем отличаются от городских. Культурно-бытовые учреждения таких колхозов также могут поспорить с городскими.

Значит ли это, что деревне суждено превратиться в город в его нынешнем виде, со всеми неудобствами городской жизни, которые лишают горожанина свежего воздуха, тишины и близости к природе? Нет, не значит. Речь идет о создании нового типа поселений, которые вобрали бы в себя все лучшее, что дало вековое развитие городской цивилизации и что имеет деревня. Прообразом такого типа поселений в известном смысле могут служить агрогорода, возникшие в Советском Союзе на базе некоторых крупных совхозов.

Стирание различий между городом и деревней — двусторонний процесс, предусматривающий преобразование не только деревни, но и города.

Еще в переходный период от капитализма к социализму встала проблема социалистической реконструкции городов. Постепенно был преодолен прежний контраст между центром и рабочей окраиной. Окраине даже было отдано предпочтение в планах благоустройства и жилищного строительства. Вокруг новых заводов начали зарождаться социалистические города, планировка и тип которых основывались уже на новых принципах.

Тем не менее для перестройки городов в период перехода к коммунизму предстоит сделать еще многое. При сохранении архитектурных и художественных ценностей прошлого они должны быть приспособлены к условиям коммунистического общежития. А это требует и новой планировки, и нового типа жилищ, производственных сооружений, коммунальных предприятий, учреждений культурно-бытового обслуживания. Интересы коммунистического труда должны учитываться при проектировании и строительстве новых промышленных зданий. Промышленная архитектура должна обеспечить рабочим возможность трудиться в просторных, светлых и чистых помещениях, в здоровых и удобных условиях.

Городское строительство в социалистических странах с каждым годом приобретает все больший размах, приближая тот день, когда навсегда будет покончено и с таким тяжелым наследием капитализма, как жилищный вопрос. Только в Советском Союзе за 1959—1965 гг. в городах и рабочих поселках будут построены жилые дома общей площадью 650—

660 млн. *кв. м.* Это равнозначно появлению 15 новых городов, таких, как Москва, или около 100 таких городов, как Горький!

Имеющийся опыт еще не позволяет со всей определенностью сказать, каким будет город при коммунизме. Однако нет оснований предполагать, что большие города как центры промышленности и культуры исчезнут. Кооперация наиболее сложных отраслей производства и обслуживающих их научно-исследовательских учреждений, так же как многих учреждений культуры и здравоохранения, вполне оправдывает существование больших городов.

Неизбежный в будущем отлив населения из деревни в связи с повышением производительности сельскохозяйственного труда и необходимостью удовлетворить потребности в рабочей силе других отраслей народного хозяйства вовсе не должен вызывать безграничного роста больших городов. Крупные города, вероятно, будут иметь оптимальные размеры, соответствующие интересам как производства, так и благоустройства. Не случайно в Советском Союзе уже строго ограничено строительство новых промышленных предприятий в таких городах, как Москва и Ленинград.

В будущем индустриальные центры, по-видимому, более равномерно разместятся по всей территории страны, а вокруг них расположатся сравнительно небольшие, но многочисленные города-спутники, правильно распланированные и предоставляющие своим обитателям здоровые и культурные условия жизни.

Таковы в общих чертах пути преодоления *социально-экономических* различий между городом и деревней. С их ликвидацией останутся только различия между промышленностью и земледелием. Но эти различия уже не будут приводить к социальному расслоению общества, а разница между трудом в промышленности и трудом в сельском хозяйстве будет не большей, чем та, которая существует между отдельными отраслями индустрии.

Постепенное слияние физического и умственного труда

На пути к коммунизму предстоит преодолеть деление общества на людей физического и людей умственного труда.

Уже при социализме ликвидируется *противоположность* между людьми физического и умственного труда, характерная для эксплуататорского строя. Она возникла как неизбежный результат раскола общества на угнетателей и угнетенных, когда все виды умственного труда были превращены в монополию господствующих классов и их приближенных, стали наследственной привилегией имущих.

Социализм кладет конец такому положению. В социалистическом обществе люди умственного труда и люди физического труда имеют общие интересы, они делают общее

дело, трудятся на благо всего общества, всего народа. Возникла новая, народная интеллигенция, которая уже не является замкнутой прослойкой, отгороженной от рабочих и крестьян. Однако это не означает, что между рабочим классом и крестьянством, с одной стороны, и интеллигенцией, с другой, уже исчезли всякие различия. По своей культуре и техническим знаниям интеллигенция в целом стоит выше, чем рабочие и крестьяне. Поэтому одна из первоочередных задач общества в период развернутого строительства коммунизма — поднять культурно-технический уровень рабочих и крестьян до уровня интеллигенции.

Как пойдет решение этой задачи?

Основную роль сыграет *изменение самого характера труда,* который, как было показано выше, все больше требует от человека постоянного умственного роста, широкого кругозора, больших знаний, творческого подхода. Социалистическое общество исходит из того, что всестороннее развитие человека совершается в первую очередь в труде — самой важной сфере человеческой деятельности. Труд, каким он становится в процессе перехода к коммунизму, как раз и предоставляет благоприятные условия для умственного развития человека.

С развитием комплексной механизации и автоматизации труд на производстве перестает быть только физической работой. Рабочий постепенно освобождается от простых, чисто механических функций; его труд включает все больше элементов умственной деятельности. Уже в настоящее время на советских металлургических заводах более половины рабочего времени сталевара расходуется на умственный труд (расчеты, связанные с режимом печи, контроль за ходом плавки, сопоставление и осмысливание технологических данных и т. д.). Недаром для социалистического предприятия обычной становится фигура рабочего, в труд которого органической составной частью входит изобретательская, рационализаторская, новаторская деятельность.

Технический прогресс — главный двигатель процесса сближения физического и умственного труда. Но было бы неправильно думать, что этот прогресс сам по себе может привести к стиранию различий между ними. В капиталистических странах механизация и автоматизация по большей части приводят даже к принижению роли рабочего в производственном процессе, к превращению его в придаток к «умной» машине. Это исключено в странах социализма, где технический прогресс развивается в иных социальных условиях, где рабочие активно участвуют в управлении производством. Здесь общество постоянно заботится о том, чтобы рабочий был не роботом, а всесторонне развитым и культурным человеком, творцом и повелителем техники. К этому направлена при социализме вся система общего и профессионального образова-

ния. Как широко поставлено это дело, видно из того, что в Советском Союзе различными видами обучения охвачено более 50 млн. человек.

Обязательное условие того, чтобы люди физического труда получили возможность повышать свои знания и культуру,— *сокращение рабочего дня.*

В СССР намечается к 1960 г. завершить перевод рабочих и служащих на семичасовой рабочий день, а рабочих ведущих профессий, занятых на подземных работах,— на шестичасовой. В 1962 г. предусматривается перевод рабочих и служащих с семичасовым рабочим днем на 40-часовую рабочую неделю. С 1964 г. предполагается приступить к переводу всех работников на 35-часовую рабочую неделю, а работников, занятых на подземных работах,— на 30-часовую. Тогда большинство рабочих и служащих будет иметь два выходных дня в неделю при 6—7-часовом рабочем дне. Следует подчеркнуть, что сокращение рабочего времени будет осуществлено без уменьшения заработной платы.

Важную роль в преодолении различий между людьми умственного и людьми физического труда призвана сыграть *система народного образования* при социализме. Реформа образования в СССР и в других странах социалистического лагеря предусматривает соединение обучения с производительным трудом. Это значительно улучшит воспитание молодого поколения и подготовку его к трудовой деятельности.

Разумеется, при любом уровне механизации и автоматизации материальное производство немыслимо без определенной затраты физических усилий. Следовательно, в будущем труд в материальном производстве совместит в себе элементы как умственной, так и физической работы. Это будет новый тип труда, в котором смогут полностью проявиться и физические силы, и духовные способности человека.

В дальнейшем исчезнет и ненормально узкая специализация людей умственного труда, исключающая любую работу, связанную с физическими усилиями. Все труженики коммунистического общества, независимо от специальности, будут работать, соединяя, как писал Маркс, умственный и физический труд. Оба эти вида деятельности гармонически сольются в труде каждого человека коммунистического общества в соответствии с его склонностями и способностями.

Разумеется, процесс стирания граней между интеллигенцией, с одной стороны, рабочими и крестьянами, с другой, будет длительным — более длительным, чем стирание граней между классами рабочих и крестьян. В. И. Ленин подчеркивал, что интеллигенция «останется особой прослойкой вплоть до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества» [4].

Ликвидация остатков неравенства в положении женщины

Среди великих социальных задач, которые решаются на пути к коммунизму, большое место занимает ликвидация остатков неравенства в положении женщины.

Хотя социализм, как уже говорилось в 24 главе, уравнивает женщину в правах с мужчиной в политическом и социальном отношениях, тем не менее следы неравенства женщины еще остаются. Связано это в основном с тем, что семья все еще представляет собой своего рода хозяйственную единицу общества, где на женщину падает вся тяжесть домашнего труда. В первые годы после революции В. И. Ленин писал, что, хотя женщина уравнена в правах с мужчиной, ее еще «давит, душит, отупляет, принижает *мелкое домашнее* хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее *освобождение женщины*, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социалистическое хозяйство»[5].

Период перехода к коммунизму открывает самые широкие возможности для осуществления этой ленинской программы окончательного освобождения женщин.

Главное здесь — максимальное развитие системы общественного питания, разнообразных предприятий бытового обслуживания и всех типов детских учреждений. Когда общество предоставит своим гражданам более дешевое, более вкусное и разнообразное питание, чем они получают дома; когда многие виды обслуживания домашних нужд примут на себя коммунальные учреждения — тогда женщина сможет наконец избавиться от ведения обременительного и малопроизводительного домашнего хозяйства. По мере того как к обществу перейдет большая доля забот о воспитании и содержании детей, положение женщины в семье решительно облегчится и в этом отношении.

По всем этим направлениям народнохозяйственные планы Советского Союза и других социалистических государств предусматривают в ближайшие годы осуществление широких мероприятий.

Освобождение женщины от утомительных хлопот по домашнему хозяйству даст ей время и возможности для всестороннего развития и активного участия в общественно полезной деятельности. Это будет означать *фактическую* ликвидацию отставания женщин от мужчин, которое в капиталистическом обществе стало социальным несчастьем. Перед женщиной откроются новые перспективы овладения знаниями

и проявления всех своих талантов и способностей. Это будет великая освободительная революция, которая изменит судьбу половины человеческого рода.

Уравнение женщины с мужчиной в общественном производстве вовсе не означает, что от нее ждут выполнения тяжелой, «мужской» работы. В. И. Ленин отмечал, что когда говорят о равенстве женщины, то «речь идет не о том, чтобы уравнять женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т. д...»[6] Женщина остается женщиной со всеми ее особенностями, с ее великой социальной миссией быть матерью. Как никакой другой строй, коммунизм поднимает достоинство женщины, внимательно учитывает ее интересы, создает все возможности для расцвета ее личности.

Совершенствование системы распределения

Окончательное уничтожение классовых различий и других остатков неравенства будет достигнуто тогда, когда исчезнет фактическое неравенство в распределении материальных благ.

Это неравенство сегодня — естественное следствие различий в труде и формах общественной собственности. Заработная плата рабочих определяется государством и зависит от количества и качества их труда. Оплата труда колхозников определяется самим колхозом в зависимости от размера его общественного богатства и количества заработанных трудодней. В различных колхозах она сейчас далеко не одинакова. Имеется известная разница и в оплате труда в различных отраслях промышленности. Поскольку сохраняется различие между людьми умственного и людьми физического труда, наиболее квалифицированная часть интеллигенции получает более высокое вознаграждение, чем рядовые рабочие и крестьяне.

С приближением к коммунизму различия в оплате труда, а стало быть и в условиях жизни и быта всех классов и слоев населения, будут постепенно сглаживаться. Речь идет, разумеется, не о переходе к уравниловке в оплате труда, а об объективном процессе. Дело в том, что с развитием механизации труд в различных отраслях народного хозяйства все больше становится одинаковым по характеру, квалифицированным трудом по управлению машинами и это, естественно, ведет к выравниванию норм его оплаты. Этому способствуют и другие процессы, происходящие в обществе: постепенное повышение кооперативно-колхозной собственности до уровня общенародной, стирание граней между людьми умственного и людьми физического труда, рост национального дохода и т. д.

Эту объективную тенденцию социалистическое государство учитывает при выработке и проведении политики заработной

платы. В Советском Союзе взят курс на ликвидацию разрыва в оплате различных категорий трудящихся, на подтягивание нижнего предела заработной платы. С января 1957 г. низкооплачиваемые рабочие и служащие стали получать примерно на 33% больше. Одновременно были приняты меры к упорядочению заработной платы высокооплачиваемых категорий и устранены имевшиеся излишества. В дальнейшем при общем повышении заработной платы также будет особенно значительно возрастать оплата труда низко- и среднеоплачиваемых рабочих и служащих. Так, по семилетнему плану денежная заработная плата низкооплачиваемых рабочих и служащих вырастет к 1965 г. почти вдвое.

Вместе с тем реальная заработная плата всех трудящихся будет подниматься за счет снижения цен. Но от снижения цен на товары широкого потребления в первую очередь выигрывают те слои населения, которые больше покупают товаров, т. е. высокооплачиваемые. Поэтому на современном этапе государство обращает те средства, которые могли бы быть предназначены для снижения цен, на подтягивание заработка низкооплачиваемых. Политика цен проводится дифференцированно. По мере роста производства тех или иных товаров цены на них снижаются, тем самым спрос увеличивается. В то же время на такие товары, как спиртные напитки, табачные изделия, в расширении потребления которых общество не заинтересовано, цены не снижаются, чтобы помочь преодолению вредных для здоровья человека привычек и пережитков прошлого.

Особенно большие перспективы открывает увеличение количества материальных благ, распределяемых обществом не по труду, а бесплатно или на льготных условиях и составляющих *фонд общественного потребления*. За счет этого фонда общество производит расходы на социально-культурные нужды: на жилищное строительство, здравоохранение, просвещение, воспитание детей, спорт. Из этого же фонда финансируются социальное обеспечение, стипендии учащимся, пособия многодетным семьям и т. д.

Объем фонда общественного потребления быстро растет. В Советском Союзе затраты на социально-культурные нужды в 1958 г. составили 33% государственного бюджета. Важно отметить, что доля фондов потребления, распределяемых без прямой связи с количеством и качеством труда работника, растет быстрее доли, распределяемой по труду. К началу первой пятилетки затраты из этого фонда составляли около 24,4% фонда индивидуальной заработной платы, а в 1958 г. они достигли 41,5%.

Действуя одновременно, принцип оплаты по труду и принцип бесплатного или льготного распределения отнюдь не противостоят друг другу. Принцип безвозмездного распреде-

ления приносит свои дары прежде всего детям, учащимся, больным, инвалидам и престарелым, т. е. членам общества, которые по тем или иным причинам не могут принимать участия в оплачиваемом труде. Но это облегчает положение работающих, снимая с них часть забот об иждивенцах.

По мере перехода к коммунизму удельный вес фонда совместного потребления будет непрерывно возрастать, ибо это наиболее прогрессивный и экономичный способ удовлетворения необходимых потребностей всех членов общества. Определяя пути увеличения материального благосостояния советского народа, тов. Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС говорил: «Разумеется, партия и правительство будут последовательно проводить намеченный курс в отношении увеличения заработной платы и снижения цен. Но это только один из путей... У нас имеется действительно коммунистический путь повышения благосостояния трудящихся, создания лучших условий жизни для всего общества в целом, в том числе и для каждого человека. Сюда относятся: обеспечение людей благоустроенным жильем, организация общественного питания, улучшение бытового обслуживания людей, расширение сети детских учреждений, совершенствование народного образования, организация отдыха и улучшение медицинского обслуживания населения, строительство учреждений культуры и т. д.»[7].

В этом отношении социализм в корне отличается от капитализма. Улучшение жизни людей идет здесь принципиально иными путями, чем в буржуазном обществе. Идеал многих людей в капиталистическом обществе — иметь в своей частной собственности как можно больше благ: свой дом, свой автомобиль и т. п. Разумеется, это не всем там доступно, и такие блага накапливаются в основном в руках верхушки общества. Думать, что все отличие социализма состоит только в том, что собственные дома и автомобили будут здесь у всех граждан,— значит иметь вульгарное представление о социализме. Социализм знает более быстрый и разумный путь достижения *всеобщего* благосостояния. Это — *сосредоточение все большего количества благ и услуг в руках общества, которое постепенно берет на себя удовлетворение потребностей граждан в этих благах и услугах.*

Экономическая целесообразность такого способа удовлетворения потребностей людей очевидна, так как издержки эксплуатации общественной собственности (жилых домов, автомобилей в общественных гаражах и т. д.) ниже издержек эксплуатации собственности, находящейся в частном пользовании. Поэтому общество может предоставлять гражданам все больше благ и услуг сначала за умеренную плату, а впоследствии и совсем бесплатно.

Совместное использование ряда благ, экономически выгодное и потому вполне устраивающее общество, не должно, разумеется, ущемлять личные вкусы, склонности и привычки. Задача общества — иметь в своем распоряжении самый разнообразный ассортимент благ и услуг, с тем чтобы люди имели возможность широкого выбора.

С одной стороны, *снижение цен,* а с другой — дальнейшее *обобществление потребления,* более быстрый рост фонда общественного потребления по сравнению с фондом индивидуального потребления — таков путь, которым, как можно представить, пойдет развитие к бесплатному распределению. Механизм бесплатного распределения — система общественных складов, предприятий бытового обслуживания, магазинов, столовых — создается в результате широкого развития товарно-денежных отношений и торговли в период перехода от социализма к коммунизму.

4. Коммунистическое воспитание трудящихся

Сложный процесс постепенного перехода от социализма к коммунизму включает в себя и глубокие перемены в быте и духовной надстройке общества — в сознании и нравах людей. Коммунистическая партия учитывает это в своей деятельности по коммунистическому воспитанию трудящихся, стремясь всемерно ускорить все эти закономерные изменения.

Коммунистическое воспитание складывается из таких важнейших элементов, как подъем уровня образованности и профессиональных знаний членов общества, а также повышение их общей культуры, рост коммунистической идейности трудящихся, превращение в привычку труда на благо общества, соблюдения норм и правил коммунистической морали и нравственности.

Рост образованности и культуры

Образование — основа общекультурного и политического роста человека, поэтому социалистическое общество в период перехода к коммунизму продолжает уделять этому делу неослабное внимание. Более того, требования к уровню образования повышаются. Это связано прежде всего с той технической революцией, которая происходит в современную эпоху.

«В наш век атомных электростанций, завоевания космоса, в век автоматики,— говорил Н. С. Хрущев на XIII съезде ВЛКСМ,— мы должны проявить максимум партийной и государственной заботы о том, чтобы все рабочие и работницы, колхозники и колхозницы имели среднее образование» [8].

Поэтому увеличение числа школ, создание условий для того, чтобы все подрастающее поколение получило хорошее

образование, представляет предмет постоянной заботы социалистического государства. В Советском Союзе общее количество учащихся в восьмилетних и средних школах с 1958 по 1965 г. увеличится с 31,3 млн. до 45 млн. человек.

В то же время быстро растет число людей с высшим образованием. В связи с теми изменениями, которые претерпевают промышленность и сельское хозяйство, на первый план в производстве будут постепенно выдвигаться инженер, техник, агроном. Вот почему Советский Союз, который уже занимает первое место в мире по масштабам подготовки специалистов, планирует дальнейшее расширение высшего образования. За семилетие 1952—1958 гг. в СССР получили высшее образование 1,7 млн. человек, а за семилетие 1959—1965 гг. число их возрастет до 2,3 млн. Общее же количество лиц с высшим образованием составит в 1965 г. более 4,5 млн., т. е. в полтора раза больше, чем в 1958 г.

Дело, следовательно, идет к тому, что в будущем, на подступах к коммунизму, основная масса граждан социалистического общества получит среднее и высшее образование. Это будет по существу *новая культурная революция*, которая сделает общество еще более образованным и культурным.

Большую принципиальную и практическую важность приобретает вопрос о характере обучения, о том, какой должна быть школа, средняя и высшая. В связи с быстрым прогрессом науки и техники стоит задача сделать образованными *всех* трудящихся. Но эту задачу нельзя решать, отвлекаясь от потребностей развития материального производства. Значит, члены общества уже в ходе ученья должны начать приобщаться к производительному труду. Интересы общества требуют сократить сроки «вступления в жизнь» молодых людей, возможно раньше включать их в трудовую деятельность. Это ускорит их умственное созревание, благотворно подействует на их духовное становление как полезных членов социалистического общества.

Классики марксизма-ленинизма в общей форме определили тот характер, который должно носить обучение подрастающего поколения при социализме. Они выдвинули идею *политехнического образования*, которое предусматривает освоение научных основ современного производства и выработку навыков обращения с наиболее употребительными орудиями труда. «...Нельзя себе представить идеала будущего общества,— писал В. И. Ленин,— без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания»[9].

Однако конкретный ответ на вопрос о том, в какой форме должно происходить соединение обучения с производительным трудом, могла дать только практика. Критический пересмотр накопленного опыта организации народного образования в СССР позволил найти эту форму. Она положена в основу проведенной в 1958—1959 гг. по инициативе ЦК КПСС коренной перестройки всей системы народного образования. Перестройка советской школы имеет, несомненно, всеобщее значение, и не случайно, что опыт ее осуществления учитывается всеми социалистическими странами.

Суть реформы — широкое осуществление принципов политехнического образования, тесная связь обучения с производством. Повышен прежде всего уровень обязательного обучения: введено всеобщее обязательное восьмилетнее образование вместо семилетнего, существовавшего ранее. Это — первый этап среднего образования. Второй его этап характеризуется теперь сочетанием общеобразовательной подготовки с профессиональной, соединением обучения с производительным трудом, с получением производственной квалификации. Закончившие 8 классов общеобразовательной школы могут продолжать образование либо в трехлетних средних вечерних и сменных школах рабочей или сельской молодежи, либо в средних школах с производственным обучением. Базой производственного обучения служат учебно-производственные мастерские при школах, предприятиях, совхозах, РТС, МТС и колхозах, где учащиеся работают одну треть учебного времени.

Особое внимание уделено развитию такой новой формы коммунистического воспитания и политехнического обучения, как *школы-интернаты.* В семилетие 1959—1965 гг. в них будут жить и обучаться 2,5 млн. детей. В будущем имеется в виду возможно более полно охватить детей этим типом школ.

В основу подготовки специалистов с высшим образованием также положен принцип тесного сочетания обучения с производством. Особенное внимание уделяется постановке обучения без отрыва от производства. Молодежи, занятой в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, предоставлено право преимущественного поступления в высшие учебные заведения.

Так решается очень важная для социалистического общества проблема — сочетать участие основной массы граждан в материальном производстве, диктуемое потребностями развития народного хозяйства, с повышением уровня общего образования трудящихся. Найден разумный путь, позволяющий гармонически сочетать общественные и индивидуальные интересы. Естественно, что наиболее благоприятные условия созданы для тех, кто занят непосредственно на производстве.

Из того факта, что социалистическое общество уделяет

столько внимания повышению образования и производственной квалификации, не следует, что оно имеет в виду готовить только узких специалистов. Его цель гораздо шире — всестороннее развитие человека. И не случайно все большее число людей овладевает великими дарами культуры, приучается ценить и понимать литературу, музыку, живопись, театр.

По мере движения к коммунизму каждый человек получает все большие возможности постоянно расширять свой кругозор, развивать свои дарования.

Повышение коммунистической идейности

Преданность широких народных масс коммунистическим идеям — одно из самых замечательных достижений социалистического строя. Общество заинтересовано в том, чтобы и дальше росла идейность людей, которая делает прочным каждый успех в строительстве коммунизма, вызывает мощный прилив энергии в массах.

Коммунистическую идейность не надо смешивать со *знанием теории* научного коммунизма. Хотя знание теории способствует воспитанию идейности, тем не менее убежденность в правоте коммунизма приобретается не только этим путем. Практика строительства коммунизма — лучшая школа воспитания. В этом смысле дальнейшие успехи в развитии народного хозяйства и культуры, подъеме благосостояния трудящихся призваны сыграть решающую роль в повышении коммунистической идейности.

Однако это не значит, что можно недооценивать идеологические средства воспитания. Наоборот, значение их чем дальше, тем больше возрастает. Сюда относятся прежде всего *распространение коммунистических идей, пропаганда марксистско-ленинского мировоззрения, политическое просвещение.*

Коммунистическая партия стремится к тому, чтобы ее мировоззрение стало достоянием не только авангарда, не только передовой части рабочих, крестьян и интеллигенции, но и всех членов общества. Это — огромная задача. Решение ее, однако, облегчается тем, что марксизм-ленинизм соответствует коренным интересам трудящихся. В этом залог того, что по мере движения к коммунизму *весь народ придет к единому, марксистско-ленинскому мировоззрению.*

В планах коммунистического строительства в Советском Союзе предусматривается создание самых благоприятных условий для идеологической работы. Получают широкое развитие печать, радио, телевидение, кино и культурно-просветительные учреждения. Значительно увеличатся тиражи газет, журналов и книг.

Усвоение массами коммунистической идеологии идет тем успешнее, чем теснее пропаганда ее увязана с жизнью. Задача состоит в том, чтобы не только разъяснять теорию, но и учить людей, как претворять ее в жизнь. Вот почему комму-

листическая партия ведет решительную борьбу с отрывом идеологической работы от практики строительства коммунизма.

Большими возможностями для идеологического воспитания располагают художественная литература, радио, телевидение, театр, кино, изобразительное искусство. Они доносят высокие идеалы коммунизма до самых широких слоев населения, причем в такой форме, которая оказывается особенно впечатляющей, воздействуя не только на ум, но и на чувства человека.

Движение народа к коммунизму открывает перед литературой и искусством замечательные перспективы. Величие самих задач коммунистического строительства, становление нового человека вдохновляют на создание высокоидейных, высокохудожественных произведений. Непременное условие этого — глубокое знание писателями и другими деятелями искусства жизни и стремлений народа.

«Главная линия развития состоит в том,— говорится в важнейшем партийном документе «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» (1957 г.),— чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его стремлений и целей, высокие моральные качества. Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма» [10].

В работе по идеологическому воспитанию есть свои трудности, свои препятствия, с которыми приходится упорно бороться. Речь идет о пережитках капитализма в сознании части людей, о тлетворном влиянии буржуазной идеологии, которые мешают делу коммунистического строительства. Окончательное преодоление этих пережитков — важная задача периода перехода к коммунизму. В первую очередь необходимо добиться искоренения таких наслоений прошлого, как неправильное отношение к общественной собственности и труду, национализм и религиозные предрассудки, пьянство, неуважение к женщине, бытовая распущенность.

Было бы неправильно успокаивать себя тем, будто пережитки капитализма могут быть только у представителей старшего поколения. К сожалению, от их влияния не свободна некоторая часть молодежи, мало закаленная в идейном отношении. Она склонна доверчиво относиться к внешней мишуре буржуазной культуры и образа жизни, не видя за ней подлинных трагедий трудящегося человека в капиталистическом мире — безработицы, необеспеченности, неуверенности в завтрашнем дне.

Надо считаться с тем, что социалистические страны не отгорожены от мира капитализма непроницаемой стеной. Оттуда по самым разнообразным каналам проникают буржуазные идеи, взгляды и обычаи, оказывая известное воздействие на недостаточно стойкие умы.

Из того факта, что социалистические государства стоят за мирное сосуществование с капитализмом, никак нельзя делать вывод, будто можно объявить «перемирие» в борьбе пролетарского мировоззрения с буржуазным. Наоборот, эта борьба нередко принимает даже более острый характер, потому что империалистическая буржуазия, не желая мириться с утратой своих политических и идейных позиций, усиливает идеологическое наступление на социалистические страны.

Вот почему XXI съезд КПСС еще раз подчеркнул необходимость «продолжать непримиримую борьбу с враждебной буржуазной идеологией», обратив «особое внимание на коммунистическое воспитание подрастающего поколения».

Учиться работать и жить по-коммунистически

Строить коммунизм — значит хорошо работать, трудиться все более производительно.

Для этого нужно не только неуклонно повышать культуру и профессиональные знания рабочих, крестьян, интеллигенции, но и воспитывать в людях *коммунистическое отношение к труду.* Развитие такого высокосознательного отношения к труду партия ставит в центр своей воспитательной работы, добиваясь, чтобы труд, как создатель всех материальных и культурных благ, превратился в первейшую жизненную потребность всех людей.

Коммунистическое отношение к труду — это, в первую очередь, готовность и желание хорошо работать не потому, что кто-то подгоняет, и не потому только, что от этого зависит заработок, но и в силу высокой сознательности и морального долга. Это, далее, живой, творческий, новаторский подход к делу, постоянные поиски способов повышения производительности труда, улучшения качества и удешевления продукции.

Великая сила социализма в том, что этот строй, освобождая людей от эксплуатации, рождает глубокие моральные стимулы к труду. В Советском Союзе горячее стремление быть полезным обществу увлекло в последние годы многие тысячи юношей и девушек на целинные земли и стройки Сибири и Дальнего Востока. Это же стремление побудило простого советского человека Валентину Гаганову, как и тысячи ее последователей, поступившись на время частью заработка, перейти из передовой бригады в отстающую, чтобы помочь ей догнать ушедших вперед товарищей.

По мере приближения к коммунизму сознательным, подлинно коммунистическим отношением к труду должны про-

никнуться не только передовики производства, но и основная масса трудящихся. Это, конечно, не значит, что материальные стимулы можно просто отменить, поставив на их место моральные. Материальная заинтересованность была и остается важной движущей силой повышения производительности труда. Но при переходе к коммунизму она должна все больше дополняться моральными побуждениями, пока они не будут играть главенствующую роль.

Созданию условий, необходимых для этого, подчинены многие мероприятия социалистического общества. Одни из них направлены на то, чтобы устранить последние причины, мешающие людям любить труд. Это постепенная передача машинам всех физически тяжелых, неприятных и тем более вредных работ, сокращение продолжительности рабочего дня и рабочей недели и т. д. Другие меры нацелены на то, чтобы еще выше поднять славу труда и трудового человека. Такую цель преследует, в частности, награждение орденами, медалями и почетными грамотами лучших рабочих, колхозников и служащих, выдвижение их в высшие органы власти и на руководящие посты в партийных и общественных организациях, наконец, то повседневное внимание, которое проявляют к людям труда печать, радио, литература и искусство.

Но коммунистическое отношение к труду воспитывается не только сверху, но и снизу. Для наших дней особенно характерна забота самих трудящихся масс о том, чтобы все больше людей работало по-коммунистически. Об этом свидетельствует, в частности, развернувшееся в Советском Союзе движение бригад коммунистического труда, поставивших перед собой именно такую задачу.

Вместе с тем это движение ставит и другую цель: учиться жить по-коммунистически! Жить так, чтобы отношения в быту, в семье, в повседневном общении с другими людьми отвечали высоким требованиям коммунистической морали. В этом лозунге находит свое выражение забота самих членов общества о быстрейшем становлении *коммунистического образа жизни,* самого содержательного, чистого и умного образа жизни, который когда-либо вели люди.

Сочетание воспитательной работы партии и социалистического государства с инициативой широкой общественности дает возможность поднять до подлинно коммунистического уровня моральный облик всех людей. А это значит — выработать такую нравственность, в основе которой лежит преданность коммунизму и непримиримость к его врагам, сознание общественного долга, активное участие в труде на благо общества, добровольное соблюдение основных правил человеческого общежития, товарищеская взаимопомощь, честность и правдивость, нетерпимость к нарушителям общественного порядка.

По мере движения к коммунизму, несомненно, будут расти не только запросы членов общества, но и требования общества к своим гражданам, к их поведению на производстве, в общественных местах, в семье и быту. Но требовательность эта будет все более опираться на методы морального воздействия и убеждения. Одновременно и центр тяжести воспитания нового человека будет перемещаться непосредственно в *коллективы.*

Общественная практика социалистических стран уже показала, что наиболее действенное средство борьбы против эгоистического индивидуализма, который представляет собой главного противника коммунистической морали, состоит в том, чтобы противопоставить ему активный коллективизм. Коллективизм больше всего отвечает идеалу коммунизма, ибо в качестве высшей нормы поведения он утверждает служение общественному благу. В то же время он больше всего отвечает и интересам отдельной личности, прививая ей самые высокие человеческие качества.

Вот почему в период перехода к коммунизму коммунистическая партия придает решающее значение воспитательной работе в первичных партийных, комсомольских и профсоюзных организациях, а также в производственных коллективах, в которых непосредственно протекает деятельность людей. Социалистический коллектив обладает огромной силой воздействия, способной в случае необходимости перевоспитать, сделать полезными членами общества, казалось бы, самых неисправимых людей. Не случайно на использовании воздействия коллектива построена вся прогрессивная педагогика, представленная таким выдающимся новатором педагогики, как А. С. Макаренко.

КПСС добивается усиления роли коллективов в коммунистическом воспитании прежде всего путем расширения их прав, полномочий, сферы деятельности. Ведь коллектив может оказать на своих членов тем большее воздействие, чем он сплоченией. А сплоченным может быть лишь тот коллектив, в котором бурлит жизнь, бьет через край активность и инициатива его членов, который занимается серьезными, настоящими делами.

Не может быть сомнения, что именно в коллективе сформируется человек будущего — человек, для которого принципы коммунизма станут основой его сознания, голосом его совести.

5. Развитие социалистической демократии

Развитие и совершенствование социалистической демократии составляет особо важную задачу в период перехода к коммунизму. Это вытекает из самого характера коммунисти-

ческого строительства. Воздвигнуть здание нового общества можно лишь при самом активном, самом деятельном участии миллионных масс трудящихся, которые должны выступать не как послушные исполнители чужой воли, а как сознательные творцы новых форм своей общественной жизни. Чем ближе к коммунизму, тем больше общество заинтересовано в том, чтобы все его члены принимали участие в решении дел социалистического государства, помогая ему не только своим трудом, но и советом, ценным предложением, свежей мыслью.

Основные направления развития социалистической демократии

Дальнейшее развитие демократии идет прежде всего по линии постоянного совершенствования структуры и методов работы государственных органов, укрепления их связей с широкими массами. Политическая система перестраивается таким образом, чтобы предоставить трудящимся все большую возможность непосредственно участвовать в государственных делах.

В государственном устройстве возрастает удельный вес тех органов и звеньев, которые прямо и непосредственно связаны с народом. В СССР это прежде всего касается Советов депутатов трудящихся. Советы — органы государственной власти, но одновременно и самые представительные общественные организации. Они являют собой своеобразное сочетание государственного и общественного начала, тот стык, где общество переходит в государство и наоборот. В отличие от организаций, которые объединяют ту или иную часть народа, Советы представляют весь народ.

Депутаты Советов в своем подавляющем большинстве — это не профессиональные политики, а люди, занятые на производстве и выполняющие свой общественный долг в свободное от основной работы время. Образуются Советы самым демократическим образом — путем прямых выборов. Избиратели дают депутатам свои наказы и требуют их выполнения. Депутаты Советов периодически отчитываются перед своими избирателями и могут быть ими отозваны.

Все это открывает перед Советами широкие перспективы в период перехода к коммунизму. Функции и активность их в ходе коммунистического строительства будут неуклонно возрастать. В их компетенцию передаются все новые и новые дела. Работа их совершенствуется в том направлении, что они все теснее связываются с населением, все полнее выявляют его запросы и его волю. С этой целью при Советах создаются многочисленные комиссии, а депутаты принимают активное участие в рассмотрении всех вопросов, поднимаемых избирателями.

Особенно способствует развитию социалистической демократии практика всенародного обсуждения проектов законов

и постановлений государства, важнейших вопросов экономического и культурного строительства. На всенародное обсуждение были поставлены, например, проекты законов о перестройке управления промышленностью и строительством СССР, о пенсиях, о народном образовании и др. Эта практика и в дальнейшем будет применяться и совершенствоваться.

Характерным для периода перехода к коммунизму становится постепенное расширение прав местных органов. За центральными экономическими органами сохраняются только те функции, которые необходимы для руководства народным хозяйством как единым целым. Все возрастающая часть остальных дел передается на усмотрение местных органов. Права этих органов государство расширяет тем смелее, чем быстрее растут кадры опытных местных руководителей, культура и политическая сознательность населения.

В последние годы в Советском Союзе существенно расширены права республик, республиканских и областных органов власти, предприятий, колхозов и совхозов. В ведение республиканских властей передано большое число предприятий, которые раньше находились в общесоюзном подчинении.

Все это означает приближение руководства к массам, перенесение центра его тяжести туда, где решается судьба хозяйственных планов. А близость органов власти к массам облегчает возможность привлекать трудящихся к решению вопросов государственной жизни, к контролю над должностными лицами, делает более демократичными сами методы управления. Разумеется, расширение прав местных органов имеет свои границы. Они определяются общенародными интересами, необходимостью направлять из одного центра наиболее существенные экономические и социально-политические процессы.

Особое значение в период перехода к коммунизму приобретает совершенствование методов руководства народным хозяйством. Это главная сфера деятельности социалистического государства, сфера, которая с приближением к коммунизму будет не суживаться, а расширяться. В. И. Ленин еще в 1918 г. указывал, что аппарату типа советов народного хозяйства «суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества» [11].

В ходе строительства коммунизма хозяйственные органы должны, однако, пережить ту же эволюцию, что и политические, максимально приблизиться к производству, широко привлекать к участию в своей работе трудящихся. Ленинизм учит, что по мере продвижения к коммунизму управление хозяйством должно происходить на все более демократических основах.

Этому требованию отвечает проведенная в Советском Союзе в 1957 г. перестройка системы управления народным хозяйством. С образованием совнархозов при них начали действовать широкие технико-экономические советы. По стране в целом в них состоят десятки тысяч передовых рабочих, инженеров, техников, ученых. На предприятиях большое значение приобрели постоянные производственные совещания, в состав которых избрано шесть миллионов членов, в том числе рабочие, служащие, представители профсоюзов, администрации, комсомольских и партийных организаций, научно-технических обществ. Совещания получили большие права и возможность активно влиять на все стороны жизни предприятий.

Одна из серьезных задач проводимой перестройки состоит в том, чтобы пресечь все консервативные, бюрократические тенденции в управлении. Эти тенденции обычно проявляются в попытках выхолостить содержание социалистической демократии, свести ее к пустым формальностям, заменить деловые обсуждения парадной шумихой, живой и плодотворный обмен мнениями — бессодержательными речами и ни к чему не обязывающими резолюциями. Формализм — наиболее живучее проявление рутины и бюрократизма в современных условиях. Бюрократ в глубине души не верит в массы, пренебрежительно относится к их советам и запросам. Между тем коммунизм — дело самих масс, руководимых партией, он должен войти в сознание каждого человека, стать его плотью и кровью. Поэтому коммунистическая партия ведет неослабную борьбу против бюрократических явлений, привлекая к этому делу самих трудящихся.

Важная задача в период перехода к коммунизму — укрепление и развитие демократии в сельскохозяйственных кооперативах. Развитие товарно-денежных отношений не может происходить без того, чтобы одновременно не развертывались демократические формы и методы управления общественным хозяйством кооперативов. Чувство хозяйственной заинтересованности может укрепиться у колхозников только там, где общее собрание членов кооператива занимает должное место, где мнение рядовых колхозников имеет решающий вес при решении вопросов внутриколхозной жизни.

Передача ряда функций государства общественным организациям

Принципиально новое направление в развитии демократии, которое появляется в период перехода к коммунизму,— это постепенная передача функций государства общественным организациям.

В докладе на XXI съезде КПСС тов. Н. С. Хрущев говорил, что в ведение советских общественных организаций уже сейчас должны переходить вопросы культурного обслуживания населения, здравоохранения, ку-

рортного дела, физкультурного движения. Еще раньше общественность была привлечена к распространению политических и научных знаний среди населения. Общественные организации наряду с такими государственными учреждениями, как милиция и суды, должны взять на себя выполнение функции охраны общественного порядка и безопасности.

Таким образом, функции и права общественных организаций значительно расширяются. Это в первую очередь относится к организациям рабочего класса — профессиональным союзам. Вопросу о расширении прав и функций профсоюзов был посвящен декабрьский Пленум ЦК КПСС 1957 г. Теперь советские профсоюзы имеют еще больше возможностей вовлекать рабочих и служащих в управление производством, осуществлять контроль в области организации труда, заработной платы и быта трудящихся. Профсоюзные комитеты получили право участвовать в разработке производственных планов, заслушивать доклады руководителей предприятий о выполнении этих планов и обязательств по коллективному договору. Без согласия профсоюзного комитета администрация не может увольнять рабочих и служащих, устанавливать тарифные разряды и нормы выработки. Фабричные и заводские комитеты располагают правом в случае необходимости ставить вопрос о смещении или наложении взысканий на таких хозяйственных работников, которые не выполняют обязательств по коллективному договору, проявляют бюрократизм, нарушают трудовое законодательство.

Как указывается в решениях XXI съезда КПСС в ведение профсоюзов должны перейти также вопросы здравоохранения и курортного обслуживания.

Чем вызывается передача функций государства общественным организациям? Тем, что в условиях социализма *общественные* методы руководства в ряде случаев дают гораздо больший эффект, нежели методы административные, государственные. Общественные методы основаны на самодеятельности населения; они предполагают, что люди действуют не на основании указов и предписаний свыше, а на основе своих собственных, коллективно найденных решений, которые, стало быть, наиболее полно учитывают местные условия и интересы. Это громадное преимущество общественных, самодеятельных методов, позволяющее максимально заинтересовать людей, побудить их думать о делах, касающихся их коллектива, привлечь к участию в общественной жизни.

У самодеятельных методов есть и другое преимущество: люди охотнее, сознательнее и с большей готовностью исполняют те решения, которые выработаны при их участии, с их ведома, с учетом их интересов и предложений. Поэтому-то передача функций государства общественным организациям начинается именно с таких дел, где особенно ценна самодея-

тельность, где она может дать лучшие результаты (культурное обслуживание, спорт, отдых и т. п.).

Разумеется, было бы неправильно противопоставлять самодеятельные методы административным. Ведь социалистическое государство — это орган самих трудящихся, а его представительные учреждения, как мы видели, сами являются общественными организациями трудящихся. Они не стоят над обществом и не навязывают ему своей воли. Главное в деятельности социалистического государства — убеждение, обращение к политической сознательности граждан. В этом смысле и государственные, и общественные организации принципиально не отличаются друг от друга.

Тем не менее государство остается государством; оно не может еще на данном этапе полностью отказаться и от методов принуждения. Правильное соотношение между государственными и общественными организациями состоит, очевидно, в том, что они дополняют друг друга, как дополняют друг друга методы убеждения и принуждения.

С приближением к коммунизму роль общественных организаций будет все больше возрастать. К ним будут переходить все новые и новые функции, которые ныне выполняются органами власти. Государство сможет тогда сосредоточиться на решении коренных проблем развития народного хозяйства и повышения благосостояния народа, на согласовании и координации всех сторон общественной жизни, на обеспечении обороны страны.

Это предъявляет серьезные требования к самим общественным организациям. Из их практики должны быть изгнаны малейшие следы бюрократизма и формализма, вся их работа должна строиться на основе широкой инициативы и самодеятельности трудящихся, на всемерном развитии демократического начала.

Об условиях отмирания государства

Развитие социалистической демократии есть одновременно процесс подготовки условий для отмирания государства.

Вопрос об отмирании государства впервые был обоснован Марксом и Энгельсом. Они доказали, что государство не вечное установление. Родившись в результате раскола общества на враждебные классы, оно должно исчезнуть с построением бесклассового коммунистического общества. Произойдет это, подчеркивали основоположники марксизма, не в результате единовременного акта, а постепенно, по мере изменения социальных условий и сознания людей. «Государство не «отменяется», оно *отмирает*» [12],— писал Энгельс.

Отмирание государства конкретно означает следующее. Во-первых, постепенное исчезновение, растворение в обществе того *особого слоя людей,* которые постоянно заняты государ-

ственным управлением и которые, собственно, образуют государство. Иначе говоря, отмирание государства предполагает неуклонное сокращение, а затем и полную ликвидацию государственного аппарата, передачу его функций самому обществу, т. е. общественным организациям, всему населению. Во-вторых, отмирание государства означает постепенное исчезновение надобности в *принуждении* по отношению к членам общества.

Развитие и совершенствование социалистической демократии ведет как раз к этому. Если массы все шире привлекаются к управлению государством и производством, если все новые и новые функции государства передаются общественным организациям, то ясно, что нужда в особом государственном аппарате все более уменьшается, а со временем отпадет вовсе. Общественные организации, опирающиеся на самодеятельность трудящихся, делают большой аппарат ненужным. Когда само население следит за общественным порядком, то численность милиции, естественно, может быть сокращена.

Необходимость в принуждении также постепенно сойдет на нет. Первой отпала нужда в подавлении эксплуататорских классов, когда эти классы полностью исчезли. В дальнейшем вообще отпадет необходимость в принуждении какой-либо части общества, когда все граждане без всякого административного регламентирования будут выполнять свой долг на производстве, в общественно-политической жизни, в обороне родины, соблюдать нормы и правила социалистического общежития.

Отмирание государства не означает, однако, что в будущем вообще не будет никаких органов управления. Нет, необходимость в управлении общественным производством сохранится всегда, но только это будет не государство, а *общественное самоуправление.* «Вопрос об отмирании государства, если понимать его диалектически,— говорил в докладе на XXI съезде КПСС тов. Н. С. Хрущев,— есть вопрос о развитии социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление» [13].

Общественное самоуправление возникнет в результате развития и совершенствования социалистической демократии. Поэтому можно сказать, что процесс отмирания государства по сути дела уже идет. Органы государства постепенно преобразуются в органы общественного самоуправления. С другой стороны, переход к самоуправлению подготовляется развитием существующих общественных организаций. Вполне возможно, что в будущем возникнет новый тип общественной организации, которая вберет в себя все лучшее, что накоплено опытом работы партийных, государственных и профсоюзных организаций трудящихся.

Государство диктатуры пролетариата сыграло великую роль в становлении нового общества. Без его организаторской деятельности построить социализм было бы невозможно. Необходимость в государстве остается вплоть до полной победы коммунизма. Окончательно государство отомрет только тогда, говорил В. И. Ленин, когда «люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством» [14].

Вопрос об отмирании государства нельзя рассматривать и отвлекаясь от международных условий. Эти условия не могут отменить тех внутренних процессов, которые ведут к отмиранию государства. Однако они могут заставить более или менее надолго сохранить те функции, а стало быть, и органы государства, которые связаны с обороной страны, защитой мира и безопасности, с обеспечением мирного сосуществования и международного экономического сотрудничества.

До тех пор пока есть опасность агрессии со стороны империалистических государств, нельзя вести дело к ослаблению тех органов социалистического государства, которые служат для защиты от происков внешних врагов. На весь этот период полностью сохранится функция обороны страны от нападения извне, сохранятся вооруженные силы, разведка. Эта функция отомрет лишь тогда, когда исчезнет империализм.

Таким образом, отмирание государства — это сложный и противоречивый процесс. Диалектика его в том, что одни функции государства постепенно преобразуются или исчезают, а другие сохраняются и даже усиливаются.

Можно ли в связи с этим говорить об отмирании государства?

Да, можно, ибо общее направление развития в период перехода к коммунизму идет именно в эту сторону. Необходимость сохранения и усиления отдельных государственных функций, конечно, влияет на процесс отмирания государства, его формы и темпы, но ни в коей мере не отменяет этого процесса. В условиях социализма укрепление обороноспособности страны отнюдь не должно препятствовать развитию демократии внутри общества, все более широкому вовлечению масс трудящихся в управление общественными делами. Да и само усиление тех или иных функций социалистического государства не сводится к расширению и укреплению административного аппарата, в частности, органов принуждения. В этом отношении социалистический строй коренным образом отличается от буржуазного.

В сложившихся условиях международных отношеиий иадо иметь снльную армию, разведку, обороиную промышленность. Но снла социалистнческого государства ие только в иих. Его снла прежде всего в прочностн социальиой базы, в предаиности народа делу социализма. «Буржуазия,— говорнл Ленни,— только тогда прнзнает государство сильным, когда оно может всей мощью правнтельственного аппарата броснть массы туда, куда хотят буржуазные правнтелн. Наше понятне о снле иное. По иашему представлению государство снльно сознательностью масс. Оио сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить н ндут на все сознательно» [15].

Такое усиление государства не протнворечит его отмиранию, а, по сутн дела, подготовляет условия для отмирания государства.

Марксистско-ленинская партия в период перехода к коммунизму

Характериая черта развнтня социалистической демократин в период перехода к коммуннзму — возрастаине ролн коммунистической партии как направляющей и руководящей силы. Это необходнмо в ннтересах всего общества, в иитересах строительства коммуиизма.

Как уже говорилось, строительство коммуиистического общества, хотя оио н пронсходит на основе объектнвных закономерностей, осуществляется не стнхийно, не самотеком. Все более важную роль играет в нем созидательиая и целеустремленная деятельность трудящихся, иаправляемая единой волей в соответствии с заранее выработанными планамн. В этот пернод, как иикогда, необходнмо глубокое знанне закономерностей общественного развнтня и особенно вннмательный учет опыта миллиоиных масс трудящнхся. Но в этот период складываются н более благоприятные условия для сознательиого руководства общественными процессамн: возрастает экономнческая мощь, более совершенной становится организация общества, еще теснее сплачиваются все его социальные слои.

Реализовать открывающиеся огромные возможности можно только прн условни возрастания н совершенствоваиия руководящей роли марксистско-ленинской партии, олицетворяющей собой сознательное начало в строительстве коммунизма. Имеиио партия, вооруженная научной теорией, чутко прислушивающаяся к голосу практики, наиболее полно, всесторонне н глубоко познает объектнвные тенденции самой действительности н на этой основе направляет и органнзует творческую, целеустремленную деятельность широчайших народных масс.

Роль партии возрастает н в связи с пронсходящей передвижкой во взаимоотношениях государства и общественных

организаций. По мере того как государство постепенно передает многие свои функции общественным организациям, партия все больше выдвигается на первый план как руководитель всего общества и как ведущая сила среди всех общественных организаций. Партия руководит как процессом отмирания государства, так и деятельностью профсоюзов и других общественных организаций, помогая им занять то новое место, на которое они призваны встать на подступах к коммунизму.

Далее, без объединяющего руководства партии рост самодеятельности общественных организаций, расширение прав мест, постепенная децентрализация — все процессы, из которых складывается развитие демократии, могли бы привести к некоторым отрицательным для общества последствиям, в частности, к росту ведомственных и местнических тенденций. Они опасны тем, что интересы «своего» ведомства или «своего» района могут противопоставляться общегосударственным, общенародным интересам и причинять ущерб выполнению общих задач. А партия — организация, не зависящая от каких-либо ведомственных и местнических влияний, у нее всегда перед глазами интересы всего народа, и с этой точки зрения она подходит к каждому частному вопросу. Это особенно важно в такой многонациональной стране, как Советский Союз. Партия цементирует советский строй. Ее единство, основанное на общности коммунистических целей и идеологии, ее демократический централизм придают невиданную силу обществу, строящему коммунизм.

Понятно, что возрастание роли партии предъявляет повышенные требования к ней самой. Какие стороны ее деятельности приобретают особенно важное значение, об этом позволяет судить ценный опыт Коммунистической партии Советского Союза — первой марксистской партии, которой приходится руководить строительством коммунизма.

Руководство таким сложным делом, как строительство коммунизма, невозможно без способности к *творческим поискам нового,* без умения решительно заменять отжившие формы организации и методы работы, переставшие отвечать обстановке. Это качество особенно ценно, если учесть, что у любителей беззаботной жизни нередко возникает искушение снова и снова пользоваться теми же методами, которые были уместны вчера и позавчера, но явно нуждаются в замене новыми, более передовыми. Между тем в период развернутого строительства коммунизма многие вчерашние критерии уже утрачивают силу. Только такой успех, который сегодня достигается быстрее, легче, ценой меньших затрат, чем вчера, соответствует высоким требованиям момента. Двигаться вперед максимально высокими темпами и ценой минимальных издержек, повседневно выявлять и использовать все воз-

можности и преимущества, заложенные в социалистической системе,— вот что решает успех дела.

Партия никому не дает успокаиваться на достигнутом. Она зовет вперед и вперед, зовет к новаторству и показывает пример новаторства, при этом не скрывая трудностей, которые надо преодолеть, не замалчивая недостатков, сосредоточивая усилия всего народа на решении назревших новых задач. Благодаря такому руководству творческие силы народа удесятеряются и постепенное перерастание социалистического общества в коммунистическое совершается успешно.

По мере продвижения в глубь новой формации, перед партией возникает все больше таких вопросов и проблем, с которыми теория марксизма-ленинизма раньше совсем не сталкивалась или решала их лишь в самом общем виде. В этих условиях смелое творчество в области *теории* становится непременной предпосылкой движения вперед. Коммунистическая партия Советского Союза с честью решает сложнейшие вопросы, выдвигаемые жизнью. Достаточно указать на тот вклад, который внесли в марксистско-ленинскую теорию XX и XXI съезды КПСС, по-новому осветившие ряд важнейших вопросов строительства коммунизма в СССР, международного положения и коммунистического движения.

Деятельность КПСС наглядно доказывает, что развитие теории заключается не в бездумном нанизывании цитат, на котором набили руку всякого рода начетчики — люди ленивой мысли, а в глубоком изучении и обобщении опыта живой жизни. Главное теперь в том, чтобы не ограничиваться пропагандой теории коммунизма, а сосредоточить усилия на творческом применении принципов марксизма-ленинизма на практике, на решении задач коммунистического строительства. Единство теории и практики в этих условиях важно как никогда.

Чтобы конкретно руководить строительством коммунистического общества, партия должна иметь *кадры квалифицированных работников,* разбирающихся во всех тонкостях дела. Поэтому КПСС ориентирует все свои организации, всех своих членов на конкретное изучение хозяйства, техники, на изучение экономических законов и форм их проявления. Это может не устраивать только тех, кто хотел бы ограничиться агитацией за коммунизм «вообще», кто не понимает, что в период развернутого строительства коммунизма нужны *люди дела,* способные повести массы на решение великих задач нашего времени.

С этим связано то большое значение, которое приобретает в этот период *организаторская работа.* Когда политическая линия выработана, центр тяжести переносится на подбор руководителей, на четкую организацию деятельности тысяч и миллионов людей, на выработку конкретных мер, способных

обеспечить ритмичную работу предприятий, рост общественного хозяйства колхозов и доходов колхозников, повышение культуры и сознательности трудящихся. Именно такой подход к своей руководящей роли, которая не просто провозглашается, а подкрепляется кипучей практической работой, характерен для Коммунистической партии Советского Союза.

Огромное значение приобретает дальнейшее *укрепление связей партии с массами.* О развитии новых форм и методов укрепления связей партии с массами подробно уже говорилось выше (стр. 681). Вырабатываемые партией политические установки, планы строительства коммунизма реализуются тем успешнее, чем полнее они учитывают мнение народа, вбирают в себя его мудрость и творческую инициативу, осознаются миллионами трудящихся и становятся их кровным делом. Это со всей силой подтверждает опыт Коммунистической партии Советского Союза, постоянно совершенствующей формы укрепления своих связей с массами трудящихся.

Партия может возглавить творческую активность масс и руководить процессом развития социалистической демократии только тогда, когда она развивает *демократию в своих собственных рядах.* Крутой поворот к ленинским принципам и нормам партийной жизни, осуществленный КПСС за последние годы, вызван не только конкретными потребностями текущего момента; он имеет в виду и более широкие перспективы. Как известно, партия в своей деятельности опирается не на принуждение, а на убеждение, политическое просвещение, разъяснение, и в этом смысле методы работы, выработанные партией, послужат прообразом методов управления в коммунистическом обществе. Внутрипартийная жизнь воспитывает в членах партии такую высокую коммунистическую сознательность, такие черты характера и нормы поведения, которые предвосхищают многие черты коммунистического человека. Со временем дело придет к тому, что идеология партии, ее принципы и нормы жизни станут достоянием всего общества. Фактически каждый человек станет тогда сознательным коммунистом.

Конечно, явные и скрытые противники коммунизма страстно желали бы, чтобы коммунистическая партия поскорее начала свертывать свою руководящую деятельность. Но этого они не дождутся! Интересы коммунистического строительства требуют не ослабления, а, наоборот, укрепления руководящей роли партии, всемерного совершенствования ее деятельности во всех областях общественной жизни — политике и экономике, науке и культуре, литературе и искусстве.

6. Международное значение коммунистического строительства в СССР

Строительство коммунизма в Советском Союзе происходит в настоящее время в условиях существования двух мировых социальных систем. Это придает важный международный аспект решению проблем коммунистического строительства. Достижение того или иного рубежа на пути к коммунизму становится уже не только заметной вехой во внутренней жизни СССР, но и важным международным событием. Хозяйственные и технические достижения, подъем жизненного уровня, развитие демократии — все это имеет значение не только для советских людей, но и для хода и исхода того великого экономического, политического и идеологического соревнования, которое развернулось между двумя системами.

Перспективы экономического соревнования СССР с капиталистическими странами

На пути к коммунизму Советскому Союзу предстоит одержать великую экономическую победу над капитализмом. Речь идет о выполнении основной экономической задачи СССР. Суть ее в том, чтобы в исторически короткие сроки перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

Соревнуясь с капитализмом, Советский Союз должен догнать и перегнать по этому показателю в основном четыре страны, которые считаются наиболее развитыми странами капитализма: США, Англию, ФРГ и Францию. Но обычно экономические достижения СССР сопоставляются с показателями Соединенных Штатов Америки, потому что это главная, наиболее мощная капиталистическая страна. Перекрыть показатели США — это значит превзойти высшие достижения капитализма, тот «потолок», которого он смог достичь как социально-экономическая система.

Тот факт, что Советский Союз поставил своей непосредственной целью обогнать США, сам по себе говорит об огромных возможностях, которыми располагает теперь первое в мире социалистическое государство, о его мощном экономическом потенциале. Теперь уровень производства в США уже не является для СССР чем-то недосягаемым, как это могло кое-кому казаться лет 25—30 тому назад. В настоящее время по некоторым видам продукции, как, например, по пшенице, заготовкам древесины и производству сахара, в Советском Союзе превзойден уровень американского производства. Существенно сократился разрыв в уровне добычи железной руды и угля, производства чугуна и стали, некоторых машин и приборов, хлопчатобумажных и шерстяных тканей. Советским народом поставлена вполне реальная задача — в ближайшие

годы догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения.

Важным рубежом на пути к решению основной экономической задачи будет выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства и культуры СССР (1959—1965 гг.). Максимальный выигрыш времени в мирном экономическом соревновании с капитализмом — коренная проблема этого семилетия. В предстоящие годы Советский Союз осуществит новый мощный подъем экономики, культуры и материального благосостояния народа. Достаточно сказать, что объем валовой продукции промышленности увеличится в 1965 г. по сравнению с 1958 г. примерно на 80%. Это огромная цифра: прирост промышленной продукции за семилетку будет равняться всему приросту продукции за последние 20 лет.

Еще более грандиозную программу намечает перспективный план Советского Союза, рассчитанный на 15 лет. Главные направления развития производительных сил в этот период были очерчены в докладе Н. С. Хрущева на юбилейной сессии Верховного Совета СССР в ноябре 1957 г. По предварительным наметкам, в ближайшие 15 лет основные отрасли промышленности Советского Союза увеличат свою продукцию в 2—3 раза. Ежегодное производство промышленной продукции достигнет следующего уровня: по добыче железной руды — 250—300 млн. *т*, выплавке чугуна — 75—85 млн. *т*, стали — 100—120 млн. *т*, добыче угля — 650—750 млн. *т*, нефти — 350—400 млн. *т*, добыче и производству газа — 270—320 млрд. *куб. м*, выработке электроэнергии — 800—900 млрд. *квт-ч*, производству цемента — 90—110 млн. *т*, сахара — 9—10 млн. *т*, шерстяных тканей — 550—650 млн. *м*, обуви кожаной — 600—700 млн. пар.

Это предварительный прогноз, который может быть скорректирован жизнью в ту или другую сторону. И скорее всего он будет скорректирован в сторону сокращения сроков осуществления намеченных планов.

В результате выполнения своих хозяйственных планов Советский Союз уже к 1965 г. по абсолютному производству некоторых главнейших видов продукции превзойдет, а по другим приблизится к тому уровню промышленного производства, который США имеют в настоящее время (1958—1959 гг.). Производство же важнейших продуктов сельского хозяйства в целом и на душу населения превысит современный уровень Соединенных Штатов.

Если к 1965 г. еще не удастся перекрыть уровень производства промышленной продукции на душу населения, достигнутый в США, то во всяком случае европейские страны развитого капитализма — Англия, ФРГ и Франция останутся позади.

После этого понадобится, вероятно, еще пять лет, чтобы догнать и превзойти по производству промышленной продукции на душу населения Соединенные Штаты Америки. Стало быть, к этому времени, а может быть и раньше, Советский Союз выйдет на первое место в мире как по абсолютному объему производства, так и по производству продукции на душу населения. *Это будет всемирно-историческая победа социализма в мирном соревновании с капитализмом на международной арене.*

Было бы упрощенчеством полагать, что, догнав США в экономическом отношении, Советский Союз тем самым завершит строительство коммунизма. Нет, это не конечный рубеж, а, как образно выразился Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС, лишь «разъезд, на котором мы сможем нагнать самую развитую капиталистическую страну, оставить ее на этом разъезде, а самим двигаться вперед» [16].

Трудящиеся Советского Союза абсолютно уверены в реальности намечаемых планов. Эта уверенность основана на том, что народное хозяйство Советского Союза развивается темпами, недосягаемыми для капиталистических стран. Среднегодовые темпы роста промышленного производства в СССР за 40 лет (1918—1957 гг.) составили 10,1%, а в Соединенных Штатах Америки — только 3,2%. За семилетие 1952—1958 гг. соответственные показатели были: для СССР — 11,4%, а для США — 1,6%. Такое соотношение в темпах экономического развития сохранится, по-видимому, и в будущем.

Эта уверенность, далее, покоится на том, что Советская страна располагает мощной социалистической индустрией, крупным механизированным сельским хозяйством, высококвалифицированными кадрами, способными решать самые сложные технические задачи, неисчерпаемыми природными богатствами. Все это открывает безграничные возможности для роста производства, для повышения жизненного уровня населения.

Значение намечаемых планов коммунистического строительства в СССР еще более возрастет на фоне имеющихся успехов и перспектив дальнейшего развития других социалистических стран.

Равномерное движение социалистических стран к коммунизму

Предстоящее семилетие будет решающим этапом не только в экономическом соревновании СССР с высокоразвитыми странами капитализма. Это в то же время и решающий этап в экономическом соревновании с капитализмом всего мирового лагеря социализма. По подсчетам экономистов, в результате выполнения и перевыполнения семилетнего плана развития народного хозяйства СССР, а также планов развития экономики других социали-

стических стран социалистический лагерь будет производить в 1965 г. *более половины мировой промышленной продукции.* Тем самым господствующей экономической системой на нашей планете станет социализм.

Успехи в экономическом и политическом развитии социалистического лагеря позволяют по-новому подойти к вопросу о *перспективах движения человечества к коммунизму.*

Еще не так давно в коммунистическом движении обсуждался вопрос о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Ответ на этот вопрос дан всемирноисторическим ходом общественного развития. В Советском Союзе социализм победил не только полностью, но и окончательно. В мире нет сейчас таких сил, которые смогли бы восстановить капитализм в Советской стране, сокрушить социалистический лагерь. Опасность реставрации капитализма в СССР исключена.

Теперь жизнь выдвинула новый вопрос, имеющий принципиальное теоретическое и политическое значение. Это вопрос о том, как пойдет дальше развитие социалистических стран к коммунизму. На этот вопрос ответил XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. В докладе Н. С. Хрущева на съезде говорилось: «Теоретически правильнее предположить, что страны социализма, успешно используя заложенные в социалистическом строе возможности, более или менее одновременно будут переходить в высшую фазу коммунистического общества»[17].

Этот вывод XXI съезда имеет огромное значение для практики коммунистического строительства. Он означает, во-первых, что коммунистическое общество может быть построено до победы над капитализмом во всем мире. Базой для коммунистического сообщества народов послужит мировой социалистический лагерь. Он означает, во-вторых, что, несмотря на разницу в уровне развития, социалистические страны вступят в коммунистическое общество примерно в одно и то же время.

Эти замечательные перспективы воодушевляют трудящихся социалистических стран, еще больше укрепляют в них уверенность в конечной победе дела коммунизма.

Откуда вытекает возможность более или менее одновременного вступления стран социализма в высшую фазу коммунистического общества? Она определяется законами экономического развития мировой социалистической системы хозяйства.

Выше, в главе 25, указывалось, что в мировой социалистической системе действует закон планомерного, пропорционального развития. Его действие проявляется в том, что экономически отставшие в прошлом страны, опираясь на сотрудничество и взаимопомощь, быстро подтягивают свою экономику

и культуру до уровня передовых. Происходит выравнивание общей линии экономического и культурного развития всех стран. В этом и заложена возможность более или менее одновременного перехода Советского Союза и всех других социалистических стран к коммунизму.

Какие факторы играют решающую роль в этом деле?

Во-первых, высокие темпы социалистического накопления. Плановая социалистическая экономика позволяет всем странам ежегодно направлять крупные средства на новое капитальное строительство и тем самым обеспечивать быстрое развитие всего народного хозяйства в целом. Опыт показывает, что страны, отставшие в экономическом отношении, могут развивать свое хозяйство ускоренными темпами. Разумеется, чтобы совершить скачок от отсталости к прогрессу, требуется напряжение сил, но, как показала история индустриализации Советского Союза, это целиком окупает себя.

Во-вторых, возможность для экономически отставших стран опереться на самую современную техническую базу, которую им помогают создавать индустриально развитые социалистические государства. При этом подтягивание отставших социалистических стран до уровня передовых не вызывает соперничества между ними, а создает наиболее благоприятные условия для ускорения *общего* движения вперед, для бурного роста всего мирового социалистического хозяйства.

В-третьих, преимущества системы специализации и кооперирования, сложившейся внутри социалистического лагеря. Благодаря этой системе каждая страна имеет возможность наладить массовый выпуск той продукции, для производства которой она обладает наиболее благоприятными условиями, имея в виду удовлетворение не только собственных потребностей, но и потребностей братских стран. А массовое производство позволяет в широких размерах внедрять передовые методы и новейшую технику, приближаясь по уровню производительности труда к передовым странам.

В-четвертых, братская взаимопомощь социалистических стран. Предоставление развитыми странами кредитов, поставки оборудования, безвозмездная передача технической документации, содействие в подготовке кадров — все это самым эффективным образом помогает устранить имеющуюся разницу в экономическом развитии социалистических стран. Характер взаимопомощи социалистических стран таков, что она в первую очередь способствует индустриализации и развитию экономических ресурсов каждой страны. Но, разумеется, помощь со стороны других не отменяет, а, наоборот, предполагает собственные усилия каждой страны в ускорении темпов ее продвижения к коммунизму.

Когда коммунистическое общество будет построено во всех страиах социализма, это будет всемирно-историческое достижение их народов. Оио вызовет коренные сдвиги во всем мире.

Воздействие успехов коммунистического строительства на мировое развитие

Успехи коммуиистического строительства в СССР, как и достижеиия стран народной демократии, создают огромные возможиости для решеиия главиой проблемы современиости — спасения человечества от угрозы атомной войны.

Мировой социалистический лагерь, идущий в аваигарде всего миролюбивого человечества, оказывает сильиое отрезвляющее воздействие на агрессивные круги империализма. С дальнейшими успехами коммунистического строительства эта *спасительная миссия* лагеря социализма выступит еще более наглядно. Как показал XXI съезд КПСС, на их основе возникает *реальная возможность исключить мировую войну из жизни человеческого общества.*

Представим себе картииу ближайшего будущего. В первую промышлеиную державу мира превратится Советский Союз. Могучим индустриальным государством станет народный Китай. Процветающими, экономически высокоразвитыми будут все народно-демократические государства. К этому времени, несомиенно, улучшат свое экоиомическое положеиие миролюбивые государства Востока. Международное рабочее движение станет еще более мощным и организоваиным. Демократические силы во всем мире одержат иовые успехи.

Все это еще больше измеиит соотиошеиие сил на мировой арене в пользу мира и социализма. Еще до победы социализма на всем земиом шаре война может быть исключеиа из жизни народов. Коиечио, это не придет само собой, потребуются усилия, неустаниая борьба и бдительность народов к проискам поджигателей войны. Но сама перспектива покончить с войнами не может не воодушевить все народы, ие может не усилить их борьбу за спасение всеобщего мира. И в этом — великая заслуга мирового лагеря социализма.

В свете перспектив коммунистического строительства в СССР по-иному вырисовываются возможиости рабочего класса капиталистических стран. До сих пор буржуазия еще могла спекулировать на недостатках и трудиостях строительства нового общества. Возможностям для таких спекуляций наступает конец. Недалек день, когда трудящиеся Советского Союза будут иметь *самый короткий в мире рабочий день, самую короткую рабочую неделю и самый высокий в мире жизненный уровень.*

Вместе с успехами в развитии социалистической демократии и культуры это самым доступным и убедительным образом покажет широким трудящимся массам капиталистических стран преимущества социалистической системы. Еще

больше увеличится притягательная сила марксизма-ленинизма, которая привлечет на сторону научного социализма новые миллионы людей. Все это серьезно расширит и укрепит фронт сил, выступающих за переход к новому общественному строю. Процесс социального освобождения трудящихся пойдет более быстрыми темпами. В частности, еще более реальной окажется перспектива мирного перехода к социализму.

Когда успехи коммунистического строительства в Советском Союзе сделают его самой могучей в экономическом отношении державой и помогут лагерю социализма превзойти капиталистический мир по размерам промышленного производства, то это окажет глубокое воздействие на слаборазвитые страны Азии, Африки, Латинской Америки.

Помощь, которую оказывает им социалистический лагерь в преодолении экономической и культурной отсталости, станет еще более эффективной. Народы социалистических стран считают такую помощь выполнением своего интернационального долга перед той частью трудящегося человечества, которую капитализм обрек на наиболее тяжкие муки подневольного труда, нищеты, голода и национального унижения. Социалистические государства будут в еще более широких масштабах претворять в жизнь новые принципы международной солидарности, согласно которым более развитые социалистические страны оказывают помощь странам, экономическое развитие которых задержал империализм.

Грядущие победы коммунизма окажут огромное влияние на выбор народами освободившихся стран Востока путей своего исторического развития. Трудящиеся, все национальные и демократические элементы этих стран все больше будут убеждаться в том, что подлинную независимость, избавление от нищеты, истинную демократию можно обрести только на том пути, который указан всему угнетенному и эксплуатируемому человечеству научным социализмом Маркса, Энгельса, Ленина.

Таковы вдохновляющие всемирно-исторические перспективы, которые открываются в связи с успехами коммунистического строительства в СССР. Они служат мощным стимулом для трудящихся Советского Союза в их борьбе за построение самого справедливого, коммунистического общества, за мир, демократию и социальный прогресс во всем мире.

ГЛАВА 27

О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Определяя условия, при которых утвердится высшая — коммунистическая — фаза нового строя, Маркс писал: «...После того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда... общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» [1]

Эти условия, названные Марксом, постепенно складываются в социалистических странах, и прежде всего в Советском Союзе, в результате развития тенденций, о которых говорилось в предыдущей главе. В конце концов они с закономерной исторической необходимостью приведут к полной победе коммунизма.

Рождение этого нового, самого высокого строя — дело не такого уж далекого будущего. Вот почему вопрос о том, что такое коммунизм, приобретает в наше время большой практический интерес для миллионов трудящихся. Они хотят и должны знать, какое общество вырастает в результате их усилий, их повседневных дел — больших и малых, героических и будничных.

Может ли общественная наука удовлетворить этот интерес? Если говорить не о деталях, а об общих чертах нового общества — безусловно может.

Надо, конечно, иметь в виду, что победа коммунизма не означает остановки в историческом развитии, что коммунистическое общество будет непрерывно видоизменяться и совершенствоваться. Нельзя поэтому точно предсказать, каким оно станет по прошествии веков, а тем более тысячелетий.

Но на вопрос о том, каким застанут коммунизм многие из наших современников, каким будет коммунистический строй на первых ступенях его развития,— на этот вопрос вполне достоверный ответ возможен уже сегодня. Его дает марксистско-ленинская теория.

При этом она не пытается подгонять коммунизм под какие-то заранее сочиненные схемы, а целиком основывается на анализе тенденций современной действительности, из которых и вырастает непосредственно коммунистическое будущее человечества.

1. Общество всеобщего достатка и изобилия

Коммунизм — это общество, которое раз и навсегда кладет конец нужде и бедности, обеспечивая благосостояние всем своим гражданам.

Претворяется в жизнь извечная мечта людей труда об изобилии. Путь к этому открывает социалистическое преобразование общества, кладущее конец частной собственности на средства производства, эксплуатации человека человеком и несправедливым общественным порядкам. Оно снимает преграды, мешавшие развитию производительных сил, дает возможность со временем создать могучую материально-техническую базу, необходимую для достижения изобилия материальных благ.

Материально-техническая база коммунизма создается, как мы видели, прежде всего в результате комплексной механизации и социалистической автоматизации производства, бурного роста энергетики, решительного подъема химической и других перспективных отраслей промышленности, коренного преобразования сельскохозяйственного производства на основе новейших достижений науки и техники.

Думая о коммунистическом изобилии, сегодня уже нет нужды мечтать о скатертях-самобранках или о сказочных странах, где в кисельных берегах текут молочные реки. Достаточно четкого представления о том, какие блага уже в недалеком будущем могут дать людям успехи социалистической науки, техники и организации производства.

Первой заботой человека всегда была забота о хлебе насущном. Коммунизм полностью и навсегда решит эту проблему.

В коммунистическом обществе труд на земле превратится в разновидность индустриального труда, сельское хозяйство будет щедро насыщено разнообразными и совершенными машинами, будет вестись на основе самых передовых научных методов. Это вызовет невиданный подъем производительности

сельского хозяйства, откроет возможность в избытке снабдить всех членов общества здоровым, вкусным и разнообразным питанием.

Задача эта вполне реальная. Прочную основу для ее решения создают уже нынешние достижения агротехники и биологии, успехи в механизации сельскохозяйственного производства. Если бы эти достижения могли быть применены во всех странах мира, одно это, по подсчетам ученых, дало бы возможность в соответствии с научно обоснованными нормами полностью обеспечить продовольствием не только нынешнее, но и во много раз большее население земли.

Чем выше уровень цивилизации, тем шире и разнообразнее ассортимент тех вещей и услуг, в которых люди испытывают потребность. Уже сегодня в понятие благосостояния входят не только хорошее питание, но также удобные и просторные жилища, доброкачественная и красивая одежда, разнообразные предметы обихода, облегчающие и украшающие быт. Это и удобные средства транспорта, и предметы, необходимые для культурного времяпрепровождения (книги, радиоприемники, телевизоры, музыкальные инструменты, спортивный инвентарь), и множество других вещей.

Коммунизм ставит своей целью полное удовлетворение потребностей людей во всех этих вещах и услугах. Современные достижения науки, техники и организации производства делают это вполне осуществимым.

Что, в самом деле, может помешать решению этой задачи, несмотря на всю ее сложность?

Нехватка сырья? Оскудение кладовых, приготовленных для человечества природой? Уже сегодня видно, что такая опасность не угрожает людям. Огромные резервы сырья для производства предметов потребления раскрывает подъем сельского хозяйства. Но еще больше обещает создание и использование различных синтетических материалов, не только не уступающих по качеству, но и во многом превосходящих натуральные. Человек научился получать замечательные новые материалы из угля и природного газа, нефти и отходов древесины, морской воды и даже воздуха. Это путь, который даст возможность уже в близком будущем радикально решить сырьевую проблему.

Не может стать препятствием к изобилию и нехватка рабочих рук, ибо нет пределов производительности человеческого труда. Люди уже научились ставить себе на службу такие могучие силы природы и создавать такие машины, которые увеличивают их производительную способность в тысячи и тысячи раз. Они открыли неисчерпаемые источники энергии в самой природе, окружающей человека,— в воде, воздухе, земных недрах, наконец, в атоме. Они научились делать умнейшие машины-автоматы, которые в сравнительно

недалеком будущем смогут буквально завалить человечество всем, что ему нужно для жизни.

Достижения современной науки и техники, открытия, на пороге которых они стоят, делают осязаемой и реальной перспективу удовлетворения всех потребностей членов общества не только в предметах первой необходимости, но постепенно и в таких вещах и услугах, которые сегодня считаются предметами роскоши.

Научный коммунизм, таким образом, рассматривает проблему всеобщего достатка и изобилия в неразрывной связи с проблемой развития социалистического производства и повышения производительности труда. Это, несомненно, единственно реальный подход. Он отличает марксистов от всех сторонников идеи так называемого «потребительского коммунизма», которые, рассуждая о путях к изобилию, делали упор не на производстве, а на распределении материальных благ. Их идеалом был простой раздел, дележ между членами общества всех накопленных богатств — как находящихся в индивидуальном владении, так и тех, которые сосредоточены в руках общества и должны использоваться для развития производства. Но такой дележ может дать только кратковременную иллюзию всеобщего благополучия. А затем он неминуемо привел бы не к изобилию, а к оскудению, не к поравнению в богатстве, а к поравнению в бедности. Справедливая система распределения, по глубокому убеждению марксистов, подтверждаемому опытом жизни, может принести свои блага только в том случае, если она опирается на мощное, непрерывно развивающееся производство, если общество думает не только о том, как поделить имеющиеся блага, но и о том, как их постоянно приумножать.

Итак, путь к созданию коммунистического изобилия — дальнейшее быстрое развитие крупной машинной индустрии социалистического общества. Сегодня закономерность такого пути самоочевидна. Но в эпоху, когда этот вывод был сделан Марксом и Энгельсом, положившими его в основу научного коммунизма, это было крупнейшим открытием социалистической мысли. В ту пору самое широкое распространение имели взгляды тех представителей утопического социализма, которые считали, что благосостояния народа можно достигнуть, лишь вернувшись от крупной машинной индустрии, родившейся в эпоху капитализма, к мелкому производству. Кто теперь может сомневаться, что это был бы путь, который в конце концов привел бы к реставрации капиталистических порядков — к регрессу, а не прогрессу человечества!

Рассматривая крупное современное производство, технический и научный прогресс как единственно возможную основу создания изобилия, марксизм-ленинизм вовсе не сводит решение этой проблемы только к производству, только

к техиике. Нет, у этой проблемы есть ие менее важная *социальная* стороиа. Ее решение попросту невозможно без тех социальиых условий, которые складываются после победы социализма. Никакой техиический и научный прогресс при капитализме не может обеспечить изобилия для всех членов общества. Живой пример — Соединенные Штаты, самая богатая и развитая страна капиталистического мира, где высокий уровень производства мог бы, кажется, обеспечить безбедную жизнь всему народу и где, иесмотря на это, есть миллионы и миллионы плохо питающихся, иеустроениых в бытовом отношении, нуждающихся в самом необходимом людей.

Значит, только в соединении с принципами социализма высокая техника производства дает подлииное изобилие для всего иарода. Только после преобразования на социалистических, а затем коммуиистических иачалах общественного строя, производства и распределения материальных и духовных благ это изобилие иачинает приносить свои плоды *каждому* члену общества.

2. От каждого по способностям

При коммуиизме, как и при любом другом общественном строе, едииственным источником всех ценностей останется человеческий труд. «Не барская жизиь, где царит лень и праздность, будет при коммунизме, а рабочая, трудовая, культуриая и иитересная жизиь!» *(Н. С. Хрущев)* [2].

Поэтому, как бы ни развивалась техника, какие бы победы ни одерживала наука, нерушимым принципом коммунистического строя останется: от каждого по способностям.

Как известио, этот принцип господствует и при социализме, утверждая долг всех членов общества трудиться в меру своих способностей. Коммунизм вносит, однако, глубокие изменения в содержание формулы «от каждого по способностям».

Во-первых, обеспечивая всестороииее развитие личности, условия коммуиистического строя ведут к расцвету всех способностей человека и тем самым делают труд, совершаемый в меру его способиостей, гораздо более производительным. Во-вторых, выполнение каждым его долга трудиться по способностям обеспечивается при коммунизме иными, нежели при социализме, путями. В социалистическом обществе, как известио, решающее значение имеют материальные стимулы (оплата по труду), действующие в сочетании с моральными. При коммуиизме все члены общества будут работать, побуждаемые исключительно моральными стимулами, высокой сознательностью. Иными словами, это будет бесплатный труд при бесплатном же удовлетворении всех потребностей работников.

«Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова,— писал Ленин,— есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма» [3].

Ясно, что труд сможет превратиться в привычку, в жизненную потребность каждого человека не только тогда, когда сознательность людей достигнет больших высот, но и когда изменится сам характер трудовой деятельности.

Одно из главных условий для этого складывается уже при социализме — исчезает эксплуатация человека человеком. Другие условия создаются в период перехода к коммунизму. Происходит замена человеческого труда машинным повсюду, где требуется затрата чрезмерных физических усилий, где работа монотонна и выматывает человека. Неуклонно сокращается время, затрачиваемое на труд в материальном производстве. Наконец, ликвидируется старое разделение труда, которое уродовало человека, на всю жизнь приковывало его к одной профессии, как каторжника к тачке, преграждая путь к развитию его способностей и склонностей.

Так на основе технического перевооружения производства и широкого применения в нем достижений науки, на основе социального и культурного прогресса нового общества преображается трудовая деятельность людей. При коммунизме человеческий труд до конца освободится от всего, что делало его на протяжении тысяч лет тяжкой обузой. Он станет не только свободным, но и подлинно творческим. В автоматизированном производстве коммунистического общества в труде человека все большее место будут занимать те функции, которые не способна выполнить никакая машина, т. е. прежде всего функции творческие, связанные с конструированием и совершенствованием машин.

Примерную картину того, какой характер будет приобретать труд при коммунизме, можно составить, имея в виду следующие его основные черты:

каждый работник и по квалификации и по характеру трудовой деятельности выполняет функции, которые в современном производстве несет инженер;

люди отдают производству 20—25 часов в неделю (т. е. примерно 4—5 часов в день), а со временем и меньше;

каждый человек может выбрать себе занятие в соответствии со своими склонностями и способностями и при желании изменить его;

все таланты и способности, заложенные в людях, находят полное развитие и применение либо в процессе их производственной деятельности, либо в свободное от работы время;

работая, человек может не думать о заработке, о том, сколько он получит за труд, ибо все заботы об удовлетворении его потребностей взяло на себя общество;

труд окружен в обществе высочайшим уважением и становится в глазах окружающих главным мерилом достоинства человека.

В таких условиях труд, естественно, превращается в свободное, добровольное дело, во внутреннюю потребность, в привычку всех членов общества, ибо творческий труд по душе всякому нормальному человеку и является, как писал Энгельс, «высшим из известных нам наслаждений» [4].

Чтобы труд давал людям радость, нет нужды превращать трудовую деятельность в своего рода занятную игру, не требующую никакого напряжения физических и умственных сил, как это представляли себе некоторые утопические социалисты. Полемизируя с такими наивными взглядами, Маркс писал, что «свободный труд, например, труд композитора, есть вместе с тем дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение». Не менее серьезное дело — работа конструктора, изобретателя, писателя — словом, всякий подлинно творческий труд. Но разве напряжение, с которым он связан, делает такой труд менее привлекательным?

Свободный творческий труд при коммунизме будет давать членам общества такое глубокое удовлетворение, что и с понятием досуга у них не будет связываться представление о полной праздности. Вполне вероятно, что помимо своей основной производственной деятельности, которая отнимет у них лишь незначительную часть дня, множество людей захочет посвятить себя занятиям в области науки, изобретательства, искусства, литературы и т. д. Уровень общей культуры и специальных знаний миллионов людей будет настолько высоким, что все эти виды «самодеятельности» составят постоянно растущий вклад в развитие и процветание общества.

Высшую радость свободного и творческого труда коммунизм из достояния немногих постепенно сделает достоянием всех, а время, затрачиваемое на труд, из времени, вычеркнутого из жизни, каким оно было для миллионов на протяжении веков, станет временем, обогащающим жизнь.

Это будет великим достижением коммунистического гуманизма. Результаты его скажутся во всех областях жизни об-

щества, рождая новые отношения между людьми, создавая предпосылки невиданного расцвета личности и обеспечивая условия для утверждения новой, коммунистической формы распределения.

3. Каждому по потребностям

Коммунизм вводит такую форму распределения материальных и духовных благ, которая основана на принципе: каждому по потребностям. Иными словами, каждый человек, независимо от его положения, от количества и качества труда, которое он способен дать обществу, получает от него без денег все, в чем испытывает потребность.

Легко понять, что это означает не только величайший переворот во взглядах на труд, который, как показано выше, перестает быть просто средством заработка. Вместе с исчезновением необходимости в контроле за мерой труда и потребления, вместе с отменой денег и исчезновением товарно-денежных отношений коренным образом меняется сам характер связей между человеком и обществом. Эти связи окончательно освобождаются от корыстных соображений, от всего того, что вносила в них погоня за заработком, за материальной выгодой.

Возможность в любое время бесплатно получить из общественных запасов все, что нужно для культурной и обеспеченной жизни, оздоровит всю психику людей, на которую перестанет давить забота о завтрашнем дне. В новой психологии и новой морали уже не будет места мыслям о доходах и частной собственности, охота за которыми составляла при капитализме весь смысл жизни для многих людей. Человек получит наконец возможность посвятить себя высоким интересам, среди которых на первый план выйдут интересы общественные.

Распределение по потребностям вводится при коммунизме, однако, не из одних гуманных соображений, не только из стремления освободить всех членов общества от заботы о будущем. Это делается и из прямой *экономической необходимости,* которая возникает на этой высокой ступени развития общественного производства. Распределяя материальные и духовные блага в соответствии с потребностями людей, коммунистический строй создает тем самым наилучшие условия для дальнейшего развития своей главной производительной силы — трудящегося человека, для расцвета всех его способностей. От этого в равной мере выигрывает как личность, так и общество. Указывая на это обстоятельство, Энгельс писал, что «распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше

всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности»[5].

Некоторые недалекие критики марксизма пытаются доказать неосуществимость идеалов коммунистического общества, ставя различные «каверзные» вопросы. Если все блага будут распределяться бесплатно, спрашивают они, не захочет ли каждый приобретать ежедневно не только новый костюм, но и новый автомобиль? А что будет, если каждый член общества потребует себе дворец в несколько десятков комнат или пожелает обзавестись коллекцией драгоценностей и уникальных произведений искусства?

Авторы подобных нелепых предположений возводят поклеп на граждан будущего коммунистического общества, которым они приписывают собственные пороки. Коммунистический строй, разумеется, не может взять на себя удовлетворение любых причуд и прихотей. Его цель, подчеркивал Энгельс,— удовлетворение разумных потребностей людей в постоянно возрастающих размерах[6]. Значит ли это, что вместо денежных отношений понадобятся какие-то другие формы принудительной регламентации потребления? Нет, при коммунизме, надо думать, вообще не придется устанавливать, какие потребности разумны, а какие нет. Сами люди будут достаточно культурны и сознательны, чтобы не предъявлять обществу явно неразумных требований. Как писал Ленин в 1917 г., коммунизм «предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного»[7].

Для того чтобы воспитать у всех граждан разумное отношение к потреблению, конечно, понадобится некоторое время, но несомненно, что эта задача вполне по плечу обществу будущего с его изобилием материальных и духовных благ и высоким уровнем сознательности граждан. А если все же найдется какое-то число людей с неоправданно высокими претензиями, они все равно не смогут дезорганизовать коммунистическую систему распределения. Людям с непомерными аппетитами, писал Энгельс, общество может выдать... двойную порцию[8]. Но в коммунистическом обществе это только поставит их в смешное положение перед общественным мнением. После этого навряд ли найдутся охотники повторить такой опыт.

Создать привычку к коммунистическим формам потребления будет тем легче, что она не потребует от людей какого-то искусственного самоограничения или аскетизма, сурового образа жизни. Проповедь аскетизма вообще чужда научному коммунизму, который видит цель общественного

производства именно в полном удовлетворении материальных и духовных запросов всех членов общества. Да и само коммунистическое общество с первых шагов своей истории будет достаточно богато, чтобы не только щедро обеспечить все нужды граждан в пище, одежде, крове и других предметах первой необходимости, но и предоставить в их распоряжение все, что надо развитому и культурному человеку для полнокровной и счастливой жизни.

При коммунизме, безусловно, вырастет сама культура потребления, разовьются и станут более тонкими и безошибочными вкусы людей. Коммунистические общественные отношения воспитают такого человека, которому будут органически чужды извращенные вкусы и потребности, характерные для прошлых эпох, когда вещи, уровень потребления служили одним из главных показателей положения человека в обществе. Вместо роскоши главными критериями ценности вещей станут удобство и подлинная красота; люди перестанут видеть в вещах предмет тщеславия и мерило жизненного успеха, перестанут жить ради приобретения вещей, вернув им тем самым их подлинное назначение — облегчать и украшать быт человека.

Можно предполагать, что в этом же направлении будут действовать и закономерности массового производства, каким будет производство всех основных товаров при коммунизме. Конечно, со временем коммунистическое общество станет настолько богатым, что будет в состоянии удовлетворять самые высокие запросы людей. Но оно будет и настолько разумным, что не захочет впустую растрачивать человеческий труд и общественное достояние. И тому и другому всегда найдется более разумное и достойное применение. Речь, конечно, пойдет не о снижении эстетических требований, а о рождении новых, более высоких эстетических критериев, отвечающих всему образу и строю новой жизни.

Из всего сказанного видно, что осуществление коммунистического принципа «каждому по потребностям» будет величайшим завоеванием человечества. Нет смысла гадать, какими конкретно станут эти потребности; ясно одно — они будут гораздо более высокими и разносторонними, чем сейчас. Человеческие потребности не есть что-то застывшее и неизменное, они все время развиваются и растут. При коммунизме этот процесс пойдет особенно быстро. Потому-то коммунистический строй и ставит своей задачей удовлетворение *непрерывно растущих потребностей* всех членов общества.

4. Свободный человек в свободном обществе

Коммунизм — самый справедливый общественный строй, который полностью осуществит принципы равенства и свободы, обеспечит расцвет человеческой личности и превратит общество в слаженную ассоциацию, содружество людей труда.

Равенство и свобода

Равенство и свобода всегда были мечтой передовой части человечества. Под этим знаменем развертывались многие общественные движения прошлого, в том числе буржуазные революции 18—19 вв. Но в обществе, основанном на частной собственности на средства производства, расколотом на классы эксплуатируемых и эксплуататоров, угнетенных и угнетателей, эта мечта оставалась несбыточной.

Только тогда, когда средства производства переходят в общественную собственность, а эксплуатация человека человеком делается невозможной, открывается путь к фактическому, а не просто формальному равенству людей, к их действительному освобождению.

Это историческое дело доводит до конца коммунизм. Один из его главных социальных принципов — *всеобщее фактическое равенство людей.*

Равенство достигается прежде всего тем, что коммунизм — это бесклассовое общество, в котором ликвидируются последние остатки социальных различий и связанного с ними неравенства, еще сохраняющиеся при социализме, в том числе различий между городом и деревней, между людьми физического и людьми умственного труда.

Исчезновение этих различий ни в коем случае не означает нивелировки индивидуальностей, унификации человеческих способностей и характеров. Коммунизм не казарма, населенная безликими фигурами. Такую карикатуру на общество будущего могут рисовать лишь неисправимые вульгаризаторы или заведомые клеветники. В действительности это общество открывает безграничный, никогда в прошлом не существовавший простор для расцвета человеческой индивидуальности во всем ее бесконечном многообразии.

Коммунистическое равенство предполагает ликвидацию не всяких различий между людьми, а лишь таких различий и таких условий, которые порождали бы разницу в социальном положении людей. Независимо от происхождения и положения человека, независимо от его вклада в общественное производство он получит при коммунизме равную со всеми другими возможность для участия в решении общих дел, для саморазвития и пользования всеми благами жизни. Одна из особенностей коммунизма как раз в том и состоит, что он обеспечивает ту высшую степень равенства, при которой,

как говорил Маркс, даже *«различие* в деятельности, труде, не влечёт за собой никакого *неравенства,* никакой *привилегии* в смысле владения и потребления»[9]. В этом великое социальное значение той формы распределения материальных и духовных благ, которую вводит коммунистический строй.

Вместе с тем коммунизм несет и окончательное торжество *человеческой свободы.* Уже в первой, социалистической фазе развития нового общества люди получают главную из всех свобод — свободу от необходимости работать на эксплуататоров. Власть трудящихся при социализме придает истинный смысл демократии, т. е. принципу народовластия. Коммунизм идет дальше, впервые создавая условия, при которых вообще отпадает необходимость в принуждении.

Почему это становится возможным при коммунизме, хотя в прошлой истории никакое общество не могло и мечтать об отказе от принуждения? Дело в том, что на протяжении тысячелетий господствовали социальные условия, делавшие неизбежными непримиримые противоречия, столкновение интересов отдельных людей и целых классов. Этот раскол общества и породил принуждение, вызвав к жизни специальный аппарат классового насилия, а также систему правовых норм, навязываемых людям силой, сосредоточенной в руках господствующих классов.

Подобный раскол общества устраняется уже с победой социализма. Коммунизм, преобразуя производство, распределение и труд, вместе с тем обеспечивает полное слияние социально-экономических интересов всех членов общества. В результате исчезает почва для каких бы то ни было мер принуждения. Отношения господства и подчинения окончательно заменяются свободным сотрудничеством. Отпадает необходимость в государстве. Отмирает нужда в правовой регламентации. Для культурных, идейных, высокоморальных людей, какими станут люди при коммунизме, соблюдение правил человеческого общежития делается привычкой, второй натурой. В этих условиях, писал Энгельс, «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами»[10].

Исчезновение из общественной жизни всякого принуждения преобразит не только социальные условия будущего общества, но и самого человека, который будет во всем свободно следовать своим убеждениям и сознанию своего морального долга.

Расцвет личности

Высшая цель коммунизма состоит в том, чтобы обеспечить *полную свободу развития человеческой личности,* создать условия для безграничного развития личности, для физического и духовного совершенствования человека. В этом марксизм и видит подлинную свободу в самом высоком смысле этого слова.

Всеобщий достаток, совершенная система народной гигиены и здравоохранения и разумный образ жизни в коммунистическом обществе обеспечат здоровье, долголетие, физическое совершенство человека. Свойственная коммунизму форма распределения навсегда освободит людей от забот о хлебе насущном. Свободный, творческий труд будет не подавлять, а, напротив, развивать разносторонние способности, заложенные в человеке.

Намного вырастет досуг, свободное время людей. Известно, какое огромное значение придавал этому Маркс, говоривший, что при коммунизме богатство общества будет измеряться размерами не рабочего времени, а свободного времени его членов. Ведь досуг — это не только время для отдыха, восстановления сил человека, но и, говоря словами Маркса, пространство для развития его личности.

Культурные, разносторонне развитые люди нового общества безусловно найдут разумные и достойные способы заполнить это «пространство». Ученье станет такой же непременной чертой образа жизни каждого человека, как труд, отдых, сон. Неизмеримо вырастет потребление всех видов культурных благ. Общество, становясь богаче, сможет выделять на их производство все больше средств и труда.

Развитию и совершенствованию личности будет в огромной степени способствовать и то обстоятельство, что коммунистическое общество обеспечит безграничную возможность для приложения всех способностей человека, а любой талант, как известно, расцветает, оттачивается, достигает совершенства только тогда, когда им пользуются.

С созданием этих предпосылок развернется во всю свою силу человеческий разум. Огромных высот достигнет и культура характеров и чувств людей. Новые условия жизни в полной мере разовьют новые моральные побуждения: солидарность, взаимное доброжелательство, чувство глубочайшей общности с другими людьми — членами единой человеческой семьи. Все это откроет перед человечеством безграничные возможности наслаждаться жизнью, полной мерой черпать ее радости.

Вместе с тем расцвет личности послужит могучим фактором дальнейшего быстрого прогресса коммунистического общества. Ведь ум, таланты, способности людей — это величайшее из всех богатств, которыми располагает всякое общество. Но в прошлом, в силу социальных условий, это богатство использовалось лишь в минимальной мере. Какие же безграничные перспективы откроются, когда получат полное развитие способности и таланты каждого человека и когда они будут использоваться плодотворно, а не растрачиваться впустую!

Организованное содружество всесторонне развитых людей

Свобода, которую даст человеку коммунизм, не будет означать распада общества на отдельные общины и тем более на индивидов, не признающих никаких общественных связей.

Подобное представление о свободе свойственно только последователям анархизма и мелкобуржуазного индивидуализма. Для них свобода — в разрыве всяких общественных уз и ликвидации всякой общественной организации. Но такая «свобода» не может принести пользы людям.

Для того чтобы общественное производство нормально функционировало и развивалось, чтобы расцветали культура и цивилизация, обеспечивая всем людям благосостояние, свободную и счастливую жизнь, обществу нужна какая-то форма организации. Поэтому на смену государственности приходит не царство всеобщей анархии, а система *общественного самоуправления.*

Нет смысла гадать, какие конкретные формы примет эта система, но о некоторых ее общих чертах можно судить со значительной долей достоверности.

Общественное самоуправление при коммунизме — это организационная система, охватывающая *все население,* которое с ее помощью само будет осуществлять *непосредственное управление своими делами.* Для создания такой системы потребуются новые формы организации — такие формы, которые позволяют правильно и своевременно выявлять общую волю и эффективно проводить ее в жизнь, сплачивая многие миллионы людей на решение задач, встающих перед обществом.

Коммунистическое общественное самоуправление будет представлять собой прежде всего разветвленную систему массовых организаций и коллективов. Только так можно обеспечить постоянное участие в управлении всех членов общества, мобилизовать их энергию, опыт, творческую инициативу.

Соответственно изменятся также методы управления общественными делами. В области экономики — в главной сфере общественного самоуправления — это будут методы научного планирования, организации добровольных связей и сотрудничества между производственными коллективами и хозяйственными зонами. При решении других дел будут использоваться методы общественного воздействия, влияние общественного мнения. Оно станет при коммунизме могучей силой, достаточной, чтобы урезонивать тех индивидов, которые не захотели бы следовать коммунистическим обычаям и правилам общежития.

Принципиально новой будет и та атмосфера, в которой развернется деятельность общественного самоуправления. Оно предполагает не только полную гласность и информиро-

ванность о делах общества, но и очень высокую гражданскую активность людей, их глубокую заинтересованность в этих делах. По всей вероятности, публичное обсуждение общественных дел не обойдется без споров. Но это не послужит препятствием для дела, а, напротив, поможет находить наиболее правильные решения. Неразрешимые противоречия, как показал опыт, возникают на почве непримиримых интересов и невежества. Эти причины при коммунизме будут исключены; останутся, следовательно, лишь различия в опыте, в степени осведомленности, в подходе к отдельным вопросам. Однако такие расхождения в условиях глубокой общности интересов, целей и мировоззрения нетрудно будет разрешать.

Все эти особенности коммунистического общественного самоуправления полностью отвечают характеру отношений между людьми в будущем обществе, отношений сотрудничества, братства и содружества. Коммунистический человек не эгоист, не индивидуалист, его будет отличать сознательный коллективизм, глубокая забота об общем благе. Основа основ морали этого человека — преданность коллективу, готовность и умение свято блюсти общественные интересы. Такие качества свободных и равных граждан нового общества и сделают коммунизм высокоорганизованным и слаженным сообществом людей — подлинных мастеров творческого коммунистического труда.

5. Мир и дружба, сотрудничество и сближение народов

Коммунизм — это новые взаимоотношения между народами.

Они сложатся в результате дальнейшего развития принципов социалистического интернационализма, которые сегодня составляют основу отношений между странами мировой системы социализма.

Уже победа социалистической революции ликвидирует социально-экономические причины, порождавшие войны между государствами, делает мир и дружбу основой отношений между народами, строящими новое общество. Коммунизм еще больше упрочивает эти отношения, что вытекает из самой сущности коммунистического строя. «...В противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием,— пророчески писал о коммунизме К. Маркс,— нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин — *труд*!» [11]

Мы видим, что и сегодня во взаимоотношениях социалистических стран господствует принцип равноправия наций, независимо от их численности и уровня экономического и

культурного развития. Победа коммунизма поднимет этот принцип на новую, высшую ступень, обеспечивая *фактическое равенство* стран, где утвердился новый строй. Уже при переходе к коммунизму все они подтянутся до уровня передовых и более или менее одновременно вступят в коммунистическую эру.

Создание мировой социалистической системы принесло с собой тесное сотрудничество и взаимопомощь освободившихся народов. Коммунизм означает дальнейшее укрепление и расцвет этого сотрудничества. Он открывает путь невиданному сближению экономики и культуры всех народов в целях наиболее быстрого и успешного их развития.

Все эти изменения — неотъемлемая часть коммунистического преобразования общества, результатом которого будет исчезновение всех следов разобщенности и изолированности в отношениях между народами.

Конечно, нации, а следовательно и национальные культуры и языки, будут существовать еще очень долго и после победы коммунизма. Но жизнь и общение различных народов освободятся от всего, что дает хоть малейший повод для вражды и распрей, обособленности и отчужденности, национального эгоизма и ограниченности.

Какой колоссальный выигрыш получит от всего этого человечество! Одна лишь ликвидация такой расточительной, дикой и кровавой формы международного «общения», как война, даже при нынешнем уровне развития экономики создала бы возможность для решения гигантских по своим масштабам задач. Подсчитано, например, что только на те средства, которые поглотила вторая мировая война, можно было бы выстроить по пятикомнатному дому для каждой живущей на земном шаре семьи, а также по больнице в каждом городе с населением свыше 5 тыс. человек и содержать все эти больницы в течение 10 лет. Таким образом, средств, затраченных на одну мировую войну, хватило бы для того, чтобы самым радикальным образом разрешить проблему жилищ и проблему здравоохранения, которые сегодня так остро стоят перед большей частью человечества.

А какие ценности можно создать, обратив на созидательные цели средства, расходуемые на гонку вооружений, силы десятков миллионов людей, занятых в армиях и военной промышленности!

Огромную пользу даст народам также экономическое сближение коммунистических стран, развитие их хозяйства в направлении мировой коммунистической системы. Широкое кооперирование и специализация откроют новые возможности экономии человеческого труда и увеличения выпуска всех видов продукции. На этой основе темпы хозяйственного развития невиданно ускорятся.

Безграничные возможности открываются при коммунизме и для культурного подъема человечества. Культуры разных народов, национальные по форме, будут все больше проникаться единым коммунистическим содержанием. Их сближение на такой основе даст могучий стимул взаимному обогащению и развитию национальных культур, а в перспективе приведет к складыванию единой, глубоко интернациональной, подлинно общечеловеческой культуры. Сильно ускорятся темпы развития науки, ибо станет возможным координировать ее усилия в международном, а затем и всемирном масштабе. Небывалого размаха достигнет общение людей разных стран и национальностей; они будут лучше знать друг друга, будут друг у друга учиться, все больше и больше ощущая себя членами одной общечеловеческой семьи.

Можно сказать, что коммунизм придаст новый, высокий смысл самому понятию «человечество», превратив род людской, на протяжении тысяч лет раздиравшийся распрями, раздорами, конфликтами и войнами, в единое всемирное содружество.

6. Дальнейшие перспективы коммунизма

Выше речь шла преимущественно о ближайших перспективах коммунизма, о том, что ждет первые поколения людей, на долю которых выпадет счастье жить в этом обществе. Даже знакомство с его общими контурами показывает, что коммунистический строй с первых своих шагов осуществляет самые заветные чаяния человечества, его мечты о всеобщем достатке и изобилии, о свободе и равенстве, о мире, братстве и сотрудничестве людей.

Это вполне закономерно, так как идеал коммунизма своими корнями уходит глубоко в историю, в самую толщу жизни миллионных масс трудящихся. Мечты об этом идеале можно найти уже в сложенных на заре цивилизации народных сказаниях о «золотом веке». Многие требования, коммунистические по своему существу, выдвигали освободительные движения трудящихся масс времен античности и средневековья. А на рубеже двух эпох — феодальной и капиталистической — выдающиеся мыслители того времени, социалисты-утописты, положили коммунистический идеал в основу своего учения о совершенном обществе. Правда, эти мыслители не смогли проникнуть в тайну законов общественного развития, научно обосновать реальную возможность и историческую необходимость коммунизма. Только марксизм превратил коммунизм из утопии в науку, а слияние научного коммунизма с растущим рабочим движением создало ту неодолимую силу, которая движет общество на следующую ступень общественного прогресса — от капитализма к коммунизму.

Слившись с рабочим движением, коммунизм не утратил своего великого общечеловеческого содержания. Глубоко прав был Энгельс, указывавший, что коммунизм «является делом не одних только рабочих, а всего человечества»[12]. Победа коммунизма будет осуществленной мечтой всего трудящегося человечества.

Ведь коммунистический строй означает торжество человечности, полную победу *реального гуманизма,* как говорил Маркс.

Реальность коммунистического гуманизма состоит не только в том, что создание интересной, счастливой и радостной жизни для всех людей становится могучим, всепобеждающим движущим мотивом человеческой деятельности. Решающее значение имеет то, что при коммунизме общество получит наконец полную возможность добиться осуществления такой цели. Могучая производственная база, возросшая власть над силами природы, справедливые и разумные общественные порядки, сознательность и высокие нравственные качества людей — все это позволяет претворить в жизнь самые светлые мечты о совершенном обществе.

Именно с победой коммунизма начинается подлинная история человечества в самом высоком смысле этого слова. Человек тем принципиально отличается от всех живых существ, что разум и труд избавляют его от необходимости пассивно приспосабливаться к окружающим условиям, дают ему силу переделывать эти условия в соответствии с интересами и потребностями человечества. И хотя человечество существует уже многие тысячи лет, только с коммунизмом наступает эра его полной зрелости, конец длительной предыстории, когда жизнь каждого человека в отдельности и всего общества в целом формировалась под влиянием чуждых, не поддающихся его власти сил — природных и общественных. С победой коммунизма люди получают возможность не только в избытке производить все необходимое им для жизни, но и освободить общество от всех проявлений бесчеловечности: от войн, жестокой борьбы внутри общества и несправедливости, от бескультурья, невежества и темноты, от преступлений и дурных стремлений. Из отношений между людьми и между народами окончательно исчезнут насилие и корыстолюбие, лицемерие и эгоизм, вероломство и тщеславие.

Так коммунисты мыслят себе торжество подлинного реального гуманизма, который восторжествует в грядущем коммунистическом обществе.

Но и поднявшись на эту вершину, люди не остановятся, не успокоятся, не впадут в пассивную созерцательность. Наоборот, их энергия удесятерится. На месте решенных задач появятся новые, на смену достигнутым целям будут выдвинуты

другие, еще более заманчивые. Колеса истории будут катиться вперед.

В этом, если вдуматься,— величайшее счастье человечества, залог того, что оно никогда не лишится высшего удовлетворения и радости, которые дают творческий труд, активная деятельность, смелое преодоление препятствий.

Характерная черта коммунистического общества как раз и состоит в исключительно быстром, практически беспредельном развитии. И после его победы жизнь будет ставить перед людьми все новые проблемы, решение которых потребует творческих усилий от каждого нового поколения.

Прежде всего, ясно, что никогда не остановится развитие общественного производства. Какие факторы будут стимулировать его непрерывный прогресс? Постоянный рост потребностей людей коммунистического общества, причем рост очень быстрый. Далее, рост народонаселения, который, естественно, вызывает увеличение производства как материальных, так и культурных благ. В этом же направлении будет действовать и общественная потребность в дальнейшем сокращении рабочего времени трудящихся, в увеличении их досуга.

Нетрудно предвидеть и то, что само развитие производства потребует решения множества сложнейших вопросов, связанных с совершенствованием его организации, с подготовкой кадров умелых работников, с изобретением и внедрением в практику всевозможных технических новинок.

Перед наукой, которая займет выдающееся место в коммунистическом обществе, будут возникать все новые проблемы. Уже сегодня видно, что их объем поистине грандиозен. Известный советский ученый академик В. А. Обручев, размышляя о том, чего люди вправе ожидать от науки, писал:

«Требуется:

продлить жизнь человека в среднем до 150—200 лет, уничтожить заразные болезни, свести к минимуму незаразные, победить старость и усталость, научиться возвращать жизнь при несвоевременной, случайной смерти;

поставить на службу человеку все силы природы, энергию Солнца, ветра, подземное тепло, применить атомную энергию в промышленности, транспорте, строительстве, научиться запасать энергию впрок и доставлять ее в любое место без проводов;

предсказывать и обезвредить окончательно стихийные бедствия: наводнения, ураганы, вулканические извержения, землетрясения;

изготовлять на заводах все известные на Земле вещества, вплоть до самых сложных — белков, а также и неизвестные в природе: тверже алмаза, жароупорнее огнеупорного кирпича, более тугоплавкие, чем вольфрам и осмий, более гибкие, чем шелк, более упругие, чем резина;

вывести новые породы животных и растений, быстрее растущие, дающие больше мяса, молока, шерсти, зерна, фруктов, волокон, древесины для нужд народного хозяйства;

потеснить, приспособить для жизни, освоить неудобные районы, болота, горы, пустыни, тайгу, тундру, а может быть, и морское дно;

научиться управлять погодой, регулировать ветер и тепло, как сейчас регулируются реки, передвигать облака, по усмотрению распоряжаться дождями и ясной погодой, снегом и жарой»[13].

Разумеется, даже справившись с этими величественными задачами, наука не дойдет до предела своих возможностей. Нет и не может быть предела для пытливого человеческого ума, для стремления людей поставить себе на службу силы природы, овладеть всеми ее тайнами.

Никогда не прекратится и деятельность людей, направленная на совершенствование устройства того общества, в котором они живут,— форм общественного самоуправления, образа жизни людей, норм человеческого общежития и общения.

А какое неисчерпаемое поле деятельности открывается перед коммунистическим обществом на пути развития способностей, расцвета личности всех его членов, на пути физического и духовного совершенствования самих людей!

Движение к сияющим высотам коммунистической цивилизации всегда будет рождать в людях необычайную силу воли и ума, творческий порыв, мужество, животворную энергию.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДВ

Вводное слово

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXV, 1936, стр. 475.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

К главе 1

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 57.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 247.
[3] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 42.
[4] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 56—57.
[5] *И. П. Павлов*, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, М.—Л., 1951, стр. 409, 410.
[6] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 231.
[7] *Гегель*, Соч., т. I, М.—Л., 1929, стр. 270.
[8] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 214.
[9] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 214.
[10] *В. Гейзенберг*, Философские проблемы атомной физики, ИЛ., М., 1953, стр. 49.
[11] *James Jeans*, Physics and Philosophy, 1948, p. 216.
[12] *Pascual Jordan*, Physics of the 20[the] Century, N. 1, 1944, p. 160.
[13] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 343.
[14] *A. Toynbee*, Civilisation on Trial, London, 1948, p. 94.
[15] *John E. Russel*, Science and Modern Life, London, 1955, p. 101.
[16] *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, стр. 77.
[17] Цит. по кн.: *П. Лаберенн*, Происхождение миров, Гостехиздат, М., 1957, стр. 250.
[18] *Б. Данэм*, Гигант в цепях, ИЛ., М., 1958, стр. 12, 21, 201.
[19] См. *Янагида Кэндзюро*, Эволюция моего мировоззрения, Госполитиздат, М., 1957, стр. 161.
[20] *В. И. Ленин*, Соч., т. 14, стр. 299.

К главе 2

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. 1, 1955, стр. 20.
[2] *Л. Витгенштейн*, Логико-философский трактат, М., 1958, стр. 64
[3] *Ф. Энгельс*, Диалектика природы, 1955, стр. 182.

4 *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 150.
5 *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 143.
6 *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 358.
7 *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 357.
8 *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 327.
9 *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 358.
10 *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 358.
11 «Ленинский сборник» XI, М.—Л., 1931, стр. 357.
12 *Н. С. Хрущев,* Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. *Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года,* Госполитиздат, М., 1959, стр. 33—34.
13 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, 1955, стр. 297.
14 *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 133.
15 *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 262.
16 *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 218—219.
17 *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 127—128.
18 *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 38.
19 *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 360.
20 «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года», Госполитиздат, М., 1957, стр. 15.

К главе 3

1 *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 130.
2 *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 204.
3 *Н. С. Хрущев,* К победе в мирном соревновании с капитализмом, Госполитиздат, М., 1959, стр. 339.
4 См. *Ф. Энгельс,* Развитие социализма от утопии к науке, Госполитиздат, 1953, стр. 12; *его же,* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Госполитиздат, М., 1955, стр. 18.
5 *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 110.
6 *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 161.
7 *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 166.
8 *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 106.
9 *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 120.
10 *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 161.
11 *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 81.
12 *В. И. Ленин,* Соч., т. 38, стр. 186.
13 *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 124.
14 *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 120.
15 *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 122.
16 *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 191.
17 *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 449.
18 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 3, 1955, стр. 3.
19 *У. Джемс,* Вселенная с плюралистической точки зрения, М., 1911, стр. 170.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

К главе 4

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 157.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 9, 1957, стр. 136.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, стр. 5.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 240.
[5] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, 1953, стр. 599.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, М., 1955, стр. 322.
[7] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, стр. 21—22.
[8] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, стр. 182.
[9] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, стр. 314.
[10] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. I, 1937, стр. 304.

К главе 5

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 388.
[2] См. *И. В. Сталин,* Соч., т. 2, стр. 296.
[3] См. *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 170.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, 1955, стр 424.
[5] *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1955, стр. 766.
[6] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, 1955, стр. 434.
[7] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 358—359.
[8] *В. И. Ленин* Соч., т. 17, стр. 368.
[9] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 195.
[10] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 96.
[11] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 383.
[12] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, стр. 97—98.

К главе 6

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, 1935, стр. 592.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 9, стр. 93.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 345.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, М , 1955, стр. 373.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 470—471.
[6] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 491.
[7] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, стр. 136.
[8] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 364.

К главе 7

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 267.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 308.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 12, 1958, стр. 4
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 9, 1957, стр. 230.

[5] *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, стр. 443.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 358.
[7] *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, стр. 349.
[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 1, 1955, стр. 415.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, стр. 40—41.
[2] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1955, стр. 13.
[3] *К. Маркс*, Капитал, т. 1, 1955, стр. 13.

К главе 8

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. 1, 1955, стр. 764.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 38, стр. 358.
[3] *К. Маркс*, Капитал, т. 1, 1955, стр. 45.
[4] *К. Маркс*, Капитал, т. 1, 1955, стр. 53.
[5] *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, 1957, стр. 192—193.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 20.
[7] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1935, стр. 407.
[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, М., 1955, стр. 406.
[9] *К. Маркс*, Капитал, т. III, 1955, стр. 206.
[10] *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, стр. 74.
[11] *В. И. Ленин*, Соч., т. 21, стр. 47—48.
[12] *К. Маркс*, Капитал, т. II, 1955, стр. 182.
[13] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1955, стр. 650.
[14] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 81.
[15] *К. Маркс*, Капитал, т. 1, 1955, стр. 766.

К главе 9

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, стр. 94.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 253.
[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, стр. 375.
[4] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 253.
[5] *В. И. Ленин*, Соч., т. 26, стр. 367.
[6] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 198.
[7] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 214.
[8] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 213.
[9] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 228.
[10] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 233.
[11] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 94—95.
[12] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 247.
[13] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 179.
[14] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 262—263; т. 23, стр. 95.
[15] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 263.
[16] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 276.

[17] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 286.
[18] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 105.
[19] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 96.
[20] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 288—289.
[21] *В. И. Ленин,* Соч., т. 28, стр. 99—100.

К главе 10

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 382.
[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1935, стр. 29.
[3] *Х. Люмер,* Военная экономика и кризис, М., 1955, стр. 63.
[4] *Н. С. Хрущев,* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, М., 1959, стр. 73.
[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. 15, стр. 21.
[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 333.
[7] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 143.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗДЕЛ

К главе 11

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, 1955, стр. 430, 436.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, 1955, стр. 434.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, 1955, стр. 435.
[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 544.
[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, стр. 201—202.
[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 68.

К главе 12

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 283.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 311.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 190.
[4] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 527.
[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 113.
[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 278.
[7] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, стр. 280.
[8] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 337.
[9] *Альберт Рис Вильямс,* Народные массы в русской революции, М., 1924, стр. 93, 95, 95—96.
[10] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 208.
[11] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 438.
[12] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 292.
[13] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 423.
[14] *Мао Цзэ-дун,* О диктатуре народной демократии, Госполитиздат, 1949, стр. 5—6.
[15] *В. И. Ленин,* Соч., т. 30, стр. 140.
[16] *Д. Неру,* Открытие Индии, М., 1955, стр. 24.

[17] *Сукарно*, Влияние Октябрьской революции на пробуждение народов Азии, Журнал «Новое время» № 43, 18 октября 1956 г., стр. 5.

[18] *Н. С. Хрущев*, Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года, Госполитиздат, М., 1959, стр. 5—6.

[19] *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 32—33.

[20] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 5.

[21] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, стр. 337.

К главе 13

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, стр. 367—368.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 32, стр. 222.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, стр. 376.

[4] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 8.

[5] *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, стр. 446.

[6] *В. И. Ленин*, Соч., т. 10, стр. 29.

[7] «Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (б). Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.», Партиздат, М., 1933, стр. 585.

[8] *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, стр. 361.

[9] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 213.

[10] *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, стр. 396.

[11] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, стр. 60.

[12] *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, стр. 368.

[13] *В. И. Ленин*, Соч., т. 8, стр. 420.

[14] *В. И. Ленин*, Соч., т. 15, стр. 325.

[15] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 78.

[16] *В. И. Ленин*, Соч., т. 21, стр. 58.

[17] *В. И. Ленин*, Соч., т. 9, стр. 81.

[18] *В. И. Ленин*, Соч., т. 9, стр. 81.

[19] *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, стр. 457.

[20] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 11.

[21] *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, стр. 244.

[22] *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 271.

[23] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, стр. 298.

[24] «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года», Госполитиздат, М., 1958, стр. 16—17.

[25] *В. И. Ленин*, Соч., т. 16, стр. 84.

[26] «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года», Госполитиздат, М., 1958, стр. 16.

[27] Там же, стр. 21—22.

К главе 14

[1] *Н. С. Хрущев*, Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии 14 февраля 1956 года, Госполитиздат, М., 1956, стр. 22.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 497.

[3] *Н. С. Хрущев*, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, М., 1959, стр. 99.

[4] См. «Вопросы истории», № 4, 1958, стр. 51.

[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 297.

[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 52.

К главе 15

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, М., 1955, стр. 181.

К главе 16

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 371—372 и см. там же, стр. 373.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 273.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 36, стр. 556.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 140.

[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, стр. 384.

[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 145.

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, М., 1955, стр. 314, 315.

[8] *Мао Цзэ-дун,* Избранные произведения, т. 3, М., 1953, стр. 174.

[9] «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14—25 февраля 1956 года». Стенографический отчет, т. II, Госполитиздат, М., 1956, стр 411.

[10] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, стр. 372.

[11] *Н. С. Хрущев,* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, М. 1959, стр. 89—90.

[12] *Н. С. Хрущев,* Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии 14 февраля 1956 года, Госполитиздат, М., 1956, стр. 25.

К главе 17

[1] *В И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 377.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. I, 1937, стр. 453.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, М., 1958, стр. 27.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 132.

[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. 15, стр. 171—172.

[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 35, стр. 200.

[7] *В. И. Ленин,* Соч., т. 30, стр. 420.

К главе 18

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 13.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 443.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 193.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 13.

[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 133.

[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 31.

[7] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 31.

[8] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, стр. 57.

[9] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 194.

[10] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, стр. 56.

[11] *Н. С. Хрущев,* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, М., 1959, стр. 99.

К главе 19

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, стр. 77.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, М., 1955, стр. 342—343.

[3] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 8, стр. 529.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 271.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, М., 1955, стр. 343.

[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 32, стр. 252.

[7] «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года», Госполитиздат, М., 1958, стр. 11.

[8] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января — 5 февраля 1959 года». Стенографический отчет, т. II, Госполитиздат, М., 1959, стр. 448.

[9] «Ответы Н. С. Хрущева на вопросы редактора австралийской газеты «Геральд» Джона Уотерса», «Правда», 25 июня 1958 г.

[10] *Н. С. Хрущев,* За прочный мир и мирное сосуществование, Госполитиздат, М., 1958, стр. 96.

К главе 20

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 340.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 340.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 75.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 76.

[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 77.

[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 73.

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, 1955, стр. 459.

[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 86.

[9] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, стр. 426.

[10] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 292.

[11] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 189—190.

[12] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 73.

[13] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 254.

[14] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, стр. 382.

[15] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 152.

[16] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 28, стр. 232—233.

[17] *В. И. Ленин,* Соч., т. 30, стр. 10.

[18] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, стр. 310.

[19] «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14—25 февраля 1956 года». Стенографический отчет, т. II, Госполитиздат, М., 1956, стр. 415—416.

[20] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 72.

ПЯТЫЙ РАЗДЕЛ

К главе 21

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 387.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 28, стр. 233.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 350.
[4] *Г. Уэллс,* Россия во мгле, Госполитиздат, М., 1958, стр. 19—20.
[5] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 27.
[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 325.
[7] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 358.
[8] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 384.
[9] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 32.
[10] *В. И. Ленин,* Соч., т. 28, стр. 215.
[11] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 384.
[12] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 350—351.
[13] *В. И. Ленин,* Соч., т. 28, стр. 442.
[14] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, стр. 180—181.
[15] *В. И. Ленин,* Соч., т. 32, стр. 406, 407.
[16] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 166—167.
[17] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 27.
[18] *В. И. Ленин,* Соч., т. 32, стр. 79.
[19] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 199.
[20] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 58.
[21] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 235—236.
[22] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 439.

К главе 22

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, 1955, стр. 446.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 32, стр. 137.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 32, стр. 300.
[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 151—152.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 414—415.
[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 431.
[7] *В. И. Ленин,* Соч., т. 32, стр. 434.
[8] *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 39.
[9] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, стр. 48.

К главе 23

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, стр. 68.
[2] «Ленинский сборник» XI, М.—Л., 1931, стр. 382.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, стр. 430.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 208.
[5] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 269.
[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 444.
[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 1, 1955, стр. 553.

[8] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости, т. III, 1936, стр. 198.

[9] *К. Маркс,* Капитал, т. III, 1955, стр. 865.

[10] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 379—380.

[11] *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1955, стр. 46.

[12] См. *К. Маркс,* Капитал, т. III, 1955, стр. 271.

К главе 24

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 132.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 135—136.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 36, стр. 556.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 52.

[5] «Правда», 10 апреля 1958 г.

[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 169.

[7] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, стр. 376.

[8] *Н. С. Хрущев,* За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа, Госполитиздат, М., 1957, стр. 24—25.

[9] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, М., 1956, стр. 618.

[10] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 2, 1955, стр. 145—146.

[11] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 367.

[12] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 278.

[13] «Советская культура», 7 ноября 1954 г.

К главе 25

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 72.

[2] *Н. С. Хрущев,* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, М., 1959, стр. 106.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 125.

[4] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января — 5 февраля 1959 года». Стенографический отчет, т. II, Госполитиздат, М., 1959, стр. 537.

К главе 26

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 30, стр. 260.

[2] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января — 5 февраля 1959 года». Стенографический отчет, т. II, Госполитиздат, М., 1959, стр. 429.

[3] «Материалы июньского Пленума ЦК КПСС», Госполитиздат, М., 1959, стр. 4.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 33, стр. 169.

[5] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 396.

[6] *В. И. Ленин,* Соч., т. 30, стр. 25.

[7] *Н. С. Хрущев,* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Госполитиздат, М., 1959, стр. 52—53.

[8] «XIII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи 15—18 апреля 1958 года». Стенографический отчет, изд. «Молодая гвардия», 1959, стр. 278.

[9] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 440.

[10] *Н. С. Хрущев,* За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа, Госполитиздат, М., 1957, стр. 20.

[11] *В. И. Ленин,* Соч., т. 27, стр. 372.

[12] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 265.

[13] *Н. С. Хрущев,* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Госполитиздат, М., 1959, стр. 119.

[14] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 434.

[15] *В. И. Ленин,* Соч., т. 26, стр. 224.

[16] *Н. С. Хрущев,* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, М., 1959, стр. 112.

[17] Там же, стр. 126.

К главе 27

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 15.

[2] «XIII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи 15—18 апреля 1958 года». Стенографический отчет, изд. «Молодая гвардия», 1959, стр. 277.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 30, стр. 482.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 2, 1955, стр. 351.

[5] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 188.

[6] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, 1933, стр. 421.

[7] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 441.

[8] См. *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1957, стр. 325.

[9] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 3, 1955, стр 542.

[10] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр 141.

[11] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, М., 1955, стр. 449.

[12] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 2, 1955, стр. 516.

[13] «Наука и молодежь», изд. Академии наук СССР, М., 1958, стр. 63.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ КАПИТАЛИЗМА

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗДЕЛ

ТЕОРИЯ И ТАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПЯТЫЙ РАЗДЕЛ

УЧЕНИЕ О СОЦИАЛИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ

ОСНОВЫ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Учебиое пособие

Редакторы *Ф. Вейнберг* и *Г. Курбатова*

Техннческий редактор *Н. Трояновская*

*

Сдано в иабор 28 августа 1959 г. Подписаио в печать 12 сентября 1959 г. Формат 60 × 92 1/16. Физ. л. 48,5. Условн. печ. л. 48,5 Учетио-изд. л. 48,25. Тираж 300 000 (1—100 000) экз. А 05272. Заказ № 780. Цена 11 руб.

*

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

*

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Миннстерства культуры СССР. Москва, Красиопролетарская, 16.

